

Д 89

П 19

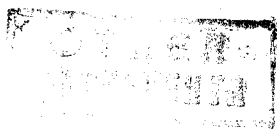

В. М. ПАСЕЦКИЙ

ЗВЕЗДНЫЕ МГНОВЕНИЯ АРКТИКИ

Д 82
19
В. М. ПАСЕЦКИЙ

ЗВЕЗДНЫЕ МГНОВЕНИЯ АРКТИКИ

97 9377

МАГАДАНСКАЯ
областная библиотека
им. А. С. Пушкина

С.-Петербург. «Судостроение». 1995

ББК 26.8г
П19
УДК 629.12(98)

Издание выпущено в счет дотации, выделенной Комитетом РФ по печати

Пасецкий В. М.
П19 Звездные мгновения Арктики. — СПб.: Судостроение, 1995,
464 с., ил.
ISBN 5-7355-0358-8

В книге раскрывается картина русских полярных исследований: от арктических походов древних новгородцев до плавания ледоколов «Таймыр» и «Вайгач» по Северному морскому пути. Рассказывается об отважных первопроходцах XVI—XVII веков, открывших новые земли от Урала до Камчатки и Америки. Подробно описана экспедиция Беринга к берегам Америки, представлены очерки об исследователях Новой Земли и Русского Севера.

Для широкой читательской аудитории.

П 3205000000-004
048(01)-95 Без объявл.

ББК 26.8г

Научное издание

Пасецкий Василий Михайлович

ЗВЕЗДНЫЕ МГНОВЕНИЯ АРКТИКИ

Редактор *Т. Н. Альбова*
Художник *Э. А. Бубович*
Художественный редактор *А. Н. Миронов*
Технический редактор *Т. Н. Павлюк, Р. К. Чистякова*
Корректоры *Т. С. Александрова, А. Г. Кувалкин, А. Г. Михайлюк*

ИБ № 1596

Сдано в набор 16.04.90. Подписано в печать 28.12.95. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Усл. кр.-отт. 29,5. Уч. изд. л. 32,48. Тираж 3000 экз. Изд. № 4459—89. Зак. № 21940.

Издательство «Судостроение». 191186, С.-Петербург, ул. Малая Морская, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЦКФ ВМФ.

ISBN 5-7355-0358-8

© В. М. Пасецкий, 1995
© А. Л. Яншин, предисловие, 1995
© Э. А. Бубович, оформление, 1995

Предисловие

Звездные мгновения Арктики — это тысячелетняя летопись великих открытий в полярных странах. В предлагаемой читателю книге мастерски соединено художественное повествование с глубоким научным анализом выдающихся событий и фактов многовековой истории познания Арктики.

Она написана одним из лучших мастеров научно-художественного жанра, доктором исторических наук Василием Михайловичем Пасецким. В его научном творчестве чудодейственным образом переплелись талант писателя и одаренность ученого. Ученого необычайно смелого. Он не боится идти на риск, опровергая выводы как великих, так и малых авторитетов, при этом ни малейшим образом не впадая в нигилизм. Напротив, красной нитью через все его многочисленные книги проходит стремление, не принося достижениям других стран, раскрыть великий вклад России в развитие мировой культуры. Делается это во имя истины. Только истине, только исторической правде служит ученый, обогащая новыми открытиями и русскую, и мировую науку.

Книги В. М. Пасецкого известны на всех континентах. Их успех закономерен. Они основаны на впервые вводимых в научный оборот обширных комплексах архивных материалов не только России, но и многих стран Европы. Для автора не составляет труда на базе строго научной статьи создать детективную новеллу или превратить увлекательный, захватывающий рассказ в научное исследование.

Как старого и доброго знакомого встречают его в самых разнообразных архивах и библиотеках страны. Ухватившись за то или иное упоминание о дорогих его сердцу героях, посвятивших жизнь раскрытию тайн Арктики, он годами ведет поиск и посте-

пенно перед ним раскрываются волнующие судьбы замечательных людей многих стран мира. В неустанном поиске рождаются находки и новые ценные данные входят в научный оборот. Например, на поиски подлинной итоговой карты путешествий Матвея Матвеевича Геденштрома было потрачено пять лет, но зато вместо одного документа В. М. Пасецкий нашел более тысячи, притом уникальных. Они оказались разбросанными по архивам Москвы, Ленинграда, Тарту. Много времени потребовалось на их расшифровку, но этот поиск позволил ученому показать, что в первой половине XIX века Россия не плелась в хвосте, а занимала первенствующее место в области исследований как в Арктике, так и в Антарктике и шла впереди всех стран земного шара в разработке глобальных географических проблем.

Излюбленный жанр В. М. Пасецкого — научно-биографический. Среди 200 биографий полярных исследователей жемчужинами чистейшей воды являются книги о Владимире Русанове, Виллеме Баренце, Соломоне Андре, Джордже де Лонге, Умберто Нобиле, Иване Федоровиче Крузенштерне, Фердинанде Петровиче Врангеле, Михаиле Францевиче Рейнеке, Витусе Беринге. Достоинно венчают эту серию три монографии «Нильс Адольф Эрик Норденшельд», «Фритъоф Нансен» и «Руал Амундсен». Первая часть скандинавского триптиха написана по желанию шведского правительства и шведской Академии наук.

Один из древних поэтов мудро заметил: «Каждый, кто в мире родится, свой подвиг исполнить обязан».

Василий Михайлович Пасецкий, как защитник Ленинграда, свой первый, но не единственный подвиг исполнил во время блокады, пять лет он вел дневник, преследовавший главную цель рассказать не о боях, а о духовной внутренней жизни русского солдата... Явление единственное в своем роде.

Не менее подвижническая деятельность ждала его после войны. Создание «Тысячелетней летописи необычайных явлений природы» расценено во всем мире, как выдающееся научное достижение. Но не менее значительным подвигом является создание такого исторического научно-художественного полотна, как «Звездные мгновения Арктики». Тем более, что обе летописи взаимосвязаны. Создавались они почти одновременно и, дополняя друг друга, заставляют по-новому взглянуть не только на глобальные процессы в жизни нашей планеты, но и на события и факты как русской, так и всеобщей истории.

Расшифровка древних летописей, изучение старинных документов и карт привели ученого к открытию не только новых имен, но и целых эпох, которые до сих пор не были замечены. Повторяю, основа повествования — это фундаментальная документальность. Листы летописи переносят читателя к началу нынешнего тысячелетия, когда древние новгородцы впервые вышли не только к берегам Белого моря и к горам полярного Урала, но и основали первые становища на прилегающих к нему

арктических островах. Затем следует увлекательный рассказ о том, как россияне отнеслись к открытию Нового Света, зафиксировав это событие в старинных летописях и посвятив ему научные трактаты.

Столь же динамично повествование об открытии Сибири и северо-западных берегов Америки. В центре его — подвиги землепроходцев и мореходов XVI — XVII веков, прошедших на свой страх и риск через океаны льда и вдохнувших жизнь в землю от Урала до Тихого океана. Много внимания уделено великим плаваньям Беринга, открывшего миру неведомые берега Американского континента и многие группы островов на севере Тихого океана. В 1991 году мир будет отмечать 250-летие этого выдающегося события.

Эти звездные мгновения дают импульс новым подвигам, совершенным в погоне за тайной века — открытием Северного прохода. В нем участвуют великие мореплаватели, ученые, государственные деятели. В лавровом венке имена Михаила Ломоносова, Гавриила Сарычева, Иосифа Биллингса, Ивана Крузенштерна, Николая Румянцева, Отто Коцебу, Логгина Хориса, Фердинанда Врангеля, Петра Анжу, Михаила Васильева, Глеба Шишмарева, Александра Кошеварова, Руфа Серебренникова, декабриста Владимира Романова. Основу повествования составляют сотни впервые обнаруженных писем, дневников, неопубликованных рукописей... Значительная часть из них воспроизводится по подлинникам, написанным на английском языке. Все они о подвигах, приключениях, открытиях, любви к близким, которую лишь многократно усиливали трудности и лишения, голод и одиночество.

Той же лиричностью и эмоциональной взволнованностью пронизаны поэтические очерки о целой плеяде очарованных Арктикой исследователей. Одни из них — Иван Иванов, Илья Бережных, Федор Литке, Карл Бэр, Александр Миддендорф, Александр Бунге, Эдуард Толль, Степан Макаров, Борис Вилькицкий — обогатили науку великими открытиями. Другие — Петр Пахтусов, Август Циволька, Владимир Русанов, Георгий Седов, Георгий Брусилов — заплатили ценой жизни, чтобы решить насущные проблемы полярных исследований. Но все они служили миру, науке, человечеству.

Звездные мгновения Арктики — это летопись великих подвигов, совершенных в Ледовитом океане, на севере Евразии и Америки многими поколениями первооткрывателей и первопроходцев России. Она читается как роман, к тому же иллюстрированный старинными гравюрами, летописными миниатюрами, рисунками и фотокопиями документов. Эта добрая, овеванная грустью книга зовет человека быть добрым сердцем, щедрым душой, готовым к подвижничеству, мужеству, терпению и жертвам во имя науки и человечности.

Академик А. Л. Яншин

Цветы музе Клио (От автора)

Незадолго до того, как была начата подготовка к изданию книги «Звездные мгновения Арктики», я отправился в Павловск, к двенадцати дорожкам, чтобы возложить цветы музе Клио — богине Истории.

Традиция эта была давно заведена в нашей семье. Цветы возлагались всякий раз, когда мы с женой Евгенией Клементьевной Пасецкой-Креминской приступали к созданию исторического повествования, а затем еще раз, когда книга выходила в свет. Но прошло уже более трех лет, как жена ушла из жизни, и Павловск теперь навещаю в одиночестве.

В этот раз настроение особенно приподнято, потому что приступаю к свершению давней мечты. Символично и то, что делаю это в преддверии 500-летия открытия Христофором Колумбом Америки и 250-летия открытия русскими людьми неведомых европейцам северо-западного побережья Америки, более известного под названием Русской Америки (Аляски).

Мысль о написании «Звездных мгновений Арктики» зародилась очень давно, в самые голодные и суровые дни Ленинградской блокады. Между ледяными вахтами, которые дважды в сутки я нес на коротковолновом пеленгаторе в продуваемой всеми ветрами брезентовой палатке, иногда оставалось время и для чтения книг. Сначала попадались в основном труды путешественников Фридьофа Нансена, Руала Амундсена, Миклухо-Маклая, Ивана Федоровича Крузенштерна, Владимира Русанова...

Судьбе было угодно устроить нечаянную встречу с людьми, которые провожали Владимира Русанова и его невесту, очаровательную француженку Жюльетту Жан, в последнее плавание на крохотном деревянном судне «Геркулес». И случилось так, что

свою первую книжку я посвятил Русанову, попытавшись проникнуть в тайну героико-романтической гибели этого смелого путешественника и его десяти сподвижников, исчезнувших среди льдов Северного Ледовитого океана. Возможно, именно Русанов на несколько недель (а может целый год) опередил гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана и первым ступил на грандиозный обломок каменного пояса. Слухи о великом камне носились еще с конца XVI века. Полагали, что это не что иное, как Новая Земля, протянувшаяся вдоль всей Сибири до берегов Америки. Первые его звенья наши мореходы открыли в XI веке (1032 год), последние, если быть точным, — в 1913 году Борис Вилькицкий и его офицеры назвали эту великую группу островов Землей Николая II (за открытие архипелага французское Географическое общество присудило Б. А. Вилькицкому Золотую медаль). Потом Землю Николая II переименовали в Северную Землю. Но если открытие раньше всех сделал Русанов, то, скорее всего, он назвал бы ее Землей Жюльетты Жан.

Я никогда не был склонен ограничивать себя национальными рамками. Среди моих героев есть итальянцы, голландцы, финны, шведы, немцы, французы, чехи, словаки, югославы, датчане, англичане, американцы. Кроме того, посчастливилось создать скандинавский триптих: «Нильс Адольф Эрик Норденшельд», «Фридьоф Нансен» и «Руал Амундсен». Это первые в России научные монографии, в которых особое место занимает раскрытие скандинаво-русских научных связей на основе уникальных архивных материалов...

Архивы — это моя слабость. Я изучаю их более полувека. Преданность поиску неизменно вознаграждается уникальными находками. Удалось отыскать сотни писем иностранных ученых, переписку, дневники и проекты русских полярных исследователей, многие дела с документами государственного канцлера Николая Петровича Румянцева и его ученого наставника, первого русского кругосветного мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна по проблемам полярных исследований. Список очень велик...

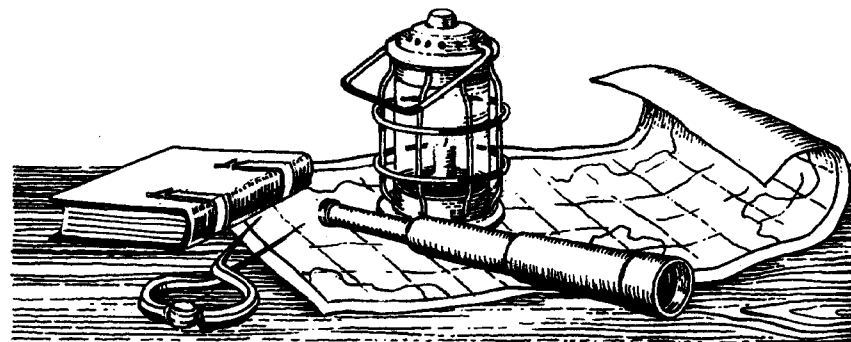
Я пишу только о тех героях Арктики, которые близки мне по духу, которые отличались бескорыстием, романтическим героизмом, мужеством, терпением, надежностью, равнодушием к голоду и презрением к опасностям... Словом, пишу о людях, чем-то мне напоминающих моих сверстников, вместе с которыми ел сдобренный цикутой блокадный хлеб и прорывался через распоротые шальным огнем годы до Дня Победы, который мы встретили где-то на северо-западе от Берлина.

К далеким потомкам, которые шли в Арктику почти на верную гибель, и к моим ровесникам можно смело отнести строки Марины Цветаевой:

И вот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертием на смертное ложе всходит...

Это случалось столь часто, что японское издательство «Белые воды» мою книгу «Находки, которые открывают тайны» назвало «Люди, не вернувшиеся с полюса»...

Поиск в широких хронологических рамках послужил импульсом к изучению истоков русской географии и, прежде всего, географии полярной, к проблемам проникновения россиян в северные районы Евразии, что привело к интересным наблюдениям, находкам и открытиям. Они относятся не только к области полярных исследований, но и развитию русской государственности, культуре, русско-общественной мысли, о чем рассказывается в заключительных страницах.

ЧАСТЬ I. ЗВЕЗДНЫЕ МГНОВЕНИЯ АРКТИКИ

Загадки летописных строк

Еще в шестом столетии нашей эры славянские племена, нередко объединявшиеся во временные союзы, совершали многочисленные походы на Византию и, естественно, знакомились с природными особенностями Причерноморья и Балкан, с условиями плавания по Черному морю. Эти походы приняли еще больший размах после того, как к началу IX века во главе с Киевом образовалось древнерусское государство. Как видно из сохранившегося Русско-Византийского договора 911 года, русичи были столь хорошо знакомы с навигационными условиями Черного моря, что брали на себя обязанности лоцманов по проводке византийских судов «сквозь всяко страшно место дондеже ладья придет в бесстрашно место».

На рубеже двух тысячелетий, по словам английского историка Ф. Джона, «русские были наиболее передовыми моряками своего времени». Дальние походы по Черному, Азовскому, Каспийскому, Балтийскому, Белому и Баренцеву морям дали россиянам обильный материал о природных условиях не только древнерусского государства, но и соседних стран. Не говоря о Византии, они в IX — XI веках уже были знакомы с Ближним Востоком, северным побережьем Африки, Пиренейским и Апеннинским полуостровами, Критом и многими другими островами Средиземного моря. Новая эпоха русской географии начинается во время княжения в Киеве Владимира, впоследствии удостоенного звания Великого и причисленного к лику святых...

Намереваясь покончить с язычеством, он отправляет посольства в разные страны с целью собрать подробные материалы о верованиях греков, латинян, мусульман, иудеев. Одни историки считают, что это придуманная летописцем легенда. Другие полагают, что нет веских оснований для отрицания путешествий мудрейших людей в различные сопредельные с Русью страны. Известен и другой летописный рассказ. Намерение Руси заменить язычество другой верой не было секретом для стран Европы и Ближнего Востока, и потому не исключено, что в Киев прибывали иноземные посольства, которые пытались убедить Владимира и его окружение в превосходстве образа богослужения латинян, мусульман, иудеев и греков (православных)...

Многие летописи свидетельствуют, что приходили к нему послы «из грек из Царьграда», «срацыни», «немцы из Рима от Папы», «из Казар Хазары». Потом снова из Греции. Сей раз философ. Он преподавал Владимиру историю христианской религии от сотворения мира до всемирного потопа, который навел Бог, чтобы очистить водою человечество от грехов... Но для нас наиболее важно убедиться, что такие посольства были. Они имели значение как для крещения Руси, так и для развития знаний об окружающем мире. Как свидетельствует Никоновская летопись, через 13 лет после крещения Руси, в первый год второго тысячелетия нашей эры князь Владимир отправляет великую экспедицию. Путь ее участников под видом послов лежит в Рим, Иерусалим, Египет, Вавилон. Путешественникам строго-настрого приказано тщательнейшим образом изведать обычаи народов, их населяющих. «Посла Володимер гостей своих, аки в полах, в Рим, а других во Ерусалим, и в Египет, и в Вавилон, съглядати земель их и обычаев их».

Затея отнюдь не бездумная и не авантюрная, то попытка уникальная, грандиозная. Об этом свидетельствует последовавшее вслед за путешествием 1001 года широкое развитие династических связей во время княжения сына Владимира, Ярослава Мудрого, знавшего шесть иностранных языков. Русские князья и их дети роднились с могущественными династиями Европы, включая Францию, Венгрию, Польшу, Норвегию, Византию и, в особенности, Англию. Этот вопрос великолепно отразил в своих балладах А. К. Толстой. Но экспедиции, которые приходили в Киев и которые отправлял князь Владимир, не принадлежат к числу полярных. Что верно, то верно. Но если «русские гости» под видом послов старались познать дальние страны и дальние заморские народы, то, быть может, имели место попытки познакомиться и с полярными странами. Напомним еще, что в начале второго тысячелетия новгородцы плавали не только в города прибалтийских государств, но и торговали в Англии, Фландрии, Франции.

Россияне не только собирали географические сведения о странах Западной и Восточной Европы, но действительно проникали далеко в Заполярье.

В «Повести временных лет» сохранились свидетельства о том, что уже в XI веке северные страны были знакомы древним новгородцам.

Под 1096 годом в Лаврентьевской летописи помещен рассказ новгородца Юраты Роговича. Последний поведал летописцу, что посылал своего отрока в Югру. Жители этой области, живущие по соседству с ненцами, сообщили новгородцам, что в полуночных (северных) странах находятся горы, упирающиеся в море. «Путь же к тем горам непроходим из-за крепостей, снега и леса... Этот путь идет дальше на север. Жители Югры сказывали, что до этих гор они никогда не доходили».

В «Повести временных лет» имеется свидетельство жителей города Ладоги о том, что «живы еще старики», которые ходили «за Югру и Самоядь» и видели сами в северных странах, «как спустится туча и из нее выпадают оленьцы маленькие и, выросши, расходятся по земле».

Это летописное свидетельство очень важно. Благодаря скудным словам древнерусской исторической повести становится очевидным, что уже в XI веке русским были известны как области Печоры (Коми) и ненцев («Самоядь»), так и районы, лежащие за полярными странами. По мнению исследователей, в результате проникновения славян на север, там «сложилось постоянное русское население, и весь этот огромный край вошел в состав государственной территории Руси». Правда, это обстоятельство было известно еще великому летописцу Нестору.

В XI—XII веках русские обложили данью не только жителей Печорского Севера, но и народы Кольского полуострова до границ с Норвегией. К этому времени новгородцы на судах уже бороздили воды как Белого, так и Баренцева морей и основали на их побережье постоянные промысловые становища. В наши дни на острове Вайгач, который отделяет от Новой Земли лишь пролив Карские (Железные) ворота, было обнаружено славянское поселение, датируемое X веком.

Вероятно, именно в начале нынешнего тысячелетия русскими была открыта Новая Земля. В Новгородской третьей и Софийской первой летописях имеются однозначные записи: «В лето 1032 великой князь Ярослав поча города ставить по Руси. И тогда же Улеб изыде из Новгорода на Железная врата и опять мало их приде».

«Железная врата» — это не что иное, как пролив между Новой Землей и островом Вайгач (Карские ворота).

Название Новая Земля прежде всего свидетельствует о том, что ее первооткрыватели были уверены, что обрели для Руси грандиозную сушу, возможно, не менее великую, чем та, на которой обитали. Во всяком случае, так считали древние новгородцы, освоившие путь от Белого моря до Царьграда и начавшие промыслы на берегах и в водах островов Новая Земля, Вайгач, Колгуева.

Географы, мореплаватели, историки всего мира единодушны в том, что честь обретения этого острова принадлежит русским людям. «В пространнейшем смысле первыми открытиями сей земли были, без сомнения, россияне, обитатели Двинской области,— писал Ф. П. Литке в 1825 году.— Настоящее ее название, которого никогда и никто у ней не оспаривал, достаточно то доказывает. Замечательно, что ни одному из мореплавателей XVI и XVII веков, имевших особенную страсть давать свои имена землям и местам, уже прежде открытым и названным (что они доказали над материком и островами Новой Земли прилежащими), не пришло в мысль переименовать по-своему и сию последнюю. Самые первые из них говорят об ней, как о такой земле, о которой они уже прежде слыхивали, они находили на отдаленнейших к северу берегах ее кресты с славянскими надписями, развалины жилищ и пр. Русские мореходцы, им встречавшиеся, указывали им путь, давали наставления. Все сие доказывает, что россиянам в половине XVI века все берега Северного океана были подробно известны и что последовательно мореходствовать по оному начали они несколькими веками уже ранее».

Более двух столетий ученые и путешественники обсуждают вопрос о вероятной дате открытия Новой Земли. Одни осторожно предполагают, что это произошло в XI веке, другие более уверенно называют XIII век, наконец, третьи утверждают, что Новая Земля обретена русскими людьми не позже конца XV столетия.

Новгородская третья и Софийская летописи свидетельствуют, что именно в XI веке русскими была открыта Новая Земля. Тот факт, что столь важное событие не нашло отражения в первых русских летописях, можно объяснить тем, что в этом веке центр летописания был в Киеве. Естественно, что в летописях находили отражение прежде всего события, происходившие в южнорусских землях. И если бы автор третьего варианта «Повести временных лет» не предпринял путешествия в Ладогу для сбора исторических данных, вряд ли дошли бы до потомков драгоценные свидетельства о давнем знакомстве русских с крайним северо-востоком Европы. Напомним, что великие географические открытия русских на севере Азии также не были замечены официальными историкогеографами.

В пользу довода, что русским Новая Земля была известна, вероятнее всего с XI века, приведем выдержку из записок Плано-Карпини, ездившего в 1246 году по заданию папы Иннокентия IV с разведывательными целями в столицу татаро-монгольского ханства. В них он отмечал, что за страной ненцев (самоедов) находится океан, за которым расположена некая земля, где обитают человеко-звери. Ее жители имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у быков. Два слова они говорили «на человеческий лад, а третьи лаяли по-собачьи».

Несмотря на фантастические, столь характерные для средневековья, сведения о жителях полярных стран, сообщение Плано-

Карпини о земле, лежащей к северу от страны самоедов, заслуживает внимания. Тем более, что через 46 лет они будут подтверждены знаменитым путешественником Марко Поло. «В том море-океане,— писал Поло,— есть острова. Они находятся так далеко на север, что полярная звезда остается позади к югу».

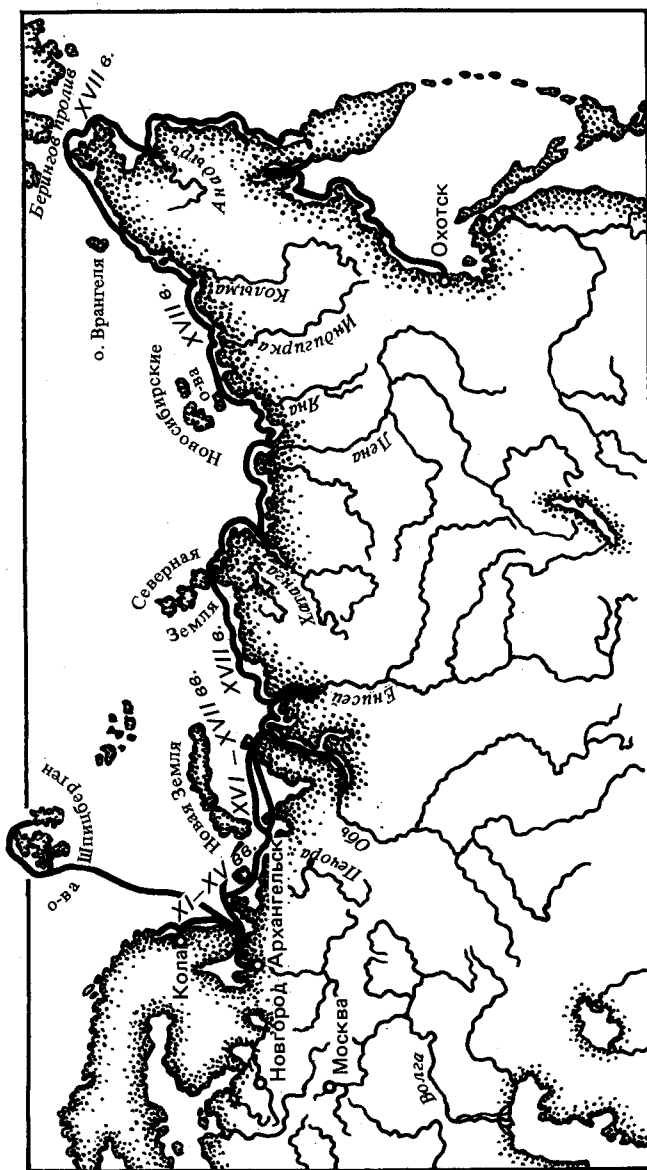
Ни Плано-Карпини, ни Марко Поло не были в северо-восточных областях Европы. Не были там и татаро-монголы, от которых путешественники получили сведения об островах в западной половине Ледовитого океана. Бесспорно, что эти данные были добыты татаро-монгольскими завоевателями через посредство русских и затем уже, вероятнее всего в сильно преувеличенном виде, сообщены западноевропейским путешественникам.

Примерно такой же датировки открытия Новой Земли придерживался и А. Э. Норденшельд. Великий путешественник считал, что русские узнали о Новой Земле за несколько столетий до того, как ее берегов достигли мореплаватели Западной Европы, и в частности англичане и голландцы, искавшие Северный морской путь из Атлантики в Тихий океан.

Норденшельд, в отличие от исследователей различных поколений, справедливо не прибегает к «первому свидетельству, прямо называющему Новую Землю». Речь идет о цитате из заметок итальянского писателя Мавро Урбино, которые поместил Н. Витсен в своем известном труде «Северная и восточная Татария». Помещенный в книге отрывок гласит: «Россияне, плавающие по Северному морю, открыли около 107 лет назад остров, дотоле неизвестный, обитаемый славянским народом и подверженный (по донесению Филиппа Калимаха папе Иннокентию XVIII) вечной стуже и морозу. Они называли остров Филаподия; он превосходит величиной остров Кипр и показывается на картах под именем Новая Земля».

По мнению Витсена, сообщение Мавро Урбино о славянском населении Новой Земли «заставляло думать, что в то время была она еще малоизвестна». Прежде всего напомним, что сочинение Урбино появилось в начале XVII века и его ценность, как справедливо отметил Ф. П. Литке, заключается лишь в свидетельстве о том, что европейские авторы единодушны в главном: Новая Земля была открыта русскими. Что касается даты открытия Новой Земли, сообщенной итальянским писателем, то она принадлежит к области запоздалых сенсаций. К началу XVII века в Западной Европе были прекрасно осведомлены о Новой Земле и о широких промыслах русских поморов на ее берегах. В Европе даже знали, что на Новой Земле имеются промысловые избы (например, в губе Строгановой).

До XIX века дошли предания о том, что на Новой Земле, в окрестностях губы Серебрянки, новгородцы добывали чистое серебро. Более того, по словам члена-корреспондента Петербургской академии наук В. В. Кристинина, в Архангельской губернской канцелярии хранилось архивное дело «об отправлении пове-

Пути, пройденные русскими полярными мореходами в XI—XVII веках

лением государя Ивана Васильевича рудокопов искать на Новой Земле серебряную руду по примеру новгородцев».

Рассказы о добыче новгородцами серебра на Новой Земле не раз являлись побудительной причиной для снаряжения поисковых экспедиций, последняя из которых была отправлена в 1807 году известным русским государственным деятелем Н. П. Румянцевым. Рудники, в которых древние новгородцы добывали серебро, до сих пор на Новой Земле не обнаружены. Но зато достоверно установлено, что уже в XIV веке новгородцы вышли не только к устью Оби, но и лежащему за ним морю, а еще раньше открыли неизвестную землю в Северном Ледовитом океане.

Следует напомнить, что в рассматриваемое время в Европе наблюдалось потепление климата. Особенно сильно оно проявилось в Арктике. Пользуясь отсутствием льдов в Баренцевом и Норвежском морях, новгородцы именно в это время вслед за Новой Землей достигли берегов Шпицбергена. Достоверно известно, что в конце XIII века новгородцы проникали далеко на север. При этом они убедились, что за стеной тумана лежит горная страна, над которой видели многосиянный свет, «сияющий паче Солнца».

Во многих летописях под 1347 годом помещено послание новгородского архиепископа Василия к тверскому владыке Федору о месте рая на Земле. Во время спора двух высокочерных деятелей церкви выяснилось одно обстоятельство.

Новгородцы под начальством Моислава и Якова, отправившиеся в плавание в Студеное море, были застигнуты бурей. Судно их оказалось во власти ветра и волн, и в конце концов его отнесло к неизвестной земле. Над ее вершиной сиял необыкновенный свет, а по склонам заметны были ручьи недавно остывшей лавы («смола»), кое-где виднелись горячие гейзеры. Послали смельчака, который достиг бы источника необыкновенного неземного света. Добравшись до вершины, отрок радостно возопил о своем открытии и бросился в жерло источника света. Назад он не вернулся. Послали второго моряка. Чтобы охладить пыл охотников, желавших заживо попасть в рай, к его ноге привязали веревку. И когда он захотел последовать примеру своего товарища, его сволокли с горы, но мореход оказался мертвым.

Новгородцы решили дальнейших попыток не повторять и отправились к себе на родину, озадаченные как встречей с неведомой Землей, так и явлениями, на ней происходившими... Услышав в Великом Новгороде рассказ мореходов, владыка решил, что место рая ни одному смертному видеть не дано.

Но оставим в стороне спор церковных иерархов Новгорода и Твери. Они не были на том острове, но спасибо новгородскому архиепископу Василию и за то, что сохранил в своем послании намек на это неизвестное полярное плавание. Упомянутый летописный источник недавно переиздан в «Памятниках литературы Древней Руси» и снабжен комментариями современных ученых... В них между прочим утверждается, что новгородцы были отнесены

морской бурей в один из фиордов Норвегии... Пожалуй, комментаторы упустили из виду, что новгородцы издревле плавали на запад вдоль северного побережья Скандинавии и знали каждый мыс и почти каждый фиорд. Ведь они бывали и в Англии, и в Исландии, и в Дании, и во Франции. Вряд ли стоит сомневаться, что норвежские фиорды новгородцы не признали бы за неведомую землю, тем паче, что они были застигнуты штормом в море-окияне, по которому их носило много дней. Что за неведомую землю увидели новгородцы? Исландию? Но они на ней бывали раньше. Знали они и Новую Землю, и острова Вайгач и Колгуева. Эта запись датирована 1347 годом. Однако описанные события происходили значительно раньше, потому что предводителя плавания — Моислава и его спутников уже не было в живых, а живы были внучата.

Следовательно, можно предположить, что плавание, о котором шла речь, совершенно было новгородцами на рубеже XIII и XIV веков. Не исключено, что летописный рассказ относится к Шпицбергену. Во всяком случае, историки неоднократно отмечали, что в средние века в Европе уже знали об открытии русскими Шпицбергена.

По мнению советских ученых В. А. Одинцова и В. Ф. Старкова, истоки промысловой деятельности на «этом архипелаге уходят своими корнями в более раннее время, по крайней мере, в XVI век. Раскопками археологической экспедиции АН СССР, работающей на Западном Шпицбергене с 1978 года, были обнаружены четыре дома, датированных XVI веком. Особенный исторический интерес представляет постройка 1578 года.

Все это подтверждает прежние предположения о том, что промысловая деятельность русских на Шпицбергенском архипелаге развилась до появления западноевропейских китобоев, и что поморы плавали к его островам еще «до середины XVI века».

Сотни лет мы шли навстречу выюгам

На продвижение новгородцев на север могли повлиять и междоусобные войны, и агрессия со стороны шведов, немцев, татар. Именно северные форпосты земель, окружавших Новгород в его непосредственной близости, были мощно прикрыты крепостными сооружениями по Неве (Ижора и Орешек). Они закрывали выход в Ладогу, так как выход в Ладогу из системы Вуоксы был прикрыт древней крепостью Корела, переименованной позднее в Кегсгогольм, а затем в Приозерск.

Даже если бы врагу и удалось пробиться на просторы Ладожского озера, при входе в Волхов он встретился бы с неприступными крепостями: Старой и Новой Ладогой.

Новгородские ушкуйники умели защищать и защищаться, при том были неплохими стратегами. Эту стратегию они блестяще применили несколько веков спустя, когда различные обстоятельства вынудили их двинуться на северо-восток. Летописи сохранили еще одно любопытное свидетельство. Год 1364. Остается 16 лет до всемирно известной Куликовской битвы, завершившейся исторической победой Дмитрия Донского. Этому событию посвящены десятки произведений, не одна тысяча летописных строк. А о более раннем подвиге россиян, выходцев из Новгорода, всего несколько скупых строк. Из них впервые становится известно, что в очень засушливом 1364 г., когда «стояли жары великия», леса и земля горели, два отряда новгородских воинов под руководством воевод Степана Ляпы и Александра Абакумовича вышли на реку Обь. Один отряд направился в ее верховья, а другой поплыл на ладьях вниз и впервые достиг Полярного моря.

Этот рейд, безусловно, обессилил тылы татаро-монгольских войск и, вероятно, сказался на исходе Куликовской битвы. К сожалению, такой важный штрих в истории Русского государства не замечен исследователями. Но еще более он важен в истории познания Арктики. Ведь вскоре в тех местах возникнет Мангазей, златокопийный город. Как установили ученые Института русской литературы, Мангазей впервые упоминается в рукописной книге в XVI веке. После похода новгородцев на Обь в Сибири все чаще появляются русские дружины. Летописи сохранили известие о том, что в 1483 году Иван Травин и Федор Курбский с отрядом московских войск достигли города Сибирь (Ислер), находившегося на берегу Иртыша недалеко от нынешнего Тобольска. По Иртышу россияне достигли Оби и спустились вниз до полярного круга.

Спустя 16 лет воеводы Петр Ушатый, Семен Курбский и Иван Бражнин предприняли успешную экспедицию на север Западной Сибири. Вероятно, к концу XV — началу XVI века русскими поморами был освоен морской путь до устья Оби и завязаны тесные торговые отношения с аборигенами «задолго до основания города Мангазеи».

Недавно появились материалы, дающие основание предположить, что на рубеже XV и XVI веков в устье реки Индигирки было заложено поселение русских промышленников — Русское устье. «Русское устье, — отмечают С. Н. Азбелев и Н. А. Мешерский в предисловии к труду „Фольклор Русского устья“ (М., Наука, 1986), — существует более трех с половиной столетий. Согласно местным преданиям, основание заселению берегов реки Индигирки русскими положили выходцы с Севера Европейской России, т. е. из древних владений Великого Новгорода — при Иване Грозном».

Все это справедливо, за исключением одной детали. Мощное движение выходцев из Великого Новгорода на северо-восток началось столетием раньше. После того как Иван III увез вечевого

колокол в Москву и начал заселять новгородские вотчины жителями из других областей, сгоняя коренное население Великого Новгорода с исконно обжитых ими мест. По выражению поэта Максимилиана Волошина, новгородцы «уходили на север — к Уралам». Путь на северо-восток и «ветер тундр» был знаком им с конца X века.

Этот ветер был нам верным другом
На распустьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северо-восток.

М. Волошин

Новгородцы одолели ветер и вьюги, морозы и льды, и задолго до служилых людей московского государства осели на берегах Северного океана не только в Азии, но и, возможно, в Америке.

1492 год, 12 октября. Колумб открыл новый континент — Америку. Это великое событие не осталось незамеченным в России. В ее летописях, в частности, в 22 томе Полного собрания русских летописей («Русский хронограф. Хронограф западно-русской редакции». Ч. 2. С. 226) помещена следующая запись:

«Лето от Рождества Христова 1492-го.

Емануель, кроль Португальский, посылал двух человек ученых в звездном хождении на великое море-окиян, наготовив им в окруты запасов на 3 лета: единого посла на восход Солнца, а другого — на запад, иже изобретоша многи острова и в них люди дивны, такоже и звери, и птицы, еже называли Новый Свет, о нем же пишет в книгах, глаголемых Ноуоус Орбис».

Безусловно, открытие Колумба и плавание Магеллана послужили к пробуждению интереса к исследованию полярных стран и прежде всего к поискам Северного морского пути из Атлантики в Тихий океан. Однако не исключено, что не столько открытия Колумба и Магеллана, сколько сенсационные вести из России, впервые опубликованные в Италии, явились мощным импульсом к снаряжению многочисленных арктических экспедиций.

Дело в том, что в начале XVI века русский посол в Риме Дмитрий Герасимов, знакомый с условиями плавания в полярных водах и имевший обширные для своего времени представления о Крайнем Севере, впервые высказал мысль о существовании Северного морского пути из Белого моря в Тихий океан. Беседуя с итальянским ученым Паолом Дживовио, он рассказывал, что русские с давних времен бывают в краю юкагиров и вогулов, платящих дань московскому царю. На восток от края, по словам Дмитрия Герасимова, «есть другие отдаленные племена людей, неизвестные москвитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до океана; о них знают только по слухам да еще из баснословных по большей части рассказов

купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в своем течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».

В подтверждение своих доводов Дмитрий Герасимов показал Паоло Дживовио карту полярных стран. Все эти сведения итальянский ученый опубликовал в 1525 году в «Книге о посольстве Василия к Клименту XII» (через три года после завершения первого кругосветного плавания). Сообщение русского посла в скором времени стало известно в западноевропейских странах и явилось толчком к снаряжению многих экспедиций для отыскания Северного морского пути или так называемого Северо-Восточного прохода.

Первыми направились на восток англичане. В мае 1553 года три корабля, покинув Англию, направились на север для обследования морского пути в Китай. Два из них достигли берегов Новой Земли и затем зазимовали у берегов Мурмана. Однако весной следующего года англичан нашли мертвыми.

Русские поморы, оказавшиеся свидетелями полярной трагедии, среди товаров обнаружили дневник командира экспедиции Хьюга Виллоуби. Находки были переданы английскому купцу Джорджу Киллингворту.

Третье судно экспедиции под начальством опытного моряка Ричарда Чанслера проникло в Северную Двину и было радушно встречено в Холмогорах русскими. Киллингворта и Чанслера вызвали в Москву к Ивану Грозному. Так завязались торговые и дипломатические отношения между Англией и Московским государством, отрезанным в то время от исконно русских земель, выходивших к Балтийскому морю.

Открытие морской дороги в Московию оказалось важным для обеих стран и послужило импульсом к новым путешествиям. Вскоре Англия снарядила новую экспедицию. Ею командовал Стифан Барро. Вместе с флотилией русских промысловых судов, которую он встретил у берегов Мурмана, он достиг юго-западных берегов Новой Земли и высадился на остров Вайгач. Здесь Барро узнал, что путь по Карскому морю хорошо известен русским. Он был изумлен размахом русских полярных плаваний и пришел в восхищение от знания русскими навигационных условий в северных морях.

«Я, — писал Барро, — удивился, что они уехали столь внезапно и пошли по мелким местам, где нам невозможно было за ними следовать. Однако потом я убедился, что они мудро предвидели погоду».

Поморы изъявили готовность проводить заморских гостей до Оби, но густой туман, дожди и град заставили Барро отказаться от попытки проникнуть в глубь Карского моря, которое к тому же

было заполнено льдами. Презимовав в Холмогорах, экспедиция возвратилась в Англию.

Но и эта неудача не остановила англичан. В 1580 году при поддержке знаменитого географа Герарда Меркатора была снаряжена новая экспедиция для отыскания Северо-Восточного прохода. Эту экспедицию возглавляли опытные моряки Артур Пит и Чарлз Джекмен. Им удалось проникнуть через Югорский Шар в Карское море. Однако здесь путь им преградили сплошные льды, и они возвратились, не выполнив стоявшей перед ними задачи. От русских мореходов англичане узнали, что, плавая к устью Оби, они пользуются не только Карскими воротами и Югорским Шаром, но и проливом Маточкин Шар, разделявшим Новую Землю на два острова.

«Вера в существование свободного от льда Северо-Восточного или Северо-Западного проходов, зародившаяся впервые в конце XV столетия и терпевшая одно поражение за другим,— писал Фритьоф Нансен,— возрождалась вновь и вновь».

Вслед за англичанами к поискам Северо-Восточного прохода приступили Нидерланды. В 1593 году купец Балтазар Мушерон, имевший торговые дела в Московском государстве, представил нидерландскому правительству проект большой экспедиции «для открытия удобного морского пути в царство Китайское, проходящего от Норвегии, Московии и Татарии».

Проект был утвержден. Первоначально в состав экспедиции входили два корабля: «Меркурий» (капитан Брант Тетгалес) и «Лебедь» (Корнелий Най). Позже были снаряжены еще два судна, которыми командовал Виллем Баренц, интересовавшийся открытием Северо-Восточного прохода. Он предпринял три плавания для его поисков. Но всякий раз льды Карского моря останавливали его суда. Наконец в 1596 году ему удалось обогнуть с севера Новую Землю. Льды вынудили Баренца зазимовать на Северном острове.

В навигацию следующего года голландцы бросили свое судно и отправились в обратный путь на шлюпках. Во время этого похода Баренц умер от цинги, а его спутники встретились с русскими поморами и, получив от них запасы провизии, благополучно добрались сначала до берегов Мурмана, а затем и до Голландии.

Итогом плаваний голландцев явилась карта полярных стран Виллема Баренца. На ней отсутствует материк в центре Арктики, но зато впервые (хотя и далеко от совершенства) показаны очертания западного и северного берегов Новой Земли с многочисленными названиями бухт, заливов, проливов и небольших островов. Русские поморы, по словам великого полярного исследователя Норденшельда, «задолго до англичан и голландцев» довольно часто предпринимали через Ледовитый океан «торговые путешествия из Белого моря и Печоры в Обь и Енисей».

В России спустя несколько лет была предпринята попытка объяснить неудачи англичан и голландцев в открытии Северного

морского пути в Тихий океан. Главным препятствием, по мнению безымянного русского географа конца XVI — начала XVII века, явились льды, стужи, мгла и тьма, так как Солнце видится с июня до сентября, а остальное время только луна светит день и ночь.

«Есть же и пролива морская, именуемая акиян, которою есть ли б могли проплывати,— продолжает географ,— можно бы им было в Китай и Индию пройти. Днако ж так то Ледяное море, яко и Новую Землю, никто не может проведати: пролива ли есть или море и Новая Земля остров ли есть или твердая земля соединена с Америкой, то есть с Новым Светом, зане многих землеописатели чают, что Новая Земля соединяется с Северною Америкой, ради выше причин никто те береги окияна отведати не может даже до Обь реки».

То, что берега океана известны автору этой записки только до Оби, дает основание предполагать, что она была составлена, вероятно, на рубеже XVI — XVII веков.

Вслед за казаками Ермака в Сибирь устремились русские землепроходцы. Они основали Обский городок, Сургут, Тюмень, Тобольск, Тару, Березов, Обдорск. В 1601 году по указу Бориса Годунова был заложен город Мангазея. Совместными усилиями ученых Арктического и антарктического института и института Археологии АН СССР в конце 60-х — начале 70-х годов этот город был исследован специальной археологической экспедицией (разрешение на проведение Мангазейской археологической экспедиции было получено благодаря поддержке зам. начальника Гидрометеослужбы СССР Е. И. Толстикова и начальника Арктического и антарктического управления ГУГМС Г. И. Матвейчука). Были получены богатые научные результаты, которые показали, что русские землепроходцы проникли в этот район значительно раньше, чем началось строительство острога Мангазеи и что уже в XVI веке осуществлялось широкое мореплавание Мангазейским ходом. В частности, в первой четверти XVI века был принят большой поход в район Югорской Земли.

Вероятно, не позже начала XVII века русские вышли к устью Енисея и Пясины. Об этом свидетельствует копия, сделанная Исааком Массой с секретной русской карты 1609 года. Достоверно известно, что поморам задолго до официального основания Мангазеи был известен путь в этот златокопый городок Севера. Он пролегал из устьев Северной Двины и Печоры «великим морем-окияном», идя прямо морем, не заходя ни в бухты, ни в заливы. Дальше их путь лежал в устье Байдарацкой губы. Отсюда плыли вверх по реке Мутной. Потом, перетащив через волок суда, вступали в воды реки Зеленой и направлялись к Тазовской губе. К осени они благополучно добрались до Мангазеи.

В смутное время мореход Лука, выйдя из Оби, достиг Северным Ледовитым океаном сначала устья Енисея, а затем Пясины на Таймыре. В 1610 году в тех же местах побывал торговый человек Кондратий Курочкин, прежде живший на Северной Двине.

В начале августа он вышел в океан и достиг реки Пясины, где встречал промышленников. В официальных бумагах 1611 года уже упоминается устье Хатанги, свидетельствующее о том, что первопроходцы либо обогнули, либо пересекли весь Таймыр.

Вслед за Курочкиным неизвестные мореходы прошли по рекам к северному и восточному берегам Таймыра. Благодаря тщательным археологическим раскопкам, проведенным экспедицией А. П. Окладникова, было установлено, что в 1615—1616 годах русские мореходы обогнули Таймырский полуостров. Одновременно промышленники основали поселение в устье Нижней Таймыры.

Не менее знаменательный подвиг русские совершили в 1623 году, достигнув среднего течения Лены. Спустя 10 лет Иван Ребров открыл устья рек Индигирки и Яны. Произошло это следующим образом. В 1631 году Иван Ребров отправился из Тобольска в Мангазею. Из златокопьящего города он затем направился по Вилюю «на великую реку Лену». Дальше его путь лежал на Алдан. Потом он перезимовал в Жиганске и с разрешения местных властей отправился к устьям рек Яны и Индигирки. Последнюю нередко называли Собачьей. Он ходил по морю два года, поставил один острог на Яне и два на Индигирке. Плавания и походы Иван Ребров совершал за свой счет, при этом оплачивал снаряжение и пропитание своих спутников. Приходилось ему залезать в «великие кабальные некупные долги». Правда, в такой великой отдаленности от обжитых русскими мест о своем пропитании путешественникам приходилось заботиться самим. Они «нужду и бедность, и голод, и холод терпели и души свои оскверняли — ели всяко скверно, и сосновую кору, и траву...»

В 1642 году Иван Ребров отправился морем на реку Оленёк, где поставил зимовье с нагородней и служил там по 1647 год. Вернувшись затем в Якутск, он за «смертные службы и раденье, и за раны, и за кровь» просил выдать ему жалованье за много-много лет и определить в атаманы. Но Якутские власти «поверстали» его в самый нижний чин — пятидесятника, отблагодарив таким образом Ивана Реброва, что он прежде всех проведаль реки Яну и Индигирку, совершившего тем самым географические открытия величайшего значения.

В 1641—1642 годах Иван Ерастов открыл устье Алазеи, совершив плавание по Восточно-Сибирскому морю. Вслед за Ребровым и Ерастовым по Индигирке спустился Михаил Стадухин и достиг морем устья Колымы. На славных делах этого первопроходца необходимо остановиться подробнее.

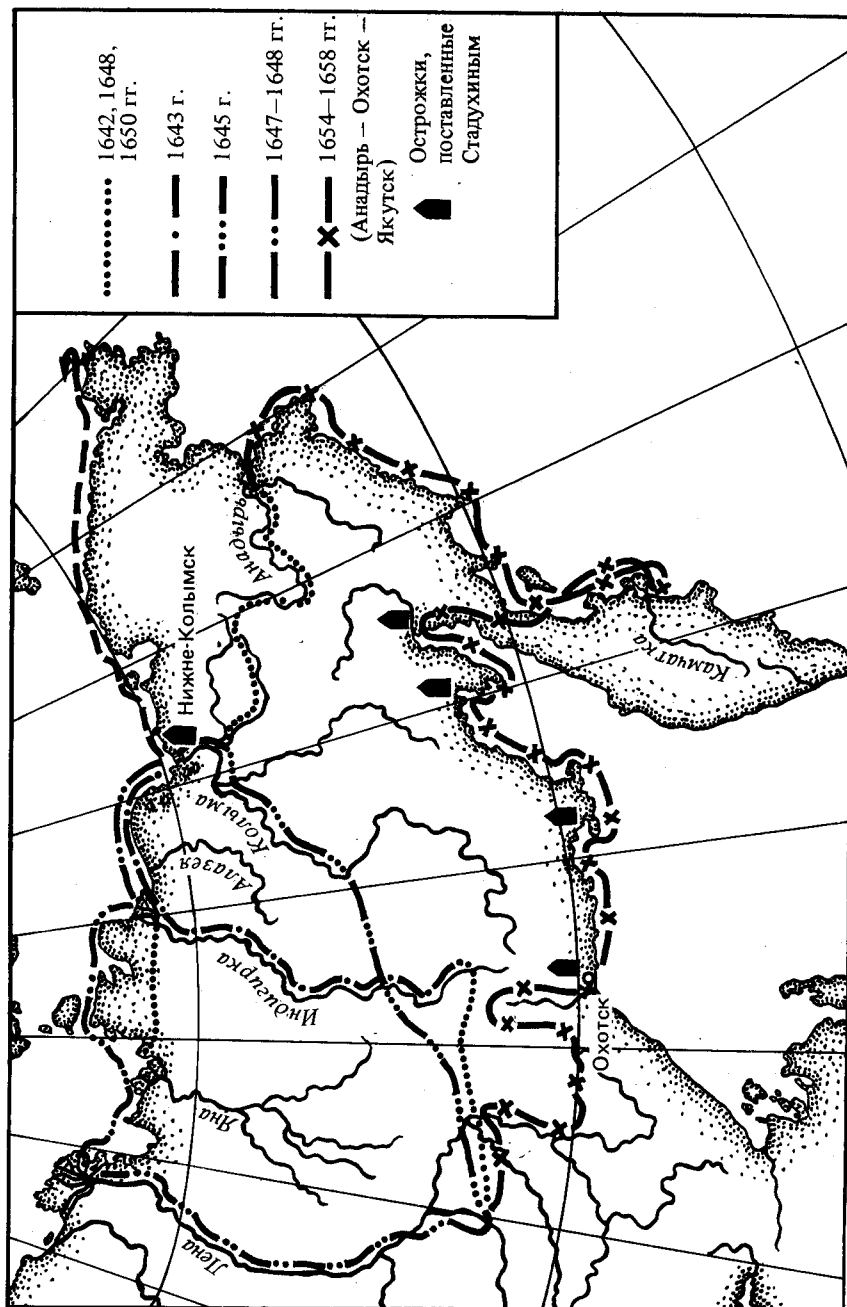
Тропинки тайн неперечтенных строк

(Открытия и подвиги первопроходца Михаила Стадухина)

Исключительные испытания и великие достижения выпали на долю Михаила Васильевича Стадухина. Об этом полярном исследователе и мореходе упоминают редко и обычно как о человеке богатом, жадном, наживавшемся на бедах первопроходцев. Эти обвинения порой выходили из-под пера ученых, которых чтили как классиков исторической науки, не говоря уже о сценаристах, литераторах и популяризаторах истории географической науки... У Михалки Стадухина, положившего к стопам царя Алексея Михайловича «новые землицы» почти всего северо-востока России, находили столь много отрицательных качеств, что постепенно год от года все сильнее росло сомнение в справедливости как утверждений литераторов, так и ученых... Особенно удивляли два обстоятельства. На него писали доносы. А он не только никогда не доносил, но и ни на кого даже не пожаловался. В своих записках он упоминал лишь о лишениях да ранах, полученных во время путешествий. Некоторые утверждали, что он давал под большие проценты деньги и снасти. Но это была ложь. Всякий раз, предпринимая поход, он сам прежде всего залезал в кабалу. И так всю жизнь. И погиб он должником, а долги его пытались истребовать с его сына... По иронии судьбы до нашего времени дошло больше кабальных записей, чем донесений о его великих открытиях.

Михаил Васильевич Стадухин был человеком необыкновенной смелости, храбрости, недюжинной широты ума, привыкший зорко примечать все замечательное.

Год его рождения неизвестен. Известно лишь, что он выходец из Архангельского Севера. Детство он провел на реке Пинеге, а юность на берегах Енисея, где 10 лет служил рядовым казаком. Потом служба привела его на Лену. В 1641 году ленские власти отправили его на Оймякон реку во главе отряда из 15 человек и «велели продывать новых земель». Правда, власти запомнили выдать подъемные деньги. Пришлось Михаилу Стадухину и его спутникам Семену Дежневу, Михаилу Коневалу, Павлу Леонтьеву, Денису Ерило, Вторке Гаврилову, Андрею Иванову залезать в кабалу. За двух лошадей, он, Михалка Стадухин, заплатил 60 рублей. Девять недель Михаил Стадухин со своими спутниками идет до Оймякона через горы и леса. Поставив зимовье, Стадухин решает отправить к Охотскому морю отряд из 18 «служилых людей, которые наперед тут были», в сопровождении 20 лошадей, навьюченных продовольственными припасами, неприхотливым снаряжением, пищальми, свинцом, порохом... Во главе

Походы Михаила Стадухина на Северо-Востоке Азии

отряда Стадухин поставил Андрея Ивановича Горелого. Перевалив через горы, путешественники вышли на реку Охоту, а затем к берегам Охотского моря. Возвратный путь на Оймякон занял всего пять недель. Путешественники привели с собою «пластин и соболей с тридцать» и ценнейшие географические сведения об Охотском крае.

«По той Охоте реке вниз к морю кочуют многие люди оленные, и ходят на тех оленях агришами. И дороги у них учинены большие пробойные... А по той де Охоте реки соболя и всяко зверя много и реки рыбные. Через ту реку на лошадях они бродили, и едва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая и тою быстредью рыбу убивает и на берег выметывает много и по берегу той рыбы, что дров лежит. А у тех же де ламутских мужиков по той реке юрты сидячие, как есть большие русские посадки. А запасы у них все рыбные, сушеная юкола в рыбных же мешках и рыбная икра. А того де запаса у них запасают много, что русские хлебные анбары запасы, так и у них той пасеной рыбы по юртам много».

Во время похода два путешественника были ранены, но не очень опасно. Отряд благополучно возвратился на Оймякон. Так закончилось одно из выдающихся путешествий первой половины XVII века, инициатором которого был Михаил Стадухин... Он еще вернется в Охотский край и окончательно приведет его под «высокую руку» России. Но это еще впереди.

Михаилу Стадухину не довелось выслушать сказ Андрея Горелого об Охотском море, его народах, реках, горах, рыбных и звериных богатствах. Дело в том, что места по реке Оймякон оказались безлюдными. Кочевавшие ранее здесь якуты удалились в другие области. Жить было не у кого, а питаться нечем.

«А Емокон река идет с Камени, а по Емокону реке пашенных мест, ни дубровных, ни лугов травных нет, все согры до болота, да камень. А Емоконе реке рыбы нет, ни зверя по Емокону нет. А отнюдь на Емоконе реке жить служивым людям не можно, кормица не у чего, людей по той реке нет нигде».

Чтобы не умереть со своими служивыми людьми голодной смертью, Михаил Стадухин решил отправиться на реку Мому. По собранным землепроходцами и промышленниками сведениям, по берегам Момы жило много оседлого народу. «А река рыбна и всякого зверя много, нельма и мускуны де в той реке, и луги по той реке великие, и дубровные места и травны, а юрты деревянные, а огня в юртах не держат».

Михаил Стадухин «с товарищи» самовольно отправились на Мому в середине 1642 года, взяв с собой промышленного человека Ивашку Пологового для починки пищалей, которые побились, и поделки судов для похода в «новые земли». Решение землепроходца вызвало лихой гнев чиновников Якутской приказной избы. Служилому человеку Дмитрию Зыряну было дано поручение при встрече на новой реке со Стадухиным «Мишку дать на поруки з записью и прислать в Якутской острог за поруками», а если по-

руки не будет, то его, Мишку, было приказано «сковав, прислать в Юганду реку к служивому человеку Кирилку Нифатьеву». Наказная память Дмитрию Зыряну заканчивалась угрозой: «А будет ты ево, Мишку, не пришлешь и тебе за то быть в жестоком наказанье».

Тем временем Михаил Васильевич Стадухин достиг сначала Момы, затем Индигирки и, построив коч, отправился к Ледовитому морю. Выйдя в океан, путешественники отправились на восток. В устье Алазеи Стадухин встретился с отрядом Дмитрия Зыряна, которому было приказано его, Мишку, отправить на расправу в Якутскую приказную избу. Но боясь жестокого наказания, которым грозили воеводы, Дмитрий Зырян вместе с Михаилом Стадухиным решил продолжать совместное плавание на восток по Студеному морю. Вскоре мореходы достигли Колымы. На правом берегу реки Стадухин «поставил ясачное зимовье с нагороднею», положив основание городу Нижнеколымску. За два года он собрал «восемь сороков соболей».

23 ноября 1645 года Стадухин доставил с Колымы в Якутск в съезжую избу «государев ясачный сбор». Вместо благодарности и платы за лихую службу по приказу воеводы Василия Никитича Пушкина у него отобрали его собственных «четыре сорока соболей».

Михаил Стадухин не только заботился о пополнении государственной казны соболями, но и ревностно собирал географические сведения о Колыме, ближайших реках, землях в Северном Ледовитом океане, местных богатствах, северо-восточных морях и землях, богатых моржовым зубом. Об этом свидетельствуют «Расспросные речи» служилого человека Михаила Стадухина о реках Колыме и Чукоте, о живущих по ним инородцах и о неизвестном острове на Ледовитом океане близ устья реки Колымы». В его рассказе содержатся интересные, уникальные сведения о Колыме и жителях Чукотки. «Колыма река велика, с Лены будет, идет в море под тот же ветер, под восток и север». Но основная часть документа посвящена рассказу первопроходца о землях в Северном Ледовитом океане.

«И была де у него жонка, погромная Колымская ясырка, именем Калиба, — говорится в документе, — а та жонка жила у тех мужиков, у Чухчей три годы, и она де ему сказывала, что на острову, которой в море идучи к той Колыме реке судами на левой руке, а учнет де тот остров объявляется в море от матерой земли в виду на левой руке, идучи из Лены от Святого Носу, а к Яне де реке и от Яны к Собачьей, а Индигирка тож, и от Индигирки к Колыме реке идучи и гораздо тот остров в виду, и горы снежные и пади, и ручьи, знатное все; а тот де остров Камень, в мори пояс, и промышленные люди смечают все то один идет, что ходят из поморья с Мезени на Новую Землю, и против Енисейского, Тазовского и Ленского устья тот камень тож все один, что называют Новую Землю; и те де Чухчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки

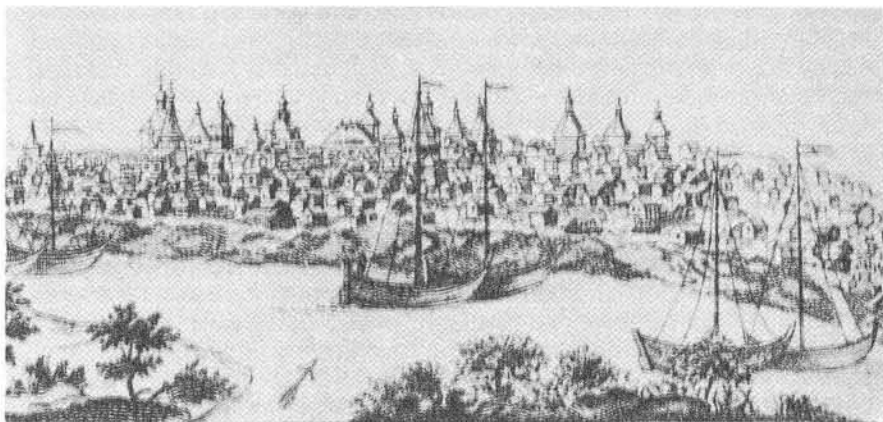
зимою приезжают на оленях на тот остров одним днем, и на том де острову они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами и по своему де они тем головам молятца, а он (Стадухин — В. П.) де того у них моржового рыбья зубу не видал, а промышленные де люди ему сказывали, что они у тех чухчей тот моржовый зуб видали, нанцы де у них оленьих санок все того одного моржового зуба; и у тех де чухчей соболя нет, потому что живут на тундре у моря, а доброй де самой черной соболя все по Колыме, а от Колымы де до реки, что повыше той Колымы, сказывают Пагыча, а до ней от Колымы парусным погодьем бежать сутки трои и болши и та де река большая и соболяная ж...» На восток от Колымы, по словам Стадухина, тянулись места, где «зверь не прорыскивал и птица не пролетывала».

Рассказ Стадухина основан на трех источниках информации: во-первых, на наблюдениях самого землепроходца; во-вторых, на сведениях «погромной жонки» Калибы; в-третьих, на данных, собранных от промышленников, которые первыми прокладывали пути и в Сибири, и в Студеных морях от Архангельска до Тихого океана и, возможно, уже в конце XVI века прошли всем Северным морским путем и достигли Америки...

«Расспросные речи» Стадухина — важнейшая не только в истории поисков северного материала, но и в формировании представлений о Северном Ледовитом океане. Судя по карте, вывезенной Исааком Массой из Москвы в Смутное время, в этот период в России стало складываться представление о том, что в Северном Ледовитом океане от Новой Земли на восток протянулся исполинский гористый остров. Его очертания прослеживаются на русской карте севера России, опубликованной И. Массой, к северу от Таймыра, начиная от траверза Енисея и обрываются рамкой карты на значительном расстоянии к северо-востоку от Пясины.

В «Расспросных речах» Стадухина обобщаются результаты великих географических открытий россиян до середины XVII века. Они свидетельствуют о том, что к этому времени (1643—1646 годы) русские промышленники «на свой риск и страх» прошли студеными морями от Архангельска до северо-восточных берегов Чукотки, открыли крупнейшие земли в Ледовитом океане напротив устья Енисея, Пясины, Лены, Яны, Индигирки, Колымы, в том числе Новосибирские и Медвежьих острова, и собрали сведения об островах Берингова пролива.

Обращает на себя внимание свидетельство, что реки Пагычи можно достигнуть на судне при благоприятном «парусном погоды в трое и больше суток». Это дает основание предполагать, что ко времени открытия Стадухиным Колымы, промышленники уже морским путем достигли реки Анадырь. Быть может, не лишено оснований и предположение о том, что выходцы из Новгородской земли, бежавшие от погрома Ивана Грозного в Сибирь, уже в конце XVI — начале XVII века вышли Ледовитыми морями к берегам Аляски.

Вид Якутска (с гравюры первой половины XVIII века)

Около двух лет Стадухин прожил в Якутске, готовясь к новому путешествию на север, чтобы разведать новые земли, о которых он собрал сведения во время зимовки на Колыме.

5 июля 1647 года якутский воевода вручил Михаилу Стадухину наказ. Ему поручалось вместе со служилыми людьми «из Якутцкого острогу итить на государеву службу в государевых судах Леною рекою, а из Лены, вышед на море, а морем на Ковыму реку».

После того как экспедиция достигнет Колымы, Михаилу Стадухину наказывалось следовать далее на восток морем до реки Анадырь, то есть совершить плавание из моря Лаптевых в Восточно-Сибирское, из Восточно-Сибирского в Чукотское, затем пройти проливом между Азией и Америкой и по Берингову морю, держась правой руки (северо-восточных и восточных берегов Азии), спуститься к реке Анадырь, которую местные жители называли Пагычей. Стадухин во время этого необычайно продолжительного и опасного плавания не должен был «мешкать нигде ни часу».

После этого путешественникам вменялось в пристойном месте поставить зимовье с нагороднею, а около зимовья выстроить остров «и всякими крепосьми укрепить».

Следующей задачей экспедиции являлся сбор сведений у местных жителей и промышленных людей, то есть у вольных охотников за пушниной и морским зубом, о Новой Земле и есть ли на ней морской зверь морж. При этом Стадухину поручалось собирать десятую часть добычи в пользу государя.

«А у ково,— подчеркивалось в наказной памяти,— будет на промыслу самой головной зверь голова, а в ней две кости добрые самые большие или дву голов четыре кости в пуд или трех или четырех голов, а в них восьм костей в пуд, а такова моржевого зверя вся кость рыбей зуб, записывая и оцени, имать на государя и присылать в Якутцкий острог; а им промышленным людям, за тот мор-

жевой рыбей зуб давать по той цене ис государевой казны деньги ж ис тамошних всяких пошлинных доходов...»

Приведенная часть наказной памяти свидетельствует о том, что русские промышленники гораздо раньше 1647 года проникли в северо-восточные области Сибири и, возможно, открыли берега Америки, которая в этом документе именуется Новой Землей... Как известно, в первой половине XVII века сложилось представление, что Новая Земля протянулась через все Студеное море и соединяется с Америкой.

Итак, Михаил Стадухин покидает Якутск. Плывет он со своими товарищами на казенном суденышке коче с казенными парусами и другими казенными снастями. Неторопливо несет их на север великая Лена, совершенно равнодушная к тому, что служилые люди спешат к океану. Им позарез нужно пройти возможно дальше на восток, прежде чем прибрежные воды возьмет замороз... По календарю еще далеко до зимы, но стоят холода. Неотступно досаждают лихие северные ветры, разводя высокую волну. Приходится спасать от сырости и провизию, и порох, и тяжелые пищали. Слава богу, что свинец не боится сырости... Но его тоже надо беречь, как и муку. Ни без того, ни без другого не обойтись мореходам в дальнем пути.

Когда плыли рукавами дельты Лены, ветры достигли необычайной свирепости. После шести недель путешествия по Лене «с превеликим трудом» вышли в открытое море и там встретили таких же бедолаг. Но то были не служилые, а промышленные люди. Они были в ответе только перед самими собой. Якутские воеводы были далеко, а со служилым народом они умели ладить. И те, и другие, как правило, были выходцами из Поморья, точнее, из бывших земель Великого Новгорода.

Ветер крепчает. Рвется казенный парус на казенном коче Михаила Стадухина. Промышленные люди не бросают его в беде. Напротив, дают парус, якорь и различные снасти, чтобы он мог заменить казенную гниль. «А только бы не промышленные люди, нас бы на море разбило»,— сообщит он затем якутским властям.

Спешат мореходы. Но уже вступает в свои права короткая полярная осень. Ее сменяют снегопады и морозы. Ветры по-прежнему держатся «встрешные». Только до Чюркина разбоя удастся «добежать» мореходам. «И до Колымы реки не дошли, потому что путь поздней, и на море лед появился. Пришлось возвращаться на Яну реку и зимовать в ясашном зимовье». Часть своих спутников Стадухин оставляет на Яне, приказав следующим летом «на коче итти морем». А сам с несколькими служилыми людьми 23 марта 1648 года отправляется на нартах «за волок», на Колыму...

Семь недель продолжается санное путешествие от Яны до Индигирки. При этом Стадухин и его товарищи на свой счет покупают хлебный запас, лыжи, нарты, собачьи упряжки, «кабала свои бедные головы великим долгом».

На реке Индигирке построили коч и морем перешли на Колыму. Благополучно обогнув Святой Нос, к северу от которого находились многочисленные острова, коч прошел из моря Лаптевых в Восточно-Сибирское и добрался до Нижнеколымского острога, где своих товарищей поджидал Михаил Стадухин. Готовясь к плаванию, он узнал, что река Анадырь, к которой ему предстояло идти морем, находится за горою близко. Иными словами, можно было ее достичь сухопутным путем, идя по реке большому Анюю, и затем, перевалив через горный хребет, достигнуть истоков Анадыря, богатого соболями и моржовым зубом.

В Нижнеколымском остроге Михаил Стадухин узнал, что в 1647 году из Колымы вышла экспедиция Федота Алексеева и Семена Дежнева к реке Анадырь. Но первая попытка пройти к востоку от Колымы закончилась неудачей. Их кочи через два дня были остановлены льдами в районе Чаунской губы. Во второй половине июня 1648 года Федот Алексеев, Семен Дежнев и Герасим Анкудинов на семи кочах снова вышли на восток.

Настала зима. Потом пришла весна. А от Федота Алексеева, Герасима Анкудинова и Семена Дежнева не было каких-либо известий. Что случилось с ними? Удалось ли им достичь сказочно богатой реки Пагычи — Анадыря...

Летом 1649 года кочи Стадухина покинули Нижнеколымск и направились на восток.

«От Ковымы реки,— сообщал якутским властям Стадухин,— морем бежали семеры сутки, паруса не отпускаючи, а реки не дошел, и поймал языков, живут возле моря на берегу... и в роспросах сказывали, что де реки мы близко не знаем, потому что возле моря лежит камень утес, конца камению не знают. А которые служилые и торговые люди, Ерасимко Анкидинов, Семейка Дежнев, а с ними девяносто человек в прошлом 156 (1648 году) пошли с Ковымы реки на ту же реку (Анадырь) на семи кочах, и про них те же языки сказывали: два коча де на море разбило, и наши де люди их побили, а достальные люди жили на край моря, и про них де мы не знаем, живы ли оне или нет».

Не менее важно свидетельство об этом плавании «историко-графа» экспедиции Ивана Федоровича Казанца. Оказывается, после семи суток непрерывного плавания Михаил Стадухин сделал остановку и отправил его, Казанца, вместе с Иваном Барановым на поиск «языков». Двое суток шли они по берегу моря. Наконец они встретили две юрты и, взяв языков, привели к Стадухину. Расспросив местных жителей, Михаил Стадухин принял решение плавание на восток не продолжать и возвратиться на Колыму, «потому чтоб служилые люди напрасною смертью не померли».

Дело в том, что к этому времени «и у него, Михайла, у служилых и промышленных людей хлебных запасов не стало, и рыбы добыть не могли потому, что возле моря лежит камень. И он, служилой человек, Михайло Стадухин, не хотя поморить голодную

смертью служилых и промышленных людей, воротился морем назад на Ковыму реку».

Где же состоялась встреча Михаила Стадухина с коренными жителями Чукотки? Сколько миль проплыли его кочи от Колымы на восток? Одни считают, что он достиг всего лишь мыса Шелагского. Это немногим более ста миль. Но плавание продолжалось непрерывно семь суток, без единой остановки, без какой-либо помехи ото льдов. Ветер был, по-видимому, попутный или во всяком случае благоприятный, либо от запада, либо от юга, либо от юго-запада. Семь суток плыли «не отпускаючи паруса...», в общей сложности 160—170 часов. Если допустить, что в час кочи проходили всего по 4 мили, то Стадухину с товарищами удалось достичь северного побережья Чукотки либо между мысом Шмидта и Колючинской губой, либо между Колючинской губой и Беринговым проливом. Вероятнее последнее. При этом не следует забывать, что Михаил Стадухин привез с собою моржовую кость, а моржи водились в районе Берингова пролива. И главное, только именно носовые чукчи могли поведать путешественникам о том, что у берегов Чукотского Носа погибли два коча, участвовавших в плавании Федота Алексеева, Семена Дежнева и Герасима Анкудинова. Кроме того, многие землепроходцы, сподвижники Семена Дежнева, и сам Дежнев неоднократно отмечали, что «камень в море» они посещали раньше Стадухина и что этот камень лежит в море к востоку от Чукотского Носа (полуострова). Иными словами, даже Дежнев, который не питал симпатии к своему старшему сопернику, и тот признает факт достижения Стадухиным камня в Беринговом проливе.

Некоторую ясность вносит челобитная Федотки Емельянова Ветошки. По его словам, за тем местом, до которого доходил Стадухин, «есть каменный нос большой, вышел в море далеко и людей на нем добро много. А против Носу есть острова в море. А на островах людей добре много». Все это дает основание предполагать, что путешественники достигли района Берингова пролива, где «против» Чукотского побережья действительно лежат острова. Об этом же свидетельствует челобитная Ивана Федорова Казанца, который был взят Стадухиным для «государевых всяких письменных дел» и который затем служил у Дежнева. Он сообщает, что они «доходили до Камня в мори».

Во всех документах о плавании Стадухина в 1649 году упоминается, что оно продолжалось семь суток и что к этому времени у экспедиции кончились хлебные запасы... Не может быть, чтобы Михаил Стадухин со своими сподвижниками вышел в путешествие с недельным запасом провизии. Либо плавание продолжалось гораздо больше, либо Стадухин и его товарищи долгое время занимались промыслом моржового зуба...

О том, что экспедиция продолжалась долго, свидетельствует ее позднее возвращение на Колыму — 6 сентября по старому стилю, то есть в самом преддверии полярного предзимья...

Михаилу Стадухину не довелось ни повторить плавание Федота Алексеева и Семена Дежнева, ни достичь берегов Северной Америки, о которой у русских служилых и промышленных людей к этому времени было собрано немало сведений. Но эта неудача не остановила морехода. Вернувшись в Нижнеколымск, он немедленно начал готовиться к походу на Анадырь по сухопутью. Прежде всего закупил хлебные запасы, рыбный корм по необычайно дорогой цене, «кабальную свою бедную голову великим долгом». 3 октября 1649 года Михаил Стадухин подписал кабальную запись о том, что взял у местного заимодавца хлебных запасов и «служебных товаров на 16 сороков на 20 соболей». Так поступали и его сподвижники.

«И тот, государь, служилый человек Михайло Стадухин, — писал Иван Казанец в челобитной царю Алексею Михайловичу, — с Колымы реки пошел нартами на те новые захребетные реки, а меня, сироту твоего взял с собою же для твоих государевых всяких письменных дел и в том подъеме хлебных запасов и рыбных заводов нарты и лыжи и собаки и всякой подъем должились великим долгом».

Судя по документам того времени, на Колыме пуд ржаной муки стоил от 5 до 8 рублей, пищаль — 20 рублей, фунт свинца — рубль, фунт пороха — три рубля. А в целом снаряжение одного путешественника обходилось в 150 и больше рублей, что для середины XVII века считалось очень большой суммой.

Таким образом, свое новое путешествие, которое будет продолжаться целое десятилетие, он со своими сподвижниками предпринял не только на свой риск и страх, но и за свой собственный счет...

Путешествие на нартах с Колымы на Анадырь продолжалось семь недель. Во время перехода через горы (Камень) стояли бурные ветры. Во время этого похода Иван Казанец «стал увечен». Пострадали от холода и другие участники похода.

К своему немалому удивлению путешественники на Анадыре обнаружили русский острожек. Оказалось, что это обосновался Семен Дежнев со своими 25 спутниками. Коч, на котором они плыли, выбросило на берег, и они по сухопутью отправились до Анадыря, где построили зимовье на многие годы. Стадухин, по словам Дежнева, якобы изрядно потрепал его отряд. Возможно это так, но почему же он оставил на попечение Дежнева пострадавших во время перехода людей, а впоследствии послал с Дежневым своего сына в Москву... Вероятно, враждебность в отношениях между двумя равновеликими первопроходцами весьма преувеличена... Тем более, что Михаил Стадухин сразу же принял решение оставить Анадырь и стал готовиться к походу на юг вдоль восточного побережья Азиатского материка. (Туда пытался пробиться Семен Дежнев, но у него не хватило сил проникнуть в тот край и он вернулся на Анадырь.) Между тем Михаил Стадухин не скрывал, что путь предстоит дальний, трудный, опасный. На годы

невозможно взять с собой хлебных запасов (а прежде всего, не у кого).

Стадухин разрешает служилым людям, которые во время похода с Колымы на Анадырь обморозились или получили раны, остаться у Семена Дежнева. Особенно жалко ему расставаться со служилым человеком Иваном Федоровым Казанцом, который вел его переписку с якутскими воеводами. Донесений писать некому. Обойдутся сибирские власти. Когда привезет «соболиную казну», расскажет сам о виденном и слышанном...

Вместе с Михаилом Стадухиным идут в неизвестность 50 смельчаков. До сих пор считалось, что путешественники с Анадыря к реке Пенжине и Пенжинскому морю перешли по суше. Недавно стали известны следующие строки из донесения Стадухина.

«А как мы пошли с Анадырь морем, — доносил Стадухин, — видели нужи и бедности от моря потопа много». Мореход не указал, к какому месту Камчатки пристали первопроходцы. Известно лишь, что у ее берегов суда пришлось бросить и отправиться по зимнему пути на нартах через Каменный Нос к реке Пенжине.

Стояли жестокие морозы. Нарты с трудом тащились по глубокому снегу. Свирепствовали великие вьюги и буйные ветры. А вокруг высились горы да скалы. Негде было укрыться от непогоды. Нечем было пополнить запасы. «И без хлеба на том волоку едва не померли».

Многие сотни верст лежат между Анадырем и Пенжиной. Идут через Камчатский Нос, о котором собирают самые подробные сведения. Камчадалы сообщают, что через их землю течет большая река и зовут ее Камчаткой. Михаил Стадухин позднее доложит об этой реке сибирским властям и в 1667 г. появится она на знаменитой карте Петра Годунова...

Наконец увидели Пенжину, к которой так стремились. Больше всего удивило путешественников, что ее берега оказались почти безлесные. «Лес добывали с великою нужею и с боем и за кровию».

На реке Пенжине построили кочи, поставили паруса и отправились дальше на юг, к желанной реке Гижиге, о которой коряки поведали, что «там соболей много и лесу много». Едва кочи покинули устье реки, как поднялась буря. «И тут уносило меня в море трои сутки». Едва уцелел его коч «во время шторма», а другое суденышко «разбило». Уже осенью достиг Стадухин реки Гижиги, где 20 сентября 1651 года поставил «острожек». Зимой совершали походы по берегам Гижиги, ревностно собирая сведения о реках, лежащих к югу.

В долине Гижиги жили коряки и юкагиры. Людей было такое множество, что Стадухин решил не пытаться силой приводить их в подданство России. Расстались с «мужиками-юкагирами» мирно. Построили суда из леса, который нашелся по берегам Гижиги, и отправились в плавание по Охотскому морю. Шторм («морской разбой») трепал их суденышки многие дни. Кочи и их снасти приходили в негодность. Чтобы не погибнуть, приходилось приста-

вать к берегу, латать пробойны и заново сшивать гнилые паруса. Потом снова выходили в неприветливое море. Волны хлестали через борт, унося с собою и без того скромные припасы.

На плавание морем ушло целое лето. Только 10 сентября 1652 года достигли «Дирядны реки с сю сторону называемую Товуем». На берегу реки Товуй отряд Михаила Стадухина поставил острог, в котором зимовал пять лет, обживая «новые землицы» на побережье Охотского моря, и приводя их народы под «высокую руку» России.

Летом 1657 года отряд Стадухина построил суда и отправился по морю на реку Охоту. Весной следующего года по зимнему пути он выслал в Якутск «государеву, соболиную казну» в сопровождении нескольких казаков, сообщив при этом, что по берегам Охотского моря «костья рыба нету, никаких диговин».

«И с реки на реку переходя с Анадыря на Товую,— писали Матвей Вальин, Михаил Клубуков и Петр Пустодом, которых в середине 1658 году Стадухин послал в Якутск с соболиной казной,— дважды море било и заводишка разметали, а иные и море потопило, и голод терпели и души свои сквернили, а тебе государь служили и раны от ыноземцов и увечье принимали, ран по 5-ти и по 6-ти и по 10-ти на человека, а у меня, государь, холопа твоего, у Мишки Клубукова глаз выстрелен. И многих, государь, побито нас, холопей твоих, на дорогах и на переходах, и на морском разбое,... из з голоду померло 37 человек, а всех, государь, нас было с ним, Михаилом, 50 человек, а ныне осталось 14 человек с ним, Михаилом... На Тавуе и в переходах с рек на реки, и на морском разбое обсиротели и обдолжали великими долгами».

Слово в слово это повторено в челобитной Онички Яковлева, Ивашки Дмитриева, Якунки Мануйлова, поданной, как и первая, не позднее 28 июня 1658 года.

Затем в Якутск прибыл Михаил Стадухин. Он послал челобитную царю Алексею Михайловичу, где перечислил открытые им «землицы» и главным образом реки. «И на всех тех реках,— писал Стадухин в челобитной на имя царя Алексея Михайловича,— служил я, холоп твой, тебе, великому государю, всякие твои государевы службы двенадцать годов без твоего государева денежного и хлебного жалования и всякую нужу и бедность терпел и всякую скверность принимал и душу свою сквернил».

За свои походы и службы, за свою пролитую кровь, за полученные раны, «много терпенье» Михаил Стадухин просил пожаловать его всего лишь «добавочным денежным и хлебным жалованьем». Неведомо, удовлетворили ли царские власти его просьбу. Известно лишь, что он получил казачий чин десятника и продолжал служить в Сибири. Вскоре он был поверстан в атаманы (тот казачий чин Семен Дежнев получил несколькими годами позже).

В 1666 году якутские власти поручили ему предпринять новый поход. В пути его отряд подвергся внезапному нападению в тех местах, где врагов не должно быть. Михаил Стадухин погиб в этой

Путешествие по наледи из Охотска в Якутск

схватке. Погиб не богачом, как думают некоторые ученые и литераторы, а должником.

Так трагично оборвалась жизнь одного из замечательных первопроходцев и первооткрывателей северо-востока Азии.

На долю Михаила Стадухина выпало немало звездных мгновений. Он первым обследовал Оймякон — одно из самых холодных мест на Земле — откуда по его приказу часть его отряда совершила поход к Охотскому морю. Он первым или одним из первых спустился до Восточно-Сибирского моря и, пройдя Северным Ледовитым океаном, открыл реку Колыму, где заложил Нижнее зимовье (Нижнеколымск). Он собрал сведения о землях в Северном Ледовитом океане, которые представлялись ему единым Каменным поясом, соединяющимся с Америкой. Он доставил якутским властям первые сведения об островах Берингова пролива и богатых лежбищах моржей. Он совершил полное опасное приключений плавание от Якутска до Берингова пролива, от Берингова пролива до Колымы, а из Нижнеколымска через реки и горы перешел на Анадырь. Он первым собрал сведения о Камчатке. Его географические открытия нашли отражение на карте Петра Годунова, составленной в 1667 году в Тобольске.

Разведав Камчатский Нос и побывав на реке Камчатка, он первым совершил отважное плавание из устья Пенжинской губы до Охотска. Ни один из первопроходцев XVII века не предпринимал столь продолжительного по времени путешествия, какое осуществил за 12 лет Михаил Стадухин. Протяженность пройденных им маршрутов составляет около 20 тысяч верст.

Не посмеем в него бросить камень.

Не осудим страстный и буйный пламень его натуры.
Поклонимся лучше его первым, долгим, порой босым следам
на карте России...

Звездный час Федота Алексеева и Семена Дежнева

По иронии судьбы, спустя несколько столетий, подвиги Михаила Стадухина оказались в тени великих открытий Семена Ивановича Дежнева. Но эти открытия приходятся не только на долю Дежнева. Главное из них — первое плавание проливом между Азией и Америкой — он разделил с Федотом Алексеевым (Поповым) и Герасимом Анкудиновым. Более того, документы свидетельствуют о том, что главой этого полярного путешествия был не Семен Дежнев, а Федот Алексеев. Это впервые стало известно Герарду Фридриху Миллеру (почти спустя столетие), а за ним Михаилу Васильевичу Ломоносову (1764 год). Эти великие ученые в своих трудах всегда первым упоминали Федота Алексеева, а затем Семена Дежнева.

Первую попытку пройти из Колымы к устью Анадыря путешественники предприняли в 1647 году. Федот Алексеев на четырех кочах с многочисленными спутниками (более 60 промышленников) отправился «разведывать» рыбий зуб (моржовую кость) и соболиные промыслы на реке Анадыре. К экспедиции решил присоединиться Семен Дежнев, обещая со своей прибылью 47 соболей. «И мы его, Семейку Дежнева, — доносили колымские власти якутскому воеводе Петру Головину, — отпустили для той прибыли с торговым человеком Федотом Алексеевым и для иных новых рек проведывать и где бы государю можно прибыль учинити».

Однако плавание продолжалось недолго. 1647 год отличался необычайно повышенной ледовитостью. Вскоре выяснилось, что по Восточно-Сибирскому морю на восток от Колымы нельзя было «свободно» плавать судам, поэтому кочи вернулись в Нижнеколымск.

Ни Федот Алексеев, ни Семен Дежнев не оставили мысли о плавании к устью Анадыря. 30 июля 1648 года в море вышло шесть кочей, на которых находилось 90 человек. Суды направились на восток. В Восточно-Сибирском море первопроходцы не встретили препятствий от льдов и больших трудностей. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют документы, где не упоминается «ни о каком страхе». Ни слова не сказано о бурях, ветрах, ледяных горах или полях. Испытания их ждали впереди. Когда путешественники находились у северо-восточных берегов, бурей о льды разбило

два судна. Едва вступили в пролив, отделяющий Азию от Америки, как налетел шторм. Коч Герасима Анкудинова был разбит. Путешественники покинули его и перебрались на другие суда. Когда высадились на берег, на путешественников напали местные жители. Федота Алексеева «на драке ранили». Но он продолжил плавание.

Несмотря на позднее время (сентябрь), они счастливо обогнули Чукотский Нос. Мореходы усмотрели к востоку от него два острова, на которых жили люди, украшавшие свое лицо моржовыми костями.

Вскоре мореходы опять попали в шторм. Суды Федота Алексеева и Семена Дежнева разлучились навсегда. Одни считают, что Федот Алексеев был отнесен к Камчатке, другие — к Америке. Во всяком случае в литературе имеются сведения о том, что на территории Русской Америки (Аляски) «найжены следы древних (примерно 350-летней давности) жилищ русской постройки». Кроме того, еще в XVIII веке русскими промышленниками и путешественниками были собраны у американских индейцев и эскимосов рассказы о бородатых голубоглазых людях, которые якобы жили на побережье Северной Америки. Словом, Федот Алексеев и его спутники исчезли «без вести». Что касается Семена Дежнева, то, по его словам, носило его «по морю после Покрова Богородицы всюду неведомо и выбросило на берег, в передний конец, на Анадырь реку».

Через несколько лет Семен Дежнев сообщил в Москву о своем плавании и своих злоключениях: «А Ковымы-реки итти морем на Анадырь-реку, и есть Нос, вышел в море далеко, а против того Носу есть два острова, а на тех островах живут чукчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбий зуб, а лежит тот Нос промеж север на полуношник. А с русскою сторону Носа признака: вышла речка, становые тут чукок делано, что башни из кости китовой. Нос поворотил кругом, к Анадыре-реке подлегло. А доброго побегу от Носа до Анадыря-реки трои сутки, а более нет».

Далее Семен Дежнев сообщал, что на его коче было 25 человек. Когда шторм выбросил на берег его утлое суденышко, он решил со своими спутниками направиться через горы к реке Анадырь. Он писал: «И пошли мы все в гору, сами путь себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. И шел я, бедный Семейка с товарищами до Анадыря-реки ровно десять недель, и пали на реку Анадырь вниз, близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врознь разбрелись. И вверх по Анадыре пошло двадцать человек и ходили двадцать ден, людей и аргишниц, дорог иноземных не видели, и воротились назад».

Дежнев поставил на Анадыре острог, построил новые суда и собирался предпринять поход вокруг Чукотского Носа к устью Колымы, а возможно, и Лены. Однако за неимением крепких парусов, канатов и якорей он «не посмел» отправиться в этот дальний путь, тем более что море по «скасам тамошних народов не

во всякий год от льду чисто бывает». Дежнев употребил эти суда для ознакомления с ближайшими районами.

В 1652 году он открыл богатые лежбища моржей и, по свидетельству современника, набрал на том острове «пудов ста с два и более крупных рыбных костей (клыков) и пудов с восемьдесят мелких костей и обломков».

В 1654 году в коряцком селении, мужское население которого при приближении казаков разбежалось, нашел Семен Дежнев среди женщин и детей «якутскую бабу», жившую некогда у Федота Алексеева в Якутске и «та баба сказала, что Федотово судно разбило близ того места, а сам Федот, поживши там несколько времени, цингою умер, а товарищи его ныне от коряков убиты, а иные в лодках неведома куда убежали». Среди них находился сын Федота Алексеева. Он якобы поселился на Камчатке вблизи устья реки, которую и теперь называют Федотовкой...

Как справедливо отмечает А. И. Алексеев, большинство исследователей замалчивают тот факт, что Федот Алексеев погиб уже пройдя проливом, разделяющим Азию и Америку. За это открытие он заплатил не только своим состоянием, но и отдал самое дорогое — свою жизнь. Как это ни покажется странным, но его именем не назван ни один географический пункт на северо-востоке России. Материалы о плавании Попова — Дежнева много десятилетий пролежали в неизвестности. Первым их обнаружил в Якутском архиве академик Г. Ф. Миллер. В местной приказной избе сохранились документы не только о первых походах россиян в Сибирь, об освоении этой страны, но и о замечательных плаваниях русских через полярные моря из Лены в Тихий океан... Особенно его поразило известие о плавании казаков Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы в Тихий океан к устью реки Анадырь. «Сие известие об обходе Чукотского носу, — писал Миллер, — такой важности есть, что оное паче вышеписанных примечания достойно, ибо известие есть, что прежде никогда подлинно не знали, не соединилась ли в сем месте Азия с Америкой, которое сомнение и к первому отправлению господина командора Беринга в Камчатку причину подало. А ныне в том уже никакого сомнения больше не имеется».

Собранные в Якутском архиве сведения Миллер изложил в труде «Известия о Северном морском ходе из устья Лены-реки ради обретения восточных стран». Наряду с краткой историей мореходства по полярным водам северо-востока России в своих «Известиях» Миллер приводил свидетельства русских землепроходцев о том, что северо-западная Америка находится в недалеком расстоянии от Чукотского Носа, что эта земля «не малой величины», что она «на полдень zelo далеко распространяется, ибо чукчи оттуда и куниц получают, которые не в столь студеном местах находятся, но где гораздо теплее бывает».

Плавание Федота Алексеева и Семена Дежнева и смелый поход Михаила Стадухина доблестно завершают эпоху великих

географических открытий в Арктике и на северо-востоке Азии, включая Камчатку, Сахалин и Амур. В течение лишь первой половины XVII века русские мореходы и землепроходцы проложили пути от Оби до Берингова пролива и от Чукотки до устья Амура.

Это о них писал А. И. Герцен: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами, и это от Перми до Тихого океана... И такие колоссальные события едва замечены историей».

Если сведения мореходов XVII века о нахождении поблизости от Азии северо-западных берегов Америки были подтверждены спустя пять лет после того, как Миллер написал свое сочинение, то с великим открытием Алексева — Дежнева дело обстояло сложнее. Проходили десятилетия, а плавание из Колымы вдоль Чукотки никто не мог повторить. Мореходы терпели одно поражение за другим. Первым среди них был Михаил Стадухин, последними — Иосиф Биллингс и Гавриил Сарычев. Между этими путешествиями лежит полтора века. За это время было предпринято немало плаваний. Однако мореходство в северо-восточных морях шло постепенно на убыль. Дело в том, что в этом районе Арктики наступило похолодание климата, которое продолжалось более двух столетий. Если в первой половине XVII века почти не встречается отписок (донесений), в которых бы имелись ссылки на препятствия от льдов, то во второй половине того же века мореходы все время жалуются на ухудшение метеорологических и ледовых условий. То и дело они сообщают якутским или московским властям о том, что в морском пути их пленил «замороз»... Определенное влияние на развитие мореплавания в восточном районе Арктики оказало смещение центра промыслов на берега Шпицбергена и Новой Земли.

В государственных учреждениях Москвы, а потом Петербурга со временем забыли о том, что еще в течение первой половины XVII века русскими мореходами было пройдено все северное побережье Евразии, от Баренцева моря до северной части Тихого океана. Восстановлению истины первыми положили начало Первая и Вторая Камчатские экспедиции Витуса Беринга, о которых пойдет речь в следующей главе.

Только сибирские старожилы хранили тогда сведения о прежних смелых плаваниях и предания об исполинском Каменном поясе в Северном Ледовитом океане.

«Еще не весь развернут список...»

В Ленинграде в библиотеке Академии наук СССР под № 615 хранится копия одной интересной карты первой половины XVIII века. На ней изображена северная часть Тихого океана, отчетливо показаны далекие от истины очертания Чукотки и Камчатки, ниточка Амура и цепочка Японских островов. Дальше на восток все тонет в белесом тумане. Нет на карте ни Командорских, ни Алеутских островов. А северо-западные берега Северной Америки почти отсутствуют, лишь Мексика и Калифорния представлены на ней. Дальше на север разливается огромным белым пятном неизвестность.

Только ближе к владениям России, в сороковых широтах Тихого океана, словно из дымки неожиданно вырисовывается Земля Хуана де Гама. Надпись на карте гласит, что она исполнена в 1733 году в Петербурге. Это год отправления из столицы Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Ей предстоит сыграть роковую роль в судьбе этого великого мореплавателя и многих его сподвижников. За пять лет перед тем он прошел на судне «Святой Гавриил» проливом между Азией и Америкой, подтвердив установленную Федотом Алексеевым и Семеном Дежневым истину, что континенты друг от друга отделены морскими водами. А теперь ему поручено руководство величайшим географическим предприятием, равному которому не знал мир. Вторая Камчатская экспедиция потрясла ученый мир всего света, оставив звездный след в мировой истории, истории России, истории Петербургской академии наук, истории русского флота.

Руководитель Первой Камчатской экспедиции Витус Беринг — Витус Ионссен (Иван Иванович) Беринг родился 12 августа 1691 года в Дании в городе Хорсенсе. Он носил фамилию матери Анны Беринг, принадлежавшей к знаменитому датскому роду. Отец мореплавателя был церковным старостой. Юношей Витус Беринг участвовал в плавании к берегам Ост-Индии, куда раньше отправился его брат Свен, и остался там на много лет. Беринг возвратился из своего первого путешествия в 1703 году. Корабль, на котором он плавал, прибыл в Амстердам. Здесь произошла встреча нового морехода с русским адмиралом Корнелием Ивановичем Крюсом. По поручению Петра I Крюйс нанимал на русскую службу опытных моряков. Эта встреча сделала крутой поворот в судьбе Витуса Беринга, приведший его на службу в русский военный флот и в число великих мореплавателей мира.

Вскоре после этой встречи Витус Беринг переступил рубеж далекой и загадочной страны. Он и не предполагал, что через некоторое время ему придется пересечь ее огромное пространство

сначала с севера на юг и обратно, а затем с запада на восток... С первых же дней пребывания в России его покорили ширь полей, девственные леса, синева зеркальных озер и речек, то небольших, то великих, как море.

Двадцатитрехлетний Беринг был назначен командиром небольшого судна и доставлял с берегов Невы к острову Котлину лес. На острове по приказу Петра I создавалась военно-морская крепость; Кронштадт вскоре стал местом жительства Витуса Беринга. В 1706 году он был произведен в лейтенанты. На его долю выпадают ответственные поручения. Он следит за передвижениями шведов в Финском заливе, плавает в Азовском море, перегоняет корабль «Перл» из Гамбурга в Петербург, совершает поход из Архангельска в Кронштадт вокруг Скандинавского полуострова.

В трудах и баталиях проходит 20 лет. Беринг уже командует одним из самых больших кораблей Балтийского флота, имеет чин капитана, о нем знает Петр. В конце декабря 1724 года Петр I принял решение об отправке экспедиции на Камчатку. Он дал указание Адмиралтейств-коллегии разыскать геодезистов, которые возвратились из предыдущих экспедиций в Сибирь, и под начальством достойного морского офицера отправить на Камчатку. В экспедицию, по мысли Петра I, следовало также отрядить корабельных мастеров, плотников и матросов, которые могли бы построить палубный бот. Особенно важным он считал участие в экспедиции «штурмана или подштурмана, которые бывали в Нордной Америке».

Адмиралтейств-коллегия предложила во главе экспедиции поставить капитана Беринга, поскольку он «в Ост-Индии был и обхождение знает». Петр I согласился с кандидатурой Беринга.

6 января 1725 года за несколько недель до своей смерти Петр I подписал инструкцию для Первой Камчатской экспедиции. Берингу предписывалось на Камчатке или в другом подходящем месте построить два палубных корабля. Суда следовало послать к берегам «земли, которая идет на норд и которая, возможно (понеже оной конца не знают), является частью Америки». Главной задачей экспедиции были поиски того места, где земля, идущая на север, соединялась с Америкой. Затем мореплавателям надлежало доехать до какого-нибудь «города Европейских владений». Если путешественники во время плавания встретят какой-либо «корабль европейский», то должны будут «проведать от него», как этот берег называется, побывать на нем, положить на карту, и, собрав наиболее важные сведения о посещенных местах («подлинную ведомость»), возвращаться в Петербург («сюды»).

Указ Адмиралтейств-коллегии с собственноручными пометками царя и Инструкция для Камчатской экспедиции носят отпечаток какой-то недоговоренности. Вероятно, собственноручно составив инструкцию, Петр I дал Адмиралтейств-коллегии допол-

Петр I

нительные разъяснения о задачах экспедиции, которые на протяжении многих лет различными авторами трактуются по-разному. Судя по действиям Беринга и его спутников, по отчетам экспедиции и по документам государственных учреждений, цель задуманного предприятия состояла в том, чтобы обследовать простирающиеся на север восточных берегов Азии и выяснить, не соединяются ли они с берегами Америки, так как в это время некоторые из географов придерживались взгляда, что оба континента соединены перешейком. Впоследствии в краткой справке, составленной в начале 40-х годов XVIII века для кабинета Елизаветы Петровны, отмечалось, что важность Пер-

вой Камчатской экспедиции, согласно инструкции Петра I, состояла только в том, чтоб «осмотреть от земли Камчатской лежащий берег между севером и востоком, у которого последний мыс называется Чукченский нос, не имеет ли тот берег коммуникации с настоящего Америкой западного ее берега».

Таким образом, не подлежит сомнению, что главной задачей Первой Камчатской экспедиции Беринга являлись осмотр восточных берегов России на север от Камчатки и выяснение вопроса о том, соединяются ли берега Азии с Америкой. В том случае, если путешественникам посчастливится открыть на севере берег Америки, то они должны были следовать вдоль земли по возможности до европейских владений. Так понимал инструкцию Петра I, сформулировавшего ее задачи в очень осторожной (отнюдь не повелительной) форме, и сам Витус Беринг и его помощник Алексей Иванович Чириков, которые считали, что «когда самые американские берега получат, то дойти по силе инструкции... императора Петра Великого до испанского владения Мексиканской провинции». Бесспорно, что Беринг и его спутники точно и ясно представляли, что им предстоит совершить. Когда в Енисейске Беринг от местных жителей услышал, что из устья Колымы в Тихий океан (на Анадырь) в прежние времена хаживали, то он пришел к выводу, что «сим путем» имеется больше надежды совершить плавание на Камчатку. Более того, именно в этих первых, необычайно поразивших путешественника сведениях о старинном мореплавании лежат истоки замечательного замысла Беринга

о посылке кораблей для изведывания северных берегов и морей Сибири, воплотившихся в Великой Сибирской экспедиции.

Безусловно, что Беринг был не только снабжен инструкцией Петра I и новейшими картами Азии, но и получил устные наставления Адмиралтейств-коллегии, которые дополняли и разъясняли смысл наказа русского императора.

Итак, Витус Беринг был назначен начальником Камчатской экспедиции. Ответственное назначение не сулило легких успехов. Самую удачу надо было завоевывать трудом, смелостью, выносливостью, терпением. Ему предстояло пересечь Россию с запада на восток и, проделав более десяти тысяч верст на лошадях, на лодках, выйти на просторы Великого океана. Путь лежал в далекую Сибирь, на край света, куда ссылали самых опасных государственных преступников. Надо было решать и решать немедленно. Либо самоотверженная служба в России, либо бесславное возвращение в Данию. Он давно уже выбрал первое.

Беринг любил эту страну, ее народ, исключительно выносливый, терпеливый и талантливый. Витус Беринг остался в России, обзавелся семьей и ничто уже больше не могло оторвать его от нового отечества.

Спустя месяц после того дня, как Петр I отдал приказ о подготовке Камчатской экспедиции, из Петербурга выехали лейтенант Алексей Чириков и гардемарин Петр Чаплин, которому наука обязана драгоценными сведениями о работах этого отряда русских моряков. Кроме того, в составе отряда находились геодезисты, штурманы, корабельных дел мастера.

Спустя десять дней столицу покинул и Беринг, получив инструкцию Петра I, которого уже не было в живых. Вместе с ним выехал Мартын Шпанберг и пятеро «служителей». Всего в экспедиции участвовало 34 человека. Каждый из участников перед отъездом дал присягу ревностно служить России и оберегать ее интересы.

В Вологде Беринг нагнал своих спутников. Дальше их путь лежал в Великий Устюг, Верхотурье, Тобольск, через всю Сибирь к берегам Охотского моря, откуда должны были предпринять плавание к северу. Много недель и месяцев длился этот трудный поход.

Прошла зима, весна, лето и осень и снова наступила зима, а Беринг, Чириков и их спутники добрались только до Илимска, где и остановились на зимовку. Следующим летом достигли Якутска, и Беринг приступил к сбору сведений о тех местах, которые предстояло исследовать. Он потребовал знающих людей. Так, например, из Нижнекамчатска вызвал Игнатия Козыревского, который за несколько лет перед тем побывал на ближайших к Камчатке Курильских островах и доставил интересные сведения о всей гряде, расположенной по дуге на сотни верст.

От сибирских старожилов Беринг узнал, что лет 60—70 назад русские люди неоднократно ходили морем из Колымы в Анадырь.

Неизвестные смелые русские люди опередили его и еще в середине прошлого столетия открыли пролив, отделяющий Азию от Америки. Но кто были эти отважные люди, прошедшие через Ледовитый океан и совершившие великое открытие? Народное предание не сохранило их имен.

Беринг и не подозревал, что в Якутске, где он хлопотал о дальнейших делах экспедиции, хранились исторические документы о плавании Федота Алексеева и Семена Дежнева со своими товарищами проливом между Азией и Америкой в 1648 году.

Не ведал он и того, что присвоит себе честь открытия давно открытого пролива, которому последующие путешественники дадут его имя, и вместе с тем явится одним из тех, кто содействовал восстановлению исторической справедливости и заслуженной славы Семена Дежнева и Федота Алексеева.

В конце 1726 года экспедиция достигла Охотска и немедленно приступила к постройке судна. Необходимые материалы доставлялись из Якутска в течение всей зимы.

Чтобы перевезти тысячи пудов грузов, требовались сотни лошадей и собачьих упряжек, но корма для лошадей не было, а солдатам не хватало продовольствия. Порой приходилось бросать снаряжение в дороге и снова собирать лошадей в ближайших окрестностях. Сказывалась трудность пути через Сибирь: «Материалов ничего не привезли,— докладывал Беринг в Адмиралтейств-коллегию о прибытии в Охотск отряда Лейтенанта Шпанберга,— понеже идучи путем оголодала вся команда и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платья и обувь кожаные, а материалы оставил все на дороге в 4 местах понеже по оному пути вблизи жителей никаких не имеется».

Экспедиция Беринга стоила немалых материальных и людских жертв. Отряду лейтенанта Мартына Шпанберга пришлось тащить на себе часть тяжелой клади. Другую часть везли на собаках, которые страдали от бескормицы. Вскоре из-за оскудения провианта потеряли 40 упряжек. Заболевших в пути служилых людей пришлось отпустить. Вскоре начался повальный голод. Шпанберг, по его словам, запасы собственной провизии, состоявшей из мяса, муки, крупы, «все разделил людям и равно с ними такую же нужду имел». Наступил такой день, когда люди, измотанные сильными морозами и непрерывным недоеданием, не имели сил сдвинуться вперед. Тогда Шпанберг решил один идти в Охотск, чтобы призвать своих товарищей на помощь. Через день он встретился со спасательной партией, которую Беринг выслал навстречу отряду Шпанберга. На нескольких десятках нарт было доставлено продовольствие и терпящие бедствие путешественники были спасены.

Более успешно действовал отряд лейтенанта Алексея Ильича Чирикова, которому Первая Камчатская экспедиция обязана своими успехами в той же степени, что и Берингу. Скромный и

талантливый, решительный в своих действиях и обладающий большим кругозором, он уверенно и отлично выполнял все поручения Беринга, доставив в Охотск без задержки и без потерь несколько тысяч пудов муки и различного продовольствия. Его люди не падали замертво от голода, лошадям огромного обоза не приходилось добывать траву из-под глубокого снега.

Летом 1727 года в Охотске была закончена постройка судна «Фортуна». Кроме того, решено было нагрузить вернувшийся с Камчатки бот. 22 августа суда покинули Охотск. Время было позднее, и Беринг, опасаясь жестоких штормов, решил идти к Большерецку на западном берегу Камчатки. Такое решение создавало новые трудности, так как предстояло со всеми грузами пересечь по сухопутью Камчатку. Но зато суда не подвергались риску быть разбитыми или потопленными во время плавания Тихим океаном...

Спустя неделю путешественники увидели берега Камчатки. Вскоре в судне «Фортуна» открылась сильная течь. Решено было зайти в устье реки Большой и приступить к разгрузке судов.

«И по прибытии к Большерецкому устью,— писал Беринг,— материалы и провиант переправили до Большерецкого острога водою в малых лодках. При оном остроге русского жилья 14 дворов. И отправил вверх рекою Быстрою в малых лодках тяжелые материалы и некоторую часть провианта, которые доведены были водою до Верхнего Камчадальского острога за 120 верст. И того же зимою из Большерецкого острога до Верхнего и Нижнего Камчадальских острогов переправили совсем по тамошнему обычаю на собаках. А каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже великие живут метелицы, которые по тамошнему называются пурги. И ежели застанет метелица на чистом месте, а стана себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, от чего и умирают».

Капитан-командору и его спутникам пришлось проделать более 800 верст на собачьих упряжках, прежде чем они достигли Нижнекамчатска.

В Нижнекамчатске был построен бот «Св. Гавриил». На нем экспедиция 13 июля 1728 г. направилась на север. Поставили все паруса. Ветер наполнил их, и судно полетело к северу. Перед начальником Камчатской экспедиции стояла задача решить важнейшую географическую загадку, занимавшую умы отечественных и зарубежных географов. Необщительный от природы Беринг теперь стал еще более сосредоточенным и молчаливым. Он вспоминал недавнее прошлое и пытался заглянуть в будущее.

Прошло три с половиной года, как он покинул Петербург. Это были годы непрерывных трудов и лишений, но он не жалел, что принял начальствование над этой ответственной и сложной экспедицией и променял службу строевого офицера на беспокойную жизнь исследователя.

Беринга влекли необозримые океанские просторы. Это влече-

ние привело его юношей в Индию. И сейчас юношеская страсть запылала новым огнем и настойчиво звала в неведомые дали Сибири и Тихого океана. В этих краях для его пытливой души было все ново, неизведанно, загадочно.

О своих впечатлениях о Первой Камчатской экспедиции через некоторое время Беринг рассказал в письме к своей тетушке:

«Желание моей молодости — путешествовать исполнилось, — писал он из Петербурга в Данию. — Я совершал рекогносцировки по морю, попадая иногда к язычникам, которые никогда раньше не видели ни одного европейца, а также места, где не произрастал хлеб и не было никакого скота, кроме диких птиц и северных оленей..., достаточно ручных, чтобы на них ездить верхом вместо лошадей. Зимой здесь ездят на собаках, запрягая их в сани, как в других местах лошадей. Рыба является здесь основной пищей как для собак, так и для людей».

О научных наблюдениях мы читаем в рапортах и донесениях Адмиралтейств-коллегии, в деловых записках и судовых журналах. Делать более подробные записи не было времени. А жаль! Сколько чудесного, необыкновенного и драматического приключалось с ним и его товарищами.

15 июля путешественники миновали мыс Камчатский и легли курсом на север, как предписывалось инструкцией Петра I. Слева ясно виднелись гористые берега Камчатки. Ветер свежел, поднимая большую волну. Все чаще зеленовато-серые водяные валы налетали на корму, обдавая брызгами палубу.

Офицеры и матросы были приятно возбуждены. Наконец закончилось многотрудное странствование по Сибири и Камчатке и их небольшой корабль был в незнакомом, но родном море. И дежурные, и свободные от вахты — все были на палубе, все всматривались в горизонт, надеясь впереди или справа усмотреть землю или остров, на который не ступала нога путешественника. Но ничего не было видно. Лишь слева в отдалении возвышались горы знакомого берега Азии да в море вдруг взлетали фонтаны, выпускаемые китами. Часто встречались стада моржей и стаи птиц, стремительно пронесившихся над судном.

Ночью 17 июля миновали южную оконечность Карагинского острова. Спустя четыре дня «Св. Гавриил» находился в водах Олоторского залива. 27 июля увидели мыс, которому не присвоили имени и который впоследствии Ф. Литке назвал мыс Наварин. Цвет воды вскоре изменился, горы вдруг расступились. Путешественники пришли к заключению, что в этом месте в море впадает большая река.

Все время шли дожди, которые часто сменялись туманами. Встречные ветры снижали скорость корабля, а волнение причиняло много неприятностей. 30 июля путешественники вступили в Анадырский лиман, а на следующий день открыли залив Креста. Плавание на север продолжалось. По-прежнему держались «великие ветры», дожди и туманы. Слева, как и прежде, высились

горы. Лишь 6 августа они расступились. Путешественники открыли бухту Преображения, набрали свежей воды. Вскоре экспедиция продолжала путь на север.

8 августа мореплаватели впервые увидели чукчей. Они рассказали, «что земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели, и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды, о чем и от русских людей довольно верно сведано; а в соседстве у нас, кроме нашего чукотского народа, не имеется, только де слышали от родников, которые ходят на реку Колыму, что там живут русские люди... На море знаем де один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем».

Во-первых, чукчи заявили, что никакие суда прежде в этих местах не бывали. Во-вторых, их представления о Колыме были самые смутные. Они слышали, что там «живут русские люди, а она река Колыма или другая», об этом они точно не ведают. Из ответов чукчей стало ясно, что на чукотской земле леса не растет. По их земле протекают лишь малые реки. На вопрос: «Куда ваша земля пошла и далеко ли?» Чукчи отвечали: «А земля наша почти отсюда поворотилась налево и пошла далеко, а живут по ней все наши чукчи».

Очень интересовало мореплавателей существование Носа, уходящего далеко в море. «Нос никакой в море от нашей земли не протянулся, вся наша ровная земля», — сообщили чукчи. И наконец, местные жители рассказали об острове, на котором живут люди и который, если бы не держался туман, путешественники могли увидеть своими глазами.

Совсем недавно обнаружен журнал Алексея Чирикова, в котором более обстоятельно рассказано о встрече с чукчами. Жители Чукотки, плывшие на лодке, не осмеливались сначала все вместе пристать к кораблю, а послали на пузыре, сделанном из нерпичьей кожи, одного из своих товарищей, который и рассказал путешественникам, что они уже давно прошли реку Анадырь. Беринга и его спутников очень интересовал вопрос о том, имеются ли к востоку от Чукотки какие-либо острова. Чукча первоначально не хотел отвечать на этот вопрос, «а потом сказал, что есть остров, который в красный день, отошед до недалече отсюда к востоку с земли видать».

К сожалению, переводчики, знавшие коряцкий язык, плохо понимали чукчей и потому путешественники «от них осведомится подлинно, о чем потребно не могли».

Вопросы моряков и ответы чукчей дают более обстоятельное представление о сведениях, какие получили путешественники во время первой встречи с чукчами.

9 августа плавание на север продолжалось. Густой туман сменялся дождем. На море была большая волна. Следующий день особо запомнился путешественникам не столько удивительно тихой и солнечной погодой, сколько открытием большого острова,

который лежал к востоку от Чукотки. Его называли по святым островом Св. Лаврентия, в честь праздника, приходившегося на этот день.

«А к показанному от чукок острову подходил,— писал Беринг в своем отчете,— видел жилье такое же, как и у чукок».

11 августа вошли в пролив, отделяющий Азию от Америки и ныне носящий имя Беринга. На следующий день моряки заметили, что земля, мимо которой они плыли, осталась позади. И действительно, судно «Св. Гавриил» уже находилось у входа в Северный Ледовитый океан. Оно все дальше и дальше уходило на север. 13 августа корабль, подгоняемый сильным ветром, пересек Северный полярный круг.

Беринг считал, что экспедиция выполнила свою задачу. Он был убежден, что американский берег не соединяется с Азией и что не существует такого соединения и дальше к северу, поскольку там расстился безбрежный Ледовитый океан. Прежде чем принять решение о возвращении на Камчатку, он созвал совет офицеров. Зачитав им инструкцию Петра I и напомнив об ответах чукок на их вопросы, Беринг предложил высказаться письменно о том, можно ли считать доказанным, что земля Чукотского Носа отделена водами от Америки.

Первым представил свое мнение Алексей Чириков. Он считал, что поскольку они не получили достоверных сведений о пребывании подле восточных берегов Азии европейских народов, то нельзя быть уверенными в разделении морем Азии с Америкой, «ежели не дойдем до устья Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды». Чириков предлагал плыть на запад вдоль берегов Чукотской земли, а если последняя протянется к северу, то плыть вблизи нее на nord и до 25 августа искать место для зимовки. Особое предпочтение при этом он отдавал зимовке на земле, которая по некоторым сведениям лежала к востоку от Чукотского Носа и на которой рос лес.

Мартын Шпанберг занял более осторожную позицию, чем Чириков. В своем письменном ответе Шпанберг высказался за продолжение плавания к северу только до 16 августа. После того как экспедиция достигнет 66° с. ш., кораблю следовало лечь на возвратный курс и направиться к берегам Камчатки, к прежнему месту зимовки.

Беринг согласился с предложением Шпанберга. Несколько суток судно «Св. Гавриил» продолжало плавание на север-северо-восток. Погода ухудшалась. День 14 августа был необычайно пасмурный. Ветер стих. Паруса из-за штиля и темноты убрали. Судно медленно продвигалось к северу самой узкой частью пролива. Когда после полудня ветер на мгновение разогнал тучи, путешественники увидели позади себя очертания неизвестной гористой земли, которую впоследствии назвали островом Ратманова. В тот же день путешественники на Большой земле видели очертания мыса Дежнева с возвышающимися на нем горами.

15 августа экспедиция вышла в открытый Северный Ледовитый океан и продолжала в тумане плавание на север-северо-восток. Появилось множество китов. Кругом расстился безбрежный океан. Земля Чукотская далее к северу, по словам Беринга, не простиралась. Не приближалась к «Чукотскому углу» и Америка.

На следующий день опять не было видно признаков берега ни на западе, ни на востоке, ни на севере. Достигнув $67^{\circ} 18'$ с. ш. и находясь уже в 50 километрах от северной границы пролива между Азией и Америкой, Беринг отдал приказание возвращаться на Камчатку, чтобы «без причины» не зимовать на незнакомых безлесных берегах. В тот же день путешественники снова увидели остров в проливе, который положили на карту и назвали именем Св. Диомида (снова по святым). Вскоре судно приблизилось к берегам Чукотки, где путешественники видели чукотские селения.

20 августа экспедиция опять встретила чукок и расспрашивала о Чукотской земле.

«Чукок,— писал Беринг,— привезли к нам для продажи мяса, рыбы, воды, лисиц, песцов белых... да 4 зуба моржовые, которые служители команды моей у них раскупили на иглы да на огниво».

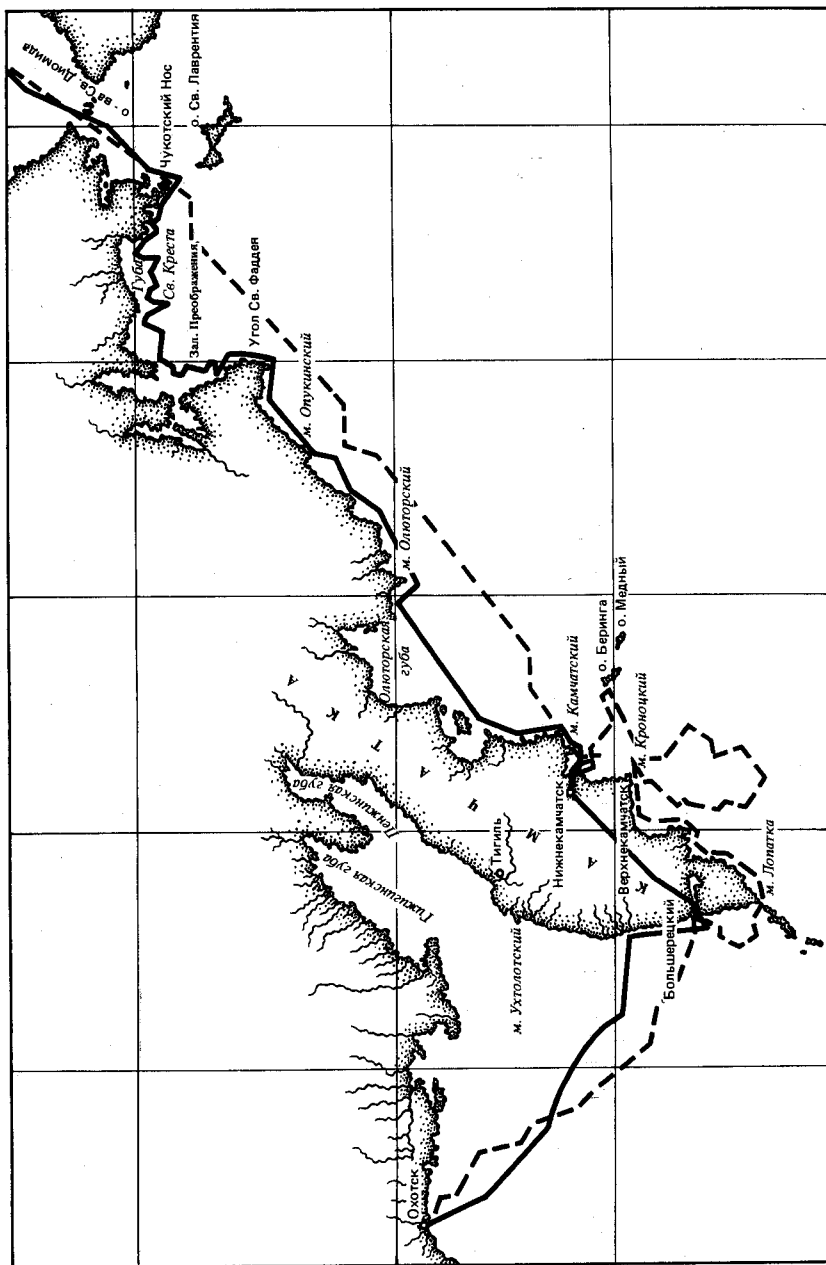
Некоторые из чукок раньше встречались с русскими в Анадырском остроге, где продавали моржовую кость. Знали они реку Колыму, куда один из чукок ездил на оленях. Он же подтвердил, что никто из его соотечественников не проходил от восточных берегов Чукотки до Колымы-реки морем, поскольку там всегда держатся льды.

Затем Беринг продолжал идти на юг, не теряя из виду азиатских берегов, на которых возвышались высокие каменные горы, отвесно обрывавшиеся в море и в «лете не освобождавшиеся от снегов». 2 сентября 1728 г. «Св. Гавриил» отдал якорь в Нижнекамчатской гавани. Здесь экспедиция провела зиму.

Как только наступило лето 1729 года, Беринг снова вышел в плавание. Он направился на восток, где, по словам камчатских жителей, в ясные дни иногда виднелась «через море» земля. Во время прошлогоднего плавания путешественникам ее «не случилось видеть». Беринг решил «известиться доподлинно» о том, действительно ли существует эта суша. Дули крепкие северные ветры. С большими трудностями мореплаватели прошли 200 км, «но токмо земли никакой не видали». Идти дальше на небольшом потрепанном бурями судне без достаточных запасов продовольствия и пресной воды было рискованно. Море окутал туман, а вместе с ним начался жестокий шторм, которым развело большую волну. Капитан лег курсом на Охотск. На обратном пути он впервые в истории мореплавания обогнул и описал южный берег Камчатки.

1 марта 1730 года Витус Беринг вместе с лейтенантом Шпанбергом и Чириковым прибыл в Петербург.

16 марта 1730 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована корреспонденция о возвращении Первого

Плавания Витуса Беринга в 1728 и 1729 годах на боте «Св. Гавриил»

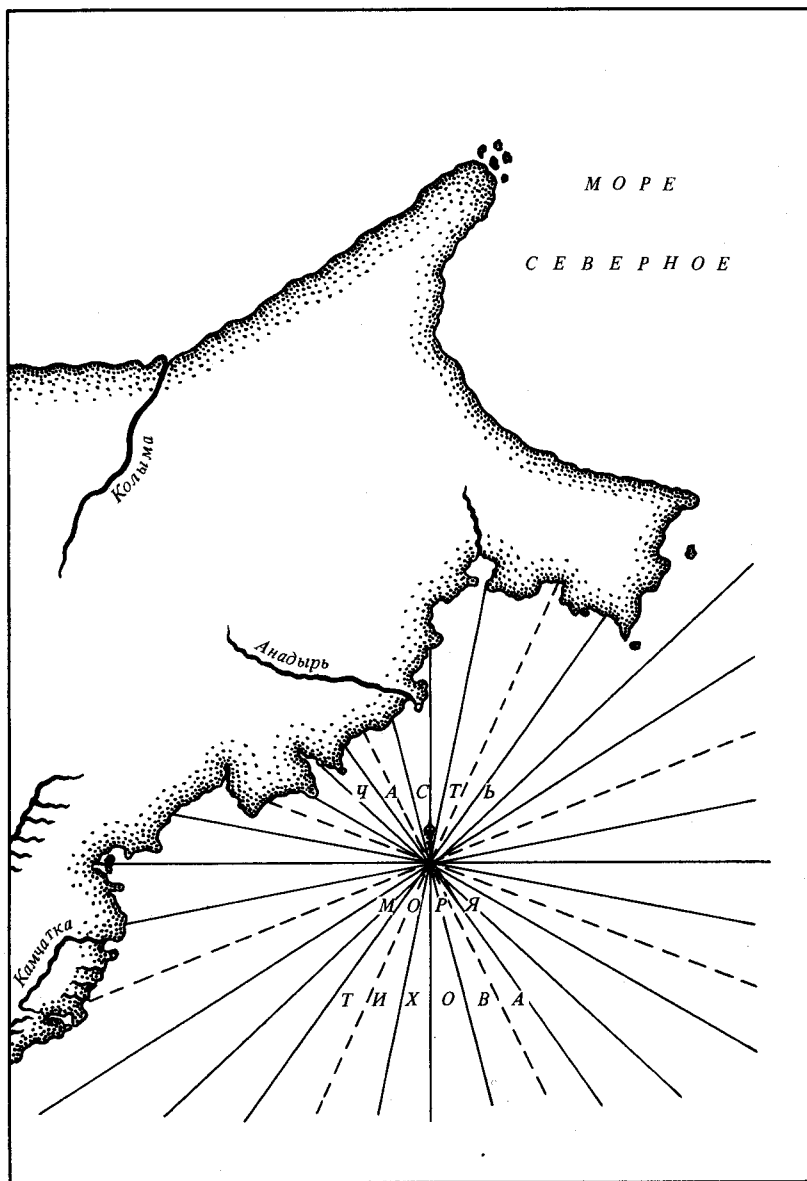
Камчатской экспедиции Витуса Беринга в Петербург. В статье сообщалось, что русские мореплаватели на судах, построенных в Охотске и на Камчатке, поднялись в Полярное море значительно севернее 67° с. ш. и тем самым доказали («изобрели»), что «тамо подлинно северо-восточный проезд имеется». Далее газета подчеркивала: «Таким образом, из Лены, ежели б в северной стране лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки, а также далее до Япана, Хины и Ост-Индии доехать возможно б было; а к тому же он (Беринг — В. П.) и от тамошних жителей известивался, что пред 50 или 60 годами некое судно из Лены к Камчатке прибыло».

Вскоре сообщение о Первой Камчатской экспедиции Беринга появилось и на родине мореплавателя. Ее автором, по мнению датских исследователей, был либо сам Беринг, либо один из его ближайших помощников. В статье освещался ход экспедиции и сообщалось, что ее задачей являлось исследование северо-восточных берегов Азии, чтобы увидеть, принадлежит ли эта земля, как считают некоторые, северной части Америки или имеется «свободный морской проход». Поднявшись к северу до $67^{\circ} 18'$ с. ш., по словам автора статьи, экспедиция обнаружила, что действительно существует Северный морской путь, так что от Лены можно плыть на Камчатку на корабле, если этому не воспрепятствует северный лед.

Беринг справедливо считал, что он выполнил наказ Петра I. Это обстоятельство еще в середине XVIII века было замечено великим М. В. Ломоносовым. По его словам, «Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил». При этом великий ученый сожалел о том, что мореплаватель, «идучи обратно, следовал той же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно, бы мог приметить берега северо-запада Америки».

Это суждение М. В. Ломоносова следует прежде всего учитывать при рассмотрении результатов Первой Камчатской экспедиции. Беринг правильно понял данную ему инструкцию. Он не направился до европейских владений в Америке, потому что не открыл той обширной земли, которая упоминалась Петром I. Но зато он установил, что на севере Азия не соединяется с Америкой.

Первая Камчатская экспедиция внесла важнейший вклад в развитие географических представлений о северо-востоке Азии и прежде всего от южных пределов Камчатки до северных берегов Чукотки. Беринг обогатил географию, картографию и этнографию многими выдающимися достижениями. Экспедиция создала серию географических карт, из которых особо выдающееся значение имеет итоговая карта. Она разошлась по миру в 17 копиях и оказала глубокое влияние на развитие географических представлений о северо-востоке России. Карта, основанная на многочисленных для того времени астрономических наблюдениях, впервые давала реальное представление не только о восточном

Деталь итоговой карты Первой Камчатской экспедиции

побережье России, но и о протяжении Сибири. По свидетельству Джеймса Кука, который присвоил имя Беринга проливу между Азией и Америкой, его далекий предшественник «очень хорошо нанес на карту берега, определив координаты с точностью, которую при его возможностях трудно было б ожидать».

Первая карта экспедиции, на которой показаны районы Сибири на пространстве от Тобольска до Тихого океана, была в 1727 году рассмотрена и одобрена Академией наук. Итоговая карта также была немедленно использована учеными России и вскоре широко распространилась в Европе. В 1735 году она была гравирована в Париже, спустя год опубликована в Лондоне, а в 1737 году ее вновь опубликовали во Франции. И затем она неоднократно переиздавалась в составе различных атласов и книг... Экспедицией были определены координаты 28 пунктов по маршруту Тобольск — Енисейск — Илимск — Якутск — Охотск — Камчатка — Чукотский Нос — Чукотское море, которые затем вошли в «Каталог городам и знатым местам сибирским, положенным на карту, через которых тракт имели, в какой ширине и длине оные». Одновременно путешественники составили «Табель, показующий расстояния русскими верстами до городов и знатных мест, через которые имели путь во экспедицию даже до возврату со всею командою и где шли сухим путем, реками и морем и где какие обретаются народы и меж ими сколько находится русского жилища».

Табель прежде всего интересен этнографическими сведениями. В документах экспедиции их разбросано множество. Сведения о сибирских народах отражены на итоговой карте. Удивительные яркие и рельефные этнографические зарисовки имеются в кратком отчете Беринга. Больше всего их в вахтенном журнале судна «Св. Гавриил», который вели офицеры. В нем описаны жизнь и обычаи камчадалов, встречи с чукчами. Еще больше в вахтенном журнале записей о погоде. Они дают возможность в общих чертах реконструировать метеорологические условия плавания Первой Камчатской экспедиции.

Черты небывалого замысла

30 апреля 1730 года, спустя два месяца после возвращения из Первой Камчатской экспедиции, Беринг представил русскому правительству проект об улучшении положения народов Сибири. Прежде всего он считал необходимым принять меры к созданию школ, в которых следовало обучать детей Якутского края. Затем он обращал внимание правительственных кругов на важность развития железоплавильного дела в Восточной Сибири,

что позволило бы «в судовом строении довольствоваться без нужд». Одновременно Беринг считал необходимым улучшить положение казаков, которые несут службу в Якутии, Охотске и на Камчатке, снабдив их лошадьми, собачьими упряжками, теплой одеждой и оружием. Важное место в предположениях уделено заведению скотоводства и земледелию как в Охотском крае, так и на Камчатке.

По мысли мореплавателя, следовало наладить в Охотске и на Камчатке производство смолы для нужд местного судостроения, поскольку до сих пор смола доставлялась с берегов Лены, а также варку соли для удовлетворения потребностей народов Дальнего Востока.

Той же заботой о развитии производительных сил Дальнего Востока проникнуто предложение Беринга о необходимости подготовки матросов из «казацких детей» и об улучшении местного судостроения. Весьма важным мореплавателем считал учредить должности командующего Охотским портом и правителя Камчатки. По его мнению, надлежало «больше посылать ремесленных людей на Камчатку... а именно: плотников и кузнецов, прядильщиков и слесарей; понеже, когда случится нужда, тогда не надобно возить от дальних городов».

И наконец, мореплаватель предлагал отправить несколько судов в Японию, чтобы изведать морской путь в это государство и выяснить, можно ли с японцами завязать торговые отношения.

Одновременно Берингом была подана записка, в которой содержался проект экспедиции на восток от Камчатки. В содержащихся в ней предположениях, в общих чертах обозначены задачи будущей Второй Камчатской экспедиции. По его мысли, она должна была состоять из трех частей. Первому отряду на большом судне предстояло отправиться к северо-западным берегам Америки, которые, как считал Беринг, располагались в недалеком расстоянии от Камчатки. К этому заключению он пришел на основе своих наблюдений. Ему представлялось, что по мере удаления на восток от Камчатки высота волны на море уменьшалась и следовательно где-то поблизости должна быть земля. О том же свидетельствовал выброшенный на берег острова Карагинского лес, подобного которому на Камчатке не росло. Поэтому Беринг считал, что «Америка и ныне между оной лежащие земли» находятся от Камчатки примерно в 150—200 милях. Второй задачей экспедиции должно было стать исследование «водяного прохода» между Камчаткой и Амуром и между Камчаткой и Японскими островами с тем, чтобы «с японцами торг завести, что к немалой прибыли Российской империи впредь могло оказаться». Для этой цели следовало построить на Камчатке еще одно судно, по размерам несколько меньшее, чем корабль, который отправится на поиски берегов Америки.

Снаряжение экспедиции к Америке и Японии по предварительным расчетам Беринга должно было обойтись казне в 10—12 ты-

сяч рублей, что по тем временам считалось очень большой суммой.

В заключение своих предложений Беринг в очень осторожной форме ставил вопрос о желательности исследования «северных земель или берегов Сибири», от устья Оби до Енисея, а от Енисея до устья Лены. Он полагал, что эту задачу можно решить, посылав сведущих людей либо на ботах, либо сухим путем, тем более, что изучение севера Азии можно вести «свободно», поскольку эти земли находятся под «высокою рукой» России.

Так зародилась идея Второй Камчатской экспедиции, которая впоследствии превратилась в выдающееся географическое предприятие, равному которому долго не знал мир.

В то время как высшие морские круги изучали и обсуждали предложения, Беринг приводил в порядок отчеты, журналы, бумаги и составлял карты. По представлению Адмиралтейств-коллегии Камчатской экспедиции Беринг получил чин капитан-командора и награду в 1000 рублей (по стоимости денег того времени это была достаточно большая сумма). Его неизменный спутник Алексей Чириков был произведен в капитан-лейтенанты, при этом Адмиралтейств-коллегия отмечала, что он «показал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру».

До нас дошли проекты адмиралов Головина и Сандерса, предлагавших направить суда из Кронштадта вокруг мыса Горн или вокруг мыса Доброй Надежды в воды Тихого океана как для детального исследования восточных окраин России, так и для поисков северо-западных берегов Америки. Эти проекты, к сожалению, не были осуществлены. Адмиралтейств-коллегия, изучив план Беринга, предложила его значительно расширить. Кроме поисков берегов Америки и установления связей с Японией, одной из главных задач экспедиции предлагалось поставить исследование северного берега Евразии и отыскание морского пути из Архангельска на Камчатку.

Идея снаряжения новой экспедиции на Камчатку встретила поддержку одного из прогрессивных деятелей того времени Ивана Кирилловича Кириллова, сделавшего за 15 лет головокружительную карьеру от «молодого подъячего» до обер-секретаря Сената. Забегая вперед, отметим, что именно Кирилловым подписаны все правительственные указы о снаряжении Камчатской экспедиции. Он был ревностно предан науке. Особенно его внимание, по словам современника, привлекали «математика, механика, история, экономия и металлургия». При этом он не жалел «никакого своего труда и иждивения». Он израсходовал значительную часть собственных средств на издание «Атласа Всероссийской Империи», карты которого, включая генеральную карту Русского государства, были составлены им самим. Наряду с картографией он особенно любил географию, считая, что познание отечества прежде всего необходимо для его процветания и развития производительных сил.

При деятельном участии И. К. Кириллова «Предложения» Беринга были рассмотрены в различных государственных учреждениях. В мае 1731 года русское правительство приняло решение об улучшении управления Дальним Востоком, и в частности Охотским краем и Камчаткой. При этом в эти отдаленные местности были отправлены мастеровые люди и флотские штурманы.

Но И. К. Кириллову потребовался почти еще год непрерывных «рачений», прежде чем удалось добиться решения русского правительства о снаряжении Второй Камчатской экспедиции. Выдающаяся его роль в организации величайшего географического предприятия России была замечена многими современниками: академиками, студентами, морскими офицерами.

«Главнейшим двигателем этого дела, — писал впоследствии о Второй Камчатской экспедиции академик Г. Ф. Миллер, — был сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кириллов, великий патриот и любитель географических и статистических сведений. Он был знаком с капитаном Берингом, который вместе с двумя своими лейтенантами Шпанбергом и Чириковым изъявил готовность предпринять второе путешествие. Кириллов составил записку о выгодах, которые могла из того извлечь Россия, и присоединил притом другие предложения о расширении русской торговли до Бухарии и Индии, что потом подало повод к возникновению известной Оренбургской экспедиции, которую он сам начальствовал и при которой он умер в 1737 году».

В «Записке» Кириллова действительно было подробно рассмотрено важное государственное значение экспедиции для изучения Сибири, Дальнего Востока и северо-запада Америки.

Для того чтобы представить на рассмотрение высших сановников этот документ, его надо было перевести на немецкий язык. Однако переводчик, которому Кириллов вручил свою рукопись, далеко не в совершенстве знал немецкий язык. Витус Беринг посоветовал Кириллову отдать перевод для правки и редактирования академику Герарду Фредерику Миллеру. Так Миллер познакомился с обер-секретарем Сената. Как он писал позднее, это знакомство не осталось без последствий. Встреча с Иваном Кирилловичем Кирилловым определила на многие годы судьбу русского историка, открыв ему тернистый путь, путь к славе и бессмертию.

Месяц за месяцем Кириллов настойчиво и умело готовил самое великое научное предприятие дореволюционной России. Весной 1732 г. русское правительство наконец приняло решение о снаряжении Второй Камчатской экспедиции под начальством Беринга.

Одновременно Сенат для осуществления «второго проекта», предусматривавшего «проведывание и описание» северного побережья Сибири от Оби до Камчатки разрешал Берингу послать «добрых и знающих людей водою или сухим путем», придав им сибиряков, хорошо знающих те места. Сибирским властям при-

казано было чинить «Берингу с товарищи» необходимую помощь и исполнять требования экспедиции.

Тем же указом Адмиралтейств-коллегии поручалась отправка в экспедицию морских офицеров, мастеровых и прочих служителей, а также некоторый такелаж для судов.

Адмиралтейств-коллегия занялась не только вопросами обеспечения Второй Камчатской экспедиции личным составом и материалами, но и выдвинула целый ряд предложений по расширению ее задач. В конечном итоге это привело к тому, что совместными усилиями прогрессивных деятелей русского флота, Академии наук и Сената Вторая Камчатская экспедиция превратилась в грандиозное научное предприятие, которое ознаменовало целую эпоху в изучении Сибири.

Сенат не ограничился рассылкой указов Адмиралтейств-коллегии к сибирским властям. Кириллов стремился, чтобы эту «дальнюю экспедицию» предельно использовать для получения более точных картографических представлений о Сибири, Камчатке, Дальнем Востоке. По его просьбе была взята из Академии наук карта профессора Жозефа Николя Делиля, которая не удовлетворяла ни Сенат, ни его обер-секретаря. Сенат принял решение осуществить астрономические определения прежде всего в неизвестных и малоизвестных местах. При этом картографические работы должны были сопровождаться тщательными общегеографическими описаниями и содержать в себе верные сведения «о тамошних народах, обычаях, о плодах земных, о металлах и минералах, чего поныне как от него Беринга в первой его экспедиции, так и от него не от кого не учинено».

Итак, главенствующее место в программе деятельности Второй Камчатской экспедиции должно было занимать исследование всей Сибири, Дальнего Востока, Арктики, Японии, северо-западной Америки в географическом, геологическом, физическом, ботаническом, зоологическом, этнографическом отношениях, которое было возложено на академический отряд.

Наряду с организацией плаваний с Камчатки к Америке, из Охотска к Японии особое значение русским государством придавалось исследованию Северного морского прохода из Архангельска в Тихий океан. «В ряде славных задач, поставленных государством Камчатской экспедиции, — писал ее участник Свен Ваксель, — было также исследование побережья от Новой Земли до самой восточной оконечности Азии — Чукотского Носа, то есть, иначе говоря, всего побережья Ледовитого моря. При этом государство не щадило ни денег, ни людей, а щедро снабдило экспедицию во славу страны всем необходимым, чтобы добыть достоверные сведения о неизвестных и в то время странах, неоткрытых еще землях и берегах. Во всем этом не было никакой другой скрытой цели, кроме пользы и помощи науке общей географии: надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоем так долго — собственно, еще до настоящего времени».

Всем офицерам — участникам экспедиции было установлено двойное жалование, а геодезисты повышены в чине.

В начале 1733 года из Петербурга отправились основные отряды экспедиции. Из столицы направлялось в Сибирь более 500 морских офицеров, ученых, матросов. Многим из них предстояло пересечь всю Сибирь, прежде чем начать плавание по Тихому океану к берегам Японии и северо-западной Америки.

Беринг, Чириков, некоторые его офицеры, матросы и солдаты выехали вместе с женами и детьми. Первым покинул столицу Дмитрий Овцын, возглавлявший отряд, который должен был совершить плавание из устья Оби к устью Енисея. Его сопровождал шкипер Белый. Им предстояло в Казанском Адмиралтействе получить вооружение, припасы и снаряжение для экспедиции и для своего отряда. Затем Петербург покинул Мартын Шпанберг. С командой из 10 человек он направлялся в Сибирь, чтобы заблаговременно организовать в Тобольске, Якутске и Охотске постройку судов для различных отрядов экспедиции.

Третьим из столицы выехал Алексей Ильич Чириков. Он отправился в Москву, куда его призывали неотложные личные дела, и присоединился к экспедиции уже в Нижнем Новгороде.

6 и 7 марта Петербург покинул почти весь состав экспедиции. Отправились в путь многочисленные обозы с провизией и снаряжением. 18 апреля, когда все необходимое было уже в дороге, Беринг выехал вместе с женой Анной Матвеевной из столицы. 3 мая он нагнал морскую часть экспедиции в Твери, где в течение месяца офицеры и солдаты грузились на суда.

7 июня караван судов отправился в путь. Более месяца плыли по Волге. 14 июля Беринг со своей командой прибыл в Казань. Здесь его ждал лейтенант Дмитрий Овцын, который заранее занимался «приуготовлением экспедиционных припасов»; на их приемку от Казанского адмиралтейства ушло 26 дней. Здесь же Беринг получил от казны «на всякие приключаящиеся в пути нужды 4500 рублей». Наконец 9 августа экспедиция снова тронулась в путь. Караван судов направился к реке Каме и затем следовал вверх по течению до села Осы. Здесь все имущество и снаряжение выгрузили на берег и стали дожидаться зимнего пути. Как только замерзли реки и выпал снег, Беринг направился в Тобольск, которого благополучно достиг 2 декабря 1733 года.

В январе 1734 года академический отряд прибыл в Тобольск, где приезда ученых с нетерпением ожидал Беринг. Руководитель экспедиции, чтобы не стеснять профессоров Академии в их ученых изысканиях, разрешил им самостоятельно продолжать путешествие. Было условлено, что Миллер и Гмелин присоединятся к Берингу в Якутске в 1736 году, а профессор Делякroe отправится на восток вместе с моряками в обозе Алексея Чирикова...

Исследования сподвижников Беринга в Арктике — это вечные «памятники мужества русских». К сожалению, установилась своего рода традиция подчеркивать, что северные отряды Второй Камчатской экспедиции действовали независимо от Беринга. При этом упускают из виду, что плаванья из Тобольска и Якутска к берегам Северного Ледовитого океана были организованы под непосредственным контролем руководителя экспедиции или его ближайших помощников. Об этом свидетельствует переписка между Берингом и офицерами, возглавлявшими северные отряды, донесения капитан-командора в Адмиралтейств-коллегию и, наконец, составленный Берингом в начале 1741 года подробный отчет, в котором освещены действия всех отрядов экспедиции, в том числе и северных. Буквально до самого отправления в свое самое знаменитое и последнее плавание Беринг следил за состоянием исследований во всех звеньях Второй Камчатской экспедиции.

26 января 1734 года Беринг осмотрел построенное в Тобольске судно, которое имело в длину 70, а в ширину 15 футов. Его называли «Тобол», по имени реки, по которой дубель-шлюпке предстояло начать свое плавание сначала к Оби, а затем к Северному Ледовитому океану. Под командой Овцына находилось 56 человек, в том числе взятые из академического отряда геодезисты Моисей Ушаков и Федор Прянишников. В экспедиции участвовали подштурман Дмитрий Стерлегов, рудознатец Захар Медведев и штурманский ученик Федор Конишев. Отряд был снабжен необходимыми инструментами и припасами, которые были погружены на небольшие плоскодонные суда — дощанки.

14 мая Овцын со своими спутниками распрощался с Тобольском. Его провожали Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и А. И. Чириков. Дубель-шлюпка «Тобол» в сопровождении дощаников направилась вниз по Иртышу. 1 июня караван достиг Березова, где отряд задержался на три дня. Они ушли на встречи и переговоры с местными властями, которым вменено было в обязанность оказывать помощь путешественникам.

11 июня «Тобол» отдал якорь у Обдорска. Отсюда путь лежал в Обскую губу, о которой ни Овцын, ни его матросы, ни лоцманы не имели никакого представления. Из-за того, что дощаники не могли справиться с сильным волнением, их вскоре пришлось разгрузить и на берегу соорудить продовольственный склад. Затем начались мели. Они столь сильно затрудняли плавание, что «Тобол» только 31 июля достиг устья Тазовской губы. Она была промерена и положена на карту штурманом Стерлеговым и геодезистом Ушаковым. На берегу Тазовской губы моряки соорудили навигационный знак. Этот маяк предназначен был служить путе-

водителем их товарищам, которые под начальством лейтенанта С. В. Муравьева должны были прийти сюда морем из Архангельска.

Чем дальше к северу поднималась дубель-шлюпка, тем опаснее становилось плавание. Правда, мели встречались реже, но зато все чаще и чаще дули крепкие ветры. Однажды во время шторма у дубель-шлюпки выбило руль. Затем появились льды. Поврежденное судно не было в состоянии с ними бороться. До выхода в Северный Ледовитый океан, по рассказам ненцев, с которыми встретились некоторое время назад, оставалось еще много сотен верст. К тому же в начале августа выпал снег. Зимовать за 70° с. ш. с очень скромными запасами продовольствия было рискованно.

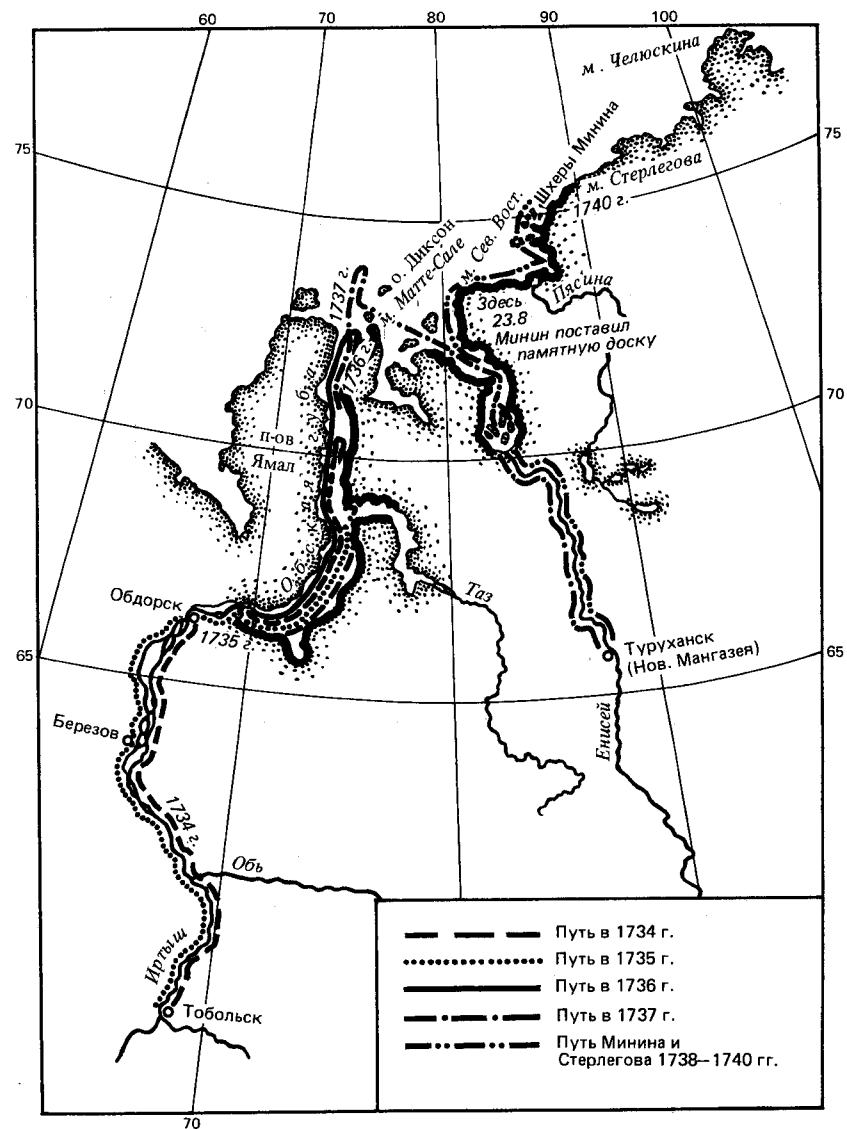
Дмитрий Овцын созвал совет. Решено было прекратить плавание и возвращаться в Обдорск. Но прежде чем повернуть назад, Овцын приказал подштурману Стерлегову и геодезисту Выходцеву на ялоте продолжить опись Обской губы дальше к северу.

4 сентября 1734 года «Тобол» встал на зимовку в Обдорске. Вскоре туда прибыли Стерлегов и Выходцев. Расставшись с отрядом, они несколько дней пробирались между льдин к северу. Исследователи каждый день наносили на карту новые и новые участки побережья Обской губы. Но настал день, когда льды окружили их судно. Ялбот вывести из ловушки не было возможности. Путешественники не теряли надежды, что ветер разгонит льды и они снова выйдут на открытую воду. Но северный ветер все крепче и крепче сжимал льдины. Они угрожающе сталкивались и громоздились. Близилась развязка. Ялбот не выдержал напора льдов. Его обшивка лопнула, и он пошел ко дну. Стерлегову и его спутнику пришлось много дней тащиться по тундре до обжитых русскими мест.

Таким образом, поставленная перед отрядом задача совершить плавание из Тобольска к устью Енисея в 1734 году не была выполнена. Из-за «великих льдов» и сильных встречных ветров не смогли путешественники решить ее и в следующем году. Они встретили льды за 68° с. ш. и пришли к заключению, что Обская губа летом 1735 года полностью не вскрывалась.

Адмиралтейств-коллегия, в которую в конце 1735 года ездил Овцын с картами и журналами, решила построить новое, более удобное для плавания судно, но поскольку оно не было закончено к навигации 1736 года, то Овцыну снова пришлось плыть на пришедшем в ветхость «Тоболе». 5 августа 1736 года путешественники достигли 72° 40' с. ш., но сплошная стена льда не позволила им выйти из Обской губы в Северный Ледовитый океан.

Гораздо успешнее был сухопутный поход казачьего десятника П. Лапотникова, который предпринял в 1735 году путешествия сначала по восточному берегу Ямала и благополучно достиг его северной оконечности. Затем он спустился на юг и, перейдя Обскую губу, направился снова на север по западному берегу полу-

Маршруты отрядов Д. Овцына и Ф. Минина на Обском и Енисейском Севере

острова Явай и осмотрел его почти до самых северных пределов. На его западном и восточном берегах были поставлены навигационные знаки, на которые мог ориентироваться морской отряд во время плавания в устье Обской губы. Важный вклад в ознакомление с Гыданским и Енисейским севером внес геодезист Ф. Прянишников, который со своими спутниками сначала обследовал Тазовскую губу, затем реку Таз. Когда начался ледостав, он бросил лодку и на оленях отправился на восток. На пути к Туруханску на его партию напали ненцы и захватили запасы продовольствия и одежды. Однако отважные путешественники добрались до мест, где жили русские, и получили помощь.

Вскоре после возвращения из третьего плавания Овцын отправил в пешее путешествие двух геодезистов. Прянишникову он поручил обследовать западный берег Енисея в его нижнем течении. Эта задача была путешественниками успешно решена, и, когда Овцын с корабельным мастером И. Н. Кошелевым прибыл на судах «Тобол» и «Обь-почтальон» к устью Енисея, здесь их встретил Прянишников и показал вход в великую сибирскую реку. Не менее важен был поход Выходцева, который сначала поднялся по западному берегу полуострова Явай до $72^{\circ} 51'$ с. ш., и затем пересек его и обследовал западный берег Гыданского залива и реки Гыду и Такому.

В конце июня 1737 года, как только устье Оби освободилось от льдов, Овцын вышел в четвертое плавание. На этот раз, кроме дубель-шлюпки, которой командовал Иван Кошелев, в его распоряжении имелся бот «Обь-почтальон».

Морякам удалось выйти в море и достигнуть $74^{\circ} 02'$ с. ш., где они встретили большие скопления непроходимых льдов. Соорудив на острове, который ныне носит имя Шокальского и который ошибочно приняли за северо-западную оконечность восточного берега Обской губы, путешественники направились на восток. По пути к Енисею им встретились киты и стада белух. Шли по чистой воде. Лишь в отдалении виднелись льды. В последний день августа приблизились к устью великой реки. То был Енисей. Едва легли курсом на юг, как показалась лодка. Навстречу морякам шел ученик геодезии Федор Прянишников. Он показал вход в Енисей и привел их к складу припасов, устроенному по поручению сибирских властей вблизи устья реки Гольчихи. Здесь путешественники пополнили запасы продовольствия и 2 сентября возобновили плавание вверх по Енисею. Спустя месяц начался ледостав. Овцын укрыл свой бот в устье реки Ангутихи, а Иван Кошелев завел дубель-шлюпку «Тобол» в реку Денежину. Путешественники на берегу Енисея выстроили зимовье, состоявшее из дома, бани и амбара, в котором хранились припасы и снаряжение. «А во время следования его между Обским и Енисейским устьями островов, лежащих на Северном море против сибирского берега к норду, и кочующих никаких народов не видал,— писал Беринг о плавании Овцына в своем «Отчете»,— и рудознатца во многих

местах рек и на морской берег для искания руд с пристойным конвоем спускал, токмо никаких руд не сыскали, и рудознатец объявил, что земля мерзлая и песчаная».

Зимой Овцын выехал в Туруханск. Здесь он привел в порядок свои журналы. В декабре 1737 года он отправил донесение в Адмиралтейств-коллегию, рапорт и письмо Берингу. Это послание добиралось до Охотска более семи с половиной месяцев. Успешное плавание «Тобола» и «Оби-почтальона» весьма обрадовало руководителя экспедиции. Он писал Овцыну:

«Государь мой Дмитрий Леонтьевич!

Желаю Вам здравия и благополучия на множество лет.

А мы с командою обретаемся в Охотске в добром здоровье. За писание Ваше, отпущенное 14 декабря прошедшего 1737 года, а в Охотске, полученное июля 31 числа сего 1738 года, в котором (кроме полученного от Вас того же числа рапорту) объявляете о счастливом на судне от Обского устья чрез Северное море в Енисей реку Вашем прибытии, благодарствую и весьма радуюсь о таком благополучном и еще до сего необретенном, ныне же счастливо Вами сысканном новом пути. Причем и Вас о том Вашем благополучии поздравляю. И прошу, дабы я и впредь приятным Вашим уведомлением оставлен не был, чего я охотно слышать желаю».

В начале марта 1738 года рапорт Овцына был доставлен в Петербург и вскоре был рассмотрен Адмиралтейств-коллегией. Овцыну было приказано по освобождении Енисея от льдов направиться вверх по реке до Енисейска, где надежно укрыть суда. По пути отряду вменялось в обязанность выполнить опись реки, которая должна была опираться на астрономические определения. Затем Овцыну, оставив команду в Енисейске, предстояло с обстоятельным описанием его плавания из Оби в Енисей, журналами и картами «ехать немедленно» в Петербург и явиться с докладом в Адмиралтейств-коллегию. Однако не зная о приказе Адмиралтейств-коллегии, Овцын послал бот «Обь-почтальон» под командой штурмана Федора Минина для исследования северных берегов к востоку от Енисея. Так что в Енисейск прибыла лишь одна дубель-шлюпка «Тобол». Он поручил команду Ивану Кошелеву, а сам отправился с бумагами в далекую столицу. Овцын и не подозревал, что вместо наград его ждет великая несправедливость и «учинит» ее не Адмиралтейств-коллегия, а тайная канцелярия. Когда путешественник прибыл в Тобольск, его арестовали. Оказалось, что на него был послан донос. Один из «слуг его величества» осведомил Тайную канцелярию о том, что Овцын во время пребывания в Березове поддерживал дружеские отношения с ссыльными князьями Долгорукими. Адмиралтейств-коллегия пыталась отстоять Овцына, как самоотверженного офицера, но ее заступничество успеха не имело. Овцына судили и, разжаловав в матросы, отправили в распоряжение Второй Камчатской экспедиции. Под конвоем он был доставлен в Охотск. Беринг встретил

его как друга и сделал своим адъютантом. Вместе с Берингом на корабле «Св. Петр» он участвовал в плавании и открытии северо-западных берегов Америки, перезимовал на Командорских островах и благополучно возвратился на Камчатку, где вскоре узнал о возвращении ему офицерского чина.

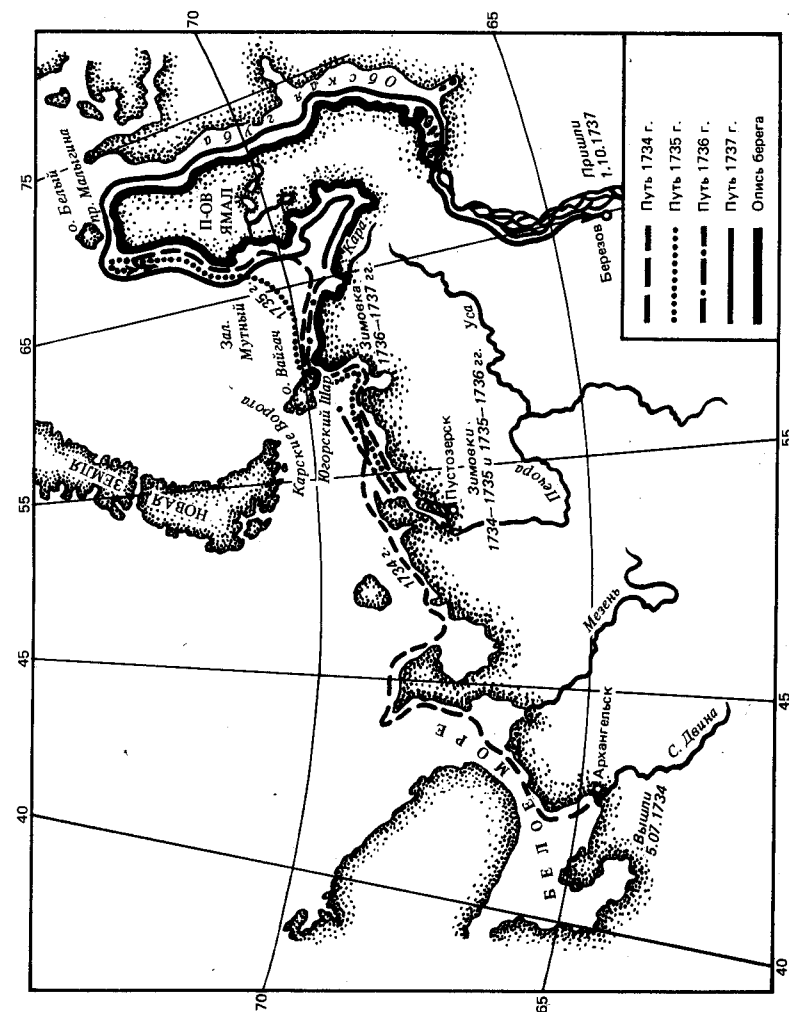
Объ-Енисейскому отряду было поручено вести исследования во взаимодействии с морскими офицерами Степаном Муравьевым и Михаилом Павловым, которых Адмиралтейств-коллегия направляла на Север для описи северного побережья России между Белым морем и устьем Оби. 4 июля из Архангельска вышли два коча. Спустя три недели суда находились в проливе Югорский Шар. 29 июля путешественники вступили в Карское море, которое было свободно от льдов. Вскоре они достигли Ямала у реки Мутной. Пополнив запасы пресной воды и дров, направились на север. Вблизи Шарановых кошек, где суда застиг крепкий встречный ветер, пришлось отстаиваться пять дней, а затем из-за бури искать убежища в Мутном заливе.

В середине августа предприняли попытку обогнуть Ямал. Кочи поднялись до $72^{\circ} 35'$ с. ш. Из-за позднего времени и неблагоприятной погоды Муравьев и Павлов решили возвращаться на зимовку в устье Печоры. Здесь, в деревне Тельницы, укрыли суда. Зимовку путешественники провели в Пустозерске.

Плавание в 1735 году оказалось еще более трудным. Карское море было заполнено льдом, от которого суда едва не погибли в Югорском Шаре. В первой половине августа предприняли попытку добраться сквозь несколько разредившиеся льды до устья Оби. Они поднялись на север до $73^{\circ} 11'$ с. ш. и находились недалеко от северной оконечности Ямала. Но во время этого плавания суда разлучились, их командиры не решились идти в одиночку сквозь льды на северо-восток, не подозревая о том, что выполнили большую и наиболее трудную часть стоявшей перед ними задачи. Не имея ни жилья, ни дров для зимовки, Муравьев и Павлов самостоятельно возвратились к реке Печоре. При этом каждый считал друг друга погибшим.

Адмиралтейств-коллегия решила любыми средствами довести до окончания исследование северного берега между Югорским Шаром и устьем Оби. Для экспедиции были построены в Архангельске две новые дубель-шлюпки. Лейтенанты Муравьев и Павлов, на которых в Петербург посыпались жалобы и доносы, были отстранены от участия в экспедиции и разжалованы в матросы. Во главе отряда был поставлен лейтенант Степан Гаврилович Малыгин.

С наступлением светлого времени из Пустозерска по решению Адмиралтейств-коллегии отправился на оленях отряд геодезиста Василия Селифонтова. Ему удалось благополучно пройти перевалами Урал и спуститься к Оби. Следуя левым берегом Обской губы, Селифонтов достиг северо-восточных берегов Ямала и картировал их. Затем он переправился на остров Белый и описал

Исследования на Архангельском и Обском Севере отрядов Второй Камчатской экспедиции

его южное побережье. Всюду на приметных местах Селифонтов поставил навигационные знаки, в том числе и на западном берегу Ямала вплоть до тех мест, которые раньше были осмотрены Муравьевым и Павловым.

Таким образом, к середине 1736 года благодаря усилиям Селифонтова, Овцына, Муравьева и Павлова были получены достоверные данные о действительной конфигурации и протяжении Ямала и собраны сведения о проливе, отделяющем его от острова Белого.

Между тем в августе 1736 года отряд Малыгина на двух ботах вошел в Карское море. Неблагоприятная ледовая обстановка вынудила путешественников остановиться на зимовку в устье реки Кары. В самом начале зимы к ним прибыл на оленях геодезист Василий Селифонтов. Малыгин, оставив суда под присмотром 12 матросов, с остальными членами экспедиции перебрался в Обдорск, где благополучно перезимовал.

В начале июля 1737 года отряд Малыгина на двух ботах вышел во второе плавание. Задержанные льдами путешественники обследовали Байдарацкую губу. Вскоре ледовая обстановка улучшилась. 22 июля достигли маяка, который поставил Муравьев в 1734 году. На следующий день суда вошли в пролив, отделяющий остров Белый от Ямала и ныне носящий имя Малыгина. Туман и северо-восточные ветры задержали путешественников в этом проливе, который был по тем временам тщательно исследован.

16 августа 1737 года суда обогнули северо-восточную оконечность Ямала. Льдов не было ни в море, ни в Обской губе. Путь к устью Оби был открыт. Путешественники достигли его 11 сентября. Их встречал отряд казаков, которые помогли им провести суда до Березова. Отсюда Малыгин отправился с картами отчетами в Петербург. Адмиралтейств-коллегия была удовлетворена результатами изысканий отряда и приказала лейтенанту Скуратову, под начальством которого оставался отряд в Обдорске, в следующую навигацию отправиться на судах в Архангельск. В первое лето моряки, пробираясь с трудом между льдов, достигли устья Кары, где оставили суда на зимовку. В июле 1739 года отряд возобновил плавание на запад. Сначала много хлопот доставляли льды. Они сопутствовали судам до Баренцева моря. Дальнейшее плавание проходило без серьезных затруднений. В середине августа 1739 года путешественники достигли Архангельска. По итогам 6 плаваний Скуратов, по приказанию Адмиралтейств-коллегии, составил карту северного берега России от Архангельска до устья Оби, которая впервые была основана на инструментальных определениях.

Говоря о деятельности офицеров этого отряда, выдающийся полярный исследователь Ф. П. Литке писал, что «управлявшие экспедицию исполнили все, что им было возможно». «Из них, — продолжал Литке, — наипаче Малыгин и Скуратов отличались

всеми достоинствами, коим мы удивляемся в первейших и наиболее славимых мореходах: решительностью, осторожностью, неутомимостью. Но препятствия физические были столь велики, а напротив средства им данные столь недостаточны, что более должно удивляться, что совершено ими, нежели тому, что не сделано».

Столь же восторженно оценивали последующие поколения ученых и исследователей плавания русских морских офицеров по полярным морям. Такой же отвагой и неустранимостью, как было показано, отличались действия Дмитрия Овцына, его спутников и тех «служителей», на плечи которых было возложено продолжение успешно начатых им дел.

В то время, когда Овцын ехал навстречу своей судьбе, штурман Минин плыл на север. 3 августа 1738 года бот «Обь-почтальон» достиг устья Енисея. Спустя пять дней миновали мыс Ефремов камень, где путешественников остановили льды. Погода стояла ненастная, штормовая. Падал снег. Начались морозы. Палуба обледенела, а снасти покрылись ледяной коркой. Четыре дня отстаивались в Волгином зимовье. Наконец буря утихла. Бот снова направился на север. В районе Ефремова камня опять встретили льды, но их удалось обойти.

16 августа отряд встретил на 73° 07' с. ш. обширнейшую группу каменных островов. По словам Минина, островов было такое множество, что их невозможно было обследовать не только за одну, но за две кампании. «А впереди, — докладывал Минин Овцыну, — еще чрез лед видно было к завороту земли к осту оных множество. А все каменно наружные, и земли на оных не имеется, токмо весьма прекруты и высоки».

Минин назвал эти острова Северо-Восточными. Со всех сторон горизонта в море виднелись «льды беспрерывные». Моряки надеялись, что ветер отгонит их от северных берегов, но они оставались неподвижными. Непрестанно шел снег, начались морозы. Несколько попыток пройти на боте вблизи берегов не дали результата. Лишь подштурману Стерлегову на шлюпке удалось пробраться между льдов на 40 верст. Он убедился, что и здесь нет открытого моря. Неподвижные мощные льды блокировали острова и берега. Стерлегов вынужден был возвратиться, при этом терпел такую великую нужду, что потерял надежду на благополучный исход плавания. После того как Стерлегов привез неутешительные вести, Минин созвал совет. Путешественники были единодушны в том, что наступившие морозы и снегопады при устойчивых встречных северо-восточных ветрах являются грозным предвестником приближающейся зимы.

«Чего ради, — писал Минин Овцыну, — принуждены консилиумом положить, чтоб за упоминаемыми нами препятствиями следовать к реке Енисею и в удобном месте зазимовать».

30 августа путешественники, у которых к тому были на исходе запасы пресной воды, покинули Северо-Восточные острова. 7 сен-

тября 1738 года они вошли в Енисей и занялись картированием его западного берега. Через 12 дней на реке начался осенний ледоход. Отряд Минина вынужден был избрать своим пристанищем зимовье Исакова, а бот укрыть в речке Курья. Дров поблизости не было, и их возили на собаках за 10 верст. Особенно, по словам Минина, досаждали весьма великие стужи и «пурги чрезвычайные», которые иногда продолжались беспрерывно около двух недель.

В навигацию 1739 года опись к северо-востоку от Енисея не удалось продолжить, поскольку путешественники потеряли много времени на плавание от места зимовья до Туруханска, чтобы получить запасы продовольствия, которое у них кончилось. «Обь-почтальон» совершил плавание лишь по устьевому участку Енисея. Минин возвратился на зимовку в Туруханск. Отсюда в конце января 1740 года он послал на север подштурмана Стерлегова. 22 марта на четырех собачьих нартах путешественники достигли Северо-Восточных островов, где выполнили цикл астрономических определений.

На следующий день приступили к картированию материкового берега, с трудом продвигаясь то по глубокому снегу, то по вострошенному льду. Изредка путешественникам встречались убогие избушки, которые служили пристанищем для промышленников, занимавшихся добычей морского зверя. Вскоре Стерлегов достиг устья Пясины и, положив его на карту, продолжал продвигаться на северо-восток.

Стояли удивительно солнечные морозные дни, снег ослепительно блестел. Потом начались метели. Вдруг у всех путешественников разболелись глаза (по-видимому, снежная слепота). С трудом добрались они до мыса, расположенного на $75^{\circ} 26'$ с. ш. и впоследствии названного именем Стерлегова. Здесь моряки соорудили памятный знак из выкидного леса (плавника). «А мыс на котором поставлен маяк с приметой,— писал Стерлегов,— каменный, высокий, собою узок, вышиною около 5 сажен, на берегу земля черная с мягким ломаным камнем аспидом, а далее от берега глина со мхом». Отряд повернул назад. Истощенные собаки едва тащили нарты. Несколько дней путешественники провели в зимовье промышленников в устье Пясины, дав возможность собакам отдохнуть от многоверстного трудного пути. Затем снова направились к юго-западу и 28 мая достигли Енисея.

Спустя шесть недель после возвращения Стерлегова из санного путешествия «Обь-почтальон» под командой Минина отправился в последнее арктическое плавание. 11 августа снова увидели Северо-Восточные острова. Море на этот раз было свободно от льдов. Дул попутный ветер. Пользуясь благоприятным случаем, Минин направился на северо-восток вдоль берега, который едва могли различать во время частых туманов и снежных зарядов. Неожиданно на судно обрушился шторм и смыл с палубы шлюпку. Пришлось двое суток пережидать непогоду под защитой

безымянного острова. Потом снова плыли на северо-восток. 15 августа приблизились к устью Пясины, но по причине частых мелей не смогли в него зайти и продолжали путь. Скоро им снова встретились острова, которые называли Каменными. Вокруг было множество подводных скал. Идти вперед можно было только ведя непрерывный промер. 20 августа на горизонте появились льдины. Их становилось все больше и больше. Вскоре они плотной массой окружили бот. Чтобы избежать вынужденной зимовки у пустынных берегов Таймыра с весьма скромными запасами провизии, решили повернуть обратно.

В это время бот «Обь-почтальон» находился на $75^{\circ} 15'$ с. ш.

Целые сутки путешественники выбирались из густых льдов на чистую воду. В конце сентября они вошли в Енисей и остались на зимовку в Дудино. На этом прекратились исследования Овцына и Минина на Таймырском полуострове, в исследовании которого наряду с ними выдающийся вклад внесли сначала Василий Прончищев, а затем его преемник Харитон Лаптев со своими от важными спутниками Челюскиным, Чекиным и многими другими...

Витус Беринг еще находился в Тобольске, а в верховьях Лены уже велась заготовка лиственничного леса для постройки судов, на которых морякам предстояло обследовать арктическое побережье России между Енисеем и Колымой, а «оттуда подле берегов к востоку» до Чукотского Носа («угла» на 73° с. ш.).

В начале января 1735 года в Якутске были заложены бот «Иркутск» и дубель-шлюпка «Якутск». Их спустили на воду 23 мая. Командиром дубель-шлюпки назначили лейтенанта Василия Прончищева. Ему сопутствовали жена Мария Прончищева, подштурман Семен Челюскин, геодезист Никифор Чекин и более 40 человек команды.

Командиром бота «Иркутск» Беринг определил лейтенанта Петра Лассениуса. В его команде было около 50 человек, в их числе подштурман В. Ртищев, геодезист Д. Баскаков и штурманский ученик Глазов.

В конце июня 1735 года Беринг проводил путешественников. Только 7 августа Прончищев вышел в море, где встретил отдельные полосы льда. Обойдя острова дельты Лены, дубель-шлюпка легла курсом на запад. 25 августа достигли устья реки Оленек. Путешественники занялись исследованием ее фарватера и, найдя проход через бар, втянулись в реку, поскольку, по словам Беринга, «за поздним временем и от великих морозов далее следовать было невозможно».

Прончищев выстроил две избы, где разместил свою команду. Поблизости от зимовья находилось русское поселение, в котором жило 12 семейств. Кроме того, в недалеком расстоянии расположились чукчи и тунгусы. Они порой навещали путешественников.

Они рассказали Прончищеву, что в берегах реки Анабар видели руду.

В сентябре солнечные дни сменились ненастными. Северный ветер принес непогоду и нагнал лед в устье реки. Ударили крепкие морозы.

20 сентября Оленек встал.

Полярную ночь зимовщики перенесли благополучно.

Прончищев со своими спутниками провел на Оленеке 11 месяцев. Только 3 августа 1736 года льды отступили от устья реки и позволили путешественникам возобновить плавание на запад к Таймырскому полуострову. Спустя два дня достигли устья Анабары. Прончищев отправил вверх по реке геодезиста Д. Баскакова, поручив ему осмотреть гору с выходами руды, о которой рассказывали местные жители. Рудознатец спустя пять дней привез образцы руды. Впоследствии они были отправлены в Якутск профессору Гмелину. Гмелин выполнил анализ проб. «Токмо,— писал в „Отчете“ Беринг,— ни золота, ни серебра, ни меди из оной руды не явилось, а явилась сера горючая».

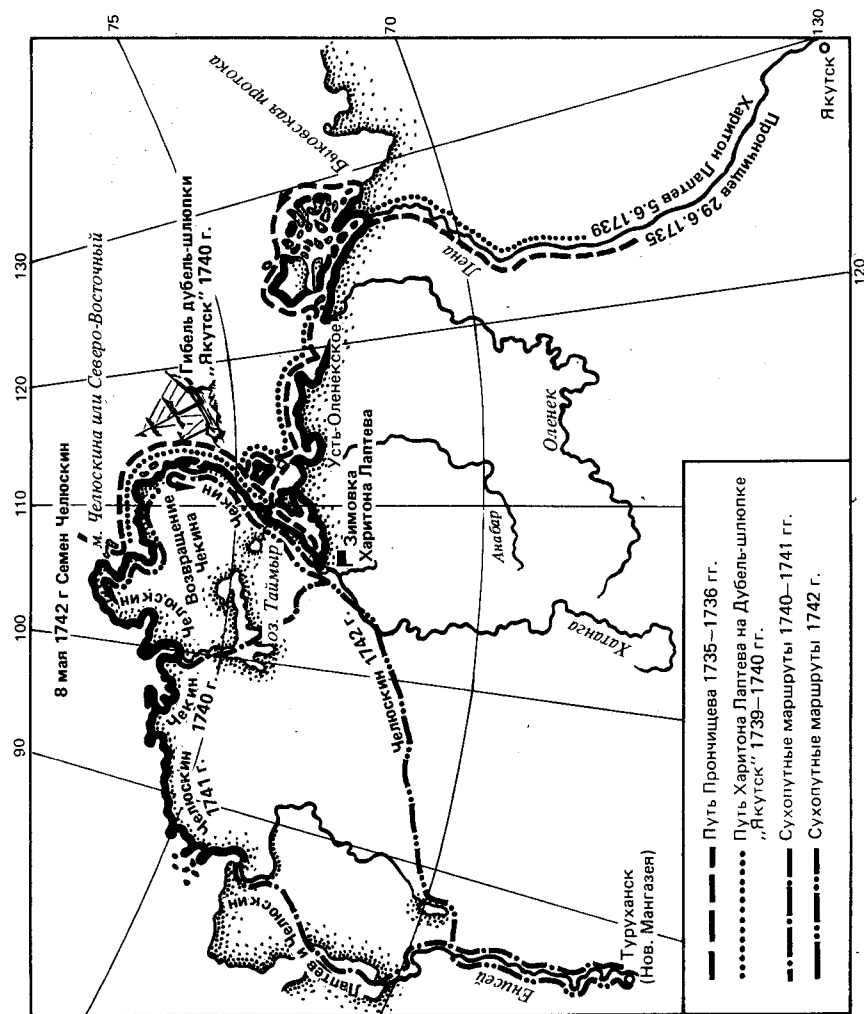
10 августа дубель-шлюпка «Якутск» снялась с якоря и направилась к Хатанге. Вскоре встретились тяжелые льды, между которыми продвигались на запад «с великой опасностью», но все-таки продвигались. Спустя три дня высадились на левом берегу Хатангской губы, где обнаружили зимовье русских промышленников. Правда, его обитателей в нем не оказалось. Они, по-видимому, отлучились по делам, потому что в избе лежал спеченный хлеб, а на улице бродили собаки.

Дубель-шлюпка «Якутск» вскоре возобновила плавание к Таймыру. 17 августа у восточных берегов полуострова Прончищев открыл острова, которые были названы именем Петра I. Льдов становилось все больше. Лед виднелся в море и лед неподвижно стоял у берегов. По узкому каналу шли на север, рискуя каждый час быть раздавленными льдами. «И 18 августа,— докладывал Беринг о плавании Прончищева,— прибыли к реке Таймыре и от оной реки подошли великие острова, меж которыми и берегом великий стоит лед и к тем островам и подле берега прохода никакого не нашли». Впоследствии выяснится, что за устье реки Таймыры моряки ошибочно приняли залив Фаддея, к которому они не смогли приблизиться из-за неподвижного льда. Лед был гладок, как на озере. Не было на нем и признаков торосов. Поэтому моряки признали, что этот «лед ни в какое лето не ломает». Вдоль этого многолетнего припая плыли следующий день, удаляясь все дальше и дальше от берега. Глубины были все значительнее и лот длиной в 240 метров не доставал дна моря. В середине дня появился туман. Моряки продолжали плыть к северу. Когда, наконец, мрачность рассеялась, то путешественники «увидели впереди себя и по обе стороны льды великие, стоячие, а в море видимы были носящиеся льды и такие частые, что не токмо на дубель-шлюпке, но и на лодке пройти невозможно».

Отряд в этот час находился на 77° 29' с. ш., не подозревая о том, что находятся недалеко от самой северной точки Азии. Путь дальше к северу был отрезан. Погода заметно ухудшилась, становясь все пасмурнее. Начались морозы. Прончищев созвал совет, чтобы обсудить положение. Решено было возвращаться назад. К этому времени лед совсем окружил судно и только к исходу дня выбрались из ледовой ловушки. Ночью наступил штиль и ударил мороз. Путешественникам казалось, что вода стала густой. Началось образование молодого льда. Ледяное сало неприятно шуршало о борта дубель-шлюпки. Шли на веслах, поскольку из-за штиля паруса безжизненно висели. Надвигалась угроза вмерзнуть в лед среди моря, не имея ни дров, ни жилья. Но на следующий день сорвался свежий попутный ветер. Появились волны, которые звенели хрупкими образовавшимися ночью льдинками. Паруса наполнились. И приунывшие было путешественники воспряли духом. Дубель-шлюпка «Якутск», пробираясь среди старых мощных льдин, все дальше и дальше уходила от северо-восточных берегов Таймыра. Спустя четыре дня путешественники достигли Хатангской губы, но на зимовку не решились остановиться: на берегах было мало выкидного леса и никакого жилья. Пришлось возвращаться к зимовью на реке Оленек, но из-за штормовых ветров не могли семь дней войти в его устье.

Силы путешественников, изможденных голодом и непогодами, были на исходе. Многие страдали от цинги. Тяжелее всех болели командир отряда Василий Прончищев и его верная спутница Мария Прончищева. А шторм жестоко трепал небольшое суденышко, снасти и борта которого покрылись льдом. Казалось, этому испытанию не будет конца. 29 августа скончался Василий Прончищев. Еще трое суток дубель-шлюпка «Якутск» держалась на рейде. 2 сентября судно завели в устье реки, 6 сентября хоронили командира отряда, а спустя 5 дней умерла его жена Мария Прончищева и была похоронена в одной могиле с мужем. Эта могила сохранилась до сих пор. Многие поколения путешественников восстанавливали над ней крест, этот скромный памятник великому подвигу русских людей в ледяных просторах Севера... Оставшиеся в живых члены отряда Прончищева под командой штурманов Челюскина и Чекина возвратились следующим летом в Якутск. Этим двум исследователям предстояло внести решающий вклад в изучение Таймыра...

Еще трагичнее сложилась судьба отряда Петра Лассениуса. Едва выйдя на боте «Иркутск» из устья Лены, он встретил, по словам Беринга, великие льды. Они блокировали путь. Дважды пытались пробиться на восток, но успеха не имели. 14 августа путешественники вошли в залив Буорхая и остановились на зимовку в устье реки Хараулах. Команда выстроила обширный дом, который отапливался тремя печами. Чтобы хватило продовольствия на два года, в течение которых Петр Лассениус надеялся заниматься обследованием северных берегов к востоку от Лены,

Маршруты северных отрядов Второй Камчатской экспедиции на Ленском и Таймырском Севере

командир отряда урезал порцию провизии. Скоро среди моряков появилась цинга. Первым погиб сам Лассениус. Всего болезнь унесла 38 человек. Только 9 путешественников во главе с подштурманом Ртищевым перенесли зимовку. Да остались в живых четверо служителей, которых Лассениус осенью 1735 года отправил в Якутск с рапортом и картами.

По указанию В. Беринга была сформирована новая команда бота «Иркутска», а во главе отряда поставлен лейтенант Дмитрий Яковлевич Лаптев. 31 мая 1736 года он отправился из Якутска вниз по Лене на трех дощаниках. По выходе из устья Лены, у мыса Быковского, отряд был остановлен льдами. Оставив здесь суда с провиантом, Лаптев направился в Харалаух, где заново оснастил зимовавший здесь бот «Иркутск». 29 июля вышли в море, где льды и ветры доставили много хлопот и неприятностей. Десять дней добирались до дощаников.

11 августа, после того как запасы провизии были перегружены на борт бота «Иркутск», отряд вышел в плавание по направлению к Колыме. Лаптев приказал идти как можно мористее, предполагая, что вдали от берегов будет меньше препятствий. Спустя два дня на $73^{\circ} 16'$ с. ш. к северу от мыса Буорхая встретили мощные полярные льды, конца которым не было видно ни к востоку, ни к западу. Сутки стояли у ледяного поля, тщетно надеясь, что море разобьет льды. Между тем положение становилось все более и более опасным. Лыдины часто напирала на судно, грозя его раздавить. По словам Лаптева, люди пребывали в великом страхе и выбивались из сил, отталкивая баграми льдины. Каждый час канал чистой воды, которым можно было отступить назад, мог закрыться.

14 августа Лаптев созвал совет, на котором все единодушно признали, что плыть на северо-восток к Колыме не представляется возможным. При этом офицеры, участвовавшие в совете, напомнили об известиях, полученных от местных жителей, что этот «стоячий» непроходимый лед простирается на северо-восток до Святого мыса, который «по ведомостям» находился на $76^{\circ} 20'$ с. ш. «О котором тамошние крещенные якуты показали, что 20 лет знают и по всякое до лето у той земли на море чрез все лето стоит лед и морем не ломает». Решено было возвращаться к реке Лене. Одновременно совет высказался за прекращение попыток поиска морского пути, поскольку «к проходу до реки Колымы и до Камчатки, по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды».

Экспедиция остановилась на зимовку в устье реки Борисовой, на $70^{\circ} 40'$ с. ш. Отсюда Д. Лаптев отправил рапорт Берингу в Якутск. Капитан-командор получил его в то время, когда его серьезно тревожила дальнейшая судьба исследований Второй Камчатской экспедиции в Арктике.

За две навигации самого выдающегося успеха добился Василий Прончищев, но его уже не было в живых. Неудача за неуда-

чей преследовали Овцына. Не смог на восток от Лены пройти и Дмитрий Лаптев, под начальством которого сформировал новый отряд взамен на три четверти погибшего отряда Петра Лассениуса. Не смогли достичь конечной цели Степан Муравьев и Михаил Павлов, которые подчинялись непосредственно Адмиралтейств-коллегии. Два года, отпущенные северным отрядам Второй Камчатской экспедиции на поиски морского пути из Архангельска на Камчатку, истекли. Результаты, по его мнению, были весьма скромные и всякий день можно было ждать указаний из Петербурга, куда он исправно слал донесения о приостановлении изысканий. Именно в это время обретавшийся в Якутске профессор истории Герард Фридерик Миллер сообщил о своей уникальной находке. Он обнаружил в Якутской канцелярии бумаги, которые свидетельствовали о небывалом размахе мореплавания в русских полярных морях, по которым поморы и казаки смело плавали на утлых «погибельных» судах под парусами из оленьих кож. «А снасти из ремней и ремнями шиты доски судов, а якоря деревянные с навязанными камнями». Миллер составил историю русских полярных морских походов. Документы свидетельствовали, «что в прежние годы часто хаживали кочи по Ледовитому морю между ленскими и колымскими устьями». Более того, имелись достоверные сведения о «морском ходе из устья Колымского вокруг Шелагского или Чукотского носу даже до устья реки Анадыря и далее».

«Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю учиненных» Герарда Миллера было рассмотрено профессором Делякром, который весьма пессимистически относился к предпринимаемым Россией попыткам пройти отдельными участками на судах из Архангельска в Тихий океан. По его мнению, различные препятствия, которые встречались мореходам в прежнее время, весьма умножились, и прежде всего Ледовитое море «много убыло и подле берегу стало мелко». Кроме того, лед на море иногда вовсе не ломается. «Из чего рассудить можно,— заключал Делякроер,— что морской ход по Ледовитому морю весьма опасен и может быть непроходимой, ежели искать проходу вдаль, а не подле берегу. А ежели подле берегу идти, то ныне в рассуждении убыли морской воды также невозможно быть кажется, чтоб ботом или иными большими судами пройти».

Делякроер рекомендовал до особого указания Адмиралтейств-коллегии отложить дальнейшие поиски прохода на восток от Лены, которые предстояло вести Дмитрию Лаптеву.

Для обсуждения этого вопроса Беринг созвал совет. На нем присутствовали и ученые, и морские офицеры. Было решено ввиду небывалых препятствий, с которыми встретились отряды, на север в новый «вояж не ходить до тех пор», пока не придет распоряжение Адмиралтейств-коллегии о продолжении или приостановке полярных плаваний.

Мнения Миллера и Делякроера, во многом противоположные

друг другу, рапорт Беринга, донесения Д. Лаптева и других офицеров 20 декабря 1737 года были обсуждены Адмиралтейств-колlegией. Рассмотрев все поступившие из Якутска материалы, включая журналы и карты, Адмиралтейств-коллегия пришла к выводу, что нет причин, которые давали бы повод к «отчаянию». Напротив, изложенные в документах обстоятельства «к изысканию морских проходов надежду весьма подают». Было принято решение продолжать исследование северного побережья России как к востоку, так и к западу от Лены. Если не удастся осмотреть все в одно лето, то исследования должны продолжаться до тех пор, пока не приведены будут в окончание. Офицерам рекомендовалось не возвращаться к прежним жилищам, а зимовать в тех местах, в которых они будут остановлены неодолимыми препятствиями, «дабы дольным назад возвращением в действии той экспедиции промедления не иметь и времени не потерять». Предполагалось создать на берегах Северного Ледовитого океана продовольственные склады, соорудить маяки и оказывать местными силами вспоможение морским отрядам. Адмиралтейств-коллегия подчеркивала, что действия экспедиции на севере будут продолжаться до тех пор, пока не удастся решить вопрос о морском проходе из Архангельска на Камчатку. Через несколько недель, после того как было принято это решение, в Петербург с разрешения Беринга прибыл Д. Лаптев. Он привез свой отчет и отчет С. Челюскина, в котором подробно описывалось плавание отряда Прончищева к северо-восточным берегам Таймырского полуострова.

27 февраля 1738 года Адмиралтейств-коллегия заслушала рапорт Д. Лаптева и рассмотрела привезенные им карты. Д. Лаптев заявил, что проход северными морями из устья Лены к берегам Камчатки невозможен: Адмиралтейств-коллегия не приняла во внимание доводы Лаптева и подтвердила свое решение о продолжении поисков морского пути между Леной и Камчаткой. Если в течение двух плаваний ледовая обстановка в достигнутом месте будет без всяких перемен и «к судовому проходу ни по каким способам уже не будет», то разрешалось ограничиться попытками двух кампаний. Одновременно Адмиралтейств-коллегия разрешала Лаптеву, если он не сможет из-за льдов обойти морем Святой Нос, этот участок берега описать сухим путем. При этом как во время плавания, так и во время пеших походов, наряду с описью берегов «чинить» наблюдения за характером и простиранием как припая, так и «носящегося» по морю льда, его сплоченностью и густотой. Следовало отмечать, постоянно ли держится лед в исследуемых районах или «его относит».

«Ежели,— предписывала Адмиралтейств-коллегия Лаптеву,— найдутся такие места, где сильного препятствия от льдов нет, то выяснить, возможно ли судам тамо проходить». Особенно тщательно необходимо было исследовать устья рек, промерять их глубины, определять их местоположение на карте и выяснять,

насколько они пригодны для «сохранения судов» и устройства зимовки.

По достижении реки Колымы Д. Лаптеву разрешалось ехать сухим путем в Анадырский острог и требовать от Беринга «для походу от Камчатки на Колыму-реку морского судна», на котором без промедления направится в Ледовитое море для достижения поставленной цели.

Дмитрий Лаптев вернулся снова в Сибирь. Весной 1739 года он находился в Усть-Куте на берегах Лены и занимался подготовкой к новому плаванию, в том числе следил за постройкой двух судов. Одновременно он хлопотал об исправлении бота «Иркутск» и о доставке в район Индигирки запасов провизии для предстоящего сухопутного путешествия, так как был убежден, что льды снова остановят его суда. «Я весьма безнадежен обойти Святой Нос», — писал он в Адмиралтейств-коллегию ее президенту Н. Ф. Головину. Дальше он сообщал, что в случае неудачи намерен построить суда на Индигирке для плавания к устью Колымы и вокруг Чукотского Носа.

Однако в действительности многое сложилось совершенно иначе, чем предполагал Д. Лаптев. 21 июля 1739 года его отряд Быковской протокой вновь вышел в море. В этот день путешественники встретили матроса Лошкина, который был отправлен Лаптевым весной для осмотра северных берегов к востоку от Лены. Вести были приятные. Лошкин произвел опись до реки Алазен и осмотрел одну из проток Индигирки.

Завершив опись губы Буорхая, Лаптев взял курс на восток. Два дня путешественники с великой опасностью пробивались через сплоченный лед. Снова появился страх, что путь на восток не проходим. Однако моряки преодолели его и, рубя лед пешнями и топорами, прокладывали путь своему судну. Наконец они вышли на чистую воду, вернее, вошли в прибрежный неширокий канал, поскольку рядом на севере непрерывным поясом держался густой сплоченный лед. 7 августа достигли одного из рукавов Яны. Когда находились перед устьем этой реки, северным ветром пригнало лед. Бот невозможно было укрыть. Казалось, что и эта попытка пройти на восток к Колыме закончится безуспешно, если не трагически. Но к счастью, мощные льды остановились на мелководье, не дойдя всего несколько кабельтовых до судна. Правда, отдельные мелкие и тонкие льдины несло прямо на бот, но с ними моряки без труда справлялись, отталкивая их шестами.

В течение трех суток вынужденной стоянки занимались промером и картированием устья Яны. Наконец 13 августа буря утихла и льды стали удаляться от берегов.

Путешественники возобновили плавание на северо-восток и вскоре без всяких препятствий миновали Селягскую губу. Под вечер ветер снова усилился и начался шторм. Ночь простояли в укрытии, а утром следующего дня снова были в пути. Как бы ни было опасно, но надо было воспользоваться попутным ветром,

чтобы добраться до мыса Святой Нос, который, согласно прежним картам находился на $76^{\circ} 20'$ с. ш. и, по словам якутов, всегда был окружен льдом.

14 августа 1739 года Д. Лаптев со своими спутниками действительно увидел этот лед «неломанный, гладкий и здоровый, как среди зимы». Он действительно держался у обрывистого каменного Святого Носа, который, как оказалось на самом деле, находился на $72^{\circ} 50'$ с. ш. Но между берегом и льдом держался канал чистой воды. Этим каналом бот «Иркутск» без труда прошел проливом, отделяющим море Лаптевых от Восточно-Сибирского. Неприятности доставляло только мелководье. Попытки приблизиться на боте к берегу не приносили успеха. Несколько раз Лаптев посылал шлюпку на берег, но моряки не смогли отыскать гавань, в которой можно было бы укрыть судно. 21 августа Лаптев по распресненной воде решил, что находится вблизи устья Индигирки, и отправил несколько человек, приказав им отыскать проход в реку.

Между тем погода резко испортилась. Подул северо-восточный ветер. Температура воздуха понизилась. Начались морозы. Сильная волна помешала посланным на берег людям вернуться на судно. На море снова появились льды. По словам Лаптева, судно даже днем с трудом лавировало среди льдин, а ночью всеми людьми бот охраняли, то снимаясь с якоря, то снова становясь на него.

«Во все дни, — писал Лаптев, — от льдов и мелей беспокойство было. И часто бродили во льдах, как в густом лесу, и когда ветер был умеренный, то с нуждой пробавлялись, а в крепкий ветер и в шторм близ конечного отчаяния были, но тем спаслись, что от мелый берег большие льдины останавливал, и до самых заморозков так было». В конце августа началось ледообразование. Настал день, когда море замерзло полностью. Затем вдруг обрушилась буря. Бот «Иркутск» вместе с молодым льдом понесло в море. Казалось, путешественникам придется встречать зиму вдалеке от берегов, в плену сковавших его льдов. Но спустя несколько часов ветер переменялся на противоположный. Лед взломался. Судно направилось к югу и через четверо суток стало вновь на якорь вблизи устья Индигирки.

10 сентября, когда море снова покрылось льдом, Лаптев отправил партию моряков на берег. Здесь на берегу восточной протоки они встретили ранее посланных товарищей, которых считали погибшими. «Выкинутые на берег обмокшие, без огня, без пищи, — писал А. П. Соколов, — они претерпевали жестокий холод и едва не умерли с голоду, питаясь травой и встречаемыми песцами».

Вернувшиеся на бот моряки доложили Лаптеву, что, по словам геодезиста П. Киндякова, посланного на Индигирку еще весной, в 50 верстах от здешних мест находится поселение Русское Устье. Вскоре к боту «Иркутск» Киндяков пригнал несколько

собачьих упряжек. Лаптев на нартах отправил своих людей на зимовку в Русское Устье.

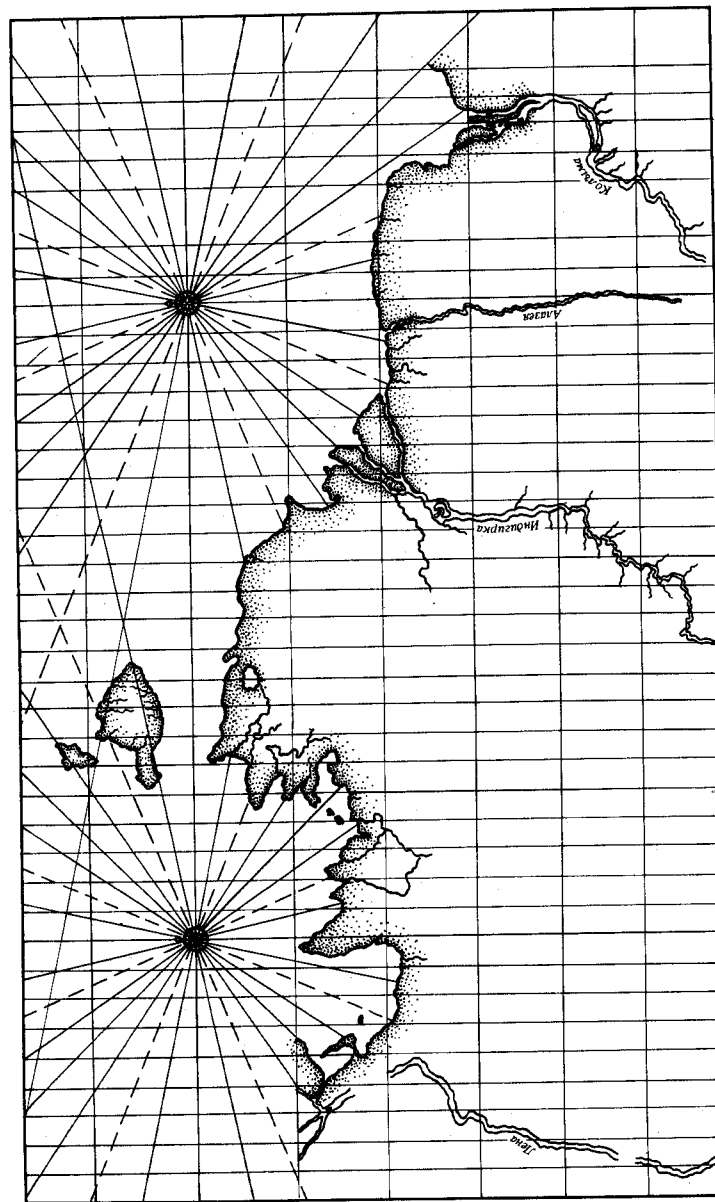
Приведя в порядок журналы плавания, Д. Лаптев послал в Петербург составленную им карту исследованного берега Сибири. «Берег, — писал он, — как у Яны, так и от Святого Носу до Индигирки, самый низкий и мокрый, и на берегу, как в болоте, сухой земли сыскать не можно. И весь берег от Лены до Колымы пустой. И входа с моря ни в одну реку за мелкостью нет. И дров ничего нет, и только в редких реках наносной и к плаванию на море пригоден один август месяц (а в июле все море полно льда)».

Он сообщил далее, что если бот «Иркутск» не будет раздавлен льдами, то он будущим летом продолжит плавание на восток в надежде достичь Колымы и обогнуть Чукотский Нос, хотя подобное предприятие считал почти неосуществимым. Он даже подвергал сомнению известие Миллера о бывших походах по ледовитым морям. Лаптев соглашался только с тем, что русские мореходы выходили в океан на своих судах. Но по его мнению, ни одно плавание не завершилось желаемым успехом, о чем свидетельствуют выброшенные морем остатки судов, которые его служители видели к востоку и к западу от Индигирки.

Зимой Д. Лаптев совершил на собаках поездку к реке Хроме и положил ее на карту. В то же время геодезист Киндяков отправился на Колыму и описал ее устьевой участок.

В июне 1740 года, прорубив канал во льду, Лаптеву удалось вывести бот «Иркутск» в безопасное место, хотя и не обошлось без неожиданностей. 27 июня к берегу подошел недавно взломавшийся лед и выбросил бот на мель, с которой его снимали в течение двух недель. Прошло более месяца, прежде чем ледовая обстановка на море улучшилась.

31 июля Лаптев приказал сняться с якоря и следовать на восток. Моряков, как и в прошлое лето, преследовали льды. На следующий день отряд находился вблизи устья реки Алазеи. 2 августа увидели остров, который по святцам был назван в честь Св. Антония и вскоре переименован в Первый Медвежий. Спустя двое суток Лаптев достиг Колымы и немедленно отправил сообщение в Нижнеколымск о том, что намерен продолжать плавание к Чукотскому Носу. К востоку от Колымы в море виднелись огромные ледяные массы. 8 августа 1740 года путешественники вышли в сплоченные льды, среди которых не было ни одной прогалины. Лишь у берега виднелся канал чистой воды. Лаптев направил туда бот «Иркутск». Сутки плыли без особых затруднений. 9 августа положение резко ухудшилось. Канал свободной воды перерезали льды. Погода испортилась. Небо заволкло тучами, повалил густой снег. Почти ничего не было видно. Лавируя среди огромных и мелких льдин, по словам Лаптева, «часто в оные стучались и в страхе были, что проломит борт от тех ударов». Рискую потерять судно, Лаптев пробирался на восток, укрываясь за огромными стамухами от напора дрейфующих льдов. Количе-

Карта плаваний Д. Лаптева

ство льдин в прибрежном канале заметно увеличивалось, и наконец настал такой день, когда он сузился до такой степени, что не осталось «ни на один вершок воды между льдом и берегом».

14 августа, когда отряд находился у берегов Большого Баранова Камня, Лаптев созвал совет. Все были единодушны в том, что из-за сплоченных густых льдов в преддверии приближающейся осени невозможно продолжать плавание по направлению к Чукотскому Носу. Решено было возвращаться на зимовку. 23 августа бот «Иркутск» прибыл в Нижнеколымск, где жило 11 русских семейств.

30 октября 1740 года Лаптев направил в Петербург отчет о своем плавании, карту северного берега России между Леной и Колымой и план своих действий на ближайшее время. Одновременно в письме к Н. Ф. Головину он сообщал, что для предстоящей навигации строит два гребных судна, которые намерен использовать для исследования берегов. Кроме того, он послал в Анадырский острог за казаками — хорошо знакомыми с Колымским севером и знающими чукотский и корякский языки. Через них он надеялся получить «основательное известие о Чукотском Носе». Лаптев придавал большое значение сбору сведений о Севере у местных жителей. «При команде моей,— писал он Н. Ф. Головину,— обретаются чукотская баба, которая имела жительство меж Колымою и Чукотским Носом и неоднократно через Нос оный на анадырской стороне бывала... Она объявляет: меж Колымою и Чукотским Носом находятся две великие реки, на которых она жила». По рассказам этой жительницы, расстояние между Колымой и восточным берегом Чукотки составляло от 800 до 1000 верст, что согласовалось с показаниями участников прежних экспедиций в этот край. Далее Лаптев сообщал Головину, что если он и его люди останутся в живых, летом 1741 года употребить все меры для того, чтобы окончательно убедиться «есть ли к Камчатке проход или конечно нет».

Зимовка прошла благополучно. По зимнему пути был осмотрен путь до Анадыря, откуда в случае неудачи Лаптеву предстояло предпринять плавание на север вокруг Чукотского Носа. В то же время геодезист Киндяков положил на карту реку Колыму до ее верховьев.

29 июня 1741 года Лаптев вышел в новое плавание. 8 июля он снова увидел полярное море, которое до горизонта было покрыто сплоченным льдом. Много дней ждали того часа, когда откроется путь на восток. Льды не расступались. Только 25 июля пробились к Большому Баранову Камню, где, как и в прошлом году, путешественников остановили льды. Вскоре льды пришли в движение и вынудили моряков отступить по направлению к Колымскому устью. Лаптев не хотел примириться с неудачей. Он послал вперед сопровождавших его два дощаника под командой штурмана Щербинина. В то время как Щербинин отыскивал безопасный путь для бота «Иркутск», льды окружили дощаники и бот. Нача-

лось сжатие. Вдруг раздался треск. Дощаники не выдержали напора льдов. Суденышки пришлось покинуть, а их командам по льду добираться до бота, также находившемуся в опасном положении. К месту его стоянки приближались мощные льдины. К счастью, не было ветра. Если бы начался шторм от севера, то, по словам Лаптева, от бота, снаряжения и припасов ничего бы не осталось. Лед так же сокрушил бы его, как сокрушил уже дощаники. Не желая рисковать судном и людьми, Лаптев приказал во второй раз отступить к Колыме. Делал это он с глубокой убежденностью в том, что он и его мужественные спутники «такой трудный, много бедственный и неизвестный путь морем, где было по силе человеческой возможно, проходили, и к вечnodостойному ведению исправно описали, а о не проходимых местах достоверно свидетельство учинили».

6 августа Д. Лаптев созвал совет, чтобы обсудить со своими спутниками создавшееся положение. Как отмечалось, Адмиралтейств-коллегия разрешала руководителям отрядов, если они два года подряд встретят в одном и том же месте непроходимые льды, прекращать дальнейшие поиски. Поэтому моряки решили в следующем, 1742 году ботом в море не выходить.

Вскоре отряд благополучно возвратился в Нижнеколымск, а 27 октября Лаптев со своими спутниками на 45 собачьих упряжках выехал в Анадырский острог, до которого добрался за три недели. Той же зимой была предпринята опись восточного побережья России между Анадырским острогом и рекой Пенжиной. Летом 1742 года моряки исследовали и картировали реку Анадырь от острога до впадения ее в море. Осенью весь отряд возвратился в Нижнеколымск. Здесь Лаптев оставил свою команду, а сам выехал по зимнему пути в Якутск, надеясь установить контакт с руководством Второй Камчатской экспедиции. 8 марта 1743 года он добрался до знаменитого города на Лене. В Якутске его встретил капитан А. И. Чириков, поведавший ему о гибели Беринга. Лаптев получил приказ следовать в Петербург, куда без приключений добрался в декабре 1743 года.

Там уже находился его двоюродный брат, на долю которого выпало завершить работы по исследованию и картированию Таймыра, столь успешно начатое Василием Прончищевым.

21 июля 1739 года бот «Якутск» под командой Харитона Лаптева достиг моря и взял курс на устье реки Оленек, где решено было оставить в зимовье Прончищева запасы продовольствия. Несколько дней среди льдов и густого тумана ощупью пробирались путешественники на запад. Первую остановку сделали вблизи Усть-Оленекских островов, затем открыли залив Нордвик. «Великие льды» принудили Лаптева и его 45 спутников искать убежища в вершине Хатангской губы, где, по словам В. Беринга, «от великого ветра с моря и великих льдов едва спаслись». Буря

задержала путешественников на много дней. Во время шторма повредило два якоря. Только 14 августа возобновили плавание. Через несколько дней моряки находились на 76° с. ш., где бот прижало густым льдом к берегу. Спустя сутки во льду появились прогалины, и путешественники возобновили плавание, распикивая льдины шестами. «21 августа,— писал Беринг в своем отчете об этом плавании,— пришли против Таймырской губы в широте 76° градусов и 41 минута по льду стоячему, который начался от самого берега и лежит к северо-востоку неломанный».

Лаптев приказал спустить на лед собачью упряжку, поручив геодезисту Чекину разведать состояние льдов около берега. Чекин возвратился через 12 часов и объявил, что ехать далее было невозможно, так как «лед очень худ» и разделен множеством полыней. Он поднимался на берег и, когда рассеивался туман, видел на севере высокие горы. Вслед за тем Х. Лаптев отправился на берег. На ближайшем мысу Св. Фаддея он не нашел ни выкидного леса, пригодного для постройки зимовья, ни источников пресной воды, ни бухты, в которой можно было бы укрыть судно.

«Мыс Св. Фаддея,— писал Лаптев,— лежит утесом каменным... На нем местами мелкий камень, белый, подобный алебастру. Земля глина, и изредка мох, непригодный для оленьего корма. Здесь мамонтовый рог выкопали из земли длиною в 4 фута. Находясь у сего мыса, видели морских зверей, великих собою и подобных рыбе, шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло черное. По здешнему называют белуга. На сем мысу сделан от нас маяк из плитного камня, вышиною в полторы сажени... К северу и северо-востоку стоит лед неломанный гладкий».

Пока путешественники исследовали берега мыса Св. Фаддея, начались морозы. Снежники покрылись молодым льдом. Приближалась осень с ее непогодами. Надежды, что льды взломаются и отойдут в море в это позднее время, не оставалось никакой. Решено было возвращаться к устью Хатанги. Вблизи речки Блудной они встретили несколько семей тунгусов и решили построить здесь зимовье из плавника.

В течение зимы ни один из путешественников не заболел цингой. Весной 1740 года были возобновлены исследовательские работы. 23 марта зимовье покинул геодезист Чекин. Он направлялся к реке Таймыре на собачьих нартах. Ему удалось добраться до озера Таймыр и спуститься до моря по Нижней Таймыре. Неудовольствовавшись достигнутым, путешественник направился по льду на запад и осмотрел около 100 верст северного побережья, пока не оскудели запасы провизии и корма для собак. Он не предполагал, что от реки Пясины навстречу ему шел штурман Стерлегов и что их разделяют всего около 200 верст. Не подозревая об этом, они почти в один и тот же день повернули обратно. Чекин едва добрался до зимовья. Корма не хватило. Собаки гибли одна за другой. Настал день, когда нарты уже некому было тащить. Их пришлось бросить среди тундры и идти пешком. Только 17 мая

Чекин встретился со своими товарищами, которые готовились к новому плаванию.

Ледовая обстановка в навигацию 1740 года оказалась более сложной, чем в предыдущем году. Почти месяц моряки выбирались к морю сквозь сплоченные льды, непрестанно носившиеся по Хатангскому заливу. Наконец 11 августа они вышли в море. Спустя двое суток, когда находились на $75^{\circ} 30'$ с. ш., судно оказалось в ледовом плену.

Течениями и ветром «Якутск» понесло к северу. Льды все ближе и ближе подходили к судну. Под их напором трещали борта. Появились пробоины. Трюм стало заливать водой. Моряки пытались бревнами защитить борта судна, но льды ломали их. Пробоин становилось все больше. Их не успевали заделывать, вода заметно прибывала, грозя затопить бот. Лаптев, посоветовавшись со своими ближайшими помощниками, решил выгружать на лед продовольствие и снаряжение. Наступила ночь, ненастная и тревожная. Шел снег. Вокруг слышался скрежет льдов, которые увлекали «Якутск» к юго-востоку. Команда по приказу Лаптева покинула «Якутск» и направилась по льду к берегу. Только через полтора суток в полдень 16 августа они ступили на твердую землю. Поблизости отыскалось несколько выкинутых морем бревен. Вскоре пыла спасительный костер и обогревшиеся путешественники строили себе жилище по подобию якутских юрт.

Две недели провели здесь моряки, спасая припасы, брошенные на льду. Труды и лишения изнурили моряков. Появились больные. Кое-кто впал в отчаяние. Но Х. П. Лаптев и его ближайшие помощники не потеряли присутствия духа. В середине октября они привели отряд к своему прежнему зимовью на реке Блудной. Во время этого трудного, исполненного лишений и мытарств перехода, потерял всего 4 человека. «Грустно было слушать рассказы о бедствиях и страданиях, испытанных несчастной командой этих судов,— писал Свен Ваксель об отряде Х. Лаптева.— Судно, направленное к западу для разведывания пути к устью Енисея, шло в прибрежной полосе, между льдом и материком, до 76° с. ш. Дальше оно уже не могло идти из-за льда, а к северу от него виднелась еще какая-то земля. В конце концов судно было раздавлено льдом, так что команде пришлось его оставить на расстоянии пяти или шести немецких миль от твердой земли и пойти пешком по льду по направлению к матерiku с таким запасом сухарей, сколько каждый мог унести для себя на спине. Добравшись с большими трудностями до твердой земли, они пошли дальше сушей вдоль берега до самой северной его оконечности, а когда они достигли уже почти 77° с. ш., берег стал опять поворачивать к юго-востоку. Поэтому они снова повернули к реке Хатанга, где зимовали за два года до того и где оставили небольшой запас продовольствия. Это случилось в августе, когда они добрались до 75° с. ш., и ни к западу, ни к востоку, ни к северу не видно было открытой воды, а все море было загромождено стоя-

чими высокими, как горы, торосами. От названной северной оконечности материка до прямого берега и до реки Хатанги им предстояло пройти еще около 700 верст через пустынные места, прежде чем они могли бы рассчитать встретить жилье и людей, отдельных немногих туземцев, которые в известное время года приходят в эти места, занимаясь охотой на белого медведя и песка. Эти несчастные сильно терпели от голода, очень ослабели и перенесли много бедствий».

Как и его двоюродному брату Д. Лаптеву, Х. Лаптеву два года подряд в одних и тех же местах встретился непроходимый лед. Это давало ему основание, согласно указу Адмиралтейств-коллегии, прекратить дальнейшие попытки пройти к Енисею морем. Уже в ноябре 1740 года он со своими помощниками решил осуществить исследование берегов Таймыра по сухому пути. Всех людей, которые не нужны ему были для этих работ, он отправил в начале 1741 года в Дудинку.

17 марта 1741 года зимовье покинул штурман Семен Челюскин с двумя матросами. Он направлялся в верховья реки Пясины, по которой ему предстояло спуститься вниз до моря, а затем на собаках направиться на восток до тех пор, пока не встретится с Х. Лаптевым.

15 апреля на трех нартах выехал на север геодезист Чекин, которому в сопровождении солдата и якута предстояло описать северо-восточное и северное побережье Таймырского севера до реки Таймыра.

Последним зимовье оставил Х. Лаптев. На четырех собачьих нартах он добрался до Верхней Таймыры и, достигнув ее истоков, установил, что она находится гораздо западнее, чем считали путешественники, ошибочно принявшие залив Св. Фаддея за устье Таймыры. Отсюда Х. Лаптев направился на восток. «Чинил,— писал он в Петербург,— описание берега по крайней возможности и доехал до такого льда, который много лет не ломан, ибо на нем летней токмо проталины ямами и тут набило снегом, а меж ними, где не стаяло... весь почернел. К тому же находил на оных льдах лес наносной. И потому видеть можно, что только на сем льду бывает в летнее время вода полая, а его не ломает».

13 мая, когда путешественники находились на $76^{\circ} 42'$ с. ш., путешественников «захватила превеликая вьюга и туман». Они вынуждены были остановиться. Здесь, по словам Харитона Лаптева, непогодой так «перебило» глаза, что они не могли видеть далее пяти сажен. «Видя крайнюю гибель от оной очной болезни в худых и пустых местах», Харитон Лаптев возвратился к устью Таймыры. Здесь путешественники отдохнули два дня и 19 мая выехали по льду на запад, описывая по пути морской берег, осматривая заливы и приметные места.

1 июня партия Х. Лаптева встретилась с Семеном Челюскиным. Путешественники направились к устью Пясины, где их застигла весна. Летом Х. Лаптев на лодках добрался до Енисея и

затем поднялся вверх до Дудинки. Здесь его ждал геодезист Чекин. Он описал восточный берег Таймыра до $76^{\circ} 35'$ с. ш., откуда возвратился из-за болезни глаз. У него не достало собачьего корма, и если бы не удалось пополнить его запасы охотой, «могли бы быть в крайней гибели».

Х. Лаптев между тем отправился в Туруханск и потребовал, чтобы местные власти заготовили и доставили припасы на север Таймыра, где оставались неописанными несколько сот верст.

Завершить опись северного побережья Таймыра и открыть самую северную точку Азии выпало на долю штурмана Семена Челюскина. 4 декабря 1741 года он выехал из Туруханска в низовья Хатанги. Почти три месяца путешествовал он с тремя солдатами по тундре, прежде чем достиг знакомых ему мест. Здесь он приготовил собачьи упряжки, запаса кормом и продовольствием.

3 апреля 1742 года Челюскин отправился в свое последнее путешествие, которое обессмертило его имя. 1 мая он добрался до мыса Св. Фаддея и начал опись к северу. В тот же день открыл два небольших гранитных островка, а вскоре заметили остров «немалого размера». Неистовствовали метели, а на смену им приходили туманы. Двигались по морскому льду, проходя около 16 верст в день. Наст уже плохо держал и собаки выбивались из сил. Чтобы дать им отдых, пришлось остановиться почти на целые сутки. В это время поднялся сильный ветер, гнавший по земле огромные массы снега. Из-за метели ничего вокруг не было видно. Только под вечер 8 мая погода несколько улучшилась и путешественники возобновили опись берега. В тот же день они достигли самой северной точки Азии, которая сегодня носит название мыса Челюскина.

«Сей мыс каменный, приярый, высоты средней,— записал Челюскин 8 мая 1742 года в своем журнале,— около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный Восточный Северный мыс».

Отсюда Семен Челюскин направился с описью к устью Нижней Таймыры. 14 мая впереди на белом снегу он увидел собачьи нарты. Это были солдаты, посланные Х. Лаптевым, везли для него запасы корма и провизии. На следующий день он положил на карту последние неисследованные версты северного побережья Таймыра, сомкнув свою опись с описью, выполненной Чекиным и Х. Лаптевым на запад от Нижней Таймыры до устья Пясины.

Таким образом, почти все задачи, по изучению морского пути из Архангельска в Тихий океан, поставленные перед отрядами Второй Камчатской экспедиции, были решены. Остался не осмотренным лишь северный берег России между Барановым Камнем, лежащим к востоку от Колымы, и Чукотским Носом. Решение этой трудной проблемы спустя 80 лет выпало на долю великого российского полярного исследователя Фердинанда Петровича Вран-

геля, одним из первых обстоятельно рассмотревшего деятельность северных отрядов Второй Камчатской экспедиции.

«Описание сих путешествий,— писал Ф. П. Врангель о действиях северных отрядов,— представляет читателю ряд опасностей, трудов и неудач, против коих плаватели наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимым рвением в исполнении своих обязанностей и мужественным терпением, сами отличительными свойствами мореходцев всех веков и народов. Не ослепляясь пристрастием, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантов Прончищева, Лассениуса, Харитона и особенно Дмитрия Лаптевых заслуживают удивления потомства».

Целая фаланга отважных морских офицеров и штурманов удивительно достоверно, по возможностям того времени, описала северные берега Азии и доставила науке множество ценнейших сведений о состоянии погоды и льдов в полярных морях.

Лишь спустя 90 лет было заново картировано побережье России от границы с Норвегией до устья Оби и от устья Оленека до Берингова пролива, а описи Д. Овцына, Ф. Минина, Д. Стерлегова, В. Прончищева, Чекина, Х. Лаптева, С. Челюскина, первыми картировавшими северное побережье России от Оби до Лены, оставались единственными до конца XIX — начала XX века, то есть служили науке и флоту более двухсот лет.

О замечательных результатах, которые были достигнуты северными отрядами в 1734—1740 годах, инициатор этого предприятия Витус Беринг дал беспристрастный и справедливый отчет за несколько недель до того, как отправиться к неведомым берегам Америки.

Тайна одной карты

Вторая Камчатская экспедиция в январе 1734 года собралась в полном составе в Тобольске. Прежде всего Беринг обсудил с профессорами Миллером и Гмелиным вопрос о посылке по сухому пути геодезистов по берегам Северного Ледовитого океана, где одновременно должны были вести исследования морские отряды.

Поручив начальство над командами и обозом экспедиции Алексею Чирикову, Беринг с семьей 16 февраля 1734 года покинул Тобольск и направился на восток, на берега Лены.

23 октября 1734 года он прибыл в Якутск. Здесь он узнал, что провиант, который должен был завести Шпанберг в Охотск для строителей судов и морских команд, не доставлен. Более того, в Якутске не было построено ни одного судна для перевозки снаряжения и запасов экспедиции. Сам Шпанберг, суда которого в пути

были остановлены льдом, находился в очень тяжелом положении. Спешно направившись в Охотск, этот офицер не выслал вперед каких-либо запасов продовольствия. Рано наступившие холода лишили его возможности добраться до Юдомского Креста. Шпанберг оставил вмерзшие в лед суда и в сопровождении нескольких человек отправился на лыжах в Охотск. На долю Шпанберга и его спутников выпали «великие и тяжкие трудности». Они страдали от морозов и голода, многие недели питались кореньями и падалью. И при этом надо было заготавливать лес, строить помещения для экспедиции и перевозить грузы, брошенные за Юдомским Крестом.

Узнав о тяжелом положении Шпанберга, Беринг занялся оказанием помощи этому отряду, чтобы люди не погибли от голода. Было собрано более ста лошадей. На каждую из них навьючили 200 фунтов провизии. Этот караван благополучно добрался до Охотска.

Гораздо лучше обстояли дела Алексея Чирикова, на его долю выпала забота об основном обозе экспедиции. Хозяйство экспедиции в Тобольске непомерно увеличилось. В свою команду Чириков принял здесь 200 солдат и более полутора тысяч ссыльных для работы на судах. Проводив в плавание Д. Овцына, Чириков немедленно отправился из Тобольска. На двенадцати больших барках разместились люди и все снаряжение и припасы. К осени добрались до Илимска. Затем суда сменили на сани и небольшими партиями добрались до Усть-Кута на реке Лене.

Беринг, проезжая здесь несколькими месяцами раньше, договорился с местными властями, что они окажут Чирикову помощь в постройке судов в Верхоленске. Якутская провинция «дала в работу служилых людей, разночинцев и ссыльных 731 человек». Весной 1735 года на верхней Лене под начальством Чирикова было построено 3 барки, 24 дощаника и 43 небольших судна, которые он надеялся также использовать для доставки провизии из Якутска вверх по рекам до Юдомского Креста. В июне 1735 года было доставлено в Якутск 41 521 пуд муки, круп и «протчаго провианту».

По приказу Беринга часть этих грузов на 41 малом судне и 14 дощаниках 29 июня и 5 июля были отправлены в Охотск.

Как только караван Чирикова прибыл в Якутск, Беринг отправил в плавание Василия Прончищева и Петра Лассениуса, которым предстояло исследовать северное побережье Сибири на запад и восток от устья Лены. Четыре дощаника с провиантом, доставленных Чириковым, отправились вместе с этими отрядами на север.

Беринг был удовлетворен тем, что он и его помощники сделали все возможное, чтобы построить, снарядить и укомплектовать северные отряды своей экспедиции. Гораздо труднее оказалось доставить основные экспедиционные грузы в Охотск.

Якутские власти не только не завезли провиант для экспеди-

ции, но и не построили ни одного судна для его перевозки к Охотску. Надо было без промедления изыскивать способы поставки снаряжения, провизии, артиллерии и другого имущества к берегам Тихого океана. По свидетельству Свена Вакселя, главной заботой Беринга в 1735 году была подготовка к тому, чтобы в следующем 1736 году осуществить перевозку в Охотск продовольствия и снаряжения в наибольшем объеме. Это дало бы возможность отправить туда как можно больше людей и ускорить постройку судов для плавания к Японии и Америке.

Мысль о переезде в Охотск Берингу пришлось отложить. Поскольку якутская канцелярия бездействовала, необходимо было самим путешественникам и впредь заботиться о доставке провианта и экспедиционных материалов с берегов Лены к Тихому океану. Чтобы ускорить строительство судов, Беринг все свое «старание и смотрение» употребил на хлопоты о постройке железоделательного завода, продукция которого шла на изготовление якорей и других принадлежностей для кораблей. Одновременно он организовал заготовку смолы и распорядился соорудить канатную мастерскую. Немедленно было начато изготовление различного рода такелажа, который не имелось возможности, по словам Свена Вакселя, привезти из Петербурга в необходимом для экспедиции наборе.

И все же дела экспедиции развивались гораздо медленнее и неблагоприятнее, чем предполагал Беринг. Если отрядам, действовавшим на Севере, прежде всего неодолимые трудности доставляли льды, то здесь, в Якутске, где собралась основная часть экспедиции, больше всего мешали провинциальные власти. Местная канцелярия не только бездействовала, но и чинила всяческие препятствия в обеспечении экспедиции провизией и необходимым снаряжением. «Все это,— писал А. П. Соколов,— провиант, пушки, якоря, канаты, пенька, порох и прочее, доставляемое сюда трудно и медленно, частью употребляемое на месте многочисленную команду здесь собравшейся экспедиции и двумя отрядами, уже действовавшими по Лене, еще труднее и медленнее могло быть переправляемо в Охотск».

Путь от Якутска до Юдомского Креста пролегал по Лене, Алдану, Мае и Юдоме. Если первые три реки суда проходили без особых приключений, то плавание быстрой Юдомой изобиловало опасностями. Почти на каждой миле встречались «худые и трудные места». Особенно много хлопот доставляли путешественникам пороги и каменные гряды, которые проходили весьма медленно. Отыскать среди них безопасный фарватер было «зело трудно». Юдома почти ежегодно изменяла свои глубины. По словам Беринга, там, где она в прошлом году была глубока и безопасна, в следующее лето появились мели, а там, где была она прежде мелка, вдруг становилась глубокой. Более того, Юдома, как установили служители, часто изменяла течение, прокладывая местами совершенно новое русло, или засыпала камнями прежний

фарватер. Расчистить «порог и подпорожье (где наивящая трудность)» у Беринга не было никакой возможности, поскольку и так не хватало рабочих людей для доставки провианта. А проведение этих работ потребовало бы несколько лет.

От Юдомы до Урака шел волок длиною около 40 верст. Он проходил по низким топким местам, которые пересекал каменный хребет. Его невозможно было перекопать, и поэтому соединить обе речки каналом не было никакой возможности. Чтобы перевезти грузы через волок, надо было расчищать лес, строить мосты через топи, перегружать грузы с судов на лошадей, с трудом продвигавшихся то по гатям, то по каменистым россыпям. Выбивались из сил и люди, и лошади. Но другого выбора не было.

В 1736 году Алексей Чириков не только доставил значительную часть грузов в Охотск, но и составил, как это требовалось указом Сената, описание пути между Леной и побережьем Охотского моря. Более того, на этой дикой, почти непроходимой дороге он через каждые 15—20 верст построил теплые избы, в которых и зимой, и летом могли найти приют путешественники. Затем Беринг поручил доставку грузов штурману своей экспедиции лейтенанту Свену Вакселю, который занимался этим трудным делом и зимой, и летом 1737 года. Зимой груз на нартах перевозили люди. Каждый из них примерно 15 раз проделал трудный путь между Якутском и рекой Урак.

В марте 1737 года весь отряд Свена Вакселя находился на берегах реки Урак. Воспользовавшись зимней дорогой, путешественники вместе с солдатами и рабочими людьми доставили еще одну партию экспедиционных грузов по волоку, проложенному от реки Юдомы. Теперь надо было немедленно приступить к постройке небольших судов, каждое вместимостью от 150 до 200 пудов. Барки и дощаники большой грузоподъемности для плавания по Ураку были не пригодны по причине подводных камней, порогов, плавание через которые при стремительном течении было делом рискованным и опасным. Вода столь быстро неслась к морю, что морякам не требовалось ни парусов, ни весел. Надо только было ловко управлять судном, чтобы обходить мели и иные опасные места. Меньше чем за сутки путешественники добирались до Охотского моря и затем, держась берега, направлялись в Охотск для разгрузки.

Путь от Якутска до Охотска был обследован и картирован сначала Алексеем Чириковым, а затем Свенем Вакселем.

Между тем жизнь Беринга в Якутске протекала в непрестанных хлопотах. Местные власти были обеспокоены его активной деятельностью. И вместо того, чтобы заботиться о заготовке и доставке в Якутск и Охотск запасов провианта, слали доносы в Петербург. Не удержался от ябедничества и кое-кто из его офицеров, особенно из числа тех, которых Берингу пришлось наказать за неблагоприятные поступки. Скверные отношения складывались с начальником Охотского края Скорняковым-Писаревым, который

был бит кнутом и сослан в Сибирь за участие в заговоре против Меншикова. Этому опальному сановнику Сенатом было приказано выехать заранее на берега Тихого океана, приступить к подготовке судов для экспедиции и обеспечить доставку ее грузов, и в первую очередь продовольствия, из Якутска в Охотск. Но вместо помощи Скорняков-Писарев чинил всевозможные каверзы и слал наветы в Петербург, стараясь очернить не только действия Беринга, но и великие труды, лишения и жертвы остальных участников экспедиции в Арктике (впоследствии он послал донос и на японский отряд Шпанберга).

Один из «правдолюбцев» сообщал в Адмиралтейств-коллегию, что «по отбытии экспедиции из Иркутска увезены тайно от тамошнего жителя девка да баба и ныне живут у него Беринга». Доноситель обвинял капитан-командора в том, что он раздавал служителям непервосортную муку, забывая о том, что нередко муки вообще не было у экспедиции какой-либо, тем более, что ее заготавливали сибирские власти. Тот же челобитчик жаловался, что Беринг заботится не об экспедиции, а о своей семье и, не желая разлучаться со своими близкими, живет безвыездно в Якутске.

Этот донос явился предметом гораздо более тщательного обсуждения Адмиралтейств-коллегии, чем рапорты Беринга, Овцына, Прончищева и других его сподвижников. Коллегия в своем решении № 520 от 26 февраля 1736 года отметила, что Беринг «нерадивительно» заботился о делах экспедиции. Без выяснения причин, которые вынудили Беринга задержаться в Якутске, выразила свое неудовольствие ходом дел экспедиции и отметила, что это обстоятельство «без взыскания на нем оставлено не будет».

Берингу было приказано не заниматься посторонними делами, хотя главным «посторонним» делом, которое не касалось экспедиции, была доставка провианта и грузов из Якутска в Охотск.

К сожалению, такие сомнительные документы, как доносы, нередко используются «исследователями» в качестве оснований для обвинения в адрес тех или иных деятелей экспедиции. Следует подчеркнуть, что доносов писалось немало. Среди многих жертв «доносителей» значится всемирно известный натуралист Вильгельм Георг Стеллер. Пережив все ужасы и мытарства, лишения и невзгоды плавания к северо-западным берегам Америки и зимовки на острове Беринга, этот ученый, собравший богатейший научный материал, был по пути в Петербург арестован по доносу за то, что распорядился освободить ни в чем не повинных камчадалов. И хотя довольно скоро по тем временам выяснилась предвзятость обвинений против Стеллера, — неожиданный арест подорвал его силы гораздо страшнее, чем голод во время зимовки на острове Беринга.

Отнюдь не бесследно для исторических и географических изысканий адъютанта Иоганна Фишера прошел его арест по дороге из Якутска в Охотск потому, что один «злодей» крикнул

«слово и дело». Пробыв несколько недель под арестом, Фишер не поехал во второй раз ни в Охотск, ни тем более на Камчатку, изучение которой в историческом отношении было конечной целью его путешествия.

Такой же участи подверглись и некоторые другие члены экспедиции, в том числе такой выдающийся полярный исследователь, как Дмитрий Овцын, который по доносу был отстранен от руководства об-енисейским отрядом и разжалован в матросы. Доносы много вреда причинили историческим и географическим изысканиям Г. Ф. Миллера... Но тяжелее всех досталось Берингу. Ему пришлось убедиться, что воевать с местными властями и «правдолюбцами» дело гораздо более трудное, чем плавание по неизвестным морям и отыскание неведомых земель.

Когда Сенат потребовал от Беринга как можно скорее оставить Якутск, он отвечал, что затянувшееся на 3 года «бытие здешнее так мило», что он гораздо легче три и хотя бы более морских кампаний окончил, нежели здесь быть один год. Адмиралтейств-коллегия по одному из доносов лишила Беринга двойного жалования. Он отправил жену в Петербург, а сам продолжал заниматься делами экспедиции.

Якутск Беринг покинул лишь в 1737 году. «Он уехал, — по словам Свена Векселя, — лишь после того, как уверился, что обеспечен провиант, достаточный для его команды. Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами не могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности».

О том, как ревностно заботился Беринг о нуждах и судьбе экспедиции, свидетельствует его рапорт в Адмиралтейств-коллегию, отправленный в 1737 году. Он снова и снова обращал внимание на необычайно трудное положение экспедиции, так как он и его офицеры ни в малейшей степени не могли рассчитывать на помощь якутских и охотских властей. Местные чиновники ничего не делали для снабжения экспедиции, хотя именно им надлежало заботиться об этом согласно указу Сената. Беринг подчеркивал, что только «крайняя нужда» вынудила его взять на себя все хлопоты по обеспечению экспедиции. В противном случае за минувшие три года не было бы отправлено в Охотск ни одного пуда провианта и не было бы построено ни одного судна.

Беринг справедливо опасался, что с его отъездом из Якутска, очевидно, замедлится поставка провианта, которого для одного состава экспедиции требовалось около 16 тысяч пудов, не считая, что еще надо было заботиться о прокормлении около 500 человек, занимавшихся сплавом леса в Охотск для постройки судов, покоев и складов.

В 1737 году Свену Вакселю удалось доставить в Охотск значительную часть снаряжения для тихоокеанских отрядов экспедиции. Гораздо хуже обстояло с запасами провизии. После того,

как летом в Охотск по настоянию Адмиралтейств-коллегии перебрался Беринг вместе со своей командой, стало очевидно, что доставленных запасов продовольствия едва ли хватит до будущего лета. Пришлось отложить в 1737 году отправку судов к берегам Японии.

Для «лучшего поспешения и надзирания в перевозке провианта» Беринг в феврале 1738 года отправил под командой лейтенанта Вальтона отряд в составе 30 человек к Юдомскому Кресту. Им было поручено вместе с обретавшимися у Юдомского Креста служителями доставить возможно больше продовольствия к плотбищу на Ураке и построить к имеющимся 40 судам еще 20 барок. Как только река освободится от льда, суда, приняв провизию и другие экспедиционные материалы, должны были немедленно направиться в Охотск, с тем чтобы не задержать отправку отряда Мартына Шпанберга к берегам Японии.

Одновременно надо было заботиться о заготовке леса для постройки пакетботов, на которых Берингу вместе с Чириковым предстояло отправиться к берегам Америки. 14 февраля 1738 года «в лес на Кутуй-реку» было отправлено 42 служителя. К 20 марта они заготовили 491 «штуку» для судового набора и 638 бревен для постройки живых покоев и сараев. На этом работы пришлось прекратить, поскольку не было возможности послать им провиант: к тому времени ни одного фунта продовольствия в Охотске не осталось. Пришлось взять 300 пудов муки из запасов отряда Шпанберга. Но и этим количеством хлеба можно было «пропитать служителей» лишь до середины апреля. Чтобы «не поморить людей с голоду», Беринг, прекратив работы по заготовке леса, отправил часть своей команды к плотбищу на Ураке. В Охотске остались лишь моряки, которые были необходимы для подготовки к плаванию судов отряда Шпанберга.

Наконец 3 июня 1738 года в Охотск прибыла продовольственная эскадра лейтенанта Вальтона. На 36 суденышках он доставил 4499 пудов провианта и 138 ведер вина. При этом не обошлось без потерь. 4 баржи разбились, и вместе с ними погибло 592 пуда провизии. Прежде всего Беринг распорядился выдать годовой запас «морского и сухопутного провианта» на суда, отправляющиеся к Японии. Утром 18 июня 1738 года отряд Шпанберга покинул Охотск.

Итак, был сделан еще один важный шаг в осуществлении его замыслов. Теперь Беринг мог всех оставшихся людей бросить на постройку пакетботов. Но большая часть служителей либо была изнурена до крайности заготовкой леса и перевозкой экспедиционных грузов, либо страдала различными болезнями. О том, в каком отчаянно трудном положении находился Беринг в Охотске, дает яркое представление воспоминания Свена Вакселя.

«После отправления в 1738 году японской экспедиции, — писал он, — мы остались с таким малым запасом продовольствия, что до следующего 1739 года могли оставить у себя для продол-

жения постройки судов лишь каких-нибудь двадцать плотников, а всех остальных должны были отправить к складу на реке Урак к Юдомскому Кресту с тем, чтобы перебросить оттуда как можно больше провианта, и таким образом для нас бесплодно пропал целый год. Все же и с немногими оставшимися в Охотске людьми работа продвигалась вперед, так что большая часть деревянного остова судов, а частично и обшивка были готовы. Когда же в 1739 году удалось благополучно перебросить по Ураку в Охотск более сорока судов с провиантом под командой капитана Чирикова, а в 1740 году такая же перевозка была выполнена под моей командой, то мы в течение этих двух лет уже могли содержать на месте почти всех наших плотников, в числе около восьмидесяти человек, а кроме того кузнецов, слесарей, парусников и тому подобных рабочих, и наша работа стала продвигаться очень успешно. Вместе с тем мы старались не оставлять в Охотске лишних людей, а направляли всех, кроме необходимых для охраны, на Урак и Юдому, всего в количестве около ста двадцати человек. Они должны были получить продовольствие на месте и понемногу также помогать перевозке провианта в Охотск, так как нашей главной заботой оставалась все время перевозка. В 1740 году состав нашей экспедиции был усилен еще двумя офицерами, а именно Иваном Чихачевым и флота мастером Софроном Хитрово: они должны были заменить в экспедиции захворавших и уволенных в отпуск офицеров».

Беринг руководил поставкой все новых и новых партий груза к исходной базе. Хотя основное снаряжение — якоря, пушки, пенька, канаты, смола — было доставлено в Охотск, поток грузов не уменьшался. Для одного лишь прокормления экспедиции ежегодно требовалось около 16 тысяч пудов хлеба, не считая других продуктов.

Беринг не скрывал трудностей в своих донесениях в Адмиралтейств-коллегию. Он писал, что от непрестанной нечеловеческой работы «люди весьма утруждены и за непресылкою жалования служители претерпевают несносную нужду и все наги и босы ходят. К тому же без харчу, живучи на одном хлебе, весьма исхудали. Ежели и впредь жалование будет присылаться с таким же опозданием, как и ныне, то всемерно и на море выттить будет не с кем. Понеже ныне лучшего матроса от худости и наготы признать неможно, что он матрос, а показывает якобы самый вящий невольник».

В напряженные дни лета 1740 года Беринг внимательно следил за последними приготовлениями к плаванию к неведомым северо-западным берегам Америки. Еще неделя другая, думал он, и его суда оденутся парусами. Но в это время (24 августа 1740 года) в Охотске появляется нарочный каптенармус Аврам Дукорт. Он привез Берингу срочные бумаги из Петербурга. Указом верховного тайного кабинета вменялось в обязанность капитан-командору составить «обстоятельную ведомость» о деятельности

экспедиции, дав ответ на каждый пункт инструкций Сената и Адмиралтейств-коллегии.

Но чтобы составить действительно обстоятельную записку о делах экспедиции, нужны месяцы. Беринг не мог потратить на это даже неделю. Необходимо было без промедления отплыть из Охотска к Камчатке, иначе будет невозвратно упущено время и плавание к Америке будет отложено еще на год. В этот самый ответственный и великий час своей жизни Беринг решает на исключительно смелый шаг. Он пишет и отправляет с Дупортом в Петербург краткое донесение об итогах Второй Камчатской экспедиции. При этом Беринг сообщает, что обстоятельную ведомость он пришлет с берегов Камчатки. Выпроводив Авраама Дукорта, капитан-командор отдает приказ готовиться к отплытию из Охотска.

8 сентября 1740 года, спустя семь с половиной лет после отъезда из Петербурга, экспедиция наконец вышла в море. Теперь все зависело от Беринга, его помощника Чирикова, офицеров и матросов, от их мужества, смелости, выносливости. Ни жалобы недовольных, ни интриги завистников, ни указы Сената не могли приостановить плавания. Наступила великая минута. Пакетбот «Св. Петр» под командой Беринга и пакетбот «Св. Павел» под командой Чирикова оделись парусами и вышли на рейд. Вскоре к ним присоединились два небольших судна с продовольствием. Маленькая флотилия направилась к берегам Камчатки. Здесь, в устье реки Большой предполагалось создать продовольственный склад, а если позволит фарватер, то и остаться на зимовку всей экспедицией. Однако глубина на бере реки оказалась незначительной. Войти в нее судам было невозможно. Пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» направились в Тихий океан проливом между Камчаткой и первым курильским островом вокруг мыса Лопатка. Один из участников экспедиции Свен Ваксель, оставивший интересное описание работ Второй Камчатской экспедиции, отмечал в своей книге, что плавание этим проливом, посередине которого лежит каменный риф, было очень опасным.

«За всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плавал на море), — рассказывал Ваксель, — мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности».

Когда судно «Св. Петр» проходило проливом, Беринг был на палубе. Ветер гнал по небу разорванные клочья облаков. Изредка выглядывало солнце, на мгновения освещая вершины волн, потом снова все мрачнело. И море становилось серым и однообразным. Огромные водяные валы играли судном, как игрушкой, обнажая коричневые и зеленые рифы, грозно выступавшие из морской пучины. Беринг думал о том, что одиннадцать лет назад этим проливом он проходил в обратном направлении на судне «Св. Гавриил», уверенный, что существует пролив между Азией и Америкой и что Америка находится где-то недалеко от берегов Камчатки. Счастье улыбнулось ему.

Его назначили начальником новой грандиозной экспедиции. И вот он снова стоит на борту корабля, который после зимовки у берегов Камчатки отправится на поиски неизведанных ни одним путешественником северо-западных берегов Америки... Мечта его сбылась. Но какой ценой он заплатил за нее! Сколько потрачено сил, проведено без сна ночей, исхожено и изъезжено дорог Сибири! Сколько раз он был на краю гибели от мороза и голода! Он потерял счет трудностям и лишениям. Лишь худое изможденное лицо с глубокими складками у рта и воспаленными глазами выдает, что этот мужественный человек усилием воли держится на ногах. Порой он жалеет, что взял на себя начальствование экспедицией. Но теперь отступать поздно. Самое тяжелое позади. Под длинным счетом трудностей и лишений можно подвести черту. Витус Беринг и не подозревает, что расплата еще не закончена, что за свою дерзкую мысль ему предстоит рассчитаться самой дорогой ценой.

А между тем ветер усиливался. Капитан отдал приказ убрать часть парусов. «Св. Петр» нес только фок- и грот-марсель. Огромные волны ударялись о корму судна и прокатывались по всей палубе. Приходилось держаться за канат, чтобы не быть смытым в море. Судно попало в сулой. Прилив, шедший с востока, встретился с западным течением. Там, где столкнулись два потока, образовались огромные двадцатиметровой высоты водяные горы. Когда корабль падал с их вершин в ложбину, то казалось, что он непременно коснется днищем грунта и будет разнесен в куски. Привязанную за кормой шлюпку волны бросали, как щепку, беспощадно били о борт судна и грозили выбросить ее на палубу. Ветер налетал бешеными шквалами и судно, не имея сил победить встречное течение, не двигалось с места.

Беринг и его спутники опасались за целостность главной мачты. Она могла не выдержать несущихся потоков воздуха и рухнуть на палубу. Капитан стоял у штурвала и, обливаясь холодным потом, старался держать судно по ветру вразрез волне. Он, выдавший на своем веку не мало бурь и штормов, понимал, что едва судно станет бортом под ветер, как волны навсегда похоронят его в океанской пучине.

Наконец, когда прилив пошел на убыль, «Святой Петр» выбрался из опасного места и, дождавшись «Святого Павла», менее пострадавшего от сулоя, направился вдоль берегов Камчатки на север. 26 сентября суда подошли к Авачинской губе, где предполагалось остановиться на зимовку, но войти в нее не смогли. Неожиданно наплыл туман и окутал окрестности. Ночью разыгрался шторм. Суда ушли в море в ожидании, когда стихнет буря. «Святому Петру» опять не повезло. Он потерял шлюпку, сильно пострадавшую во время плавания в проливе.

Десять дней продолжался неистовый шторм. Только 6 октября суда смогли наконец войти в Авачинскую губу.

Подходя к берегу, путешественники увидели несколько новых

домов и складов. Их выстроил штурман Иван Елагин, посланный год назад на Камчатку для подыскания удобной стоянки. Это была большая радость. Офицеры и матросы могли спокойно провести зиму, живя на берегу в довольно сносных условиях. Беринг распорядился снять такелаж и поставить пакетботы на зимовку. Но теперь перед путешественниками вставала новая задача. Прежде всего надлежало позаботиться о том, как распределить скромные запасы морского провианта на время зимовки и на предстоящее путешествие. «Было принято решение,— писал Свен Ваксель,— кормить команду в течение зимы рыбой и олениной и выдавать ей половинную норму хлеба с тем, чтобы будущей зимой, к моменту отправки кораблей в плавание, мы не испытали задержки из-за необходимости пополнения наших хлебных запасов».

Не исключено, что именно эта вынужденная экономия привела затем к тяжелым последствиям, вызванным появлением цинги во время плавания кораблей к северо-западным берегам Америки.

Затем экспедиции надо было решить другую сложную и ответственную задачу. Необходимо было организовать поставку грузов, оставленных в устье реки Большой. Единственным транспортным средством на Камчатке были собачьи упряжки. Беринг разослал в разные стороны команды, чтобы они собрали камчадалов с собаками. Местные жители без энтузиазма встретили вторжение в их установившуюся размеренную жизнь. Никому не хотелось уезжать со своими упряжками за сотни верст от родных становищ и получать за тяжелый труд серебряные монеты, с которыми они не знали, что делать. Доставку продовольствия удалось организовать с большим трудом. Было подпряжено около 400 собачьих упряжек, на которых перевезли к месту зимовки половину запасов. Другая часть грузов впоследствии была погружена на провиантское судно и доставлена в Авачинскую губу в мае 1741 года.

Зимовка в Петропавловске, так был назван порт, заложенный экспедицией в Авачинской губе, прошла благополучно и спокойно. Отношения с местными жителями вскоре наладились. Жители передали экспедиции больше сотни оленей, несколько сот пудов вяленой рыбы. Экономить приходилось только хлеб. Надо было сохранить муку, необходимую для предстоящего плавания.

Вскоре в Петропавловск приехали ученые, зимовавшие в Большерецке. То были профессор Делякродер, адъютант Стеллер, студенты Крашенинников и Горланов. Все они, за исключением Делякродера, занимались с первых дней приезда в этот край изучением народа и природы Камчатки. Их рапорты, донесения, записки, полные любопытных сведений о местных жителях, их занятиях и обычаях дошли до нашего времени в составе фондов Ленинградского отделения архива Академии наук и Государственного архива древних актов в Москве.

Беринг предложил Георгу Вильгельму Стеллеру сопровождать его в плавание к северо-западным берегам Америки. Ученый немедленно ответил согласием. В 1741 году ему было 32 года. Он получил высшее образование в Германии. По окончании университета он решил искать счастья в России. Некоторое время он работал врачом в русских войсках, осаждавших Данциг. В 1734 году он отправился в Кронштадт на русском корабле, который перевозил раненых из-под Данцига. Вскоре он подружился с известным деятелем русского просвещения, новгородским архиепископом Феофаном Прокоповичем. По его рекомендации Стеллер был принят адъютантом в Петербургскую Академию наук и затем назначен на должность натуралиста Второй Камчатской экспедиции. 24 декабря 1737 года в сопровождении живописца Ивана Корнельева ученый выехал в Сибирь. До Енисейска, где он встретился с Миллером и Гмелиным, Стеллер добирался более года, перенеся по дороге тяжелую болезнь.

Академики предложили Стеллеру отправиться на Камчатку, чтобы помочь Крашенинникову завершить полное описание истории и природы этой земли. Стеллер отнесся к этому предложению восторженно и спустя полтора месяца вместе со студентом Горлановым и живописцем Барканом отправился дальше на восток, тем более, что его не обременяли излишние запасы.

«Он,— по словам Гмелина,— имел одну посудину, из которой ел и готовил все кушанья. При чем он не употреблял никакого повара. Он стряпал все сам и это опять-таки с малыми затеями. Зелень и говядина клались разом в один и тот же горшок и таким образом варились. В рабочей комнате Стеллер очень легко мог переносить чад от стряпни. Ни парика, ни пудры он не употреблял, и всякий сапог и башмак были ему в пору. При этом его несколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении, и чем более было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он... Несмотря на всю беспорядочность, выдаваемую им в образе жизни, он, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях, так что в этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. Ему было нипочем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки».

Стеллер еще не знал, что своим добровольным решением отправиться на Камчатку, а затем в Америку он обрекал себя на много, много голодных дней и что ему придется самым дорогим заплатить за звездные строки, вписанные им в историю великих дел Второй Камчатской экспедиции.

В июле 1739 года Стеллер переправился через Байкал, ознакомился с окрестностями Баргузина и осмотрел горы, расположенные по реке Витиму. Это он сделал с особым удовольствием, тем более что в тех местах не бывали ни Миллер, ни Гмелин, хотя «сия земля» славилась многими растениями, металлами, теплыми водами. (Стеллер не знал, что эти места уже обследовал Краше-

нинников.) Правда, Стеллер не посылал донесений академикам, как это делал, например, Крашенинников, а отправлял свои рапорты через Сенат в Академию наук.

5 марта 1740 года он покинул Иркутск. В начале лета он находился в Якутске и уже 20 августа был на берегу Тихого океана. Еще через месяц он высадился на берег Большой реки на Камчатке, где, как отмечалось, он встретился с Крашенинниковым и потребовал от него материалы наблюдений. В этом не было какого-либо злого умысла. Так полагалось по инструкции. Кроме того, Крашенинников все еще пребывал в звании студента, а он почитался адъюнктом и притом не без оснований. Крашенинников поступал в команду Стеллера. В конце 1740 — начале 1741 года Стеллер предпринял две поездки по Камчатке для сбора сведений о ее природе и ее народах. Затем он стал готовиться к предстоящему плаванию, известив Беринга о том, что готов взять на себя производство «наблюдений, которые касаются до истории натуральной и народов и достояния земли», а также заниматься во время путешествия отысканием металлов и минералов.

Крашенинникова Стеллер отправил в Иркутск, а членам своей свиты студенту Горланову и художнику Беркану, оставшимся на Камчатке, поручил собирать материалы о животном и растительном мире этого края.

Между тем Витус Беринг, Алексей Чириков, лейтенант Иван Чихачев, штурман Свен Ваксель, штурман Михаил Плаутин и флота мастер Софрон Хитрово в течение всей зимы трудились над составлением ведомости о деятельности Второй Камчатской экспедиции. Кроме того, в создании этого обстоятельного и исключительно правдивого научного труда, вероятно, принимал участие лейтенант Дмитрий Овцын, который являлся адъютантом и правой рукой Беринга. Его подпись под документом отсутствует только потому, что он был в это время разжалован в матросы.

Отчет дает представление о многообразной, поистине небывалой деятельности Второй Камчатской экспедиции с 1733 по 1740 год, включая исследования северных отрядов, изыскания геодезистов и моряков во внутренних районах Сибири и на побережье Охотского моря, плавания к Японии и Курильским островам.

Менее всего раскрыта в нем одна сторона деятельности Второй Камчатской экспедиции, а именно: научные изыскания Миллера, Гмелина, Крашенинникова и других участников академического отряда. Сделано это потому, что, согласно инструкциям, Беринг должен был лишь оказывать помощь Делякroeу в «отправлении» астрономических обсерваций. Поэтому в отчете отмечено: «что касалось до исправления, то исполняли, а что впредь... к исправлению принадлежит, то со всякою возможностью исполнять будем».

Вместе с тем в ведомости обстоятельно отражено взаимодействие отрядов экспедиции с учеными. При этом сообщается, что

Петропавловск-Камчатский (основан Второй Камчатской экспедицией)

наряду с профессором Делякroeу в вояже к Северной Америке примет участие адъюнкт Стеллер. Что касается существа ученых изысканий профессоров, то Беринг счел неуместным касаться этого вопроса, тем более, что Петербург и не требовал отчета о их деятельности.

Перечитывая скупые строки ведомости, Беринг и его спутники не могли не испытывать чувства гордости за то, что сделано ими и их товарищами. Но самое главное для Беринга, Чирикова, Чихачева, Вакселя, Плаутина, Хитрово, Стеллера, Делякroeа и многих других предстояло еще впереди.

Оставались считанные недели до выхода судов в плавание. Шло обсуждение предстоящего маршрута. «Был созван совет из всех офицеров и штурманов, на который, согласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор астрономии Делякroeу, француз по происхождению, — писал Свен Ваксель. — Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных. На этой карте была показана так называемая Земля Хуана де Гама в направлении к северо-восток-востоку от Авачинской бухты, расположенная на 47 и 45° с. ш. и далее к югу, примерно на 13° долготы к востоку от Авачинской бухты. На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю, и все согласились одобрить курс на юго-восток-восток, которым следовать до 46° северной широты с отклонением к востоку по долготы на 13°».

Протокол подписали все участники совета. Для некоторых из них это был смертный приговор.

Экспедиция отправлялась на поиски земли, которой в действительности не существовало.

Заканчивались последние приготовления к дальнему плаванию. Грузили хлеб и воду, приводили в порядок паруса и такелаж. Суда были заново проконопачены и просмолены. Во второй половине мая все было готово к отплытию. На борт кораблей были погружены подарки для жителей островов и земель, которые могли быть открыты экспедицией. Всего в плавание на двух кораблях уходило 152 офицера и матроса и двое членов академического отряда. Профессора Делякroера Беринг определил на судно «Св. Павел», а адъютанта Стеллера взял в состав своего экипажа и тем самым открыл путь молодому ученому к всемирной известности,— за которую ему пришлось в конце концов заплатить жизнью.

В конце мая суда подошли к устью Авачинской губы, где сделали остановку, поджидая попутного ветра.

4 июня 1741 года корабли вышли в море. Их провожало несколько солдат, остававшихся охранять склады в Петропавловске... Они искренне желали своим соотечественникам удачи и счастья.

Экспедиция шла на юго-восток, к берегам вымышленной Земли Хуана де Гама. Суда трепали штормы, но Беринг настойчиво шел вперед, стараясь точно исполнить указ Сената. Часто наплывал туман. Чтобы не разлучиться, на кораблях били в колокол или стреляли из пушек. Прошла неделя плавания. Суда достигли 47° с. ш., где, судя по карте Делиля, должна была находиться Земля Хуана де Гама, но никаких признаков суши не было. 12 июня путешественники пересекли следующую параллель, но результат был тот же. Для всех стало ясно, что их бесовестно обманули.

«Упомянутая карта,— писал Свен Ваксель,— была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были перескочить через Землю Хуана де Гама... Было бы, однако, честнее сперва исследовать действительно неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии мифической страны де Гамы... Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бесовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью».

Сознание, что бесценные дни потрачены на погоню за призраком, угнетало Витуса Беринга. Моральные и физические силы изменяли ему. Он едва держался на ногах. Страшная цинга избрала его своей первой жертвой. Изнемогая от болезни, он приказал идти на северо-восток. Другого пути для него не было. Живым или мертвым, но он решил достичь северо-западных берегов Америки, еще не посещенных и не исследованных ни одним мореплавателем.

Едва суда прошли первые десятки миль к северу, как Витуса

Беринга постиг новый удар. Океан вдруг окутал молочно-белый туман. Пакетбот «Св. Павел» исчез из виду, поглощенный непроницаемой мглой. Несколько часов было слышно, как там били в колокол, давая знать о своем местонахождении. Мелодичный далекий звон будил в Беринге тревожные чувства. Тревога не была напрасной. Вскоре не стало слышно ударов колокола и глубокая тишина легла над океаном. Капитан приказал выстрелить из пушки. Но ответа не последовало. Лишь было слышно, как закипает вода под кораблем, трепещут паруса и скрипят снасти рангоута.

Когда наступило утро и туман рассеялся, вахтенный офицер доложил Берингу, что второго судна не видно. Капитан послал матроса на салинг, но и он ничего не заметил в океане. Весь день моряки дежурили в бочке, но море было по-прежнему пустынно. Сомнения не было. Суда разлучились. Беринг отдал приказ лечь на обратный курс.

Три драгоценных дня пакетбот «Св. Петр» бороздил море, как было условлено, в тех широтах, где разлучились суда, но так и не встретил отряда Алексея Чирикова.

Между тем Алексей Чириков настойчиво в течение трех дней искал в океане пакетбот «Св. Петр». Убедившись в тщетности своих усилий, он лег курсом на северо-восток. 26 июня на горизонте заметили очертания гор, но вскоре выяснилось, что за землей они приняли облака. 7 июля на поверхности воды увидели траву с зелено-желтыми цветами, но при ближайшем рассмотрении убедились, что за траву приняли медуз. Спустя шесть дней цвет воды изменился, над мачтами «Св. Павла» пролетели птицы. Затем увидели плавающие стволы деревьев.

День 15 июля (среда) на корабле начался как обычно. Весь экипаж жил надеждой на встречу с землей. Вахтенные отмечали: «До полуночи была погода облачна с туманом и мокротой, а по полуночи сделалась погода ясная и до полудни было сияние солнца. В 2 часа по полуночи впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли в дрейф. В 3-м часу стало быть землю свободнее видеть, на которой виден был берег, и оной признавали мы подлинною Америкой по месту, по положению, по длине и по ширине». Действительно, утром 15 июля перед мореплавателями открылись неисследованные ни одним путешественником берега. Это была Северная Америка.

Чириков подошел к ней в районе 55° 11' с. ш. и 133° 57' в. д. Таким образом, произошел один из удивительных случаев в истории географических открытий. Два корабля, раздельно совершавших плавание в течение месяца, подошли почти в один и тот же день к неведомым берегам четвертого континента, тем самым начав исследование земель, получивших впоследствии название Русской Америки (Аляски).

Радость великого открытия, однако, вскоре была омрачена

трагическими событиями. Чириков спустил шлюпку и отправил на ней под командой одного из лучших офицеров Абрама Дементьева 10 матросов, поручив им подыскать стоянку для корабля и ознакомиться с ближайшими окрестностями. Дементьеву даны были на разведку одни сутки, но прошел день, другой, третий, а команда, отправленная на берег, не возвращалась. Впрочем, на берегу каждую ночь горели огни. Быть может, шлюпка при подходе к берегу разбилась о камни, и Дементьев со своими людьми не мог вернуться на корабль. Решено было отправить ялик с шестью служителями, вооруженными ружьями.

Они должны были разыскать шлюпку и оказать ее команде необходимую помощь. На следующее утро из-за мыса появились два небольших суденышка. Вахтенные приняли их за шлюпку и ялик. Весть о возвращении товарищей обрадовала весь экипаж. Чириков приказал готовить к отплытию корабль... Однако радость была преждевременна. В суденышках находились индейцы. Теперь всем было ясно, что их 17 товарищей попали в западню и были или перебиты, или захвачены в плен жителями этих девственных мест. Так Алексей Чириков лишился почти четверти своего экипажа, обоих гребных судов и потерял неделю драгоценного времени. Эта потеря времени впоследствии стоила новых жертв.

Чириков подошел со своим судном к тому месту, где приставали его шлюпки, но никого не увидел и не услышал... Моряки бесследно исчезли. Послать экипаж на выручку товарищей он не мог, так как не осталось ни одного весельного суденышка.

25 июля «Св. Павел» возобновил плавание. Шли вдоль берега. Встречались киты, сивучи, моржи, многочисленные стаи уток и чаек. Невдалеке виднелись покрытые лесом горы. Затем встретили «превысокие горы, которые высотой своею Камчатские высокие горы превосходят, и все покрыты снегами». 26 июля Чириков принял решение прекратить исследование берегов Америки, осмотренных на расстояние 400 верст, и следовать к берегам Камчатки.

Плавание Алексея Чирикова изобиловало необычайными трудностями и опасностями. Экипаж «Св. Павла» не мог ни разу во время плаванья пополнить запасы пресной воды. Только благодаря изумительной изобретательности и находчивости командира моряки не погибли от жажды. На корабле вскоре распространилась цинга, и одной из первых жертв ее стал командир.

Впоследствии выяснится, что отряд Чирикова возвращался обратно примерно тем же курсом, что и Беринг, только временами уклоняясь то к северу, то к югу, но не уходя далеко сначала от американского побережья, а затем от гряды Алеутских островов.

9 сентября на острове Адах путешественники заметили местных жителей. Вскоре семь байдарок подошло к борту корабля. Алеуты одарили табаком, бусами, курительными трубками и объяснили, что нуждаются в пресной воде. Алеуты доставили к

пакетботу два больших пузыря, наполненных речной водой. Чириков выменял у алеутов различные предметы быта и одежды. После небольшой стоянки судно продолжало путь к западу. 22 сентября оно находилось у предпоследнего острова Алеутской гряды. Чириков в это время уже был болен и редко поднимался на палубу. Цинга поразила почти весь экипаж. Из офицеров держался на ногах лишь штурман Иван Елагин. Он и привел корабль «Св. Павел» в Петропавловск-Камчатский 12 октября 1741 года. В этот день судно «Св. Петр» под командой Беринга еще плавало в районе Алеутских островов.

В начале лета 1742 года Алексей Чириков, оправившись от болезни, отправился в новое плавание к берегам Америки. Он открыл остров Св. Федора, побывал вблизи острова Атту, самого западного острова Алеутской гряды. Штормовая погода и слабое здоровье команды вынудили Алексея Ильича повернуть в Петропавловск. На обратном пути он прошел мимо Командорских островов.

1 июля 1742 года Чириков вошел в Авачинскую бухту, а спустя полмесяца моряки были уже в Охотске. Все они были уверены, что «Св. Петр» погиб вместе со всей командой. И никто из них не подозревал, что они проходили мимо острова, названного впоследствии именем Беринга, на котором нашли пристанище их менее удачливые товарищи и что в той земле покоится прах капитан-командора, и что все оставшиеся в живых скоро возвратятся на Камчатку.

Теперь вернемся к тому дню, когда Беринг разлучился с Чириковым. Трое суток пакетбот «Св. Петр» бороздил море, как было условлено, в тех широтах, где разлучились суда. Видя бесполезность поисков, Беринг приказал следовать к северу.

День за днем «Св. Петр», подгоняемый штормовым ветром, летел по океанским просторам, круглые сутки офицеры и матросы несли вахту и внимательно следили за горизонтом, стараясь заметить землю или признаки ее близкого расположения. И вот впереди появилась черная точка, увеличивающаяся в своих размерах с каждой пройденной вперед милей. Все способные двигаться высыпали на палубу, чтобы взглянуть на клочок суши, которой они уже не видели несколько недель. Над крохотным островком кружились стаи птиц. Боясь наскочить на каменные рифы, моряки стали измерять глубину. Однако лот не достал дна... Когда судно подошло поближе, то оказалось, что это не клочок земли, а большой мертвый кит.

Снова были поставлены все паруса, и «Св. Петр» продолжал плавание на северо-восток к западным берегам Америки. Около четырех недель экспедиция шла океаном, встречая по пути лишь стада китов. Все это время шторм нещадно трепал одинокое судно. Бури следовали одна за другой. Ветер рвал паруса, наносил повреждения рангоуту, расшатывал крепления. В пазах кое-где появилась течь. Взятая с собой пресная вода была на исходе.

Прошло более сорока дней, как суда вышли из Авачинской губы, и с тех пор ни разу не пополняли ее запасы.

На пакетботе появились больные цингой. Некоторые матросы были в тяжелом состоянии и не оставляли своих кают. Беринг чувствовал себя прескверно. Каждое утро усилием воли он заставлял себя встать с койки, подниматься на палубу и поддерживать в своих людях веру в счастливый исход путешествия.

В первой половине июля море изменилось, появились водоросли, изредка встречались ветви деревьев, листья которых напоминали листья дуба... В ясные дни к северу параллельно курсу были видны облака каких-то необыкновенных очертаний. Некоторым морякам казалось, что слева видна окутанная туманом земля. То была не игра больного воображения. Экспедиция действительно шла вдоль гряды Алеутских островов. Великий день в жизни Беринга приближался. Его заветная мечта вот-вот должна была осуществиться.

Утро 16 июля 1741 года было малооблачное, сияло солнце. Едва перевалило за полдень, как моряки увидели землю с высокими горными хребтами, которые покрывал снег.

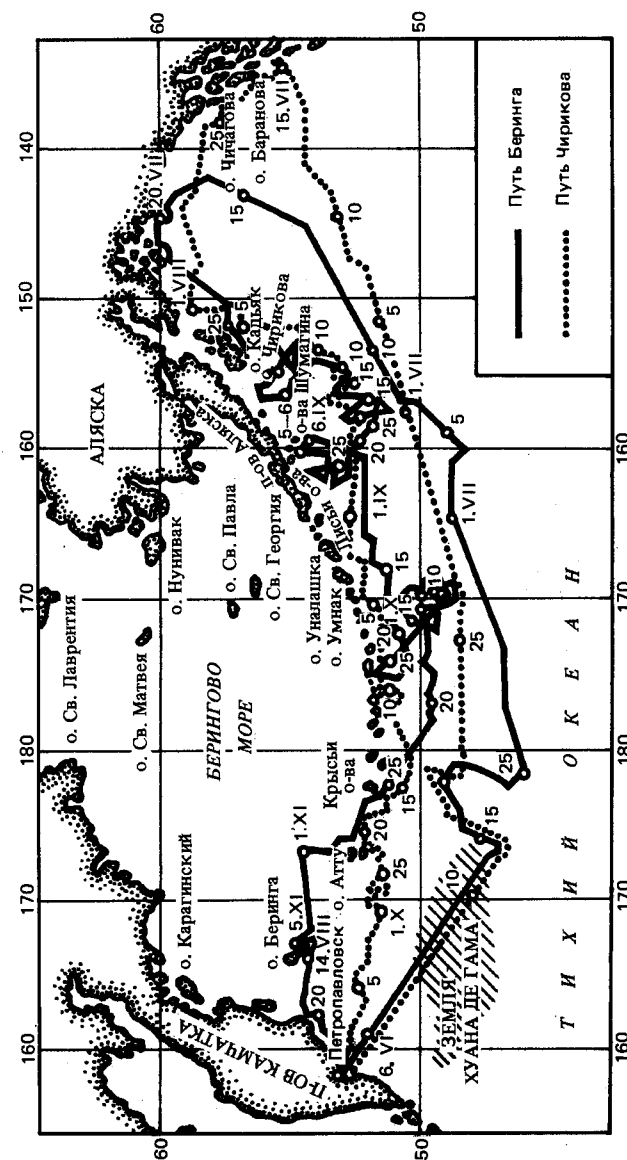
Беринг, которому доложили об открывшейся земле, выйдя наверх, увидел необыкновенной высоты гору, покрытую снегом. Ниже по ее склонам темнел лес. Северо-западные берега Америки наконец были достигнуты. Как долго мечтал Беринг об этом великом часе. И это звездное мгновение настало. Всех охватило чувство ликующей радости. И теперь, когда главная цель всей жизни Беринга была осуществлена, он вдруг понял, что очень тяжело болен.

Открытие окрылило и офицеров, и матросов экспедиции. Никто уже не сомневался в благополучном возвращении в Петропавловск. Моряки поздравляли друг друга и своего капитана. Все были счастливы.

Беринга, когда он увидел далекую и желанную землю, охватило чувство гордости за свою удачу, за великое открытие русских моряков. Счастье его было безмерно. Капитан знал, какой дорогой ценой за него было заплачено и, по-видимому, предстоит еще заплатить, но он несомненно верил, что и экспедиция завершится благополучно и поведает рано или поздно о своих выдающихся открытиях.

И Берингу, и его спутникам не терпелось поскорее высадиться на американский берег, который украшали ледники на горе Св. Ильи. Но дули сильные переменные ветры. На море была большая волна. Экспедиция, опасаясь каменных рифов, вынуждена была держаться в отдалении от открытой земли и следовать вдоль нее на запад. Только 20 июля волнение уменьшилось и моряки решили спустить шлюпку. На разведку отправился смелый и расторопный офицер Софрон Хитрово, вскоре возвратившийся с интересным известием.

«Хитрово,— писал Свен Ваксель,— рассказал, что на одном

Карта плавания В. Беринга и А. Чирикова к берегам северо-западной Америки в 1741 году

из островов он обнаружил несколько небольших построек, по всей вероятности, возведенных жителями материка, приезжающими на этот остров для рыбной ловли. Он заметил также, что местные жители очевидно имеют топоры и ножи, так как их постройки обшиты гладкими досками и украшены резьбой. Обитателей домов на месте не оказалось, возможно, что они спрятались на самом острове. Посланная шлюпка также вернулась на корабль и привезла известие, что удалось найти пресную воду. Найдены были также два костра, в которых огонь еще не погас, обнаружены дорожки, на которых заметны были следы недавнего прохода людей, и заготовленные дрова. Матросы встретили также пять живых красных лисиц, которые бегали взад и вперед и совершенно не боялись людей. Найдено было также в этом месте небольшое количество копченой рыбы, из которого четыре или пять штук доставлено на борт корабля. Эти рыбы оказались очень вкусными и по размерам, и внешнему виду напоминали крупных карпов. Немедленно же мы приступили к доставке пресной воды обеими нашими лодками. Воду мы брали с того большого острова, перед которым стояли на якоре.

На этом острове мы обнаружили также земляную юрту, а в ней разбросанные домашние вещи — явные признаки того, что там еще совсем недавно были люди, которые, видя наше приближение, по всей вероятности, спрятались в лесу. Остров оказался покрытым довольно густым лесом, по большей части еловым. После того как мы полностью запаслись водой, мы послали нашу шлюпку на берег, чтобы положить в упомянутую земляную юрту несколько подарков для их обитателей. Подарки эти состояли из куска ситца или гладкого полотна зеленого цвета, двух железных тарелок, двух ножей, двадцати больших стеклянных бус, двух железных курительных трубок и фунта листового табака.

Беринг приказал отправить на остров натуралиста. Стеллера сопровождал казак Фома Лепехин. Стеллер провел 10 часов на берегу о. Каяк, успев за это время ознакомиться с покинутыми жилищами индейцев, предметами их быта, оружием и остатками одежды. Одновременно он описал 160 видов местных растений.

Вечером 20 июля Стеллер вернулся на борт «Св. Петра».

21 июля, назвав обследованное место мысом Св. Ильи, путешественники направились на запад. «Мы намеревались, — писал Свен Ваксель, — следовать вдоль берега, и только тут с полной ясностью поняли жестокий обман, жертвой которого сделали, пользуясь упомянутой уже ранее неверной картой. Вместо того, чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65° с. ш., мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°, а на обратном пути нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля. Приходилось

каждый раз поворачивать обратно в открытое море, и таким образом попутный ветер поневоле обращался для нас в противный. Не раз мы ночью проходили мимо крупных островов, которых не удалось видеть. Что это действительно были острова, я заключил из того, что временами в течение 2—3 часов при неизменном ветре и погоде корабль плыл среди значительно меньших волн и шел совершенно спокойно, а затем вдруг снова попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением корабля. В особенности испугались мы однажды темной ночью, после того как в течение нескольких дней не видели земли и вдруг около полуночи попали на глубину в двадцать сажен. Мы произвели измерения по сторонам корабля, чтобы определить, как сойти с этого рифа или грунта (так как не знали, что он собой представляет), но во всех направлениях, куда мы ни шли, глубина оказывалась еще меньше. Я был в полном недоумении, что же надлежит предпринять. Бросить якорь, не зная, близко или далеко от берега мы стали, также было рискованно, тем более, что поднялся сильный ветер и началось сильное волнение. Я решил тогда направиться прямо на юг, в течение долгого времени глубины оставались неизменными, наконец мы вышли на глубокую воду. Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми сажен. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились на расстоянии не более четверти мили от него. Этот остров мы назвали на нашей карте Туманным островом».

Конец июля и август «Св. Петр» шел то в лабиринте островов, то в отдалении от них. Все больше белело офицеров и матросов. Беринг совсем обессилен и редко оставял свою каюту. К концу приходили запасы пресной воды. Надо было думать о их пополнении.

29 августа экспедиция снова приблизилась к земле и стала на якорь между несколькими островами, которые были названы Шумагинскими по имени матроса Шумагина, только что скончавшегося от цинги. Здесь налились свежей водой.

Однажды утром вахтенные заметили на одном из островов дым костра. Ветер доносил крики людей. Вскоре в бухте появились две байдарки, сделанные из тюленьей кожи. В каждой из них находилось по одному индейцу. Байдарки подплыли к самому судну. Офицеры и моряки знаками приглашали индейцев подняться на корабль, но ни один не отважился на столь решительный шаг. С борта «Св. Петра» им бросили несколько безделушек.

Едва индейцы успели причалить к острову, как вслед за ними отправились на шлюпе Свен Ваксель, Георг Стеллер, девять матросов и переводчик-чукча. У берегов был сильный прибой, и, чтобы не разбиться о камни, шлюпка остановилась в некотором отдалении от острова. Свен Ваксель приглашал знаками толпившихся на берегу индейцев в гости к русским морякам и показывал

различные подарки. Индейцы не оставались безучастными. Они показывали, что рады принять пришельцев, но к шлюпке не желали плыть на своих байдарках. Эта пантомима в конце концов наскучила нашим мореплавателям, и они отправили на берег вброд двух матросов и переводчика-чукчу. Едва они ступили на твердую землю, как один из местных жителей, по-видимому, старейшина, нанес ответный визит русским морякам. Свен Ваксель угостил старейшину водкой. Тот опрокинул чарку в рот, но тут же выплюнул ее содержимое и с криком ужаса умчался обратно на своей байдарке. Между тем два русских матроса и переводчик-чукча гуляли по острову в сопровождении его обитателей.

Вскоре стало смеркаться, и Свен Ваксель приказал своим людям возвращаться к шлюпке. Индейцы не препятствовали матросам, но чукчу насильно оставили у себя. Как ни требовал старший офицер освобождения своего переводчика, индейцы его не отпускали. Несколько индейцев бросилось в воду и, ухватившись за причальный канат, стали тянуть шлюпку к себе. Вакселю ничего не оставалось, как обрубить конец. С берега доносился крик чукчи, умолявшего не покидать его на произвол судьбы.

Русские моряки не оставляли своих товарищей в беде. Старший офицер приказал зарядить два мушкета. Едва прозвучали выстрелы, сделанные в воздух, как индейцы в страхе бросились на землю. Переводчик, воспользовавшись переполохом, кинулся в воду и благополучно добрался до шлюпки.

Это приключение моряков, едва не закончившееся драматически, дало возможность познакомиться с некоторыми чертами жизни и быта местных жителей. Побывав на острове, матросы убедились, что индейцы не употребляют ни лука, ни стрел, а инцидент с чукчей показал, что они не знакомы и с огнестрельным оружием. Верхние одежды жителей были сделаны или из кишок кита или из оленьих шкур. Шапки, изготовленные из шкур сивучей, были украшены перьями.

Видя, что люди, прибывшие в их страну на крылатом корабле, не причиняют им зла, местные жители на следующее утро приплыли на семи байдарках к «Св. Петру». Они привезли в подарок мореплавателям две меховые шапки, искусно выполненную из кости фигурку человека и длинную палку, украшенную перьями. Моряки в ответ одарили индейцев бусами, полотном, ситцем, трубками и другими изделиями и, наверное, уговорили бы их посетить корабль, если бы не засвежел ветер. Большая волна вынудила жителей вернуться на берег. Выбравшись на остров, они собрались все вместе и подняли громкий крик, по-видимому, выражая этим свои приятные чувства к мирным, неизвестным им людям.

Через несколько часов «Св. Петр» плыл под всеми парусами.

8 сентября океан заштормил. Буря была столь неистова, что мало кто верил в благополучный исход путешествия. И хотя деревянное судно выдержало натиск урагана, некоторые из офи-

церов стали поговаривать о необходимости остаться на зимовку, тем более что все время держались тучи, а воздух становился все более «студенным».

Стоял уже сентябрь, и путешественникам надо было спешить к берегам далекой Камчатки. Три недели плыли они не видя земли. Держались непрестанные туманы. Небо было затянуто тучами, сквозь которые многие сутки не пробивался солнечный луч и не виднелась ни одна звезда. Экспедиция не могла определиться и не знала, с какой скоростью продвигаются они к родному Петропавловску, где их ждали теплые сухие казармы и обильные запасы продовольствия.

Витус Беринг по-прежнему был тяжело болен. Недуг еще больше усилился от сырости и холода. Почти непрерывно лил дождь. Положение становилось все серьезнее. По расчетам капитана, экспедиция находилась еще далеко от Камчатки. Он понимал, что доберется до родной обетованной земли не раньше конца октября, если только противные западные ветры переменятся на попутные восточные. Тревожила его и судьба корабля «Св. Павел», находившегося под командой Алексея Чирикова. Где он сейчас находился и чего он достиг?

Только бы продержаться месяц — полтора, и он, Беринг, вернется с победной вестью. Берега Америки достигнуты. Открыты десятки островов. Изведена северная часть Тихого океана, где до тех пор не бывал ни один мореплаватель. Открытия, которые он обещал в своем проекте, сделаны. И теперь одна задача стоит перед ним — без промедления и задержек возвращаться в Петропавловск. Он отдает приказ штурманам и офицерам внимательно следить за небом, чтобы, как только появится солнце или звезды, успеть определить положение корабля. Но тщетно. Тучи по-прежнему закрывают небосклон.

В таких условиях вели свои исследования русские труженики моря.

25 сентября Берингу доложили, что на горизонте видна земля. Он с трудом поднялся на палубу. Совсем рядом виднелся окруженный мелкими островами материк, в глубине которого возвышалась высокая гора, названная горой Св. Иоанна. Определить точное местоположение земли было невозможно. По счислению она находилась на 52° 30' с. ш.

Экспедиция не имела ни времени, ни возможности пристать к берегу и вынуждена была продолжать плавание. Положение Беринга и его спутников ухудшалось с каждым днем. 27 сентября налетел жестокий шквал, а через три дня началась буря, которая развела «великое волнение». Только спустя четыре дня ветер несколько уменьшился. Передышка оказалась непродолжительной. 4 октября налетел новый ураган и огромные волны снова в течение нескольких суток обрушивались на «Св. Петра».

В начале октября большая часть команды заболела цингой и не могла принимать участия в корабельных работах. У многих

отнялись руки и ноги. Запасы провизии катастрофически таяли. Водка, которую давали больным как лекарство, кончилась несколько недель назад. Почти не было дня, в который бы не приходилось бросать в море покойников.

Перенесся жестокий многодневный шторм, в середине октября «Св. Петр», несмотря на встречный западный ветер, снова стал продвигаться вперед, и вскоре экспедицией было открыто три острова: Св. Маркиана, Св. Стефана и Св. Авраама.

«В нашей команде,— писал Свен Ваксель,— оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени изнасились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту... Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень... с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем».

Драматичность положения экспедиции усугублялась с каждым днем. К нехватке продовольствия добавился недостаток пресной воды. Державшиеся на ногах офицеры и матросы были доведены до крайности непосильной работой. По словам Свена Вакселя, «корабль плыл как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать».

24 октября 1741 года палубу покрыл первый снег, но, к счастью, продержался недолго. Воздух становился все более и более студеным. В этот день, как отмечено в вахтенном журнале, больных было «разных чинов 28 человек», а 26 октября — хворало уже 30 путешественников.

Беринг понимал, что в судьбе экспедиции наступил самый ответственный и тяжелый момент. Совершенно обессиленный болезнью, он усилием воли поднимался на палубу, навещал офицеров и матросов и пытался поднять веру в благополучный исход путешествия. Капитан обещал, что как только на горизонте появится земля, непременно причалит к ней и останется на зимовку. Команда «Святого Петра» верила Берингу, и все, кто мог передвигать ноги, напрягая последние силы, исправляли срочные и необходимые корабельные работы.

4 ноября рано утром на горизонте обозначились контуры неизвестной земли. Эта весть взбудоражила весь экипаж. Беринг оставил свою койку и поднялся на палубу. Тяжелобольные слушатели, у которых плохо действовали ноги, поднимались наверх

ползком. В этой земле, которую многие принимали за Камчатку, они видели надежду на спасение и исцеление от болезней. Радость охватила и матросов и офицеров. Кто-то поднял на палубу спрятанный бочонок водки, и чарки загуляли по рукам. Веселье впервые за последние два месяца посетило корабль Витуса Беринга. Очертания земли чем-то напоминали окрестности Авачинской губы. Это сообщение было встречено дружным ликованием. Некоторые узнавали знакомые мысы и горы.

Но вот корабль приблизился к земле. Очертания ее изменились. На откосах гор не видно зеленых деревьев. Только вершины убраны снегом. Нет, это не Авачинская губа, а, по-видимому, северная часть Камчатки. Так думают офицеры и матросы, так думает Беринг, хотя сомнение уже закралось в его душу.

Никто не мог точно сказать, что это за земля, поскольку экспедиция давно не определяла свое положение по солнцу и звездам.

Всю ночь корабль держался вблизи острова. Когда рассвело, увидели, что неистовыми порывами ветра перебило ванты по правому борту. Паруса на них уже не держались. Когда Берингу доложили об этом, он решил созвать совет, в котором участвовали Свен Ваксель, Софрон Хитрово, Георг Стеллер, Дмитрий Овцын, унтер офицеры и «прочие служители».

Мнения разделяются. Дело доходит до личных оскорблений и употребления крепких слов. Чтобы спасти «судно и служителей», капитан приказывает готовиться к высадке на безлесную землю. «Св. Петр» ложится курсом на неизвестную землю. Корабль несет мало парусов и приближается к берегу очень медленно.

Наконец в 5 часов вечера подошли на близкое расстояние к земле и отдали якорь. Через час судно сорвало с якоря и понесло сильным ветром прямо на каменный риф. Глубины стремительно уменьшались. Бросили еще один якорь, но канат тут же лопнул. Судно дважды килем ударилось о грунт. Казалось, минуты гибели путешественников приближались неотвратимо. Но волна перебросила корабль через гряду. Судно оказалось в безопасности и благополучно стало на якорь.

7 ноября Беринг отправил на берег офицера Плениснера и натуралиста Стеллера. Высадившись на землю, они обнаружили лишь заросли карликовой ивы, стлавшейся по земле. Нигде не росло ни одного деревца. Лишь кое-где на берегу лежали бревна, выброшенные морем и засыпанные снегом.

Поблизости текла небольшая речка. Наконец можно было насытиться вдоволь хотя бы водой. В окрестностях бухты обнаружили несколько глубоких ям, которые, покрыв парусами, можно было приспособить под жилье для больных матросов и офицеров.

Через день началась высадка. Это было тяжелое зрелище. Некоторые больные умирали, едва их выносили на палубу, другие — в шлюпке по пути к земле.

9 ноября Беринга перенесли на носилках в подготовленную для него на берегу землянку.

Наиболее здоровые члены команды, насколько у них хватало сил, перевозили своих товарищей с корабля на берег. Высадка проходила медленно.

22 ноября последние больные были доставлены на открытую землю. «Св. Петр», покинутый своим экипажем, остался сиротливо стоять на якорях в бухте. 28 ноября сильной бурей корабль сорвало с якорей и выбросило на берег. Моряки в первое время не придали этому серьезного значения, так как верили, что высадились на Камчатку и что им в скором времени удастся установить связь с жителями и на собаках совершить путешествие в Петропавловск.

Через несколько дней после этого события Беринг отправил две партии моряков, дав им задание обследовать окрестности. В первый же день дорогу путешественникам перерезали горы, пересечь которые у них не было сил. В пути они не видели ни тропинок, ни признаков человеческого жилья. Встречались лишь песцы да морские бобры, которые совершенно равнодушно отнеслись к появлению людей. Похоже было, что они не знакомы с человеком и нисколько не боятся его.

Прошло еще несколько дней, и капитан направил на разведку новую группу служителей. Ей удалось подняться на вершину горы. С высоты они увидели, что вокруг них расстилается безбрежное море. То была не Камчатка, а затерянный в океане необитаемый остров.

«Это известие,— писал Свен Ваксель,— подействовало на наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель.

В эти страшные дни недуг все сильнее мучил Беринга. Он чувствовал, что дни его сочтены, но продолжал заботиться о своих людях, о том, чтобы были спасены запасы с выброшенного на мель корабля.

Капитан-командор лежал один в землянке, прикрытой сверху брезентом. Он уже не ощущал голода, ему не хотелось есть ни ржаные лепешки, ни обжаренное мясо морских бобров. Сильнее всего Беринг страдал от холода. Силы оставляли его. Он не мог уже пошевелить ни рукой, ни ногой. Сползавший со стен землянки песок засыпал ноги и нижнюю часть тела. Когда офицеры предложили откопать его, Беринг воспротивился, заявив, что так теплее. Несмотря на все несчастья, выпавшие на долю экспедиции, он не утратил бодрости духа и находил задушевные слова, чтобы ободрить своих приунывших товарищей.

Беринг умер 8 декабря 1741 года, не подозревая о том, что последнее пристанище экспедиции находится в нескольких сутках хорошего хода судна от созданного им Петропавловска.

После смерти Беринга командование отрядом перешло к лейтенанту Вакселю, старшему по чину офицеру. Экспедиция к этому времени лишилась более двадцати пяти человек.

Однако для оставшихся в живых провизии было очень мало.

На каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая вскоре совсем окончилась. Кроме того, было выдано пять фунтов подмоченной крупы и полфунта соли.

«Решено было также,— писал Свен Ваксель, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и кореньями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать с тем, чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия,— переезда с острова на материк. Таким распределением (лучше которого при наших обстоятельствах придумать было невозможно) все люди были вполне удовлетворены, тем более, что было поставлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением».

Все независимо от чина и звания одинаково дружно, поистине героически боролись за свою жизнь и жизнь больных товарищей.

Люди так обессилели, что не могли вынести трупов из своих землянок. Только несколько человек способны были ходить, охотиться на морских бобров и приносить мясо своим товарищам.

Свежая пища, несмотря на скверное жилье, в котором ютились путешественники, способствовала выздоровлению многих участников экспедиции.

И офицеры, и матросы начали постепенно оживать. В январе 1742 года был последний смертный случай. Всего из экипажа «Св. Петра» умер 31 человек; 45 служителей остались живы, отвоював себе жизнь в отчаянной схватке с трудностями и лишениями. Из ржаной муки путешественники готовили лепешки, которые пекли на сковородках, смазанных китовым жиром. Это было необычайно вкусным лакомством. Надо было не поддаваться искушению и распределять свою порцию так, чтобы съесть ее не сразу, а в два приема. «Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим,— писал Свен Ваксель,— так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером: теперь он лейтенант российского флота, имя ему Лоренц Ваксель. Ему, конечно, хотелось съесть такую же долю, как и мне, и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки».

Много неприятностей доставляли штормовые ветры и ураганы, срывавшие брезентовые крыши с землянок и засыпавшие снегом находящихся в ней моряков, дрожавших под тонкими одеялами или шинелями. Едва успевали привести жилище в порядок, как снова поднималась метель и многие оказывались под открытым небом и нестерпимо страдали от холода. Не менее досаждали густые туманы и непрестанно сырой воздух. Но сильнее всего страдали от ветров и гонимого ими снега.

Драматичность положения усугублялась недостатком дров. Близ 10 верст от места высадки не разыскать было плавника,

выброшенного на остров морем. Бревно на столь дальнее расстояние таскали на своих плечах. И это в зимнее студеное время.

Свен Ваксель писал, что «поистине жалостно было смотреть на всех. И офицеры, и матросы, слуги и солдаты были равны друг перед другом. И офицеры, и господа, лишь бы на ногах шатались,— продолжал Ваксель,— так же по дрова и на промысел пищи туда ж бродили и лямкою на себе таскали ж, и с солдатами, и слугами в одних артелях были».

Но кроме штормов и метелей путешественников подстерегали другие неприятные неожиданности. Дважды глубины острова сотрясались от подземных толчков. На глазах у всех песок сползал со стен убогих жилищ и почти доверху засыпал землянки. Матросы и офицеры так были обессилены цингой, что не могли подняться на ноги и их засыпало с ног до головы песком. «К счастью, их удалось быстро раскопать,— писал Свен Ваксель,— так как землетрясение продолжалось недолго. Впоследствии, вернувшись с острова на Камчатку, я навел справки и узнал, что как раз в то же время и там наблюдалось землетрясение, а ведь мы находились в то время на расстоянии не менее двухсот верст от Камчатки».

Это были первые наблюдения над сейсмическими явлениями на островах северной части Тихого океана. Впоследствии они вместе с «обсервациями» Крашенинникова вошли в состав «Каталога землетрясений Российской империи», подготовленного выдающимся русским ученым И. Мушкетовым совместно с А. П. Орловым.

Как ни длинна была зима с ее метелями, холодами и многими лишениями, но наступила весна.

Сошел снег, побежали ручьи, стало чаще выглядывать солнце, и моряки, несколько восстановившие свои силы, стали думать о продолжении плавания.

В марте 1742 года Свен Ваксель собрал всех оставшихся в живых участников экспедиции на совет. Он заявил, что как матросы, так и офицеры, оказавшиеся по воле случая на этой незнакомой земле, терпят совершенно одинаковые лишения и трудности и всем одинаково угрожает гибель вдали от родных мест. Он призвал своих спутников без различия чинов и званий отдать свои силы, знания общему делу и все сделать возможное и невозможное, чтобы выбраться из этой неприютной страны и достичь Камчатки, где их ждут товарищи по плаванию и обильные запасы провизии.

Совет проходил бурно. Одни предлагали послать имевшуюся шлюпку к берегам Камчатки с известием о бедственном положении экипажа. Другие настаивали на снятии с камней «Св. Петра». Но эти предложения были отвергнуты. По предложению Софрона Хитрово и Свена Вакселя было решено строить новое судно из остатков «Св. Петра», находившегося на мели и сильно потрепанного океаном. Однако возникла непредвиденная трудность. Среди моряков не оказалось ни одного корабельного мастера. К счастью,

нашелся сибирский казак из Красноярска Савва Стародубцев, который простым рабочим участвовал в постройке судов экспедиции в Охотске. На его знания и умение только и была надежда.

6 мая 1742 года заложили новое судно. Это событие было отмечено торжественным обедом у Свена Вакселя, на который каждый пришел со своей посудой. «Угощение,— писал Свен Ваксель,— состояло из распространенного в Сибири напитка, называемого там „сатуран“, составными частями которого обычно является хорошее масло, пшеничная мука мелкого размола и хороший чай. Пшеничная мука основательно поджаривается в масле и заливается кипящим чаем, все это хорошо размешивается, получается прекрасный напиток, напоминающий по густоте отвар шоколада и к тому же довольно сытный. За отсутствием, однако, всех необходимых припасов пришлось пустить в ход вместо масла китовый жир, взамен пшеничной — заплесневелую ржаную муку и вместо чая — отвар из брусничных листьев. Из этого я приготовил полный большой судовой котел напитка, и каждый выпил свою порцию с превеликим аппетитом. Все развеселились и приободрились и притом без всякого опьянения. Таким образом мы провели этот день до самой полуночи».

7 мая на постройку судна вышло 20 человек, владеющих топором. Остальная часть людей отправилась на промысел, который находился примерно в 30 километрах от лагеря путешественников. Но эта группа не могла полностью обеспечить питанием весь экипаж. Надо было искать выход из назревавшего кризиса. Бедственное положение навело на мысль устроить охоту на морских коров, которые собирали водоросли вблизи лагеря.

Добыча морских коров оказалась делом трудным и опасным, но принесла великолепные результаты. Путешественники могли употреблять в пищу мяса сколько хотели. Все заметно окрепли. Работа стала спориться.

Много этому содействовали заботы натуралиста Стеллера, ревностно искавшего на острове противоязвенные травы и растения. «Расскажу теперь полноты ради также о том, что мы потребляли в качестве питья,— писал Свен Ваксель.— Пили мы большей частью чистую воду, которая, на наше счастье, в изобилии доставлялась небольшим ручьем, протекавшим в непосредственной близости от нашего лагеря. Вода из этого ручья оказалась довольно приятной на вкус и вполне здоровой, что немало содействовало нашему излечению. Пока земля была покрыта снегом, мы раскапывали снег и искали брусничные листья. Найдя их, мы основательно отваривали их в кипятке и пили этот настой вместо чая. Как только, однако, сошел снег и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы, из них мы готовили чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную

пользу нашему здоровью. Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями».

Надо особо отметить, что весьма непрехотливый к жизненным условиям Стеллер в течение всей зимовки на острове Беринга занимался изучением животного и растительного мира, климата и природных особенностей этого затерявшегося в океане клочка земной тверди. Свои наблюдения он обобщал в «Топографическом и физическом описании острова Беринга», увидевшем свет только в 1781 году. Здесь Стеллер собрал 211 видов растений. Многие из них он встречал в горах Европы, Восточной Сибири, Охотского края, Камчатки, а некоторые виды видел на северо-западных берегах Америки. Много времени он уделял изучению животных. Особенно его увлекали наблюдения над сивучами.

«Хотя эти звери очень боятся человека,— писал Стеллер,— но я заметил, что при частых встречах с людьми, которые их не пугают, привыкают и приучаются, особенно, если они еще молоды, и не научились плавать. Однажды расположившись на возвышенном месте, я прожил среди них целых шесть дней и наблюдал из своей палатки их поведение. Они лежали кругом меня, рассматривали очень и все, что я делал. Они не убегали, когда я ходил среди них...».

Он оставил описание морской коровы, которую открыл на острове Беринга и которая была спустя 30 лет совершенно истреблена.

Стеллер исходил весь остров Беринга, что позволило ему составить представление о его рельефе и его реках и речках, дал описание его гор, береговых террас и прибрежных рифов, кольцом окружающих остров. Подробно был изучен климат, который Стеллер нашел сходным с климатом Камчатки. Он отмечал частые бури и ураганные ветры, достигавшие в горных долинах необычайной силы.

Однако вернемся к остальным спутникам Беринга, бедствующим на острове. В конце мая остов корабля был полностью закончен. В начале июня приступили к внешней обшивке. Судно было длиной 40 футов и шириной 13 футов; высота его составляла 2 метра. «В кормовой части судна,— писал Свен Ваксель,— была устроена каюта, где во время пути помещался я вместе с тремя офицерами. В носовой части был сделан камбуз, то есть помещение, в котором для всей команды приготавлилась пища. Уложены были также палубные балки и палубный настил, и каждая балка, как это вообще принято, была прочно укреплена кницями или деревянными кронштейнами кривой формы. Было приспособлено также восемь весел по четыре с каждой стороны. Таким образом, в смысле успешности нашей работы мы, судя по всему, не имели оснований жаловаться».

В конце июля начали конопатить судно паклей и размочален-

ными старыми канатами. Смолу вытопили из якорного каната, который еще ни разу не был в употреблении. Ее хватило для просмолки подводной части судна, а пазы выше ватерлинии решено было смазать топленным салом. Была изготовлена шлюпка и отремонтированы бочки, в которые затем набрали речную воду.

В конце июля постройка судна была закончена. 10 августа его спустили на воду и назвали «Св. Петр». В течение трех дней погружили запасы, снаряжение и балласт.

13 августа путешественники простились с островом, который единодушно назвали именем Витуса Беринга. На его берегу осталась могила отважного капитан-командора и его смелых мужественных спутников. Там же были брошены за ненадобностью пушки с первого корабля и другие, уже ненужные предметы.

На третий день плавания, когда моряки находились далеко от острова Беринга, в судне открылась течь. Воду вычерпывали насосами и вручную, но она продолжала прибывать. Матросы бросились искать причину этой грозной опасности и вскоре обнаружили, что в одном пазу волной выбило конопатку. Паз заделали, как могли. Вода пошла на убыль, и корабль продолжал плавание.

17 августа, как только рассеялся утренний туман, прямо по курсу открылась земля. Это была Камчатка. Моряки направились вдоль ее берегов к югу, и через десять дней «Св. Петр» отдал якорь в Петропавловской гавани.

При виде низеньких, так хорошо знакомых и таких уютных домиков и строений родного петропавловского порта всех охватила радость. Это был самый счастливый день в жизни 46 оставшихся в живых спутников Беринга.

После 15 месяцев скитаний в неизведанном океане, после зимовки почти под открытым небом на необитаемом острове, после многих месяцев голода, страданий и непосильного труда они наконец ступили на родную обетованную землю, где их ждали друзья, товарищи, теплый угол и обильные запасы пищи. «Я,— писал Свен Ваксель,— не в состоянии описать радость и восторг, который каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении. От величайшей нужды мы перешли к полному изобилию — целый склад, наполненный продовольствием, теплые и удобные квартиры и масса всяких удобств, без которых приходилось обходиться в течение всей прошлой зимы. Все это вызвало такую бурную радость, составило такой контраст, что словами выказать это невозможно».

Первым делом Свен Ваксель отправил в Петербург рапорт о плавании пакетбота «Св. Петр» и о смерти капитан-командора Беринга.

Летом 1743 года благополучно «Св. Петр» достиг Охотска. Отсюда моряки отправились в Якутск, где их ждал Алексей Чириков.

Между тем в сентябре 1743 года Сенат принял указ о приостановлении действий Второй Камчатской экспедиции. Чирикову и Шпанбергу было приказано «более в морские вояжи не ездить»

и находиться в сибирских городах до окончательного решения либо о прекращении, либо о продолжении экспедиции. Морским офицерам с их командами приказывалось покинуть пределы Иркутской губернии, необычайно пострадавшей от неурожая.

Из участников плавания к северо-западным берегам Америки дольше всех вел научные исследования адъютант Георг Стеллер. Вернувшись после зимовки на острове Беринга на Камчатку, он еще два года посвятил ее исследованию. В мае 1743 года Стеллер совершил поездку на Курильские острова, где зарисовал морского бобра. Затем он осмотрел реку Олюторку, посетил многие камчадалские селения и обследовал многие районы Камчатки. Он завел первую на Камчатке школу и предложил ряд мер по улучшению положения местного населения. Слова у него не расходились с делами, о чем свидетельствует его решение освободить из-под стражи 17 камчадалов, которые, по его мнению, были несправедливо обвинены и заключены под стражу местными чиновниками.

В 1744 году Стеллер благополучно добрался на судне до Охотска, откуда он направился в Иркутск, где ему пришлось дать объяснения по поводу освобождения чукчей. Иркутских властей удовлетворили показания Стеллера и ему было разрешено следовать на запад. В апреле 1746 года он был уже в Соликамске. Здесь он задержался на несколько месяцев в имении Демидовых, приводя в порядок свои коллекции и материалы. Затем он совершил поездку по Пермскому краю, растительность которого его очень интересовала. Едва он, утомленный долгим и трудным путешествием по «Пермий», вернулся в Соликамск, как по доносу, посланному одним из камчатских «благожелателей», его арестовали и повезли назад в Иркутск. Получив возможность написать несколько строк, Стеллер прежде всего попросил Академию наук защитить его от чинимых ему притеснений. Он надеялся, что его коллеги позаботятся о своем «сочлене, дабы он не пропал понапрасну». Стеллер не скрывал, что упал духом. Тем более, приставленный к нему пристав не разрешал послать в Петербург подробный рапорт. И все-таки он рассчитывал на помощь Академии наук ради чести и пользы которой «с великою опасностью для жизни и здоровья трудился».

Особенно его тревожило то, что арест («нечаянный случай») пререк его научные занятия. Собранные им богатейшие коллекции, которым и так был нанесен немалый ущерб во время транспортировки по Сибири оказались брошенными на произвол судьбы. Сам он находился без средств к существованию. Всю его одежду составлял один кафтан, а в кошельке имелось всего 60 рублей. И теперь его «измученного и усталого» везли назад в Иркутск.

Через несколько недель Стеллера нагнал курьер из столицы, куда с запозданием поступили разъяснения иркутских властей. Его освобождали из-под ареста и разрешали возвратиться в Петербург. Это произошло в Таре. Но ему не довелось увидеть своих

коллег по Академии наук. На обратном пути он тяжело заболел. Стеллер отдавал отчет, что его положение безнадежно, и прежде всего просил окружающих позаботиться о его коллекциях, материалах, рукописях. Он умер 12 ноября 1746 года в Тюмени. Так закончился жизненный путь одного из сподвижников Беринга — выдающегося натуралиста Георга Стеллера, обогатившего науку ценнейшими изысканиями на северо-западных берегах Америки, Алеутских и Командорских островах и на Камчатке. Описанию Камчатки он посвятил большой труд, который до сих пор, к сожалению, остается неопубликованным.

Столь драматическим актом и завершается последнее действие самой великой экспедиции всех стран и народов. К этому времени почти все оставшиеся в живых деятели Второй Камчатской экспедиции собрались в Петербурге и занялись подведением итогов многолетних, многотрудных и необычайно плодотворных изысканий.

Деятельность Академического отряда не рассматривается подробно по той причине, что она охватывала в основном континентальную Сибирь. Упомянем лишь имена ученых, разделявших вместе с Берингом тяготы этого беспримерно великого путешествия.

Это целое созвездие всемирно известных ученых. Прежде всего академики Герард Фридерик Миллер и Иоганн Георг Гмелин, занимающие почетное место в истории русской и мировой науки. Последний, по словам знаменитого естествоиспытателя Линнея, «один открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли их вместе», и создал пятитомный классический труд «Сибирская флора». Это, по словам Ломоносова, был человек исключительной доброты. Он оказал большое влияние на Крашенинникова. Что касается Миллера, то он, по словам академика А. П. Окладникова, подарил миру «первую, многотомную поистине громадную академическую „Историю Сибири“, и теперь поражающую массой фактов и вложенного в нее труда».

Миллер был не только выдающимся участником Второй Камчатской экспедиции, но и ее историографом. Ему принадлежат первые опубликованные труды об этом великом научном предприятии России, достижения которого он мужественно защищал от неблагоприятных попыток принизить его всемирно-историческое научное значение. Более того, он взял на себя тяжкий и сложный труд познакомить европейских ученых с русскими историческими источниками и внес важный вклад в соби́рание и публикацию актов, относящихся к истории государства Российского.

Научные интересы Миллера не ограничивались только историей. В течение десяти лет, проведенных им в Сибири, он составил огромное количество географических описаний, словарей, собрал множество этнографических материалов. Его деятельность во Вто-

рой Камчатской экспедиции нуждается в пристальном, монографическом исследовании.

В течение этих десяти лет самым талантливым помощником Миллера и Гмелина был Степан Петрович Крашенинников. Он начал свою деятельность во Второй Камчатской экспедиции 22-летним студентом, а вернулся в Петербург сформировавшимся ученым. Он провел целую серию географических и метеорологических изысканий в Сибири и первым из натуралистов исследовал Камчатку. Четыре года Крашенинников странствовал по этому далекому краю в одиночестве, собирая материалы по его географии, этнографии, климату, истории. На основе их он создал «Описание земли Камчатки», сокращенный перевод которого под руководством М. В. Ломоносова был подготовлен для Вольтера и которое было переведено и издано в Англии, Франции, Германии.

Этот капитальный труд увидел свет после его смерти с предисловием академика Миллера, справедливо отмечавшего, что Крашенинников «принадлежал к числу тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благоденствием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия».

О Стеллере, Фишере, Делякроере, скончавшемся на Камчатке по возвращении из плавания к северо-западным берегам Америки, уже шла речь. Остается лишь в общих чертах обозначить великие достижения Второй Камчатской экспедиции.

Русские моряки первыми открыли неведомые северо-западные берега Америки, Алеутскую гряду, Командорские острова и перечеркнули мифы о землях Иезо, Кампании, Штатов, Хуана де Гама, которые в течение многих десятилетий на севере Тихого океана изображали на своих картах западноевропейские картографы.

Русские корабли первыми проложили морской путь из России в Японию. При этом они обогатили географию реалистичными сведениями не только о Курильских островах, но и о самой Японии.

Результаты открытий и исследований в северной части Тихого океана нашли отражение в целой серии карт, в создании которой принимали участие многие из оставшихся в живых офицеров. Особенно выдающаяся роль в обобщении добытых русскими моряками материалов принадлежит одному из блестящих и искусных мореходов того времени Алексею Чирикову, преданному помощнику и преемнику Беринга. На его долю выпало завершение дел Второй Камчатской экспедиции. Через несколько месяцев по возвращении из вояжа он составил карту северной части Тихого океана, на которой с поразительной точностью показан путь корабля «Св. Павел», открытые моряками северо-западные берега Америки, острова Алеутской гряды и восточные берега Камчатки, служившие исходной базой для исследований россиян. Подобная же

карта была составлена офицерами корабля «Св. Петр», в создании которой принимал участие Свен Ваксель.

10 мая 1746 года офицерами Дмитрием Овцыным, Софроном Хитрово, Алексеем Чириковым, Иваном Елагиным, Степаном Малыгиным, Дмитрием и Харитоном Лаптевым было закончено составление «Карты Генеральной Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных чрез морское плавание западных американских берегов и острова Япона».

Карте была предпослана записка А. И. Чирикова. По его словам, в итоге трудов Первой и Второй Камчатских экспедиций была исследована не малая часть «земноводного глобуса». При этом было открыто «много земель и островов», о которых до упомянутого времени было ничего неизвестно. Особое значение и важность, по его мнению, имело открытие «западных американских берегов».

На этой карте впервые нашли отражение великие географические открытия русских мореходов и полярных исследователей, сделанные в течение 15 лет, с 1728 по 1743 год.

Самим Чириковым совместно с Иваном Елагиным в то же самое время была сочинена и представлена в Адмиралтейств-коллегию карта, в которой были зафиксированы открытия Первой и Второй Камчатской экспедиций в Тихом океане, включая восточное побережье Дальнего Востока, Алеутские и Командорские острова, Курильскую гряду, часть острова Хоккайдо, берега северо-западной Америки как в районе Берингова пролива (ныне мыс герцога Уэльского), так и в тех местах, где их впервые открыли Беринг и Чириков в июле 1741 года.

Картографическое наследство камчатских экспедиций Беринга огромно. Мореходами было создано более 60 как общих, так и региональных карт, отражающих исследования в Арктике и в северной части Тихого океана от Камчатки до берегов северо-западной Америки, от Берингова пролива до Японских островов. Но к этому богатейшему уникальному комплексу необходимо добавить около 40 карт, сочиненных академиком Миллером, студентами академического отряда и геодезистами Второй Камчатской экспедиции.

Часть открытий Второй Камчатской экспедиции нашла отражение в «Атласе Российском», изданном в 1745 году Петербургской Академией наук. По единодушным отзывам как западноевропейских, так и русских ученых всемирная география пополнилась важными достижениями благодаря этому труду, в котором значительная часть суши земного шара получила новое и реальное изображение.

Хотя открытия Второй Камчатской экспедиции Беринга считались секретными и правительственные круги многие годы не давали разрешения на их публикацию, сведения о них проникли в Западную Европу уже в самом начале 40-х годов XVIII века.

Во Францию и Англию по дипломатическим каналам были переправлены карты и материалы об открытиях Первой и Второй Камчатской экспедиций. Наряду с «Атласом Российским» они оказали влияние на труды западноевропейских картографов и географов.

Столь же плодотворной была деятельность северных отрядов Второй Камчатской экспедиции, нередко выделяемых в самостоятельную Великую северную экспедицию. Это действительно великое полярное предприятие, не знавшее равных в мире. Однако вряд ли правомерно вырывать исследования на севере из общей цепи действий Второй Камчатской экспедиции, ибо это в конце концов ведет к принижению исторической картины, которая и сегодня в наш век удивительных открытий потрясает своей фантастической грандиозностью. В великих открытиях Второй Камчатской экспедиции Беринга с особой рельефностью проявился взрыв национального самосознания, обусловленный возрастанием всемирно-исторической роли Русского государства в первую четверть XVIII века. Бесспорно, что истоки этого великого научного предприятия лежат в реформах и деяниях Петра I как в политической, так и в научной областях. Более того, во главе экспедиции стоял один из талантливых моряков петровского времени, участвовавший во многих боевых кампаниях русского флота, а многие офицеры и штурманы, на долю которых выпало отыскание пути к Камчатке, Японии и Америке, начинали свою деятельность еще при Петре I.

Открытия и исследования северных отрядов — это часть важнейшая, но при всем только часть великих свершений Второй Камчатской экспедиции. В итоге морских и пеших походов офицеров, штурманов и геодезистов, действовавших в Арктике, было исследовано и картировано северное побережье России от Архангельска до Большого Баранова Камня, находящегося к востоку от Колымы. Анализируя полярные исследования XVII — первой половины XVIII века, великий Ломоносов отмечал особое значение плаваний Ф. Алексеева и С. Дежнева и исследований Второй Камчатской экспедиции в полярных морях. Он писал в труде «Краткое описание путешествий по северным морям», что походом Ф. Алексеева и С. Дежнева «несомненно доказан проход морской из Ледовитого в Тихий океан». Далее ученый отмечал, что северные берега России от Архангельска до Лены в давние времена осмотрены русскими промышленниками. Однако «полное доказательство» существования Северного морского пути из Белого моря на Камчатку было доставлено офицерами Второй Камчатской экспедиции, которые установили, что северные и восточные берега Сибири омывает море и тем самым не остается больше сомнения в существовании Северного морского пути.

Это выдающееся достижение было замечено не только в России, но и за границей. В самом начале 50-х годов XVIII века Парижская Академия наук обсудила великие открытия русских в Арктике. Ею было отмечено, что, в то время как попытки Англии,

Голландии и других европейских стран отыскать Северо-Восточный и Северо-Западный проходы не привели к существенным результатам, русские прошли на судах от Архангельска до Камчатки.

Научное наследство Второй Камчатской экспедиции столь велико, что не освоено полностью до сих пор. К нему прибегали и прибегают многие ученые мира. Это наследство — памятник великого подвига России, ее моряков и ученых. Имя и дела руководителя этой экспедиции Витуса Беринга и его сподвижников навсегда останутся в памяти русских людей и всего человечества.

Открытия и заблуждения Гавриила Сарычева

Открытия и достижения Второй Камчатской экспедиции изумили ученый мир. Первые богатейшие научные результаты обобщил М. В. Ломоносов. Этому великому ученому принадлежит первый проект русского плавания через околуполусную область из европейских морей в Тихий океан. Первоначально суда проектируемой первой в истории Арктики научно-исследовательской экспедиции должны были направиться на север от Новой Земли. Но затем, узнав от архангельских промышленников, семь лет подряд вынужденно зимовавших на Шпицбергене, что к северу от этого архипелага часто наблюдается свободное море, Ломоносов переменял план. Базой экспедиции был избран Шпицберген.

Экспедиция была великолепно по тому времени оснащена научными приборами, включая «особливые» глубоководные термометры, батометры, магнитные стрелки, астрономические инструменты. По инструкции Ломоносова впервые были начаты инструментальные геофизические наблюдения, которые с этого времени стали вытеснять визуальные наблюдения, в основном сводившиеся к записям об изменении ветра.

Командовал экспедицией, состоявшей из трех судов, капитан В. Я. Чичагов. В 1765 году, следуя морем между Шпицбергом и Гренландией, он достиг $80^{\circ} 26' \text{ с. ш.}$, где был остановлен льдами. На следующий год русские корабли предприняли еще одну попытку проникнуть на север в том же районе, но опять на $80^{\circ} 30' \text{ с. ш.}$ встретили непроходимый востороженный пак.

Непосредственную связь с этой экспедицией имеет другой важный факт. Разрабатывая проект плавания через околуполусную область в Тихий океан, М. В. Ломоносов на основе анализа наблюдений промышленников и результатов прежних, в основном русских исследований, пришел к выводу о том, что существует вынос льдов из восточных районов Арктики в Атлантику. Трудными

этого великого русского ученого был заложен фундамент океанографии Северного Ледовитого океана — фундамент обширного направления наук о земле.

Между тем слава открытий Беринга заставила англичан встре-пенуться от продолжительного бездействия. Русские, по словам Фр. Гельвальда, опередили все европейские нации в вопросах полярной географии. Англичане считали нужным исследовать «предел льда» между Гренландией и Шпицбергом.

В 1773 году была снаряжена английская полярная экспедиция в составе двух кораблей. Ею руководил Джон Фипс, выполнявший первые океанографические работы в Гренландском море. Его суда смогли подняться между Гренландией и Шпицбергом до 80° 48' с. ш., где были остановлены льдами и той же осенью благополучно возвратились домой.

Несколько раньше, в 1770 году служащий компании Гудзона залива С. Херн вышел по реке Коппермайн к Ледовитому морю. В подтверждение своих слов он сообщил, что нашел у живущих там эскимосов много китового уса и шкур тюленей. Однако в справедливости его донесений географы сомневались, как сомневались в открытиях Дежнева и Баффина.

В 1778 году к северу от Берингова пролива появились два корабля английской экспедиции под начальством Джеймса Кука. Они пытались проникнуть в район Полюса, но были остановлены льдами.

Дж. Кук и астроном Балей «неоднократно думали видеть примеры близости земли на севере», о чем свидетельствовало отсутствие течения и образование самих льдов и полет птиц с севера на юг и малое увеличение глубины моря по удалении от берегов. По мнению его спутников, Джеймс Кук догадывался, что «сии два материка соединяются у полюса».

18 августа 1778 года, когда экспедиция находилась в районе Ледяного мыса, в журнале экспедиции Дж. Кука была сделана следующая запись: «Стоим близко к краю льда сплошного, как стена, высота 10—12 футов. Дальше на север она кажется еще выше».

После первого плавания в Северный Ледовитый океан Джеймс Кук писал 20 октября 1778 года в английское адмиралтейство, что он в будущем 1779 году предпримет еще одну попытку, но мало надеется на успех. «Лед, который не так-то легко преодолеть, является, по-видимому, не единственным препятствием на нашем пути. Берег обоих континентов на большое расстояние очень низкий и даже посередине между двумя материками глубины весьма незначительные. Это, да и другие обстоятельства, как бы доказывают, что в Ледовитом море имеется больше земли, чем об этом нам пока ведомо; там источник льда, и полярная часть океана отнюдь не является открытым морем».

Английские мореплаватели неоднократно в своих журналах отмечали вероятность существования в Ледовитом океане земли

или «возможность соединения двух материков». Об этом свидетельствуют записи 16 марта и 27 июля 1770 года.

Вопрос о перешейке нашел воплощение в известной гипотезе участника английской экспедиции Дж. Бурная (Барни), защищавшего идею соединения Азии и Америки и ставившего под сомнение плавание Дежнева из Колымы вокруг Чукотского полуострова. Плавание Кука и Кларка были оценены в Англии как окончательное доказательство невозможности практического использования Северного морского пути между Атлантическим океаном и Тихим.

Таким образом, за несколько веков иностранцы, искавшие Северо-Восточный проход, на западе достигли пределов Новой Земли и Ямала, а на востоке — меридиана Северного мыса. Препятствия, остановившие здесь зарубежных мореплавателей, по словам Врангеля, «преодолены нашими мореходами».

Вслед за плаванием Джеймса Кука в Северный Ледовитый океан в Иркутске секунд-майором М. Татариновым была сочинена карта Северного Ледовитого океана. Она интересна тем, что Американский континент распространен на значительную часть Северного Ледовитого океана. Его берег от Ледяного мыса круто поворачивает на запад и тянется почти ровной линией параллельно берегам Сибири. Между устьями Колымы и Индигирки он проходит примерно по 79° с. ш. и, спустившись несколько к югу в районе Святого Носа, принимает северо-западное направление. На меридиане Новой Земли он проходит вблизи 83° с. ш. и, миновав на той же параллели Шпицберген, наконец соединяется с Гренландией. Точно так же изображен Американский континент и на «Карте восточной части Азиатской Сибири и западной части Америки».

Следующим полярным пуфешествием англичан было плавание Александра Маккензи по большой реке, носящей ныне его имя. К северу от ее устья он увидел «вонючее озеро», как индейцы называли Северный Ледовитый океан. Правда, сами англичане отнеслись к этому путешествию весьма скептически. Секретарь английского адмиралтейства Джон Барроу считал, что «если сведения, доставленные нам Херном о море, неудовлетворительны, то Маккензины еще гораздо темнее». Суд современников был скорый и несправедливый; они полагали, что ни Херн, ни Маккензи не видели моря, хотя, вероятно, и находились вблизи него.

Таким образом, к началу XIX века на огромном пространстве севера Американского континента было известно всего лишь несколько пунктов. Северное побережье Америки еще ждало своих исследователей. Ледовитое море, лежащее к северу от него, оставалось неведомым, что давало повод для рождения новых гипотез и заблуждений.

Иная картина имела место на европейском и сибирском севере России. Его побережье полностью было картировано сначала в XVII, затем в XVIII веке. Было совершено множество поездок по

льдам океана и еще больше плаваний. И после Второй Камчатской экспедиции Россия продолжала уделять большое внимание развitiю полярных исследований.

В 1762 году начальнику Охотского и Камчатского края полковнику Федору Плениснеру, участвовавшему в последнем плавании Витуса Беринга, сибирские власти поручили организовать широкие исследования в северной части Тихого океана и на северо-востоке Азии. Одной из задач этих изысканий должны были стать поиски к северу от Чукотки с целью открытия новых земель и островов в Ледовитом море. На пути к месту новой службы в Анадыре Плениснер собирал у жителей Колымы и Чукотки подробные сведения о Студеном море и Большой северной земле. Для ее поисков в следующем году он отправил экспедицию под начальством сержанта Степана Андреева. 28 апреля 1763 года Андреев достиг первого Медвежьего острова, на берегу которого обнаружил развалины старинного зимовья, сооруженного из плавника. На следующий день путешественники перебрались на второй остров. Затем обследовали третий остров, где нашли строение в виде «крепостцы», рисунок которого украшает несколько русских карт того времени. Потом был осмотрен четвертый из Медвежьих островов, получивших свое название от множества следов медведей, обнаруженных на их берегах. Дольше всего экспедиция занималась картированием Четырехстолбового (пятого) острова. По мнению Андреева, он лежал на север от устья реки Чаун простираясь к Чукотскому Носу. Тем самым составителям последующих карт был дан повод распространить американский берег на запад от Берингова пролива до траверза реки Колымы.

Вернувшись в Нижнеколымск, Андреев сообщил, что с острова Четырехстолбового он на востоке с трудностью «видел, что там синь синее или чернь чернее», но не мог истинно сказать «земля ли это или полое место». В 1764 году Андреев продолжал поиски Большой северной земли. 22 апреля он заметил впереди признаки суши.

«Увидели остров весьма не мал, гор, стоячего лесу на нем не видимо, низменной, одним концом на восток, а другим на запад, и в длину, так, например, имеет 80 верст». К нему вели следы людей, которых Андреев посчитал оленним народом Храхай. Путешественники из-за малочисленности своего отряда повернули назад, не дойдя 20 км до «низменной земли», именно низменной земли, на которой «не было видимо ни леса стоячего, ни гор».

Так в истории поисков Северной матерой земли появилось еще одно звено и еще одна тайна, разгадка которой занимала умы ученых почти два столетия.

В 1769 году в «секретный вояж» отправились прапорщики Леонтьев, Лысов и Пушкарев. Им поручалось заняться «американской матерой со стоячим лесом землей». Они весьма точно положили на карту Медвежьего острова. Следующей весной от острова Четырехстолбового путешественники пытались пробиться к

Большой американской земле, но смогли дойти только до 74° 05' с. ш., не найдя признаков неведомой земли. В 1771 году Леонтьев со своими товарищами совершил третий поход по льду, строго на восток от последнего Медвежьего острова, но, не обнаружив признаков суши на траверзе Баранова Камня, повернул к берегу.

Кроме того, во второй половине XVIII века русский помор Савка Лошкин обошел Новую Землю, а Федор Размыслов открыл Маточкин Шар и совершил плавание Карским морем. В то же время были открыты три из Новосибирских островов: Малый и Большой Ляховские и Котельный, на которых уже побывали русские мореходы XVII века. Одна за другой предпринимались попытки пройти морем из Лены и Колымы в Тихий океан. Полярным исследователям нередко транспортом служили собачьи упряжки, запряженные в нарты.

«Русские, — писал Хансен, — совершали самые далекие поездки еще в XVII и XVIII столетиях, когда снимали карту сибирского побережья от границ Европы до Берингова пролива. При этом они не только держались берегов, но пробирались и по морскому льду до Новосибирских островов и даже еще севернее. Едва ли когда-либо приходилось путешественникам выносить столько лишений и проявлять такую выносливость, как во время этих поездок».

В 1787 году была предпринята Северо-восточная экспедиция, которая должна была попытаться пройти из Колымы в Берингов пролив. Своими достижениями она в первую очередь обязана Гавриилу Андреевичу Сарычеву. Всю свою жизнь он посвятил изучению морей России. Его мысль обняла проблемы исследования нашей планеты от Северного до Южного полюса. Ему принадлежит идея послышки первой русской экспедиции в Антарктику. Вместе со своим великим современником Иваном Федоровичем Крузенштерном он наметил грандиозные задачи изучения севера и востока Сибири, полярных вод и островов, Русской Америки, Тихого океана.

Как руководитель Адмиралтейского департамента, Сарычев внес исключительный вклад в осуществление этих великих программ.

Но среди всех проблем исследования земного шара была одна, которая особенно волновала Сарычева. Это — изучение северо-востока России, от Колымы до самых южных пределов Русской Америки. Молодым офицером он участвовал в Северо-восточной экспедиции, исследовал Колыму, Чукотку, Алеутские острова, северо-западные берега Америки. Ему наука обязана отчетами и картами этого выдающегося научного предприятия. С этих пор и начинается почти полувековая деятельность Сарычева на просторном поле русской географии.

Ни день, ни месяц, ни год, ни место рождения Гавриила Андреевича Сарычева неизвестны. Его отец служил флотским прапорщиком то в Кронштадте, то в Петербурге. В Севском уезде

ему принадлежало имение, в котором числилось пять душ крестьян.

Начальное образование Сарычев получил дома. Вероятно, письму и чтению его обучила мать Мавра Афанасьевна. 5 ноября 1775 года Сарычев поступил в Морской кадетский корпус. В это время ему шел двенадцатый год. На основе этого свидетельства и послужных списков, подписанных самим Сарычевым, исследователи относят дату его рождения к ноябрю — декабрю 1763 года и высказывают предположение, что родиной великого русского гидрографа является либо Петербург, либо Кронштадт, где вместе с отцом Андреем Сарычевым проживала вся семья, в которой было семь душ детей. Жили Сарычевы скромно, даже, пожалуй, бедно. Ничтожных доходов с имения и жалованья отца едва доставало, чтобы прокормить многочисленное семейство.

В Морском корпусе Сарычев не блистал успехами, судя по тому, что имя его не числится среди его лучших учеников. Но занимался он прилежно. Особенно любил географию. До наших дней сохранились его собственноручные конспекты лекций по этому предмету.

Прошло три года. В 1778 году его произвели в гардемарины и послали в первое плавание. Вояж был не столь дальним. На судне «Св. Евстафий» Сарычев ходил в Ревель и впервые познакомился с этим старинным городом, красота и очарование которого покорили его с первого взгляда. Вместе со своими товарищами, среди которых были Христиан и Яков Беринг, внуки великого российского мореплавателя, он бродил по узким улочкам Вышгорода. С его крепостной стены открывался великолепный вид на Ревельскую бухту, расцвеченную парусами больших и малых судов. Сарычев провел в Ревеле несколько недель. В Кронштадт он возвращался на корабле «Александр Невский». Первое морское крещение состоялось. Корпусные учителя были довольны его успехами и в теории, и в практике морского дела. Потом были другие странствия. Запомнилась ему долгая поездка на лошадях из Петербурга в Архангельск ранней весной 1780 года. Еще держались морозы, сияло солнце. Лошади резво тащили розвальни по укатанной дороге, которая часто шла дремучими лесами. Могучие ели и сосны купались в мартовском солнце и тихо переговаривались между собой. Сарычев верил, что едет навстречу своей судьбе.

В Архангельске он вместе со своими однокашниками помогал снаряжать построенное на местной верфи судно «Не тронь меня». Затем началось плавание по Белому морю. Сарычев примечал его берега, острова, воды, не предполагая, как много сил придется ему потратить, чтобы добиться его тщательной съемки. Но эти заботы еще далеко-далеко впереди... А сейчас перед глазами — суровые гранитные берега Мурманского берега. «Не тронь меня» плывет на запад. Норвежское море встречает его бурями. Штормы и непогоды преследуют их и в Северном море. Тяжело достается матросам и гардемаринам; трудно управляться с парусами, еще

труднее держать избранный курс. Но вот уже обогнули Скандинавию и позади остались проливы. «Не тронь меня» вступил в воды Балтики и через несколько суток отдал якорь на Кронштадтском рейде. Впереди оставалось последнее испытание: выпускные экзамены. Все обошлось благополучно. 1 января 1781 года Сарычев получил первый офицерский чин. Ему присвоили звание мичмана.

Весной снова в море и опять на корабле «Не тронь меня». На этот раз в Средиземное море с заходами во французские, английские, испанские, итальянские, греческие порты, со стоянкой в крепости Гибралтар. Снова бури, штормы, ненастья. И так — три года.

Сарычев вел вахтенный журнал, наносил на карту очертания берегов, измерял течения, замечал «воздушные перемены». И мечтал о Севере, о его неисследованных землях и морях. Думал о том, что настало время провести русский флаг по всем океанам земного шара. Особенно хотелось побывать на землях, которые первыми увидели на севере Тихого океана великие русские мореходы Витус Беринг и Алексей Чириков.

Мечты... Когда-то они исполнятся. И исполнятся ли?.. А пока его отправляют — но не разыскивать неведомые земли, а описывать Днепр и его приток Сож.

Вряд ли молодой офицер мог предполагать, что путешествие на Днепр и Сож окончательно предопределило всю его дальнейшую судьбу, навсегда свяжет с русской гидрографией и приведет в число знаменитых исследователей северо-востока России и севера Тихого океана.

Едва Сарычев возвратился в Петербург, как до него дошли слухи о том, что затевается новая экспедиция на Колыму, Камчатку и в Америку. Почти такая же большая, как Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, которую чаще всего именovali Великой северной экспедицией. Новое важное географическое предприятие готовилось в строжайшей тайне. Но мало-помалу среди офицеров распространились сведения о ее целях. Говорили, что она будет заниматься открытиями на восточнейших берегах и морях Российской империи. Прежде всего путешественникам предстоит точно определить долготу и широту устья реки Колымы, исследовать берега «Великого Чукотского Носа до мыса Восточного» (ныне мыс Дежнева), составить карты островов на Восточном (Тихом) океане от Камчатки до берегов Америки и совершенней познать моря, лежащие между «матерой» землей Сибири и противоположными берегами Америки.

Именно в такой экспедиции мечтал участвовать Сарычев. Вскоре он подал рапорт в Адмиралтейств-коллегию с просьбой зачислить его в состав тех, кто готовился к походу. Такое же прошение подал и Христиан Беринг, стремившийся увидеть земли и острова, открытые его дедом.

8 августа 1785 года русское правительство приняло решение о

снаряжении географической и астрономической экспедиции. Ее главной задачей являлось исследование северо-востока России, включая Чукотку, островов и морей в северной части Тихого океана и северо-западных берегов Америки, открытых Берингом и Чириковым и освоенных русскими промышленниками.

Начальником экспедиции был определен поручик (позже капитан) Иосиф Биллингс, принимавший участие в последнем плавании Джеймса Кука и затем перешедший на службу в русский флот. В число своих помощников Биллингс избрал лейтенантов Гавриила Сарычева, Христиана Беринга и Роберта Галла. Всего в путешествии предстояло участвовать 141 человеку, и среди них — художнику Луке Воронину, чьи рисунки дошли до нашего времени.

Сарычев 31 августа отправился к знаменитому путешественнику и естествоиспытателю академику П. С. Палласу и под его руководством до самого отъезда из столицы занимался практикой определения координат, а в середине сентября 1785 года первым из офицеров покинул Петербург. Ему поручалось потребовать от иркутских властей, чтобы предстоящей зимой в одном из колымских острогов — Верхнем или Среднем — был заготовлен двухлетний запас провианта для ста человек, а затем отправиться в Охотск и осмотреть, пригодны ли имеющиеся там суда для плавания по Тихому океану.

Шли непрерывные дожди. Дороги пришли в негодность. Лошади медленно тащили повозку путешественника. Потребовалось более месяца, чтобы добраться до Тобольска, 28 октября он переправился на лодке через Обь, по которой несло множество льда. 10 ноября Сарычев приехал в Иркутск, где встретился с генерал-губернатором Якоби и познакомился с людьми, которым доводилось бывать в Охотске. Они сообщили, что имеющиеся в Охотском порту суда находятся в жалком состоянии. На них рискованно плавать к восточному побережью Камчатки, не то что к Америке или Берингову проливу. Пришлось сочинять представление генерал-губернатору, прося запасти необходимые материалы и снаряжение для постройки новых судов.

В начале декабря Сарычев простился с Иркутском и направился дальше на восток, то реками, то дорогами, которыми впервые прошли русские землепроходцы всего лишь полтора века назад.

Прежде всего Биллингс, Сарычев и их товарищи должны были положить на карту северный берег Чукотского Носа, чего не смог сделать отряд Дмитрия Лаптева. Им же поручалось и решение другой задачи Второй Камчатской экспедиции — поиски Северной «матерой» земли. Правда, академик Миллер, находившийся в свите Беринга, полагал, что великая земля — плод фантазии. Но проходили годы, и из Сибири поступали в Петербург все новые и новые сведения о земле, которую многие считали отдельной частью света.

Особый интерес к ней усилился после путешествия Джеймса Кука и его спутников. Англичане дважды, в 1778 и 1779 годах, пытались пройти на север до Берингова пролива, и дважды их останавливали льды. Большинство участников этой экспедиции, и в их числе Биллингс, верили, что за льдами в Северном океане находится земля.

В Иркутске Сарычеву показывали карту Михаила Татаринова, составленную здесь, в Сибири, в 1779 году. На ней был показан путь Кука к Ледяному мысу на Американском континенте. Но самое интересное заключалось в другом. На этой карте параллельно берегам Евразийского континента тянулись берега неведомой земли.

Между устьями Индигирки и Колымы они были обозначены примерно на 79° с. ш. Затем спускались несколько к югу в районе Святого Носа. На меридиане Новой Земли берега простирались на 83° с. ш., и, миновав на той же параллели Шпицберген, соединялись с северо-восточной частью Гренландии.

Именно эту землю предстояло искать Северо-восточной экспедиции во время плавания из устья реки Колымы в Берингов пролив.

В середине декабря 1785 года Сарычев добрался до берегов Лены. Река давно уже замерзла. Всюду виднелись торосы льда, прикрытые снегом. Среди этого хаоса льдин пролежала дорога. Лошади едва плелись, сани часто ломались. В день невозможно было проехать более чем 30 верст.

Наконец 10 января 1786 года Сарычев добрался до Якутска. В этот день он записал в дневнике: «Якутск, построенный в 1647 году, самый старинный из всех здешних городов. Старая деревянная его крепость с башнями существует еще и ныне. Однако в некоторых местах ее стены уже обвалились. В ней каменное казенное строение и церковь. Все дома обывательские построены на старинный русский вкус. Между ними по разным местам рассеяны якутские юрты. Окошки в домах, за неимением стекол, у некоторых слюдяные, у других бывают пузырные, а зимою вставляются большие льдины, прикрепляемые к косякам снегом, облитым водой, от чего по жесткости здешних морозов так крепко примерзают, что никакая теплота в покоях не в силах их оттопить. Свет

Гавриил Андреевич Сарычев

сквозь льдины бывает такой же, как и сквозь обмерзлые стекла).

В Якутске Сарычев узнал, что здешние обыватели и чиновники в Охотск зимой не ездят. Они предупреждали, что путешественник может бесследно сгнуться среди бескрайних глубоких снегов в краю, где сотни верст не встретишь человека. Все советовали дожидаться весны и плыть на судне по рекам.

Однако Сарычев решил во что бы то ни стало добраться до Охотска по зимнему пути. Трудности и опасности его не пугали. Он сшил себе теплую одежду по местному образцу и, взяв двухмесячный запас провианта, пустился в путь верхом на лошади в сопровождении казака-переводчика и якутов-проводников.

Первые две недели ехали населенными местами. Ночевали в якутских юртах. На почтовых станциях меняли лошадей. Затем пришлось идти через необжитые края. Сначала пробирались по долине реки Хандуга, где леса перемежались болотами. По словам Сарычева, следы дороги давно исчезли, и проводники вели лошадей по им одним приметным местам. Пройдя 160 верст по берегам Хандуги, свернули в занесенную глубокими снегами безлесную долину, лежавшую между гор. Лошади и люди шли вперед с превеликим трудом. «Якуты,— записал Сарычев в дневнике,— место это называют чистым и стараются в один день засветло его переехать, опасаясь, чтоб не застигла выюга: в таком случае может приезжих совсем занести снегом. Сказывают, что много бывало таких примеров, и что здесь погибали от того не только лошади, но и люди».

Смелому путешественнику повезло. Весь день стояла солнечная тихая погода. Все были счастливы, что благополучно миновали это гиблое место.

После долгого перехода по пустынной местности встретили юрту на берегу реки Кюнкуй. Здесь жил бедный якут, который не имел какого-либо скота. Пропитание своей семье он добывал рыбной ловлей и охотой на куронок, которые водились в этих местах в великом множестве. Юрта оказалась очень тесной, так что ночевать пришлось на снегу. Отсюда всего семьдесят верст оставалось до ближайшего селения на Оймяконе.

На следующее утро Сарычев на рассвете поднял своих спутников, чтобы к вечеру добраться до якутского становища и хотя бы одну ночь переночевать в людском жилище. «Наше путешествие,— записал он в своем дневнике,— становилось уже несносно. Каждый день от утра до вечера должно было сидеть на лошади, а ночи проводить в лесу, зарывшись в снегу».

Позади осталось одиннадцать таких ночлегов, когда приходилось спать одетым, не говоря уж о перемене белья. Хотелось хоть немного отдохнуть, побыть в тепле. И вот наконец настал вечер не у костра в лесу, а под защитой юрты, где впервые за много дней удалось высушить задубевшее от морозов и влаги платье. Сарычев надеялся заменить здесь лошадей: те, на которых он выехал от берегов Алдана, за 12 суток необыкновенно исхудали от нехват-

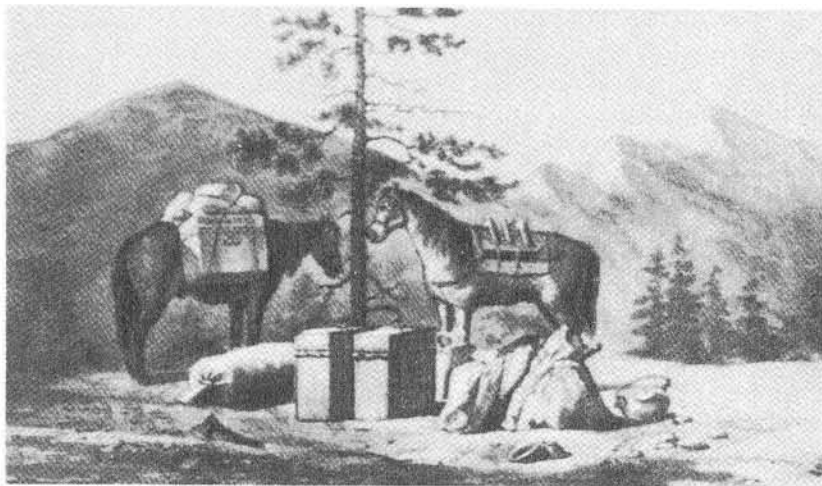
Отдых исследователей в пути

ки корма. Они питались поблекшей сухой травой, которую добывали копытами из-под снега. Порой же и такой травы не удавалось отыскать, и тогда голодные животные продолжали нести людей и их выюки. По словам Сарычева, за 12 дней несчастные едва ли имели столько корму, сколько в иных местах их собратья получают в одни сутки. Однако в селении не оказалось свободных лошадей. Местные жители сообщили, что получить их можно у местного якутского князька, который живет в 40 верстах от здешних мест.

Мысли об отдыхе пришлось оставить. На следующее утро Сарычев снова в пути. В тот же день он достиг второго селения на Оймяконе. Прежде чем удалось встретиться с князьком, местный писарь сообщил путешественнику неприятную весть: ехать на лошадях к Охотску невозможно. Нынешней зимой выпали столь глубокие снега, что казаки, посланные с почтой в Охотск, потеряли всех лошадей, не проехав и половины дороги, и вынуждены были возвращаться на лыжах. Их спасли тунгусы. Двенадцать дней отдыхал Сарычев после перехода через горы и снега. Отдыхал невольно: дальше можно было ехать только на оленях. Но для этого прежде всего потребовалось собрать в горах 25 оленей, на что и ушло 12 суток.

На оленей навьючили небольшие тюки общим весом не более трех пудов. Путешественники устроились на маленьких седлах, которые лежали на передних лопатках и удерживались тонким ремнем. Не было ни стремян, ни подпруг. Вместо узды — ремень, привязанный к шее животного. Стоило только на мгновение потерять равновесие, как седок летел в снег.

Сопровождавшие Сарычева тунгусы везли с собой юрту. В ней

Вьючные лошади

ночевали, укладываясь поближе к костру, наполнявшему дорожное пристанище едким дымом. Через четыре дня, 14 марта 1786 года Сарычев встретился с кочевым лагерем тунгусов. Его обитатели взяли к себе ослабевших за дорогу оленей, а вместо них дали свежих, не изнуренных дальними переходами.

И снова в путь...

На следующий день пересекли Индигирку. Путь по-прежнему лежал через гористую местность. Снега в долинах было куда больше. Порой его глубина достигала четырех метров.

Сарычева живо интересовал образ жизни, занятия и обычаи местных жителей, прирожденных кочевников, почитающих оседлость за великое наказание. «Имение свое, состоящее в платье, юрте и съестных припасах, — писал Сарычев в дневнике, — возят с собою на вьючных оленях, складывая все то в побочни весом не более полутора пуд. Малых детей, кои не могут сидеть верхом, сажают в плетеные корзинки, обтыкая вокруг мохом, к ним привязывают равновесный побочень и таким образом кладут все то на вьючного оленя. Дорогою, чтобы ребенок не плакал, дают ему сосать кусок сырого жира. Взрослые мужчины и женщины ездят верхом, а за собою ведут вьючных оленей.

Богатство тунгусов ценится по числу оленей. У кого их больше, тот богаче и почтеннее. Многие имеют до двух тысяч и пасут их обыкновенно табунами на местах, обильных мхом. Сколько бы, впрочем, у тунгуса не было оленей, однако для себя не убьет он ни одного, разве который падет, повредится или охромеет. Иначе согласится дня три терпеть голод и питаться древесною корою либо старыми заветрелыми костями, которые обыкновенно бережет на нужный случай и возит с собою».

25 марта путешественники, уже пятый день спускавшиеся на восток по льду реки Охоты, добрались до урочища Арки. Здесь пересели на собачьи упряжки, которые стремительно помчали Сарычева к берегам Тихого океана. Через два дня показался Охотск с его деревянной церковью, небольшой крепостью и несколькими складами и домами, которые жались друг к другу на узкой каменной косе.

Сарычев в тот же день представился коменданту и в его сопровождении отправился осматривать суда, зимовавшие в здешнем порту. Их было всего два. Построенные около четверти века назад экспедицией капитана Креницына, они за это время пришли в негодность. Правда, еще три однопалубных судна зимовали на Камчатке, но и те, судя по рассказам местных жителей, не годились для дальнего плавания. Кроме того, было еще одно затруднение: забрать эти ненадежные корабли для нужд экспедиции означало, что жителям Камчатки не на чем будет доставлять припасы, и гарнизоны тамошних крепостей окажутся обреченными на неминуемый голод.

Столь же неутешительное впечатление осталось и от осмотра морского снаряжения и припасов, пролежавших годы в полуразвалившихся сараях. Мало что из этого годилось для вооружения кораблей. А такелаж и все снасти почти полностью сгнили от сырости.

Не было иного выбора, кроме как строить новые суда для экспедиции.

В начале апреля Сарычев с коллежским асессором Кохом и проводниками отправился осматривать леса по реке Охоте. Они прошли более семидесяти верст. Молодой моряк впервые стал на лыжи и едва управлялся с ними. Они непрестанно то цеплялись за кустарник, то наезжали друг на друга. Сарычев часто падал в снег, из которого не мог выбраться без помощи своих спутников. Ноги болели от ушибов и вывихов. Но настойчивый лейтенант продолжал идти вперед, отыскивая участки леса, чтобы употребить его на постройку судов. Первую небольшую делянку выбрали в Чернолесье, всего в 20 верстах от Охотска. Вторая делянка лежала гораздо далее — в 70 верстах. Но зато леса здесь было сколько угодно.

Отправить людей на заготовку леса не удалось. Большинство местных жителей страдали цингой. Они едва передвигались по городу. Пришлось дожидаться времени, когда из моря в реки пойдет свежая рыба, появится зелень, и люди сумеют поправить свое здоровье.

В мае были отправлены первые партии на заготовки леса. Когда в начале июля в Охотск приехал капитан Биллингс, Сарычев мог доложить начальнику экспедиции о том, что порученное ему дело подвигается успешно.

Вскоре Сарычеву пришлось расстаться с Охотском. Передав все дела лейтенанту Роберту Галлу, он по приказанию Биллингса

1 августа со значительной частью экспедиционной команды отправился в Верхнеколымск. В 400 верстах от Охотска сбежал проводник, прихватив с собой оленей. Пришлось идти наугад через горы и болотистые, топкие низины. Лошади и люди выбились из сил. С трудом добрались до места назначения, где о судьбе отряда беспокоился Биллингс, прибывший сюда десятью днями ранее.

Верхнеколымский острог, раскинувшийся на берегу реки Ясашна, поблизости от впадения ее в Колыму, состоял из пяти изб, часовни, трех юрт и нескольких амбаров. Это крохотное селение было обнесено деревянным забором. Биллингс занял одну из изб, Сарычеву пришлось довольствоваться юртой, а нижним чинам вообще «негде было жить». Решено было построить для них казарму. Одновременно возводились пекарня и кузница. Между тем большинство путешественников было занято заготовкой леса. Его рубили по берегам реки Ясашна и сплавляли вниз по течению до Верхнеколымска до тех пор, пока не начались морозы. 27 сентября река замерзла. Через несколько дней лед настолько окреп, что по нему безопасно можно было ездить на лошадях.

В конце ноября состоялась закладка первого судна. Строили его из местного леса и материалов, доставленных из Якутска. Дело первоначально подвигалось очень медленно. Здешние казаки, не весьма сведущие в плотничьем деле, плохо понимали корабельного мастера Тиммермана, не знавшего русского языка и объяснявшегося междометиями и жестами. Пришлось заменить его шкипером Баковым. Работа зашпорилась, и появилась надежда, что весной экспедиция отправится в плавание.

Недели бежали за неделями. Все короче становился день. Крепчали морозы, достигая порою 43°. Ртутные термометры не годились для метеорологических наблюдений. Их заменили спиртовыми.

«Стужа была несносная,— писал Сарычев в дневнике,— захватывало дыхание. Выходящий изо рта пар мгновенно превращался в мельчайшие льдинки, которые от взаимного трения производили шум, подобный небольшому треску.

Солнце тогда действовало весьма слабо и не могло согревать воздуха; ибо показывалось на горизонте только около полудня и то на самое малое время; при том лучи его падали весьма косвенно. Примечательно, что при самых жестоких морозах не бывает здесь никогда ветру и воздух стоит безо всякого движения. Как только начинается ветер, то мороз станет уменьшаться».

В разгаре зимы начала сказываться нехватка свежей пищи. Путешественники допустили большую оплошность: осенью, когда с наступлением первых морозов в реках легко ловилась рыба, они не сделали столь необходимых, как потом выяснилось, запасов на зиму. Солонина всем осточертела. Дело дошло до того, что пришлось откопать и пустить в пищу выброшенные на улицу и занесенные снегом налимыи головы. Пища, приготовленная из них, стала «лучшим кушаньем».

Вместе с нехваткой свежих продуктов появилась цинга. Правда, до смертельных исходов дело не дошло. Но больные среди служителей были вплоть до апреля, когда появились первые перелетные птицы.

В середине мая, после того как вскрылись реки, спустили на воду два судна. Одно из них было названо «Паллас» в честь ученого Петербургской Академии наук, снабдившего экспедицию наставлениями по ученой части. Второе судно нарекли «Ясашной» по названию реки, на берегу которой провела первую зимовку экспедиция. «Палласом» командовал Биллингс. Начальствование над «Ясашной» было поручено Сарычеву. Почти всех людей, знающих морское дело, Биллингс забрал в свой экипаж. Вместе с Сарычевым на борт «Ясашны» вступили три геодезиста, подлекарь, боцман и двенадцать казаков, определенных на должность матросов.

«Итак,— отмечал Сарычев в дневнике,— из всех со мною на судне находившихся, кроме боцманмата, не только никто не бывал в море, но и понятия не имел о нем. С этими неопытными людьми должен я был предпринять самое трудное и самое опаснейшее плавание по Ледовитому морю, где требовалось беспрестанное бдение и всевозможная осторожность».

Сарычеву ничего иного не оставалось, как торопливо обучать своих подчиненных морскому делу. Геодезисты стали штурманами, казаки овладели искусством править рулем. Когда 25 мая 1787 года корабли снялись с якоря, команда «Ясашны» умело и быстро поставила паруса. Правда, особой надобности в них не было: весенние воды несли суда со скоростью миль в час. Скоро вошли в Колыму. Через три дня путешественники увидели церковь и несколько изб, окруженных деревянным забором. То был Среднеколымск. Здесь стояли две недели. Ожидали, когда местные кузнецы и корабельные мастера изготовят якорь для судна «Паллас». Между тем погода стояла прескверная. Дули северные ветры. Ночью бывали заморозки. Часто шли ледяные дожди, порой переходившие в снег.

11 июня плавание возобновилось. Спустя неделю экспедиция сделала остановку в летовье омонских крестьян. Здесь путешественников поджидали капитан Тимофей Иванович Шмалев, сотник Иван Кобелев и ученый-самоучка Николай Иванович Дауркин, переводчик чукотского языка. Эти знатоки северо-востока России прибыли по требованию Биллингса из города Гижиги. Им предстояло сопровождать экспедицию во время плавания «по Ледовитому морю» и в случае встречи с чукчами помочь наладить с ними возможно лучшие отношения. Дауркина и Кобелева взял Биллингс на борт «Палласа». С Сарычевым отправился Тимофей Шмалев, великолепно знавший историю местного края и древнейшие предания о плаваниях по Ледовитому морю и землям, которые находились к северу от берегов Сибири.

18 июня «Паллас» и «Ясашна» достигли Нижнеколымска, зна-

чительного по тем временам поселения — 33 дома, деревянная крепость и церковь. Здесь «Паллас» простоял четыре дня, «Ясашна» — семь суток. Чинили и подправляли суда и пополняли запасы провизии сушеным и соленым мясом. Его по просьбе путешественников заготовили юкагиры, проживавшие на берегах Омлона и Анюя.

Сарычев стремился возможно лучше подготовить свое судно к предстоящему плаванию среди льдов в океане, студеное дыхание которого нередко доносили северные ветры. Пока стояли в Нижнеколымске, погода была тихой, теплой и солнечной, досаждали лишь комары.

21 июня Сарычев приказал выбирать якорь. «Ясашна» оделась парусами и неторопливо заскользила к северу по тихой воде. Вдали виднелись берега Колымы, поросшие редкими кустами ивняка. Затем на смену ивняку пришли трава и мох. Через два дня среди тундры заметили одинокую избу. То было зимовье купца Никиты Шалаурова, который в 1762 году пытался пройти на судне из Лены в Восточный океан, но вблизи устья Колымы был остановлен льдами и зазимовал. Спустя два года Шалауров повторил попытку. Он вышел в море на восток, и там навсегда потерялся его след.

На том же берегу у самого моря на фоне светло-голубого неба виднелся темный силуэт маяка, поставленного более полувека назад Дмитрием Лаптевым. Теперь тем же путем предстояло идти Сарычеву и его товарищам.

«Паллас» дождался «Ясашны» у Лаптевского маяка. Экспедиция собралась в полном составе. Всего лишь несколько миль отделяло путешественников от океана.

Сильный юго-западный ветер развел в устье Колымы большую волну. Неожиданно на судне обнаружилась течь. Оказалось, что выше ватерлинии в одном из пазов выбилась пенька. Это место пришлось замазать салом и обить свинцом.

Около полуночи 24 июня корабли вышли в Ледовитое море. Вскоре спустился туман. Пришлось бросить якорь и простоять несколько часов в бездействии. Утром легли курсом на восток. Справа виднелся утесистый, гористый берег. Слева до горизонта простиралась вода. Поставили все паруса. Но вскоре пришлось их убирать: в середине дня 25 июня впереди обозначились большие ледяные поля. Сначала решили, что они стоят на мелких местах. Но чем дальше суда уходили на восток, тем ближе к ним приближались эти поля. Было замечено, что под влиянием ветра и течений они движутся от северо-запада к юго-востоку. С каждым часом льдов становилось все больше. Корабли с трудом пробирались меж льдами. Чтобы спастись от их напора, пришлось приблизиться к берегу и укрыться в устье небольшой речки. Это было тем прискорбнее, что случилось всего лишь в 20 милях к востоку от Колымы. Снова спустился густой туман. Не стало видно ни льдов, ни каменных утесов, ни похожих на застывшие волны увалов на берегу. Вдали над ними возвышался Большой Баранов

Камень, тот самый, возле которого были остановлены льдами почти все далекие и близкие их предшественники. Счастье улыбнулось только Федоту Алексееву и Семену Дежневу...

Трое суток простояли «Паллас» и «Ясашна» в небольшой бухте, каменные берега которой надежно защищали суда от льдов, гонимых течением и ветром.

Путешественники высадились на берег. Земля была покрыта местами травой, местами мхом. Кое-где пестрели цветы, виднелись заросли ивняка и стелющейся березы. На вершинах гор и в долинах под утесами белели пятна оледенелого снега. Сияло солнце.

Сарычев определил по солнцу широту места стоянки. Результаты были неожиданные. Проверили еще раз. Ошибки не было. Все вычисления оказались сходными. Стало очевидным, что «Берег Ледовитого моря» положен далее к северу почти на два градуса.

28 июня ветер переменялся. Льды стали заполнять бухту, укрывавшую корабли. «Почему,— писал Сарычев,— принуждены были сняться с якоря и пробираться с великою опасностью назад подле самого утеса, к которому едва нас льдом не прижало».

Отступив на восемь миль по направлению к Колыме, нашли убежище «противу разлога гор, вблизи небольшой речки». День проходил за днем. Ветер стих и не доставлял беспокойства судам. Установили футштоки для вычисления приливов и отливов. Но сколько ни наблюдали, заметного колебания уровня моря так и не обнаружили. Почему же в Ледовитом море вблизи Колымы отсутствовали приливы и отливы? Этот вопрос занимал Сарычева, но он не мог найти ему удовлетворительного объяснения. Не менее удивило его еще одно обстоятельство. Однажды налетел неистовый ветер от юго-запада. Моряки надеялись, что он отгонит далеко от берега державшие их в плену льды. Ветер бушевал день, другой, а льды лишь отошли на несколько сот саженей от берега и остановились на виду у всех. Казалось, отступать к северу им мешает какое-то препятствие.

Когда Сарычев поделился своими мыслями с капитаном Шмалевым, тот рассказал ему, что во время встреч с чукчами он слышал от них о матерой земле, расположенной к северу от Шелагского мыса. Она здесь подходит близко к берегам Азии, и до нее зимнею порой добраться на оленях по льду можно всего за одни сутки. Эти сведения подтверждали прежние предания и совсем недавние донесения сибирских властей.

1 июля «Паллас» и «Ясашна» покинули свое убежище и направились на север. Биллингс и Сарычев решили предпринять поиски земли, которая якобы находится к северу от Медвежьих островов. Так, по крайней мере, сообщал бывший иркутский губернатор Чичерин. К его донесению была приложена карта. На ней изображался южный берег, протянувшийся через Ледовитое море от «кряжа Северной Америки» до меридиана Колымы. Не-

сколько позже, в 1764 году, эту землю с берега последнего Медвежьего острова в «великой отдаленности» видел сержант Степан Андреев.

С тех пор на протяжении почти четверти века о той «Земле» или «великом острове» в Петербург не поступало каких-либо сведений. Адмиралтейств-коллегия, снаряжая секретную экспедицию на северо-восток Сибири, признала весьма полезным разведать, является эта земля островом или представляет собою твердь, протянувшуюся от Америки. Интересовал русское правительство и вопрос о том, обитаема ли эта земля и насколько многочисленна.

Чем больше наблюдал Сарычев за здешним морем, дрейфом льдов, приливами и отливами, особенностью погодных условий, тем все больше и больше склонялся к выводу: на Севере действительно существует исполинская земля. Он надеялся, что вместе с Биллингсом достигнет ее берегов. Но уже первые часы плавания к северу сложились для него неудачно. Его меньшая по размерам «Ясашна» не успевала за «Палласом», который имел лучший ход и вскоре скрылся в тумане. С трудом пробирались между льдин, порой дрейфовали вместе с ними, но как только появлялись прогалыны чистой воды, устремлялись на север.

Два дня шли при плохой видимости. Иногда туман настолько сгушался, что даже «в двух саженях ничего различить было нельзя». Ориентировались по глубинам. Они сначала возрастали, затем стали уменьшаться. В конце концов Сарычев, считая, что находится вблизи Медвежьих островов и не может увидеть их из-за густого тумана, приказал стать на якорь. Зарядили пушку и выстрелили, чтобы дать знать морякам «Палласа» о своем местонахождении. Чутко прислушивалась команда, надеясь различить ответный выстрел. Но ни один звук не нарушил глубокой тишины полярного моря.

Томительно тянулись часы вынужденной остановки. Наконец горизонт на юге просветлел. Вдали обозначились горные увалы сибирского берега, вблизи которого они плавали в течение последних двух недель. На севере по-прежнему держался плотный туман. Ничего не было видно.

Сарычев был удручен вынужденным бездействием и решил в одиночестве возобновить плавание по направлению к «великому острову». Горизонт постепенно очищался. Путешественники надеялись встретить к северу чистую воду, но вскоре различили огромные ледяные поля. Они занимали все видимое пространство. Не было им ни конца, ни края. Ветер свежел. Издали доносился скрежет льдов, о которые с грохотом разбивались набегавшие волны. Пути на север, к берегам загадочной земли, которая впоследствии станет известна под именем земли Андреева, не было. Решили возвращаться к устью Колымы.

Утром 4 июля «Ясашна» встретилась с «Палласом». Биллингсу, как и Сарычеву, не удалось даже увидеть Медвежьих островов.

На следующий день повторили попытку пройти Северным мо-

рем в Восточный океан. Шли поблизости от берега по каналу чистой воды. Ширина его не превышала двух верст. Мористее виднелся лед. И пока никто не мог сказать — отступает ли он к северу или, напротив, движется к материку. Ветер наполнял паруса и неторопливо гнал суда к востоку.

«Уже прошли двенадцать верст, — писал Сарычев, — как вдруг накрыл нас густой туман. Впереди и в левой стороне слышен стал великий шум от льдов. Скоро они нас совсем окружили. В какую сторону мы ни поворачивали, везде были льды, и опасность казалась неизбежной. Грозоздающиеся льдины непременно раздавили бы судно, если бы в это самое время ветер не подул с другой стороны». С трудом Сарычев вывел «Ясашну» из льдов и укрыл ее в небольшой гавани поблизости от берега. Однако опасность еще не миновала. Туман плотно окутывал окрестности, и моряки не могли видеть множества мелкого льда в той бухте, где они укрылись. Ветер вскоре стал гнать его в море. Пришлось всей командой отталкивать льдины шестью.

Затем погода улучшилась. И тут Сарычев увидел «Паллас», который шел под парусами. «Ясашна» покинула свое убежище. Оба судна одновременно подошли к окрестностям Баранова Камня, где встретили густой непроходимый лед. По команде Биллингса повернули к берегу и, выбрав место, где можно было укрыться от льдов, бросили якорь. Спустя некоторое время Биллингс и Сарычев отправились на Баранов Камень. Они хотели с его высоты взглянуть на положение льдов в море.

Сначала плыли на шлюпке, потом шли пешком через сопки. Часто встречались олени. Попадались бесчисленные стада гусей, которые столь обилием, что не могли летать. Всюду — и на пригорках, и в долинах — пестрели полярные маки и, склоняя под порывами ветра свои желтые и красные колокольца, о чем-то загадочно шептались. Может быть, о тщетности усилий людей, упрямо и неразумно надевавшихся увидеть чистое море, а в нем иные берега и иные земли?..

Когда офицеры поднялись на вершину, то убедились, что в ледяном покрове моря нет ни одной полыньи. Сарычев долго любовался очертаниями берегов, простиравшихся на восток. Поблизости от Баранова Камня они были ровны и не слишком высоки. Лишь далеко-далеко, у самого горизонта выделялась вдававшаяся в море гора. Вероятно, это был мыс Песчаный: как назвал его Никита Шалауров. А далее, по-видимому, находилась Чаунская губа, откуда этот мореход возвратился в устье Колымы и там зазимовал.

Когда возвращались назад, Сарычев на западной стороне Баранова Камня увидел старый деревянный крест. Он лежал на земле и почти совсем сгнил. Вероятно, на нем была надпись, но время не пощадило ее. «Судя по ветхости креста, — писал Сарычев, — можно предполагать, что он поставлен во время плавания на коках, около 1640 году. Другой столь же древний крест видел я на

Омолонском летовье: тот совсем еще цел, и надпись можно было разобрать: поставлен в 1718 году».

В тот же день Биллингс и Сарычев благополучно возвратились на свои суда. Трое суток они оставались на месте в ожидании, что подует благоприятный им юго-западный ветер и откроет путь на восток. Но тщетны были надежды: им пришлось еще раз отступить к устью Колымы и отстаиваться в безопасной гавани почти две недели.

17 июля предприняли третью попытку проникнуть к востоку. Льдов поблизости не было видно. Но Сарычев не обольщался: державшийся над горизонтом туман служил верным признаком того, что море там забито множеством льдин. На следующий день миновали Баранов Камень и направились на северо-восток, выбирая путь среди огромных глыб льда. Некоторые из них сидели на дне на глубине 17 сажень и возвышались над водой до четырех метров.

С каждой милей льды становились все гуще. Настал час, и они стали неодолимой стеной. Это случилось в 12 милях к северо-востоку от Баранова Камня. Пришлось снова отступить назад. Напор льдов был столь жесток, что суда едва избежали гибели.

Утром 21 июля Биллингс созвал офицеров экспедиции на совет. Обсуждали вопрос о дальнейших действиях. Все были единодушны в том, что плавание далее к востоку невозможно из-за множества льдов, и считали благоразумным прекратить дальнейшие попытки отыскания Северного морского пути в Тихий океан. «Наступающее осеннее время, — отмечал в дневнике Сарычев, — кроме опасностей от жестоких ветров, ничего не обещало. Счастливы мы еще, что во все наше плавание не было ни одного крепкого северного ветра. В таком случае суда наши неминуемо бы разбило о льдины или каменные утесы; ибо укрытия никакого нет по всему берегу».

22 июля Сарычев высадился на западном берегу Баранова Камня. Осматривая удивительно живописную долину, он нашел обвалившиеся земляные юрты. Когда был снят слой земли, то обнаружили кости животных, остатки глиняной посуды и три каменных ножа. То были первые в Арктике археологические находки, которые и поныне вызывают восхищение ученых. Здесь путешественники поставили памятный знак о своем пребывании. На огромном деревянном кресте они вырезали год, месяц и число пребывания экспедиции на берегах Арктики.

Между тем на море разыгрался шторм. Из-за встречного ветра суда четверо суток не могли покинуть свое укрытие. Эту вынужденную остановку Сарычев использовал для наблюдений за течениями, приливами и дрейфом льдов.

«Течение через сутки, а иногда и через двое переменялось с той и с другой стороны вдоль берега, — писал Сарычев, — вода временами возвышалась, только не более, как на половину фута, и то без всякого порядка. Это дает повод заключить, что сие море не из обширных; что к северу должно быть не в дальнем расстоя-

нии матерой земли и что оно, по-видимому, соединяется с Северным океаном посредством узкого пролива; и потому здесь не исполняется общий закон натуры, коему подвержены все большие моря.

Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с необычайной жестокостью двое суток. Силою его, конечно бы, должно унести лед далеко к северу, есть ли б что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы все море, покрытое льдом».

Это мнение подтверждалось также древними преданиями и собранными капитаном Шмалевым сведениями от чукчей. С этого дня и до конца своей долгой жизни Гавриил Андреевич верил в существование «матерой земли». По его планам отправлялись одна за другой экспедиции. Одни из них опровергали его представления, другие доставляли новые свидетельства в пользу ее существования. Так он и не узнал окончательно: легенда это или реальность. Окончательное решение эта проблема получила лишь спустя почти полтора века после окончания плавания Сарычева — Биллингса по Ледовитому морю. Но об этом речь еще впереди. Вернемся к делам Северо-восточной экспедиции 1787 года.

Итак, по общему согласию было решено прекратить попытки пройти из Колымы в Восточный океан. 31 июля закончилось «сколь трудное, столь и опасное» плавание судов «Паллас» и «Ясашна».

Эта попытка повторить плавание Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы в Восточный океан пришлось на заключительные десятилетия эпохи похолодания климата в Северном полушарии, нередко именуемого малым ледниковым периодом.

Волна похолодания в Арктике распространилась с запада на восток. Во всяком случае, в конце XVI — начале XVII века ледовые условия в русских арктических морях были более благоприятными, чем в районе Гренландии и Канадского арктического архипелага, что и было одной из причин сосредоточения усилий мореплавателей на отыскания Северо-Восточного прохода.

Русские исторические источники дают возможность в общих чертах восстановить климатические условия в арктических морях во второй половине XVI — первой половине XVII века. Имеющиеся сведения о систематических походах русских мореходов на Обь и Енисей в XVI веке и необычайное развитие в эту пору морских промыслов, в которых участвовали тысячи судов, дают основание предположить, что в конце XV — первой половине XVII века в Арктике наблюдались благоприятные гидрометеорологические условия.

Мореплавание в морях Ледовитого океана вплоть до Енисея в XVI и XVII веках достигло небывалого размаха. Русское правительство сперва взимало солидные пошлины с поморов за плавание западным участком Северного морского пути, а затем под

страхом смертной казни запретило пользование арктической морской дорогой, опасаясь, что по ней к пушным богатствам Западной Сибири проникнут иностранцы. Но еще до того, как этот указ вступил в действие, русские мореходы в первой четверти XVII века обогнули северную оконечность Азии — Таймырский полуостров. Во второй четверти XVII века русские суда достигли Хатанги, Лены, Индигирки, Колымы. В документах, относящихся к этим плаваниям, почти не упоминается о встрече со льдами. Первый раз серьезной преградой на пути поморов они стали в 1647 году во время попытки пройти на восток от Колымы. Но уже в следующую навигацию суда Федота Алексеева и Семена Дежнева без каких-либо серьезных осложнений обогнули Чукотский полуостров, прошли Беринговым проливом и тем самым завершили открытие Северо-Восточного прохода от берегов Мурмана до Тихого океана.

Со второй половины XVII века начинается увеличение ледовитости в арктических морях. Отправленная из Архангельска в 1652 году в Арктику правительственная экспедиция встречает льды в районе Канина Носа. Из-за льдов ей не удается приблизиться к южным берегам Новой Земли, хотя несколько десятилетий назад и промышленники, и иностранные путешественники проходили здесь беспрепятственно.

Анализ наблюдений арктических экспедиций со второй половины XVII до середины XIX века позволяет говорить о том, что в рассматриваемое время в Арктике наблюдалось похолодание, которое и привело к ухудшению условий плавания в полярных морях. Этим, прежде всего, и можно объяснить то обстоятельство, что участникам Второй Камчатской экспедиции, а за ними Шалаурову, Биллингсу и Сарычеву не удалось пройти отдельными участками Северный морской путь в отличие от русских промышленников первой половины XVII столетия, почти не встречавших неодолимых ледяных барьеров.

Сарычев и Биллингс не подозревали о том, что Адмиралтейств-коллегия будет неудовлетворена результатами их плавания. В Петербурге особенно были обеспокоены тем, что в ходе экспедиции не было предпринято попытки описать по сухопутью северный берег между Барановым Камнем и Восточным океаном. Особый гнев вызвало пренебрежительное отношение Биллингса к поискам «матерой земли, виденной в 1764 году». Экспедиция не только не предприняла «никакого разведания», но и даже в рапорте Биллингса не упоминалось об этом поручении. И, наконец, Адмиралтейств-коллегия была возмущена тем, что на присланной Биллингсом в Петербург карте не были даже означены Медвежьих острова.

Этот разнос петербургского начальства не застал никого из членов экспедиции на Колыме. Но он настиг Биллингса в Охотске и хорошо запомнился ему. Стремясь сгладить неприятное впечатление от скромных результатов плавания в Северном Ледо-

витом море, он впоследствии предпримет сухопутное путешествие по чукотской земле.

Между тем 5 августа 1787 года Сарычев закончил разоружение «Палласа» и «Ясашны» и спустя несколько дней отбыл в Средне-колымск, где встретился с Биллингсом. Как только замерзли реки и болота, экспедиция отправилась в Якутск. Снова были переходы через горные хребты, заснеженные долины, речные наледи. Снова недоедание, цинга, жестокие морозы и пронзительные ветры. Один из немолодых членов экспедиции дошел до отчаяния от лютости стужи, и Сарычев, нисходя к страданиям измученного дорогой моряка, оставил его на попечение жителей повстречавшегося на пути селения. На каждом путешественнике было надето по три оленьих кухлянки, но и они не спасали от холода. На лошади нельзя было усидеть более получаса. То и дело приходилось оставлять седло и идти пешком, чтобы хоть немного согреться. «Лица наши,— писал Сарычев,— так изуродовало морозом, что почти не оставалось места, где бы не видно было действий его лютости... Чтобы совсем не отмерзли у нас щеки и носы, мы сделали из байки личины. Они хотя и леденели от дыхания и были не очень приятны для лица, однако много помогали нам».

Ночевали под открытым небом. При этом старались отыскать места, закрытые от ветров, и где, кроме того, можно было найти корм для лошадей и сухие дрова. Огонь, на котором готовили пищу, не мог отогреть путешественников. Спали в вырытой в снегу яме, закутавшись в одеяла и шкуры. Сарычев был очень доволен тем, что во время этого тяжелого пути никто из его спутников не захворал. В таком бедственном положении, по его словам, не приходилось рассчитывать на чью-либо помощь. Кругом были только снега и горы, по обледенелым склонам которых порой доводилось спускаться ползком. Потом начались леса, сначала лиственные, а затем сосновые. Тихо и задумчиво шумел бор по сторонам тропинки. Он был бесконечен, как море. Только изредка однообразный ропот деревьев на мгновение нарушался криком птицы или зверя. А затем снова почти осязаемая тишина окружала путников.

Наконец встретились якутские юрты, и путешественники смогли провести ночь под гостеприимным кровом местных жителей в соседстве с находившимся там домашним скотом. В другое время они не согласились бы пробыть здесь и минуты. Но Сарычев был счастлив уже от одной мысли, что после многих холодных ночлегов над ним и его спутниками не открытое небо, а крыша теплого человеческого жилья.

24 ноября 1787 года прибыли в Якутск. Зимой пришлось заниматься строительством лодок на Усть-Майской пристани. Жильем служили дома, построенные экспедицией Витуса Беринга. Здесь Гаврила Андреевич встретил весну 1788 года и все лето руководил перевозкой экспедиционных грузов в Охотск.

Зимой 1788 года строились суда для плавания в Восточном океане. Весной Сарычев получил от Биллингса приказание опи-

сать морской берег от реки Охоты на юго-запад до реки Улькана и 31 мая 1789 года в сопровождении десяти служителей вышел в море на деревянной байдаре, построенной по его собственным чертежам. День за днем плыли на юго-запад, редко имея возможность пристать к берегу. Бушевали штормы, шел дождь, нередко переходящий в снег. Потом попали в сулой (водоворот). Два встречных течения своими волнами едва не затопили суденышко. Чтобы избежать гибели, пришлось выброситься на берег и двое суток сушить подмокшую провизию и влажное платье.

За пять недель Сарычев описал значительную часть берегов Охотского моря и исследовал по собственному почину Алдомский залив и реку Алдому.

В Охотск благополучно возвратились 7 июля. В гавани стояло на якоре судно «Слава России». На нем экспедиция в сентябре отправилась к берегам Камчатки. По пути в Петропавловск открыли неизвестный каменный остров, который был очень опасен для судов. Его называли по святцам именем святого Ионы. Проливом между четвертым и пятым Курильскими островами вышли из Охотского моря в Тихий океан.

«Солнце, — писал Сарычев, — непрерывно светило до самого вечера и согревало нас, как бы среди лета. После продолжительных холодных погод казалось, что мы вдруг перешли из холодного климата в теплый... Теплота воздуха, приятный вид берегов и тишина моря, гладкого подобно стеклу, привлекали общее внимание. Это был для нас праздник, который с удовольствием проводили мы все на верхней палубе. Между тем в худую погоду никто, кроме вахтенных, не выходил из кают».

5 октября Сарычев ступил на землю Петропавловской гавани, где в 1740 году капитан-командор Витус Беринг заложил город. Еще совершенно крепкими выглядели его первые строения. Правда, за это время к казенным зданиям добавилось еще более 300 домов, живописно раскинувшихся по склонам.

Вскоре путешественники посетили могилы двух путешественников: академика-астронома Людвиг Делякгроера, участвовавшего в 1741 году в плавании к берегам Америки вместе с Алексеем Чириковым, и капитана Кларка, который после гибели Джеймса Кука принял начальствование над его третьей экспедицией, но не намного пережил великого мореплавателя. Он умер в 1779 году, когда английские суда, пытавшиеся пройти из Берингова пролива в Атлантику, возвращались из Арктики на юг. Именно в этом плавании участвовал в чине мичмана Иосиф Биллингс, которому теперь русское правительство доверило руководство секретной Северо-восточной экспедицией. Фигура Биллингса представляется весьма противоречивой. Во всяком случае, в ряде высказываний знавших его людей звучат определенно отрицательные мотивы.

В частности, об этом говорят заметки декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля. Он ребенком видел путешественников, когда те зимовали в Петропавловской гавани. «С прибытием экс-

педиции в Камчатку, — писал Штейнгель, — началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, зверские представления и пр. Денег они убивали пропасть, а пользы на грош не делали». По свидетельству Штейнгеля, особенно усердствовал Биллингс. Он даже признавался в любви к его матери, которая, однако, отвергла домогательства англичанина. «Мне этот Биллингс, — писал Штейнгель, — особенно как-то гнусен. Я и маленький смотрел на него с отвращением».

Биллингсу, в котором будущий декабрист видел, прежде всего, наемника, думавшего только о своей выгоде, он противопоставлял Сарычева, как человека высоких нравственных качеств, на долю которого и выпали основные научные достижения экспедиции: «Должен сказать и то еще, — отмечал Штейнгель, — что при всех вакханальных пиршествах Биллингса никто столько не отличался кротостью и благонаравием, как нынешний вице-адмирал Гавриил Андреевич Сарычев и, если б не он, то экспедиция сия столько же бы принесла славы и пользы России, сколько Каллигулин известный поход против Британии славен был для Рима».

Приговор Биллингсу категорический и, надо сказать, не совсем справедливый. К нему еще придется возвращаться. Но это не снижает важности мнения видного деятеля декабристского движения о Г. А. Сарычеве. Выдающаяся его роль в Северо-восточной экспедиции отмечалась многими замечательными представителями русского флота. Среди них были и современники, которых невозможно заподозрить в пристрастии к преувеличению заслуг Сарычева.

В декабре 1789 года Сарычев вместе с Христианом Берингом ездил на собаках в Большерецкий острог. Дорогой посетили горячие ключи. В камчадалских селениях их ласково принимали и усердно угощали рыбой, куропатками, ягодами и кореньями здешних трав, которые добывали в норах леммингов.

«Для собирания сих кореньев, — писал Сарычев, — ходят нарочно осенью по полям, стучат чем-нибудь в землю. Где по звуку услышат пустоту, в том месте роют и находят продовольственные склады этих животных. Запасу всего не берут, а оставляют на пропитание мышам третью часть. Делают, вероятно, для того, чтобы не отогнать от себя сих полезных для жителей тварей».

Сарычев восхищался гостеприимством, искренностью, миролюбием и доброжелательностью камчадалов, которым посвятил многие страницы своего «Путешествия». Он описал обычаи, верования и занятия местных жителей. Много места в его дневнике отведено и картинам природы Камчатки. Особенно подробно рассказано там о землетрясении и извержении вулкана — Ключевской сопки — в январе 1790 года. Сначала из кратера вулкана взметнулось пламя. Потом по склонам полилась лава, в воздухе засвистели камни и появилась туча черного пепла, который покрыл толстым слоем близлежащие места.

В конце зимы у многих путешественников появились признаки

цинги. Но как только стала ловиться свежая рыба и зазеленела черемша, люди начали поправляться. Подготовка судна к предстоящему плаванию возобновилась.

Между тем его командир занимался съемкой Авачинской губы, ее заливов и устьев рек. Сарычев сожалел, что удивительно удобная гавань, в которой мог бы разместиться многочисленный флот, находится в столь отдаленном краю России.

«Но может статься, — писал он в дневнике, — со временем будет она важнейшей и необходимейшей пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Японией и прочими Ост-Индскими селениями, и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова в Америку, так и для торгу в Ост-Индию: ибо на здешних морях по всем берегам, принадлежащим России, нет удобнее и безопаснее места для пристани судам...»

К исходу апреля судно было готово. 1 мая на его борт перебралась вся команда. Спустя девять дней вышли из Авачинской губы. Путь лежал к Русской Америке. Шли по южную сторону Алеутской гряды. Почти все время держался туман, вероятно, такой же густой, как и во время плавания Беринга и Чирикова, открывших эти земли летом и осенью 1741 года. Изредка прорывалось солнце, и тогда можно было видеть далекие очертания островов Андреяновских, Крысыных, Шумагинских.

Едва прибыли на Уналашку, тогдашнюю «столицу» русских поселений в Америке, как Биллингс поручил Сарычеву описать Бобровую губу. С борта «Славы России» утром 4 июня спустили большую кожаную байдару вместе с недельным запасом провизии. Сначала плыли вблизи Спиркина острова. Всюду виднелись подводные земли, покрытые красно-белыми кораллами. При отливе на берегу нашли множество раковин, а в них «мелкий незрелый жемчуг». Когда высаживались на твердую землю, волна изрядно била байдару. Пришлось следующее утро посвятить ее починке.

Изо дня в день Сарычев измерял глубины, искал подводные скалы, осматривал берега, поднимался на окрестные горы по лесам, мхам и каменным россыпям, видел удивительно красивые водопады, низвергавшиеся с утесов. В алеутских селениях заглядывал в юрты, сделанные из выброшенного морем леса и присыпанные сверху землею, любовался, как искусно алеутки плетут ковры из травы и вышивают узоры на одежде. «Делают это они с таким мастерством, — отмечал он в дневнике, — что ни одна европейская золотошвейка не в состоянии сравниться с ними». И далее: «Вышивают на коже довольно твердой, выделанной из перепонки горла птиц. Вместо ниток им служит козья длинная шерсть. Ею пришивают к коже волосы из лошадиного хвоста, переплетая их белой оленьей шерстью и разноцветными шелками, отчего их шитье походит на самый мелкий низанный бисер. Подобными узо-

рами вышивают они праздничные мужские парки, шапочки, пояса и зарукавья, употребляемые только во время пляски». Со страниц дневника Сарычева веет глубоким уважением к алеутам, их мужественному опасному труду, их быту, понятиям, верованиям.

С каждым днем заполнялись зарисовками берегов все новые и новые листы. На бумагу ложились точные пеленги мысов, заливов, устьев рек, якорных стоянок.

8 июня Сарычев положил на карту Капитанскую гавань. В ее вершине он нашел упавший на землю полусгнивший крест с надписью: прочесть ее удалось с трудом. Она гласила: «С 1768 на 1769 год зимовал здесь с судном капитан-лейтенант Левашов». Тот самый Левашов, который участвовал в экспедиции Креницына, двенадцать лет назад положившей начало систематической съемке Алеутских островов.

10 июня опись Бобровой губы была закончена. Сарычев возвратился на судно «Слава России», готовое вступить под паруса. Но шторм задержал на Уналашке путешественников. Плавание возобновилось только через неделю. Экспедиция приступила к детальному исследованию Алеутской гряды и других островов в северной части Тихого океана.

Сарычев по-прежнему вел дневник и вносил туда все достойные внимания сведения: о китах, о птицах-глупышах, о вулкане на северо-западном берегу Америки, который бездействовал много десятилетий, а затем вдруг взорвался. Верхняя часть его обрушилась. Вулкан и сейчас дышал пламенем и дымом.

Особенно удивило Сарычева, что у Шумагинских островов, хотя «Слава России» шла с большой скоростью, ее догнали несколько алеутских байдарок. На них прибыл со своей свитой русский промышленник. Он сообщил, что приехал сюда из селения, основанного на острове Кадьяк, где вместе с 300 алеутами занимается охотой на морских котиков и птиц.

Селение Сарычев увидел на следующий день. Оно состояло из двух изб, амбара и нескольких землянок. Эти места, впервые исследованные Берингом, уже более четверти века посещались купцами, промышленниками, мореходами.

У путешественников пришли в негодность запасы воды. Надо было вымыть бочки и заново заполнить их. Пока велась эта трудная и долгая работа, Сарычев описал безлесные гористые берега залива Ляхик, определил широту и долготу Кадьяка. Затем с 16 матросами, натуралистом и переводчиком он исследовал Шугачскую губу. Его отряд подвергся нападению местных жителей. Получив в подарок немного бисеру, они захотели завладеть всеми остальными «сокровищами» путешественников. Украсть не удалось: часовые бдительно охраняли имущество — не столько, разумеется, бисер, сколько оружие и припасы. Тогда туземцы решили перебить весь отряд с его командиром. Они даже пытались вступить в сговор с переводчиком, обещая ему часть добычи. Но Сарычев и его спутники были все время начеку. Чтобы осуществить

свой замысел, индейцы сперва пытались затеять ссору, но матросы не ввязались в нее. Сарычев, увидев неладное, приказал стрелять... по чайкам. Это охладило пыл зачинщиков. О заговоре Сарычев узнал позже, от переводчиков, уже по возвращении на судно. «Эти американцы были молодые люди, — записал он в своем дневнике, — между ними не было ни пожилых, ни стариков, и надобно думать, что заговор сей сделали против нас самые предприимчивые из них и дерзкие, по которым не должно заключать, что таковы и все здешние жители». Сарычев был прав: в дальнейшем ему довелось встречать многих индейцев, которые держались дружелюбно и не замыслили ничего дурного против путешественников.

27 июля опись Шугачской губы была завершена.

Экипаж «Славы России» еще продолжал пополнять припасы — пресную воду, дрова. Матросы рубили в лесу деревья на запасные реи и стены, ловили неводом горбушу. Спустя три дня все приготовления к дальнейшему плаванию завершились.

30 июля вышли в море и продолжали исследования островов и материкового берега Америки. Утром 3 августа приблизились к земле, покрытой горными хребтами, над которыми величаво возвышалась вершина, покрытая вечным снегом. То был мыс Святого Ильи, который также впервые увидел Витус Беринг со своими отважными сподвижниками. С тех пор прошло почти полвека...

Вызов в каюту Биллингса прервал размышления о не столь уж давнем прошлом. Руководитель экспедиции созывал на совет своих офицеров. Предстояло обдумать, как поступить дальше. Запасов провизии оставалось немного. Было решено сворачивать исследовательские работы и возвращаться в Петропавловск, от которого их отделяло около двух месяцев пути. Биллингс приказал беречь воду и сократить в два раза выдачу сухарей.

Судно продвигалось на запад медленно. Мешали сильные встречные ветры. Когда 21 сентября проглянуло солнце и моряки смогли определить свое положение, то выяснилось, что они прошли за 52 дня не многим более половины расстояния между Америкой и Камчаткой. Воды оставалось лишь 20 бочек. И офицерам и матросам выдавали по кружке в день. Чтобы не возбуждать в людях жажду, вместо соленого мяса стали варить горох. Но это мало помогало. Вскоре более чем скромную порцию питья пришлось урезать. Многие невыносимо мучились от жажды и, чтобы как-то облегчить страдания, держали во рту свинцовые пули. Дождю радовались как великому подарку, влагу собирали всеми возможными способами. Все внимательно следили за переменами ветра. Всеобщий восторг охватывал матросов и офицеров, когда ветер был попутным. В сердцах пробуждалась надежда на скорое прибытие в Петропавловскую гавань. Считали оставшееся расстояние, измеряли ход судна и называли день и час, в который увидят горы желанной Камчатки. Но стоило наступить штилю или ветру перемениться на встречный, как надежда сменялась отчаянием, а недавние оптимистические расчеты рушились бесследно. В такие

минуты весь экипаж охватывало молчание. Офицеры поодиночке удалялись в свои каюты, чтобы остаться наедине со своими невеселыми мыслями. И вот, наконец, обозначились очертания Шипунского мыса и Авачинской сопки. Вечером 13 октября судно «Слава России» отдало швартовы в Петропавловской гавани.

«Нельзя описать той радости, каковую чувствовали мы, достигнув пристанища и окончив благополучно плавание наше, — писал Сарычев. — Вода у нас почти вышла. Если бы противные ветры продержали нас еще сутки или двое в море, тогда бы мы были в самом бедственном положении. Удивительно, что употребляя столь малое количество воды и то протухлой, все мы были здоровы и не чувствовали от того худых последствий. Когда привезли нам с берегу свежую воду, все бросились утолять свою жажду. И нам казалось, что мы во всю нашу жизнь не пивали вкуснее сего напитка».

В Петропавловске их ждала еще одна радость. В гавани стояло судно, которое привезло из Охотска продовольственные припасы для экспедиции.

Началась новая зимовка. Вскоре забылись пережитые во время плавания лишения. Наступило утомительное единообразие. Перспектива прожить треть года в праздности и скуке угнетала. Сарычев искал занятий. В конце декабря вместе с Христианом Берингом он поехал в Большерецк. Здесь офицеры пробыли две недели. Когда возвращались через горы, стояла небывалая стужа. Промерзли основательно. Каково же было их удивление, когда проехав около ста верст, они добрались до Петропавловской гавани и попали в дождь. Здесь была самая настоящая оттепель. Правда, продолжалась она недолго. Скоро и здесь ударили столь сильные морозы, что значительная часть Авачинской губы покрылась толстым льдом.

Наконец пришла весна. Судно вытащили на лед и очистили от водорослей и ракушек. В начале мая «Слава России» была полностью оснащена и нагружена припасами. Как только Авачинская гавань освободилась ото льда, экспедиция вышла в море и направила к острову Беринга.

27 мая 1791 года после полудня путешественники увидели на северо-востоке высокие горы и приступили к описи берегов последнего пристанища Беринга.

Сарычеву, как он писал в дневнике, хотелось, чтобы Биллингс приказал лечь в дрейф и спустить шлюпку. Тогда можно было бы съехать на берег и посмотреть то место, где погребен «первый сей по здешним местам плаватель». Но Биллингс не рискнул, и его спутникам, среди которых находился внук Беринга, пришлось отдать долг памяти великого путешественника лишь одними грустными «воспоминаниями и вздохами» о печальной участи морехода и погибших вместе с ним его сподвижников, «соотечичей наших».

Вскоре спустился туман и закрыл остров Беринга от глаз моряков.

Биллингс приказал идти в район к северу от острова Медного, прокладывая путь по английской карте. Сарычев, заметив это, доложил начальнику экспедиции, что английская карта не верна и что, судя по российской карте, «Слава России» ночью врежется в середину острова Медного. Биллингс ответил, что не верит русским картам. Сарычев стоял на своем. Биллингс еще раз обругал русских картографов, но уступил настояниям своего старшего офицера и переменял курс на два румба. На следующее утро, когда туман рассеялся, путешественники увидели, что только что прошли в 400 метрах от острова Медного. Совсем рядом виднелись подводные камни. Сарычев был удовлетворен, что избавил себя и своих спутников от грозившей опасности. Но не меньше он радовался и тому, что все убедились в недостоверности английской карты, на которой остров Медный был изображен гораздо южнее его действительного положения.

От острова Беринга направились к Алеутским островам и занялись их описью. 25 июня «Слава России» отдала якорь в Капитанской гавани острова Уналашка. Две недели провели здесь моряки, тщетно ожидая катер «Черный Орел», на котором из Нижнекамчатска должен был прибыть сюда со своим отрядом лейтенант Р. Р. Галл. Так и не дождавшись его, Биллингс решил идти в Берингов пролив. По пути исследовали острова Святого Павла и Святого Георгия, открытые штурманом Прибыловым в 1786 году. Здесь Прибылов в течение двух лет со своими промышленниками добыл 8 тысяч голубых песцов, 30 тысяч котиков, 2320 каланов и собрал по берегам 700 пудов клыков моржей. Вся добыча оценивалась примерно в два с половиной миллиона рублей.

В конце июля — начале августа экспедиция обследовала и нанесла на карты острова в Беринговом проливе. 4 августа «Слава России» отдала якорь в губе Святого Лаврентия на восточном побережье Чукотки. Отсюда экспедиция должна была отправиться в Ледовитое море, пройти вдоль северных берегов Чукотки, обогнуть мыс Шелагский и попытаться достигнуть Колымы, чтобы тем самым доказать, что проход из Тихого океана к северным берегам Сибири существует. Едва Биллингс и Сарычев съехали на берег, как чукчи вручили им бумагу. Это был рапорт сотника Кобелева. Он сообщал, что в течение месяца, с 26 июня по 26 июля, на мысе Восточном (ныне мыс Дежнева) ждал прибытия судов экспедиции. Но поскольку сопровождавшие его чукчи не желали больше ждать, он отправился морем на байдаре к острову Колучину, где находилось главное чукотское стойбище и паслись их стада оленей. Кобелев уведомлял далее, что будет там находиться до 15 августа, а затем отправится во внутренние районы.

На другой день на борт «Славы России» приехал толмач Николай Дауркин. По просьбе Биллингса он расспрашивал чукчей о том, можно ли на судне пройти через Берингов пролив. Его собеседники в один голос уверяли, что море забито льдом, среди которого не всегда можно проехать небольшое расстояние даже на

байдаре, не говоря уже о таком большом судне, как «Слава России». Биллингс и Сарычев не усомнились в правоте этих слов. Ведь они подтверждали выводы капитанов Кука и Кларка. Первый был остановлен льдами в 1778, а второй — в 1779 году. Оба мореплавателя были убеждены, что Северный проход вряд ли удастся открыть, тем более что за виденными ими местами к северу от Берингова пролива может находиться земля.

Биллингс решил отменить плавание к Колыме и на оленях пересечь Чукотку от губы Святого Лаврентия до Нижнеколымска. Во время этого путешествия он рассчитывал осмотреть весь берег Ледовитого моря от Берингова пролива до Баранова Камня. Офицеры пытались отговорить Биллингса от этой трудной и рискованной поездки, убеждая, что такой вояж может быть поручен одному из членов экспедиции. Но Биллингс стоял на своем. 13 августа он передал командование судном «Слава России» Сарычеву, а сам на 15 чукотских байдарках отправился в Мечигменскую губу, откуда на оленях чукотского старейшины Имлерата Киренева должен был начать свое сухопутное путешествие в сопровождении штурмана Батакова, толмача Дауркина, доктора Мерка, помощника его Мейка, подлекаря Леймана и 3 егерей. Сарычеву он приказал обследовать Анадырский залив, затем отправиться на Уналашку, там перезимовать, а весной 1792 года прибыть на Камчатку и ждать прибытия Биллингса до середины июня. Если же к этому времени Биллингс не вернется, то отправиться в Охотское море и описать его южную часть.

14 августа Сарычев покинул губу Святого Лаврентия. Туманы и штормы задержали его на несколько дней у восточного побережья Чукотки. От описи Анадырского залива пришлось отказаться. 29 августа путешественники достигли Капитанской гавани на Уналашке. Спустя некоторое время на катере «Черный Орел» сюда прибыл лейтенант Роберт Галл. Как старший по чину офицер, он вступил в командование «Славой России», передав Сарычеву судно, на котором сам прибыл из Нижнекамчатска.

В конце декабря среди зимовщиков появились больные цингой. Ежедневно от 5 до 7 человек выходили на охоту, чтобы свежей пищей поддержать больных и здоровых. Однако цинга не отступала. К середине января этой болезнью страдало уже 23 человека. Всю зиму Сарычев провел в неустанных трудах, предприняв долгое и дальнейшее путешествие вдоль берегов острова Уналашки, который он осмотрел, зарисовал и положил на карту. Он вернулся к месту зимовки только через 70 дней и узнал, что 11 матросов «Славы России» и трое на «Черном Орле» умерли от цинги. Эта болезнь, по его мнению, была следствием «сырых погод». Все время, пока экспедиция находилась на Уналашке, беспрестанно стояло ненастье. «Небо,— писал Сарычев,— было всегда покрыто облаками и редкий день проходил, чтоб дождь, снег или туман с мокротой попеременно нас не беспокоили. Солнце так редко показывалось, что за все время нашего девятимесячного пребывания

насчитывали мы только девятнадцать дней, в которые небесное светило было видно». От чрезмерной сырости пострадали продовольственные припасы. Выпеченный из отсыревшей муки хлеб отдавал гнилью. И почти невозможно было высушить влажную одежду.

Только в конце апреля больные цингой начали поправляться. Вскоре здоровье зимовщиков восстановилось, и 16 мая путешественники простились с Уналашкой. «Слава России» и «Черный Орел» прокладывали свой путь так, чтобы это плавание принесло как можно больше пользы науке. Сарычев уточнял свои прежние описи, наносил на карту неисследованные побережья Алеутских островов и изо дня в день наполнял свой дневник всевозможными наблюдениями. «Замечания достойно,— записал он 2 июня 1792 года,— что, начиная от Америки, по всей цепи Алеутских островов есть огнедышащие горы. Многие из них гореть совсем перестали, а из некоторых идет только дым. Сказывают, что прежде бывали сильные извержения. Они сопровождалась землетрясениями, во время которых опровергались горы и утесы... Да и по берегам островов видно, что подземный огонь произвел великие перемены. Во многих местах слои каменных утесов находятся в необычайном беспорядке. Иные опускаются под острым углом в море и опять поднимаются вверх, то перпендикулярно, то косвенно, а в иных местах и переопрокинуты». На основе этих наблюдений Сарычев сделал весьма интересный вывод. По его мнению, возможно, что вся нынешняя Алеутская гряда от Аляски до Камчатки была некогда «беспрерывным кряжем матерой земли, которая от сильных землетрясений разделилась на острова и произвела проливы». Это заключение Сарычева подтверждается современными исследованиями.

19 июня Сарычев привел «Черный Орел» в Петропавловскую гавань. Здесь уже находилась «Слава России». Несколько недель экспедиция ждала своего начальника. Но Биллингс не объявлялся.

Галл и Сарычев решили для описи Охотского моря употребить катер «Черный Орел», а «Славу России» под командой Христиана Беринга оставить на Камчатке. 6 августа экспедиция снова вышла в море. Почти три недели штормы трепали небольшое деревянное судно. В конце августа оно находилось так же далеко от мест своих исследований, как и в начале месяца. Приближалась осень, самое опасное время. В это время не только описывать неизвестные берега, но и плавать было рискованно. Галл и Сарычев, собрав совет офицеров, приняли решение идти в Охотск.

18 сентября катер пришвартовался в устье реки Охоты. Здесь путешественники узнали, что Биллингс благополучно совершил свое сухопутное путешествие по Чукотке и находится в Якутске. В начале февраля 1793 года он прислал приказ передать катер в Охотский порт и следовать в Якутск. 6 августа там собралась вся экспедиция. Вскоре офицеры выехали в Петербург. В апреле

1794 года они возвратились в столицу. На этом и завершилась Северо-восточная экспедиция.

В петербургские будни и праздники Сарычев трудится над своим дневником, который он вел с первого до последнего дня затянувшегося вояжа. Он готовит его к изданию.

Тем временем Биллингс составляет подробный отчет об экспедиции. Отчет переводят с английского на русский язык и... ставят на полку архива Адмиралтейств-коллегии. В Морском ведомстве, истратившем многие десятки тысяч на Северо-восточную экспедицию, не находится несколько сот рублей, чтобы опубликовать результаты этого крупнейшего научного предприятия. Такая же судьба уготована и дневниковым записям Сарычева. Вояж считается секретным, и ни одно слово о нем не должен увидеть свет.

Вряд ли мог предположить Сарычев, что и через два с половиной века его записи не будут напечатаны, что останется в рукописи и сочинение Биллингса.

Но пока Россия прячет свои открытия, в Лондоне выходит книга Мартина Сауера, который на протяжении всего путешествия состоял секретарем Биллингса. История повторяется. Ведь карты великих открытий Второй Камчатской экспедиции и труды ее ученых тоже появились сначала за границей, а затем уже в России. И притом далеко не все, многие так и остались лежать в рукописях.

Проходит год, другой, третий... После ученых занятий Сарычев возвращается к строевой службе. Плавает по Балтике, затем совершает переход из Архангельска в Кронштадт. Своей чередой идут чины. Девятнадцатое столетие он встречает капитан-командором.

С новым веком приходят новые надежды. В жизни флота настает пора оживления. В судьбе Гавриила Андреевича принимает участие адмирал Логин Иванович Голенищев-Кутузов. Он знакомится с его дневником и хлопочет об его издании. Наконец в 1802 году при активном содействии морского министра адмирала Мордвинова появляется в свет «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год». Но на этом Сарычев не останавливается. Чтобы дать полное представление о деятельности Северо-восточной экспедиции, он на основе разных журналов составляет труд о сухопутном путешествии Биллингса через Чукотский полуостров. В его состав Сарычев включает описание плавания Роберта Галла на катере «Черный Орел» в северную часть Тихого океана и в Берингов пролив, а в приложении добавляет метеорологические наблюдения, выполненные экспедицией в Верхнеколымске, и словарь «Двенадцать наречий народов», с которыми встречались моряки во время своего путешествия. Книга была издана в 1811 году.

Теперь Сарычев считает свой долг выполненным. Наконец ему удалось дать полную картину научных исследований Северо-восточной экспедиции. Ведь в ходе ее была детально исследована река Колыма почти на всем ее протяжении, описаны северные берега России от острова Айон до Колымы и от Берингова пролива до Колючинской губы. Кроме того, по расспросным данным создана первая достоверная карта северного побережья Чукотки, которое раньше изображалось самым гадательным образом. Но и это не все: экспедиция произвела во многих местах Восточной Сибири первые метеорологические наблюдения и описала черты ландшафта от Лены до Охотского моря и от Охотского моря до Северного Ледовитого океана. В число исследованных попали многие участки восточного побережья Азии в Беринговом и Охотском морях и в Беринговом проливе.

Великий русский мореплавателю Иван Федорович Крузенштерн, рассматривая научные итоги Северо-восточной экспедиции, писал: «Все, что сделано полезного в этой экспедиции, принадлежит Сарычеву, толико же искусному, как и трудолюбивому мореходу. Без его неусыпных трудов в астрономическом определении мест, снятии и описании островов, берегов, портов и пр., не приобрела бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей экспедиции».

Биллингсу, как уже говорилось, не привелось увидеть опубликованным своего описания Северо-восточной экспедиции. Это беда, а не вина смелого путешественника. И жаль, что три рукописных тома его отчета о плавании по Ледовитому морю, Тихому океану и Берингову проливу, об отважном и трудном сухопутном походе через Чукотку все еще не вышли за стены Центрального государственного архива Военно-Морского Флота.

Не ведая о драматической судьбе трудов Биллингса, современники нередко нападали на него. Сарычев искренне и мужественно защищал своего начальника и дела возглавляемой им Северо-восточной экспедиции.

Впрочем, как бы ни думать о роли Биллингса, бесспорно, что на долю Сарычева приходится немалая часть славных открытий экспедиции. С исключительной точностью и подробностью ему и его сподвижникам удалось нанести на карты Андреяновские острова, почти всю цепь Алеутских, островов Прибылова, острова Уналашка, Кадык, Святого Лаврентия и многие другие. Были описаны отдельные районы северо-западного побережья Америки и Курильских островов. Результаты этих исследований Г. А. Сарычев использовал при создании капитального «Атласа северной части Восточного океана», который признан классическим и сохраняет свое научное значение до наших дней.

Сарычев не только собрал интересные сведения о добыче мамонтовой кости на Ляховских островах, но и попытался дать ответ — как могли эти звери обитать в бесплодных и холодных пустынях Арктики, где морозы бывают более сорока градусов?

Он не считал основательным предположение, что мамонты попали сюда из более теплых стран «во времена давно бывших походов», и отвергал мнение тех ученых, которые доказывали, что мертвые тела мамонтов были занесены на север Сибири во время всемирного потопа.

«Походы, — писал Сарычев, — не могли быть через столь дальнее расстояние по бесплодным и болотистым местам и через высочайшие горные хребты, где не только слоны и подобные им большие звери проходить не могут, но едва пробираются степные и привычные к перенесению всяких трудностей здешние лошади. Потопом же занести мамонтовых костей невозможно. От Ляховских островов до теплых мест, где водятся подобные мамонтам животные, будет около пяти тысяч верст. Это столь огромное расстояние, что его на корабле при самом отличном ходе и попутном ветре едва ли в тридцать дней можно переплыть. Итак, естественно ли, чтоб мертвые тела хотя б и во время всеобщего потопа могли занесены быть в такую отдаленность? Мне кажется, лучше приписать это великой перемене земного шара, недели упомянутым причинам; и верить, что в этих местах был некогда теплый климат, сродный натуре этих животных».

Вывод Сарычева о крупных изменениях климата, имевших место в недавнем прошлом, подтверждается современными исследованиями.

Сарычев высказал интересную мысль о зависимости ледовитости арктических морей не столько от теплоты лета, сколько от распределения господствующих ветров, которые способствуют выносу льдов в Северный океан. Не забыл Сарычев в своих трудах и о таинственной северной матерой земле в Ледовитом океане, о которой ему рассказывал капитан Шмалев. В том, что она существует, Сарычев не сомневался. Доказательством служили его собственные гидрологические наблюдения. Своими глазами он убедился, что приливы и отливы в Восточно-Сибирском море отсутствуют. Объяснить это Сарычев мог только тем, что на севере существует обширная суша. Она, по мнению ученого, разделена проливами, через которые течения выносили лед из сибирских морей. Вместе с тем суша гасила прилив. Гавриил Андреевич сохранил веру в ее реальность до последнего вздоха.

Выход в свет «Путешествия» Сарычева знаменует начало новой эпохи в его жизни. В том же 1802 году он становится руководителем съемки Балтийского моря, которая продолжалась четыре навигации. В эту пору судьба сводит его с Анастасией Васильевой Мацкевич, фрейлиной великой княгини Елены Павловны. Они встретились во время навигации 1803 года, когда Анастасия Васильевна с эскадрой Сарычева совершала плавание из Кронштадта в Росток, чтобы там присоединиться к свите Елены Павловны. В августе 1804 года Сарычев женился и был счастлив до конца своих дней.

Еще два года мореходу пришлось плавать по Балтике. Он за-

кончил съемку в те самые недели, когда из первого кругосветного плавания возвратились русские корабли — сначала «Нева» под командованием Юрия Федоровича Лисянского, а затем «Надежда» во главе с руководителем экспедиции Иваном Федоровичем Крузенштерном, давним знакомым Гавриила Андреевича. Мысль о плавании вокруг света весьма серьезно волновала и Сарычева. Он готовил план посылки судов из Кронштадта на Камчатку. Но был принят проект Крузенштерна. Главную роль в этом сыграл благоволивший к нему влиятельный вельможа граф Николай Петрович Румянцев.

Первоначально у Сарычева с Крузенштерном установились тесные деловые отношения. Они одновременно были избраны в члены Адмиралтейского департамента, который был основан в 1805 году и имел коллегиальную форму управления. Департамент ведал всеми сторонами научной деятельности флота и в первую очередь географическими и гидрографическими исследованиями.

Сарычев совместно с Крузенштерном представил Адмиралтейскому департаменту «План к составлению всеобщего морского атласа» с подробным перечнем карт. Этот труд замыслилось издать в двух частях. В первую намечалось включить карты Атлантики и берегов европейских морей, во вторую — Тихий океан и берега Америки и Азии. Атлас должен был сопровождаться двухтомным описанием берегов и наставлением для входа в главнейшие военные и торговые порты всех частей света. Сарычев и Крузенштерн без промедления приступили к реализации этого замысла. Крузенштерн трудился над капитальным исследованием по гидрографии Мирового океана с картой всего мира, включая северные моря России. Сарычев, в свою очередь, начал подготовку к созданию всемирно известного «Атласа северной части Восточного океана», который увидел свет через 16 лет.

Со временем между этими знаменитыми, талантливыми и безмерно преданными русскому флоту людьми начались трения. В 1808 году Сарычев получил пост генерал-гидрографа. Постепенно все нити по руководству учеными исследованиями Адмиралтейского департамента оказались в его руках. И тут произошло непредвиденное. Адмиралтейский департамент отверг сочинение Крузенштерна о плавании к Северному полюсу, которое предпринял в 1764—1766 годы русский мореплаватель В. Я. Чичагов. Крузенштерн был серьезно обижен. Вскоре при содействии Румянцева он уехал в Англию, затем попросился в отпуск для ученых занятий и поселился в своем имении на мысе Асс в Эстляндии, где и создал «Атлас Южного моря», обесмертивший, как и первое кругосветное плавание, его имя в истории русской науки.

Адмиралтейский департамент теперь безраздельно подчинялся Сарычеву. Но морякам было не до ученой деятельности. Войны и кампании следовали одна за другой. Сначала с французами, потом со Швецией. Затем в очередной раз обострились отношения с Англией... Сарычеву удалось лишь опубликовать «Дневные запи-

си» плавания в Финском заливе и Балтийском море в 1802—1804 годах и подготовить к печати «Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом». Он состоял из генеральной и 12 частных карт.

Следующей работой гидрографа стала «Лоция, или Путеуказание к безопасному плаванию» по Балтике. Ученые круги России признали его заслуги. Петербургская академия наук избрала его в число своих почетных членов. Той же чести его удостоили Московский и Харьковский университеты, Вольное экономическое и Минералогическое общества. Награды следовали одна за другой.

Была и еще одна радость. В Петербург приехал из Якутска адъютант Михаил Адамс. Ему довелось побывать и в устье Лены. Ученый рассказывал — сибирские охотники за мамонтовой костью открыли к северу от Ляховских островов обширную землю, про которую говорили, что она не иначе как является особой частью света и простирается так далеко, что по ней можно достигнуть Северного полюса. Потом стало известно об экспедиции, которую отправил министр иностранных дел и коммерции граф Николай Петрович Румянцев, поставив во главе ее ссыльного чиновника Матвея Матвеевича Геденштрама. Вскоре от него пришли первые донесения. Он посетил открытую охотниками землю и назвал ее Новой Сибирью. Земля была столь велика, что он не смог объехать ее за одну весну. Сарычеву довелось увидеть первую карту Геденштрама. На ней был изображен только южный берег Новой Сибири, протянувшийся от меридиана мыса Святой Нос до Шелагского Носа.

Открытие Геденштрама подтверждало наблюдения Сарычева во время плавания у Колымы. Матерая земля, о которой он столь подробно писал в своем «Путешествии», существовала! Правда, спустя год Геденштром обошел всю Новую Сибирь. Она оказалась не столь уж велика и лежала гораздо западнее Колымы. Зато Геденштром и его спутники видели высокие горы на севере. Они были убеждены, что матерая земля лежит именно там. И при этом приводили в качестве доказательства «резоны» адмирала Сарычева как человека «известного своей ученостью».

В эти края, думал Сарычев, следовало бы послать толкового офицера, поручив ему точно положить на карту весь берег Сибири от реки Яны до Берингова пролива и описать все земли, которые были недавно открыты в Ледовитом море сибирскими охотниками за мамонтовой костью.

Но для России наступили времена великих испытаний. В июньские дни 1812 года Неман перешла великая французская армия. Был оставлен Вильно. Пал Смоленск. Враг рвался к Москве. Надо было думать сначала об обороне Петербурга, а затем об обеспечении флота навигационными пособиями для действий у европейских берегов. Многие из флотских офицеров участвовали в заграничном походе. Вплоть до 1817 года корабли занимались перевозкой войск из Франции.

Наконец мир надежно установился в Европе. Никто больше не угрожал России, и морякам следовало подумать о том, чтобы заняться исследованием своих морей. Гавриил Андреевич решил воспользоваться этой благоприятной для мирных занятий порой. Прежде всего он обратился к русскому Северу. Изучив бумаги Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, Сарычев написал труд о ее открытиях, который вскоре опубликовал в «Записках» Адмиралтейского департамента. Это великое географическое предприятие России служило ему примером при разработке проблем будущих исследований русского флота. Он изложил свои мысли в обстоятельной записке.

Но прежде чем рассказать о них, отметим, что Сарычеву принадлежит заслуга создания комплекса трудов, раскрывающих различные стороны Северо-восточной географической и астрономической экспедиции 1785—1793 годов, этого своего рода естественно-исторического полотна о природе и населении огромнейшей территории от Лены и Яны до Тихого океана, от Камчатки до северо-запада Америки, от Охотска до Берингова пролива. Он первым пересек и описал горные хребты, плато, крупные реки северо-востока России, исследовал Колыму от Верхнеколымска до впадения в море. Его яркие описания и зарисовки природы, жизни и быта чукчей, камчадалов, якутов, алеутов, североамериканских индейцев справедливо считаются классическими. Все последующие исследователи северо-востока России, северной части Тихого океана, Русской Америки неизменно обращались к его «Путешествию». Достаточно было одного этого труда, чтобы навсегда обессмертить имя исследователя. Но к нему надо добавить и книгу о путешествии Биллингса. Она не смогла бы появиться на свет без Сарычева. Биллингс в ней — просто главное действующее лицо в строгом историческом рассказе об одном из этапов деятельности Северо-восточной экспедиции.

Затем «Атлас северной части Тихого океана», в котором обобщены русские географические открытия и исследования, начиная с плавания Беринга — Чирикова и кончая серией замечательных русских кругосветных плаваний в первой четверти XIX века — это тоже огромный вклад Сарычева в науку.

Иными вехами в развитии русской географии стали также создание Сарычевым «Атласа» и лоции Балтийского моря и организация им точнейшей съемки Балтийского моря. Эта съемка была начата при его жизни, а закончена лишь спустя четверть века после того, как его не стало. И трудно переоценить значение только что обнаруженной программы исследований русского флота в северных и восточных морях России, созданной Сарычевым в 1818 году.

Он изложил свои мысли в обстоятельной «Записке о морских берегах, которые надлежит описать», которую подал морскому министру маркизу де Траверсе в конце декабря 1818 года. В записке были указаны основные районы и объекты, исследование кото-

рых необходимо для «усовершенствования вновь сочиняемых при адмиралтейской чертежной морских карт».

Сарычев отмечал, что со времени создания Петром I мощного русского флота было начато составление карт принадлежащих России морей. Вслед за Белым и Каспийским морями и Финским заливом камчатскими экспедициями были описаны берега Северного Ледовитого океана от Белого моря до Берингова пролива (точнее, до Большого Баранова Камня к востоку от Колымы) и исследованы побережья Северо-Восточного океана, под которым он подразумевал северную часть Тихого океана. Но поскольку во времена Беринга не были еще известны способы точного картирования берегов и не существовали достаточно надежные астрономические инструменты, то и карты, составленные 80 или 90 лет назад, оказались по новым меркам несовершенными, а то и вовсе неверными.

Надо было эту работу осуществить заново, как, например, сам он сделал это на Балтике. Сарычев отмечал, что необходимо описать и исправить карты берегов Лапландии от границ с Норвегией до Белого моря; желательно исследовать побережье Европейской России от Белого моря до устья Печоры.

Третьим и наиболее важным объектом предстоящих полярных исследований Сарычев назвал Новую Землю, которая «положена на карты по одним показаниям русских звериных промышленников». Четвертой задачей изучения Арктики, по его мнению, должно было явиться точное географическое определение устьев важнейших сибирских рек: Оби, Енисея, Лены. Разумеется, Сарычев не забыл в «Записке» о северной матерой земле. Он подчеркнул, что попытаться достигнуть ее следует в весеннее время на собачьих упряжках по льду, поскольку, как сказывают чукчи, земля эта находится в недалеком расстоянии от Шелагского мыса. В заключительных строках Сарычев указал, что необходимо исследовать Анадырский залив, Берингов пролив и от него берег Америки «к северу сколько будет возможно». Кроме того, желательно описать восточные берега Камчатки, Шантарские острова, Пенжинскую и Гижигинскую губы. Это были места, которые он знал и любил и об исследовании которых ревностно заботился.

Какой полет географической мысли! И почти все задуманное им было осуществлено. Притом многие экспедиции действовали по его непосредственным наставлениям. А экспедиция к Южному полюсу... Какой дерзкий замысел! Он тоже принадлежит ему, главному гидрографу русского флота. Сарычев составил проект первой русской экспедиции в Антарктику и принял живое участие в обобщении результатов плавания Беллинсгаузена — Лазарева, составив карту южно-полярной области с указанием открытий русских моряков.

Подобно И. Ф. Крузенштерну и В. М. Головнину Гавриил Андреевич Сарычев воспитал целую плеяду исследователей морей России и Мирового океана.

Сарычев много трудился. И далеко не все написанное им является истиной в последней инстанции. Его гипотеза о северной матерой земле оказалась ошибочной. Но прошло почти полтора века, прежде чем географы мира окончательно убедились в этом. До заката своей долгой и яркой жизни Сарычев верил в существование матерой земли. По его планам отправлялись одна за другой экспедиции. Одни из них опровергали его представления, другие доставляли новые свидетельства в пользу существования матерой земли на севере. Так он и не узнал окончательно: легенда она или реальность... Дело в том, что окончательное решение эта проблема получила лишь спустя почти полтора века после окончания плавания Сарычева по Ледовитому морю.

Таким образом, к концу XVIII века в вопросах о том, что представляет собой Северный Ледовитый океан, среди географов и мореплавателей не было единодушия. Одни считали, что океан покрыт единой мощной льдиной; вторые полагали, что в околополюсной области находится немалая суша, а возможно, и материк, и потому вместо океана рисовали узкое протянувшееся вдоль берегов России Ледовитое море; третьи приводили доказательства в пользу существования между Азией и Америкой перешейка, и четвертые решительно утверждали, что за поясом арктического пака в околополюсной области находится незамерзающее, свободное от льдов море.

Погоню за северной матерой землей ни в коем случае нельзя считать бесплодной для науки. Каждая экспедиция, отправленная на ее поиски, обогащала географию выдающимися, а иногда великими, открытиями. Имена ученых и моряков, принимавших участие в решении этой проблемы, навечно записаны в историю познания Арктики. В их ряду — имя Гавриила Андреевича Сарычева.

Величественны и прекрасны дела Сарычева, и они навсегда останутся в памяти русских людей.

ЧАСТЬ II. «ТАЙНА У ВХОДА ЛЕГЛА»

«Бумаги запечатать»

Преступника арестовать, бумаги запечатать. Офицер принял из рук генерала украшенный печатями секретный пакет и стремительно вышел из кабинета.

Еще минута — и лихая тройка несла курьера по спящим пустынным улицам Петербурга. Его путь лежал в далекий Херсон. Он не сетовал на то, что его подняли с постели среди ночи и без промедления погнали в дальнюю дорогу. Он гордился, что с этим важным поручением посылают не кого-нибудь другого, а именно его, офицера роты фельдъегерей.

«Преступника арестовать...». Он мысленно представлял, как нагрянет в дом заговорщика и возьмет его под стражу... Иногда, правда, находила тревога, и он начинал опасаться, что преступник, узнав о неудаче заговора, скрылся за границу; он торопливо прогонял эту мысль и даже пытался представить выражение испуга и растерянности на лице своей жертвы, когда будет сообщено об аресте...

— Бумаги запечатать.

Офицер отлично помнил наказ генерала, сделавшего многозначительное ударение на слове «бумаги». В них надеялись найти новые нити заговора и новых лиц, причастных к тайному обществу... Сердце приятно ныло в мечтах о следующем чине, о награде годовым жалованьем, а может, даже и орденом.

Приехав в Херсон поздно вечером, офицер приказал везти себя прямо к губернатору. Дом сиял огнями. Курьер вбежал на крыльцо, открыл дверь, и его захлестнула волна музыки... Это веселье показалось ему неуместным, и он раздраженным тоном приказал доложить о себе губернатору. Не обращая внимания на металлические нотки в голосе, его сначала продержали в передней, а

затем провели в небольшой кабинет, заставленный шкафами с книгами. Там ждал высокий человек лет тридцати. Он встретил гостя улыбкой и, отрекомендовавшись чиновником особых поручений, поинтересовался у офицера, что за дело он имеет к его превосходительству.

— Я привез губернатору секретную депешу...

— Может, депеша подождет до утра?

— Дело государственной важности.

— Но если это дело будет решено не в полночь, а завтра в полдень, может быть, оно не утратит своей весомости?

— Невозможно! Я скакал дни и ночи из Петербурга, загонял лошадей, бил ямщиков не ради того, чтобы сложа руки сидеть целые сутки в Херсоне.

— У губернатора бал, господин офицер. С его стороны было бы неучтиво ради ваших дел вдруг оставить гостей.

— Дело не мое, а государя императора.

— Это звучит грозно, но неубедительно.

— Я требую немедленно доложить губернатору о том, что ему доставлена секретная депеша.

— Губернатор уже знает о вашем прибытии. Его превосходительство поручил мне выслушать вас и принять депешу.

— Депеша адресована губернатору.

— Все бумаги его превосходительство поручил просматривать мне.

— Нужны немедленные действия.

— Действия последуют, когда будет ясно, о чем идет речь.

— Речь идет о государственном преступнике!

— О ком же именно?

— В этой депеше государем предписано губернатору доставить в Петербург флота лейтенанта Романова, а его бумаги запечатать.

— В чем же провинился лейтенант Романов?

— Он причастен к заговору.

— Что же вы сразу не сказали? Я решил, что вы привезли указ о взыскании недоимок или о присылке кормов на государственные конные заводы... Не беспокойтесь, мы наверстаем упущенные минуты.

Чиновник вышел из кабинета, по-прежнему сияя добродушной улыбкой...

Курьер, доведенный собеседником до грани бешенства, облегченно перевел дух. Он сломил упрямство обнаглевшего провинциала и предвкушал предстоящую встречу с губернатором. Но тот не торопился. Не спешил и чиновник. Наконец дверь открылась. Офицер поднялся было, но снова сел, увидев лакея, который вносил в кабинет огромный поднос, заставленный коньяками, винами и закусками. Прежде чем лакей успел закрыть за собой дверь, офицер успел заметить на площадке лестницы знакомого чиновника, который разговаривал с очаровательной девушкой.

Блеск ее бального платья, красота ее плеч, шеи, роскошных волос не вязались с встревоженным выражением лица...

— Сейчас будут,— сказал лакей.

Когда, покидая кабинет, слуга открыл дверь, на лестнице никого не было.

Офицер невольно стал разглядывать французские вина лучших марок, и у него засосало под ложечкой. Но он ни к чему не притронется, пока не вручит депешу губернатору.

Кабинет снова осветился улыбкой чиновника.

— Губернатор, как только отужинает, примет вас. Чтобы ожидание не было столь утомительным, его превосходительство просит вас отведать здешних яств. Прошу вас к столу... Не беспокойтесь, теперь губернатор не заставит долго ждать. Сегодня ночью и преступник, и его бумаги будут в наших руках.

Чиновник наполнил бокалы.

— За здоровье государя императора! — провозгласил он.

Офицер не мог отказаться от такого тоста, решив, что ограничится одним бокалом, но прекрасное французское вино чудодейственно снимало усталость, накопившуюся за многие сутки курьерской езды... Да и чиновник оказался человеком, отлично понимавшим, в какую пропасть хотели увлечь Россию заговорщики. Чувствовалось, что он, а не губернатор в действительности управляет губернией. Офицер не сомневался, что с его помощью важное поручение будет выполнено блестяще.

Его мечты были прерваны голосом чиновника:

— Губернатор ждет вас.

Курьер открыл глаза и удивился. На улице сияло солнце.

Губернатор встретил петербургского посланца любезно. Пробежав депешу, он с недоумением взглянул на чиновника.

— Необходимые распоряжения сделаны,— заметил молодой человек, забыв на этот раз просиять добродушной улыбкой.— Мной приглашен титулярный советник Дойбан. Я надеюсь, вы ему доверите доставку Романова в Петербург.

Губернатор подписал приказ об аресте отставного лейтенанта Романова. Как только дверь закрылась за курьером, лицо губернатора приняло резкое, неприятное выражение.

— Прошу вас, батенька, впредь таких вольностей не допускать. Я понимаю ваши чувства к сестре Романова, но я не хотел бы иметь неприятности.

— Ваше превосходительство, вы напрасно беспокоитесь. Лейтенант Романов не убежит за границу. Ваши интересы и интересы губернии мне дороже всего.

В деревню, где жил Романов, курьер с титулярным советником Дойбаном прискакали поздно ночью. В господском доме горел свет. Дверь открыл старый слуга. Он не удивился, увидев на крыльце незнакомых людей.

Романов был в своем кабинете. Он сидел в кресле у печки и неторопливо помешивал красные угли. Сообщение об аресте он принял так же спокойно, как спокойно встретил незваных гостей старый слуга... У него потребовали бумаги.

Романов молча показал на инкрустированный ларец, который стоял на огромном письменном столе. В ларце оказалось два проекта Романова. В них шла речь о снаряжении экспедиций для описи реки Медной и для исследования северных берегов Русской Америки. На самом дне лежала рукопись, содержащая описание плавания Романова вокруг света на судне «Кутузов». Потом нашлись различные заметки, копии писем официальным лицам, все по поводу тех же проектов, и не было в них ни одной строчки, ни одного слова, которые могли бы быть поставлены в вину заговорщику...

— А где еще бумаги?

— Других нет.

— Я вынужден произвести обыск.

Пока Дойбан с офицером рылись в шкафах и комодах, Романов сидел у догоравшей печи. По тлевшим углям иногда пробегали черные куски пепла, какие остаются от сгоревшей бумаги. Попадая на языки пламени, они вспыхивали и рассыпались.

Лошади бежали лихо, будто чувствовали, что везут государственного преступника. Возок монотонно нырял по ухабам, заливались колокольчики троек, и скрипел снег под полозьями. Все это было знакомо, привычно. Но впереди ждала неизвестность, и что она таила в себе, трудно было представить.

По сторонам тракта тянулись леса, убранные снегом. А Романову вспомнилось голубое теплое море, пальмы, черные девушки и ароматный тропический воздух. Корабль «Кутузов» нес горсточку моряков в Русскую Америку через три океана... Затем вместо пальм были ели, скопища белок, деревянные башни и стены Ново-Архангельска — столицы Русской Америки... Вспомнился вечер в доме правителя русских владений Матвея Ивановича Муравьева, морского офицера. Он с упоением говорил о своем крае, о неизвестности его рек и океанских берегов. С таким же упоением говорили о землях, открытых Берингом и Чириковым, простые русские охотники-промысловики, которые бежали за океан от гнета крепостного права. Они показывали Романову самодельные карты своих смелых походов, сетовали на малочисленность образованных людей в Российско-Американской компании, советовали остаться в Ново-Архангельске... Мысли о том, что совсем рядом находятся неведомые людям огромные пространства севера Американского континента, приятно волновали Владимира Павловича.

Муравьев предлагал ему место, давал в его распоряжение судно и матросов. Более счастливый случай вряд ли можно было представить. И все-таки он не мог им воспользоваться. Он, военный моряк, не имел права покинуть борт шлюпа «Кутузов» —

тем более что на корабле, кроме него, было вместе с командиром всего лишь два офицера...

Настал день, и он простился с зелеными горами Русской Америки. Потом холодные ветры сменил благодатный пассат. Экзотические страны уже не волновали Романова. В свободные от вахты часы он рассматривал карты Русской Америки, северные берега которой ждали своих исследователей. Еще не известно было их простираение. Некоторые утверждали, что Америка соединяется с Азией перешейком где-то восточнее Шелагского мыса. Может быть, стоит отказаться от традиционных попыток искать проход из Тихого океана в Атлантику морским путем? Пожалуй, следует ожидать большего успеха, если подняться в глубь материка по реке Медной, а затем на нартах добраться до Ледовитого моря и Гудзонова залива, который некоторые ученые и моряки именуют проливом.

Мысли эти не давали ему покоя. Когда пришли в Кронштадт, у него было начисто переписано «Предначертение экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонова пролива». Он показал проект своему товарищу по флоту Николаю Александровичу Бестужеву, который был известен не только как образованный моряк, но и как талантливый писатель. Бестужев отнесся к проекту благожелательно. Он полагал, что «Предначертение» имеет не только научное, но и политическое значение. Ведь недаром англичане на плавание «Рюрика», «Открытия» и «Благонамеренного» ответили посылкой нескольких экспедиций для открытия Северо-Западного прохода. Он посоветовал начать проект следующими словами: «Девятнадцатое столетие, распространяя науки и полезные познания в Европе, отличается особенным направлением, данным географическим изысканиям. Не говоря о других державах, приобретших в наше время новые сведения о неведомых дотоле странах света, Россия в продолжение последнего двухдесятилетия сделала важные открытия по части географической, но общее стремление умов, общие напряжения мореходцев всех стран до сих пор оставляют важнейший вопрос нерешенным: соединяется ли материк Азии с Америкой или море разделяет их?

Непреодолимые трудности, испытанные англичанами в покушениях на море решить сию задачу, хотя и показали невозможность сих морских предприятий, но со всем тем Парри отправлен снова, однако же благоразумие и опытность внушили англичанам новое средство: для решения сего самого важного вопроса послать берегом отсюда же лейтенанта Франклина, и, кажется, от предприятия сего последнего можно надеяться большого успеха».

Романов считал нецелесообразным снаряжение морских экспедиций, так как, судя по опыту прежних плаваний, корабли будут рано или поздно остановлены льдами. Наибольшего успеха ожи-

дал он от сухопутной экспедиции, которая способна была плыть по рекам, пересекая леса и тундры, идти берегом и, если будет в том надобность, плыть на байдарках морем, когда оно окажется свободным от льдов.

Бестужев посоветовал Романову особо отметить в проекте, что успех экспедиции будет зависеть от неустрашимости и выносливости самого начальника и его товарищей по далекому путешествию, что в экспедицию надо отобрать смелых и решительных людей, которые не дрогнули бы перед лицом самых невероятных испытаний и лишений.

Базой экспедиции должен явиться остров Нучик в устье реки Медной, где имелось поселение Российско-Американской компании и где жили миролюбивые племена угалахмютов. Эти места посещали корабли компании и ежегодно забирали меха, добытые русскими промышленниками. Российско-Американская компания уже дважды предпринимала попытки исследовать Медную. Еще управляющим Барановым был послан вверх по реке промышленник Баженов. Ему удалось, по его расчетам, подняться примерно на 300 верст. Он нашел на ее берегах медную руду, от которой река, вероятно, и получила свое название. Кроме того, Баженов принес сведения о том, что в Медную впадает река (Тлышитна), которая более удобна для плавания и берет начало из озера. По словам эскимосов, в тех местах водилось столь много оленей, что их можно добыть до двенадцати тысяч в год. Кроме того, там в изобилии обитали бобры, соболи, еноты, медведи, рыси и имелись крупные месторождения слюды. (Впоследствии большинство этих сведений было подтверждено путешествием Руфа Серебренникова.) Однако Баженов не смог составить карту реки Медной. Спустя несколько лет в тех местах побывал штурман Климовский. Он подтвердил сведения его товарища и привез образцы меди в самородках. У индейцев из племени атнахмютов он нашел несколько фальшивых английских гиней. «Сии гиней не иначе могли попасть к ним, как из Гудзонского залива, от Гудзонской компании,— писал Романов,— а сие самое подает повод думать о возможности сообщения между Гудзонским заливом и Медною рекою».

Экспедиция предполагалась немногочисленная. В нее следовало включить начальника, его помощника, ученого-натуралиста, живописца и двенадцать матросов, сведущих в кузнечном и плотничьем ремесле.

Наиболее вероятной и ближайшей целью Романов считал достижение берегов Северного Ледовитого моря и их детальное исследование до «Макензиева пути, который приведет в Гудзонский залив». На обратном пути предполагалось открыть сообщение между этим заливом и рекой Медной, что должно было укрепить позиции Российско-Американской компании в глубинных областях Русской Америки, расширить область российской торговли.

«Если мыс доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии,— говорилось в проекте,— то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства по пользе, которой можно ожидать от богатой страны, изобилующей богатыми пушными товарами, медью, и легко стать, в недрах тамошних земель заключаются и серебряные руды».

22 декабря 1822 года Романов подал свое «Предначерчение» начальнику Морского штаба. Начались дни тревог и ожиданий, огорчений и надежд. Проект отправился странствовать в Адмиралтейский департамент, который, в свою очередь, отослал его в главное правление Российско-Американской компании с просьбой уведомить, «какие сведения компания имеет о том крае, где лейтенант Романов предполагает делать исследования и розыскания, равно, каких пособий можно ожидать при сем случае от Американской компании, которой колонии находятся в этих местах».

Проект Романова в главном правлении Российско-Американской компании встретили без особого энтузиазма. Ее директора Булдаков, Крамер и Северин были более заняты получением прибылей и личным обогащением, чем заботами о славе России и развитии науки. Они не были заинтересованы в установлении торговых отношений с Гудзонской компанией, полагая, что проникновение русских экспедиций до Гудзонова залива не принесет никакой пользы, «кроме географических познаний». Что касается интересов Российско-Американской компании в исследовании внутренних областей Аляски и северного побережья Америки, то о них-де заботился управляющий Русской Америкой капитан Муравьев — тот самый, который предлагал Романову остаться в Америке и возглавить экспедицию для исследования Медной реки и северного побережья до Гудзонова залива.

Действительно, в 1821 году по заданию капитана Муравьева два судна отправились для исследований северо-западных и северных берегов Америки. Одним из этих судов командовал мичман Хромченко, командовать вторым судном было поручено штурману Этолину. Эта экспедиция довольно успешно справилась со своими задачами, но она занималась исследовательскими работами в районе Берингова пролива, на расстоянии многих сотен верст от тех мест, куда предлагал Романов снарядить сухопутную экспедицию. Однако именно это обстоятельство было использовано в качестве предлога для того, чтобы отклонить данный проект — так как он якобы «почти уже выполняется, хотя и не с торопливостью, но с должным, по местным обстоятельствам, вниманием и прилежанием...».

«Управляющий колониями флота капитан-лейтенант Муравьев,— отвечало главное правление компании Адмиралтейскому департаменту,— в последних своих депешах уверяет, что после тех исследований он отправляет опять морскую экспедицию, чтоб сделать еще опыт и внутрь земли». Адмиралтейский департамент согласился с заключением главного правления Российско-

Американской компании о том, что нет необходимости «посылать в тот край особую экспедицию...».

Узнав о таком решении, В. П. Романов обратился с письмом к А. В. Моллеру, в котором он предлагал план описи берегов Америки между мысом Ледяным и рекой Маккензи. По его мнению, для этой цели необходимо составить небольшую экспедицию и отправить ее в Петропавловск-Камчатский. Здесь путешественники перейдут на борт мореходного бота, подобного тому, на каком в 1821 году плавал лейтенант А. П. Авинов, и отправятся в Северный Ледовитый океан, где займутся исследованием северных берегов Америки до реки Маккензи.

Вероятно, это письмо написано В. П. Романовым после беседы с И. Ф. Крузенштерном, так как в нем он пишет, что вопросы состава экспедиции и время ее действий «будут зависеть от совета просвещенных» мореходцев наших, опытом и познаниями известных всему свету».

Для доставки экспедиции на Камчатку В. П. Романов надеялся воспользоваться отправлением брига «Предприятие» под командованием О. Е. Коцебу. Однако его предложение было оставлено без внимания, вероятно, потому, что этот корабль в сопровождении еще одного военного корабля предполагалось послать в Северный Ледовитый океан для решения задач, поставленных в письме В. П. Романова. Его проект одобрял И. Ф. Крузенштерн, и эта поддержка выдающегося мореплавателя, как видно из следственного дела декабриста, придавала В. П. Романову уверенность в возможности «выполнить оный».

Бестужев посоветовал Романову опубликовать «Предначертание» одновременно в «Северном архиве» и в «Московском телеграфе». Этой публикацией Бестужев рассчитывал привлечь внимание передовой общественности к его предложениям.

Романов послушался совета товарища. «Могут возразить, что если бы экспедиция проникла даже и до Гудзонова залива, — писал он в „Московском телеграфе“, — то, кроме географических познаний, никакой другой пользы не откроется. Но, если бы сие исполнилось, разве мало того, что слава такого путешествия отнеслась бы к России, что она узнала бы край, который с открытия Америки (т. е. около трех с половиной столетий) непроницаем для европейца? Какую пользу принесли наши экспедиции к полюсам? Кроме славы, никакой! Но такую славою дорожит всякая просвещенная держава. Северная экспедиция наша нашла обитаемый остров и прошла далее знаменитого Кука в Беринговом проливе, а южная экспедиция обогатила круг географических сведений открытием более 30 новых островов, и, сделав множество полезных наблюдений, поставила имя Беллинсгаузена наряду с именами знаменитейших мореходцев».

«Пусть откроется сношение с Гудзонскою компаниею: если бы от нее нельзя ничего было получить, кроме одних мехов, известно, что звери морские и береговые год от году у нас уменьшаются. Но

кто может поручиться, что на пространстве от впадения Медной реки в Тихий океан до Гудзонова залива не открылась бы какая-либо другая важная промышленность?»

Романов ждал, что его «Предначертанием» заинтересуется один из просвещеннейших меценатов первой четверти XIX века, государственный канцлер Н. П. Румянцев, но он не знал, что старик уже готовит подобную экспедицию, в начальники которой он прочил находившихся в Русской Америке моряков Хромченко и Этолина.

Однажды в доме Бестужевых Романов познакомился с новым управляющим делами Российско-Американской компании Кондратием Федоровичем Рылеевым. Крепко пожав руку Владимиру Павловичу, он объявил, что только прочел его проект. Как и Бестужев, он был в восторге от «Предначертания». Он считал, что исполнение его принесет «не только славу, но и пользу».

Рылеев обещал Романову убедить директоров компании послать экспедицию для описи северных берегов Русской Америки. Они подружились. Романову по сердцу было свободомыслие Рылеева, его ненависть к самодержавному гнету, тупости, невежеству, ханжеству, раболепию. Речи Рылеева о бесправности народа, о жестокости деспотизма казались выражением его дум. И когда Кондратий Федорович однажды рассказал о существовании тайного общества и предложил посвятить жизнь исполнению его высоких целей, Владимир Павлович ответил согласием.

Летом 1825 года они расстались. Романову пришлось по семейным делам уехать из Петербурга на Украину, в Херсонскую губернию. Романов время от времени в письмах напоминал Рылееву о том, что ждет известий о судьбе проекта и готов оставить свои дела ради путешествия по дебрям Русской Америки.

Все эти подробности хлопот с проектом описи северных берегов Русской Америки отчетливо вспоминались Романову, в то время как казенный возок, запряженный казенной тройкой, нырлял по ухабам казенных дорог. По сторонам тянулись леса. Снег облепил ветви елок и сосен. Деревья казались строгими и чужими, словно не хотели участвовать в его разговоре с самим собой о том, какая судьба ждет его впереди...

Кондратий Федорович Рылеев

Романова привезли в Петропавловскую крепость.

После первого допроса ему стало ясно, что причиной ареста было его письмо к Рылееву, посланное из Херсона за восемь дней до декабрьского восстания... В нем не было ничего предосудительного. Речь шла о судьбе проекта описи Русской Америки. Только в постскрипуме он обратил внимание Рылеева на свою верность обществу. Закончив деловую часть письма, он приписал: «Мысли мои и стремление к полезному все те же, какие были, как в последний раз мы с Вами рассуждали...» Далее следовало длиннейшее многоточие. Оно было красноречивее слов.

От него потребовали письменных объяснений.

Романов отрицал свою принадлежность к тайному обществу. Он возражал против неправильного истолкования его приписки в письме к Рылееву. В нем шла речь не о делах тайного общества, а лишь о его горячем стремлении принести пользу отечеству в исследовании полярных владений России. Он не чувствует за собой никакой вины. Его привлекают к следствию по недоразумению. Он уверен, что скоро невинность его откроется, и он будет освобожден и возвращен к своему семейству и престарелой матери. Он усердно и ревностно прослужил отечеству 15 лет, точно выполнял присягу. Никогда не держал вольных речей, не делал никаких рассуждений о правительстве и правлении. «Одним словом, — заканчивал Романов свои показания, — ни мои поступки, ни дела, ни даже слова не обвиняют меня; совесть моя покойна. Ежели не неизвестность, как перенесли сей случай, со мною случившийся, жена и мать моя, то я бы равнодушно переносил бы мое заключение, уверен будучи, что рано или поздно невинность моя открылась бы.

В сем моем оправдании изложил я самую сущую истину, в противном случае подвергаюсь строгому суду».

Романову вскоре пришлось горько пожалеть об этой строчке своих показаний. Он не подозревал, что 3 февраля 1826 года Рылеев признался, что он сам принял его в общество.

Романову предъявили показание Рылеева. Упорствовать дальше было бесполезно. Однако он не сдавался и снова стал отрицать свою принадлежность к тайному обществу, словно в руках следователей не находилась неопровержимая улика.

От него снова потребовали подробных показаний о связях с главными деятелями тайного общества, о знакомстве с Рылевым и Николаем Бестужевым. Но Романов решил не пускаться в откровенности перед следственной комиссией. Да, действительно Рылеев ему открыл существование тайного общества, целью которого было введение конституционной монархии «с согласия государя». Он это признание сделал мимоходом, по дороге на званый обед. Затем Рылеев уехал в деревню, а он, Романов, отправился в Херсонскую губернию и забыл думать о тайном обществе. И только беспокойство за судьбу проекта экспедиции для исследования северных берегов Русской Америки вынудило его написать Рылееву. Проект был главной целью его жизни. О нем, кроме Рылеева, он

писал директору Российско-Американской компании Ивану Васильевичу Прокофьеву. С Бестужевым его связывали чисто литературные интересы: Николай Александрович правил его проекты, печатал статьи. А разговоры о конституции они не вели, да и встречались довольно редко...

Это упорное «отрицательство» принесло в конце концов свои плоды. Ему повезло, что братья Николай и Александр Бестужевы отметили в своих показаниях его непричастность к делам и целям общества. Возможно, именно это и спасло его от ссылки на поселение, а может быть, даже и от каторги.

Когда следствие по делу декабристов было закончено, Николай I приказал продержать Романова три месяца в крепости, а затем направить в Черноморский флот и ежемесячно доносить о его поведении.

Об исследовании северных берегов Русской Америки Романову пришлось забыть. Но в мечтах своих он много раз уносился в этот суровый край. В июле 1829 г. он опубликовал в «Отечественных записках» свои комментарии к анонимному «Предначертанию об описи Ледовитого моря на нартах». Он горел желанием отправиться в дальнее странствие, но было строжайше запрещено давать ему отпуск. Он неистово дрался с турками. В одном из боев «басурманская пуля поцеловала» Романова «немного выше лба», и теперь голова его служила «верным барометром при перемене погоды».

Когда минуло 12 лет с того дня, как увезли его вместе с печатанными полярными проектами в Петропавловскую крепость, Александр Кашеваров на байдарках исследовал значительную часть того самого Северо-Западного прохода, открытию которого он в молодости мечтал посвятить жизнь.

Прошло еще немного времени, и была отправлена экспедиция для исследования реки Медной, которая так интересовала Владимира Романова.

Возглавлял экспедицию молодой штурман Руф Серебренников. Много дней, недель, месяцев путешественники, преследуемые тучами мошары, прорубались сквозь лесные заросли, перебирались через пороги, пересекали болота. Взятые запасы провизии быстро иссякли. Приходилось питаться мясом случайно подстреленных зверей или корнями трав. Но зато с каждым шагом вперед на карте появлялись новые участки реки Медной. Для путешественников не было ничего дороже этой карты — они заплатили за нее ценою бессонных ночей и голода. Вот они уже достигли тех мест, где Медная так мелка, что по ней невозможно плыть на самой маленькой байдарке. Еще несколько усилий — и моряки увидят ее истоки. Но в эти дни, когда экспедиция находилась почти у самой цели, все двенадцать путешественников гибнут под пулями колчан. Ни одному не удалось спастись, некому было рассказывать об их мужественном подвиге.

Только спустя некоторое время проходившие по тем местам индейцы нашли сумку с дневником и картами Руфа Серебренни-

кова и доставили ее в Новоархангельск, управляющему Русской Америкой.

Эти дневники, уже в напечатанном виде, попали в руки Владимира Романова, когда он дрался с англичанами и французами у стен Севастополя...

Офицер, участвовавший в аресте Романова в 1826 году, через тридцать лет встретился с ним на приеме в честь героев Севастополя. Он никогда не пришел бы в этот дом, если бы знал, что бывший государственный преступник, находившийся под надзором властей, окажется героем дня. Говорили, что Романов проявлял чудеса храбрости. Рассказывали, что он спас севастопольскую морскую библиотеку и вывез последнюю горсточку защитников этого города с южной стороны на северную, заплатив за свой подвиг тяжелой контузией...

Рядом с Романовым стояли чиновник особых поручений при губернаторе Херсонской губернии и дама средних лет. Бывший курьер узнал в ней некогда очаровательную юную девушку, с которой ее спутник тридцать лет назад говорил на лестнице губернаторского дома. Время изменило их лица. Чиновник облысел, под глазами дамы заметны были морщинки, но не узнать этих действующих лиц давней истории было невозможно. Они тоже узнали его и что-то сказали друг другу. Офицер решил, что, вероятно, говорили о том, как провели его в январскую ночь 1826 года в далеком Херсоне. Он потерял более суток, которых было вполне достаточно, чтобы сестра Романова, переодевшись в мужское платье, загоняя тройки и щедро угощая водкой ямщиков, предупредила брата и помогла уничтожить бумаги, свидетельствовавшие о его связях с главными деятелями тайного общества декабристов...

В поисках неведомых земель

21 сентября 1807 года министр иностранных дел и коммерции Н. П. Румянцев получил донесение почетного члена Петербургской академии наук И. О. Потоцкого о том, что М. И. Адамс представил «очень интересные записки об этих северных районах» и привез ходатайство «русских охотников о разрешении посетить третий остров Ляхова, который в Сибири считают континентом».

Купец третьей гильдии С. Протодияконов и якутский мещанин Н. Белков просили разрешить отправиться от устья Лены или какого иного удобного места на третий остров (Котельный), к

северу от Св. Носа, где был найден «зеленой меди котел» (откуда остров и получил название). Просители обещали обойти берега этой земли, исследовать ее, предпринять поиски новых, возможно обитаемых островов и изведать водяные коммуникации между ними. Сведения, полученные М. И. Адамсом от сибирских жителей о том, что остров Котельный, вероятно, является континентом, привлекли внимание Н. П. Румянцева. Он решил не только удовлетворить просьбу Протодияконова и Белкова, но и направить на острова небольшую экспедицию во главе с ссыльным чиновником М. М. Гендештромом.

Однако в это время Румянцев узнал, что сын мещанина Сыроватского обошел весь третий остров, а еще далее открыл «большое протяжение матерой земли». Л. Сыроватский просил отдать остров Котельный и новооткрытую землю (остров Фаддеевский) в его владение. 1 декабря 1807 года Н. П. Румянцев запросил о новых открытиях генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля, отца руководителя Южного общества декабристов П. И. Пестеля. Одновременно Н. П. Румянцев хотел знать, кому из просителей отдать предпочтение — С. Протодиякову и Н. Белкову или Л. Сыроватскому, а может быть отправить всех вместе и даже других.

Сибирским властям потребовалось почти 9 месяцев, чтобы собрать необходимые сведения о новооткрытых землях и промыслах. В сентябре 1808 года И. Б. Пестель сообщил Н. П. Румянцеву, что купец Сыроватский и мещанин Белков не имеют ни капиталов, ни знаний, а купец Протодияконов имеет знания, но не имеет капитала. По мнению И. Б. Пестеля, ссылавшегося, в свою очередь, на мнение якутских властей, отсутствию денег и образования у промышленников не следует придавать большого значения и не следует на этом основании запрещать им заниматься промыслом. Наоборот, он считал, что для развития промыслов «остается одно надежное средство» — разрешить «всякого состояния людям» использовать богатства новооткрытых земель. Более того, И. Б. Пестель полагал необходимым приказать местным начальникам не только не чинить препятствий промышленникам, но и оказывать «всякое зависящее от них пособие». Он надеялся, что это послужит «к совершенной пользе целого государства» и приведет к новым открытиям в Ледовитом море.

Сообщение о том, что в Северном Ледовитом океане обретены «острова и матерая земля», было включено в число важнейших событий в жизни Русского государства за 1807 год, доклад о которых ежегодно представлялся Александру I.

Особенный интерес представляло для Н. П. Румянцева новое известие о том, что работниками купца Сыроватского-сына к востоку от острова Фаддеевского открыта большая земля, простирающаяся на 300 верст. Н. П. Румянцев, имевший в то время исключительно большое влияние на государственные дела России, желал как можно скорее обследовать открытые острова и матерую землю. Руководитель внешней политики России имел все основания

заботиться о том, чтобы его страна первой описала матерую землю и заявила о ее принадлежности Русскому государству.

Н. П. Румянцев просил И. Б. Пестеля снабдить М. М. Геденштрома инструкцией, согласно которой путешественник должен приложить все силы и старания, чтобы объехать если не всю, то по возможности наибольшее пространство открытой земли. Ему поручалось узнать, населена ли она людьми, описать образ их жизни и составить замечания о горах, долинах, соляных источниках, о животном и растительном мире. Н. П. Румянцев, уверенный в том, что «экспедиция доставит новый источник познаний просвещенному свету», решил не стеснять экспедицию в средствах и подчинил ее сибирскому генерал-губернатору. И. Б. Пестелю и подчиненным ему лицам разрешено было тратить на экспедицию денег столько, сколько потребуется по обстоятельствам.

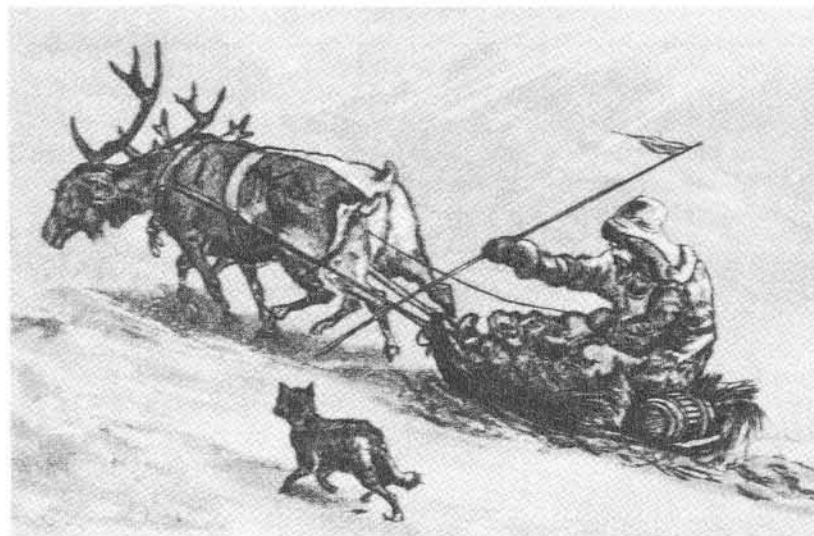
В то время как между Петербургом и Тобольском шла переписка о расходах, М. М. Геденштром прибыл из Иркутска в Якутск, где и занялся подготовкой экспедиции на земли, которые лежали к северу от Св. Носа. Геденштром избрал себе в спутники землемера И. Е. Кожевина, десятника И. Безносова и унтер-офицера И. Решетникова, искусного стрелка, сведущего не только в ружейном, но и кузнечном деле. С ним вызвались отправиться плотник Ф. Обухов и промышленник И. Ширяев, знающий юкагирский язык. Других нужных людей он надеялся набрать в Верхоянском остроге или в Усть-Янске.

Инструкция для Геденштрома была составлена иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным и предписывала путешественнику отправиться из Якутска через Верхоянск в Усть-Янск, откуда следовать к земле, которая была открыта к востоку от острова Котельного.

18 ноября 1808 года Геденштром, незадолго перед тем отправивший запасы на 57 лошадях, выехал из Якутска и 5 февраля 1809 года прибыл в Усть-Янск. Здесь он встретился с зазимовавшими промышленниками, среди которых был Яков Санников. При активной помощи обитателей Усть-Янска Геденштром собрал 120 собачьих упряжек, 29 700 штук мороженой рыбы, 306 пудов мяса, 48 лошадей и 63 оленя.

8 марта Геденштром, Санников и их спутники покинули Усть-Янск. На острове Фаддеевском Геденштром расстался с Санниковым и Кожевиным. В сопровождении устьянского промышленника Портнягина он благополучно добрался до Новой Сибири. Отсюда он отправился на восток, описывая по пути ее южный берег. Пройдя 65 верст, он увидел знак, поставленный промышленниками Л. Сыроватского. Следовательно, сообщения охотников о том, что они прошли берегом около 300 верст, были неверны. Через 30 верст от знака Геденштром достиг Деревянных гор.

Когда было обследовано 220 верст южного берега Новой Сибири, запасов корма для собак осталось только на обратный путь. Геденштром повернул обратно, посетил остров Фаддеевский, а за-

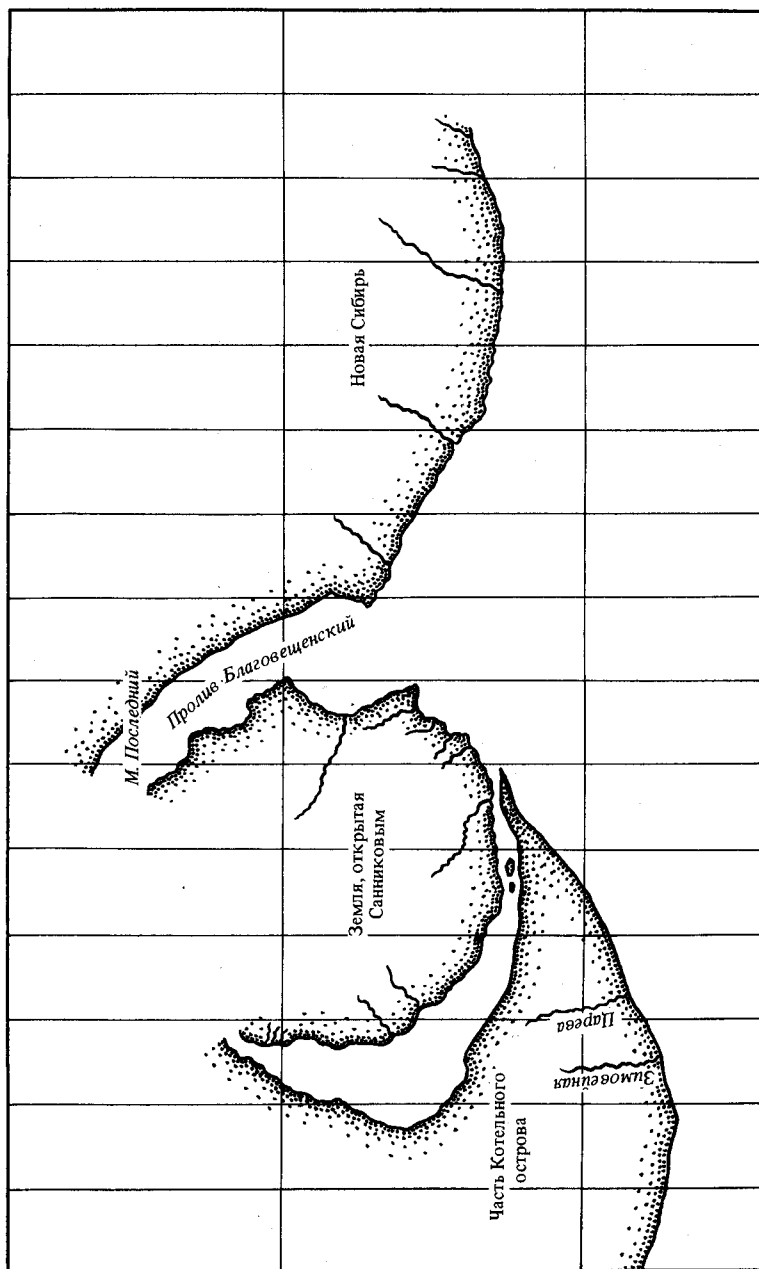
На оленях по арктической тундре зимой

тем по морскому льду направился к берегам Сибири. В Усть-Янске он застал Кожевина, который положил на карту восточный, западный и южный берега острова Фаддеевского, объехал Большой Ляховский остров и запеленговал Малый Ляховский остров. Санников, выполняя поручение Геденштрома, в нескольких местах пересек пролив между островами Котельным и Фаддеевским и определил, что ширина его колеблется от 7 до 30 верст.

В Усть-Янске Геденштрома ждали инструменты, присланные из Петербурга. Однако большая часть из них в дальней и трудной дороге была повреждена и не годилась для работы. Исправными остались только пантограф, компас, карманные часы, астролябия и термометр.

Геденштром послал на Новую Сибирь артель промышленников во главе с Санниковым и всех членов своей экспедиции. Они должны были выяснить, заходит ли рыба в реки Новой Сибири. Сам он 25 мая отправился в Иркутск с докладом о результатах весенних работ. Подъезжая к Верхоянску, он встретил нарочного, от которого узнал, что гражданский губернатор Н. И. Трескин не только не разрешил ему прибыть в Иркутск, но и сделал строгий выговор за «малый успех путешествия». Составив в Верхоянске отчет и присоединив черновой набросок карты Новосибирских островов, Геденштром отправил эти документы иркутскому начальству.

Н. И. Трескин переслал их И. Б. Пестелю, который распорядился составить «Записку об успехах путешествия Геденштрома». К ней была приложена составленная путешественником «Мерка-

Деталь первой карты Новосибирских островов, составленной М. М. Геденштромом в 1809 году

торская карта части новооткрытых на Северном океане островов». Кроме Большого (Первого) и Малого (Второго) Ляховских островов, на карте впервые показаны острова Столбовой и Белковский и часть западного, весь южный и часть восточного берегов островов Котельного и Фаддеевского, который означен как «земля, открытая мещанином Санниковым». На той же карте впервые обозначен залив, который ныне носит имя Геденштрома, пролив Благовещенский и значительная часть южного берега Новой Сибири. Небезынтересно, что от последней точки, достигнутой Геденштромом, он показан в виде линии, параллельной берегу Сибири и открывающейся в море где-то посередине между Индигиркой и Колымой.

Летом 1809 года Геденштром занимался обследованием окрестностей Усть-Янска и заготовкой рыбы для предстоящего путешествия. Когда замерзла Яна, он описал ее устье и 22 сентября 1809 г. направился на восток к Посадному зимовью, куда он перенес базу своих предстоящих исследований. По словам донесения И. Б. Пестеля, во время переезда он занимался описью устьев рек и осмотром приготовленных для будущей поездки на новую землю оленей. Затем Геденштром продолжил опись морского берега до Русского Устья на Индигирке. Вскоре в Русское Устье прибыл Санников со своими промышленниками и остальными членами экспедиции. Расчеты Геденштрома, что в речках Новой Сибири водится рыба, которую можно было бы использовать для корма собакам, не оправдались.

Санников несколько раз проникал в глубь Новой Сибири и заметил к востоку каменные сопки. Им была открыта река, которая текла на северо-восток от Деревянных гор. Санников рассказывал, что артельщики прошли по ее берегу «до 60 верст и видели взводную с моря воду». Из этих слов промышленника Геденштром сделал следующий вывод: «Сие доказывает, что Новая Сибирь в сем месте не столь широка».

Разъезжая по острову, Санников в 20 верстах от берега нашел кусок кости «который, кажется, обделан для употребления вместо топора, ибо несколько походит на прежние каменные топоры чукоч». Других свидетельств о том, что на Новой Сибири раньше жили люди, промышленнику обнаружить не удалось.

В октябре 1809 года Санников со своими товарищами переехал на остров, «им прежде открытый» (Фаддеевский), где встретился с артелью промышленника Чиркова. На этом острове Чирков нашел следы «не столь давней обитаемости». Среди них были «жерди юкагирской юрты, под ними саночные полозья еще свежие и копылья; несколько костяных скобелей для делания кож и камни, которые в них вкладываются». На основе этих находок Геденштром пришел к заключению, что в этот край приходили юкагиры, которые, вероятно, ушли на восток.

Одновременно он записал рассказ мещанина Ивана Портнягина, дед которого Спиридон «славился по здешнему краю» и яко-

бы перед своей смертью сообщил внуку, «что есть за морем Ледовитым люди» и что их родственники (его мать была юкагирка) около 100 лет назад ушла по льду на северо-запад от места, известного Посадным станом. Возможно, что найденные Санниковым и его товарищами юртовища принадлежали этим людям.

В своем рапорте Геденштром сообщил, что в предстоящем году он намерен обойти Новую Сибирь, а затем достигнуть мыса Песчаного и попытаться найти обитаемую землю в Северном Ледовитом океане. Без всякого сомнения, из показания Санникова Геденштрому стало очевидным, что, вероятнее всего, Новая Сибирь не материк, а остров, причем не столь уж большой. В следующем рапорте, посланном иркутскому гражданскому губернатору 16 января 1810 года, он предпринимает попытку обосновать необходимость основное внимание уделять не Новой Сибири, а областям к востоку от нее. Он решает искать землю, лежащую к северу от Колымы, сведения о которой основаны «на суждении по резонам физическим г. капитана Сарычева (ныне вице-адмирал), бывшего при экспедиции Биллингса».

Геденштром в своей записке обращает внимание на известное мнение этого полярного исследователя о том, что, судя по переменчивости и непостоянности «прилива и отлива и морских течений, море к северу от Колымы не может быть обширно, и что не в дальнем расстоянии на севере должно быть твердой земле». По словам путешественника, такое заключение Сарычева уже достаточно для того, чтобы предпринять поиски земли в районах к северу от Колымы и мыса Шелагского. Геденштром предполагал, что если гипотеза Сарычева справедлива, то эта неведомая земля либо является продолжением Новой Сибири, либо соединяется с ней через цепь островов.

В доказательство Геденштром приводил следующие доводы. Во-первых, в Северном Ледовитом океане, как во всяком ином океане, наблюдаются явления прилива и отлива, но поскольку от устья Яны до Колымы они не наблюдаются, то имеются основания думать, что где-то на севере «есть земля, воспрепятствующая приливу в океане доходить до здешних берегов». В частности, об этом свидетельствует открытие Новой Сибири. Во-вторых, полагает Геденштром, если Новая Сибирь не столь обширна и, может быть, является островом, где через пролив между ее берегами и берегами земли, лежащей против Колымы, должны проходить океанские массы воды и вызывать на сибирском побережье явления прилива и отлива. Следовательно, такого прилива либо не существует, либо через него проходит цепь островов, гасящая прилив. Правда, этот вывод прямо не сделан Геденштромом, но он читается между строк.

Особенно интересен третий пункт доказательств путешественника. «Невероятно также, — пишет Геденштром, — что Ледовитый океан против сей части Сибири соделался неизмеримой льдиной, и потому непреступен тем действиям, которые прилив и отлив про-

изводят». Это важный вывод, который нельзя упускать из виду, принимая во внимание необычайную противоречивость представлений о Северном Ледовитом океане в начале XIX века. А. Э. Норденшельд впоследствии писал, что Ф. П. Врангель и П. Ф. Анжу сослужили важную службу географии, установив, что Северный Ледовитый океан не скован вечным льдом. Это справедливо, но начало этому доказательству сперва в области теории, а затем на опыте своей поездки положил М. М. Геденштром.

Между прочим, судя по той же записке, он считает, что Дж. Кук в своем плавании к северу от Берингова пролива был остановлен не вечным ледяным полем, а льдом, который сплотился у неизвестной преграды: «Вероятно, что берег Америки, уклоняясь от севера к западу, сим огибом преградил льду дальнейший путь».

По мысли Геденштрома, если бы к северу от точки на 70° с. ш., достигнутой Дж. Куком, не было земли, то сильное течение, которое должно существовать в области соединения двух океанов, разрушило бы ледяную преграду или отнесло ее в ту или иную сторону в зависимости от направления водного потока. Если в море против Новой Сибири, которую от материка отделяют всего 320 верст, лед не только взламывается, но нередко «глазу видятся» необъятные пространства чистой воды, то тем более к северу от Берингова пролива Дж. Кук должен был найти свободное море, если бы на его пути не лежала неизвестная земля. То, что Дж. Кук встретил лед под 70° с. ш., еще не доказывает, что «льды сии простираются до полюса».

Геденштром лично наблюдал у берегов Новой Сибири и «Земли, Санниковым открытой» (остров Фаддеевский), припай, который простирался в море на 70—100 верст. Именно такой лед и помешал Дж. Куку в его плавании на север. Итак, он, Геденштром, хотел бы открыть землю, которой не удалось достигнуть Дж. Куку и о которой писал Санников.

Таким образом, М. М. Геденштром, развивая мысли Г. А. Сарычева на основе собранных им самим сведений о Северном Ледовитом океане, вывел новые доказательства существования земли к северу от Колымы. Именно эту землю он намеревался искать предстоящей весной.

2 марта 1810 года экспедиция покинула Посадное зимовье и направилась на север. Вместе с Геденштромом поехал Санников. Путь до Новой Сибири занял около двух недель. Дав путешественникам и собакам двухдневный отдых, Геденштром приступил к продолжению описи Новой Сибири. В то же время он поручил Санникову пересечь землю с юга на север.

На второй день Геденштром убедился, что Новая Сибирь не так уж велика, как первоначально предполагалось. Вскоре берег повернул на северо-восток, затем на север и, наконец, на запад. Новая Сибирь была островом, а не землей, соединяющейся с Америкой. В тот же день с высокого Каменного мыса он увидел на северо-востоке «синеву, подобную отдаленной земле».

Утром приехал Санников. Он пересек Новую Сибирь и, выйдя на ее северный берег, также увидел далеко-далеко на северо-востоке синеву. Геденштром, взяв несколько нарт, поехал на северо-восток, к синеве, которая «представлялась через зрительную трубу белым яром, изрытым, как казалось, множеством ручьев. Вскоре яр сей показался простирающимся полукружием и почти соединяющимся с Новой Сибирью. Но, к крайнему прискорбию всех, на другой день узнали, что обманулись. Мнимая земля превратилась в гряду высочайших ледяных громад 15 и более саженьей высоты, отстоящих одна от другой в 2 и 3 верстах».

Слова о том, что мнимая земля превратилась в гряду исполинских торосов, в первом донесении о втором путешествии Геденштрома отсутствуют. В нем говорится, что он увидел «на северо-востоке синеву, подобную отдаленной земле, пустился туда, пробиваясь сквозь торосы, но в следующий день встретил он торосы, подобные горам, что ...заставило возвратиться назад, дабы запастись дровами на дальнейший через море путь». Эти слова взяты не из собственного рапорта М. М. Геденштрома, а из донесения И. Б. Пестеля от 9 октября 1810 года. Спустя три месяца, а именно в январе 1811 года генерал-губернатор Сибири послал записку об открытиях экспедиции, основанную на подлинном журнале Геденштрома, где уже имеются строки, близкие к приведенным из его «Путешествия».

«Видя, таким образом,— говорится в записке И. Б. Пестеля,— что Новая Сибирь не простирается далее к востоку, и приметив на северо-востоке синеву, которая издали казалась матерой землею, решились 18-го числа отправиться к оной. Но чрезвычайно частый торос столь затруднял их переезд, что они с утра до вечера не более 17 верст смогли отъехать и ни одной нарты не осталось у них целой. Пробившись потом до 25 верст, увидели, что казавшийся им берег, к крайнему удивлению, составляли высочайшие ледяные горы, в нескольких верстах одна от другой лежащие, а в дали представлявшиеся сплошными». И дальше идет фраза о том, что они вернулись на Новую Сибирь, чтобы запастись дровами для путешествия по морю.

Противоречивость этих двух донесений усугубляется еще одним неожиданным обстоятельством. Основываясь на копиях карт, исследователи, в том числе и автор этой работы, считали, что Геденштром не нанес эту землю. Это и справедливо, и несправедливо. На подлинной карте, составленной Геденштромом, действительно нет этой земли, но на предполагаемом месте ее нахождения поставлен знак, которым обозначают приблизительную величину. Вероятно, Геденштром не был окончательно убежден, что они достигли того места, где надлежало быть «синеве», подобной матерой земле, и считал необходимым обратить внимание исследователей на этот район, где, возможно, их ждут открытия. И, действительно, там спустя столетие были открыты острова Жохова и Вилькицкого.

Итак, 19 марта Геденштром вернулся на Новую Сибирь. Он

решил дать отдых собакам, а спутникам приказал починить нарты, заготовить запасные полозья, копылья, вязки и собрать дров на двухнедельный путь.

24 марта он тронулся в путь к той земле, которая, по мнению адмирала Сарычева, должна находиться к северу от Колымы. Через 14 верст начались восторженные льды. За остаток дня смогли пройти в ледяных завалах только 6 верст. Во второй день прошли 28 верст, а за третий и четвертый всего лишь 30 верст. Затем лед сделался весьма ненадежным, толщина его уменьшилась до 6 вершков, во многих местах виднелись трещины, а впереди стоял «черный туман» — признак огромного пространства открытой воды. На следующий день экспедиция продолжала поиски, но вместо матерой земли снова встретила открытое море, «в расстоянии от воды не более полуверсты видели ясно носившийся на оной лед».

30 марта Геденштром повернул к берегам Сибири. Он направился к Лаптевскому маяку в устье Колымы, где его должны были ждать несколько новых упряжек собак и запасы рыбы. Но здесь ничего не было. Людей, запасы и упряжки Геденштром нашел в Шалауровом зимовье, но собаки оказались плохие, а запасов было всего на 100 верст пути. Тогда он отправился в Нижнеколымск, достал 5 нарт и корму для собак на 20 дней. 18 апреля Геденштром выехал на северо-восток от Баранова Камня.

В 250 верстах от материка он обнаружил на льдинах земляные глыбы. Одновременно Геденштром наблюдал, как стая гусей пролетела на северо-запад. По словам записки Пестеля, эти наблюдения подтвердили догадку путешественников о том, что впереди должна быть земля. Вскоре Геденштром встретил разводье шириной 30 метров. Преодолеть это препятствие не было возможности, и путешественник повернул назад. Он решил идти к мысу Шелагскому, который интересовал многих исследователей, и осмотреть его окрестности. Однако лед вскоре сделался очень тонок. Его часто пересекали трещины, и как ни пытались путешественники объехать их, всякий раз терпели неудачу. В разводьях было замечено сильное течение на восток, глубина в измеренных местах колебалась от 11 до 12 саженьей, а грунт был всюду одинаковый — «вязкая синяя глина». Причину образования «сих расселин» Геденштром видел в продолжительном восточном ветре, который нагнал воду со стороны Берингова пролива и создал «спорное течение в открытом море». Благодаря своим поездкам по льду на восток от Новой Сибири Геденштром раньше Врангеля и Анжу установил, что Северный Ледовитый океан не скован вечным льдом.

Лето 1810 года Геденштром провел в Нижнеколымске, откуда осенью по санному пути перебрался в Усть-Янск. Здесь его поджидал Санников, недавно вернувшийся вместе с промышленником Белковым с острова Котельного. Судя по «Записке о найденных вещах мещанином Санниковым на Котельном острове», на северо-западном его берегу, в тех местах, куда не доходил ни один про-

мышленник, он обнаружил могилу с крестом. Санников полагал, что на острове в древности обитали русские.

В той же «Записке» идет речь и о другом, пожалуй, самом интересном факте, который, безусловно, не остался незамеченным. Оказывается, Санников, находясь на острове Котельном, видел на северо-западе, примерно в 70 верстах, очертания неизвестной земли. Вот что об этом сказано в записке, составленной Геденштромом со слов Я. Санникова: «Берег в том месте, до коего он доходил, оборачивается на восток, а на северо-западе в примерном расстоянии 70 верст видны высокие каменные горы». На основании этого рассказа Санникова Геденштром обозначил в верхнем левом углу своей итоговой карты берег неведомой суши, на которой написал «Земля, виденная Санниковым». На ее побережье нарисованы горы. Геденштром придавал сообщению Санникова важное значение, предполагая, что виденный им берег соединяется с Америкой. Это была по счету вторая Земля Санникова — земля, которой в действительности не существовало.

6 января 1811 года представляя Н. П. Румянцеву подробную записку о втором путешествии Геденштрома, И. Б. Пестель советовал воздержаться не только от особой научной экспедиции, но и от новой экспедиции самого Геденштрома, поскольку его поездки ложатся тяжелым бременем на «жителей сей страны, находящихся в самом плачевном положении».

Осенью 1810 года Геденштром был отозван в Иркутск. Но прежде чем покинуть Усть-Янск, он сделал все приготовления к дальнейшему исследованию новооткрытых земель, которое должно было осуществляться следующим образом.

Геодезист П. Пшеницын вместе с казаком Татариновым должен был отправиться сначала для описи на остров Фаддеевский, затем пересечь Новую Сибирь, исследовать ее северный берег, опись которого не была картирована Геденштромом. Ему следовало узнать «не простирается ли она на восток и не соединяется ли, или приближается к протянувшемуся, как предполагают, в Ледовитое море берегу северо-западной Америки». Пшеницын должен был заниматься этими исследованиями не только весной, но и летом.

Одновременно Санникову с унтер-офицером Решетниковым поручалось объехать весной северную часть острова Фаддеевского, а затем остаться на лето на острове Котельном, чтобы «неотменно пройти те каменные горы, которые он прошедшего лета с западной стороны Котельного острова видел... и ежели земля сия простирается за оными на северо-запад и запад, то пересечь оную, чтоб выйти на восточную сторону».

Описью острова Фаддеевского должен был заниматься либо Я. Санников, либо Пшеницын (если какие-либо препятствия помешают одному, то это дело мог исполнить другой). Обращает на себя внимание тот факт, что «мещанину Санникову предписано по возвращении с Котельного острова отправиться в Иркутск на коште экспедиции для личного донесения о своем успехе». Иными

словами, Санников оставался восприимчивым экспедиции Геденштрома, которая, судя по перечисленным задачам, отнюдь не прекращала своей деятельности и не меняла цели. Это понимал и И. Б. Пестель, который 23 августа 1811 года представил Н. П. Румянцеву «Записку о распоряжениях, какие назначены для продолжения экспедиции на Ледовитом океане».

Безусловно, Пестелю была ясна политическая и научная значимость открытия матерой земли в Северном Ледовитом океане, тем более, что Геденштром, вернувшийся в Иркутск, сообщил, что, по полученным им сведениям, берег Америки от северо-запада протянулся через океан за устье Колымы, и представил его «абрис». Хотя, по письму Пестеля, сведения об этом были «не новые, а давно уже известные... и хотя все они основаны на показаниях людей менее вероятия заслуживающих», он отдал распоряжение об исследовании этого «американского берега». К этому письму приложена «Записка из донесения иркутского губернского землемера А. И. Лосева», в которой, кроме упоминания о плавании Дежнева, говорится о поездке сержанта С. Андреева в 60-х годах XVIII века, когда он доставил сведения о Медвежьих островах, а также о земле Тикеген и о берегу Америки. В заключение этой записки говорится: «Все мореходы в путешествиях своих хоть не утверждали непрерывное продолжение от Америки к западу, но существование матерой земли прямо против устья Чауна признавали, потому что дующие там в августе месяце северо-западные ветры лед далеко в море не уносили».

Некоторые сведения Лосева, в частности о путешествии С. Андреева, были использованы Геденштромом при составлении «Меркаторской карты, представляющей новооткрытые на Ледовитом море земли и берега».

Продолжение описи и осмотра Новосибирских островов было поручено Санникову, Пшеницыну, Решетникову и Татаринову. В марте они были у цели. Пшеницын с Татариновым объехали Новую Сибирь и положили на карту всю береговую линию протяженностью в 470 верст. Татаринов пытался проехать по морю на север от мыса Каменного, чтобы узнать, не имеется ли там «предполагаемой матерой земли», но в 25 верстах от Новой Сибири встретил «открытое волнующееся море, не имеющее уже при северо-западном ветре носимых льдов».

23 мая, после того как была завершена опись Новой Сибири и составлена карта, П. Пшеницын отправился на остров Фаддеевский, где ему со своими спутниками предстояло провести лето. Переезд через Благовещенский пролив занял два дня. 26 мая Пшеницын отправил казака Никулина и крестьянина Фаддеева к стану близ речки Чугут-уах, куда князец Барабанский и крестьянин Портнягин должны были доставить оленей, на которых он собирался исследовать летом остров. Но в стане никого не было.

Между тем Я. Санников вместе с сыном Андреем обследовал открытый им еще в 1805 году остров Фаддеевский. С мыса Благо-

не надо забывать, что Геденштром и его спутники пользовались инструментами, которые не всегда оказывались исправными.

Геденштром, Санников, Кожевин и Пшеницын не только составили первую карту Новосибирских островов, но и собрали первые сведения о их природе, древних юкагирских жилищах, зимовье безвестных русских и, по-видимому, якутских промышленников.

Земли, лежащие к северу и востоку от Ляховских островов, приобрели свой настоящий облик. Три из них открыл Яков Санников: это острова Столбовой, Фаддеевский и Земля Бунге. Но, как ни странно, имя его получило большую известность не благодаря его выдающимся географическим открытиям, а в связи с теми землями, которые он видел в Северном Ледовитом океане.

Санникова высоко ценил Геденштром. Он видел в нем самого надежного помощника и именно ему поручил завершение работ экспедиции, когда губернатор отозвал его в Иркутск. В своих записках «Путешествие по Ледовитому морю и островам онога, лежащим от устья Лены к востоку» он не преуменьшил роли Санникова в этом географическом предприятии.

О деятельности Санникова на севере с восхищением отзывался И. Ф. Крузенштерн. В своем сочинении «Об островах, недавно открытых на Ледовитом море» он писал, что именем этого полярного исследователя по справедливости следовало было назвать открытый им остров Фаддеевский. Высоко оценил деятельность Санникова и И. Б. Пестель: «Справедливость требует упомянуть в особенности о мещанине Санникове, коего труды по сей экспедиции заслуживают внимания; он открыл прежде Столбовой остров, большую часть Котельного и весь Фаддеевский остров; с 1809 года мещанин сей и четыре его сына числились при оной экспедиции с самого приезда Геденштрома в Усть-Янск».

Две из трех земель, усмотренных Санниковым в различных местах Северного Ледовитого океана, появились на карте Геденштрома. Одна в виде части огромной суши с гористыми берегами была нанесена к северо-западу от острова Котельного, другая была показана в виде гористых островов, протянувшихся от меридиана восточного берега острова Фаддеевского до меридиана мыса Высокого на Новой Сибири и названа его именем. Что касается земли к северо-востоку от Новой Сибири, то на месте предполагаемого ее местонахождения он поставил знак, которым обозначают приблизительную величину. Впоследствии именно здесь были открыты острова Жохова и Вилькицкого.

Таким образом, Яков Санников видел в трех различных местах Северного Ледовитого океана неведомые земли, которым затем на протяжении десятилетий предстояло занимать умы географов всего мира. Всем было известно о крупных географических открытиях Санникова. Это придавало еще большую убедительность его сообщениям. Сам он был уверен в существовании этих земель. Как видно из письма И. Б. Пестеля Н. П. Румянцеву, он был намерен

«продолжить открытие новых островов и прежде всего той земли, которую видел он на севере от Котельного и Фаддеевского островов».

Экспедиция Геденштрома—Санникова завершилась в сложное и трудное для России время. Шел 1812 год. Над отечеством нависла опасность нашествия. Последние распоряжения по экспедиции Геденштрома, дела которой в это время ликвидировались, отдавал товарищ министра иностранных дел А. Н. Салтыков. Ему адресованы и донесения И. Б. Пестеля; последнее из них датировано 13 февраля 1813 года. В нем идет речь о «совершенном окончании» экспедиции.

Экспедиция Геденштрома—Санникова — самое крупное и самое выдающееся полярное путешествие начала XIX века. Она представляет собой яркое звено в сложной цепи поисков матерой земли к северу от берегов Сибири, положившее начало первым сомнениям в существовании так называемого Северного континента. Экспедиция стала не только блестящей прелюдией к выдающимся путешествиям П. Ф. Анжу и Ф. П. Врангеля, для которых были скопированы все ее карты, документы и описание путешествия, но и оказала большое влияние на дальнейшее развитие русских полярных исследователей к северу от Чукотки, Берингова пролива и Русской Америки.

Тот факт, что Н. П. Румянцев в это время начал обсуждать с И. Ф. Крузенштерном вопрос о возобновлении поисков морского пути из Тихого океана в Атлантический, находится в некоторой связи с исследованиями, которые велись на северо-востоке России. М. М. Геденштром своими сведениями о существовании земли к северу от Колымы и Шелагского мыса, а также к северу от островов Котельного и Фаддеевского поддерживал интерес Н. П. Румянцева к открытию берегов Америки, якобы простирающихся на запад. Во всяком случае, судя по письмам Н. П. Румянцева И. Ф. Крузенштерну, поиски Северо-Западного прохода и северной оконечности Америки представлялись одной задачей.

Когда английский мореплаватель Бурней (Барни) выдвинул гипотезу о том, что Азия и Америка соединены перешейком, то Н. П. Румянцев, в отличие от И. Ф. Крузенштерна и английского путешественника Барроу, отнесся к этой идее с особым интересом. И это понятно, те доводы, которые выдвигал Дж. Бурней, уже давно были известны Н. П. Румянцеву из нескольких записок М. М. Геденштрома, который спустя 30 лет писал о том, что он «уверен, даже убежден, что на севере Чукотской Земли остаются незнанные еще земли или острова».

Открытие земель к северу от Колымы с поисками Северо-Западного прохода связывал и знаменитый английский исследователь Дж. Барроу, который через И. Ф. Крузенштерна просил у Н. П. Румянцева подробных сведений о Новой Сибири и плавании С. Дежнева.

Инициатива Н. П. Румянцева в отправлении экспедиции

М. М. Геденштрома, а затем экспедиции О. Е. Коцебу на «Рюрике» для поисков Северо-Западного прохода нашла свое продолжение в снаряжении экспедиций Ф. П. Врангеля, П. Ф. Анжу и в плавании М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева в Берингов пролив, которые явились новым шагом в развитии научных представлений о природе Арктики.

В погоне за тайной века

7 августа 1806 года корабль «Надежда» отдает якорь на Кронштадтском рейде. С этого дня имя капитана Ивана Федоровича Крузенштерна, который только что завершил первое русское кругосветное плавание, становится известным на всех континентах. Российская академия наук избирает его своим членом, почетных званий его удостоивают научные общества и университеты Лондона, Парижа, Геттингена...

Знаменуя начало эпохи русских кругосветных плаваний, путешествие Крузенштерна, словно вспышка молнии, озаряет первую половину XIX века и вызывает к жизни много географических предприятий на севере и востоке России.

Этот успех открывает перед ним двери дома одного из самых влиятельных государственных деятелей начала XIX столетия графа Николая Петровича Румянцева, старшего сына знаменитого русского полководца Петра Александровича Румянцева, в честь побед которого воздвигнут обелиск в Петербурге. Обелиск в честь побед Румянцева первоначально находился на Царицыном лугу в Царском Селе, а затем был перенесен на площадь Румянцева, расположенную на правом берегу Невы между Первой и Второй линиями Васильевского острова.

Николай Петрович ласково был принят при дворе, но светская жизнь не удовлетворяла его. Он уехал за границу и слушал лекции в Лейпцигском университете. Он исколесил почти всю Европу, пока в 1780 году его не назначили послом в одно из немецких княжеств. Начало нового века застало Румянцева в Петербурге. Его назначили директором водных коммуникаций. Марининская система, каналы Вышневолоцкий, Березинский имеют отношение к его сложной биографии.

Через год он становится министром коммерции, энергично заботится о развитии торговли, уделяя особое внимание укреплению недавно созданной Российско-Американской компании, что для него было неразрывно связано с укреплением позиций России в Северной Америке и северной части Тихого океана.

Румянцева не только горячо поддержал проект первой русской кругосветной экспедиции, но и написал инструкцию для этой эк-

спедиции. Он напутствовал Крузенштерна обстоятельным посланием, в котором подробно остановился на задачах исследований тропической и северной части Тихого океана.

«Дай бог,— писал он в заключение,— чтоб успехи Ваши были столь же благословенны, сколь искренни мои желания. Мысль, что для отечественной торговли откроется новое поле, делается тем совершеннее, что вместе с сим Россия под Вашим руководством принесла бы и свою дань во всеобщее богатство человеческих познаний. Я заранее утешаюсь за Вас тем, что после такого славного дела имя Ваше пойдет наряду с именами отличных мореплавателей».

Иван Федорович Крузенштерн

Крузенштерн оправдал надежды Румянцева, который между тем продолжал стремительное восхождение по служебной лестнице. Вскоре после заключения Тильзитского мира он получает портфель министра иностранных дел. Через год после подписания Фридрихсгамского мира со Швецией, по которому Финляндия присоединялась к России, он получает высшее звание в России — звание государственного канцлера.

Историки и писатели разных поколений единодушны в оценке исключительно плодотворной просветительской деятельности Н. П. Румянцева. Он создает великолепное собрание редких книг и завещает сделать общедоступным. На основе этого собрания развилась и расцвела Государственная публичная библиотека, носящая ныне имя В. И. Ленина. К этому надо добавить собрания старинных договоров и грамот, старинных рукописей, коллекции монет. Не жалея денег, он посылает ученых почти во все страны Европы и во многие достопамятные места России для сбора рукописей, имеющих отношение к истории Русского государства. Особое пристрастие он имеет к путешествиям, и в особенности к полярным.

Он просит Крузенштерна быть его научным советником по части географических изысканий, книг, рукописей и карт.

Многие часы проводят они в библиотеке графа, в которой собраны самые древние и самые новые книги по истории морских странствий и богатейшая коллекция географических карт. Тема их разговоров одна и та же: существует ли проход из Берингова пролива в Атлантический океан вдоль северных берегов Америки, которые сокрыты во мраке неведения? Именно в этой области, ле-

жащей белым пятном на самых новых картах, затем на северо-востоке России да и на крайнем юге ждут мореплавателей открытия, возможно, великие по своему значению.

«Статья может, — пишет Крузенштерн, — что сделан будет вопрос: какая польза может быть для России от таковых изысканий? Такие вопросы могут исходить от людей, которые не понимают, что эти исследования имеют целью возрастание могущества и распространение политического влияния их отечества».

Румянцев, только недавно ставший министром иностранных дел, великолепно понимает, какое влияние географические исследования порой оказывают на внешнюю политику и как внешняя политика вызывает к жизни новые странствия.

Он просит Крузенштерна составить описание путешествий к Северному полюсу, и мореплаватель отправляется в захватывающее странствие по старинным книгам, картам и рукописям. Его восхищает стремление многих поколений моряков найти проход из Атлантического океана в Тихий. Еще приятнее убедиться, что ни одно государство Европы не достигло столь блистательных успехов в исследовании Севера, как Россия.

Всего за десять лет отряды Великой Северной экспедиции исследовали арктическое побережье от Северной Двины до Колымы, а ученые — участники этого крупнейшего полярного предприятия России — нашли в сибирских архивах документы о том, что еще в 1648 году казак Семен Дежнев совершил плавание из устья Колымы на Анадырь и тем самым доказал, что Азия отделена от Америки проливом...

Правда, теперь, уже в XIX веке, некоторые географы стали сомневаться в достоверности этого плавания.

Более скудными были знания о севере Американского континента, хотя экспедиций в этот район снаряжалось великое множество. На исходе XV века, через несколько лет после открытия Колумбом Америки, Себастьян Кабот сделал первую попытку проникнуть к северо-западу вдоль берегов Нового Света. Затем последовали экспедиции португальцев, испанцев, французов и, наконец, англичан. Путешественники в конце XVI — начале XVII столетия проникли в залив, который впоследствии был назван именем Гудзона и, тщетно ища прохода в Ледовитый океан, в основных чертах завершили его обследование.

Новый шаг в исследовании Северо-Западного прохода был сделан Уильямом Баффином, который поднялся вдоль западных берегов Гренландии до $77^{\circ}30'$ с. ш., открыл устья проливов Ланкастер и Смит и пришел к выводу, что Северо-Западного прохода не существует, хотя в действительности положил начало его открытию.

Карта, составленная Баффином, к несчастью, затерялась, и ученые-географы в конце концов стали сомневаться в достоверности его выдающихся открытий. Возможно, распространению этого заблуждения способствовали неудачи последующих экспе-

диций, которые до первых десятилетий XIX века так и не проникли в этот районе севернее Баффина.

Следующая точка, которую нанесли на карту американского берега Ледовитого моря, была достигнута в 1770 году Самуилом Херном, служащим компании Гудзонова залива. Он вышел к морю по реке Коппермайн (Медной руды) и нашел у живших там эскимосов много китового уса и шкур тюленей. Но в его открытии географы сомневались, как сомневались в открытиях Баффина и Дежнева. Через восемь лет знаменитый Кук прошел Беринговым проливом и достиг мыса Ледяного под 71° с. ш. И уже на исходе XVIII столетия, в 1793 году, Александр Маккензи, спустившись по большой реке, носящей ныне его имя, увидел «вонючее озеро», как индейцы называли Северный Ледовитый океан. Правда, сами англичане отнеслись к этому путешествию весьма скептически. Барроу считал, что «если сведения, доставленные нам Херном о море, неудовлетворительны, то Маккензины еще гораздо темнее». Суд современников был скорый и несправедливый: они полагали, что ни Херн, ни Маккензи не видели моря, хотя, вероятно, и находились вблизи него.

Таким образом, к началу XIX века на огромном пространстве севера Американского континента было известно всего лишь несколько пунктов, что не делало более ясным вопрос о существовании Северо-Западного морского пути, а, скорее, давало повод для рождения новых гипотез и заблуждений.

Состояние знаний о полярных странах наглядно иллюстрируется старинными картами последней четверти XVIII и самого начала XIX столетия. Почти на всех них к северу от берегов Сибири обозначены очертания огромной арктической суши, сведения о которой впервые появляются в донесениях Михаила Стадухина и затем подкрепляются показаниями сержанта Степана Андреева, предположениями Сарычева о большой матерой земле к северу от Колымы и сообщениями якутских промышленников, которые приняли Новую Сибирь за исполинскую сушу, возможно, являющуюся частью Америки. Результаты таких представлений о северной полярной области наглядно видны на генеральной карте Российской империи 1807 года, на которой северный берег Америки от Берингова пролива заворачивает на запад и тянется по направлению к Шелагскому мысу, хотя и не соединяется с ним.

Огромная арктическая суша изображена и на карте секунд-майора Михайло Татаринова, составленной в 1779 году в Иркутске. На ней показана самая северная точка, достигнутая Куком в 1778 году во время плавания в Ледовитый океан. От этой точки берег Америки принимает строго западное направление и, пройдя в расстоянии 600—800 километров от берегов Евразии, соединяется с Гренландией. Западный берег Гренландии, в свою очередь, соединен с Америкой сушей, которую омывает Баффиново море и через которую намечены устья Ланкастеровой и Алдермоновой проливов.

После плавания Кука в Англии, истратившей миллионы фунтов стерлингов на экспедиции, которые почти непрерывно отправлялись в течение трех столетий, забывают о нерешенной великой географической задаче.

Крузенштерн полагает, что причиной утраты интереса к исследованию Северо-Западного морского прохода было, с одной стороны, «утвердившееся после покушения англичан мнение о невозможности существования морского прохода на Севере», с другой — «непрерывные войны, которые вели между собою наиболее могущественные европейские государства». Составленное Крузенштерном «Обозрение путешествий» свидетельствовало о том, что «хотя существование Северного прохода весьма сомнительно, но повторение опыта от запада на восток и от востока на запад может стать предприятием нетленным».

Крузенштерн находил, что идея о проходе из Атлантики в Тихий океан через Северный полюс химерична. В центре Ледовитого океана, по его мнению, ждет такой же неодолимый лед, какой останавливал все суда, прежде чем им удавалось достигнуть 83° с. ш. Более реальных успехов мореплавателя ожидал от одновременных покушений как со стороны Берингова пролива, так и со стороны Баффинова залива.

Вскоре после прекращения войны между Россией и Англией, то есть примерно в 1810 году, Крузенштерн начал обсуждать с Румянцевым практические шаги по подготовке экспедиции для поисков Северо-Западного прохода. Сначала предполагали снарядить экспедицию из служащих Российско-Американской компании, на дела которой государственный канцлер имел решающее влияние.

Однако выяснилось, что в Русской Америке не набрать достаточного числа сведущих в навигаторском деле людей, которые могли бы справиться с нелегкими задачами по исследованию Северо-Западного пути и севера Американского континента.

Нашествие Наполеона было тяжелым испытанием для Румянцева и отодвинуло на время исполнение плана Крузенштерна. Из-за апоплексического удара государственный канцлер на многие месяцы лишился возможности заниматься делами не только правительственными, но и личными. Н. П. Румянцев в 1814 году оставил государственную службу. За ним были пожизненно сохранены звания государственного канцлера и все получаемые им оклады, которые он пожертвовал на помощь инвалидам Отечественной войны 1812 года. Но после окончания войны Крузенштерн и Румянцев вернулись к заинтересовавшему их вопросу. 25 ноября 1813 года мореплаватель направил канцлеру смету расходов на предполагаемое путешествие.

Стоимость экспедиции была определена в 100 тысяч рублей. Из них 50 тысяч на постройку судна, 16 тысяч — на жалованье, 10 тысяч — на провизию, 6 тысяч — на инструменты. Остальная часть этой весьма солидной по тем временам суммы могла быть

употреблена на экстраординарные расходы и покупку вещей и товаров для обмена их на провизию и для подарков народам посещаемых земель.

Крузенштерну удалось заразить Румянцева своей увлеченностью. Вопросы решались быстро. Через несколько месяцев уже было заказано судно на верфи Або. Его решили назвать «Рюрик». Крузенштерн предложил назначить командиром корабля Отто Евстафьевича Коцебу, который кадетом плавал с ним на корабле «Надежда», проявил себя знающим моряком и с «отличным рвением» занимался исследованием берегов, составлением карт и астрономическими наблюдениями. Узнав о согласии государственного канцлера, Коцебу 9 июня 1814 года отправил Румянцеву из Ревеля восторженное послание:

«Письмо Ваше принесло мне неописанную радость. С получением его мне казалось, что я уже плаваю на „Рюрике“, борюсь с морями, открываю новые острова и даже самый Северный проход, но опомнясь нашел, что еще далек от сей цели. Главная моя забота есть та, чтобы корабль сооружен был прочным образом: медная обшивка есть одна из важнейших пунктов и потому приступаю к ней прежде всех».

Между тем Крузенштерн отправился в Англию, чтобы заказать навигационные приборы для экспедиции на бриге «Рюрик». У него было много знакомых среди моряков британского флота, на кораблях которого он прослужил несколько лет, совершив плавание к берегам Америки и Индии. Он близко сошелся с секретарем английского адмиралтейства Джоном Барроу, который затем следил за выполнением заказов Ивана Федоровича и стал на многие годы его ревностным корреспондентом. Через Барроу впоследствии Крузенштерн получал обстоятельную информацию о намерениях английского правительства в области полярных исследований.

В Англии были встревожены намерениями русских моряков исследовать Северо-Западный проход, о котором на протяжении последних четырех десятилетий забыли и думать.

22 января 1815 года Отто Коцебу покинул родной Ревель и вместе с командой направился через Петербург в Або, где строился корабль «Рюрик». «Мы шли с обозом нашим, — писал Коцебу, — и когда потеряли город из виду, я почувствовал облегчение своей грусти, ибо сделан первый шаг к предстоящему мне лестному предприятию. Радость исполняла всех матросов, которые до самого ночлега не переставали петь и веселиться».

На семнадцатый день Отто Коцебу был на судостроительной верфи и приступил к наблюдению за постройкой своего корабля.

В тяжелых и неустанных трудах пролетели три месяца.

11 мая «Рюрика» спустили на воду. Через пятнадцать дней Коцебу был уже в Ревельском порту. Он навестил Ивана Крузенштерна, который передал ему два хронометра и астрономические инструменты. Теперь его путь лежал на Кронштадт.

В середине лета все приготовления были закончены. Прибыл

натуралист Дерптского университета доктор Иван Эшшольц и художник Логин Иванович Хорис. (Кроме того, в Копенгагене ждали ученые-естествоиспытатели Адальберт Шамиссо и Вормскиолд.) Команда была укомплектована лучшими матросами флотского экипажа. У Коцебу имелось два помощника: лейтенанты Глеб Шишмарев и Иван Захарьин. Всего на борту находилось 33 человека.

За несколько дней до отплытия «Рюрика» из Кронштадта Крузенштерн вручил своему другу и ученику инструкцию, в которой были означены основные научные задачи экспедиции и содержались добрые советы умудренного опытом и жизнью мореплавателя.

Крузенштерну хотелось уберечь Коцебу от лишних испытаний и направить его путь через океаны таким образом, чтобы путешествие принесло возможно больше новых открытий. Первую остановку с научными целями экспедиции предстояло сделать у острова Пасхи, чтобы познакомиться с его жителями, которые заслуживали особенного внимания.

По прибытии на Камчатку Коцебу должен был отправить Румянцеву донесение о плавании, копию корабельного журнала, все карты, наблюдения ученых — словом, все плоды, собранные в продолжение первого года путешествия.

Это было вызвано тем обстоятельством, что дальше экспедиция отправлялась в Северный Ледовитый океан, где ее плавание было сопряжено с величайшими опасностями.

Крузенштерн полагал, что исходной базой действий экспедиции должен быть Нортон-Зунд (Нортон-Саунд), если не будет открыт другой залив, и считал необходимым, чтобы Коцебу посетил его и собрал у жителей этих мест подробные сведения о внутренних районах континента, о направлении рек и берегов, о больших озерах. Из Нортон-Зунда «Рюрику» разрешалось отправиться к острову Уналашка и осмотреть по пути неисследованные южные берега Русской Америки.

На третий год плавания экспедиция должна была приступить к исследованию внутренности Америки.

При этом Крузенштерн предоставлял Коцебу свободу действий в зависимости от обстоятельств и добытых сведений. Экспедиции предстояло, взяв в Уналашке алеутов с байдарками, исследовать берег Америки в северной части Бристольского залива (залив Бристоль). Эта задача возлагалась на самого Коцебу (Шишмарев на «Рюрике» между тем отправлялся в Нортон-Зунд). В первую очередь следовало отыскать реку, которая, по словам Кука, должна была в этом районе впасть в океан, и исследовать ее нижнее течение. Затем необходимо было отправить офицера для подробного изучения открытой реки. Коцебу не разрешалось долго задерживаться в этом районе, с тем чтобы у него осталось время для исследований в Ледовитом море. Он должен был отправиться в Нортон-Зунд и, соединившись с Шишмаревым, направиться к мысу Лисбурн.

Ему «надлежало стараться свидетельствовать» направление берега и узнать, «сколь далеко оный простирается к северу за усмотренным Куком Ледяным мысом, также в какой широте он приемлет направление к востоку».

От мыса Ледяного Коцебу должен был направиться прямо на восток, не теряя времени на осмотр северных берегов Русской Америки.

Крузенштерн не ограничивал плавания «Рюрика» к востоку, надеясь, что мужество и твердость помогут морякам одолеть препятствия природы и сделать величайшие открытия. Однако Крузенштерн считал весьма желательным, чтобы экспедиция к концу августа возвратилась в Нортон-Зунд и затем направилась на Уналашку.

Коцебу мог посвятить еще один год исследованиям в Северной Америке, если ему станет известна какая-либо река, впадающая в Северный Ледовитый океан и имеющая сообщение с обширным озером в глубине материка. Разрешалось продлить срок работ экспедиции и в том случае, если в ее распоряжении окажутся факты или сведения, позволяющие надеяться, что «существование сообщения между обоими океанами не есть совершенно невозможно».

Кроме решения научных задач экспедиция имела и определенные политические цели. Она должна была свидетельствовать о серьезном интересе России к своим владениям на Чукотке и в Америке и содействовать укреплению ее позиций в этих глубоких полярных областях.

30 июля бриг «Рюрик» вышел в море. Ветер был свежий и попутный. Около полудня следующего дня Отто Коцебу увидел башни родного Ревеля. Он в последний раз простился со своей родиной на несколько лет, а быть может навсегда.

С первых же недель несчастья начинают преследовать экспедицию. После стоянки в Плимуте «Рюрик» попадает в жестокий шторм. Гибель грозит кораблю. Моряки проводят страшную ночь в Ла-Манше, ожидая каждую минуту, что их выбросит на берег. Когда утром следующего дня они возвратились в Плимут для исправления повреждений, опытные английские лоцманы удивлялись, как «Рюрик» не погиб. Едва экспедиция снова покинула Плимут, как новый шторм встретил ее в Ла-Манше и заставил корабль укрыться в той самой гавани, где он недавно чинился. Потом все шло великолепно. Несколько удивительных дней на Тенерифе, благодатное плавание до Бразилии. Стоянка в Рио-де-Жанейро, радость общения с прекрасной природой.

За плаванием внимательно следит Румянцев. Каждый завершенный этап плавания доставляет ему глубокое удовлетворение. Получив донесение из Бразилии, он пишет Коцебу, что «не в силах описать всю ту радость», которую ему доставили письма путешественников. Из них он узнал, что на корабле все здоровы и «между собой согласны», что «во всем существует полезный для открытий

дух и надежда желаемой цели достигнуть». Все это убеждает его в том, что Коцебу «приобретет себе славу, а ему честь». Румянцев просит при любой возможности извещать его о ходе плавания, напоминая, что письма путешественников час от часу будут для него любопытнее. В заключение он выражает уверенность, что путешествие на «Рюрике» принесет пользу развитию науки. Ни Румянцев, ни Коцебу не подозревают, что спокойное плавание от Плимута до Рио-де-Жанейро — всего лишь кратковременная передышка.

У мыса Горн корабль настигает жестокий шторм. Он продолжается шесть дней и наносит немалый вред экспедиции. Подмочено продовольствие. Поврежден руль корабля. Огромная волна сбрасывает Отто Коцебу за борт. Он едва успевает схватиться за веревку и спасается только благодаря изумительному самообладанию и находчивости.

После остановки в Чили Коцебу направился к острову Пасхи, чтобы осмотреть огромные каменные статуи, о которых было известно из сообщений Кука и Лаперуза.

28 марта 1816 года путешественники увидели дым над берегом. Вероятно, то был сигнал тревоги: к острову приближался неизвестный корабль.

Коцебу надеялся, что островитяне встретят его приветливо. Ведь он со своими спутниками пришел сюда с благородной целью — доставить науке новые сведения об этом любопытном острове. Он, разумеется, не мог знать, что жители острова Пасхи видели другие примеры. Лишь позднее Коцебу узнал, что лет десять назад капитан американской шхуны «Нанси» со своим экипажем совершил набег на остров и захватил 12 мужчин и 10 женщин. Поэтому напрасно наши путешественники дарили ножи и украшения. Туземцы брали их, но не становились доверчивее и дружелюбнее. Вскоре моряки убедились, что им не растопить лед враждебности. Было видно, что островитяне не позволят им пройти в глубь своей земли.

Коцебу с товарищами отыскал на берегу колоссальные каменные статуи, но, к великому огорчению путешественников, они оказались разбитыми. Коцебу подумал, что здесь недавно были европейцы и производили всякого рода бесчинства. Но он ошибся. «Впоследствии узнал я, — писал Коцебу, — что приходившее сюда американское судно причиною всему этому злу». Ему стало известно, как неустрашимо сражались островитяне во время схватки с «бессердечными американцами», как 12 пленных туземцев выбросились с американского судна, предпочтя «смерть мучительной жизни в плену».

Но все это Коцебу узнал позже, а пока он вынужден был оставить остров, причем научные результаты его поездки были более чем скромными. Этим он огорчил Н. П. Румянцева, который писал Крузенштерну: «Жаль, что не попытались подолее остаться у острова Пасхи и поболее о нем доставить сведений; за этим и

подходить к нему незачем было, ежели только что как в наших сказках простонародных говорится: чтобы людей посмотреть и себя показать».

Правда, Румянцеву скоро пришлось изменить свое мнение и больше восхищаться, чем огорчаться.

Во время плавания в Тихом океане Коцебу установил, что гипотетической Земли Девиса на 27° ю. ш. и 90° з. д. не существует, что не существует и камня Варегам, за который американское судно приняло ранее открытый испанцами остров Саллес, неверно определив его местоположение.

20 апреля 1816 года экспедиция открыла небольшой коралловый остров. Путешественникам хотелось обстоятельно осмотреть свое первое приобретение. Но на тяжелых шлюпках невозможно было пройти через жестокий бурун, который со свирепостью разбивался на острых кораллах берега. Решили построить плот, и вскоре Коцебу с несколькими матросами гулял среди буйной зелени.

Открытый остров, который находился на $14^{\circ} 57'$ ю. ш. и $144^{\circ} 38'$ з. д., назвали островом Румянцева.

Затем последовал целый ряд открытий, чему способствовала солнечная и маловетренная погода. Осматривая одну группу островов за другой, экспедиция все дальше уклонялась к северу. Миновав тропики, Коцебу взял курс на Камчатку.

20 июня путешественники увидели величественные горы, охранявшие вход в Авачинскую бухту. В тот же день моряки отдали якорь в Петропавловской гавани, откуда Коцебу отправил рапорт о результатах своего плавания через два океана. Он писал, что на пути из Чили к Камчатке «на параллели 15° южной широты имел счастье обрести три коральные острова и наименовать их первый именем графа Румянцева, второй адмирала Спиридова, а третий капитана Крузенштерна и еще на той же параллели цепь островов, которую назвал цепью Рюрика. Продолжая свой путь далее, обозрел остров Пенрина и на параллели 11° с. ш. открыл две группы островов; из которых первую наименовал группой графа Суворова-Рымникского, а вторую — князя Кутузова-Смоленского».

В этих открытиях Крузенштерн видел залог удачи в решении главной задачи экспедиции — исследовании Северо-Западного пути и северных берегов Русской Америки. Он писал Румянцеву, что письма Коцебу с Камчатки убеждают его в том, «что праведное провидение не лишит Вас награды видеть увенчанным совершенным успехом столь славное и полезное предприятие».

В Петропавловске путешественники занялись исправлением повреждений судна и подготовкой его к предстоящему плаванию в Северный Ледовитый океан. Во многих местах пришлось сменить пришедшую в негодность медную обшивку. Были пополнены запасы провизии. Коцебу принял в команду шесть матросов из здешнего гарнизона и одного алеута в качестве переводчика. Од-

нако ему пришлось оставить в Петропавловске заболевшего лейтенанта Захарьина. На «Рюрике» теперь было всего лишь два офицера — Отто Коцебу и Глеб Шишмарев. Им предстояло сменить друг друга на вахте каждые шесть часов. Это ставило экспедицию в очень тяжелое положение.

Такая напряженная служба была изнурительна и опасна, особенно теперь, когда через несколько недель «Рюрик» должен был достигнуть пределов Студеного моря. Но в эти трудные и решительные дни Коцебу записывает в своем дневнике: «Рвение лейтенанта Шишмарева, равно как и мое, нимало не ослабело». Он не страшился ни труда, ни опасностей, но печалился, что при сложившихся обстоятельствах «не видит надежды достигнуть с желаемым успехом цели своего назначения» и вынужден отказаться от некоторых своих предприятий.

15 июля 1816 года бриг «Рюрик» покинул Петропавловскую гавань и взял курс на север. Через пять дней корабль миновал остров Беринга, на горных вершинах которого белел снег. Корабль неожиданно накрыл необыкновенно густой туман. Семь дней плыли путешественники в белой мгле, не имея возможности определиться. Даже в 20 метрах впереди судна ничего не было видно. Было холодно и мокро. Сырость проникала во все части судна, пропитывала одежду вахтенных.

Коцебу приказал постоянно держать на кухне огонь, чтобы дежурные матросы сушили платье своих товарищей. Забота командира о своих спутниках принесла свои плоды. Он имел удовольствие команду свою всегда видеть здоровою.

Видя, что белая мгла не редет, Коцебу решил приблизиться к матерому берегу, надеясь, что вблизи него туман исчезнет. Вскоре бриг «Рюрик» достиг острова Св. Лаврентия. Коцебу решил посетить его вместе с учеными-естествоиспытателями и приказал спустить две шлюпки. Недалеко от берега путешественников встретили местные жители. Коцебу одарил их листьями табака и должен был принять маленькие подарки. Островитяне помогли им вытащить шлюпки. Однако объяснить с эскимосами ни Коцебу, ни Шамиссо, ни Эшшольц не могли. Отто Евстафьевич очень жалел, что не понимал языка своих новых больших друзей.

Эшшольц и Шамиссо отправились в горы. Коцебу остался среди островитян, объясняясь с ними знаками. Эскимосы пригласили его в хижину и всячески показывали внимание.

«Мне,— писал Коцебу,— постлали на пол шкуру морского зверя, на которую должен я был сесть. Потом сам хозяин и некоторые из его приближенных стали по очереди ко мне подходить, обнимать меня и крепко тереться своими носами об мой нос, а в заключение поклонив руки начали меня гладить по лицу. Хотя сия изъяснение дружества мне не очень нравилось, но я переносил оное с веселым видом и начал дарить табак. Друзья хотели было в знак благодарности опять возобновить свою нежность, но я вынул несколько ножей и бисеру, на который они немедленно обра-

тили свое внимание, отвлек их тем от сего намерения. Теперь, когда лицу моему довольно уже досталось, дошло дело и до желудка, хозяин поднес мне на большом деревянном лотке китового жира с просьбою покушать оного. Я не знал, что китовый жир между северными народами считается лакомым куском, которым потчевают гостей, но во мне один вид оного производил уже отвращение, я долго отказывался, но хозяин так неотступно просил и беспрестанно гладил засаленной рукой по лицу моему, что я наконец согласился проглотить несколько кусочков сего жира, отчего на лицах всех островитян появилась улыбка радости; хозяин потом, чтоб позабавить меня, заставил других петь песни и бить в бубны».

Путешественники благополучно добрались до брига. Их первая непродолжительная экскурсия удалась на славу. Эшшольц и Шамиссо были довольны тем, что им удалось собрать удивительные редкости, художник Хорис радовался своим зарисовкам людей, живущих у ворот в страшный и загадочный Ледовитый океан, куда лежал их путь.

Снова наплыл густой туман. В течение суток бриг «Рюрик» лавировал вблизи острова Св. Лаврентия. Только вечером 28 июля погода прояснилась, и Коцебу увидел слева по курсу берега Азии. Он спешил на север. Но маловетрие затрудняло плавание. Прошло два дня, прежде чем он потерял из виду остров Св. Лаврентия, жители которого за это время несколько раз посетили корабль и навезли множество подарков.

30 июля Коцебу достиг Берингова пролива. Туман, столь много досаждавший экспедиции, исчез. Вдруг стали отлично видны берега Америки и Азии. «Рюрик» проходил мимо Гвоздевых островов, которые находятся в середине пролива. К северо-западу от них виднелся довольно высокий остров, которого не было на карте и который Коцебу назвал островом Ратманова в память лейтенанта, с которым под начальством Крузенштерна совершил вояж вокруг света. В час открытия сияло солнце. Удалось астрономически точно определить остров и проверить ход хронометров.

Затем экспедиция направилась к Валлийскому мысу (принца Уэльского), где виднелось поселения эскимосов. Но как ни хотелось Коцебу познакомиться с обитателями северо-западных берегов Америки, он не мог не воспользоваться ясной погодой для описи исследуемых мест. «Возле моря,— писал Коцебу в журнале,— весь берег весьма низменный и к удивлению нашему покрыт был зеленою травой, даже и горы, которые возвышались внутри земли, мало были покрыты снегом. Столь чувствительная перемена в климате между островом Св. Лаврентия и сим берегом достойна примечания: там нашли мы зиму, а здесь, где более надобно было ожидать оной по причине северного его положения, нас встретило лето».

Чудесно, что стоят светлые ночи, даже более светлые, чем в далеком, милом Петербурге. Можно почти круглые сутки описывать берега, которых еще не видел ни один мореплаватель, в том

числе и капитан Кук, который, испугавшись мелей, не приближался к ним. И Коцебу хотелось как можно скорее и лучше сделать то, что не удалось этому знаменитому мореплавателю.

Между тем миля за милей ложатся на карту низменные, заросшие мелким кустарником берега неизвестного острова. Они обитаемы. В отдалении виднеется множество эскимосских хижин. Коцебу хочет познакомиться с их жителями и на двух шлюпках отправляется на американский берег. Его сопровождают Эшшольц и Шамиссо. Но поселок пуст. В нем не осталось ни одного человека. Все ушли в лес. Только собаки залившимся лаем приветствовали появление путешественников.

За островом располагалась огромная бухта, глубоко врезавшаяся в материк. В трех направлениях даже не было видно берегов. Быть может, это и есть начало Северо-Западного прохода? Однако Коцебу не хотел раньше времени предаваться радужным надеждам. Он полагал, что видневшееся перед ним водное пространство не является проходом в Ледовитый океан, но чрезвычайно рад был своему открытию. Он надеялся проникнуть довольно далеко в глубь материка и собрать некоторые важные сведения.

Путешественники, не теряя ни одного часа, отправились на шлюпках в глубь бухты. Она изобилвала мелями; подробно исследовать залив можно было только на легких алеутских байдарках. Коцебу решил отложить это до следующего лета, и, не отвлекаясь от выполнения главной задачи, продолжать плавание на север. Открытый остров был назван именем выдающегося русского гидрографа Гавриила Сарычева, а залив — именем старшего и единственного, кроме Коцебу, офицера «Юрика» Глеба Шишмарева.

Уже в первые дни плавания у берегов Аляски Отто Коцебу проявляет себя не только как смелый мореплаватель, но и как пытливый исследователь. Помогая натуралистам Эшшольцу и Шамиссо собирать сведения о природе угрюмого северного края, он досконально изучает жизнь и быт эскимосов Аляски. Дневник его путешествия в Северный Ледовитый океан изобилует удивительно четкими и колоритными описаниями быта туземцев. Его интересует устройство и убранство жилищ эскимосов, которые он находит весьма опрятными. Он описывает домашнюю утварь, нарты, копыя, стрелы. В этих прозябающих на краю света «дикарях» он прежде всего видит людей, равных себе, и ни одним действием, ни одним поступком не пытается унижить их человеческое достоинство... Коцебу глубоко уважает обычаи и нравы эскимосов, сколь странными и диковинными они ему ни кажутся. Жители американских тундр, не подозревая о том, что в лице Коцебу и его спутников они имеют искренних друзей, нередко угрожают путешественникам стрелами и копьями. Но Отто Евстафьевич никогда не пускает в ход оружия, в каком бы опасном положении он и его товарищи ни находились.

Вечером 31 июля Коцебу покинул залив Шишмарева и направился на северо-восток. Светило полуночное солнце, ветер был

попутный. Корабль шел в одной миле от берега, который путешественники со всеми подробностями наносили на карту.

Неожиданно берег круто завернул на восток. Около полудня 1 августа «Юрик» находился у входа не то в пролив, не то в глубокий залив. На востоке расстилалось необозримое водное пространство. На севере виднелись высокие горы. Определили течение. Оно имело восточное направление. Отто Евстафьевичу казалось, что он находится у начала пути, соединяющего Ледовитый океан с Атлантическим.

«Не могу я, — вспоминал впоследствии Отто Коцебу, — описать странного чувствования, охватившего меня при мысли, что я, может статься, нахожусь перед входом в Северо-Восточный через Берингов пролив проход, бывший предметом столь многих поисков, и что судьба избрала меня к открытию одного. Я чувствовал как бы некое стеснение и в то же время родились во мне крайняя нетерпеливость и беспокойство, увеличившиеся еще от наступившего безветрия. Но дабы по крайней мере пристать к земле и рассмотреть с какой-либо высоты направление берега, я велел вооружить две шлюпки, чему наши естествоиспытатели весьма обрадовались. В 2 часа пополудни были мы уже в пути: глубина уменьшалась постепенно, и в расстоянии полумили от берега находили мы оную еще в 5 саженей. Мы привалили без затруднения близ небольшого возвышения; немедленно взошел я на оное и не мог видеть берега во всем проливе: усматриваемые на севере высокие горы образовали либо особенные острова, либо отдельный берег, ибо невозможность соединения обоих берегов явствовалась уже из того, что один берег был весьма низменный, а другой состоял из чрезвычайно высоких гор».

Вскоре к месту, где высадился Коцебу с учеными, подплыли пять байдар, в каждой из которых сидело по семь—десять эскимосов. Они вышли на берег и уселись в круг. Коцебу, Шамиссо и Эшшольц поспешили к ним. Эскимосы были несказанно удивлены прибытием в их страну неизвестных людей на большом крылатом корабле. С любопытством и удивлением рассматривали они незваных пришельцев, ожидая с их стороны враждебных действий. Но напрасно эскимосы прятали в рукавах своих меховых курток длинные ножи. На них никто не собирався нападать. Напротив, эти чужие люди подарили им немного табаку и пытались о чем-то спросить, но эскимосы не понимали ни слова на языке пришельцев, однако доверчивое выражение их лиц говорило о том, что перед ними не враги и что ничего плохого от незваных гостей ожидать не приходится.

Отто Коцебу подарил предводителям эскимосов ножицы. Узнав, что с помощью этих удивительных подарков можно стричь волосы, они пришли в восторг. Отто Евстафьевич со своей стороны был также немало удивлен, убедившись, что эскимосы, как и другие народы, употребляют табак. Он решил, что табак, ножи и другие товары русского происхождения, которые они заметили

у местных жителей, эскимосы получают в обмен на меха от жителей Чукотки.

Коцебу писал об этой встрече: «Американцы сии, вероятно, в первый раз только видели европейцев, и взаимно осматривали друг друга с большим любопытством. Они несколько выше среднего роста, крепкого сложения и вида здорового; все движения их весьма живы; они, кажется, склонны к шуткам и имеют вид необузданности, но не глупости; лица их... отличаются маленькими глазами и выпуклыми скулами; по обеим сторонам рта они имеют дыры, в которых носят моржовые кости, украшенные бисером... Длинные волосы лежат на плечах, но макушка острижена весьма коротко, голова и уши украшены бисером. Одежда их составлена из кож на покрой так называемой камчатской парки, с тем только различием, что она опускается до ступней, а здесь едва прикрывает колени; сверх того, они носят длинные шаровары и маленькие полусапожки из тюленьей кожи».

В семь часов вечера 1 августа 1816 года Коцебу расстается с эскимосами и направляется проливом на восток. Он уверен, что в его жизни наступает самый решительный час, что он накануне великого открытия. Отто Евстафьевич жалеет, что не может понять ни одного слова из разговора эскимосов. Но ему кажется, что они знаками подтверждают его надежду на то, что он стоит у врат Северо-Западного прохода. Он еще раз определяет течение. Оно направлено к северо-востоку и имеет скорость около мили в час. Следовательно, углубление в материке имеет выход в океан. Уже давно отстали от «Рюрика» эскимосские байдары. Коцебу все чаще и чаще приказывает бросать лот. Чем дальше в пролив уходит бриг, тем значительно увеличивается глубина. И с каждым новым футом лотлиня, уходящего в морскую пучину, все возрастает и крепнет надежда. Отто Евстафьевич в продолжение всей ночи не оставляет палубы. Он с нетерпением ждет утра. Как только заря прогоняет недолгие полярные летние сумерки, Коцебу, не скрывая своего нетерпения, посылает самого ловкого и смелого матроса на марс. Несколько мгновений, в течение которых марсовой поднимается на мачту, кажутся ему долгими часами... От слов, которые сейчас произнесет матрос, зависит судьба его великой надежды. Сбудется ли она или разобьется вдребезги... Победную весть приносит матрос. На востоке ничего не видно, кроме серо-зеленоватых волн. Только на севере по-прежнему возвышаются высокие, убранные снегом горы, а на юге виднеется низкий, еле заметный берег.

Последние сомнения исчезают. Отто Коцебу окончательно уверовал, что он находится действительно в широком проходе. Радость командира разделяют и ученые, и матросы. Впереди к востоку расстилается открытое море — начало великого пути из Тихого океана в Атлантический.

В эти солнечные утренние часы 2 августа ни Отто Коцебу, ни

его помощник Глеб Шишмарев, ни Иван Эшшольд, ни Адальберт Шамиссо не подозревают о том, как жестоко они обманулись.

Между тем уже вечером появились тревожные признаки. Берега пролива начали сужаться; суша виднелась во многих местах. На юге появились горы. Они распространялись к востоку, как будто стремясь слиться с горной цепью на севере. Но пока еще их, вероятно, разделяла открытая вода... Именно к этому месту Коцебу направил свой корабль. Ему не хотелось признаваться в своей ошибке. Он надеялся, что между горными хребтами существует пролив, которым он проникнет в океан.

Всю ночь плыли на восток. Утро выдалось серое. Небо плотно закрывали тучи. Над водой держалась дымка. Трудно было определиться. И как ни хотелось Отто Евстафьевичу проникнуть дальше к востоку, ему пришлось отдать якорь. Несколько томительных часов он провел в бездействии, ожидая, когда улучшится погода...

К полудню 3 августа ветер разогнал тучи. Выглянуло солнце. Засверкали верхушки волн. На востоке, недалеко от корабля, ясно обозначился пролив шириной около 10 верст, окруженный с севера и юга утесистыми берегами. «Мы еще не оставляли надежды открыть проход в Ледовитое море, тем более, что этот пролив, по видимому, сливался с горизонтом», — писал Коцебу в своем дневнике.

Он снова пустился в путь. Через несколько часов корабль был в проливе. На юге, у входа в него, виднелся небольшой остров. На север, до самого горизонта, простиралось открытое море. Коцебу послал нескольких матросов на шлюпке промерить глубины. Они оказались чрезвычайно малыми. Это известие было для Отто Евстафьевича жестоким ударом. Мечты его об открытии прохода в Ледовитый океан рушились... «К большому нашему сожалению, мы уверились, что находимся не в проливе, а в обширном зунде...» — писал Коцебу.

Он решил дать отдых команде, а самому вместе с Шамиссо и Эшшольцем заняться исследованием только что открытого острова.

Хотя проход в Ледовитое море еще не открыт, Коцебу отдает себе отчет, что экспедиции удалось совершить выдающееся географическое открытие. На воду снова спускаются шлюпки. Коцебу спешит высадиться на неведомый остров, которому он присваивает имя своего ученого спутника Адальберта Шамиссо, увековечивая тем самым на карте мира его заслуги перед наукой.

День чудесный. Ветер уже давно разогнал облака. Сияет солнце, оставляя серебряные дорожки на зеленоватых волнах пролива. Воздух необыкновенно прозрачен. Вдалеке четко вырисовываются утесистые берега острова. Тепло, словно в Петербурге в погожий августовский день. Тихо... Слышно только, как кричат неугомонные чайки и шумят птичьи базары на скалах.

Разыскав низменную косу, путешественники высаживаются на

остров. Из густой зеленой травы одна за другой поднимаются стаи куропаток. Нехотя пускаются наутек несколько зайчишек. На земле видны следы песцов. Под защитой утесов приютилось несколько низеньких полярных ив. Находке этих жалких деревцов Коцебу искренне радуется. С тех пор как он покинул Камчатку, это первая встреча с древесной растительностью.

Несколько часов Коцебу, Эшшольц и Шамиссо посвящают обследованию острова. С недоумением и любопытством взирают на путешественников тюлени, которые, лежа на прибрежных камнях, греются на солнце. Тысячи птиц оглушают их пронзительными криками. Не покладая рук трудится Отто Коцебу над описью неведомых берегов. Возвращаясь на корабль, он привозит первую и необыкновенно точную карту острова Шамиссо.

Нетерпение овладевает офицерами и учеными. В 6 часов утра 4 августа они снова оставляют бриг «Рюрик» и на двух шлюпках направляются на север, где, как им кажется, безбрежно раскинулось море и где они еще надеются отыскать загадочный проход в Ледовитый океан.

Все благоприятствует плаванию. Попутный ветер наполняет паруса. Сияет солнце. Но счастье изменяет Отто Коцебу. Пройдя более 25 верст, он высаживается на высокий берег и, поднявшись на вершину скалы, спешит осмотреть окрестности. Перед его глазами предстает неожиданная картина.

«Открыли мы, — признается он впоследствии, — что находимся на узкой косе, и что берег, простирающийся к северу, по-видимому, соединяется с лежащим на востоке. Нечаянное открытие сильно нас опечалило: между тем, однако, оставалась нам еще некоторая, хотя небольшая искра надежды, поелику соединенные берега не со всех сторон видно было».

Удивительно стоек и необыкновенно целеустремлен этот человек. Один за другим он определяет астрономические пункты, придавая своим картам точность, достойную восхищения. Тщательно исследует он изгибы берега и глубины предполагаемого пролива, упорно не расставаясь с верой в существование прохода в Ледовитый океан. Однако вечером, к своему огорчению, он убеждается в ошибке. И на севере его шлюпки упираются в песчаные мели, за которыми высится круто поднимающийся вверх берег. Вид удивительно живописных скал не доставляет ему радости.

Коцебу с горечью записывает в своем журнале: «Таким образом, должен был я оставить утешительную надежду найти здесь проход».

Продрогшие и усталые путешественники согреваются супом, который они едят из общего котла, и ложатся спать под открытым небом. Неожиданно налетает ураган, и всю ночь они проводят под проливным дождем.

В течение трех дней Отто Коцебу исследует южные и восточные берега огромного залива, но нигде не видит прохода из него в Ледовитый океан. В восточной части бухты он наталкивается на две

эскимосские хижины. В них он находит оружие, искусно изготовленное местными жителями. Он берет несколько стрел, в обмен оставляет нож и топор.

Обследованию залива мешают бури. Еще одну ночь проводят моряки и ученые под проливным дождем. Погода ухудшается. Утром 8 августа Коцебу решает возвратиться на корабль. Когда половина пути до «Рюрика» пройдена, налетает неожиданный ураган. Приходится возвращаться обратно и сушить промокшую одежду у костра. И вдруг на долю экспедиции выпадает необыкновенная удача.

«На другой день, — писал в журнале Коцебу, — к большому нашему удивлению уверились, что берег, на котором провели ночь, состоял не из земли, но чистого льда. Лед сей возвышается перпендикулярно от поверхности моря около 100 футов, состоит из цельной массы и занимает пространство на несколько миль. Верх одного покрыт тонким слоем глины и малою частью земли, всего пальца на два толщиной. На сей покрывке зеленеет трава, цветут некоторые цветы и растет мелкий кустарник, мы целый день бегали по сим местам, но никому не могло прийти в голову, что имеем под собой лед, ежели бы не доктор Эшшольц нечаянно попал на такое место, где часть сего ледяного берега, вероятно, действием солнца или крепкого вихря потеряла свою земляную оболочку и тем самым дала нам способ сделать сие странное открытие. В сем месте лед, потеряв уже свое покрывало от действия воздуха и солнца, беспрестанно таял; удивлению достойно, что от сего происходил запах весьма тяжелый, наподобие смраду от жженой шерсти. Здесь мы нашли кости мамонта, которые вытаивали из льда, что придает еще более странности сим горам. Мнение о сем явлении может быть различно; что касается до меня, то я думаю, что сии горы не могли составиться здесь, но должны быть брошены сюда какою-либо революцией земли с полюса».

Детально обследуют ученые вновь открытое чудо природы. В ознаменование столь радостного события Коцебу называет только что обследованную, лежащую к северо-востоку от острова Шамиссо бухту губой Эшшольца...

10 августа путешественники покидают безопасную стоянку за островом Шамиссо и приступают к описи южного берега огромного залива, который первоначально приняли за начало Северо-Западного прохода в Ледовитое море и который, по единодушному желанию, называют зундом Коцебу.

Внимательно осматривает Коцебу открытые арктические берега. На карте появляются залив Спафарьева, мыс Обманный.

На берегах губы Доброй Надежды мореплаватели встретили хижину эскимосов. Приближаясь к ней, Коцебу увидел «двух американцев... вооруженных копьями и державших в руке натянутые луки со стрелами. Один из них был человек пожилой, а другой мальчик лет 17. Они оба, выбрав на пригорке выгодное положение на случай атаки с нашей стороны, направили на меня свои стрелы.

Пожилой американец громким голосом стал нас окликать и показывать знаками, чтобы мы к ним не приближались. Я отдал матросу свое ружье, приказал ему удалиться и, поднявши руки, дабы воины сии видели, что я невооружен, пошел прямо к ним навстречу. Мы тотчас начали тереться носами, потом я подарил им несколько бисеру и табаку. Радость их была чрезвычайна. Мы со стариком сделались большими друзьями. Он тотчас пригласил меня к себе в шалаш, который состоял из нескольких сложенных щитов, покрытых кожами. Там находились его жена и две маленькие дочери, а мальчик, который с другом моим готовился нас отразить, был его сын. Старик, в свою очередь, одарил нас несколькими безделками, очень много говорил и с удивлением рассматривал наше платье и все, что мы при себе имели».

Во время этой встречи Коцебу составил словарь названий вещей домашнего обихода на языке эскимосов.

В губе Доброй Надежды Коцебу обнаружил рукав шириной около 300 метров, исчезающий между горами. Он изобиловал мелями, на которые часто садились тяжелые шлюпки. Коцебу решил его исследовать в будущем году на легких байдарках, а пока узнать у эскимосов, куда ведет этот канал и как далеко простирается. Один из жителей объяснил мореплавателям, что 9 ночей должно на дороге спать, а днем грести, тогда достигнешь открытого моря. «Сие известие меня столь обрадовало, — писал Коцебу, — что я подарил ему топор и три ножа и тотчас приказал сесть в гребные суда, дабы еще раз попытаться плыть вверх по каналу, но беспрестанное мелководье нас удерживало».

Когда возвращались ночью 13 августа на бриг «Рюрик», шлюпка, которой управлял Коцебу, села на мель.

Вокруг ревели буруны. Куда ни направлял Коцебу шлюпку, всюду встречал мели. Ветер усиливался. Среди рева волн тревожно прозвучало несколько выстрелов из ружья. Это плившие на легкой байдаре ученые давали знать, что находятся в опасности. Но Коцебу не мог ничего предпринять, чтобы выручить своих спутников. В шлюпке неожиданно открылась сильная течь. Матросы выбивались из сил, непрестанно вычерпывая воду. Положение становилось ужасным. Путешественники были на краю гибели.

Наконец рассвело. Коцебу удалось смелым маневром провести свою шлюпку через буруны. Благополучно миновала опасную зону и байдары с учеными. Долго еще гребли матросы, преодолевая жестокий ветер и разгулявшуюся встречную волну. В этот день Коцебу записал в дневнике:

«Спасением нашим одолжены мы единственно мужеству матросов, и я с большим удовольствием свидетельствую здесь торжественно, что во все продолжение путешествия я имел полную причину быть совершенно довольным поведением всего экипажа. Неустрашимое мужество служителей и твердость духа их в перенесении трудностей службы всегда меня радовали. Поведение их было примерное и везде, как в местах известных, так и в странах чуж-

дых, видно было тщательное их старание предотвратить всякое дурное насчет их мнение. Таким образом и самое затруднительное предприятие, совершаемое с русскими матросами, обращается в удовольствие».

18 августа Коцебу обследовал мыс у северного входа в только что открытый залив и назвал его именем Ивана Крузенштерна, которого считал своим учителем. На этом Коцебу решил прекратить обследование северного побережья Аляски. Инструкцией ему предписывалось в первое плавание отыскать удобную стоянку для судов в заливе Нортон и затем в следующем году продолжать оттуда поиски Северо-Западного прохода. Коцебу имел все основания полагать, что это задание выполнено им с успехом. Правда, он не побывал в Нортон-Зунде, но зато открыл обширный залив в 400 километрах к северу от последнего. Там он обнаружил много бухт, которые можно было смело использовать для стоянки судов. Коцебу понимал, что сделанное его экспедицией открытие имеет исключительное значение не только для дальнейших исследований, но и для освоения русскими Аляски.

Коцебу твердо надеялся, что этот зунд поведет его в будущем году к другим открытиям, отсюда он собирался проникнуть гораздо дальше на восток, особенно, если берег имеет большие углубления. Он полагал, что открытие зунда должно принести меховой торговле большую пользу.

«У жителей, — писал мореплаватель, — мы заметили множество мехов разного рода, которые они нам за ножи и бисер охотно уступали. Если б нашею целью была торговля, то мы могли бы в короткое время выменять знатное количество сего дорогого товара. Мне кажется, что не должно русским упускать времени занятием сего места, английская Гудзонская компания, которая весьма далеко к западу внутрь Америки от сих заселений распространяет свою торговлю, уже имеет в весьма недалеком расстоянии от сего зунда фактории и, конечно, вскоре к себе привлечет сих диких, будет господствовать в Беринговом проливе».

Итак, исходный пункт будущих исследований в Северном Ледовитом океане был найден, и Коцебу повернул от мыса Крузенштерна к северо-восточным берегам России. Дул сильный встречный ветер. Снова появился туман, столь много досаждавший экспедиции в первые дни плавания в Беринговом море. Похолодало. Встречались огромные стада моржей и китов. В 3 часа дня увидели величественные очертания мыса Восточного, которому впоследствии было присвоено имя смелого путешественника Семена Дежнева.

Коцебу не собирался посещать мыс Восточный. Он направлялся к заливу Св. Лаврентия. Вечер и ночь судно лавировало в тумане. Утро тоже встретило путешественников туманом. Морякам казалось, что они находятся у цели. Каково же было их удивление, когда небо прояснилось, видимость улучшилась, и они увидели знакомые очертания самой восточной оконечности Чукотки...

Вместо того чтобы отлавировать к югу миль на 50, корабль оставался на прежнем месте. Коцебу занялся наблюдениями и вычислениями и скоро пришел к выводу, что сила течения «в самом глубоком месте фарватера достигает 3 миль в час» и направлено оно к северо-востоку, именно в ту сторону, где надлежало быть таинственному Северо-Западному морскому пути.

В этот самый счастливый, самый выдающийся день своего плавания Коцебу еще раз вспоминает и перелистывает все известные ему описания путешествий на север, которыми снабдил его Крузенштерн. Счастье его безмерно. Он находит свидетельство того, что в Баффиновом заливе наблюдали постоянные течения, направленные с севера на юг. Он снова и снова исследует силу потока воды. Пройдет ли «Рюрик» из Тихого океана в Атлантический или не пройдет — бесспорно одно: сегодня, 19 августа 1816 года, он, производя расчеты, открыл существование Северо-Западного прохода.

Он записывает в дневнике: «Постоянное в Беринговом проливе направление течения к северо-востоку доказывает, что вода не встречает сопротивления и что, следовательно, должен существовать проход, хотя оный, может статься, для мореплавания не удобен... Не подлежит сомнению, что масса воды, текущая в Берингов пролив, обходит вокруг Америки и изливается чрез Баффинову губу в океан».

Коцебу решает задержаться в этом интересном для научных исследований районе.

В морскую пучину падают якоря. Паруса убраны. Отто Коцебу еще не успел распорядиться, чтобы готовили шлюпки, а к брига уже приближается байдар. Сидящие в ней чукчи показывают великолепные меха и зовут моряков посетить их селение. Две шлюпки вскоре отваливают от судна. Чукчи дружелюбно встречают Коцебу и его спутников. Первоначальная осторожность обеих сторон вскоре исчезает. Коцебу награждает чукчей и приглашает их посетить «Рюрик». Через час он возвращается на судно в сопровождении трех байдар; проходит еще несколько минут, и жители Чукотки уже толпятся на шканцах. Их угощают водкой и сухарями. Коцебу приглашает гостей в свою каюту. Висящее в ней зеркало производит на туземцев самое неожиданное впечатление. Увидев, что в нем отражаются не только их лица, но и движения, чукчи в смутении покидают каюту и вскоре уезжают на берег...

Коцебу приказывает ставить паруса, и скоро маленький «Рюрик» несется по зеленоватым волнам Берингова моря к юго-западу. Только слышно, как неистово ревет стада моржей да тяжело вздыхают киты, пуская в небо высокие фонтаны.

Под вечер 20 августа бриг отдает якорь в заливе Св. Лаврентия. На его берегах виднеются конусы чукотских жилищ, чем-то напоминающие Отто Коцебу копны сена на лугах родной Эстляндии. Суров и неприветлив этот далекий край, и кажется

странным, что здесь живут люди, много людей, которых он через день-два назовет своими добрыми друзьями... Чукчи уже кружат возле брига на двух байдарах и, не в пример эскимосам с Аляски, смело поднимаются на палубу. В сопровождении их путешественники отправляются на берег. Чтобы попасть в раскинувшееся среди скал чукотское селение, Коцебу, Шамиссо, Эшшольцу и их спутникам приходится подниматься в горы и долго идти по трудной дороге через места, покрытые льдом и снегом, и через топкие мшистые болота. Прежде всего они наносят визит старейшине селения, крепкому, сильному старику, у которого парализованы ноги. Он приглашает Коцебу сесть рядом с ним. Отто Евстафьевич через толмача говорит старейшине о том, что они русские и их друзья. Он просит старика продать несколько оленей и помочь запастись пресной водой. Старик смущен обилием предподнесенных ему подарков. Он чувствует неловкость от того, что не в состоянии так же щедро одарить русского офицера... Оленей он непременно доставит, но чтобы привести их с горных пастбищ, нужно несколько дней. Тепло и сердечно встречают моряков жители селения. Коцебу дарит женщинам бисер и иголки, завоевывая тем их доверие и благорасположение.

На следующий день чукчи наносят ответный визит. К бригау причаливают шесть байдар. На шканцах начинается веселое гулянье. Чукчи в обнимку с русскими матросами пляшут на палубе. Затем пляски продолжают в чукотской деревне...

В своих дневниках Коцебу называет чукчей добрыми людьми, а старейшину — своим старым другом и говорит о благородстве чукчей, которое могло бы служить примером и некоторым европейцам.

22 августа путешественники приступают к описи берегов залива Св. Лаврентия. Вскоре они делают географическое открытие. В этот день на карте появляются два небольших необитаемых острова, которым Коцебу присваивает имена своих штурманских помощников Хромченко и Петрова. Вместе с Эшшольцем и Шамиссо Отто Евстафьевич исследует побережье. Невелика их добыча. Всюду мох и лишайники, изредка алеет цветок да кое-где жмутся к земле полярные ивы. А вокруг высокие горы, на вершинах и склонах которых белеет снег... Места более мрачные и печальные, чем берега залива Коцебу, хотя тот и расположен значительно севернее.

На следующий день исследование залива Св. Лаврентия было завершено. К возвращению моряков старейшина приготовил семь оленей и согласился посетить бриг. Коцебу снова осыпал его подарками и обещал в будущем году навестить своего доброго друга.

Прощаясь с моряками, старик сказал, что наступает период жестоких штормов, во время которых никто не может устоять на ногах, а вынужден ложиться ниц и передвигаться ползком.

Утром 29 августа «Рюрик» оделся парусами. Через несколько

ко часов исчезли окутанные дымкой берега, где жили гостеприимные чукчи. Ветер крепчал и вскоре перешел в штормовой. Он все быстрее и быстрее гнал маленький «Рюрик» от зеленоватоголубых просторов Ледовитого океана. Под завывание бури Отто Коцебу мечтал о том, как летом будущего года он, более искушенный и опытный, снова проникнет за пределы Берингова пролива и предпримет новые поиски морского пути, соединяющего Тихий океан с Атлантическим. Он верил, что его ждут большие удачи в раскрытии самой интересной географической тайны века.

А между тем ураган обрушивается на крохотное деревянное судно.

«Волны,— вспоминал Коцебу,— быстро одна за другой вздымались высоко острыми вершинами... Никогда не был малый наш «Рюрик» подвержен столь ужасной качке, как ныне: едва погружался один бок в море, как сила другой волны перекидывала оный на другую сторону; я в самом деле не постигаю, как мачты выдержали столь жестокою качку».

Ливень хлестал матросов, в кромешной темноте ощупью убиравших паруса и управлявших снастями. Хотя берег был где-то рядом, тысячи опасностей подстерегали горсточку моряков. Но они под начальством Отто Коцебу выдержали и этот жестокий шторм...

На следующее утро снова сияло солнце. «Рюрик» опять нес паруса, стремительно удаляясь от границ мрачной и таинственной Арктики...

7 сентября 1816 года достигли Уналашки. Коцебу заказал байдарки для исследования отмелей мест и отправил донесение о своем плавании в Северном Ледовитом океане. Эти бумаги пришли в Петербург только во второй половине 1817 года и вызвали восторг у Н. П. Румянцева. Он писал Крузенштерну, что известие Коцебу «много его осчастливило». По словам государственного канцлера, мореплаватель своими чрезвычайными успехами открыл путь «к вечной славе». Особенно его радовало то, что Коцебу видел новые области полярных стран и неизвестную часть океана и, исследовав их, составил подробное описание. Румянцев надеялся, что судьба будет благосклонна к Коцебу и он летом 1817 года «удостоверится, что существует проход из Восточного в Западный океан и известит о том ученым мужам всего мира. Я Вам оставляю судить, в какой я буду радости и до какой степени себя почту благодарным Коцебу!». Он мечтает, что новые открытия экспедиции на «Рюрике» озарят новым счастьем его старость.

Ни Крузенштерн, ни Румянцев, ни сам Коцебу не подозревают, какой их ждет удар. Экспедиции не удалось ни посетить вновь открытый огромный залив в Ледовитом океане, ни продолжить поиски Северо-Западного прохода...

14 сентября Коцебу оставил Уналашку и, зайдя в Калифор-

нию для пополнения съестных припасов, направил свой путь к Сандвичевым островам.

Полтора месяца моряки отдыхали от трудового плавания по полярному морю. Затем они двинулись в экваториальную зону Тихого океана.

1 января 1817 года путешественники открыли на $10^{\circ} 8'$ с. ш. и $189^{\circ} 4'$ з. д. коралловый остров, который назвали островом Нового года. Он был обитаем — об этом свидетельствовали поднимавшиеся столбы дыма. Познакомившись с жителями и выменяв у них украшения и предметы домашнего обихода, моряки продолжали путь, видя в новогоднем открытии счастливое предзнаменование. И действительно, 4 января они встретили группу коралловых островов, покрытых чистым лесом и тучной зеленью. Жители этих мест раньше не видели белых и убегали от наших моряков.

В течение месяца экспедиция исследовала остров за островом, астрономически определяя их и нанося на карты. Ученые исследовали животный и растительный мир, составляли коллекции, изучали язык и обычаи населения. Один из жителей нарицал на песке многочисленные острова, которые лежали недалеко от места нахождения «Рюрика». Коцебу решил отыскать эти неизвестные мореплавателям коралловые архипелаги. В течение трех месяцев экспедиция открыла еще четыре группы островов.

«Вся сия многочисленная цепь называется у жителей Радак, я ее назвал графом Румянцевым. Островитяне рассказывали, что параллельно с сею цепью идет другая», которая также состоит из многочисленных островов и называется Ралик. Но Коцебу не имел времени заняться их исследованием.

17 марта бриг «Рюрик» снова направляется к Уналашке, чтобы затем предпринять второе плавание в Ледовитый океан. Коцебу полон надежд. Теперь он знает, что морской путь вдоль северных берегов Америки существует. Он будет искать год или два, но непременно постарается открыть. А пока без задержек и промедлений он спешит к Уналашке, чтобы заблаговременно подготовить легкие байдары для предстоящих исследований на мелководье Студеного моря.

Позади остаются тропики. Временами налетает шквалистый ветер и резво гонит «Рюрик» к берегам Русской Америки.

Но неожиданно все надежды Коцебу рушатся. В ночь с 12 на 13 апреля поднимается страшнейший шторм. Огромные волны, каких ни одному из моряков не приходилось видеть, то поднимают «Рюрика» на огромную высоту, то швыряют в зияющую пропасть. Ветер усиливается, срывает верхушки волн и дождем бросает их в лица вахтенных. Коцебу сменяет на мостике лейтенанта Шишмарева, оставляя на палубе четырех матросов, а остальных отправляет в трюм, где они будут в большей безопасности.

Страшная качка. С трудом удается держаться на ногах. В четыре часа ночи до слуха Коцебу доносится рев гигантской волны. Он встречает страшного врага лицом к лицу. Волна сбивает командира с ног и ударяет его грудью о штурвал.

«Опомнившись,— писал Коцебу,— я почувствовал жесточайшую боль, но оную заглушила горесть, которая овладела мною при воззрении на корабль, казавшийся близким к гибели».

Одному матросу сломало ногу, другого выбросило за борт, но он ухватился за случившуюся под рукой веревку. Два матроса остались невредимыми и продолжали крепко держать штурвал. Мужество, с каким они действовали, вызывало восхищение.

«Рюрик» выдержал шторм, однако Коцебу пришлось много дней пролежать в постели, страдая от жестокой боли. Он так и не оправился в это плавание от полученной травмы. Но мореплаватель не хотел отказаться от мысли исследовать Северо-Западный проход.

4 июля 1817 года он снова увидел очертания острова Св. Лаврентия. Всего лишь суточный переход отделял его от просторов Ледовитого океана. Отто Евстафьевич направил свой корабль к северу. Однако за островом Св. Лаврентия он встретил сплошной лед, который закрывал доступ в Берингов пролив. Между тем болезнь все настойчивее напоминала о себе. Боль в груди усилилась, открылось кровохарканье.

«Теперь только уразумел я,— писал Отто Коцебу,— что положение мое опаснее, нежели я доньше предполагал, и врач решительно мне объявил, что я не могу оставаться в близости льда. Долго и жестоко боролся я с самим собой: неоднократно решался, презирая опасность смерти, закончить свое предприятие, но когда мне приходило на мысль, что, может быть, с жизнью моей сопряжено сбережение «Рюрика» и сохранение жизни моих спутников, тогда я чувствовал, что должен победить честолюбие. В сей ужасной борьбе меня поддерживала единственно твердая уверенность, что я честно исполнил свою обязанность. Я объявил письменно экипажу, что болезнь моя принуждает меня возвратиться в Уналашку. Минута, в которую я подписал сию бумагу, была одной из горестных в моей жизни, ибо с сим росчерком пера я отказался от своего самого пламеннейшего желания, долговременно питаемого в моем сердце».

Тяжелая болезнь, которая, вероятно, и свела в конце концов Отто Евстафьевича в могилу, не позволила ему продолжить поиски Северо-Западного морского прохода.

За плаванием своего питомца ревностно следил Крузенштерн. Он с нетерпением ждал его писем и донесений, выписки из которых он тут же публиковал в «Сыне отечества» и «Северной почте».

Великий мореплаватель был восхищен первым плаванием Коцебу в Ледовитом океане и надеялся на новые удачи от его второго покушения в поисках Северо-Западного прохода. Летом 1817 года он собирался распространить свои исследования на восток и север открытого им огромного залива. В это время у Ивана Федоровича родилась блестящая мысль о посылке новой экспедиции для поисков Северо-Западного прохода, но на этот раз со стороны Атлантики.

25 декабря 1817 года, когда «Рюрик» находился еще в Маниле, Крузенштерн с мызы Асс посылает Румянцеву письмо, в котором сообщает свои мысли о предполагаемой экспедиции в Баффинов залив:

«Точное исследование сего обширного залива любопытно по двум причинам: во-первых, ежели существует сообщение Западным (Атлантическим) и Восточным (Тихим) океанами, то оно должно быть или здесь, или в Гудзоновом заливе. Последний залив осмотрен разными мореплавателями, и хотя есть в оном места не со всею строгостью исследованные, но более вероятности найти сие сообщение в Баффинском заливе, нежели в Гудзонове. Во-вторых, относительно географии обозрение сего залива весьма любопытно, ибо он со времени его открытия в 1616 году не был никогда осмотрен. Новейшие географы сомневаются даже в истине его существования. По крайней мере, не думают, что Баффин действительно видел берега, окружающие сей залив».

Крузенштерн не в пример этим новым географам, которые тогда же стали сомневаться и в открытии Дежнева, исследовал записки Баффина и пришел к твердому убеждению, что он обошел берега залива, который теперь носил его имя, но не был уверен в достоверности его описи.

Причина сомнения в существовании Баффина залива, по мнению мореплавателя; возникла от предполагаемых трудностей плавания по морю, наполненному почти всегда льдом. Англичане единственный раз — в 1776 году — посылали в тот край экспедицию, которую возглавлял опытный морской офицер, один из лучших учеников знаменитого Кука, лейтенант Пикерсгиль. Плавание оказалось неудачным, и с тех пор о Баффинском заливе мореплаватели забыли...

Задачи предполагаемой новой полярной экспедиции Крузенштерн сформулировал очень кратко. Прежде всего путешественники должны были исследовать малоизвестные берега Баффина залива, а затем решить вопрос о существовании сообщения оного с Восточным океаном.

Крузенштерн советовал направить новую экспедицию не раньше возвращения «Рюрика» в Петербург из второго плавания в Северный Ледовитый океан. После того как станут полностью известны успехи экспедиции в исследовании Северо-Западного морского пути со стороны Берингова пролива, можно будет судить

о том, как использовать полученные сведения и наблюдения в предстоящих поисках со стороны Баффинова залива.

Руководство новой экспедицией он советовал поручить Отто Коцебу. Он надеялся, что для нового плавания можно будет использовать бриг «Рюрик». По его расчетам, Коцебу должен был возвратиться из плавания в Берингов пролив в конце 1818 года. Следующее лето отводилось на исправление повреждений судна. А весной 1820 года новая экспедиция должна была оставить Петербург и направиться на поиски приатлантической части Северо-Западного морского прохода и посвятить две навигации научным исследованиям, так как в меньший срок было маловероятно выполнить задачи экспедиции «со всею возможною точностью». При необходимости командиру брига разрешалось провести в полярных странах и третий год. «Зимовать, — писал Крузенштерн, — я полагаю, по крайней мере одну зиму на Гренландском берегу, где датчане имеют разные заселения, или буде там нельзя, хорошо будет принят или в Новой Ирландии, или в Новой Шотландии в порте Галифакс».

Через несколько дней после отправления этого проекта Румянцеву Крузенштерн получил от своего старого знакомого, секретаря английского адмиралтейства Джона Барроу, письмо: «Дорогой сэр! Вы узнаете совершенно поразительный факт: все те огромные ледяные поля, которые последние 400 лет закрывали подход к восточным берегам „старушки“ Гренландии были отнесены ветром в Атлантику и растаяли, а берега очистились до 80° с. ш., море на запад было почти чистое от льда, материкового или морского».

Он просил Крузенштерна высказать свое мнение о том, как таяние этой массы льдов в теплых водах Атлантики скажется на климате Европы и не будет ли это «способствовать возобновлению попыток найти Северо-Западный проход или северные берега Америки».

«Именно в связи с этим последним пунктом, — продолжает Барроу, — я взял на себя смелость обратиться к Вам и просить Вас сообщить мне, что Вам известно о лейтенанте Коцебу после его отъезда, так как, если я правильно Вас понял, когда я встречался с Вами в Англии, то цель путешествия и состояла в том, чтобы выяснить, ведет ли пролив или открытое море из Берингова пролива в Северный океан, и если так, то мы попытаемся весной следующего года организовать экспедицию вокруг Гренландии или через пролив Дэйвиса; если лейтенант Коцебу получил инструкции продвигаться дальше на восток и если ему удастся пройти через Берингов пролив, то мореплаватели, возможно, могут встретиться и могут оказаться полезными друг другу, и, если я правильно понимаю его цели и взгляды, нашим офицерам будут даны указания оказать любую возможную помощь Вашим морякам...

Надеюсь, Вы извините мою смелость и простите меня за то,

что я прошу Вас сообщить мне все, что Вам известно о северной конечности Северо-Западной Америки.

Дж. Барроу»

Сообщение Барроу о выносе льдов от восточных берегов Гренландии не удивило Крузенштерна. Он не видел в этом особо благоприятных признаков изменения ледовой обстановки в Северном океане и был уверен, что суда, которые направятся из пролива между Гренландией и Шпицбергом через Северный полюс в Тихий океан, будут, как и прежние экспедиции, остановлены льдами. Он не верил в существование открытого моря у Северного полюса и полагал, что проход из Атлантики в Берингов пролив следует искать вдоль северных берегов Америки как со стороны Берингова пролива, так и со стороны Баффинова залива.

Его беспокоило другое — а именно намерение англичан послать экспедицию с такими же целями, которые он только что изложил в своем проекте. Крузенштерн решил отправить копию письма Барроу государственному канцлеру: «Я, конечно, напишу г-ну Барроу, что Ваше сиятельство уже давно решились тотчас по возвращении „Рюрика“ отправить подобную экспедицию, но при всем том отложу ответ свой на его письмо, покуда вы не позволите сообщить мне мысли ваши касательно сего английского отправления. Кто бы ни открыл Северный проход, буде он существует, у Вашего сиятельства нельзя отнять, что вы первый возобновили сию уже забытую идею и что, следовательно, ученый совет только вам обязан будет за сие важное открытие. Надо отдать должное Румянцеву, что он не считал своей эту заслугу перед географической наукой, справедливо заявив в одном из своих писем Крузенштерну, что идеи о возобновлении поисков Северо-Западного прохода принадлежат не ему, а его ученому советнику, к искусству и просвещенности которого он имел «столь основательную полную доверенность» и по наставлению которого он отправил в плавание «Рюрика».

Проект Крузенштерна о снаряжении экспедиции в Баффинов залив был встречен Румянцевым, по его словам, с большим вниманием. Он находил весьма любопытным изучение этого района, которое могло окончательно «определить сообщение двух океанов». Государственный канцлер надеялся в ближайшее время встретиться с Крузенштерном и обсудить вопрос о посылке экспедиции. Однако, получив копию письма Барроу, Румянцева изменил свои планы. Он просил Крузенштерна сообщить Барроу, что, узнав о намерении англичан, он охотно отступает от задуманной «экспедиции в Баффинов залив и будет выжидать успеха англичан».

Чтобы подсластить пилюлю, Румянцева добавлял, что они вместе придумают ход для «Рюрика».

Вместе с тем ему очень хотелось, чтобы экспедиция Коцебу

продолжала попытки отыскать Северо-Западный проход со стороны Берингова пролива. Не подозревая о несчастье, постигшем командира, он несколько раз повторяет эту мысль. «Мне,— писал он.— более прежнего желается, чтобы лейтенант Коцебу сюда в нынешний год не возвращался и еще один год посвятил исследованию Северо-Западного прохода со стороны Берингова пролива».

Но письма шли по несколько месяцев, и Коцебу, не зная о намерениях снаряжителя экспедиции, в те дни плыл Индийским океаном, держа курс на мыс Доброй Надежды.

Плавание Отто Коцебу приближалось к завершению.

Вот уже наш посол экстренно сообщил из Англии, что «Рюрик» прибыл в Портсмут и он беседовал с его капитаном. Пришло письмо от Коцебу, который откровенно написал, «что второе его покушение в Берингов пролив было весьма неудачно». Особенно тяжело мореплаватель воспринял известие о том, что две английские экспедиции весной отправились на поиски того же самого Северо-Западного пути, исследование которого он столь успешно начал и затем не смог продолжить из-за тяжелой травмы.

Государственный канцлер обратился к Крузенштерну с просьбой ободрить Коцебу, который сокрушался, что «ему не удалось открыть известного пути и что он в том опасении, что таковой счастливый жребий скоро достанется из Англии отправленной экспедиции». «Но вы как друг,— продолжал Румянцев,— и столь отличным сведениями муж, успокойте его и заметьте ему, что сыскать существующий наверное проход не единственно зависит от искусства, а отчасти и от счастья, и нельзя еще решительно предсказать, чтобы таковую удачею предприятие англичан увенчано было».

10 июня 1818 года «Рюрик» отдал якорь на Кронштадтском рейде. Путешественников встретил Крузенштерн. Он показал Коцебу письмо Румянцева. В этом письме государственный канцлер просил пожаловать к нему в Гомель и привезти с собой «нашего морехода»: «Я описать Вам не могу, как я жажду его видеть».

В переписке Крузенштерна и Румянцева в течение многих месяцев и даже лет обсуждаются результаты плавания «Рюрика». И хотя болезнь не позволяла Коцебу продолжить поиски сообщения между двумя океанами, он во время первого своего плавания совершил нечто такое, что вызывает чувство восхищения. Крузенштерн писал, что Коцебу первым начал плавание Северо-Западным морским проходом и исследовал его на значительном протяжении. Открытие огромного залива Коцебу, залива Шишмарева, губы Эшшольца, острова Шамиссо, острова Сарычева, острова Хромченко, острова Петрова, мыса Крузен-

штерна, губы Доброй Надежды за пределами полярного круга поставило его в число блестящих исследователей Арктики.

Экспедицией на «Рюрике» было описано более 500 километров берегов полярных владений России, открыт ископаемый лед на Аляске, собраны ботанические, зоологические и этнографические коллекции.

На основе наблюдений за течениями в Беринговом проливе, направленными к северо-востоку и достигавшими скорости около 6 километров в час, Коцебу пришел к выводу, что существует сообщение между двумя океанами. Зная, что вблизи Баффинова залива течение направлено к югу, он писал о том, «что вода, входящая в Берингов пролив, имеет течение вокруг Северной Америки к югу». Мореплаватель считал, что подробное исследование Берингова пролива принесет большую пользу не только наукам, но и торговле.

Коцебу высказал идею о единстве структуры Чукотки и Аляски, которую поддержал профессор Дерптского университета М. Энгельгардт, писавший, что свойства пролива Беринга «не противоречат мнению о позднейшем разделении материков».

Научная ценность исследований экспедиции на «Рюрике» еще увеличилась благодаря участию в них Ивана Эшшольца, профессора Дерптского университета. Им было написано несколько работ, посвященных научным открытиям и наблюдениям как в тропической зоне, так и в суровой Арктике. Его связывало с Отто Коцебу чувство дружеской приязни. И когда тот спустя шесть лет снова отправился в новое путешествие на шлюпе «Предприятие», Иван Эшшольц оказался в числе участников новой экспедиции...

Особенно ценен вклад Отто Коцебу в изучение жизни и быта чукчей и эскимосов Аляски. Он любил море, любил борьбу со стихией, но признавал впоследствии, что его «по-настоящему увлекало... лишь знакомство с новыми странами и их обитателями».

Принадлежащие перу Отто Коцебу серьезные и яркие описания встреч с жителями берегов Берингова пролива и Ледовитого моря представляют интерес до нашего времени.

Важным дополнением к ним стали зарисовки Л. И. Хориса, которые вызвали глубокий интерес ученых Европы.

«Его рисунки,— писал французский журнал „Деба“,— знакомят нас с лицами жителей, дают нам настоящее понятие о их жилищах, оружии, домашних вещах и представляют множество донныне неизвестных животных, которых славный натуралист Кювье признал достойными быть описанными его красноречивым пером. Его рисунки отличаются правдоподобием, естественностью и оригинальностью, изображения Хориса не суть плоды воображения, как то случается при многих английских сочинениях. Рисунок художника прост и ясен».

Два альбома зарисовок Хориса были изданы на средства

Румянцева в Париже почти одновременно с трехтомным описанием плавания «Рюрика». Оно было подготовлено Коцебу, Шамиссо и Эшшольцем.

Иван Крузенштерн для книги Коцебу «Путешествие в Южный океан» написал обширное введение и пять статей. Завершалось обозрение дополнением, которое в рукописи называлось «Известие об английских экспедициях 1818 года для отыскания Северного прохода». Оно было написано Крузенштерном осенью 1819 года и открывало серию работ, посвященных разбору научных достижений английских экспедиций первой четверти XIX века. Четыре из пяти статей были объединены под одним названием «Обозрение всех путешествий, предпринятых к отысканию кратчайшего пути из Атлантического в Южный океан». В первых двух кратко рассматривались морские плавания с древних времен до открытий Васко да Гама, Христофора Колумба, Фернана Магеллана. Третья статья была посвящена плаванию капитана Ченслера и его поездке в Москву.

Крузенштерн в своих статьях, предложениях и письмах неоднократно напоминал о том, что русские первыми в XIX веке предприняли шаги к решению проблемы Северного прохода. И хотя экспедиция для поисков сообщения между двумя океанами не достигла «совершеннейшего успеха», нельзя недооценивать значения этого выдающегося начинания России «к достижению сего важного и любопытного предмета».

Статьи, опубликованные Крузенштерном в «Путешествии» Коцебу, интересны не только взглядами на проблемы полярных исследований, но и попытками наметить основные направления русских географических изысканий на севере Европы, Азии, Америки и в Тихом океане.

Он находил полезным исследовать Каролинские и Соломоновы острова и другие архипелаги в экваториальной части Тихого океана. Наибольшее внимание Крузенштерн уделил вопросам изучения России. Одной из первых задач им названо исследование Амурского лимана, устья Амура, западных берегов Сахалина, Удских и Шантарских островов, материкового побережья Дальнего Востока от Амура до Охотска, Таунской, Пенжинской, Гижигинской губ (заливов), западных и восточных берегов Камчатки, особенно тех мест, положение которых не проверено новыми описями. Одновременно следовало уточнить карты Алеутских островов, Анадырского залива и Олюторской губы. По словам мореплавателя, достоинство России и долг ее науки требуют выполнить точнейшие исследования «берегов северо-восточной Азии, заселенных русскими подданными».

Он считает весьма желательным проникнуть возможно далее к северу от Берингова пролива и обогнуть Ледяной мыс. Кроме того, следовало попытаться проникнуть во внутренние районы Русской Америки на восток от Берингова пролива. Затем Крузенштерн ставит вопрос о повторении плавания путем С. И. Деж-

нева из Колымы в Берингов пролив (или из Берингова пролива в Колыму), чтобы положить конец спорам о положении северо-восточных берегов Азии. «Устрашит ли нынешних мореходцев такое предприятие, которое за 170 лет перед сим удалось на малом боте? — писал Крузенштерн. — Сколь же странно, что никто еще доселе на то не покушался».

Крузенштерн еще раз повторял мысль, высказанную им в 1814 году, о том, что главной задачей русских географических исследований должно стать «вернейшее познание берегов азиатских — такое познание, которое соответствовало бы нынешнему состоянию наук». Он напоминал, что на северном побережье России, на пространстве от Югорского Шара до Берингова пролива, нет еще ни одного пункта, долгота и широта которого были бы «астрономически означены». Особенно важным он считал исследование азиатских берегов на восток от Колымы до Берингова пролива, чтобы «точно означить северные пределы Азии». Затем следовало определить главные места северного побережья России и в первую очередь устья рек. Одновременно он считал необходимым выполнить новую опись севера Европейской России от Югорского Шара до Белого моря и от Белого моря до мыса Норд-Кап, положение которого на картах столь же неверно, как и положение северо-восточных берегов Азии.

В 1818 году руководитель Адмиралтейского департамента Сарычев независимо от Крузенштерна составил для Траверсе записку с предложениями картировать северные берега России. Любопытно, что многие предложения Сарычева почти дословно совпадают с предложениями Крузенштерна, хотя не может быть и речи об их заимствовании или влиянии. (Сарычев находился в Петербурге, а Крузенштерн — на мызе Асс в Эстляндии).

Причину того обстоятельства, что два выдающихся ученых русского флота почти однозначно определили направления географических исследований, следует прежде всего искать в их четком представлении о состоянии изученности морей, омывающих Россию. Опираясь на богатый фундамент знаний о том, что было сделано предшественниками, они поставили поистине великие задачи научных исследований, которые делают честь их авторам, русскому флоту, русской науке.

Ошибка Джеймса Бурнея

Крузенштерн живет уединенно, в 400 верстах от Петербурга на мызе Асс. Однако идиллического уединения не получается. Все равно он многими нитями связан со столицей и со всем

миром: его корреспонденты живут и в Лондоне, и в Париже, и в Гамбурге, и за океаном.

Плавание на «Рюрике» в Северный Ледовитый океан нанесло удар по прежним представлениям о природе этого пребывающего в неизвестности края. Одни ученые и мореходы аплодируют Коцебу, другие, отдавая должное его успехам, пытаются сделать вид, что ничего особенного не произошло, но все просят подробных сведений о плавании.

Еще в то время, когда «Рюрик» находился на пути в Кронштадт, в Англии разгорелся спор между Джоном Барроу, по инициативе которого английское правительство снаряжало две экспедиции для поисков таинственного пути, и Джеймсом Бурнеем, спутником Кука и автором многотомного труда по истории исследования Тихого океана. В августе 1817 года он представил Королевскому географическому обществу статью, в которой писал, что море севернее Берингова пролива ограничено близкими землями и, вероятнее всего, Америка соединяется с Азией перешейком. Он не находил в литературе достаточно удовлетворительного доказательства, подтверждающего разделение Азии от Америки, и не считал достоверными сведения о плавании проливом между этими материками.

Бурней не оспаривал, что Дежнев вышел из Колымы в море, но вместе с тем сомневался, что он прошел до Восточного мыса. «Единственным неоспоримым доказательством раздела континентов можно считать утверждение, что все азиатское побережье от Колымы до Берингова пролива окружено морем. А это еще не доказано».

По мнению Бурнея, предположение, что Новый и Старый Свет соединяются, так же старо, как и само открытие Америки. Он ссылаясь при этом на «Гидрографическое описание мира» английского полярного исследователя Джона Дейвиса, который в 1595 году утверждал, что Северо-Западный проход так долго стараются открыть и так неизменно терпят неудачу за неудачей, что, вероятно, такого прохода нет, и Америка соединена с Азией.

Но кроме мнения заслуженных исследователей Бурней для доказательства своей гипотезы привлекает и наблюдения над природой полярных морей, собранные прежними путешественниками. Известно, что многие из них, встретив сплошной лед на севере, уходили искать путь в другие места и когда через несколько дней возвращались в прежнюю точку, то находили лед уже разреженным. Это, по мнению Бурнея, доказывало, что лед недавно отделился от земли. И полет птиц с севера на юг, и установленная Куком «одинаковость» глубин между американскими и азиатскими берегами, и медленные течения в Беринговом проливе и быстрое в Колымском море — вот, по мысли Бурнея, доказательства существования неведомой земли, протянувшейся между берегами двух континентов.

По поводу этой догадки Джон Барроу писал Крузенштерну:

«Я не уверен, знакомы ли Вы с капитаном Бурнеем, который плавал вместе с капитаном Куком, он вбил себе в голову, что Берингова пролива не существует, а есть какой-то залив, оканчивающийся к северу сушей, которая и соединяет два континента: Азию и Америку. Он говорит, что Миллер неправильно понял Дежнева и что этот офицер не проходил через пролив. Я не знаю, на каком основании он все это вообразил или сделал за такой короткий срок новое открытие».

В другом письме Барроу просил Крузенштерна прислать материалы первого плавания Коцебу в Беринговом проливе и к северу от него и сообщить, насколько вероятно предположение, что Новая Сибирь соединяется с Америкой. Все эти сведения должны помочь Барроу оспаривать доводы Бурнея о некоем средиземном море к северу от Берингова пролива и об отсутствии сообщения между Тихим и Атлантическим океанами.

Крузенштерн со свойственной ему мягкостью назвал идею Бурнея сомнительной и опроверг все его доводы. Во-первых, Семен Дежнев из Колымы проплыл морем не только до Восточного мыса, но и прошел Беринговым проливом до реки Анадырь (Иван Федорович послал Барроу копии с отписок Дежнева, которые хранились в бумагах Миллера в делах коллегии иностранных дел). Во-вторых, Бурней заблуждается, предполагая, что течения в Беринговом проливе незначительны. Наоборот, как установил Коцебу, скорость течения в нем достигала трех миль в час и свидетельствовала о существовании сообщения между двумя океанами. В-третьих, Новая Сибирь отнюдь не огромная суша, соединяющаяся с Америкой, а остров, восемь лет назад обстоятельно осмотренный экспедицией Матвея Матвеевича Геденштрома, и к северо-востоку от него нет каких-либо земель, а есть море, которое даже зимой не полностью сковано льдами.

Материалы о плавании «Рюрика» Крузенштерн направил также и Бурнею (по его просьбе). Бурней стал менее категорично высказываться о перешейке между Азией и Америкой, но по-прежнему не верил в существование Северо-Западного морского пути и полагал ошибочными убеждения тех ученых и мореходов, которые рассматривали Берингов пролив как единственный проход на западной стороне Америки, ведущий из Европы в Тихий океан.

И Крузенштерну, и Джону Барроу была очевидна необоснованность утверждения Бурнея. Однако государственный канцлер Н. П. Румянцев хотел во что бы то ни стало доискаться истины. Менее знакомый с историей и результатами полярных исследований, чем Крузенштерн и Барроу, он допускал, что, быть может, Бурней прав.

Узнав, что его приятель и спутник знаменитого В. М. Головнина русский мореплаватель П. И. Рикорд назначен управляющим Камчаткой, он вручил ему три тысячи рублей для награды

тем промышленникам, которые перейдут по льду «из самых северных стран Азии в противоположную часть Америки».

«Приятно будет, ежели сей новый образ открытий по морю возымеет какую-либо пользу и столь малое пожертвование принесет всеобщим познаниям хотя малое приращение».

Спустя некоторое время Румянцев отправляет Рикорду нужных в далеких краях товаров «тысяч на шесть», с тем чтобы он их раздал казакам и чукчам, которые по льду или на байдарках будут переходить в Америку и выяснят, насколько прав английский капитан Бурней, считающий что «Азия на севере с Америкой соединена и что вместо Берингова пролива надобно будет на картах ставить залив».

Вероятно, Рикорду удалось организовать поездки по льду, так как Крузенштерн рассказывает о том, что в 1818 году на средства Румянцева была отправлена экспедиция на собаках, которая удалась от берега на расстояние более ста верст и на третий день, встретив подвижный лед, должна была возвратиться обратно на матерую землю.

Любое новое сведение о полярных странах внимательно обсуждается в письмах Румянцева и Крузенштерна. За два года до отправления Колымской экспедиции Врангеля государственный канцлер обращает внимание Крузенштерна на сообщение директора Российско-Американской компании М. М. Булдакова, которому капитан Шмалев, много лет живший на Камчатке, передал рассказ чукотского старейшины о том, что север Чукотской земли омывает Студеное море и никакого перешейка, соединяющего ее с другой матерой землей, нет.

Румянцеву представляется, что «ежели бы можно» на это сообщение чукотского старейшины положиться, то «не осталось бы сомнения в совершенном отделении Азии от Америки Беринговым проливом».

Он снова и снова возвращается к ошибочной гипотезе Бурнея. Он хочет поручить В. С. Хромченко выйти через Берингов пролив в Северный океан и, встретив лед (который Румянцев считает вечным), отправить три партии. Одна из них следовала на север — до открытого моря, вторая шла к берегам Америки и определяла самую северную ее точку и, наконец, третья встречалась с чукчами, по возможности, выше Чукотского Носа. Румянцеву представляется, что такая экспедиция, возможно, установит, «точно ли Азия от Америки отделена совершенным проливом». Он готов предложить в награду тому путешественнику, который решит эту задачу, «тысячу рублей, даже две», если Крузенштерну первая сумма покажется малой.

Крузенштерн вскоре сообщает, что подобную экспедицию снаряжать нет надобности.

Но об этом пойдет речь после того, как будут рассмотрены результаты грандиозной экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив...

Советы капитан-командора

Бегут один за другим дни, заполненные кропотливым трудом над «Атласом Южного океана». Осень сменилась зимой, а за ней наступила весна, пронизанная музыкой первой капли.

Иногда Крузенштерн вдруг вспоминает, что так и не решено, отправится ли «Рюрик» в новое путешествие, как обещал Румянцев. А между тем из Англии все чаще приходят вести, что там готовятся снова послать четыре корабля для поисков Северо-Западного прохода. Правда, в России тоже подумывают о подобной экспедиции, но кто знает, как к этой идее отнесутся в верхах?..

И он снова садится за любимую работу. Читает, пишет, чертит целыми днями. Лишь письма временами отвлекают от дел. У него заведено правило: уделять почте один день в неделю. Только в редких случаях он нарушает установленный порядок. Такое исключение Ивану Федоровичу приходится сделать 12 марта 1819 года.

В этот день он получил письмо от морского министра маркиза де Траверсе. Маркиз предлагал Крузенштерну возглавить экспедицию для изучения «стран около Южного полюса» и продолжения открытий, начатых на бриге «Рюрик» в районе Берингова пролива. Морепоплаватель, которому несколько недель назад исполнилось 48 лет, поблагодарил министра за столь высокую честь и отказался, ссылаясь при этом на расстроенное здоровье. Чувство ответственности, которое было столь присуще Крузенштерну, вынуждало его ответить отказом. Безусловно, он понимал, что отказывается от «столь великого предприятия».

В марте 1819 г. Крузенштерн получил еще одно письмо от морского министра. Из него морепоплаватель узнал, что предложение о снаряжении экспедиции в «страны Южного полюса» и в Берингов пролив утверждено Александром I. От Крузенштерна министр требовал «примечаний относительно имеющего последовать путешествия для открытий».

31 марта 1819 года Крузенштерн написал морскому министру большое письмо. Прежде всего Крузенштерн останавливался на задачах экспедиции в Берингов пролив. Они, как отмечал морепоплаватель, очень сходны с теми, которые были поставлены перед Коцебу. Во-первых, предполагалось из залива Коцебу следовать на судне или на байдарках в район мыса Ледяного. Если льды не позволят проникнуть в этот район, то руководителю необходимо изучить северные берега Америки сначала до мыса Ледяного, затем идти к устью реки Маккензи, а возможно, и до реки Херна (Коппермайн). Кроме того, надлежало осмотреть берега Америки к югу от залива Нортон и выяснить, не существует ли там залива, имеющего сообщение с Баффиновым или Репульсовым заливами. Если в этом районе не будет откры-

то удобной гавани, то желательно предпринять путешествие из залива Нортон во внутренние районы Америки, которые оставались для исследователей белым пятном. И наконец, он считал нужным из Берингова пролива предпринять плавание в район мыса Шелагского, так как поход С. И. Дежнева, хотя без всяких оснований, поставлен под сомнение. «Неужели мореходы нашего времени устроятся обойти мыс, мимо коего проплыл 170 лет назад казак на малой лодье». Далее с обстоятельной подробностью он называет задачи по исследованию экваториальной зоны и северной части Тихого океана.

Наиболее интересна вторая часть письма Крузенштерна. Она посвящена задачам экспедиции к Южному полюсу. Свои взгляды на вопрос о существовании южного материка он изложил несколькими месяцами раньше все в том же введении к книге Коцебу. В ее начальных строках речь идет о том, что величайшие географические проблемы на протяжении нескольких столетий волнуют ученых мира. Одну из них решил Кук, который в итоге своего знаменитого второго плавания «уничтожил бытие» Южного материка. Его существование, по словам Крузенштерна, считалось необходимым «для поддержания в равновесии обоих полушарий». В середине XVIII столетия географами де Бросом и Дальримплом даже были определены размеры исполинского материка и подсчитано его народонаселение. Эта часть света «пред Куком погрузилась в бездну океана и, подобно бредням и сновидениям, не оставила о себе никаких следов».

Эта фраза из введения могла свидетельствовать о том, что он согласен с суждениями Кука, которые в действительности не были столь категоричны, как это представлялось в конце XVIII — начале XIX века. На тот факт, что Кук не исключал возможности существования земли вблизи полюса, не обращали внимания. Гипнотически действовало утверждение Кука, что эта земля никогда не будет открыта. Участник первой русской экспедиции к Южному полюсу А. С. Лесков справедливо отмечал, что после второго плавания Кука о ней «перестали думать».

Трудно предположить, что за несколько месяцев между окончанием работы над введением и составлением письма министру точка зрения Крузенштерна могла измениться. Однако она действительно претерпела некоторую эволюцию, хотя ее значение и не следует преувеличивать. Крузенштерн был не склонен утверждать, что невозможно проникнуть ближе к Южному полюсу, чем это сделал Кук. Более того, он находил весьма вероятным, что отважное плавание может увенчаться «славным и счастливым успехом».

Отход от первоначальной позиции уже ощущается в тех задачах, которые он сформулировал для экспедиции к Южному полюсу: во-первых, попытаться приблизиться к Южному полюсу более, чем это удалось Куку; во-вторых, стараться открыть новые острова в тех местах, которые не мог достигнуть Кук. Правда,

далее он снова повторяет точку зрения Кука о том, что земля у Южного полюса никогда не будет открыта. «Холод, снег, бури и вечный туман предполагают почти непреодолимые препоны к плаванию в тех местах: даже и самому Куку, неустрашимейшему и искуснейшему мореходу всех времен, представилась непреодолимая преграда к открытию сей земли».

По мнению Крузенштерна, экспедиция в высокие широты Южного полушария должна «подтвердить мнение Кука и сделать последний предел исканию земли у Южного полюса».

Замечания мореплавателя были тщательно проанализированы в Петербурге. Об этом свидетельствует дело 476 «Проект экспедиции к Южному полюсу» сборного фонда (ф. 315), содержащего материалы по истории флота. Собственно, это не проект, а материалы к нему. Первые пять листов содержат отрывочные записки, которые, судя по почерку, принадлежат морскому министру де Траверсе. В них идет речь о южнополярной области и рассматриваются некоторые результаты Второй кругосветной (антарктической) экспедиции Кука и путешествия Лаперуза.

В этом же деле находится «Краткое обозрение плана предполагаемой экспедиции». Оно не имеет подписи, но, как явствует из текста, его автором является Коцебу. По мысли Коцебу, экспедиция из двух судов должна была первым делом обследовать Сандвичеву Землю возможно далее к югу. «Может она есть часть твердой земли». Затем ей предстояло плавание в Северный океан.

Остальные страницы дела содержат отрывки из проекта Сарычева об экспедиции к Южному полюсу и принадлежащего ему второго документа «Расположение плавания по Западному, Южному и Восточному океанам...». Эти документы занимают левый столбец 11—14 листов. В правом столбце приводятся два отрывка, принадлежащие Крузенштерну, где он излагает свое мнение об экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив.

Перечисленные документы весьма отрывочны, но они все-таки позволяют проследить эволюцию задач проектируемой полярной экспедиции. Сначала основные ее цели, как явствует из бумаг Сарычева, были сконцентрированы на исследовании высоких широт Южного полушария, а поиски на севере ограничивались лишь знакомством с отдельными районами северо-западных берегов Русской Америки. Однако затем исследования были распространены на Берингов пролив и, наконец, по предложению Крузенштерна поставлена важнейшая географическая проблема — поиски Северо-Западного морского пути из Тихого океана в Атлантический. С изменением задач экспедиции изменилось и число кораблей, которые должны были в ней участвовать. Сначала исследования в Антарктике и у берегов Америки должны были вести два судна, а затем их число было увеличено до четырех, что соответствует предложению Крузенштерна.

Предложения Крузенштерна были проанализированы одновременно с планом Сарычева. В итоге были выработаны инструкции южному и северному отрядам. Первому поручалось проникнуть возможно ближе к Антарктическому полюсу, второму предстояло решить «великий вопрос» о существовании прохода из Тихого в Северный Ледовитый океан и о направлении северных берегов в этой части полушария. (Предполагалось, что Америка распространяется на значительную часть Северного Ледовитого океана.)

Инструкции отражали уровень состояния знаний о полярных областях планеты того времени и вместе с тем свидетельствовали о важности и смелости задач, поставленных перед моряками русского флота. Им предстояло вписать свои золотые строки в летопись великих достижений. Через несколько месяцев после того, как корабли экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив покинули Кронштадт, Крузенштерн отказался от своего тезиса о том, что достижения Кука и на юге, и на севере никогда не будут превзойдены. «Я признаюсь,— писал Крузенштерн Барроу,— разделял мнение Кука, что хоть Южный континент, по всей вероятности, и существует, но он никогда не будет открыт».

Вряд ли поворот во взглядах на вопрос об открытии Южного континента можно объяснить тем, что в это время он получил сообщение Джона Барроу об открытии английским военным судном Новой Шетландии. Крузенштерн старался в своих суждениях опираться на возможно большее количество фактов. Составляя замечания для морского министра об экспедициях к Южному полюсу и в Берингов пролив, он не только знал, но даже упоминал о новых открытиях в высоких широтах Южного полушария.

Крузенштерн знал, что к югу от Новой Голландии открыты два обширных архипелага и многие малые острова. Он считал вероятным, что «благоприятный случай допустит корабли наши проникнуть к югу далее, нежели было возможно то для Кука». Эта фраза свидетельствует о том, что еще в марте 1819 года его взглядам, относящимся к вопросам изучения стран, лежащих около Южного полюса, свойственна некоторая противоречивость.

Достоверно известно, что в 1820 году Крузенштерн пришел к убеждению, что Южный континент может быть открыт и выражал надежду, что эта честь выпадет на долю Первой русской экспедиции к Южному полюсу. И, как известно, надежда эта оправдалась. Честь открытия Антарктиды досталась морякам русского флота и прежде всего его ученику и участнику первого русского кругосветного плавания Ф. Ф. Беллинсгаузену.

Звездный путь Фаддея Беллинсгаузена

Детство Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена прошло частью в отцовском имении, частью в городе Аренсбурге (Кингисеппе) и, наконец, у родственников в южной Эстляндии, которые взяли его на свое попечение от обнищавших родителей. Когда мальчику исполнилось 10 лет, его определили в Морской корпус в Кронштадте. Через восемь лет он простился с корпусом, а спустя год ему присвоили чин мичмана. Он получил назначение в состав Ревельской эскадры, на судах которой плавал шесть лет. Все это время Беллинсгаузен увлеченно изучал физику, астрономию, картографию, географию. Любовь Беллинсгаузена к наукам была замечена известным русским адмиралом Ильей Ивановичем Ханыковым. Это и определило крутой поворот в жизни и деятельности Беллинсгаузена. Дело в том, что по настоянию адмирала Ханыкова, только что назначенного главным командиром Кронштадтского порта, Беллинсгаузен был назначен в состав первой русской кругосветной экспедиции под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна.

Из кругосветного плавания Беллинсгаузен вышел настоящим моряком школы Крузенштерна, оказавшего глубокое влияние на формирование мировоззрения будущего первооткрывателя Антарктиды. Под руководством Крузенштерна Беллинсгаузен был выполнен почти все карты Первой русской кругосветной экспедиции, которые были выпущены в виде «Атласа к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна».

4 июня 1819 года он был назначен командиром шлюпа «Восток», а затем и начальником так называемой первой дивизии, которая направлялась к Южному полюсу на поиски шестого континента. Таким образом, на долю Беллинсгаузена и его спутников выпало решение великой географической проблемы, истоки которой были проанализированы Крузенштерном в письме на имя морского министра.

Безусловно, интерес России к Южному матерiku имеет прямую связь с выходом ее флота на просторы Мирового океана. Знаменательно, что вскоре после возвращения в Кронштадт кораблей Первой русской кругосветной экспедиции под руководством Крузенштерна началась разработка плана всеобщего Морского атласа. Одновременно, опять-таки по инициативе Крузенштерна, были предприняты усилия по организации поисков Северо-Западного прохода.

Именно выход России на просторы Мирового океана открывал перед русскими моряками возможность приступить к решению главных проблем полярных исследований. Символично, что осенью 1818 года, через несколько месяцев после возвращения брига «Рюрик» в Россию, Крузенштерн во введении к описанию этого знаменитого плавания назвал две главнейшие

проблемы полярных исследований. Первая — это поиски Южного материка и вторая — поиски Северного морского пути из Тихого океана в Атлантику.

Решение этих великих географических проблем осенью 1818 года было поставлено русским правительством перед российским флотом. Как отмечалось, одновременно Сарычевым и Крузенштерном были разработаны программные записки, которыми предусматривалось исследование всего северного и восточного побережья России, Русской Америки и земель Тихого океана от Берингова пролива до южнополярных вод. Следует заметить, что все это происходило в обстановке обозначившегося соперничества России и Англии в исследовании Арктики.

Известно, что Англия на посылку «Рюрика» ответила отправкой 4 кораблей на поиски северного прохода из Атлантики в Тихий океан. Потерпев неудачу, английское правительство, судя по донесениям дипломатов, тут же, осенью 1818 года, решило в будущем году снова отправить два корабля в Ледовитый океан.

В это же время русским правительством было принято решение об отправке экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив. При этом инициатива исходила не из морского ведомства, а из более высоких правительственных сфер. В архиве Военно-Морского Флота в фонде Ученого комитета Морского штаба сохранился собственноручный проект письма Ф. Ф. Беллинсгаузена к Николаю I от 13 февраля 1829 года, в котором, в частности, отмечалось, что «Александр благословенный поручил мне исполнить собственную мысль и волю в Южном полушарии».

Известна собственноручная записка Александра I министру финансов Гурьеву об отпуске из государственного казначейства ста тысяч рублей на экстраординарные расходы для подготовки судов, отправляющихся к Южному полюсу и в Берингов пролив.

Трудно предположить, что идея такого обширного научно-предприятия родилась в том же кабинете, из которого вышли военные поселения. Но несомненно одно, что подготовка экспедиции в высокие широты Северного и Южного полушарий осуществлялась на высшем правительственном уровне, а ее деятельность была подчинена интересам укрепления международного авторитета России как могущественной и просвещенной державы мира.

Что касается вопроса об истинном инициаторе этого полярного предприятия, то, возможно, разгадка его кроется на страницах дневника маркиза де Траверсе. (Дневник хранится в Ленинграде в Архиве Военно-Морского Флота, но, к сожалению, он зашифрован. Будем надеяться, что со временем шифр будет найден и исследователям станут известны новые факты не только об экспедициях Беллинсгаузена и Васильева, но и о жизни Российского государства.)

Документально подтверждено, что именно под руководством де Траверсе осуществлялась разработка задач экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив. В этой работе принимали участие О. Е. Коцебу, руководитель Адмиралтейского департамента Г. А. Сарычев и И. Ф. Крузенштерн, по рекомендации которого руководителем Первой русской экспедиции к Южному полюсу и командиром шлюпа «Восток» был назначен Беллинсгаузен. Командиром второго судна дивизии, шлюпом «Мирный», еще 25 марта 1819 года был определен Михаил Петрович Лазарев. На его плечи легла исключительно большая работа по подготовке судов к южнополярному плаванию.

Второй дивизией в составе судов «Открытие» и «Благонамеренный» командовал Михаил Николаевич Васильев. Этой экспедиции предстояло направиться в Берингов пролив и приложить величайшие усилия, чтоб решить вопрос о Северном проходе из Тихого океана в Ледовитое море и о направлении берегов к северу от Берингова пролива, где некоторыми мореплавателями предполагалось существование перешейка. Еще более важная задача стояла перед Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым. Их дивизия должна была проникнуть «до самой отдаленной широты» и приложить «всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли».

Адмиралтейским департаментом для Беллинсгаузена и Васильева была подготовлена инструкция, которой мореплавателям предписывалось «производить полезные для наук наблюдения» и прежде всего метеорологические, океанографические и магнитные. В частности, предусматривалось исследование особенностей климата, полярных сияний, состояния атмосферы и ее изменений, включая изучение «высших и низших ветров в сравнении с дующими близ поверхности моря». Большое внимание моряки и ученые должны были уделить изучению льдов, айсбергов, течений, приливо-отливных явлений, температуры и солености морской воды в различных районах Мирового океана и на различных глубинах. Важной задачей являлся сбор этнографических, ботанических, зоологических, минералогических коллекций. Инструкции для научных изысканий были идентичны как для южного, так и для северного отрядов. Таким образом, впервые в истории науки были поставлены по одной и той же программе одновременные геофизические наблюдения от Южного до Северного Ледовитого океанов.

4 июля 1819 года Беллинсгаузен и Лазарев, Васильев и Шишмарев покинули Кронштадт.

2 ноября 1819 года южный отряд прибыл в Рио-де-Жанейро, где через некоторое время расстался со шлюпами «Открытие» и «Благонамеренный», направлявшимися в Берингов пролив. Через три недели «Восток» и «Мирный» взяли курс на Южный Ледовитый океан.

16 января 1820 года корабли Беллинсгаузена впервые приблизились к «льдиному матерiku» и тем самым открыли шестую часть света. Спустя пять дней «Восток» и «Мирный» снова подошли к ледяному барьеру Антарктического континента, и моряки не могли увидеть его пределов. По словам Беллинсгаузена, усмотренное мореплавателями ледяное поле «было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 января, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли». К такому же выводу пришел командир шлюпа «Мирный» М. П. Лазарев, который писал, что 16 января, достигнув $69^{\circ} 23'$ ю. ш. и $2^{\circ} 35'$ з. д., он со своими спутниками встретил «матерый лед чрезвычайной высоты».

Лазарев рассматривал его «с высоты мачты» и убедился, что «матерый лед простирается так далеко, как может только достигнуть зрение» с помощью зрительной трубы. «Отсюда, — писал он, — продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали льдинный материк, не доходя 70° ».

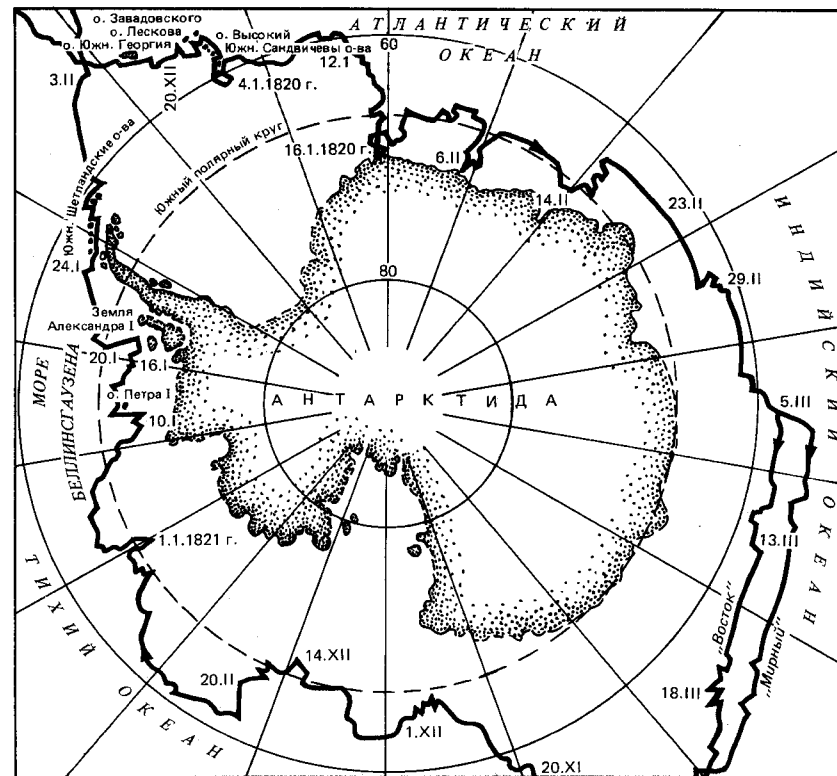
5 февраля 1820 года суда Беллинсгаузена и Лазарева в третий раз приблизились к ледяному матерiku. Мореплаватели снова увидели гористый, перпендикулярно обрывающийся в океан лед, который отлого поднимался к «югу на расстояние, пределов которого мы не могли видеть с салинга». Поблизости от него в море плавали ледяные острова, которые, по словам Беллинсгаузена, «от собственной своей тяжести или других физических причин отделились от матерого берега».

Эту мысль он повторил в донесении, несколько позже отправленном из австралийского порта Джексон морскому министру И. И. де Траверсе. «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно, и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу. Плоские ледяные острова близ сего материка находящиеся, ясно показывают, что они суть обломки сего материка, ибо имеют края и поверхность, подобную матерiku».

Среди туманов, дождя, снега и града, среди льдов и ледяных островов шлюпы «Восток» и «Мирный» все дальше уходили на восток, время от времени встречая приметы, свидетельствовавшие о близости берегов.

Плывать среди ледяных островов в ненастную погоду было крайне опасно. Но едва вышли из льдов, как встретили огромную зыбь.

15 февраля шлюпы разлучились, но вскоре увидели друг друга и продолжали совместные изыскания. Погода ухудшалась. Положение становилось все более опасным. «Неведение о льдах, буря, море, изрытое глубокими ямами, величайшие подымающиеся волны, густая мрачность и таковой же снег, которые скрывали все от глаз наших, и в сие время наступила ночь; бояться было

Плавания Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в Антарктике

стыдно, а самый твердый человек внутренне повторял: боже, спаси!» — писал Беллинсгаузен.

5 марта шлюпы «Восток» и «Мирный» расстались и встретились уже в порту Джексон в Австралии. Апрель и начало мая экспедиция занималась исправлением повреждений в судах, готовясь к плаванию в тропиках, благодатный климат которых был необходим для поправления здоровья и матросов, и офицеров. Четыре месяца Беллинсгаузен и его спутники провели в тропической и субтропической зоне Тихого океана, открыв при этом цепь островов, названных первооткрывателем Антарктиды островами Россиян.

31 октября экспедиция покинула порт Джексон. Второе плавание по своим трудностям и опасностям не уступало первому.

31 декабря 1820 года в пятый раз за второе плавание в Южном Ледовитом океане экспедиция пересекла Южный полярный круг, но была остановлена обширнейшим ледяным полем.

В 3 часа дня путешественники увидели на северо-востоке чернеющее пятно. «Я, — писал Беллинсгаузен, — с первого взгля-

да узнал, что вижу берег, но офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений».

Дали знать на шлюп «Мирный», что видят берег. Вскоре сквозь тучи пробился солнечный луч. Он прорезал пасмурность и осветил крутые черные скалы. «Невозможно выразить словами радости, которая явилась на лицах всех при восклицании: берег, берег! — писал Беллинсгаузен. — Восторг сей был не удивителен после долговременного единообразного плавания в беспрерывных гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах... Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега...» Лед не позволил высадиться на открытый берег. Прибывший по просьбе Беллинсгаузена лейтенант Лазарев доложил руководителю экспедиции, что он хорошо обозрел берега и мысы и что это не часть материка, а остров, который и называли именем Петра I. Беллинсгаузен отмечает в своей книге, что если бы было малейшее сомнение, «что сей берег не остров, а составляет только продолжение материка, я непременно осмотрел бы оный подробнее».

В солнечный день 17 января 1821 года путешественники снова на юго-западе увидели землю, к которой не смогли подойти ближе чем на 40 миль. Перед ними вдалеке лежал берег, над ним возвышалась цепь гор, отчасти покрытых снегом. Открытую землю называли берегом Александра. Беллинсгаузен в своем труде определенно говорит о том, что «берег обширен или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими».

20 января 1821 года суда экспедиции взяли курс к берегам Новой Шетландии, известие об открытии которой Беллинсгаузен получил уже в Австралии от русского посла в Португалии барона Тейля. Путешественники хотели удостовериться, «точно ли сей новообретенный берег принадлежит к предполагаемому матерому южному берегу». Спустя пять дней русские приступили к исследованию Новой Шетландии и открыли острова Шишкова, Михайлова, Мордвинова, Рожкова, Тейля, Елены, Смоленск, Бородино, Малый Ярославец, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо, Три Брата. Не обнаружив признаков соединения Новошетландских островов с южным матерым берегом, Беллинсгаузен отдал приказ следовать в Рио-де-Жанейро, куда корабли благополучно прибыли 27 февраля 1821 года.

Из Бразилии Беллинсгаузен направился в Португалию, а оттуда взял курс к берегам России.

В 6 часов утра 24 июля 1821 года шлюпы «Восток» и «Мирный» салютовали Кронштадту. На этом закончилась продолжавшаяся 751 день Первая русская экспедиция к Южному полюсу. За кормой кораблей осталось 86 475 верст. Уже в первой половине августа 1821 года Беллинсгаузен и Лазарев получили звания через чин, а офицеры были награждены орденами Св. Вла-

димира четвертой степени. Всем участникам экспедиции «без изъятия» (от денщиков до командиров кораблей) было назначено двойное жалование до тех пор, «пока в службе находиться будут». Все эти награды были выданы за «отличное исполнение поручений экспедиции в разных морях вокруг света и особливо к Южному полюсу». Решение это было принято непосредственно русским правительством и сообщено Морскому ведомству. По установленным же правилам ходатайство о наградах должно было исходить от Адмиралтейского департамента, рассматриваться Адмиралтейств-коллегией и затем утверждаться начальником Морского штаба или морским министром, который входил с докладом в более высокие инстанции. Во всех документах подчеркиваются выдающиеся достижения экспедиции к Южному полюсу. Они не только обошли вокруг света через высокие широты Южного Ледовитого океана, но и открыли шестой континент.

Беллинсгаузен и его спутники отдавали себе отчет в том, что вместо исполинского населенного континента они открыли ледяной материк. Более того, во время плавания Беллинсгаузен провел ряд опытов над накоплением снега в Антарктиде и пришел к гениальному выводу о том, что открытый им ледяной материк по мере приближения к Южному полюсу принимает вид отлогих гор, что стужа в более южных местах должна увеличиваться и что постоянные морозы способствуют образованию льда из снега. Матерый лед, по мнению Беллинсгаузена, «идет через полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий или островов, подобных острову Петра I, которые несомненно находятся в более южных широтах, и прилежит также берегу, существующему (по мнению нашему) вблизи той широты и долготы, в коей мы встретили морских ласточек».

Наблюдения экспедиции к Южному полюсу и экспедиции в Берингов пролив открывали эпоху более полного познания физических явлений, происходящих на земном шаре. Проведение одновременных метеорологических и магнитных наблюдений, начало которым было положено экспедициями к полюсам во второй четверти XIX века, получает широкое развитие. Сначала в нем участвуют отдельные ученые и полярные исследователи (со стороны России И. М. Симонов, Ф. П. Врангель, А. Я. Купфер, М. Ф. Рейнеке и др.). Затем магнитно-метеорологическое сотрудничество становится частью межгосударственных отношений. С 40-х годов в него включается сеть магнитных и метеорологических обсерваторий России. От Петербурга до Ситхи ведутся одновременные согласованные наблюдения с английской антарктической экспедицией Дж. Росса. В дальнейшем этот принцип будет положен в основу целого ряда международных программ научных наблюдений, в том числе программ первого и второго международного полярного года. Так, в 1819—1821 годах в России велись одновременные географические и геофизические на-

блюдения, охватившие Мировой океан от Чукотского моря до ледяных берегов Ледяного материка.

Следует еще раз отметить, что вторая дивизия Васильева — Шишмарева, по словам Крузенштерна, доставила неоспоримое доказательство свободного сообщения между Тихим и Северным Ледовитым океаном, а в окончательном решении проблемы Северного прохода выдающаяся роль принадлежит также экспедиции Ф. П. Врангеля. Для доказательства существования Северного прохода нужно было либо совершить плавание из Тихого океана через Берингов пролив к устью Колымы (такая задача перед Васильевым была поставлена, но не была выполнена), либо исследовать северный берег Азии от устья Колымы до района Колючинской губы. Эта часть побережья оставалась в то время белым пятном. Именно это и дало возможность Дж. Бурнею гальванизировать имевшую весьма почтенный возраст идею о соединении Азии и Америки перешейком.

Пройдя в 1823 году к востоку за Северный мыс до Колючинской губы, Врангель окончательно доказал отсутствие перешейка, соединяющего Азию и Америку, и тем самым еще раз подтвердил вывод М. В. Ломоносова о том, «что Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим непрерывное соединение имеет».

Экспедиция Беллинсгаузена — это начальное звено великого русского полярного предприятия, в итоге которого российским морским флотом было осуществлено 35 экспедиций. Заново было картировано побережье Кольского полуострова от границы с Норвегией, выполнены съемка и промер Белого моря. Картировано северное побережье от Белого моря до вершины Обской губы, а также острова Колгуев, Вайгач, Белый. Исследована значительная часть западных и восточных берегов Новой Земли. Исследованы острова Малый и Большой Ляховский, Котельный, Фаддеевский, Новая Сибирь, Столбовой, Белковский, Семеновский, Васильевский, Фигурина и картировано северное побережье от реки Оленек до реки Индигирки. Поиски матерой земли показали, что так называемого Северного материка к северу от Колымы и Шелагского мыса не существует. Представлены доказательства существования к северу от мыса Якан обширного острова, который впоследствии был открыт и назван именем Врангеля. Описаны острова Медвежий. И, наконец, картировано побережье Сибири от реки Индигирки до Колючинской губы, где опись экспедиции Врангеля сошлась с описью Биллингса и описью Кука, доходившего до северного мыса со стороны Берингова пролива.

Вскоре после возвращения из плавания Беллинсгаузен был назначен сначала командиром 15-го флотского экипажа, а затем дежурным генералом Морского штаба. Но особенно важным в жизни Беллинсгаузена было назначение его 25 января 1823 года вместе с Крузенштерном и Головиным «непре-

менными членами Адмиралтейского департамента — ученого центра российского флота. 31 января 1823 года в присутствии Адмиралтейского департамента Беллинсгаузен вместе с Крузенштерном и Головиным были приведены в Исаакиевском соборе к присяге, дав на Евангелии клятву, не щадя своего живота, до последней капли крови служить России и ее флоту.

В навигацию 1831 года вице-адмирал Беллинсгаузен командовал второй дивизией Балтийского моря. Высшее начальство выразило ему «особое благоволение» за успешное проведение крейсерства на Балтике. При этом особенно был выделен транспорт «Америка», которым командовал Б. В. Хромченко, один из замечательных исследователей Русской Америки и северной части Тихого океана.

13 (25) января 1852 года русский флот лишился неустрашимого и ревностного деятеля, открывшего миру ледяной материк — Антарктиду. Именем Беллинсгаузена названы море в Южном Ледовитом океане, шельфовый ледник Антарктиды, впадина в Тихом океане и другие географические объекты на карте мира.

Имя Беллинсгаузена носит советская Антарктическая станция на острове Ватерлоо, которая вместе с сетью других станций и экспедиций нашей страны продолжает дело, столь успешно начатое первооткрывателями Антарктиды.

Беллинсгаузен прожил большую жизнь. Она была во многом отдана строевой службе во флоте. Но под адмиральским мундиром билось сердце талантливого ученого. Этот талант проявился прежде всего в первом кругосветном путешествии россиян, затем в плаваниях в Черном море. Слепительно ярко он вспыхнул во время двукратных изысканий в Южном Ледовитом океане и плавания вокруг света. Его труд о южнополярных исследованиях заслуженно является классическим произведением полярной литературы.

Против тысячи препятствий...

Крузенштерн принимал участие и в определении задач второй дивизии экспедиции к полюсам, точнее той ее части, которая направлялась для исследования районов Арктики, лежащих к востоку и западу от Берингова пролива.

По мысли мореплавателя, перед новой северной экспедицией необходимо было поставить задачу исследовать северный берег Америки, чтобы узнать, «как далеко простирается Америка к северу и под каким градусом широты начинается направление ее к востоку».

Затем моряки должны были исследовать Северо-Западный

морской путь до устья реки Маккензи, а если позволят обстоятельства, то и проникнуть во внутренние области Русской Америки. Отыскание северного прохода из Тихого в Атлантический океан Крузенштерн считает «важнейшей задачей нынешней географии».

В конце письма мореплаватель напоминал о том, что надо позаботиться об укомплектовании экспедиции астрономами, физиками, натуралистами и не упустить из виду ничего такого, что бы могло помешать «распространению пределов знаний».

Кроме того, он советует послать в южную и северную экспедиции воспитанников российских ученых институтов, которые могли бы совершенствоваться в науках под руководством «людей великой учености и славы». По его мнению, необходимо просить Академию наук о составлении инструкций для научных исследований, на которые желательно было бы получить отзывы ученых обществ Парижа, Лондона и Геттингена.

Потом Крузенштерн глубоко огорчится, когда узнает, что морское министерство последовало далеко не всем его советам. Экспедиции к Северному и Южному полюсам решают отправить тем же летом, хотя он убеждал отложить их отплытие до 1820 года, чтобы без торопливости подготовиться к исследованиям в полярных областях.

Командование северным отрядом поручают капитан-лейтенанту Михаилу Николаевичу Васильеву, человеку не искушенному ни в дальних, ни тем более в полярных плаваниях. Правда, первоначально собирались во главе этой экспедиции поставить Г. С. Шишмарева, только что возвратившегося из плавания на «Рюрике». Это, пожалуй, было бы более справедливо и разумно, потому что за его плечами был опыт, у него было рвение и желание. Васильева Крузенштерн не знал ни как моряка, ни как ученого. Больше всего в роли руководителя северной экспедиции он хотел бы видеть Отто Коцебу. И Крузенштерн с помощью государственного канцлера попытался осуществить свое намерение. Румянцев написал Аракчееву. Тот доложил о письме Александру I. Царь ответил, что не имеет возможности исполнить желание Румянцева «о назначении Коцебу в новое путешествие... ибо начальники оных экспедиций уже назначены».

Крузенштерн снова и снова сожалеет о том, что экспедиции отправляются с такой торопливостью. Там, где потрачены века, год уже не имеет значения. Зато можно было бы взять с собой полный штат ученых и доставить науке много ценных сведений.

В 8 часов вечера 4 июля 1819 года четыре корабля поднимают паруса. Они вместе достигли берегов Бразилии. Затем «Восток» и «Мирный» направились к Южному полюсу, а «Открытие» и «Благонамеренный» взяли курс на порт Джексон в Австралии. Досадно, что экспедиция уходит не столь тщательно подготовленной, что в ее составе слишком мало ученых. Но

все-таки чертовски хорошо, что четыре корабля устремляются навстречу неизвестности.

Крузенштерн желает им попутного ветра и новых открытий.

Моряки не без сожаления покидали благодатную Валлийскую Землю, так в те времена называли Австралию. Медленно таяли в дымке очертания порта Джексон, в окрестностях которого они отдыхали несколько недель после долгого и изнурительного плавания из Рио-де-Жанейро через просторы Индийского и Атлантического океанов. Пожалуй, не было на «Открытии» и «Благонамеренном» человека, который не вспоминал бы с грустью о прохладной тени кокосовых пальм, о крикливых разноцветных попугаях и о милой возне удивительно симпатичных маленьких сумчатых, которые жили на деревьях и которых называли «кускус»...

Снова океан, на этот раз Тихий... Такое название мог дать ему или шутник, или мистификатор. Эту истину повторяли многие мореплаватели, но путешественникам хотелось верить Магеллану... Как только вступили в тропики, ветер стих и паруса повисли на реях. Штиль. Зной. Даже ночью термометр показывал 27 градусов.

Моряки ждали пассатных ветров с юго-востока, но они не приходили. Изредка шумели проливные дожди, гремели грозы и налетали шквалы. И как ни опасны были внезапные буйные порывы ветра, путешественники встречали их с радостью. Они приносили прохладу. А потом снова начинался зной и штиль.

6 апреля 1820 года, когда «Благонамеренный» находился на 16° ю. ш., вахтенные заметили на горизонте смерчь. Ветра не было, солнце сияло. «Густое, черное облако,— писал участник экспедиции Гильсен,— все ниже спускалось к поверхности океана; из середины облака выдвинулся длинный толстый рукав, имевший в соединении с облаком вид воронки. Вода, бывшая под ним, вертясь колесом, стала подниматься вверх и, соединяясь с облаком, составила одну медленно на нас подвигающуюся и беспрестанно крутящуюся черную массу, из которой по временам вылетала молния с шумом, подобным реву разбивающихся о скалы волн океана.

На шлюпке для встречи такого страшного неприятеля сделали все нужные приготовления. Крик матросов, звон колокола и барабанный бой продолжались беспрерывно, и, кроме того, чрез каждые две минуты стреляли из трех пушек, заряженных ядрами для усиления гула. Все это делается обыкновенно для сотрясения воздуха, отчего смерчи распадаются. Между тем убрали все верхние паруса, потому что подобного рода феномены, часто оканчиваясь ужаснейшими порывами ветра, могут у неосторожного морехода переломать весь рангоут.

Старание наше произвести сотрясение в воздухе увенчалось

желанным успехом, и через четверть часа смерчь с ужасным шумом рассыпался; черное облако низверглось в океан, и небо осталось по-прежнему ясно и безоблачно».

Несколько часов дует легкий юго-восточный ветер. Все ждут живительного пассата, но утро следующего дня приносит мореходам штиль. Снова палящее солнце, снова нестерпимая жара и тишь. Смола в пазах корабля плавится. Борты приходится завешивать брезентами. В каютах не спрятаться от зноя, лишь под тентом, натянутым между мачтами, люди могут найти некоторое облегчение. Корабль почти неподвижен. И когда зной спадает, можно ловить удивительно красивых, переливающихся всеми цветами радуги бонит и страшных акул, которые хищно накидываются на куски солонины...

За одиннадцать дней, с 6 по 17 апреля, «Благонамеренный» преодолевает всего лишь около 900 верст. Когда же они придут в Ледовитый океан, если экспедицию от него отделяет более десяти тысяч километров?

И вдруг с фор-салинга раздается крик:

— Впереди земля!

Вахтенные офицеры не верят словам матроса. Они отлично знают карту. Там, где путешественники находятся, не должно быть островов. Вероятно, это мираж, так часто заставляющий мореплавателей гоняться за несуществующими землями. Но нет, то не призрак. По курсу действительно виднеется берег, точнее «группа коралловых островов, большая часть которых была покрыта лесом, над коими кокосовые пальмы величественно подымали свои увенчанные плодами вершины».

Капитан Васильев приказывает их назвать островами «Благонамеренного». Пироги островитян окружают незнакомый корабль. Три часа моряки наслаждаются их обществом, обменивая на иголки, ножницы и фуражки предметы быта, оружие, плоды. Затем снова в путь, на северо-запад, к берегам Русской Америки. Вахтенный боцман надрывно кричит, что впереди виден каменный риф.

Корабль резко меняет курс и слегка задевает бортом камень. И вдруг на глазах моряков он оживает. Это два огромных кашалота, которые мирно дремали под палящими лучами солнца. Они пустили водяные фонтаны, возмахнули исполинскими хвостами и исчезли в сине-зеленой глубине океана.

Корабли медленно продвигались к тропикам. Временами их сопровождали стада дельфинов, которые резвились впереди и по бокам корабля. Ветры по-прежнему были слабые и не приносили прохлады.

«Команда, — писал Гильсен, — совершенно ослабела, и малейшее движение около полдня производило нестерпимую боль. В это время можно было подумать, что весь экипаж вымер; всякий старался быть как можно менее в движении и, лежа на одном месте, ожидал с нетерпением заката солнца».

13 мая 1820 года на 33° 18' с. ш. и 161° в. д. корабли расстаются. «Открытие» берет курс на Петропавловск-Камчатский, а «Благонамеренный» — на Уналашку. Командиры судов условились встретиться в заливе Коцебу, который назначен исходным пунктом предстоящих исследований в Северном Ледовитом океане.

Первым к месту встречи пришел на своем бриге Г. С. Шишмарев. Было начало июля. Вокруг виднелись полосы льдов. Ветер и течения гнали их в Берингов пролив, и «Благонамеренному» пришлось спуститься на юг. Несколько дней путешественники плавали вблизи Гвоздевых островов, бухты Шишмарева и Восточного мыса. Затем они снова возвратились в зунд Коцебу, где познакомились с обитателями северных берегов Русской Америки и осмотрели ископаемый лед, открытый экспедицией Коцебу.

«Наружная сторона ледяной скалы поднимается отвесно на 20 и более футов, — писал Гильсен, — и когда солнечные лучи отражаются от этой стены, как от полированной поверхности, нужно отворачивать глаза, так ослепителен блеск».

16 июля на горизонте обозначились белые паруса. То приближался бриг «Открытие» под командой М. Н. Васильева. А через день в залив вошло еще одно судно — американский бриг «Педлер». Капитан его, Джон Мик, приехал к русским морякам и привез в подарок несколько ананасов. Он рассказал о том, что в прошлом году по местам открытий Коцебу плавал американец Грей и нашел, что они весьма плохо исследованы экспедицией на «Рюрике». В доказательство своих слов он показал рукописную карту Грея. Моряки решили проверить ее и без особого труда установили, что она была не чем иным, как грубой копией карты Коцебу. По словам участника плавания А. П. Лазарева, сделана она была на кальке и «видно было, что господа американцы не успели перенести ее на хорошую бумагу. На ней сделаны были некоторые маловажные перемены в рассуждении мысов и гор, вместо же пролива в губе Доброй Надежды назначено озеро».

Русские моряки понимали, что цель американцев не открытия, а торговля. Они были уверены «в ложности показания озера на месте пролива» и, проведя исследования, еще раз уверились, что «американцы выдумали ложь».

18 июля экспедиция покинула зунд Коцебу. Наступали страдные дни в жизни путешественников. Ведь самые ответственные и самые важные исследования им предстояли в Студеном море у северного побережья Русской Америки. Если позволят льды, они должны будут употребить «всемерное старание к разрешению великого вопроса касательно берегов и прохода в сей части нашего полушария».

Начальнику экспедиции М. Н. Васильеву разрешалось действовать по своему усмотрению, сообразуясь с обстановкой

и обстоятельствами. На тот случай, если льды не пропустят экспедицию на север, северо-восток или северо-запад, необходимо было исследовать полярные берега Русской Америки либо на байдаре, либо на боте, который в разобранном виде находился на бриге «Открытие», либо сухим путем... Особые надежды возлагались на помощь эскимосов.

Начальник экспедиции должен был стараться завоевать «доверие и дружество жителей» исследуемых стран и при их самом деятельном участии «производить с достовернейшим успехом поиски как морем вдоль берегов, так и во внутренности земли, а особливо реками, которые приводят к важным открытиям».

Предполагалось, что исследования на Севере будут вестись в продолжение двух навигаций. В том случае, если суда не останутся на зимовку в арктических пределах, путешественники должны будут заняться изучением Тихого океана между Алеутскими островами и экватором. Затем, с наступлением лета, экспедиция снова возвратится в Берингов пролив и «возобновит свои действия и покушения с новым усердием, стараясь сколько возможно определить положение берегов, найти проход и проникнуть каким бы то ни было средством в Северное море сей части Америки».

Академия наук не успела подготовить инструкции для научных наблюдений. Она лишь направила в экспедицию астронома Павла Тарханова. Однако снаряжители экспедиции, и прежде всего знаменитый полярный исследователь Гавриил Андреевич Сарычев, снабдили путешественников очень интересными наставлениями и правилами, которыми они должны были руководствоваться при проведении исследований во время плавания вокруг света и в Северном Ледовитом океане.

Ученым и морякам надлежало стараться замечать «состояние атмосферы и ее непрерывные изменения», скорости ветра у поверхности моря и на различных высотах; для чего предполагалось запускать «небольшие воздушные шары». Особое внимание следовало уделять изучению приливов, отливов, течений, температуры и солености вод «в разных местах и глубинах в рассуждении различия тяжести воды и степени горькости, а также и насчет изменения теплоты в известной глубине противу замечаемой на поверхности моря».

Далее в наставлении говорилось о том, что путешественники должны особо внимательно исследовать льды и айсберги, с тем чтобы выяснить причины образования ледяных полей и гор.

Не были забыты ни этнографические, ни химические, ни зоологические, ни ботанические, ни минералогические наблюдения. К экспедиции был прикомандирован художник Емельян Карнеев, от которого ожидалось «верное изображение всех заслуживающих любопытства предметов».

Итак, 18 июля 1820 года моряки входят в пределы Ледовитого океана. Дальше на север лежит неизвестность. Она зовет и настораживает. Все участники экспедиции преисполнены рвения. Каждое приметное место многократно пеленгуется и наносится на карту. Но радость первых открытий непродолжительна. Уже утром следующего дня густой туман окутывает море.

Сыро, холодно и ничего не видно. Берег исчез из виду. Приходится идти по лоту. Откуда-то справа доносится грохот буруна.

С тревогой всматриваются вдаль вахтенные. Все скрыто влажной белой мглой. Не видно ни буруна, ни берега. Тревожно звенят туманные сигналы со шлюпа «Благонамеренный».

Васильев приказывает повернуть в море, к западу.

Туман несколько редее, на востоке начинают обозначаться возвышенности американского берега. Исследователи снова берутся за карты. Но опись продолжается недолго.

В полдень 21 июля густой туман снова накрывает суда. Опять исчезает из виду берег. Шлюп «Благонамеренный» подает туманные сигналы, которые становятся все глуше, пока, наконец, не замирают вдаль.

Несколько раз на «Открытии» палят из пушки, но в ответ не доносится ни звука. Напряженную тишину нарушает лишь поскрипывание рангоута. Нелегко исследователям в незнакомом Студеном океане.

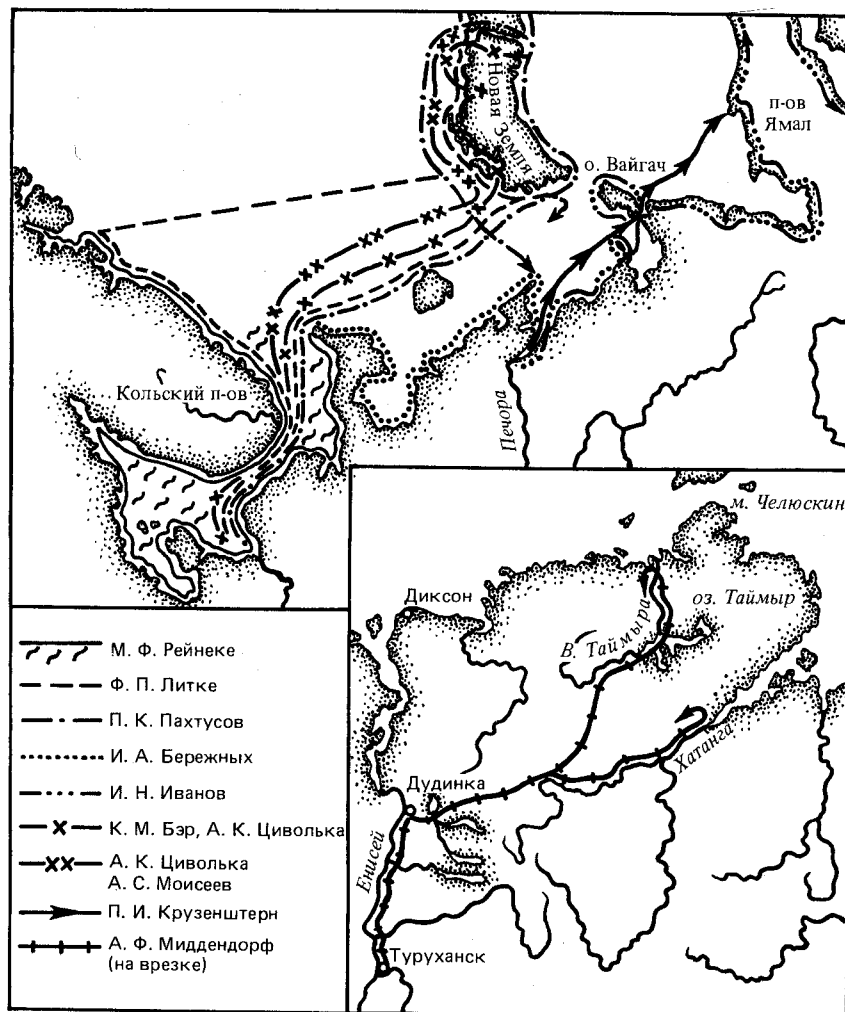
В этот день капитан Васильев записывает в своем журнале: «Весьма трудно в Ледовитом море при беспрестанных туманах, переменных ветрах, имея по обстоятельствам разные курсы, быть в соединении двум судам».

К вечеру на пути экспедиции появилось новое препятствие. Вахтенные заметили первые льдины. Возможно, они были недавно оторваны ветром от берега, так как на их поверхности чернели пятна земли. С каждым часом льды становились все сплоченнее. Мелкие льдины сменили огромные поля. Путь на север был отрезан.

Васильев решил идти на запад. Надо было найти проход к северу. И действительно, вскоре льды поредели. Голубые каналы свободной воды звали путешественников вперед. И они снова устремились на север, надеясь приподнять завесу неизвестности над великой географической тайной.

Еще несколько миль остается за кормой шлюпа «Открытие». Но лед опять неодолимо встает по его курсу. Затем снова, в который раз, наплывает туман, и в это время до слуха вахтенных доносятся пушечные выстрелы. Где-то поблизости скитаются «Благонамеренный». Ответная пальба сотрясает просторы океана. Но вокруг по-прежнему ничего не видно.

Кораблям опять не удается соединиться, и «Открытие» снова продолжает свой путь в одиночестве. Лишь чайки, словно исполинские снежинки, кружатся вокруг корабля. Небо темнеет.

Исследования на Европейском, Ямальском, Енисейском и Таймырском Севере в 20-х—40-х годах XIX века

Моряки тревожно оглядываются вокруг. Где берег, где этот проход-инкогнито, который их послали искать за тысячи верст от родного Петербурга? Ничего не видно, только слышно, как где-то рядом разбиваются волны, как скрежещут, ломаются и крошась, льды. «Открытие» ложится в дрейф и снова палит из пушки, чтобы показать свое место «Благонамеренному». Ветер и течение медленно сносят его к северо-западу.

Утро 23 июля не приносит ни радости, ни надежды. Туман продолжает держаться. Около полудня горизонт проясняется.

Шлюп окружает вода. Моряки, к своему изумлению, не видят ни «Благонамеренного», ни берега, ни льдов.

Еще один день путешественники скитаются по океану, не имея возможности определить место своего нахождения. Снова туман и льды. Снова экспедиция тщетно ищет пути. Огромные, тесно прижатые друг к другу льдины не собираются расступаться, чтобы пропустить корабль.

25 июля морякам по полуденной высоте выглянувшего из-за туч солнца удается определить, что они пересекли 69-ю параллель. А следующим утром они увидели мыс Лисбурн, который обрывался в море отвесной скалой. За ним в северо-восточном направлении виднелся низменный берег, который скрывается, как с салинга было видно, во льдах.

К этим льдам и направил Васильев свой корабль. Среди них были видны большие разводья чистой воды. Решили рискнуть и идти дальше на северо-восток. Моряки «с большим трудом и опасностями могли кое-как пробираться сквозь льды».

Наконец это грозное препятствие остается позади.

Несколько часов «Открытие» плывет по чистой воде. В полдень 29 июля судно находится на $71^{\circ} 01' 54''$ с. ш. Так далеко к северу от Берингова пролива не удавалось подняться ни одному мореплавателю, даже знаменитому Куку. Но это первое за время плавания в Студеном океане радостное событие отравлено сообщением вахтенных. Впереди по горизонту лед! Через два часа шлюп приближается к нему вплотную и снова определяет свое положение — $71^{\circ} 06'$ с. ш. Надежды пробиться дальше к северу никакой: льды так изломаны и сжаты, что среди них не видно ни одного разводья.

Путь открыт лишь к западу. Но Васильев слишком встревожен отсутствием второго корабля, чтобы уходить в неизвестность. Он решает приблизиться к берегам Русской Америки и заняться их детальным исследованием. Однако вскоре оказывается, что лед блокирует побережье широкой полосой. Вдоль нее моряки, отступая от достигнутой точки, спускаются к юго-западу. На карту ложатся пока что только приметные места. О посещении берегов и детальном их изучении не приходится думать. Не удастся осмотреть и знаменитый Ледяной мыс — последнюю точку, достигнутую Куком в Северном Ледовитом океане.

Васильев снова устремляется к северу и снова ищет проход на северо-восток, ищет путь, который ведет из Тихого океана в Атлантический.

Несколько дней моряки скитаются по морю. Как и прежде, их преследуют туманы, штили и свирепые северо-восточные ветры, которые гонят льды к юго-западу. Иногда вдруг начинает валить снег или сыпаться град, а по утрам на польнях порой виднеется первый тонкий ледок. Лед покрывает и сносит. Трудно ставить окостеневшие паруса, еще труднее их убирать. От

такой работы у матросов из-под ногтей выступает кровь. Все так же редко выглядывает солнце. Лишь одни чайки не оставляют корабль, похожий на исполинскую птицу... И всюду льды, серые, зеленые, неприступные, которые в любую минуту могут превратить в щепы деревянные борта «Открытия». Именно они вынуждают экспедицию отступить к югу.

Между тем отважным путешественникам начинает угрожать враг не менее страшный, чем льды. Среди матросов появляются больные цингой.

«Болезнь эта,— писал Гильсен,— если раз возьмет верх на каком-либо судне, будет самая страшная. Виды ее так различны, что иногда и не полагаешь, что это цинга; она еще опаснее, если не дадут скорой помощи, и бывает всегда смертельна. Как ни хорошо была снабжена команда наша платьем и бельем, но беспрерывное ненастье и невозможность просушивать промокшее произвели зародыш этой болезни; притом соленая пища, которую команда должна была довольствоваться почти уже пять месяцев, способствовала развитию ее».

Матросов, у которых появились признаки цинги, кормили пеммиканом, к обеду давали по чарке мадеры или портвейна для поддержания сил. В холодные ненастные дни команда по вечерам получала пунш. И независимо от погоды матросы могли пить пиво, сваренное из «еловых почек».

Васильев считает не только бесцельным, но и опасным тратить время на ожидание того часа, когда льды расступятся и пропустят его на север. Надо прежде всего отыскать шлюп «Благонамеренный» и совместно приняться за опись тех берегов Русской Америки, которые свободны от льдов. Он направляет «Открытие» к мысу Лисбурн, не доходя которого путешественники встречают второй корабль экспедиции. Офицеры «Благонамеренного» спешат к своим товарищам.

«Все были рады видеть друг друга,— пишет Лазарев.— Тут мы узнали, что они... доходили до широты $71^{\circ} 06'$, следовательно, 25 миль далее параллели капитана Кука».

1 августа экспедиция приступила к описи мыса Лисбурн и серией измерений определила, что он расположен на $68^{\circ} 55' 42''$ с. ш. и $166^{\circ} 04' 20''$ з. д. Затем был положен на карту высокий утесистый берег, в глубине которого виднелись горные хребты. Потом наступила очередь выступающей в океан низменности, названной моряками мысом Головнина, в честь выдающегося русского морехода. Посредине долины путешественники нашли озеро с небольшим островком. К вечеру того же дня исследователям северного берега Русской Америки удалось добраться до высокого скалистого мыса, которому было присвоено имя П. И. Рикорда, известного русского моряка, сподвижника В. М. Головнина.

Между тем ветер усилился. Утром 2 августа суда плыли с зарифленными марселями и спущенными брам-реями. Начались

дурные пасмурные погоды. Они продолжались шесть дней. Все это время суда лавировали в море, ожидая, когда ветер утихнет и проглянет солнце, которое необходимо было для астрономического определения исследуемых мест.

6 августа возобновили опись и спустя три дня довели ее до мыса принца Валлийского (Уэльского). На этом первое плавание в Северном Ледовитом океане было закончено.

Экспедиция Васильева пробыла в студеных водах 26 дней. Она проникла за Ледяной мыс и вопреки прежним предложениям установила, что берег Америки не заворачивает к северу, а имеет восточное направление, что льды в океане находятся в непрерывном движении, а течение моря направлено к востоку, то есть в сторону Баффинова залива. Экспедиции удалось детально осмотреть побережье Русской Америки от мыса Лисбурна до мыса Крузенштерна, где четыре года назад закончил свою опись Отто Евстафьевич Коцебу. Не удалось из-за непогоды и сильного волнения исследовать только мыс Мальгрева, впервые положенный на карту Куком. На описанном пространстве путешественники не обнаружили ни заливов, ни устьев крупных рек. Берега океана были уныло однообразны. На них не росло ни одного деревца. Всюду виднелась голая земля, лишь местами покрытая мхом.

В течение всего плавания тщательно велись журналы, которые сохранили не только подробности хода экспедиции, но и наблюдения над течениями, ветрами, склонением магнитной стрелки, различными метеорологическими явлениями.

Еще некоторое время экспедиция вела исследования в Беринговом проливе, она побывала у мыса Восточного (Дежнева) и попыталась проникнуть в залив Св. Лаврентия, но встретила в его устье пригнанный ветрами лед из Студеного моря. Затем был положен на карту северный берег острова Св. Лаврентия.

Зиму путешественники провели вдаль от льдов и снегов. Они описали залив Сан-Франциско. Потом посетили Сандвичевы острова. Словно чудесный сон, промелькнули три удивительные недели. То была небольшая передышка от забот, тревог и лишений, выпавших на долю моряков прошлым летом и еще ожидавших их впереди. В начале апреля корабли взяли курс к южным берегам Русской Америки.

27 июня 1821 года экспедиция покинула Уналашку. Несколько дней суда плыли вместе. Затем расстались. Шишмарев на «Благонамеренном» должен был проверить достоверность существования острова Преображения, который значился на старых картах, посетить остров Св. Матвея и довершить исследование берегов Св. Лаврентия. Но это было только прелюдией.

«Главный предмет предстоит Вам, пройдя Берингов пролив... искать прохода вдоль северо-восточного берега Азии и в Север-

ном море», — писал Васильев в своей инструкции Шишмареву. Особенно желательно было достигнуть мыса Шелагского, который еще не был обойден с востока ни одним мореплавателем. Одновременно лейтенанту Авинову, в распоряжение которого был предоставлен бот, было поручено описать западный берег Северной Америки от Бристольской губы до залива Добрых Вестей.

Сам же Васильев на шлюпе «Открытие» имел намерение продолжать поиски прохода вдоль берегов Русской Америки и обследовать Ледовитый океан возможно дальше к северу.

1 июля Шишмарев достиг того места, где надлежало быть загадочной земле Преображения ($58^{\circ} 48' \text{ с. ш.}, 183^{\circ} 24' \text{ в. д.}$), но ни он, ни его товарищи по плаванию ничего не обнаружили, кроме серо-зеленых волн.

«Погода была довольно ясная и горизонт чист, — вспоминал К. К. Гильсен, — но и с салингов, на которые я влез с трубою в руках, ничего нельзя было видеть; поэтому капитан недолго задумывался и стер этот остров с лица земли, или лучше — с лица моря».

Затем путешественники «закрыли» еще одну землю, которую видел мореплаватель Синд и которая затем бесследно исчезла среди океанских просторов. Ее искал Сарычев, на нее непрочь были ступить моряки «Благонамеренного», но ступать было не на что. Земля, виденная в 70 милях от острова Св. Матвея, оказалась одной из многочисленных земель-призраков, ее не существовало, она была плодом воображения путешественника, возможно, введенного в заблуждение морским миражом.

Первую небольшую остановку Шишмарев делает у острова Св. Лаврентия, чтобы заняться описью его западных берегов. Корабль посещают на десяти байдарках местные жители. Они продают моржовые клыки, безделушки, копья и луки. За топоры, ножи, табак они отдают одежду и обувь, дичь и резную кость.

Затем «Благонамеренный» направляется к берегам Чукотки. Он отдает якорь в заливе Св. Лаврентия, который пять лет назад впервые тщательно обследовал Отто Коцебу. Шишмареву памятно прежнее пребывание в этих местах. По примеру своего бывшего начальника, он надеется собрать здесь сведения о северных берегах и льдах океана и запастись свежим оленьим мясом для команды.

Однако его старания тщетны. Чтобы дожидаться пригона оленей из внутренних районов, надо было потерять, по словам чукотского старейшины, не меньше шести дней. Не утешительным был и рассказ чукчи о положении северного берега Азии.

«Он уверял нас, — писал К. К. Гильсен, — что мы недалеко уйдем к северу; и когда мы ему сказали, что намерены пройти в Нижнеколымск, он рассмеялся, говоря: «много льда, горы льда, не пройти вам».

Правда, другой чукча-старик уверял Шишмарева, что он ездил из залива Св. Лаврентия на север не только до острова

Колючин, но и до реки Амылик, которая впадает в море недалеко от мыса Шелагского (по-чукотски «Чавака»), и не встречал льда. Однако затем он премного огорчил путешественников, заявив, что у «Шелагского Носа» беспрестанно стоит лед, так что и на байдарках проезда нет: разве что в целое лето выдается один день, когда можно обогнуть его на байдарках».

13 июля «Благонамеренный» оставил залив Св. Лаврентия и взял курс на север. Через четыре дня моряки увидели знакомые очертания мыса Восточного (Дежнева). На его скалах лежал снег. Их встретило холодное дыхание океана.

Путешественники опасались, что где-то недалеко дрейфуют полярные льды. Первые признаки этого появились еще у выхода из залива Св. Лаврентия. Если их занесло на юг, в Берингов пролив, то было мало надежды увидеть Студеное море безледным.

Ночью туман окутывает корабль. Морякам начинает казаться, что льды совсем близко. Но следующее утро встречает их чистой водой, над которой стелется туман. Вокруг режут моржи и пускают фонтаны киты. Словно большие белые хлопья, падают в море чайки и снова взмывают ввысь. Сначала «Благонамеренный» плывет к северу, затем поворачивает к западу. Утро 19 июля застает его вблизи мыса Сердце-Камень. Впереди виднеются льды. Они полосой прижимаются к берегу, не оставляя никакого прохода на запад.

Шишмарев идет вперед вдоль льдов, постепенно уклоняясь вместе с ними к северу. Однажды они окружают корабль, но Шишмарев искусно избегает ледового плена и решает идти к берегам Русской Америки, чтобы там запастись бревнами. Затем он снова возвращается к мысу Сердце-Камень на поиски прохода на запад. Увидев среди льдов прогалину, он приказывает идти вперед. Но плавание продолжается недолго. Начинается сжатие льдов. Стихает ветер. Безжизненно повисают паруса. Корабль беспомощен.

С тревогой наблюдают моряки, как позади них захлопывается ледовая ловушка. Лед все ближе и ближе подходит к бортам корабля. Чтобы защитить их от ударов, Шишмарев приказывает спустить бревна по бортам. Сжатие продолжается, скрипят переборки, трещат палубы и орудийные порты. Исполинская сила вдруг приподнимает шлюп и кренит его под углом 45° . Путешественники со страхом ждут, что же будет дальше.

Проходит час, другой. Матросы обследуют трюмы и помещения. Течи не видно. Корабль с честью выдержал напор льдов. Но крен по-прежнему не уменьшается. В таком опасном положении «Благонамеренный» и его команда находятся почти целые сутки.

«...Нас неминуемо раздавило бы, если бы льдины уже не опирались в стоячий лед и оттого не могли более сдвигаться», — признавался один из участников плавания.

К счастью, поднялся штормовой ветер и начал отжимать лед. Шлюп выпрямился и стал пробираться через льды на открытую воду. Через несколько часов он был на свободе.

Шишмарев со своими товарищами то устремляется к северу, то возвращается к берегам Чукотки. Куда он ни направляется — всюду его встречают льды. Они мешают ему подробно осмотреть азиатский берег, не пускают ни к Шелагскому мысу, ни к Северному полюсу. Упорно держатся туманы, по утрам бывают заморозки, на палубу часто сыплется густой снег, а руки и лицо леденит холодный северный ветер. И всюду льды, льды и льды.

8 августа Шишмарев приступил к исследованию берегов Чукотки. Первым описали высокий обрывистый мыс Сердце-Камень, над которым возвышались пологие горы, украшенные кекурами. Здесь путешественники выдержали жестокий шторм. Крайнюю северо-восточную оконечность Азии блокировали льды. Морякам не удалось посетить видневшиеся на берегу поселения.

Шишмарев убедился в бесполезности дальнейших попыток исследований в Северном Ледовитом океане, из льдов которого он едва выбрался. Он уже не надеялся на теплую солнечную погоду. Недолгое полярное лето минуло, и надо, пока не упущено время, приступать к завершению описи острова Св. Лаврентия.

Едва «Благонамеренный» вошел в Берингов пролив, как вахтенные дали знать, что видят «Открытие».

Итак, происходит невероятное. Два судна — одно, искавшее Северо-Восточный, другое Северо-Западный проход, в один и тот же день и час сходятся в Беринговом проливе.

С интересом слушает Глеб Шишмарев рассказ своего начальника М. Н. Васильева о втором его покушении в Северном Ледовитом океане...

Первые дни плавания «Открытия» на север ознаменовались счастливым событием. Утром 11 июля в разрывах тумана моряки увидели неизвестный берег, поросший лесом. В глубине его синели пологие возвышенности, покрытые снегом.

«Открытие» легло в дрейф. Васильев приказал спустить шлюпку и отправил на ней отряд матросов во главе с лейтенантом Игнатьевым. Прежде чем они достигли берега, навстречу им в одиночной байдаре выехал молодой, отлично сложенный эскимос. Моряки пригласили его на корабль. Он последовал за пришельцами и через несколько минут уже ходил по палубе «Открытия». Эскимос сообщил, что обретенный мореплавателями берег есть не что иное, как остров Нунивак. На нем имеется несколько селений. Остров отделен от материка глубоководным проливом. В его водах порой появляются огромные киты. Нунивакцы посещают материк и поддерживают с его жителями добрые отношения.

По словам Васильева, жители открытой им земли весьма миролюбивы, очень схожи с жителями материка, подобно им,

имеют в нижней губе несколько дырочек и носят платья одинакового с ними покроя из оленьих и птичьих кож. Они живут в землянках и занимаются охотой на песцов, оленей, зайцев, лисиц, промышляют рыбу и китов. Эскимос, приехавший на судно, с удовольствием принял подарки, в числе которых были бронзовая медаль, чугунный котелок и топор...

Затем «Открытие» взяло курс на север. 25 июля за кормой остался Берингов пролив. Снова путешественники «льстились надеждою», что, быть может, именно они решат важнейшую географическую задачу существования Северо-Западного прохода. И офицеры, и матросы готовились к предстоящим опасностям. И они действительно вскоре появились.

Войдя в пределы Северного Ледовитого океана, путешественники возобновили опись северных берегов Русской Америки, начиная с мыса Крузенштерна. Прежде всего проверили положение мысов Рикорда и Головина и уточнили данные прошлых исследований.

31 июля экспедиция достигла мыса Лисбурн. Дальше берег принимал восточное направление. Посланный на салинг матрос доложил, что материк снова уклоняется к северу.

Полное безветрие и густой туман не дают морякам приступить к описанию побережья. Приходится ограничиться зарисовкой вершин прибрежных холмов. Через два дня появляются редкие льды, на которых восседают величественные моржи и временами ужасно ревут. Льды становятся все сплоченнее. Корабль уже с трудом лавирует между большими полями, и однажды «Открытие» ветром едва не прижимает к огромной льдине.

4 августа заметили выступающий в море мыс. Он был покрыт снегом, к нему вплотную подступал лед. Определили положение и нашли, что он находится на $70^{\circ}23'40''$ с. ш. и $160^{\circ}50'41''$ з. д. Перед ними лежал тот самый мыс, который «Кук называл Ледяным мысом». Оказалось, что он положен английским мореплавателем на один градус западнее.

Васильев отдал приказ лавировать к видневшемуся берегу. Шлюп пробирался через разводья, осторожно обходя дрейфовавшие льды.

Сильное течение стремительно несло ледяные поля к востоку, сталкивало их друг с другом. Кругом стоял грохот и звон разламывающихся льдин. Идти вперед было небезопасно. Решили взять мористее и севернее. Но и там на обозримом пространстве простирались «льды, может быть, современные миру».

В эти дни русские моряки переживают один из самых драматических моментов экспедиции. Они снова убеждаются, что Северо-Западный проход закрыт тяжелыми льдами, которые деревянный шлюп не в силах преодолеть. Напрасно офицеры преисполнены рвения, тщетно стараются матросы — пути на восток, к Баффинову заливу, а за ним к просторам далекой Атлантики

нет. Великая географическая задача остается нерешенной на годы, а может быть, на десятилетия...

С болью в сердце Васильев решает отступить по направлению к Берингову проливу, чтобы затем снова предпринять покушение к северу и, обойдя скопление льдов у Ледяного мыса, направиться дальше на восток Северо-Западным проходом.

Но их ждали новые испытания. Моряки отступали на юго-запад по небольшому каналу чистой воды, который оставался между мысом Ледяным и скоплением льдов. С каждым часом все уже становилось разводье. Наконец оно совсем исчезло. Отступать было поздно. Канал перерезали полосы льда. «Открытие» оказалось в ледовой ловушке.

«Мы имели несчастье попасть в такую густоту льдов, что положение наше было весьма сомнительно,— признавался Васильев.— Крепкий северный ветер, мрак, стужа и изморозь, покрывавшая палубу и такелаж ледяною оболочкою, напор льда, окружившего судно, привели нас в весьма опасное состояние».

Пришлось бросить якорь, убрать паруса и ждать. Воздух сотрясаясь от грохота ломавшихся льдов. Слева и справа было видно, как исполинские поля сталкивались друг с другом и огромные их обломки поднимались ввысь, образуя валы торосов.

Васильев распорядился обложить борта судна дубовыми досками, запасными реями и стенгами, надеясь этим защитить корабль от напора льдов.

«8 (20) августа 1821 года,— писал участник экспедиции натуралист Штейн,— находилось судно „Открытие“ в самом отчаянном положении между большими ледяными громадами, угрожающими в течение 10 часов раздробить судно. Дубовые доски толщиной в $3\frac{1}{2}$ дюйма, держимые всею командою, не исключая офицеров и самого начальника, по бокам шлюпа для защиты обшивки, расщеплялись в одно мгновение на маленькие дробинки, рей и стенги запасные подвергались равной участи. Цепь, привязанную на место обыкновенного каната к якорю, принуждены были отрубить, ибо напор и сотрясение судна от льдов и ледяных плавающих островов превосходило всякое представление. Опасность увеличивалась от близости Ледяного мыса, к которому с большою силою стремилось течение моря, яростная буря прижимала льды и судно ближе и ближе к берегу. Тут-то и показал капитан Васильев свою решимость: имея зарифленные марсели и штормовой бизань, отлавировался он в темнейшей ночи при шторме от берегу и от льдов, хотя стенги и мачты трещали. Вящая беда была и то, что многие из матросов одержимы были цингою, а другие так расслаблены, что на силу до марса добрались».

Экспедиция чудом избежала гибели. Если бы не переменялся ветер и не отжал от берега льды, «Открытие», вероятно, безвестно закончило бы свое второе плавание Северо-Западным проходом вблизи мыса Ледяного...

Ранним утром, неся все паруса, шлюп стремительно уходил по образовавшемуся разводью от опасного места. Вдруг страшный удар потряс корабль. Это «Открытие» наскочило на льдину, но отделалось лишь повреждением медной обшивки и вмятинами в носовой части. Впереди лед, казалось, снова закрыл проход. Но находившийся на салинге вахтенный офицер увидел канал голубой воды. К нему Васильев и направил корабль. Через несколько часов последние льдины остались позади, а еще через двое суток путешественники оставили пределы Ледовитого моря и расстались с мечтой открыть Северо-Западный морской проход из Тихого океана в Атлантический...

10 августа «Открытие» и «Благонамеренный» встретились в Беринговом проливе. Выслушав отчет Шишмарева, Васильев поручил ему закончить опись острова Св. Лаврентия, а сам направился к Нортон-Зунду, где его, возможно, ожидал мореходный бот под командой лейтенанта Авинова. 11 августа моряки «Открытия» приступили к исследованию берегов Америки к юго-востоку от мыса Валлиса. По пути к мысу Дерби им посчастливилось открыть неизвестный залив, в вершину которого впадала река Икатервик.

Мореходного бота нигде не было видно. Ничего не могли рассказать о нем ни жители острова Стюарт, ни обитатели мыса Дерби. Закончив обследование американских берегов вблизи мыса Стефенса, Васильев взял курс на Камчатку.

8 сентября моряки увидели знакомые очертания Авачинской бухты. Истрадавшимся путешественникам они были милее тропических земель. «Горы еще были покрыты зеленью,— писал К. К. Гильсен,— и вот почему они показались такими прелестными: мертвая природа в странах выше Берингова пролива утомила нас своею ужасною бесплодностью».

Но самым радостным событием этого дня было то, что мореходный бот находился уже в Петропавловске и весь его экипаж был в целости. В первый же час встречи лейтенант Авинов представил Васильеву краткий рапорт. Он исследовал берега Русской Америки от Бристольской губы до мыса Невенгам, затем к северу до залива Добрых Вестей. Здесь Авинов должен был проверить, действительно ли местным жителям известно о том, что «будто к северу от реки Кускохан по матерому берегу живет какой-то европейский народ». Авинову не удалось подтвердить эти сведения, доставленные сухопутной экспедицией Российско-Американской компании. Мореплаватель считал их ложными и, вероятно, не ошибся...

21 сентября в Петропавловский порт вошел шлюп «Благонамеренный». Заключительную часть данного ему поручения Шишмарев выполнил блестящее. Расставшись 10 августа с Васильевым, он направился к Метчигменской губе на Чукотке. Лишь только «Благонамеренный» отдал якорь, как на судно приехал чукча Лейгайгу, с которым моряки уже встречались

в июле. Шишмарев попросил его доставить свежей оленины, чтобы поддержать здоровье команды, сильно страдавшей от цинги. Лейгайгу обещал через три дня пригнать десять оленей. Шишмарев не верил, что его просьба будет выполнена так быстро. Но Лейгайгу предложил себя в залог. Старый чукча сдержал свое слово. Через день десять оленей были доставлены в обмен на два чугунных котла, топор, бусы, табак, ножницы и иголки.

16 августа моряки уже приступили к описи той части побережья острова Св. Лаврентия, которая осталась не осмотренной в прошлом году. Туманы и ветры мешали работам. Но моряки не прекращали дела, пока их опись не сомкнулась, наконец, с описью лейтенанта Коцебу.

24 августа 1821 года остров впервые был полностью и достоверно положен на карту. Затем «Благонамеренный» взял курс к острову Св. Матвея, а от него в Авачинскую бухту.

Все трудное осталось позади. Впереди лежали берега Камчатки, а затем предстояло плавание по тропическим океанам и возвращение в родной Кронштадт.

Две исполненные героизма и мужества попытки экспедиции М. Н. Васильева пройти Северо-Западным проходом оказались неудачными.

«Легко рассуждать,— писал Штейн,— о плавании кругом света и к полюсам, Северному и Южному, в теплых покоях среди семейств, приятелей, знакомых. Но чувствовать десятикратную смерть... едва ли с тою живостью себе представит тот, кто не бывал в море между ужасными ледяными колоссами, превышающими высоту мачт, движимое силою яростной бури и течений морских на произвол судьбы оставленное судно».

Действительно, перед деревянными парусными судами, находившимися во власти ветров и течений, была поставлена трудная и практически невыполнимая задача. Тяжелые льды Чукотского моря, перед которыми и сегодня порой пасуют самые мощные ледоколы мира, не под силу было преодолеть слабым маленьким шлюпам. Но два плавания «Открытия» и «Благонамеренного» не были напрасны. Они явились очередным вкладом России в исследование Чукотки, Северной Америки и Северо-Западного прохода. Адмирал Литке справедливо писал, что «каждый пеленг приносит пользу науке. Всякий раз помаленьку,— говорил он,— и накопится верная масса сведений».

Подгоняемые ветрами, плывут по волнам шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный». Но раньше чем они обогнут мыс Горн и бросят якоря на большом Кронштадтском рейде, придут в Петербург донесения капитана Васильева о его втором плавании в Ледовитом океане... Друзья снимут с них копии и перешлют великому мореплавателю на мызу Асс, где он продолжает трудиться над своим «Атласом Южного моря»...

Итак, экспедиция к Северному полюсу не прошла таинственным Северо-Западным путем из одного океана в другой, но зато

она добыла новые доказательства его существования. Отпали последние сомнения.

Навсегда отброшено скоропалительное заключение Бурнея о существовании перешейка между двумя континентами. Путешественники установили, что берег за мысом Ледяным имеет восточное направление, а не заворачивает на северо-запад, как это рисовали на последних картах, и что лед в океане находится в беспрестанном движении, а течение направлено на восток, в сторону Атлантического океана.

Экспедиция открыла группу островов «Благонамеренного», остров Нунивак, установила, что не существует на карте островов Преображения и Андерсона, Рика-де-Оро и Рико-де-Плата.

Два трудных лета провели моряки в Северном Ледовитом океане. Пройдя 70 верст за мыс Ледяной, они проникли так далеко к северу от Берингова пролива, как еще никому не удавалось. Экспедиция выяснила, что мыс Ледяной был неверно положен Куком на карту. Путешественники попытались изучить его более тщательно и за эту попытку едва не заплатились потерей «Открытия». Берег между мысом Лисбурн и мысом Крузенштерна был тщательно нанесен на карту. К этому следовало присовокупить обследование Чукотки в районе мыса Сердце-Камень и мыса Восточного (Дежнева), тщательную опись острова Св. Лаврентия, пролива Гагемейстера, заливов Бристольского и Добрых Вестей, островов Павла и Георгия.

Лейтенанты Шишмарев и Лазарев, мичман Гильсен, капитан Васильев и натуралист Штейн оставили записки о своих скитаниях по Ледовитому океану и южным морям. Через многие десятилетия они донесли до нас точные описания жизни, занятий и обычаев народов Чукотки, Русской Америки и других земель, где находили приют корабли.

Глубоко был прав натуралист Федор Штейн, который писал, что экспедиция Васильева способствовала умножению знаний человека о дальних областях земного шара и явилась пусть небольшим, но новым шагом к «физическому и астрономическому познанию земного сфероида», к открытию новых законов, на основе которых движется мир...

Экспедиция Васильева не только подтвердила правоту заключения Отто Коцебу о том, что, судя по северо-восточным течениям в Беринговом проливе, существует проход между океанами, если не для судов, то для воды.

Васильев и Шишмарев убедились, что и Студеное море к северу не ограничено мифическими землями, которые виделись английскому мореплавателю Бурнею. Они нашли, что море у Ледяного мыса не занято неподвижным льдом, течение здесь направлено к востоку и если случится продолжительный ветер от юго-запада, то путешественники смогут проникнуть к берегам Баффинова или Гудзонова залива.

Экспедиция Васильева внесла важный вклад в решение проб-

лемы, которая была поставлена перед русским флотом еще в первой половине XVIII века и с тех пор считалась главной русской географической задачей.

Оценивая значение северной экспедиции, Крузенштерн писал, что наблюдения Васильева в районе Ледяного мыса, в результате которых были установлены сильные течения к востоку, являются «обстоятельством, доказывающим неоспоримо свободное сообщение» между Тихим и Атлантическим океанами. Эта мысль повторена им многократно в различных документах, в том числе в «Атласе Южного моря». Более того, Крузенштерн подчеркивал неоднократно, что если бы задачей Васильева были поиски Северо-Западного прохода, то он успешно решил бы ее.

Наблюдения экспедиции Васильева опровергли основные положения английских мореплавателей Кука, Кларка, Кинга, Бурнея, Балей и других о вечных льдах, якобы покрывающих эту часть Полярного моря, и о том, что за этим льдом находится либо земля, либо перешеек, соединяющий Америку и Азию.

Земля-призрак

Непосредственную связь с плаванием Васильева в район Берингова пролива имеют Колымская и Янская экспедиции.

Главной целью этого важного географического предприятия были поиски северных земель, что видно из предложения морского министра Траверсе Адмиралтейств-коллегии от 10 ноября 1819 года. В нем объявляется о том, «чтобы для поисков и описания земель, которые якобы обитаемы и находятся к северу от Яны и Колымы», были употреблены все возможные средства. Эта задача повторена в первых строках инструкций, данных Врангелю и Анжу. Снаряжение экспедиции для поисков и описи северных земель имеет логическую связь с исследованиями Геденштрома. Еще в 1814 году Крузенштерн поставил вопрос о необходимости продолжить исследования на землях, открытых в Северном Ледовитом океане Санниковым и другими сибирскими промышленниками.

Весьма интересен тот факт, что Румянцев, по указанию которого была снаряжена экспедиция Геденштрома, 13 февраля 1817 года обратился с письмом к П. И. Рикорду, управляющему в то время Камчатской областью. В письме речь шла о том, что он желает послать небольшую экспедицию из местных жителей, которая отправилась бы на север из района Чаунской губы или Шелагского мыса, чтобы убедиться, «нет ли вблизи за Ледовитым океаном матерого берега, который бы имел протяжение свое против Сибири, или не существует ли там островов». Он просил Ри-

корда возможно скорее подготовить такую экспедицию и снабдить ее необходимыми инструкциями. В том же письме он сообщал, что вышлет 3000 рублей с капитаном Головиным, который готовился в это время к кругосветному плаванию на шлюпе «Камчатка».

В соответствии с планами Румянцева в 1819 году была организована экспедиция. Во главе ее стоял русский моряк, имени которого установить не удалось. Экспедиция вышла по льду на север от Берингова пролива. Транспорт ей служили собаки и олени. «По подсчетам, они прошли на север около 200 верст,— писал Крузенштерн,— что, безусловно, не так уж мало». Матерой земли или каких-либо островов путешественникам открыть не удалось.

Вопрос о поисках северной матерой земли после экспедиции Геденштрома не снимался с повестки дня. Кроме Румянцева и Крузенштерна проблемой Северного материка занимались Сарычев, Головин и министр иностранных дел России Нессельроде.

За спорами о Северном проходе и о перешейке, якобы соединяющем Азию и Америку, внимательно следил Головин и, вероятно, именно он первый выступил с предложением о посылке экспедиции для поисков северных земель.

10 ноября 1819 года Головин встретился с лейтенантом Врангелем, который под его командованием на шлюпе «Камчатка» совершил кругосветное плавание, и познакомил его с планом и задачами предстоящих изысканий и предложил возглавить один из отрядов. Он показал своему ученику подготовленные для морского министра документы, которым в тот же день был дан ход в правительственных кругах. Головин сообщил Врангелю, что сам будет руководить действиями отрядов экспедиции. И действительно, первоначальная подготовка экспедиции для поисков и описи земель в составе Колымского и Янского отрядов осуществлялась Головиным. Он выбирал офицерский состав отрядов, назначив почти исключительно моряков, участвовавших в плавании на «Камчатке» и на которых он мог положиться. Лишь впоследствии вместо мичмана Табулевича, сказавшегося больным начальником Янского отряда был назначен лейтенант П. Ф. Анжу — друг и однокашник Ф. П. Врангеля, а вместе с ним и штурман И. А. Бережных. По предложению Головина участникам экспедиции было назначено двойное жалованье и представлены льготы материального характера.

Однако спустя примерно два с половиной месяца снаряжение экспедиции перешло в ведение Адмиралтейского департамента, во главе которого стоял Г. А. Сарычев, также весьма интересовавшийся проблемой поисков матерой земли. Головина отпустили от непосредственного руководства Колымским и Янскими отрядами. Врангель в одном из писем к Литке высказывал свое глубокое огорчение тем, что «Василий Михайлович... вовсе в сто-

роне от наших экспедиций». Документы, подготовленные Головинным, в которых определялись лишь главные задачи экспедиции, не имеют ни малейшего сходства с позже разработанным Сарычевым по предложениям Адмиралтейств-коллегии более детальным планом поисков и описи земель.

10 ноября 1819 года морской министр Траверсе потребовал от Адмиралтейств-коллегии собрать сведения о северных землях, составить план действий экспедиции и сообщить, какие суммы потребуются на ее снаряжение. Уже 12 ноября морской министр поставил в известность генерал-губернатора Сибири Сперанского о снаряжении Янского и Колымского отрядов «экспедиции для описи северных земель», которая в марте 1821 года должна была приступить к своим исследованиям.

14 ноября Адмиралтейств-коллегия утвердила представленный Сарычевым «План, как производить опись земель, лежащих на Ледовитом море к северу против устьев рек Яны и Колымы» и определила, что для осуществления этого предприятия потребуются «до 30000 рублей».

20 января 1820 года Сперанский ответил, что собраны нужные сведения относительно северных земель и морскому министру отправлены рукописное «Путешествие» Геденштрома, замечания Геденштрома на план Сарычева, карта Новосибирских островов, составленная Геденштромом, и, наконец, смета на содержание Колымского и Янского отрядов экспедиции. Сперанский, как видно из его пространного ответа морскому министру, считал бесполезным отправлять Янский отряд, так как Новосибирские острова достаточно обследованы Геденштромом. «Прежние предположения о существовании в сем месте материка или гряды островов с основательностью исследованы и отвергнуты». Он предлагал ограничиться деятельностью Колымского отряда, который должен заняться поисками земель к северу и востоку от Медвежьих островов. Предположения о существовании этих земель, «возбужденные повествованиями сержанта Андреева и другими, впрочем весьма смешными, рассказами, остаются в своей силе и, по крайней мере, с достоверностью не отвергнуты».

Скептическое отношение Сперанского к существованию северной матерой земли не встретило сочувствия в Морском министерстве. Траверсе еще раз напомнил губернатору Сибири о том, что Александр I именно на него возлагает ответственность за обеспечение деятельности экспедиции и что «план продолжения открытий, когда будет действительно найдена земля противу устья Колымы, может измениться» в зависимости от того, миролюбивым ли окажется населяющий ее народ.

Руководитель Колымского отряда Врангель по совету Головина несколько недель обучался в Дерптском (Тартуском) университете проведению физических и астрономических наблюдений. Профессор Ф. Паррот характеризовал молодого офицера как «весьма одаренного и ревностного человека», способного

добиться выдающихся успехов на поприще науки. Паррот пытался включить в программу исследований экспедиции Врангеля проведение астрономических и барометрических наблюдений, а также работ по химическому (солевому) анализу полярного льда, но встретил отказ со стороны морского ведомства, которое считало, что физические исследования могут помешать выполнению главного поручения — отысканию северной матерой земли.

Описи уже открытых островов придавалось второстепенное значение. Этими задачами должен был заниматься штурманский помощник, а самому Врангелю от Шелагского мыса следовало ехать по льдам моря к северу до неизвестной земли, находящейся в расстоянии однодневной поездки от этого места. Эта инструкция опиралась на путешествие Сарычева. Врангеля и Анжу принял Траверсе, который имел с ними секретный разговор. Он обратил их внимание на важность возложенного на них поручения, что также свидетельствует о том большом государственном значении, которое придавалось снаряжению экспедиции для описи северных земель, как и экспедициям к Южному полюсу и в Берингов пролив.

25 марта 1820 года отряды покинули Петербург. Под командованием Врангеля находились штурман П. Т. Козьмин, мичман Ф. Ф. Матюшкин, доктор медицины А. Э. Кибер, слесарь С. Иванников и матрос М. Нехорошков. У Анжу было два штурманских помощника — И. А. Бережных и П. П. Ильин, лекарь А. Е. Фигурин, матрос Игнашев и слесарь А. Воронков. 18 мая 1820 года Врангель приехал в Иркутск; в первых числах июня туда же прибыл Анжу, который вез приборы экспедиции.

В Якутске экспедиция разделилась на два самостоятельных отряда: Колымский и Янский. В начале августа Врангель отправил в Нижнеколымск Матюшкина, который к приезду своего начальника (2 ноября) успел построить астрономическую обсерваторию. 13 февраля 1821 года Врангель сообщил Сперанскому, что находится «в состоянии приступить сего же года к определению Шелагского мыса и к отысканию северной земли». Отправляясь с небольшим отрядом на Чукотку, Врангель считал, что малое число доброжелательных путешественников встретит гораздо лучший прием и будет в большей безопасности, чем значительный военный отряд. К тому же появление летом 1820 года у чукотских берегов экспедиции Васильева должно было внушить уважение к русским и служить защитой и для Колымского отряда.

19 февраля 1821 года Врангель покинул Нижнеколымск и 5 марта достиг цели своего первого путешествия — Шелагского мыса и астрономически определил его. Пройдя на восток до скалистого мыса, который называл именем своего спутника штурмана Козьмина, он убедился, что берег принимает юго-восточное направление. Таким образом, писал он в донесении Сперанскому,

Фердинанд Петрович Врангель

«обнаружилось неправдоподобие какого-либо соединения в сем месте перешейком Америки с Азией, как утверждают некоторые, но, к сожалению, было невозможно доказать совершенно противное, ибо надлежало бы достичь Северный мыс Кука». Из-за недостатка корма для собак 7 марта экспедиция отправилась в обратный путь.

25 март экспедиция приступила к поискам северной матерой земли. В этой поездке участвовали Врангель, Матюшкин, матрос Нехорошков, унтер-офицер Решетников и колымский купец В. Ф. Бережной, который добровольно вызвался ехать с путешественниками «на двух собственных нартах и со своим кормом». Продвигаясь на север

из района мыса Баранов Камень, 29 марта путешественники достигли берега острова Четырехстолбового. Матюшкин положил его на карту.

Спустя два дня на $71^{\circ} 37'$ с. ш. экспедиция вынуждена была остановиться из-за тонкого льда. В 224 верстах от берегов Сибири встретили открытую воду, которая, по словам Врангеля, свидетельствовала о том, что море то замерзает, то взламывается свежим ветром. «...Различие между торосами сей части моря и находящимися близ материка равно и тонкость льда подает повод к заключению,— писал он,— что море здесь не сужено какою-либо обширною землею, не в дальнем на севере расстоянии находящейся». Своей поездкой на север от мыса Баранов Камень Врангель поставил под сомнение выводы Сарычева, что море в этом районе невелико и недалеко на севере должна находиться матерая земля.

Экспедиция направилась на юго-восток и вскоре встретила гористый остров высотой более 20 метров, оказавшийся ледяным. «Сопки сего ледяного острова,— писал Врангель,— показались нам издали за действительные каменные горы, даже на оных прорубали мы глубокие ямы, чтобы увериться в их составах». Именно такие ледяные острова с высокими сопками, которые даже вблизи трудно отличить от настоящих, издали могли быть приняты за неизвестные земли и их поисками потом десятилетиями занимались исследователи.

17 апреля экспедиция достигла того района, где в 1810 году вел поиски Геденштром, и повернула назад. 21—23 апреля путе-

шественники, разделившись на два отряда, описывали Медвежий острова. 28 апреля экспедиция вернулась в Нижнеколымск, пройдя более 1200 километров среди нагромождений льдов, трещин, разводьев и полыней.

В Морском министерстве были недовольны тем, что Врангель начал поиски северной матерой земли от мыса Баранов Камень, а не от Шелагского мыса. По мнению Адмиралтейств-коллегии, если бы Врангель точно исполнил инструкцию, то всего в «один только день» решил бы вопрос, существует ли земля, о которой рассказывают чукчи. В начале 1822 года Врангель получил предписание Сперанского «проникнуть по крайней мере на 75 верст от берега к северу от мыса Шелагского и таким образом разрешить, действительно ли находится земля в том месте».

13 марта 1822 года Врангель направился на северо-восток. 31 марта экспедиция достигла границы припая, за которым находилось открытое море. Отклонившись к северо-западу, 10 апреля 1822 года экспедиция дошла до $72^{\circ} 2'$ с. ш. (262 версты от мыса Баранов Камень). Дальше снова был тонкий лед, пересеченный полынями и разводьями. Врангель по состоянию льдов и все увеличивающейся глубине моря пришел к выводу, что северная матерая земля, если она существует, то должна находиться не ближе чем за 260 верст. 12 апреля экспедиция направилась на восток, чтобы искать землю в районе Шелагского мыса, но в 130 верстах к северу от него она была остановлена полыней шириной более двух верст. Северной матерой земли в этом районе не было обнаружено. В это время у путешественников оставалось запасов только на 4 дня. 23 апреля Врангель решил повернуть назад и 1 мая достиг побережья Сибири.

Врангель писал Литке о том, что его экспедицией «определено несуществование земли в удобо достигаемом от сибирского берега расстоянии между меридианами Медвежьих островов и Шелагского Носа и что, следовательно, остается искать эту землю к востоку от последнего меридиана. Туда-то и обратим наши попытки весною 1823 года в надежде найти не обитаемую землю, но какой-нибудь голый островок — как надо подумать по последним сведениям, собранным мною от чукч».

Весной 1823 года экспедиции предстояло завершить опись побережья Чукотки от Шелагского мыса до Северного мыса (ныне мыс Шмидта) и продолжить поиски северной матерой земли в Северном Ледовитом океане. 26 февраля 1823 года путешественники покинули Сухарное и 8 марта достигли Шелагского мыса, где встретились с чукчами. На стоянку Врангеля прибыл чукотский старейшина. Через толмача он подробно описал положение северного берега Чукотки и «даже нарисовал углем положение Шелагского мыса, называя его Ери». На импровизированной карте он показал небольшой остров к востоку от этого мыса, который вскоре действительно был обнаружен экспедицией.

«Разумеется,— писал Врангель об этой встрече Литке,— все

мои вопросы и разговоры склонились к изведыванию о Северном материке, в существовании коего я уже 2-й год весьма сомневался. Поэтому ты можешь себе представить мое удивление и радость, когда чукотский старшина-камакай стал утверждать, что недалеко от их земли на севере есть гористая земля и что он сам летом видел горы в море, по мнению его, не в весьма дальнем расстоянии. Он описал нам то место, откуда горы видны, присовокупив, что правее или левее земля *X* отделяется от Чукотского берега, к которому подходит острым мысом у описываемого им места».

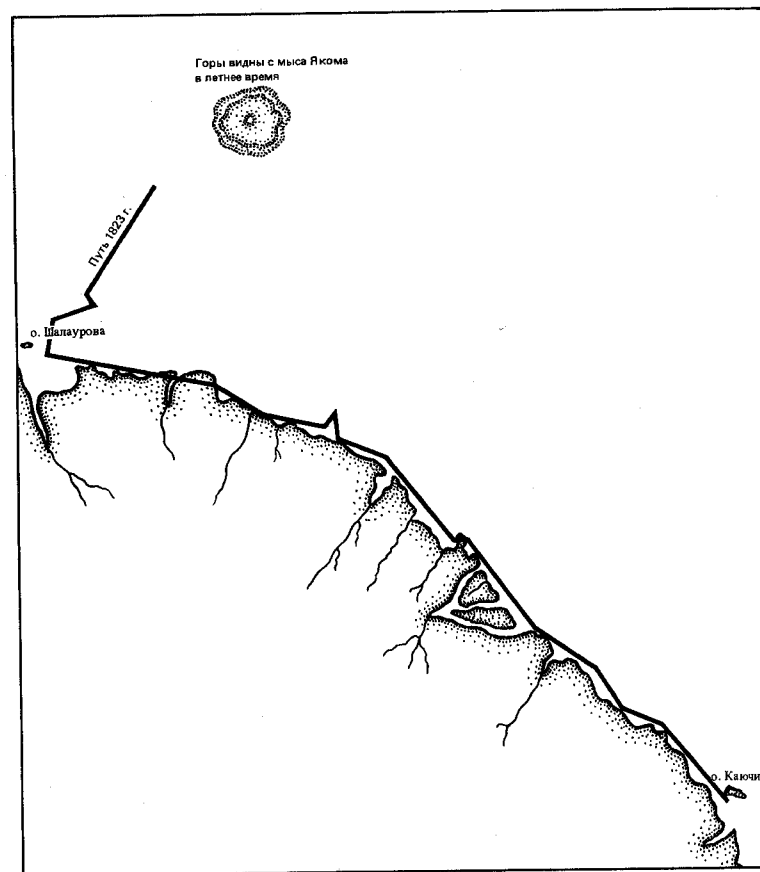
10 марта Врангель направился к мысу Якан, к северу от которого, по словам камакай, лежали виденные горы. Здесь экспедиция повернула на север и снова отправилась на поиски северной матерой земли. Дойдя до границы припая, Врангель продолжал путь по дрейфующим льдам (на протяжении 90 километров). 23 марта он достиг $70^{\circ} 51' \text{ с. ш.}$ и $175^{\circ} 27' \text{ в. д.}$ в 150 километрах от побережья Чукотки. Дальше было открытое море. «Не внемля грозящему треску льда под нами, ни препонам от обширных полыней, продолжали идти вперед в сладкой надежде достигнуть до земли, и не прежде решились на поворот, как поворотить уже почти нельзя было. На возвратном пути плавали мы между прочим на льдине по морю и едва-едва спасли самих себя с собаками и малою частью путевых припасов», — писал Врангель Литке.

4 апреля к экспедиции присоединился отряд Матюшкина, занимавшийся описью Чукотского побережья. Врангель послал Матюшкина на север. Пройдя 16 верст, тот встретил широкие полыньи, окаймлявшие неподвижный лед с севера, запада и востока. И эта попытка достичь земли, лежащей к северу от мыса Якан, закончилась неудачей. 10 апреля Врангель достиг Северного мыса, а спустя 5 дней находился в Колючинской губе, сомкнув, таким образом, свою опись с описью И. Биллингса, сделанной в 1791 году.

На обратном пути экспедиция едва не погибла от голода. Вернувшись в Нижнеколымск, Врангель писал Литке о том, что он не сомневается в существовании земли к северу от мыса Якан. «Сказания чукчей так согласны и так утвердительны, что уже не искать, а найти ее следует».

В поисках северной матерой земли Колымская экспедиция исследовала огромную площадь юго-восточной части Восточно-Сибирского моря и прибрежных районов западной части Чукотского моря. Экспедиция не открыла обширной обитаемой северной матерой земли, поискам которой придавалось важное значение. В решении Адмиралтейств-коллегии по итогам экспедиции было отмечено, что «в отыскании Северной Земли Врангель не имел успеха, но по сведениям, собранным от чукоч, убедился он в существовании ее противу одного пункта берега... и который он отыскал и определил (в 135 верстах к северу от Северного мыса)».

Сарычев поддержал точку зрения Врангеля о том, что эту

Деталь карты путешествий Ф. П. Врангеля по северо-востоку России

«землю не искать, а найти следует», и спустя несколько лет принял попытку добиться снаряжения экспедиции для открытия земли, «высокие горы» которой местные жители видели с берегов мыса Якан. Сарычев подчеркнул, что главнейшим достижением Колымской экспедиции «была опись берега Азии до острова Колючина (до коего осмотрен оный с востока экспедицией капитана Биллингса), следственно, конечное разрешение вопроса о несоединении Азии с Америкой».

Как же развивались исследования Янской экспедиции, которая 1 октября 1820 года прибыла в Усть-Янск? Перед ней стояла не менее сложная задача, чем перед Колымской экспедицией. В первую очередь Анжу поручалось выйти в пролив между островами Фаддеевским и Новой Сибирью и затем направиться к северу, к «Земле, виденной Санниковым», которую необходимо было объехать и описать. Если время позволит, ему разрешалось

проверить достоверность карт островов Фаддеевского и Новой Сибири. Одновременно часть отряда должна была описать берег острова Котельного до северо-западной его оконечности, а затем повернуть к северо-западу и описать остров Белковский. Летом Анжу предписывалось исследовать устье реки Яны и морской берег в сторону рек Лены и Индигирки.

18 февраля 1821 года экспедиция покинула Усть-Янск. Достигнув южного берега острова Котельного, она разделилась на две партии. Одну из них возглавил штурман Бережных. Ему предстояло заниматься исследованием острова Фаддеевского. Второй партией руководил Анжу, взявший на себя часть работ по описи острова Котельного. 5 апреля 1821 года Анжу достиг $75^{\circ} 36'$ с. ш. и, прекратив опись острова Котельного, отправился на северо-запад. 7 апреля 1821 года он достиг $76^{\circ} 36'$ с. ш. В это время путешественники находились в 70 верстах к северо-западу от острова Котельного, как раз в том самом районе, где видел землю Санников. Возможно, она существовала, но «по низкости своей нам не была видна», — писал Анжу. На следующий день Анжу приступил к описи северного берега острова Котельного.

12 апреля Анжу, переправившись на остров Фаддеевский, встретился с отрядом Бережных, которому удалось описать часть берегов островов Фаддеевского и Котельного. После непродолжительного отдыха экспедиция в полном составе отправилась по льду на север. Пройдя 12 верст, моряки увидели недавно образовавшийся лед. Оставив нарты, Анжу пошел пешком, но, убедившись, что лед становится все тоньше, возвратился к основной части экспедиции. Перейдя по льду пролив Благовещенский, Анжу и его спутники вышли к мысу Высокому на Новой Сибири. Но здесь неподвижный припайный лед держался лишь на небольшом расстоянии, дальше виднелось открытое море с плавающими ледяными полями. «Предполагаемой к северу земли нигде не было видно», — писал Анжу. Он возвратился на Новую Сибирь и приступил к ее картированию. Достигнув мыса Рябого на северо-восточной стороне острова и видя, что море в этом районе покрыто сплошным льдом, он отправился на поиски земли, признаки которой Санников и Геденштром видели к северо-востоку от Новой Сибири, но в 25 верстах встретил открытую воду и повернул обратно.

8 мая 1821 года экспедиция вернулась в Усть-Янск. Здесь Анжу встретился с Санниковым, который «словесно изъяснил, что виденные им земли видны бывают только летом и в расстоянии 90 верст, а зимой и осенью не видать». Анжу известил об этом Сперанского, о чем тот поставил в известность Траверсе, который через несколько дней, ссылаясь на мнение Адмиралтейств-коллегии, ответил, что дальнейшие поиски Земли Санникова бесполезны, так как этот промышленник «видел не землю, но туман, на землю похожий». Морской министр предлагал задачи экспедиции на 1822 год ограничить описью известных островов.

Однако генерал-губернатор Сибири считал первейшей задачей работ 1822 года поиски земель в Северном Ледовитом океане. Сперанский писал Анжу: «Несмотря на предположение, что виденная мешанином Санниковым с северной стороны Котельного острова масса не земля, а густой туман, весьма желательно разрешить сей предмет с точностью: в том токмо и могут состоять новые открытия в обозреваемой вами части Ледовитого моря, а потому и надлежит не оставлять сего предприятия без крайних и непреодолимых препятствий».

28 февраля 1822 г. Анжу, Бережных и Фигурин покинули Усть-Янск и описали Большой и Малый Ляховские острова. Находясь вблизи мыса Бережных на острове Фаддеевском, Анжу заметил к северо-западу от него синеву, очень похожую на отдаленную землю, к которой вели оленьи следы. Утром следующего дня отряд направился на север. Но, пройдя 15 верст, на месте земли Анжу в подзорную трубу различил нагромождения льдов. Путешественники повернули на запад. Вскоре они увидели остров, длина его по самой большой северной стороне составляла около 4 верст. Ему присвоили имя врача экспедиции, исследователя-натуралиста Фигурина.

Анжу предпринял несколько «покушений к отысканию Северной Земли» к северу от острова Котельного, но всякий раз встречал открытое море. В конце марта — начале апреля экспедиция занималась обследованием западного и южного берегов острова Фаддеевского. Здесь Анжу совершил еще одну поездку по льду для поисков земли, которую Санников и Геденштром видели на северо-востоке от этого острова. Проехав 60 миль, он вынужден был остановиться из-за тонкого льда, потом повернул на юг и 27 апреля достиг берегов Сибири. В Походске он встретился с Врангелем. Затем они перебрались в Нижнеколымск, откуда отправили донесения Сперанскому, который переслал их начальнику Морского штаба А. В. Моллеру.

Летом 1822 года Бережных и Ильин описали побережья Северного Ледовитого океана от Яны до реки Оленек, обследовали бухту Тикси и устье Лены, а осенью продолжали опись Лены до Жиганска и нанесли на карту устье Индигирки. 10 февраля 1823 года Анжу в сопровождении Фигурина направился на север. Примерно в 140 верстах от берега он встретил очень тонкий лед и повернул на восток. Со 2 по 4 марта Анжу занимался описью островов Васильевского и Семеновского. 5 марта он направился к северу по морскому льду, но признаков Земли Санникова не обнаружил. 14 марта он приступил к исследованию острова Белковского. В конце марта экспедиция возвратилась в Усть-Янск.

Янская экспедиция достоверно положила на карту северное побережье Азии от реки Оленек до Индигирки, обследовала на значительном протяжении Лену, произвела опись островов Фигурина, Семеновского, Васильевского, Белковского, Котельного, Фаддеевского, Большого и Малого Ляховских, а также Новой

Врангель, ни Батеньков, которому предполагали поручить продолжение исследований Колымской экспедиции, не были посланы на Чукотку. Известно, что в начале 1828 года Сарычев сделал представление Адмиралтейств-совету о снаряжении экспедиции для отыскания земли, «видимой к северу от мыса Якан». Морское министерство направило письмо генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Ловинскому с просьбой поручить якутским и колымским властям собрать от чукчей сведения о «неизвестной земле». Расспросами жителей Чукотки занимались колымский окружной исправник Тарабукин и священник Трифонов. Показания о «неизвестной земле» в общей сложности давали семеро чукчей. Все они единодушно заявили, что им достоверно известно о существовании земли к северу от мыса Якан. Расспросы чукчей были присланы в Петербург в июне 1829 года. Они не были серьезно проанализированы в Управлении генерал-гидрографа, а в 1832 году дело о проекте Сарычева, которого уже не было в живых, закрыли. В 1867 году американец Лонг открыл остров к северу от Чукотки и назвал его именем Врангеля.

Гипотеза о существовании матерой земли еще долго привлекала внимание ученых. Она была предметом обсуждения на Международном полярном конгрессе, состоявшемся в 1906 году в Брюсселе, и окончательно была похоронена в конце 20-х годов нашего века. Как показал акад. А. П. Окладников, предания о гипотетических землях оказали весьма существенное влияние «на географические исследования в Арктике, в глубине арктических морей».

Логическую связь с исследованиями Геденштрома, Врангеля, Васильева имеют экспедиции Российско-Американской компании в северные районы Америки.

Когда переменится ветер

И Крузенштерн, и Румянцев неумоимо действовали. Еще в то время, когда «Рюрик» плыл к невским берегам, по настоянию государственного канцлера Российско-Американской компании была послана «матерою землею к северу Америки» экспедиция, состоявшая из промышленников и имевшая задачей собирать сведения о людях, водах и промыслах. Конечной целью этого путешествия было пересечение Северо-Американского континента и осмотр берегов того самого моря, которое видел Маккензи.

Узнав об отправлении экспедиции, Крузенштерн писал Румянцеву 6 ноября 1818 года: «Я всегда почитал исследование внутренности Америки к востоку от Берингова пролива весьма важным, ибо не невозможно сыскать сим способом сообщения, хотя не

с заливом Баффина, то по крайней мере с какою-нибудь рекою; вливающеюся в океан Ледовитый, каких рек уже имелось две: река Маккензи и Медная река... Отправление волонтеров Рикордом для отыскания земли, полагаемой быть близ Новой Сибири, не менее любопытно. Одним словом, старания Ваши усовершенствовать ограниченные наши сведения о полярных странах выше всякой похвалы».

Экспедиция под начальством Петра Корсаковского с острова Кадьяк перешла в Кенайский залив (залив Кука), затем исследовала озеро Илямну и достигла Бристольского залива. В устье реки Нушагак одна часть путешественников построила Александровский редут, а другая группа исследователей обошла мыс Невенгам (Нюнгам), открыла остров Гagemейстера и достигла устья реки Кускоквим. Однако приближалась зима, съестные припасы кончались, и экспедиция была вынуждена возвратиться на остров Кадьяк.

Во время этого путешествия было обследовано 33 поселения эскимосов. Путешественники помирили враждовавшие между собой племена кускоквимцев и углахмютов и выяснили, что в этих местах в огромном множестве водятся бобры, куницы, олени, лисицы, медведи, выхухоли. В одной из речек встретили такой косяк рыбы, что едва могли проехать на байдарках.

На следующий год были обследованы залив Добрых Вестей, мыс Румянцева, южный рукав реки Квихпак (Юкон) и значительная часть северо-западного побережья Америки между Бристольским заливом и Нортон-Зундом. Предводитель племени углахмютов поведал путешественникам о том, что на островах вблизи американского берега живут белые люди, селения которых состоят из деревянных и каменных домов, покрытых тонкой медью. Это сообщение возбудило живейший интерес во всем мире, и экспедиции Васильева было поручено проверить достоверность этих известий, которые оказались всего лишь легендой...

В 1820 году исследования были менее удачны, так как в Бристольском заливе очень долго держался лед, а затем начались «крепкие ветры и пасмурные погоды», что помешало войти в устье реки Кускохан и обследовать ее. Во время сильного шторма был поврежден такелаж, и экспедиция смогла только проверить правильность прошлогодней описи.

И хотя от действий экспедиции можно было ждать гораздо лучших результатов, Румянцев остался доволен, что все-таки сделана пусть скромная, но новая попытка в познании севера Американского континента. «Поиски продолжать надобно, они окончательно принесут большую пользу и не впервые вижу я, что успех увенчивает во мне стремление сильное к достижению полезного».

Румянцев решает опубликовать в печати итоги исследований промышленников в Русской Америке и даже позволяет переслать их Джону Барроу, не в пример Гудзонской компании, которая,

несмотря на возмущение и ропот всего ученого света, «все приобретенные сведения утаивает».

«Станем служить всеобщему просвещению, — пишет Румянцев Крузенштерну 25 января 1821 года. — Вы своими пространными познаниями; а я горячим усердием, среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедают, что просвещение к благу народному не служит».

Крузенштерн и Румянцев довольны, что в Русскую Америку отправился товарищ Коцебу по плаванию на «Рюрике» молодой офицер В. С. Хромченко. Они ждут большой пользы от его пребывания в этом краю.

Действительно, новый управляющий делами Русской Америки Матвей Иванович Муравьев в начале 1821 года сообщает, что он решил поручить Хромченко и молодому моряку Этолину обследовать реку Кузсохан и «обозреть губу Нортон, где должно искать пролива в зунд Коцебу».

Исследование северо-западных берегов Америки являлось, по мысли Крузенштерна, своего рода прелюдией к новому этапу поисков Северо-Западного прохода.

Неудачи и успехи англичан давали новые подтверждения правильности его предположений о том, что поиски сообщения между двумя океанами надо вести и морем, и по сухопутью. Крузенштерн внимательно следил за тем, что делалось в Англии для отыскания Северо-Западного прохода. Выдающиеся английские мореплаватели (с большинством из них Крузенштерн был знаком) ревниво относились к успехам экспедиции Коцебу. Честь открытия Северо-Западного прохода, исследованием которого они занимались более трех столетий, могли отнять у них русские моряки. Тем более что именно ученые-мореходы России не только утвердительно высказывались о существовании Северо-Западного прохода, но и доставили науке неоспоримые доказательства этого. Крузенштерн получал из Англии десятки писем. И знаменитый Барроу, и менее известный Бурней просили поделиться научными результатами первой в XIX веке экспедиции, искавшей путь из Берингова пролива в Атлантику. Крузенштерн ничего не утаивал и охотно делился итогами и выводами, полученными Коцебу и его спутниками во время плавания в Северный Ледовитый океан. В свою очередь, Барроу старательно снабжал русского адмирала самыми новыми и интересными сведениями о путешествиях английских полярных исследователей.

В тот год, когда «Рюрик» возвратился из своего плавания, английское правительство снарядило две экспедиции для отыскания пути между двумя океанами. Одна из них под начальством Джона Росса отправилась в Баффинов залив на судах «Изабелла» и «Александр». Путешественники исследовали восточную часть Баффиновой Земли и проникли в устье пролива Ланкастер.

Они приняли его за залив, так как, по мнению Джона Росса, в отдалении его пересекала земля, которую они называли горами Крокера.

Вторая экспедиция под начальством Бухана на судах «Доротея» и «Трент» направилась к Берингову проливу тем самым путем, которым в 60-х годах XVIII столетия пытался проникнуть В. Я. Чичагов. Но к северу от Шпицбергена Бухана остановили льды, точно так же, как они некогда остановили и Чичагова.

Крузенштерн не удивился неудаче, ибо ни один мореплаватель не имел здесь успеха в попытке проникнуть на просторы Ледовитого океана. Обе экспедиции осенью возвратились в Англию. И сразу же лондонские газеты стали писать, что «английское правительство и на будущий год оба поиска возобновить собирается». По словам Румянцева, эти сообщения «заслуживали большого внимания». Внимание, как редкое исключение, на сей раз действительно было проявлено. Россия послала экспедиции к Северному и Южному полюсам.

Но Англия, в свою очередь, весной 1819 года отправила лейтенанта Парри, участвовавшего в прошлогоднем плавании Джона Росса, на поиски загадочного пути. Его суда «Грайпер» и «Гекла» прошли проливом Ланкастер, найдя чистую воду на месте предполагаемых гор Крокера. Путешественник в это плавание достиг точки, находившейся на равном расстоянии от Берингова и Девисова проливов, и тем самым завоевал малую премию в 5000 фунтов стерлингов, назначенную английским парламентом за выполнение этой первой задачи.

Парри зазимовал на южном берегу острова Мелвилл. Летом 1820 года он двинулся на запад, но был остановлен льдами и осенью возвратился в Англию. Открытия этого путешественника высоко оценил Румянцев, который просил Крузенштерна выписать ему «путешествие Парри, кой час оно будет издано».

«Он себе путь к славе продолжил и оправдал мое прежнее правило, что не надобно слепо повиноваться некоторым решительным заключениям, а продолжить истину отыскивать». Румянцев имеет в виду ошибку Джона Росса, который утверждал, что пролив Ланкастера пересекают горы Крокера. Репутация Росса сильно пострадала, когда стало известно, что он заблуждался. И, пожалуй, единственным человеком, который сохранил к нему доверие, был Крузенштерн, снисходительно относившийся к заблуждениям мореходов.

В 1821 году Парри снова отправился со стороны Атлантики искать Северо-Западный проход, который со стороны Берингова пролива в это же время исследовала русская экспедиция на судах «Открытие» и «Благонамеренный».

Крузенштерн первоначально надеялся, что Васильев и Шишмарев с успехом справятся с исследованием северного побережья Америки, но на исходе 1821 года он узнал, что путешественникам не предписано «осмотреть берега Ледовитого моря». Он просит

Румянцева поручить решение этой задачи экспедиции Хромченко, который совместно с Этолиным занимался исследованием северо-западных берегов Русской Америки.

«Мне,— писал Крузенштерн Румянцеву,— всегда казалось исследование берегов Северной Америки, начиная с Ледяного мыса к востоку, самую важную степенью инструкции, данной лейтенанту Коцебу, как единственное средство узнать истинное направление того берега и тем определить сообщение обоих морей, буде оно существует, в чем, кажется, нет сомнения.

Когда я известил 3¹/₂ года назад г. Барроу, что командиру «Рюрика» предписан между прочим осмотр берегом берегов Ледовитого моря, то вскоре за сим и последовало отправление капитана Франклина, что доказывает, что сей знаменитый человек признает также исследование берегом единственным способом достигнуть желанной цели».

Он снова и снова напоминает о том, что северные берега Русской Америки необходимо обследовать офицерам отечественного флота. Он считает «весьма важным дать предписание» В. С. Хромченко, чтобы он прошел вдоль берега от мыса Ледяного до реки Маккензи и, возможно, встретился бы с Парри, который, по расчетам Крузенштерна, мог прийти в Берингов пролив не ранее сентября 1823 года.

Румянцев немедленно ответил Крузенштерну: «Вы весьма благоразумно судить изволите о пользе предписать Хромченко, чтобы идти вдоль берега до устья реки Маккензи, но Вам известно, что все мои в том краю делания и предприятия совершенно подчиняются интересам и воле американской компании».

Он напоминает, что судно Хромченко принадлежит компании, да и сам начальник экспедиции состоит у нее на службе. Но он непременно напишет капитану Муравьеву и попросит его поручить Хромченко выйти из Берингова пролива.

Затем Румянцев и Крузенштерн с нетерпением ждут известий из Русской Америки. «Как бы я несказанно был обрадован, если бы и сам я письмо от Хромченко получил о важном каком-либо открытии, приготовляющем и подающим надежду к открытию и самого Северного прохода»,— пишет государственный канцлер.

Смогут ли англичане в ближайшие месяцы до конца постигнуть главную географическую тайну века? Этот вопрос не дает покоя ни Крузенштерну, ни Румянцеву. Какие бы дела они не обсуждали — покупку ли новых книг о морских и сухопутных путешествиях, приобретение или снятие копии с документов, важных для истории России, приобретение карт или атласов — в любом письме они возвращаются к проблеме Северного морского пути. Особенно их волнует судьба английской экспедиции Парри, которая дважды зимовала в Канадском архипелаге.

«Пишут мне из Англии,— сообщает Крузенштерн Румянцеву 3 декабря 1822 года,— что ласкаются там надеждою о прибытии его в Камчатку в течение нынешнего года.

Я в том сомневаюсь, хотя не невозможно, что он дойдет до реки Маккензи. Насчет отыскания сего прохода я ныне того же мнения, которого я был тогда, когда писал инструкцию Коцебу, а именно единственный способ решить сию задачу есть тот: послать экспедицию пешую вдоль берега от Ледяного мыса к осту. Из письма Мальт-Брюна явствует, что он того же мнения, и самая экспедиция Франклина доказывает, что и в Англии так думают. Если бы капитану Васильеву предписано было предпринимать подобную экспедицию, он, может быть, встретился бы с капитаном Парри».

Вопрос об открытии Северо-Западного морского пути в эти дни волновал многих русских мореходов. Они горели желанием помериться силами со своими соперниками из Англии. Весьма красноречив тот факт, что в декабре 1822 года были представлены два проекта. Автором одного из них был будущий декабрист лейтенант В. П. Романов. Другой проект принадлежал участнику Первой русской антарктической экспедиции лейтенанту Лескову. Начальник Морского штаба А. В. Моллер даже перепутал их и на проекте Лескова написал, чтобы Романова имели в виду, если будет надобность послать экспедицию в тот край...

После того как русские моряки первыми разрешили важный вопрос, открыв землю под 70° ю. ш. (о существовании которой после путешествия Кука перестали думать), одну из самых важных задач географии Лесков видит в изыскании морского пути в Атлантику с одновременными исследованиями полярных владений России на Американском континенте.

«Итак,— пишет он,— после великих славных, счастливо оконченных многотрудных предприятий неужели северо-западные берега Америки, находящиеся с давнего времени во владении нашем и по сие время по различным причинам укрывшиеся от бдительных исследований мореходцев, навсегда останутся в неизвестности? Неужели Северо-Западный проход, для открытия которого столько времени стремятся англичане с напряжением всевозможных усилий, не щадя ни денег, ни даже самой жизни человеческой, навсегда сокрыт будет во мраке неведения?»

Лесков призывает принять решительные меры для исследования этих трудных вопросов, имеющих не только научное, но и политическое значение. Он считает, что честь этих открытий самой судьбой предназначена морякам русского флота.

По мысли автора проекта, полярные путешествия, предприятия Россией под начальством Сарычева и Беллингаузена, а Англией — по руководством Кука и Парри, показали, что возможно плавать в высоких широтах и зимовать с кораблями далеко за пределами полярного круга.

Лесков предлагает послать новую арктическую экспедицию на специально построенном для этой цели судне, которое должно

быть так укреплено, «чтобы могло сопротивляться льдам, посреди которых должно будет зимовать».

Исходной базой экспедиции в проекте предлагается избрать Петропавловск-на-Камчатке, куда судно прибудет ко времени освобождения от льдов Авачинской губы. В этом порту необходимо пополнить запасы продовольствия и снаряжения и немедленно следовать в Берингов пролив. Достигнув мыса Ледяного, путешественники должны будут приступить к тщательной описи еще никому не известного пространства, простирающегося до реки Маккензи.

Анализируя сведения, доставленные русскими и английскими исследователями Северо-Западного прохода, Лесков приходит к мысли, что «можно надеяться проникнуть далеко к востоку».

«Наконец,— писал Лесков,— когда осень и льды принудят прекратить плавание, то, приискав удобное место, расположиться зимовать, взяв для сего все возможные предосторожности — русским уже не чуждые».

Следующим летом, как только судно освободится от ледяных оков, путешественники направятся далее на восток к устью реки Копермайн, а затем Репульсовым заливом, который, по мысли Лескова, «не что иное есть, как пролив, судно выйдет в Атлантический океан». Лесков призывает высшее морское начальство употребить все средства «на разрешение столь важного вопроса, на который теперь устремлены глаза целого света».

Если по каким-либо причинам предложенный проект будет неприемлем для Морского министерства, Лесков предлагает составить экспедицию из числа служащих «наших американских владений». Она должна включать два отряда: морской и сухопутный. Морской отряд, в распоряжение которого намечалось предоставить одно из судов Российско-Американской компании, должен был отправиться из Петропавловска-на-Камчатке к мысу Ледяному и высадить там сухопутный отряд. Обе партии условились о месте зимовки, приступили к исследованию северного побережья Америки. Морскому отряду предписывалось уточнить прежние исследования берегов между мысом Ледяным и мысом Лисбурн. Самая трудная задача ставилась перед сухопутным отрядом, участники которого все тяжести должны были взять или нести на себе, и потому их надлежало снабдить всем полезным, но необременительным.

Сухопутный отряд, высадившись на континенте, немедленно приступил к исследованию побережья и вел опись с таким расчетом, чтобы не позже начала октября вернуться к условленному месту зимовки. Следующим летом отряды экспедиции отправляли туда, где была осенью прервана опись, и продолжали исследовать берега до реки Маккензи, а если позволят обстоятельства, то и до реки Копермайн. На обратном пути экспедиции предписывалось выяснить, не существует ли «водного сообщения Полярного моря с Тихим океаном» через большие озера и реки Северной Америки,

что «может принести пользу нашей Американской компании».

Лесков в заключение высказывает надежду, что «приближается то время, когда завеса неведения, столько веков прикрывающая страны сии, наконец должна будет спастись!».

В то самое время, когда Лесков представил свой проект в Морское министерство, выявилось несоответствие карт Камчатки, составленных в 1728 году Витусом Берингом и в 1768 году Нагаевым. Поскольку картам того времени не доставало «верности и совершенства», с какими они стали составляться в начале XIX века, то Адмиралтейств-коллегией было решено описать «берег, простирающийся от Петропавловской гавани до Берингова пролива».

Лейтенант Лесков, узнав о таком намерении Адмиралтейского департамента, вызвался возглавить экспедицию при условии, что одновременно ему будет поручена опись северо-западных берегов Америки. Его кандидатуру горячо поддержал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. Начальник Морского штаба нашел Лескова достойным морским офицером, но для окончательного решения вопроса об экспедиции (декабрь 1823 года) потребовал от Адмиралтейского департамента подробный план описи, наставление руководителю исследований и смету расходов.

Через несколько недель необходимые документы были составлены. В «Плане описи» задачи экспедиции оказались значительно расширенными по сравнению с первым предположением Адмиралтейского департамента. Кроме исследования восточного побережья Камчатки, намечалось изучение северо-западных берегов Америки до реки Кукоквим. В основу «Плана» были положены мысли Лескова, высказанные им в письме генерал-гидрографу Г. А. Сарычеву. «Точное описание берегов Камчатки и северо-западной Америки,— писал Лесков,— по причине больших заливов, вдавшихся во внутренность первой, и мелководья других, не иначе может быть произведено скоро и успешно, как с небольшим парусным судном (бригом или шхуной), имеющим при себе две большие байдары...» Плавая на байдарках, путешественники могли тщательно исследовать все приметные места; измерить глубины моря, снять виды берегов. Бригу следовало в зависимости от глубин моря держаться поблизости от байдар, чтобы иметь возможность в любой момент подать помощь утлым суденышкам. Одновременно часть экспедиции, которая будет находиться на судне, должна заниматься астрономическими определениями «широты и долготы мысов, островов и надводных камней». В тех местах камчатского или американского побережья, где нет ни заливов, ни бухт, ни рек, описи предполагалось производить с брига, а байдары брать на буксир.

Лесков предложил несколько вариантов проведения экспедиции. Первое предложение заключалось в том, чтобы офицеров и команду отправить сухим путем из Петербурга в Петропавловск-

на-Камчатке и вооружить имеющуюся там шхуну. Второй вариант предусматривал доставку экспедиции на Камчатку на попутном судне. Но наиболее желательной он считает постройку особого брига, предназначенного только для целей экспедиции.

«Третий способ, — писал Лесков, — требует, правда, больших издержек, чем второй, но зато издержки сии вознаграждаются совершенно многими и важными выгодами. В сем случае бриг придет на Камчатку в начале весны; тотчас приступит к делу... Бриг может противостоять надежно бурям и льдам, хотя бы принужден был зазимовать среди последних; не станет с окончанием каждого лета возвращаться в Петропавловскую гавань для зимования... Не потратится напрасно время на пустые и частые переходы; более успеет сделать и, следовательно, скорее окончит. Даже, наконец, если бы правительство нашло нужным нарядить в следующем году новую экспедицию для описи северных полярных стран, оно могло бы уже послать только одно отсюда судно, приказав брига соединиться с оным...»

Начальник Морского штаба решил летом 1824 года отправить Лескова с 10 матросами на попутном шлюпе «Смирный», ограничив его задачи лишь описью восточного побережья Камчатки.

Крузенштерн знал о том, что проекты Романова и Лескова лежат без движения в делах Морского министерства. Он решил действовать в правительственных сферах и доказать, как важно не только в научном, но и в политическом смысле обследовать северные берега Русской Америки.

18 октября 1823 года мореплаватель писал Румянцеву: «При сем имею честь представить копию письма, полученного мною на сих днях от г. Барроу; Вы изволите из него увидеть, что английское правительство посылает фрегат в Берингов пролив для отыскания капитана Парри. Я истинно жалею, что с нашей стороны не предпринимается подобной экспедиции, дабы разделить славу с англичанами в разрешении важной задачи касательно северного прохода. В начале года представил правительству мысли мои об отправлении экспедиции берегом или из Коцебу залива, или обойдя Ледяной мыс, прямо к устью реки Маккензи; сие пространство можно бы перейти в течение двух месяцев и не может быть сопряжено с большою опасностью, нежели отыскания, учиненные Врангелем. Мое представление не уважили, а предоставлено одним англичанам сделать в наших водах важнейшие открытия».

30 октября 1823 года Румянцев посылает ответ Крузенштерну: «Вы теперь получаете от меня, так сказать, пестрое письмо, начнется чужою рукою, окончится моею. Собираюсь беседовать о многом, а зрение слабо, многого писать не допускает... Кажется, нет большой надежды отыскать знаменитого Парри и, следовательно, недоконченным останется его великое дело».

Он надеется, что, может быть, в конце концов русским как

соседям Северо-Западного прохода удастся успеть в его исследовании.

Оглохший, полуслепой старик из Гомеля едет в Петербург, чтобы беседовать с Крузенштерном о снаряжении новой экспедиции для завершения поисков сообщения между Тихим океаном и Атлантическим. Он недавно получил от капитана Муравьева известие о том, что Хромченко и Этолин описали значительное пространство северо-западных берегов Американского континента. Этот успех его «много радует», и он надеется послать отважных мореходов на «важный поиск» — открытие Северо-Западного прохода.

Через несколько дней Крузенштерн получает весть из Англии, что капитан Парри благополучно возвратился из своего плаванья. Английский исследователь провел две зимовки в Канадском архипелаге, открыл пролив Фьюри и Хеклы, но путь между двумя океанами, который он искал со стороны Гудзонова залива, так и остался загадкой. Одновременно лейтенант Франклин совершил сухопутную экспедицию по реке Коппермайн и убедился, что она вливается в Ледовитый океан, по берегу которого он дошел до залива Батерст. Поход был труден, и путешественники чудом остались живы.

Сообщая обо всем этом Румянцеву, Крузенштерн писал, что искать Северо-Западный морской путь надо со стороны Берингова пролива, «ибо в существовании сообщения обоих океанов сомневаться нельзя».

Анализируя плавание Парри, Румянцев высказал замечательную мысль, которую через три четверти века блестяще подтвердил Руаль Амундсен: «Неудача Парри меня еще и еще в том убеждает, что тщетны будут и вперед все таковые поиски, отправленные наудачу из Портсмута или Кронштадта. А рано или поздно проход сей сыщет тот, кто несколько лет сряду будет, так сказать, на малом своем судне стоять на часах при льдах и ждать для такого открытия счастливого года».

Крузенштерн пишет о том, что необходимо мореходов Хромченко и Этолина, находившихся в Русской Америке, употребить для «северных поисков»...

Н. П. Румянцев решает принести еще одну жертву ради географии и просит своего ученого наставника составить план будущей экспедиции в форме письма Российско-Американской компании.

Крузенштерн видит два способа осуществить новую экспедицию. Первый состоит в том, чтобы послать небольшое, водоизмещением около 250 тонн, судно в Берингов пролив и, дождавшись, когда льды откроют путь на восток, плыть, плыть и плыть от мыса Ледяного до Баффинова, а быть может, даже до Гудзонова залива. Он напоминает о том, что капитан Васильев во время своих плаваний в 1820 и 1821 годах к мысу Ледяному наблюдал «сильное течение к востоку: обстоятельство, доказывающее неоспоримо

свободное сообщение» Восточного океана с Западным. Не надо упускать из виду еще одного обстоятельства: берег около мыса Ледяного не заперт неподвижным льдом. Стоит путешественникам дожидаться продолжительного южного ветра, который вместе с течением отгонит льды от северных берегов Русской Америки, и они не встретят «препятствий к тому, чтобы пройти вдоль них к востоку».

Второй способ завершения поисков Северо-Западного прохода, в существовании которого уже не приходится сомневаться, он видит в отправке сухопутной экспедиции от берегов залива Коцебу к устью реки Маккензи. «Сей способ,— продолжает Крузенштерн,— не обещает столь блистательных успехов, но он также может принести большую пользу, ибо посредством подобной экспедиции мы можем иметь достоверные сведения о положении берега, о состоянии льдов близ него и о течении моря».

Он отдает предпочтение сухопутной экспедиции. Ее снаряжение обойдется гораздо дешевле и осуществить ее можно силами и средствами, находящимися в распоряжении главного правителя Русской Америки капитана Матвея Ивановича Муравьева.

Румянцев согласен со своим советчиком. Он просит Крузенштерна передать директорам Российско-Американской компании предложение об отправке экспедиции на его средства. Михайло Булдаков, Андрей Северин и Иван Прокофьев изъявляют готовность «участвовать в сем предприятии, полезном для наук, славном для имени русского, сколь силы и средства наши позволяют». Однако они хотят знать о цели нового путешествия. Такое письмо обижает Румянцева. 9 июля он пишет из Москвы: «Вам известно, что я не корыстолюбец, а слуга всеобщего блага». Румянцев напоминает, что он чуждается личных прибылей и больше всего заботится о познании принадлежащих России северных пределов Америки. Поэтому он готов дать 20 тысяч рублей на снаряжение экспедиции.

Директора не ожидают такой отповеди. Чтобы загладить неприятное впечатление от своего письма, они сообщают, что готовы содействовать успеху экспедиции и позволяют М. И. Муравьеву в случае надобности употребить на путешествие дополнительно 10 тысяч рублей за счет компании.

Между тем Крузенштерн по просьбе Румянцева формулирует цель экспедиции и готовит проекты писем директорам компании и управляющему Русской Америкой М. И. Муравьеву.

Перед экспедицией стоят те же самые задачи, которые десять лет назад были возложены на Коцебу: исследовать русские полярные владения «от Берингова пролива до Ледяного мыса и оттуда далее к востоку, дабы тем определить положение сих вообще для нас неизвестных берегов, что может быть полезно не только в отношении к наукам, но со временем и в отношении для самой торговли».

Экспедиции предстоит зазимовать в заливе Коцебу и с наступ-

лением светлого времени на собаках отправиться для исследования неизведанных берегов Севера. В начальники экспедиции Крузенштерн рекомендует Хромченко, а ему в помощники — Этолина. Им будет придано десять матросов, из которых половина останется на судне, а другая половина по сухопутью «удостоверится в возможности ли невозможности сообщения между двумя океанами».

«Не видя никаких новых распоряжений со стороны правительства к разрешению сей любопытной проблемы,— пишет Крузенштерн от имени Румянцева,— желаю я возобновить покушения, начатые на „Рюрике“». По его мысли, экспедиция должна довести исследования до устья реки Маккензи, так как известно, что из этой реки к Берингову проливу направляется в ближайшем будущем англичанин Джон Франклин. По расчетам Крузенштерна, этот знаменитый путешественник прибудет к устью реки Маккензи не ранее 1826—1827 года, «а потому желательно,— продолжает мореплаватель,— чтобы и наша экспедиция начала свой путь к тому же времени. Если бы случилось обоим экспедициям встретиться, то слава успешного предприятия будет принадлежать России и Англии. В противном случае, когда со стороны России ничего не будет предпринято, а англичанам удастся прибыть в Берингов пролив, то по близости расстояния сих стран от наших азиатских и американских владений Европа нам вправе делать упреки в том, что подобные поиски, так сказать, в наших морях или около наших берегов представляем мы другим народам».

Все рассчитано, все предусмотрено.

Если Врангель в 1823 году прошел 2000 верст на собаках по берегам Чукотки, то имеются все основания надеяться, что Хромченко и Этолин одолеют 1000 верст северных берегов Америки.

Заблаговременно отправлены в Америку 100 пудов табаку и 100 пудов железных изделий («вещи, на которые жители тех стран охотно променивают свои излишества»). Переведены деньги, заказаны инструменты для астрономических определений и метеорологических наблюдений. Сделаны приготовления к тому, чтобы закупить собак и корм для них на Чукотке или в Русской Америке по берегам Берингова пролива. Предусмотрено, что экспедиция двинется в путь со своей зимовки в конце марта, как это делал Фердинанд Врангель на Колыме, и возвратиться к ожидающему ее кораблю не позже августа, чтобы в том же году покинуть Берингов пролив. На тот случай, если по непредвиденным обстоятельствам экспедиция вынуждена будет остаться на вторую зимовку в Арктике, на судно будет взят двухгодичный запас продовольствия.

Своевременно дано понять Хромченко и Этолину, что успешное открытие Северо-Западного прохода, «столь давно и до ныне тщетно отыскиваемого», сулит им немалые награды. А пока за труды, которые они понесли в 1822 году по исследованию берегов Русской Америки, Румянцев дарит Хромченко золотую табакерку

стоимостью триста рублей, а Этолину — золотые часы в такую же цену. Если же путешественники предпочтут получить вместо вещей деньги, то правителю русских владений в Америке Муравьеву приказано немедленно выдать их из хранящихся у него некоторых сумм Румянцева.

Чтобы ускорить решение вопросов, связанных с экспедицией, Румянцев дает Крузенштерну доверенность на ведение переговоров с директорами Российско-Американской компании. Мореплаватель спешит, но вскоре убеждается, что не успеет с последней уходящей в Русскую Америку почтой отправить инструменты для научных наблюдений. Он с горечью признается, что экспедицию придется отложить на год. Румянцев на его письмо реагирует благодушно: «Не скрываю от Вас, что я тужить не буду, ежели Муравьев заблагорассудит экспедицию нашу годом отсрочить, дабы дать время все приноровить к ее успеху и чтобы она не пострадала от какого-либо недостатка и от торопливости в отправлении».

Вскоре Румянцев пишет Крузенштерну о том, что было бы очень полезно для задуманного путешествия воспользоваться отправлением в кругосветное плавание Фердинанда Петровича Врангеля. Ведь он имеет большой опыт поездок по неизведанным берегам на собачьих упряжках и может посоветовать Хромченко и Этолину, как с успехом организовать экспедицию.

Крузенштерн уже несколько раз встречался с молодым полярным исследователем и обсуждал возможности отыскания Северо-Западного прохода. И перед отплытием из Кронштадта Врангель получает от Крузенштерна обстоятельное письмо. Мореплаватель просит своего молодого коллегу по прибытии в Ситху проверить, сколь тщательно Российско-Американская компания подготовилась к снаряжению экспедиции.

«Не упустите, — продолжает Крузенштерн, — снабдить капитана Муравьева Вашими, на славных опытах основанными, советами насчет провизии и других необходимых в полярных странах надобностей. Государственный канцлер просит Вас также вместе с капитаном Муравьевым написать Хромченко инструкцию».

Итак, исполнение своего сокровенного желания Крузенштерн отдает в самые надежные руки. Он уверен, что уже к концу 1826 года задуманная им экспедиция достигнет исходной точки своих будущих действий на северных берегах Русской Америки. Он сделал все что мог, и теперь будет с нетерпением ждать вестей от Хромченко и Этолина.

Наконец-то начинает осуществляться один из главных замыслов его жизни. Не кто иной, как русские мореплаватели открывают завесу таинственности, которую более трехсот лет пытаются приподнять путешественники всего мира. Крузенштерн уверен, что Хромченко и Этолин опередят Франклина, для встречи которого англичане послали в Берингов пролив бриг «Блоссом» под коман-

дой Бичи. Последнее усилие — и одна из великих географических загадок XIX века будет разгадана...

И теперь, когда Крузенштерн стоит почти у цели, он получает жестокий удар. В первые дни 1826 года, словно не желая иметь отношение к темным временам и не менее темным делам царствования Николая, умирает Н. П. Румянцев, один из самых горячих энтузиастов познания Русского Севера, наиболее глубоко понимавший экономическое и политическое значение укрепления позиций России на Северо-Востоке и в Русской Америке...

Он умирает внезапно, не оставив письменного завещания. Его наследник, младший брат Сергей, не желает тратить деньги на науку и просвещение и отказывается перевести те 20 тысяч рублей, что Н. П. Румянцев выделил на экспедицию и еще не заплатил, так как Российско-Американская компания не предъявила ему счетов.

Напрасно Крузенштерн показывает письма мецената и его обаятельность. Наследник неумолим. И так около миллиона рублей истрачено братом на странные причуды. Ведь этот миллион попал бы в его карман. Довольно. Никакого благодушия. Ему нет никакого дела до славы России, она достаточно завоевала ее оружием. Он не даст ни гроша на поиски никому не нужного прохода.

Огорошенный этой вестью, Крузенштерн выходит на улицу. Он навсегда покидает дом Румянцева, где был желанным гостем двадцать лет. Он осматривает особняк так, как будто видит его в первый раз. Взгляд его останавливается на гербе. Он читает: «Non solum armis» и тут же переводит: «Не только оружием».

Да, не только оружием страны завоевывают себе славу... Путешествия и географические открытия нередко служат укреплению силы и могущества государства. Это он много раз повторял и за свою долгую жизнь неоднократно в этом убеждался...

Крузенштерн давно заметил, что ветер переменился. Прошли те времена, когда правительство заботилось об укреплении своих позиций на Американском континенте. Он помнил указ 4 сентября 1821 года, которым северная часть Тихого океана объявлялась сферой влияния России. Америка и Англия подняли шум. Отношения между странами обострились, и Александр I дал указание «все устроить дружески, основываясь на началах взаимных приличий». Он пожертвовал интересами России на Американском континенте, чтобы спасти от развала Священный союз. Соблюдение приличий, за которыми скрывались чисто политические соображения царя, привело к заключению между Россией и Америкой, Россией и Англией конвенций о свободе мореплавания в Тихом океане, оставлявших на произвол судьбы Русскую Америку и «угрожавших важным подрывом, вредом и убытком» интересам России.

Переменилось многое, и ничего не переменилось.

Вместо Александра I вступил на престол Николай I, но военные поселения остались, крепостное право ожесточилось. Цензура

стала еще более свирепой. Если во времена Александра говорили, что просвещение не служит благу народному, то теперь о просвещении вовсе забыли... А тут еще случилась декабрьская история. Крузенштерн всегда был далек от политики. Он привык созидать, а не философствовать. Разрушительный ветер революции казался ему чуждым, враждебным... Но почему лучшие офицеры флота, которыми он гордился, в которых видел надежду и будущее России, вышли на Сенатскую площадь? Николай Бестужев, Константин Торсон, Владимир Романов, Николай Чижов, Михаил Кюхельбекер, Владимир Штейнгель, Дмитрий Завалишин оказались в числе заговорщиков. Он всех их знал, многих близко. Они прибегали к его советам и помощи...

Ходили слухи, что лучший из лучших морских офицеров России Василий Михайлович Головин сочувствовал бунтовщикам и написал памфлет на Морское министерство, а адмирала Мордвинова декабристы прочили в состав революционного правительства. И даже Врангель и Литке, успехами которых он так гордился и о которых он с отеческой любовью заботился, были частыми гостями в «кружках декабристов». Один из их вожakov, Гаврила Батеньков, напечатал в «Сыне отечества» открытое письмо Врангелю. А брат Литке оказался причастным к декабрьской смуте в гвардейском экипаже.

Пятерых казнили, сотни отправили на каторжные работы или на поселение.

А через год решили не посылать военные суда к берегам Русской Америки и нарочито стали забывать о Севере. Слава богу, удалось отстоять исследования в Лапландии и Белом море...

Последняя попытка

Крузенштерну идет седьмой десяток. Он удивляется, как стремительно бегут годы. Кажется, совсем недавно он стоял на палубе «Надежды» и чувствовал на своих губах вкус соленых брызг моря... Повзрослели его ученики, обзавелись семьями и чинами. Хлопотливые обязанности не мешают им навещать стареющего адмирала или писать обстоятельные письма. Пишут не только питомцы, пишут ученые-географы и мореплаватели Англии, Франции, Америки. Чаще всего речь идет о Северо-Западном проходе...

Путь от Восточного в Западный океан вдоль северных берегов Америки четверть века не дает ему покоя... Все попытки побудить русское правительство к решительным действиям терпят крах. Сердце обливаётся кровью, когда ему дают понять, что его проекты, его призывы к действию не что иное, как старческие причуды...

Порой бывает до слез обидно, когда он узнает, что из-за бездельности царских сановников Россия одну за другой уступает Англии позиции в исследовании полярных районов Американского континента. В то самое время, как наследник Румянцева отказался выдать 20 тысяч рублей на почти подготовленную экспедицию, а правительство направило суда секретной экспедиции лишь до Петропавловска-на-Камчатке и Новоархангельска, англичанин Бичи на бриге «Блоссом» плыл в Берингов пролив. Ему удалось достигнуть мыса Ледяного, где он высадил офицера Эльсона, прошедшего с описью до мыса Барроу. Не дождавшись здесь Франклина, он возвратился обратно. Впоследствии выяснилось, что Франклин, спустившись по реке Маккензи, продвинулся на запад до мыса Возвращения. Таким образом, осталась неисследованной полоса полярного побережья Северной Америки протяженностью примерно 260 миль, причем большая часть его относится к русским владениям.

Россия бездействует. Зато англичане и американцы стремятся на Крайний Север и Крайний Юг. Американцы объявили об открытии в Тихом океане 200 островов, которые «ни на одной карте не означены». Открытия их сомнительны. Но «если на самом деле только 4-я часть сих островов суть новые, то и сие служит, по крайней мере, доказательством, сколь много еще остается сделать для географии».

В 1829 году Крузенштерн снова предложил послать экспедицию к Северному и Южному полюсам. Он писал о своем плане: «Чтобы оба полушария изведывать в одно и то же время, потребны 4 судна: два для Северного и два для Южного. Сии последние во время южного лета должны подойти к Южному полюсу столь близко, сколько возможно, как для того, чтобы проверить предположение английского капитана Уэдделла, будто море в высоких южных широтах совершенно свободно ото льда, так и для того, чтобы узнать, справедливо ли показание американцев, которые будто бы здесь открыли также множество островов. Северная экспедиция должна употребить летние месяцы для того, чтобы подробно осмотреть Охотское море, Алеутские острова, берега Аляски так, как и восточный берег Камчатки».

В своем проекте Крузенштерн выступает не только как опытный моряк, но и как пылкий исследователь и ученый. С особым тщанием он пишет о необходимости укомплектовать штаты будущей экспедиции ботаниками и геологами, зоологами и минералогами, физиками и астрономами. Важность получения новых материалов о природе южной и северной полярных областей земли заботит его не меньше, чем необходимость познания новых морских путей в Мировом океане. Ивана Крузенштерна не интересуют рекорды, он ждет от экспедиций богатого вклада в развитие знаний чело- века о своей планете, в особенности о высоких широтах Северного и Южного полушарий.

Неизвестно, как реагировали высшие военно-морские круги на

предложение Ивана Федоровича в ближайшее время достойным образом снарядить экспедицию к Южному и Северному полюсам. Не удалось обнаружить следов странствия плана ни по инстанциям Морского штаба, ни по правительственным канцеляриям. Неизвестны и лица, загубившие смелую инициативу великого мореплавателя России. Но бесспорно одно: Крузенштерн, в основном составивший план действий Первой русской экспедиции к Северному и Южному полюсам, разработал новый, более грандиозный проект исследований в высоких широтах Северного и Южного полушарий, осуществление которого принесло бы исключительную пользу науке и славу России.

Его проект отвергли, как отвергли немало других его ценных предложений по исследованию Русского Севера. Но косность и тупоумие царских чиновников не могли заглушить в ученом-мореплавателе страстного интереса к исследованию Северо-Западного прохода, открытию которого он содействовал своими знаниями, опытом и поддержкой тех, кто отправлялся на его поиски...

В середине 30-х годов в прессе снова появляются известия о новых усилиях англичан в отыскании Северо-Западного прохода. Крузенштерн не выдерживает. Из-под его пера выходит еще один проект, последний проект последней русской экспедиции для исследования неизвестных полярных берегов Русской Америки.

Иван Федорович пишет о том, что англичане предпринимают новые попытки осмотреть часть берега, прилегающего к Берингову проливу. Но так как «сия страна ближе к нашим владениям, нежели к английским, то, казалось бы, исследование сей части должно быть предоставлено русским мореходцам». Он подчеркивает, что англичане весьма опасаются, что русские первыми исследуют белые пятна на северном берегу Америки. Напомнив о том, что Россия первой в XIX веке возобновила поиски Северо-Западного прохода, он призывает к смелым и быстрым действиям.

«Ежели правительство наше решится приступить к исследованию сей малой части берега, то не должно медлить, дабы англичане не предупредили нас». По его мнению, такую экспедицию может без особого труда организовать Российско-Американская компания. От нее лишь требуется послать одно из своих судов в залив Коцебу или в прилегающий к нему район. Прибыв к избранному месту, судно спустит несколько байдар, на которых экспедиция направится на северо-восток вдоль неисследованных берегов Русской Америки. По расчетам Крузенштерна, одного-двух месяцев будет достаточно для того, чтобы завершить опись и возвратиться к месту встречи с кораблем.

Неожиданно Иван Федорович находит союзника в лице известного полярного исследователя Фердинанда Петровича Врангеля, только что возвратившегося из Русской Америки, которой он управлял на протяжении нескольких лет. Объединенными усилиями они достигают цели. В Новоархангельск летит приказание снарядить байдарную экспедицию. Но «летит» на почтовых трой-

ках и парусных судах. И только через несколько месяцев, осенью 1837 года, бумаги попадают в руки нового главного правителя Российско-Американской компании Куприянова, участника Первой русской антарктической экспедиции.

В течение зимы идут приготовления к плаванию. Начальником экспедиции определяют подпоручика Корпуса флотских штурманов А. Ф. Кашеварова, креола, человека очень интересной судьбы.

Александр Филиппович Кашеваров родился 9 января 1810 года в Русской Америке. Его отец был учителем в Новоархангельске, а мать алеуткой. Когда мальчику шел двенадцатый год, он отправился в первое далекое путешествие. Конечной целью этого странствия был Петербург. На средства Российско-Американской компании его определили на учебу сначала в частный пансион, а затем в Кронштадтское штурманское училище, из стен которого вышло немало замечательных исследователей морей и океанов.

В 1828 году восемнадцатилетний штурман впервые отправился в кругосветное плавание на корабле «Елена» под командованием известного русского мореплавателя В. С. Хромченко. Во время этого многотрудного дальнего вояжа в Тихом океане был открыт обитаемый лесистый остров Левенделя. Кашеваров принял участие в определении положения Маршалловых островов и произвел съемку северо-восточной части группы островов Ликий. Через 23 месяца молодой мореплаватель, пройдя отличную морскую выучку, возвратился в полюбившийся ему Петербург. Но недолго Кашеваров оставался там. Его манило море. Весной 1831 года он вместе со своим прежним командиром В. С. Хромченко отправился в новое кругосветное плавание на транспорте «Америка».

В Индийском океане корабль попал в полосу жестоких бурь, но экспедиция мужественно выдержала все обрушившиеся на нее испытания. Зато Тихий океан встретил моряков штилевой солнечной погодой. Они решили воспользоваться этим и занялись детальным обследованием архипелага Гильберта, где определили положение групп островов Гендервиль, Буддль, Галл, Кука и Шарлотты. В описанных работах деятельное участие принимал и Кашеваров. В это плавание он продолжил съемку Маршалловых островов.

Два кругосветных плавания развили в Кашеварове страсть к исследованию морей и стали отличной школой навигаторской выучки.

В течение нескольких лет он успешно командовал различными судами Российско-Американской компании. Он любовно изучал свою родину — Русскую Америку. Давно ему хотелось взглянуть на Дальний Север. И наконец эта возможность представилась.

23 июня 1838 года путешественники на бриге «Полифем» покидают редут Св. Михаила, расположенный на южном берегу за-

лива Нортон, и направляются на север. Миновав Берингов пролив и поднявшись до 69° с. ш., судно встречает первые льды, но они не мешают продвигаться вперед. Вскоре бриг приближается к мысу Лисбурн. Кашеваров с переводчиком отправляется на берег, где встречается с эскимосами. От них он узнает, что море на востоке свободно от льдов. Поднявшись на вершину скалистого утеса, Кашеваров не находит к востоку ничего, кроме чистой воды, и решает, пользуясь тихой солнечной погодой, высадиться здесь со своими спутниками. Дальше экспедиция, состоящая из 28 человек, будет вести свои работы на 12-весельной байдаре и на пяти трехместных байдарках.

С тревогой и надеждой пристают путешественники к тому самому северному берегу Русской Америки, исследование которого было предметом сокровенных желаний лучших офицеров русского флота. Никто не знает, что сулит им ближайшее будущее: опасности или удачи, а может быть, то и другое вместе. Все знают, что впереди суровая, далекая и неизвестная сторона.

Как только командир брига Чернов узнал о благополучном выходе на берег, то поздравил путешественников салютом из 7 пушечных выстрелов. В то же время «Полифем» поворотил в море. Неравнодушно смотрели моряки на удаляющийся от них бриг. Он разлучал их с родными и друзьями. И когда паруса «Полифема» скрылись у нас из виду, они вполне ощутили свое сиротство: с той минуты моряки остались совершенно одни на полярных пустынях Америки.

Условлено, что бриг вернется за путешественниками через два месяца в залив Коцебу и будет ждать их вблизи острова Шамиссо.

6 июля экспедиция проводит на месте. Кашеваров расспрашивает эскимосов, пытаясь добыть всевозможные сведения о ближайших местах, и заставляет своих спутников то загружать, то разгружать байдары, чтобы выработать навык и сноровку в этом нелегком каждодневном занятии. Кашеваров отлично знает, что не раз им придется испытать холод и усталость, жажду и голод, опасности и коварство. Надо каждый час, каждый день быть готовыми ко всевозможным случайностям.

Между тем Кашеваров с интересом осматривает окрестности своего становища и бродит по однообразной галечной косе, под обрывистыми скалами мыса Лисбурн, на которых нашли себе приют чайки, топорики и кайры. Их непрерывный резкий крик оглушает путешественников. Кое-где виднеются следы оленей. Всюду мелкий камень, ни одного цветка, ни одной зеленой травинки. «Все было пусто и уныло. Только относимый ветром от берега лед утешал нас надеждою долго не встретить на предстоящем нам пути препятствий от ледяных глыб», — писал Кашеваров в своем дневнике.

7 июля начальник экспедиции разбудил своих спутников очень рано. Ветер не утихомирился за ночь и по-прежнему налетал порывами, срывая верхушки волн. Рискованно было выходить в море.

Но всем не терпелось как можно скорее сделать хотя бы несколько шагов вперед.

В 5 часов утра путешественники оставили свой лагерь. Байдару вели бечевой, боясь, что порывами ветра отнесет ее в море, а маленькие легкие байдарки смело шли у самого берега.

Вот уже осталось позади 9 верст. Невысокие скалистые горы уклонились к юго-востоку. Ветер вдруг утратил свою буйность. Можно было смотать бечеву, которой тянули байдару, и плыть дальше на веслах. Исследовано и нанесено на карту еще 9 верст. Горы снова приближаются к берегу, на котором возвышается одинокий чум эскимосов. Путешественники решают навестить его обитателей.

Когда моряки приближались к палатке, то дети и женщины, по словам Кашеварова, схватив в руки что попало и ведя за собой своих собак, пустились бежать в тундру. Остались только трое мужчин, которые в страхе суетились около палатки, не зная, на что решиться. По-видимому, ничто не могло их успокоить. Кашеваров подарил каждому из них по листу черкасского табаку, который они приняли от него с величайшей робостью и, казалось, не верили, что такая русская щедрость проистекает из дружеского расположения.

Тем временем на небе появились облака. Ветер сменился на попутный и задул ровно, спокойно.

Кашеваров покидает стойбище эскимосов и снова спешит на восток. Отмелый берег сменяется обрывами. Неподалеку высится гряда льдов. Байдара и байдарки идут вблизи нее. Края льдин так заострены прибоем и течениями, что при первом же касании они могут вспороть кожаную обшивку суденышек.

Надо спешить! Лишь бы не переменялся ветер и не погнал байдару и байдарки к берегу... Изю всех сил гребут алеуты, гребут помощники Кашеварова, гребет он сам. И тут случается самое неприятное. Шквалы один за другим пробегают над морем. Снег и дождь неистово хлещут по лицам путешественников. Ветер меняет направление и разводит такую толчею у ледяных закраин, что плыть дальше опасно. Пришлось срубить мачту на байдаре, конца припая не видно. Пристать ко льду — равносильно самоубийству.

«Положение наше было гибельным», — признается Кашеваров. Он решает повернуть назад, к становищу эскимосов. Но и здесь, у недавно отмелого берега, бьет исполинский бурун, пенясь и неистовым грохотом оглашая окрестности. И начальник экспедиции, и его друзья-алеуты внимательно наблюдают прибой в поисках места, где можно было бы с меньшим риском выброситься на берег. Им помогают в этом и эскимосы.

Первым в путь через бурун на маленькой байдарке отправляется Кашеваров и в промежутке между набегам волн достигает твердой земли. За ним следуют остальные четыре байдарки. Две из них застревают на мели, но набежавшая волна перебрасывает

их через это препятствие в устье ручья, где они оказываются в полной безопасности.

Но что делать с тяжело груженной, глубоко сидящей байдарой, на которой находятся 15 человек, продовольствие, оружие и порох?

«Можно себе представить чувства людей, оставшихся на байдаре,— писал Кашеваров.— Но и мне было не легко. Мысль потерпеть несчастье на первом, так сказать, шагу — тяготила меня. В жизнь мою много раз я встречался с морскими опасностями, но никогда не изгладится из моей памяти та минута, когда, стоя твердо на берегу и смотря на гибельное положение байдары, я обдумывал, как спасти ее; в то же время встречал я и взоры людей, обращенные ко мне с покорностью и упованием,— людей, находящихся между жизнью и смертью и вверенных моему попечению».

Каждая минута промедления грозила печальными последствиями. Волны становились все выше и выше, вершушки их все чаще перелетали через борт байдары, обдавая брызгами людей и грузы.

Кашеваров принял решение. Он жестами показал, чтобы путешественники направлялись к берегу. Когда байдара приблизилась, моряки бросили два конца. Люди, бывшие на берегу, ухватили их и стали быстро подтягивать байдару. Вдруг исполинская волна ударила ее и бросила на отмель. Несколько человек кинулись в воду, схватили суденышко за борт и потащили к берегу...

«...Гребцы, почти машинально, перешли на тот же борт,— писал Кашеваров,— таким дружным действием мы не дали байдаре перевалиться на морскую сторону. То был отчаянный момент. От него зависел успех благополучной пристачи байдары, так как отмель была довольно крута; на ней тяжело нагруженная байдара при стремительном отливе буруна могла опрокинуться, или следующий бурун мог на нее обрушиться со страшной силой».

Опасность осталась позади. И путешественники с облегчением смотрели, как с монотонным шумом разбиваются об отмель волны, как ветер играет льдинами, сталкивает их друг с другом и выбрасывает на берег.

Путешественники дарят листья табака эскимосам, которые помогли им в трудную минуту, и просят жителей привести из тундры своих детей и жен, где они страдают от дождя и ветра. Подарками и дружелюбием Кашеварову удается завоевать некоторое доверие, но настороженность местных жителей так и остается несломленной.

9 июля ветер, растеряв свою буйную силу, переменял направление. Льды стали отходить от берегов, бурун прекратился. Под вечер экспедиция уже находилась в пути. Все благоприятствовало плаванию.

Было тепло и тихо. Байдара под парусами, а байдарки на веслах уходили дальше на северо-восток. В 6 часов утра 10 июля достигли мыса Бофор и продолжали исследовательские работы до тех пор, пока снова не началось ненастье. Когда большая байдара

причалила к берегу, волны дважды оставили в ней гребни своих валов, и только находчивость и смелость путешественников помогли сохранить сухими продовольствие и вещи.

Кашеваров решил пробираться прибрежными озерами, но они изобиловали мелями, среди которых было трудно плыть даже на трехлючных байдарках, не говоря уже о большой байдаре. Приходилось часто перетаскивать суденышко через мели или снова выходить в море и с риском для жизни пробираться среди льдов.

В полдень 13 июля экспедиции повстречалось летнее поселение эскимосов, состоящее из 30 палаток. Все мужское население охотилось в тундре. Одарив женщин табаком, Кашеваров пытался их расспросить о состоянии льдов дальше к востоку, но ответы оказались очень противоречивыми. Полагаться на добытые сведения было невозможно.

В этот же день у мыса Ледяного экспедиция повстречала густой лед. Он был плотно прижат к припаю, на котором виднелись торосы высотой более четырех метров. Путь на восток оказался закрытым. Надо было ждать, пока южные ветры отгонят льды от берега. Кашеваров отправился по сухопутью, чтобы разведать обстановку за мысом Ледяным. Пройдя пять верст, он обнаружил, что льды дальше к востоку стоят на мелководье. Между ними и берегом остается канал чистой воды. Хотя глубина и ширина его недостаточны для плавания на большой байдаре, по нему без больших трудностей можно пройти на легких байдарках.

Кашеваров решает отправить обратно большую часть своих людей (15 человек), приказав им остановиться вблизи устья безымянной речки, расположенной на $69^{\circ} 25'$ с. ш., и заняться строительством зимовья на случай, если бриг «Полифем» не сможет прийти за экспедицией. Сам Кашеваров в сопровождении 12 спутников на пяти байдарках с месячным запасом продовольствия отправляется на северо-восток вдоль неизведанных берегов.

В ночь на 15 июля они оказываются в эскимосском поселении Каякишвигмют, расположенном на северной стороне мыса Ледяного. Многочисленные его жители встретили путешественников дружелюбно и охотно показали им разнообразную свою пляску, но из провизии ничего не продали. После толпа их, человек 40, проводжала экспедицию берегом версты две и с величайшим криком предупреждала остерегаться каклигмютов, жителей дальних мест.

Байдарки медленно продвигались вперед, с трудом отыскивая себе путь среди мелких и частых льдин. Затем густой туман снова выгоняет мореплавателей на берег, где они проводят половину суток.

Путешественники с нетерпением ждут улучшения погоды и, как только туман редет, снова спускают на воду свои суденышки. Их не страшит ни близость льда, ни раскаты грома. Они плывут, не выходя из байдарок почти четырнадцать часов.

Собственно, моряки останавливаются не потому, что они измучены до крайней степени непрерывной греблей. Просто им повстре-

чалось эскимосское селение, и они хотят познакомиться с его обитателями. Правда, их встречают весьма настороженно. Мужчины держат наготове луки со стрелами, а женщины тем временем вместе с детьми удирают в тундру. Но табак делает свое дело. Завидев подарки, мужья криком останавливают своих жен и детей. И все стремительно бегут навстречу пришельцам.

Едва моряки сходят на берег, как эскимосы обнимают их за плечи и приветствуют усердным потиранием носов и щек о носы и щеки моряков, дополняя ласку плотным ударом каждого рукою в спину.

Женщины преподносят морякам холодную воду. Мужчины показывают свою меткость в стрельбе из лука и рассказывают, между прочим, о том, что путешественники скоро вступят в пределы, где обитает племя каклигмютов, о воинственных нравах которых известно всем жителям северных берегов. Они всегда худо расстаются, предупреждают эскимосы Кашеварова.

Моряки торопятся. В 8 часов утра 16 июля они снова отправляются в путь. Через три часа они достигают мыса Тутагвик, что по-эскимосски означает место, необходимое в дороге. Занимаясь описью его берегов, путешественники встретились с большой группой эскимосов и роздали им табак, который они тут же стали курить. Курили мужчины, женщины и дети.

19 июля экспедиция достигает залива Перд. Путь дальше на восток и север закрывает мелкобитый лед. Он так густ и так прижат к берегу, что нет никакой возможности пробраться через него даже на легких байдарках. Кашеваров взбирается на самый высокий утес. Лды верстах в десяти становились более редкими, но берег был так избороджен рывтинами, что по нему невозможно было перенести байдарки. По приказу Кашеварова его помощник Малахов идет осматривать озера в тундре. Если они будут достаточно глубоки и направлены вдоль берега, экспедиция воспользуется ими для дальнейшего продвижения вперед. Но и Малахов не приносит утешительных вестей. Озера слишком мелки, а тундра совершенно раскисла и по ней невозможно перенести тяжело груженные байдарки.

Воспользовавшись вынужденной остановкой, Кашеваров посетил в окрестностях залива летнее поселение эскимосов. Житель Тукак рассказал, при этом показав на песке, что от мыса Барроу (Кибаллю) берег уклоняется к востоку и тянется прямой линией на один день езды байдарой, а потом чрезвычайными извилинами продолжается по тому же направлению до устья реки Большой.

Тукак предупредил Кашеварова, что люди чем далее, тем хуже; они на всех нападают. Он же поведал, что летом 1836 года с восточной стороны приезжали русские люди и вели торговлю. На память о своем посещении они оставили жителям листок из рукописного морского календаря, который составлялся в Новоархангельске.

Кашеваров вспомнил, что управляющий Александровским редутом Федор Колмаков рассказывал ему о том, что креол Лукин

в июле 1836 года от устья реки Хулитна совершил путешествие к северу, вышел к берегам Ледовитого моря, продал товары местным жителям и благополучно возвратился к своему поселению.

22 июля ветром отжало льды и путешественники направились к мысу Барроу, который они обошли утром следующего дня. Тщательно исследовали моряки неведомые пространства, заноса в свой журнал все, что могло представлять интерес не только для гидрографии, но и для географии в самом широком смысле этого слова.

Плавание проходило в очень трудных условиях. Необходимо было обладать исключительной ловкостью, находчивостью и мужеством, чтобы, плывя на утлой маленькой байдарке, пеленговать приметные места берегов и наносить их на карту с точностью, восхищавшей позднее многие поколения исследователей. Кашеваров не упускал из виду ни одной самой незначительной речки, ни одного самого маленького островка, мели или прибрежного озера. При этом надо иметь в виду, что во время работ путешественникам постоянно мешали льды, волнение, ветер и ненастная погода. Описные работы опирались на многочисленные астрономические пункты, которые Кашеваров систематически определял, как только позволяло состояние неба.

Снова и снова эскимосы предупреждают Кашеварова, чтобы он остерегался жителей дальних мест. Действительно, после того как позади остается мыс Барроу, путешественники больше не встречают прежнего доброжелательства. Не помогают ни табак, ни сердечное отношение. На подарки американцы отвечают попытками напасть на экспедицию, и только готовность к обороне останавливает их дерзость.

Мужественно и спокойно продолжает Кашеваров исследовать северные берега Русской Америки, ищет удобные бухты, осматривает тундру, где под небольшим слоем почв он находит твердый лед. Неожиданно встречаются мелкие грибы и целые заросли голубых фиалок, золотых полярных маков и белых ромашек. Виднеются следы оленей и волков. Кругом пустынно. Не слышно птиц. Одну лишь полярную сову удается вспугнуть путешественникам. В глубине материка синют большие и малые зеркальца многочисленных озер.

23 июля экспедиция открыла залив Прокофьева. К северу от него виднелась цепь низких и мелких островов, а за ними в океане возвышались ледяные горы. На следующий день на карту был положен большой мыс, названный именем Степового, под начальством которого Кашеваров прошел курс в училище флотских штурманов.

Чем дальше уходит горсточка путешественников на восток, тем более осложняется обстановка. Их почти непрерывно на больших байдарках преследуют люди, не скрывающие своего намерения засыпать их стрелами. Едва они заканчивают опись вновь открытого мыса Врангеля, как возле лагеря пристают три байдары каклигмютов. Они продают Кашеварову несколько крупных рыб и

рассказывают, что дальше берег изрезан многочисленными заливами и тянется в восточном направлении.

Кажется, пока ничего не предвещает опасности. Но это лишь перемирие. К вечеру местные жители окружают палатки моряков и всю ночь не отходят от них. С беспокойством наблюдают часовые, как число американцев все возрастает и все определеннее они показывают свое намерение расправиться с пришельцами.

В то время как Кашеваров с помощью своего переводчика Утуктака пытается объяснить мирность своих намерений, несколько мальчишек пробираются в его палатку и выкрадывают журнал экспедиции, хронометр и термометр. Эти вещи ему дороже всех сокровищ, и он готов предпринять решительные меры, чтобы вернуть журнал и инструменты экспедиции. И хотя все, что было украдено, вскоре возвратили Кашеварову, настроение жителей не стало более миролюбивым. Путешественники замечают, что многие из них приготовили ножи. Жители уговаривали Утуктака оставить экспедицию, объявив ему прямо, что скоро много людей соберется на мыс Барроу, и там в числе 20 байдар они нападут на моряков непременно.

Только утром 25 июля каклигмюты оставили путешественников в покое. Но после полудня они появились снова. На этот раз только мужчины. Каждый был вооружен луком и ножом. Американцы потребовали табаку. Кашеваров дал каждому по листу. Но этого показалось им мало. Они вымогали новые подарки, снова уговаривали Утуктака покинуть моряков, не скрывая, что намерены в скором времени перебить путешественников и завладеть вещами экспедиции.

«Наше ласковое обращение не располагало их к дружелюбию,— писал Кашеваров.— Положение экспедиции сделалось более чем сомнительно...» Алеуты убеждали начальника, что им, измученным многодневным переходом на байдарках, вряд ли удастся отбить нападение сорока крепких и сильных эскимосов, которые снова собрались вблизи их палаток.

Кашеваров со своими спутниками покидает беспокойное пристанище. Но каклигмюты гонятся за ними. Когда байдарки путешественников проходят мимо селения, они видят подозрительную суматоху. Жители снимают палатки, грузят байдары. Группа каклигмютов, завидев моряков, гонится за ними по берегу, держа в руках маленькие байдарки.

Кашеваров уходит в море к западо-северо-западу, надеясь скрыться от эскимосов, плывущих за ними по пятам на тяжелых байдарках. Густой туман неожиданно скрывает его от преследователей. Вскоре он проходит мимо небольшого песчаного островка, к которому хочет пристать, чтобы переждать сильное волнение. Но на его берега уже высадились каклигмюты. И Кашеварову приходится снова уходить в открытое море.

Несколько часов плывут они на восток и снова убеждаются в невозможности пристать к берегу, где их с нетерпением ждут

готовые к нападению каклигмюты. У путешественников в конце концов не остается другого выбора, как повернуть обратно.

«С неизъяснимо прискорбным чувством,— писал Кашеваров,— которое не изгладится во мне во всю жизнь мою, я приказал грести к мысу Барроу, располагая по компасу и волнению курсом. Необходимость принужден я был избежать явной, а может быть, и общей гибели людей вверенной мне экспедиции».

Путешественники повернули назад, когда лишь недельный переход отделял их от устья реки Маккензи. Еще одно усилие — и исследование северных берегов Русской Америки было бы закончено. Моряки на обратном пути тщательно проверили правильность выполнения ими описи.

4 августа отряд достиг речки, в устье которой находились байдары с пятнадцатью членами экспедиции. За время отсутствия Кашеварова они выстроили на случай зимовки избу и запаслись продовольствием.

Через два дня экспедиция направилась к мысу Лисбурн и затем занялась промером прибрежных вод. Вскоре путешественники узнали от эскимосов, что в заливе Коцебу, у острова Шамиссо, находится русское судно. Кашеваров немедленно направился на его поиски, но «Полифема» не застал... Он нашел только следы недавнего пребывания корабля. Много дней прошло в томительном ожидании. Всех волновал вопрос: придет ли за ними «Полифем» или экспедиции придется зимовать на утробном берегу Северного Ледовитого океана? Наконец 5 сентября на горизонте появился корабль. На следующий день экспедиция перебралась на его борт.

Работы А. Ф. Кашеварова на севере Аляски были закончены. Путешественник и его помощники тщательно исследовали и картировали северное побережье Русской Америки от мыса Лисбурн до мыса Врангеля. Обследованный русскими моряками берег на север от мыса Барроу называли берегом Меншикова. На основе работ 1838 года А. Ф. Кашеваров составил гидрографические карты, которые вошли в несколько русских атласов. Итоги трудов экспедиции высоко оценили современники, отмечавшие, что ее деятельность «ознаменована сколько усердием, столько и отважностью исполнения».

Через 31 год после окончания экспедиции в «Записках русского географического общества» за 1879 год был опубликован «Журнал, веденный при байдарной экспедиции, назначенной для описи Северного берега Америки». Он дает представление о том, какой большой круг вопросов интересовал Кашеварова. В журнале содержатся астрономические определения, систематические данные о температуре воздуха в определенные сроки, направлении ветра, температуре воды океана, особенностях атмосферных явлений. Кашеваров подробно описывает встреченные речки, озера, характер берегов, горные породы, их слагающие, глубины и грунты моря, состояние и характер льдов, почву тундры и находящуюся

под ней вечную мерзлоту. Он интересуется прибрежными горами, растениями, распространением леса в местах, расположенных к югу от исследуемого побережья, количеством оленей, бобров, эскимосскими селениями и их жителями.

«Сопутник наш дикарь Утуктак,— пишет Кашеваров,— проводя все время с туземцами и, по желанию моему, выведывая от них об их обычаях, поверьях, образе жизни и о прочем, касающемся быта здешних жителей, как каклигмютов, так и силалинагмютов, объявил мне, что у них все то же, что у прибрежных жителей залива Нортон и зунда Коцебу. Главнейшее пропитание жителей составляет промысел оленей, которых здесь изобильно, в особенности летом, когда бывают жаркие дни; тогда олени, беспокоаиваемые на тундре множеством комаров, бегут большими табунами к берегу искать прохлады. Оленей бьют стрелами, пущенными из лука, или стараются загнать оленей в озеро, в котором, подъезжая к ним в легких байдарках, колют копьями. Зимой во время глубоких снегов, роят в снегу волчьей яму, в которой упавший олень делает-ся верной добычей охотников».

Этнографические заметки Кашеварова не утратили своего значения до нашего времени и высоко ценятся советскими учеными.

В 1843 году Кашеварова вызвали в Петербург и определили на службу в Гидрографический департамент морского министерства. Его первой заботой было издание «Генеральной карты», которая отражала результаты его работы на северном побережье Русской Америки. Одновременно ему было поручено составить «Атлас Восточного океана». А. Ф. Кашеваров ревностно взялся за порученное дело. Атлас, по его словам, составлялся «не по одной какой-либо съемке, но по всем исследованиям этих морей и берегов, старинным и новым, русским и иностранным, с тщательным просмотром всех этих источников».

Кроме сборного листа Атлас включал шестнадцать карт, посвященных отдельным районам северной части Тихого океана, Берингова моря и Северного Ледовитого океана, наиболее важным проливам и входам в Петропавловский и Новоархангельский порты.

Едва Кашеваров довел до конца работу над Атласом, как его назначили начальником Аянского порта. Он участвовал в обороне Аяна от англо-французской эскадры, нападение которой было успешно отбито русскими моряками.

Всю свою жизнь, которая оборвалась 26 сентября 1866 года, Александр Филиппович Кашеваров отдал служению России, науке и флоту. Он оставил богатое литературное наследство, в котором глубоко затронул многие проблемы отечественной географии.

Кроме дневников, записок и журналов Североамериканской экспедиции, его перу принадлежат оригинальные работы по истории отечественного мореплавания в северной части Тихого океана и русских поселений в Америке. Существовал талантливо и чрезвычайно интересно написанный дневник, отрывки из которого были

напечатаны в «Санкт-Петербургских ведомостях» в конце 1845 года. Этот замечательный документ бесследно исчез, как исчезло и дело экспедиции, которое хранилось в архиве Морского министерства. Известны фонд, номер так называемой единицы хранения, но документов нет и никто не может объяснить, куда же они девались.

Однако вернемся к Крузенштерну, одному из инициаторов этого путешествия. Когда вести о делах экспедиции Кашеварова дошли до столицы, Россия отмечала 50-летие флотской службы своего первого кругосветного мореплавателя. Его пришли поздравить и ученики, и убежденные седины матросы — участники первого кругосветного плавания, порой прошагавшие много верст, чтобы снова стать под флаг своего адмирала.

Ученые и моряки подводили итоги полувековой его деятельности во имя флота и науки. Самое большое удовольствие ему доставил его друг, академик Карл Максимович Бэр. Он не сравнивал его с Куком или Лаперузом. Нет, он соединил его имя с подвигами простого русского народа, прошедшего великие пространства льда и океана и обогатившего науку блестящими открытиями на северо-востоке Сибири и в Северной Америке.

Много говорили о его кругосветном странствии, и никто не вспомнил о том, что 30 лет своей жизни он отдал разгадке самой главной географической тайны XIX столетия. Он был своего рода главой научного центра по вопросам исследования Северо-Западного прохода. В течение двух десятилетий он переписывался с Джоном Барроу, обсуждая проблемы открытия сообщения между двумя океанами. Джон Барроу много раз благодарит Крузенштерна за добрые советы и за предоставление материалов об исследовании восточной части таинственного прохода, которые, по признанию английского ученого, «способствовали осуществлению открытий».

Перед тем как в 1829 году отправиться в плавание по западной части загадочного пути, Джон Росс обратился за «могущественной помощью» к Крузенштерну. Одно из судов экспедиции Росса было названо «Крузенштерн». Возвратясь из плавания, английский путешественник сообщил, что ему было очень приятно назвать одно из исследованных мест именем Крузенштерна и тем самым воздать должное его «выдающемуся положению в научном мире». Сохранилось несколько писем Франклина, свидетельствующих о тесных связях двух мореходов. Франклин, как и Росс, приезжал в Петербург вместе с леди Эжени Франклин, чтобы встретиться с великим русским мореплавателем. Они провели несколько дней в душевных беседах.

Крузенштерну писали и Бичи, и Бофорт, и Бурней, словом, почти все английские полярные исследователи.

Ни один мореход первой половины XIX века не может быть по-

ставлен вровень с ним. Дело не только в том, что он первым из русских морских офицеров обошел вокруг света. Его знаниями, широтой его взглядов, многолетними капитальными трудами по гидрографии морей всего мира, его «Атласом Южного океана» и описанием к нему, его работами о полярных странах восхищался весь мир. Он одним из первых подверг сомнению утверждение Кука о недостижимости Южного материка и не только был одним из инициаторов Первой русской антарктической экспедиции, но и предпринял еще две попытки организовать русские путешествия к Южному полюсу. Он первым в новом веке выступил против утверждений прежних английских полярных исследователей, которые отрицали существование Северо-Западного прохода, и предпринял первые шаги к отысканию истины.

Его вера, инициатива, его беспокойная мысль вызвали у мореходов горячее стремление разведать Северо-Западный путь. И если взглянуть на сегодняшнюю карту севера Америки, можно без труда найти на ней имена Крузенштерна и Румянцева. Это справедливое свидетельство их заслуг перед наукой и человечеством.

Находки, которые открывают тайны

Проекты, как и рукописи, не горят. Рано или поздно они осуществятся...

Если А. Ф. Кашеваров в основных чертах осуществил проекты целой плеяды деятелей русского флота об исследовании северного побережья Русской Америки, то экспедиция Руфа Серебренникова положила на карту реку Медную.

Черный Волк бродил в поисках добычи. Была осень, и лес стоял в золотом наряде. Но листва еще была густая, и сквозь нее с трудом пробивались солнечные лучи. В тени, под деревьями, они казались осязаемыми, и Черному Волку порой хотелось потрогать их рукой. Он думал о том, что ему надо добыть мяса для своей молодой жены и маленького сына, которых он оставил в вигваме у Красной скалы.

В величавом ропоте леса индеец уловил тихое редкое пощелкивание. Где-то поблизости была белка. Черный Волк вскоре разыскал ее. Она сидела на вершине сосны и, подставив мордочку лучам солнца, выбирала семечки из еловой шишки. Черный Волк выпустил стрелу из лука, и серый зверек камнем полетел вниз. Подбежав к месту падения, индеец раздвинул кусты. Белка судорожно перебирала лапами, разрывая опавшую листву.

Когда зверек затих, Черный Волк наклонился, чтобы взять его,

и увидел под листьями странный для леса предмет... То была кожаная сумка. Черный Волк видел ее раньше. Это было два года назад. Он вместе со своим отцом ловил рыбу в Плавежном озере. Однажды они увидели, как по Зеленой горе к ним спускаются люди. Отец испугался, думая, что это идут американцы, нередко убивавшие всех на своем пути. Но то оказались русские. Они были голодные, измождены и в девятером съели целого оленя. Это были щедрые люди. Они дали отцу табак и столько бисеру, что его хватило бы для сотни самых красивых девушек. В тот день отец сказал Черному Волку, что он разрешает ему жениться — ему будет чем украсить свою невесту. Черный Волк вызвался проводить русских до Медной реки. Он ехал в одной байдарке с русским начальником. У начальника была кожаная сумка. Он вынимал из нее бумаги, что-то писал и снова прятал. Когда на перекатах байдарку заливало волной, начальник заботился о том, чтобы не замочить и не потерять сумку... Было видно, что он очень дорожит ею.

И вот теперь эта сумка лежит перед Черным Волком. Неужели его Русский друг потерял ее?

С этого дня индеец со своим вигвамом с каждым днем продвигался все дальше к юго-востоку. Он направлялся к берегу Тихого океана, где жили русские. Черный Волк хотел вернуть сумку своему Русскому другу...

В один из зимних дней индеец увидел деревянные стены Новоархангельска, над которыми возвышались сторожевые башни. За стенами виднелись деревянные строения. Над многими из них вились клубы белого дыма. Спустя пять минут индеец был в магазине Русско-Американской компании. Он выгодно продал меха, затем нерешительно спросил, не может ли он увидеть Русского друга, чтобы вернуть ему кожаную сумку.

Расспросив индейца, приказчики поняли, что речь идет о Руфе Серебренникове, бесследно исчезнувшем вместе с одиннадцатью спутниками в дебрях Русской Америки, как тогда называли Аляску.

Черного Волка повели к главному начальнику русских владений в Америке. Он долго и пытливо расспрашивал индейца о встречах с Русским другом, о том, как он нашел его сумку и добирался с нею до Новоархангельска. Восхищенный благородным поступком индейца, управляющий подарил ему ружье, отрез красной материи и бусы для жены.

В то время как Черный Волк шел к своему вигваму, управляющий читал принесенные им в кожаной сумке бумаги. Тут были тетрадь с астрономическими вычислениями, дневник Руфа Серебренникова и составленная в карандаше карта. Время и непогода смыли часть записей, многие листки дневника были утеряны, но и то, что уцелело, представляло собой страницы повести об удивительной отваге, героизме и мужестве небольшого отряда русских путешественников...

В 1847 году управляющий Русской Америкой поручил молодому моряку Руфу Серебренникову обследовать реку Медную, ко-

торую тщетно пытались описать несколько русских исследователей. Многие за эти попытки расплатились своей жизнью. Тайну их гибели ревниво оберегали лесные дебри.

14 августа 1847 года Руф Серебренников вместе со спутниками увидел устье Медной реки. Как только стемнело, на ухвате, приделанном к носу байдары, путешественники развели костер.

Было замечательно плыть на байдаре темной ночью, смотреть, как пламя костра вырывает из темноты берега реки, слышать, как с шипением падают в воду раскаленные угли, и чувствовать приятную, мягкую теплоту последних летних ночей, за которыми приходит осень с дождями и холодными туманами.

Руф Серебренников смотрел в темноту и вспоминал о том, как он, сын алеутки и русского охотника-промысловика, плыл на большом корабле через три океана из Новоархангельска в Петербург. Еще совсем недавно он, обучавшийся в Училище торгового мореходства, бродил по гранитным набережным северной столицы. Ему нравился этот красивый город, но душа его стремилась к лесам и рекам Русской Америки, где он родился и провел детство. И вот Руф снова на родине...

Около полуночи встретился первый перекат. Вода на нем громко шумела и, падая через камни, пенилась. С трудом отыскивали проход, и, когда переправлялись по нему через перекат, Серебренникову стало немножко жутко и от этого шума, и от быстрого течения, и от мрачного берега, и от темной воды в омуте, который виднелся слева. Но ощущение это быстро сменилось другим.

Руф Серебренников знал, что его ждут не только перекаты. Каждую минуту из темноты на байдару мог обрушиться град пуль... Но в тишине лишь слышно было, как впереди и у берегов играет рыба; как с мягким звоном стекают капли с весла, которым рулевой упирается в песчаное дно, и тихо журчит вода под днищем; как потрескивают дрова и, упав в воду, шипят горячие угли.

Долго не спал в эту теплую звездную ночь Руф Серебренников. Он обещал привезти карту Медной реки и не обманет надежд управляющего Русской Америкой. Он исследует реку от истоков и привезет ее точную и достоверную карту в Новоархангельск.

Проснувшись утром, Серебренников увидел, что погода испортилась. Тяжелые темно-серые облака бежали по небу. Изредка выглядывало солнце, освещая пожелтевший лес и мутные, стремительные воды Медной. Путешественники неумоимо работали веслами. Байдары медленно подавались вперед. Выбившись из сил, Серебренников и его спутники остановились на отдых. Затем потащили свои суденышки бечевой. Река местами вышла из берегов и разлилась на необозримое пространство. Путешественникам пришлось продвигаться вперед по пояс в ледяной воде. К полудню тучи плотно закрыли небо. Полил дождь. Люди дрожали от холода. На них не было ни одной сухой нитки.

Заросли на берегах были так густы, что путь среди кустарников приходилось прокладывать топором. При выходе из дельты в ос-

новное русло Медной реки повстречались мели. Переправляясь через них, путешественники сильно повредили байдары.

Одно испытание за другим вставало на пути Серебренникова. Он не раскаивался и не думал о том, что его ждут еще большие трудности. Его руки и мысли были заняты Медной рекой. Он тщательно обследовал ее причудливые изгибы, колена, рукава, мели. Однажды, когда Руф наносил на карту один из поворотов реки, его ладья чиркнула дном о камень, и путешественник к своему ужасу увидел, что утлое суденышко наполняется водой. Серебренников стал изо всех сил грести к берегу. Когда он добрался до твердой земли, байдара наполнилась водой и погрузилась на дно. Находившиеся в ней вещи большей частью всплыли и, подхваченные стремительным течением, понеслись вниз по реке. Многие погибли. Сильно пострадали запасы продовольствия. Призрак голода, погубивший многие полярные экспедиции, встал перед Руфом Серебренниковым и его товарищами.

То шагая по колено в воде, то врубаясь топорами в заросли кустарника, то усиленно работая веслами, продвигались они все глубже и глубже в дебри Русской Америки. В начале сентября путешественники добрались до одинокой хижины, где обитало несколько русских промысленников и местных жителей.

Серебренникову не терпелось двинуться дальше на северо-восток. Он хотел этой осенью или в крайнем случае зимой покончить с исследованием Медной реки и вернуться в Новоархангельск, где ждали его карты.

Местные жители пришли в ужас. Идти зимой в глубь страны через снега, по реке, покрытой не замерзающими в самые жестокие морозы полыньями, значило обречь себя на неминуемую смерть. Индейцы утверждали в один голос, что никто в снежной пустыне не придет на помощь путешественникам и никто не даст куска мяса или рыбы ни за табак, ни за бисер. Жители этих мест зимой сами страдали от бескормицы.

Руфу Серебренникову пришлось зазимовать. Началась однообразная жизнь, когда один день походил на другой, как две капли воды. Иногда налетали ураганные юго-восточные ветры. Они приносили струи теплого воздуха с просторов Тихого океана. Начинались снегопады, сменявшиеся иногда дождями. Лес по берегам реки одевался в сказочный наряд. Белый-белый, он тянулся на десятки верст и, когда пробивалось солнце, искрился снежинками и сверкал хрусталиками льда, чудесно унизавшего ветви деревьев.

В марте почувствовалось приближение весны. Снег на высоком берегу Медной реки становился день ото дня желтее, ноздреватее. Под навьюженными карнизами, на припеке, он был влажный, и при желании можно было лепить снежных баб, как когда-то в детстве. Наст, очень твердый утром, в полдень уже не держал. Под снегом появилась вода.

Серебренников с нетерпением ожидал весны. В конце марта потеплело. Небо нахмурилось, и пошел дождь. Он лил как из

ведра два дня и две ночи. На третий день на льду Медной реки появились большие лужи. Вскоре прилетели первые утки, за ними гуси. По скалистым обрывам гулко бежали ручьи. Вода в реке заметно прибывала. Вынырнули закраины. Лед взломало, и более недели он густо шел по реке. Почти все время Серебренников готовился к новому плаванию. Руф вставал рано утром и выходил на улицу. Он любил теплый влажный воздух весны и глубокую тишину, которую нарушает лишь пение птиц в лесу, шум воды в ручьях и перезвон мелких льдинок в реке...

16 мая 1848 года Серебренников покинул хижину промышленников, в которой он провел долгую зиму. Экспедиция продолжала путь в одной байдаре. Кроме помощников и проводников в ней помещался небольшой запас продовольствия. Серебренников взял с собой только четыре пуда сухарей, сто сушеных рыб и четырех диких баранов, надеясь в пути добыть себе пропитание.

День за днем маленькая экспедиция поднималась вверх по реке. Миновали несколько поселений. Жители дружелюбно встречали путешественников и угощали кореньями и заплесневелыми рыбными костями. Одарив индейцев табаком, путники двигались дальше.

Теплые солнечные дни неожиданно сменились плохой погодой. Похолодало. Временами шел снег, но чаще накрапывал мелкий дождь.

Снова встретились селения. Они были пусты. Вблизи одного из них в лесу Серебренников увидел слепого старика и женщину с тремя маленькими детьми. Оказывается, индейцы приняли исследователей за американцев, которых очень боялись, и убежали из своих домов под защиту леса. Руф сказал, что он друг, достал из кожаной сумки полфунта табаку и разделил поровну между стариком и женщиной.

И снова экспедиция продолжала путь. Кончилось баранье мясо. Питались одной рыбой. Руф выдавал каждому по одной вяленой юколе. Вскоре и эту скудную порцию пришлось урезать наполювину. Затем порвалась на камне байдарка. Пришлось остановиться для починки.

24 мая экспедиция достигла реки Тлышитны. Трех своих товарищей Серебренников оставил стеречь байдару, а сам с восемью спутниками направился по берегу Тлышитны, которая вытекала из озера Плавежного. Продовольствие кончалось. У путешественников осталось по одной юколе и по фунту сухарей на человека, больше ничего не было. С этим не слишком обременительным запасом Руф Серебренников и его спутники двинулись в путь. Шли они пешком, с трудом прорубая густые заросли кустарника.

В первый день подстрелили двух белок и зайца. Эта скудная добыча не утолила голода девяти путешественников. Следующий день был еще менее удачен. Едва покинули место ночного привала, как из лесной чащи появились два оленя. Раздались выстрелы, но ни одна пуля не задела животных. Больше не встретилось ни бе-

лок, ни зайцев, ни птиц. Пришлось довольствоваться кореньями растений, выкопанными из земли. Теперь не было ни крошки хлеба, ни куска рыбы. Все было съедено. Встретилось несколько озер. Почва вблизи них была болотистая, пропитанная водой. Здесь даже невозможно было найти кореньев, которые годились бы в пищу. Голодные, преследуемые тучами мошкар, шли путешественники вперед.

В эти страшные дни Руф Серебренников проявил исключительную твердость и настойчивость. Ни голод, ни ежеминутное ожидание нападения со стороны американцев, ни усталость не сломили воли и духа смелого исследователя. Чем больше на его долю выпадало испытаний, тем сильнее было его стремление совершить невозможное и составить карту Медной реки. В действиях Серебренникова не было ни тени колебаний. Оказавшись в заболоченных местах, он днем и ночью вел свой отряд вперед, отыскивая место, где можно было бы добыть дрова для костра и накормить доверившихся ему людей хотя бы кореньями трав. Казалось, что вот-вот обессиленная многодневными переходами экспедиция должна погибнуть. Но в это время счастье улыбнулось путешественникам. Они выбрались из болот и спустя несколько часов увидели перед собой людей. Это были индейцы с реки Медной. Они везли с собой несколько убитых диких оленей и охотно угостили путешественников свежим мясом. После небольшого отдыха отряд продолжал свой трудный путь.

На пути Серебренникова и его товарищей было новое препятствие — гора. Долго они карабкались по ее каменистым склонам. Чтобы сохранить остатки сил, люди ложились на землю и отдыхали несколько минут, возобновляя затем восхождение. Наконец Серебренников добрался до вершины. Оттуда он увидел голубые воды Плавежного озера. Оно лежало как на ладони. На севере за озером начиналась тундра, на юго-восток поднимались величавые горы, сверкавшие на солнце ледяными куполами, на юге виднелся лес, расцвеченный весенней зеленью. А совсем рядом, у подножия горы, искрилась серебряная ниточка Тлышитны. К ее истокам и направлялись русские путешественники.

Еще издали Руф увидел на берегу озера дым вигвама. Индейцы сначала испугались непрошенных пришельцев, но, увидев, что неизвестные люди худы, как призраки, и едва держатся на ногах, успокоились. Путешественники хотели одного — есть. Они просили продать им оленя. Сделка состоялась за пятидесятиметровую нитку бисера. А в знак дружбы и уважения к своим спасителям Руф Серебренников подарил им несколько фунтов табаку.

Индейцы, у которых путешественники купили оленя, были удивлены щедростью пришлых людей. Они никогда в жизни не имели столько бисера и табаку. Не менее они были удивлены аппетитом странствователей. Путешественники в один присест съели оленя. Желая накормить пришельцев, туземцы принесли им сушеного мяса и сырой рыбы.

Среди индейцев находился юный Черный Волк. Ему особенно понравился старший русский начальник. Это был молодой, стройный мужчина. Он был более сдержан в еде, чем его товарищи. Начальник съел только один кусок жареной оленины. В то время как остальные предавались пиршеству, он достал бумаги из кожаной сумы и что-то долго записывал, затем развернул огромный лист и стал рисовать на нем замысловатые линии. Это была карта Медной реки и ее притока Тлышитны. Индеец не предполагал, что спустя много месяцев найдет эту кожаную суму и бумаги в месте, весьма далеком от Плавежного озера...

Отдохнув, путешественники с помощью туземцев построили байдару, в течение двух дней они обследовали озеро и затем отправились вниз по Тлышитне к Медной реке. Черный Волк вызвался провести их через перекаты и пороги. Плавание по реке оказалось сущим раем для Серебренникова. Не надо было ни грести, ни тащить суденышко бечевой, ни думать о том, где бы добыть пропитание. Байдара быстро скользила по течению. В ней был солидный запас продовольствия. Заботиться надо было только о том, чтобы не перевернуться вверх дном на перекатах или не распороть кожаное дно байдары на острых камнях.

6 июня 1848 года прибыли к устью Тлышитны. Теперь Руфу Серебренникову и его спутникам предстояло проникнуть в верховья Медной реки, куда иногда заходили американцы, о которых со страхом рассказывали индейцы с низовьев Медной реки. Отряд из двенадцати человек двинулся на север. Черный Волк, расставаясь со своими щедрыми приятелями, осуждающе покачал головой. Он боялся, что враги истребят путешественников. Но Серебренникову некогда было раздумывать над этими опасениями. Он обещал составить карту Медной реки, и он должен сдержать свое слово.

И снова странствователи, преследуемые тучами мошкеры и гнуса, прорубаются сквозь лесные заросли, перебираются через пороги, пересекают болота. Запасы провизии быстро тают. Опять приходится питаться мясом случайно подстреленных зверей или кореньями трав. С каждым их шагом вперед на карте появляются новые участки Медной реки. Для Руфа Серебренникова нет ничего дороже этой карты. Она добыта ценою героических усилий горсточки путешественников, ценою бессонных ночей, ценою голода. Он думает только о том, как совершеннее и точнее ее составить. Пройдено более сотни верст от устья Тлышитны. Уже Медная так мелка, что по ней невозможно плыть на самой маленькой байдарке. Еще несколько усилий, и Руф Серебренников увидит ее истоки. И в эти дни, когда маленькая экспедиция находится почти у самой цели, американцы устраивают засаду. Русские путешественники гибнут под их пулями. Ни одному из них не удастся спастись, никто не сможет рассказать об их подвиге, о том, сколько врагов убил Руф Серебренников, защищая драгоценную карту, что хранилась в кожаной сумке.

Смертельно раненный, он спрятал ее в лесных зарослях. Самоотверженный исследователь Севера умер в нескольких шагах от нее. Он и мертвый оберегал стоившую ему жизни карту. Так и лежала кожаная сумка Руфа Серебренникова, пока ее не нашел его друг индеец Черный Волк.

В те же годы еще более страшная трагедия разыгралась в приатлантической части Северо-Западного прохода.

Вот как это случилось.

Корабли «Террор» и «Эребус» медленно удалялись.

Джейн Франклин еще несколько мгновений видела лицо своего мужа. Он улыбался, словно корабли шли не в полярные льды, а на прогулку по Темзе. Джейн знала, что Джон счастлив. Заветное желание его сбылось. Он возглавлял арктическую экспедицию. На его кораблях было 136 моряков. Это были люди дерзкой мечты. Они стремились открыть морской путь из Атлантического океана в Тихий вдоль восточных берегов Канады и Аляски.

Провожая взглядом корабли, Джейн Франклин испытывала смешанное чувство. Она гордилась своим мужем. Как долго и решительно добивался Джон своего назначения начальником экспедиции! Его отговаривали, но он не унимался. Адмиралтейство не устояло под натиском Франклина и поручило ему возглавлять поход двух кораблей для поисков Северо-Западного морского пути. Джон уверял, что это последнее плавание. Он уже трижды побывал в краю ледяного безмолвия.

Джейн Франклин, словно свою собственную жизнь, знала каждый день этих трудных путешествий мужа и очень боялась, что на его долю выпадут новые лишения... Тоска болью сжимала ее сердце при мысли о том, что на многие дни и месяцы между нею и мужем ляжет неизвестность и никто не принесет от него теплой вести, пока «Эребус» и «Террор» не вернуться в устье Темзы.

Солнечный майский день 1845 года, когда корабли экспедиции Франклина покидали Темзу, навсегда запомнился Джейн. С него началась в ее жизни полоса тревог, надежд и горя. В сентябре Джейн Франклин получила письмо от мужа. Он послал его с судном, сопровождавшим их до западных берегов Гренландии.

Джон Франклин был полон светлой веры в счастливый исход своего путешествия. Он просил жену не беспокоиться о нем и не волноваться. Странствователи надеялись летом будущего года послать о себе вести с берегов Камчатки. Две недели спустя капитан одного китобойного судна видел корабли Джона Франклина на 74° 40' северной широты, 68° 13' западной долготы. Путешественники ждали, когда льды разреятся и пропустят их дальше к северу.

Затем наступило молчание. Прошли лето и осень 1846 года, а корабли Франклина не возвращались. По-видимому, они остались на вторую зимовку в Арктике. Наступила навигация 1847 го-

да, а корабли Франклина «Эребус» и «Террор» опять не появились с победной вестью. Всем было известно, что экспедиция Джона Франклина рассчитана на три года, и сначала относились спокойно к отсутствию известий. Но по мере того, как проходил год за годом, тревога за судьбу путешественников возрастала. Больше всех волновалась Джейн Франклин. Она понимала, что экспедиция в опасности.

Одна за другой стали снаряжаться английские спасательные экспедиции. Первые три из них вышли в 1848 году. Они возвратились, не только не обнаружив следов Франклина, но и не получив сведений от эскимосов о плавании его Северо-Западным проходом. Вопрос спасения бесследно исчезнувших путешественников стал предметом обсуждения в английской палате общин. Судьба 137 полярников волновала научную общественность всего мира. Английское адмиралтейство решило послать на поиски еще шесть кораблей. Двум из них предстояло искать экспедицию со стороны Берингова пролива. В декабре 1849 года министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон обратился через русского посланника в Лондоне с просьбой к правительству России, чтобы Российско-Американская компания, ведавшая Аляской, оказала «содействие к успешному достижению цели Великобританского правительства» и приютила тех «злополучных моряков» экспедиции Франклина, которым удалось достигнуть русских владений в Америке.

Россия внимательно и дружелюбно отнеслась к просьбе английского правительства. Главное правление Российско-Американской компании немедленно дало следующее указание главному правителю русских владений в Америке:

«1) употребить всевозможное старание к собиранию сведений о погибших судах и людях, какие могут доставить туземцы, обитающие в окрестных странах, и не носят ли о том какие-либо слухи между дальними дикими племенами, обитающими около Берингова пролива;

2) приготовить несколько байдарок при надежных опытных алеутах для передачи оных в полное распоряжение начальника английской экспедиции, если она прибудет в Ситху...»

Российско-Американская компания приглашала «всех и каждого» приложить старание к отысканию следов как экипажей, так и самих судов экспедиции Франклина. Было обещано, что «тот, кто кого-либо из тех людей в безопасности доставит к ближайшему компанейскому селению, будет достойно награжден».

22 октября 1850 года в Новоархангельск прибыл английский военный шлюп «Предприятие» под командой Коллинсона. Ему был оказан радушный прием. Русские моряки предложили английской поисковой экспедиции для предстоящих работ девять байдар с «достаточным числом алеутов».

Прежде чем отправиться на «зимовку» в Гонконг, Коллинсон оставил в Новоархангельске лейтенанта Борнарда, дав задание

проверить ходившие среди эскимосов слухи о том, что у северных берегов Аляски разбились два неизвестных судна. Было условлено, что весной 1851 года шлюп «Предприятие» зайдет в залив Михайловский Редут, где его будут ожидать лейтенант Борнард и байдарки с алеутами. Русские моряки сдержали свое обещание. Летом 1851 года Коллинсон начал поиски экспедиции Франклина, продолжавшиеся три года. Несмотря на героические усилия, ему так и не удалось проникнуть в тайну бесследного исчезновения Джона Франклина и его спутников.

Спасательные суда продолжали уходить в Арктику. В течение 7 лет 19 экспедиций обследовали Северо-Западный путь со стороны Берингова пролива и со стороны пролива между Гренландией и Америкой. На них было истрачено около 10 миллионов рублей. Потеряно было во льдах 8 кораблей. Но все понапрасну. Ни одному полярному мореплавателю не сопутствовала удача.

Передовая общественность Англии требовала снаряжения новых экспедиций, но правительство отвечало решительным отказом. Руководители Морского ведомства вдруг задним числом стали сожалеть о том, что пошли на риск посылки экспедиции Франклина «ради такого незначительного открытия, как открытие так называемого Северо-Западного прохода».

Между тем судьба Джона Франклина и его спутников по-прежнему окружала тайна.

Джейн Франклин не хотела мириться с неизвестностью. Она надеялась, что, быть может, ее муж, корабли которого, наверное, потерпели крушение, нашел приют среди эскимосов Канадского Арктического архипелага и живет там со своими спутниками в ожидании помощи. Джейн Франклин собрала небольшую сумму по подписке. Ее было недостаточно для снаряжения экспедиции. Тогда мужественная женщина продала собственное имущество и выручила недостающую сумму. 1 июля 1856 года купленная ею шхуна «Фокс» покинула порт Абердин в Шотландии. Ею командовал опытный полярный путешественник Мак-Клинтон. Он участвовал в нескольких спасательных экспедициях, пройдя только пешком около 3 тысяч километров. Через 12 дней Мак-Клинтон обогнул южную оконечность Гренландии и стал подниматься на север вдоль западных ее берегов.

Мак-Клинтон спешил проникнуть возможно дальше на север, ближе к просторам Северного Ледовитого океана. Но вскоре лед — этот извечный враг полярных мореплавателей — преградил дорогу «Фоксу». Лыдины со всех сторон окружили корабль. Он не мог ни продвинуться вперед, ни вернуться назад. Ни ветер, ни сила машин и парусов не могли разбить ледяные оковы. Лед увлекал беспомощный корабль к югу. 220 дней путешественники находились во власти ветров и течений. Совсем рядом грохотали, ломаясь и налезая друг на друга, ледяные поля. Они грозили раздавить небольшой корабль.

Наконец 26 марта 1857 года корабль получил свободу. Бес-

цельно был потерян драгоценный год. Приходилось все начинать сызнова.

Казалось, что суровая природа стремилась воздвигнуть на пути маленькой экспедиции неодолимые препятствия. Неприятные сюрпризы подстерегали судно на каждом шагу. У западных берегов Гренландии «Фокс» налетел на подводную скалу и не мог сняться с нее. Начался отлив, вода стала убывать. Судно легло на бок. Кругом дрейфовали льды.

Одиннадцать часов провели странствователи в жутком ожидании, что судно разломится под собственной тяжестью и пойдет ко дну вместе со всеми его обитателями. К счастью, стояла тихая погода и льды не очень напирали на корабль, участь которого казалась уже решенной.

Но вот начался прилив. И когда вода достигла своей наибольшей высоты, «Фокс» выпрямился и сошел с подводной скалы. Он мог продолжать плавание. И снова маленькая и храбрая экспедиция устремилась на северо-запад к островам Канадского Арктического архипелага. Какое-то особое чутье подсказывало Мак-Клинтоку, что именно там надо искать следы экспедиции Джона Франклина. И опять корабль идет вперед — только вперед. Льды, страшные и беспощадные, встают на их пути. Они окружают «Фокса» со всех сторон и грозят раздавить его. Каждый час, каждую минуту может повториться прошлогодняя история и начаться немолимый дрейф к югу.

Наконец мореплаватели вырываются из тисков льда. Но плавание по чистой воде продолжается недолго. Через несколько дней льды неотвратимо встают на пути слабого корабля. Течение в проливе Белло, которым путешественники пробираются к северу, достигает большой силы. Вереницы глыб стремительно несутся навстречу «Фоксу». То и дело приходится уклоняться от ледяных громад, которые грозят разнести судно в щепки. Но ничто не может остановить экспедицию. Упорно пробивается она к своей цели. Мак-Клинтон решил либо погибнуть, либо принести миру вести о судьбе экспедиции Франклина. Он не мог обмануть ожиданий Джейн Франклин, этой великой в своем горе женщины.

Пройдя опасным проливом Белло, Мак-Клинтон остановился на вторую зимовку в бухте Кеннеди, расположенной в южной части восточного берега острова Соммерсет.

Руководитель экспедиции энергично принялся за подготовку к предстоящим работам. Он имел намерение решить две задачи: найти следы экспедиции Джона Франклина и выполнить географическое обследование восточных берегов Северной Америки. «Разбившись на три группы и следуя в разных направлениях, — отмечал в своем дневнике Мак-Клинтон, — мы во всяком случае должны найти какой-нибудь след, остатки, а может быть и важное сообщение о тех, загадочную участь которых мы стремимся раскрыть».

Вскоре наступила полярная ночь. Пришлось отложить все под-

готовительные работы до наступления светлого времени. В январе на востоке появилась светлая полоса. Она ширилась и росла с каждым днем, пока, наконец, не превратилась в зарю. А через несколько суток наступил час, когда из-за горизонта появилось солнце. Его первые лучи причудливо заиграли на запорошенных снегом меловых скалах острова, заискрились в гирляндах инея на снастях и мачтах корабля и скользнули по лицам людей, которые вышли на улицу, чтобы приветствовать наступление дня. Затем потоки света побежали дальше на запад, неся радость всему живому и прежде всего коренным обитателям этого угрюмого края — канадским и гренландским эскимосам. Они кочевали, по-видимому, где-то поблизости от зимовки. Надо было их разыскать и выяснить, не известно ли им что-нибудь о судьбе Джона Франклина и его спутников.

С этой целью Мак-Клинтон 17 февраля двинулся в путь. Двадцать пять дней продолжался поход. Путешественники прошли пешком и проехали на собачьих упряжках 700 километров. Они настойчиво стремились вперед. Они пришли в эту ледяную страну по зову сердца, отказавшись даже от вознаграждения. Около двух лет назад покинули они родину, не видели дорогих им людей и не знали иной цели, кроме раскрытия тайны экспедиции Франклина. Опасности подстерегали путешественников на каждом шагу — в виде пятидесятиградусных морозов и снежных метелей. Путешественники ночевали в хижинах, построенных собственными руками из снежных глыб, отапливали их лампой. Обсушить одежду было негде, и платье и одеяла покрывались коркой льда. Одежда грела плохо, и на ночевках люди невыносимо страдали от холода.

Только на двенадцатый день пути Мак-Клинтон повстречал эскимосов. От них он узнал, что Франклин и его спутники не высаживались на берегах полуострова Бутия. Значит, следы экспедиции Джона Франклина надо было искать в другом месте.

В начале апреля в путь выступили три отряда. Капитаны Мак-Клинтон и Хобсон направлялись на юго-запад к берегам острова Кинг-Вильям, а капитан Юнг — на остров Принца Уэльского. На «Фоксе» оставалось только пять человек. Остальные ушли на поиски. Мак-Клинтоку и его спутникам было ясно, что этот поход будет решающим. Если они ничего не разыщут этой весной, то вряд ли после третьей зимовки в Арктике будут в состоянии предпринять далекие поиски.

В отрядах Мак-Клинтока и Хобсона было 12 человек и 17 собак. И собаки, и люди тащили сани с продовольствием и снаряжением.

Их окружала ледяная тишина. На сотни километров тянулась ослепительная снежная пустыня, над головой голубело равнодушное небо. В хрустальном воздухе разносился лишь скрип шагов да редкий лай собак. От яркого солнечного света уставали и болели глаза. Кожа на лице покрывалась пузырьками, губы и руки растрескались. «Кажется, никогда еще никто не был так изуродован, со-

единенными действиями яркого солнца и исключительно холодных ветров», — скупое отмечал в дневнике Мак-Клинтон.

Почти у всех были обморожены лица и пальцы. Но ни один из спутников Мак-Клинтока не смалодушничал в эти трудные дни. Все двенадцать путешественников, усталые и мало похожие на людей, не сдавались, они должны были привезти вести, которых нетерпеливо ждала Джейн Франклин на протяжении последних десяти лет. Лучше было навсегда остаться среди снежных равнин островов Канадского Арктического архипелага, чем возвратиться в Англию ни с чем.

Медленно брели Мак-Клинтон и Хобсон к югу, не подозревая еще о том, что каждый день и каждый километр пути приближает их к долгожданной цели.

20 апреля 1858 года на 70° 5' северной широты путешественники встретили две семьи эскимосов. Эскимосы охотились на тюленей и, увидев белых людей, пригласили их в свои жилища.

Как только Мак-Клинтон вошел в хижину, он понял, что напал на след экспедиции Джона Франклина. В хижине эскимосов находилось много вещей европейского происхождения. Тут были и куски красного дерева, и ветка английского дуба, и футляр от барометра, и ящик из-под мясных консервов, и кусок ножа. Именно на нож Мак-Клинтон прежде всего и обратил внимание. На нем были видны неразборчивые знаки, какие обычно ставятся на кортиках офицеров английского флота.

Путешественники через переводчика засыпали эскимосов вопросами. И тут они услышали нечто удивительное. Около берегов острова Кинг-Вильям много лет назад были замечены два корабля. Один из них затонул, а другой был выброшен льдами на берег. Находившиеся на них моряки, захватив с собой лодки, направились к Большой рыбной реке.

Удача улыбалась экспедиции Мак-Клинтока. Нужно было проверить, действительно ли то были корабли Франклина. Мак-Клинтон и его спутники снова пустились в дорогу. У мыса Виктория, который находится на юго-западной стороне полуострова Бутия, он расстался с отрядом капитана Хобсона. Хобсон шел на западный берег острова Кинг-Вильям, Мак-Клинтон — на восточный. Они держали в руках нить к тайне экспедиции Джона Франклина.

Несколько недель отряд Мак-Клинтока брел по нагромождению льдов, по снежным полям.

Наконец путешественники встретили эскимосов. У них они обнаружили вещи экспедиции Джона Франклина. За несколько игл вещи перешли в руки Мак-Клинтока. Приобретенные ложки, часы, вилки свидетельствовали о том, что катастрофа произошла где-то совсем близко.

Отряд шел вперед, не теряя понапрасну ни одного часа. Но тщетны были усилия. Путешественники достигли южной оконечности Кинг-Вильяма, так ничего и не обнаружив, кроме вещей,

взятых у эскимосов. С тяжелым сердцем Мак-Клинтон повернул на север. Он опасался, что его экспедиция не узнает, где погиб Джон Франклин и каких мест достигли его корабли. Отягощенные сознанием неудачи, медленно шли путешественники. Один из них не выдержал тягот пути и заболел. Их отделяло от корабля около 400 километров. Хватит ли у них сил и не постигнет ли экспедицию участь Джона Франклина? Такая мысль часто появлялась в дневнике Мак-Клинтока.

С большим трудом он добрался до мест, которые обследовал капитан Хобсон. Под грудой камней он нашел письменное сообщение своего подчиненного. Мак-Клинтон развернул письмо и не поверил своим глазам. Их усилия не были напрасными! Капитан Хобсон обнаружил в одной из груд камней письмо, написанное участниками экспедиции Франклина. «28 мая 1847 года. Корабли „Эребус“ и „Террор“ зимовали вольдах под 70° 05' северной широты и 98° 23' западной долготы. Сэр Джон Франклин командует экспедицией. Все благополучно». Ниже было написано другой рукой: «Сэр Джон Франклин умер 11 июня 1847 года, а всего умерло в экспедиции до настоящего времени 9 офицеров и 15 матросов».

Мак-Клинтон и его товарищи добились своего и выполнили обещание, данное Джейн Франклин. Маленькая записка, которую отряд капитана Хобсона нашел под грудой камней, объясняла тайну исчезновения экспедиции Джона Франклина.

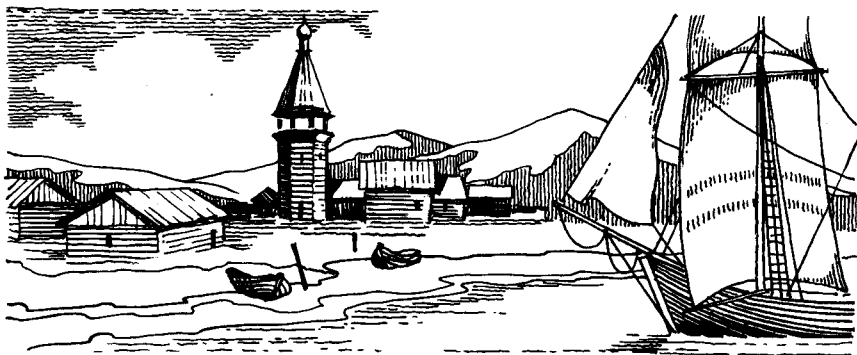
Стало известно, что после первой зимовки корабли Франклина прошли самую трудную часть Северо-Западного прохода. На пути к цели они были пленены льдами. Лето 1847 года не принесло освобождения. Началась третья зимовка. Продовольствие было на исходе, так как в консервах оказалось тухлое мясо.

Надеясь спастись от голодной смерти, в апреле 1848 года путешественники оставили корабли и направились к берегам Канады. Словно призраки, брели моряки по снежной пустыне. Они падали и умирали на ходу. Вид оставшихся в живых был так страшен, что встречавшие их эскимосы в ужасе бежали от голодных, искавших помощи людей. Ни одному участнику экспедиции Джона Франклина не удалось спастись...

Вот о чем говорила полярная находка, сделанная более 100 лет назад замечательным путешественником Мак-Клинтоком.

Еще множество экспедиций из разных стран пыталось совершить плавание из Атлантики в Тихий океан, но одна за другой терпели поражение.

Только в начале XX века великий норвежский полярный исследователь Руаль Амундсен на небольшом моторном судне «Йоа» первым с тремя зимовщиками прошел Северо-Западным проходом. Как некогда советовал канцлер Н. П. Румянцев, он терпеливо «стоял на часах» и ждал, когда льды откроют ему путь к Берингову проливу. Он одержал великую победу. Случилось это в 1906 году.

ЧАСТЫЙ. ОЧАРОВАННЫЕ АРКТИКОЙ

О чем шептались полярные маки

Солнце, в первый раз после долгого, продолжавшегося несколько месяцев полярного дня, склонялось к горизонту. Не торопясь оно уходило в море. Лучи его алели на белых льдинах, и казалось, что это плывут стаи исполинских фламинго. Прошло несколько минут, потухли розовые тона среди льдов и волн, еще недавно бледное небо засинело от надвигающейся первой ночи, и стали видны звезды...

Пора было спать. Я залез в палатку и растянулся на раскладушке, но сон не приходил. Мне вспомнилось, что, когда солнце садилось, на востоке, среди тундры, вдруг обозначился наклоненный столб. На Дальнем Севере, где еще сотни верст тундры не видели людей, всякий оставленный человеком предмет имеет особую притягательную силу. Возможно, он является ключом к разгадке тайны одной из многих бесследно исчезнувших экспедиций или даст в руки нить еще неизвестного науке полярного путешествия. Кто знает?..

Налетел легкий порыв ветра. Где-то сонно прокричала чайка, и опять все смолкло... Потом послышался легкий, почти неуловимый шепот. Но стоило приподнять голову, как он исчез. Быть может, это в траве прошелестела пеструшка. Но едва я прикоснулся лицом к фуфайке, заменявшей подушку, как услышал тот же удивительный шепот... Это маки пели свою песню. Опять встал перед моими глазами наклоненный столб, освещенный алыми лучами солнца. Было ясно, что сон не придет, пока я не увижу его...

Ночь по-прежнему полна темной синевой с миллионами звездных светлинок. Скоро на смену ей придут прозрачные сумерки и снова во всей красоте своего летнего наряда предстанет тундра...

Не торопясь направляюсь на поиски одинокого столба. Что он поведает и поведает ли?.. Уже много лет людей различных возрастов и профессий волнует судьба тех путешественников, которые не вернулись из своих ледяных странствий. Морские воды или бескрайние просторы тундры на протяжении десятилетий и целых веков стерегут тайну их героической гибели. Почти не проходит года, чтобы не попадались находки, которые вписывали бы новые строки в летопись изумительного мужества и отваги...

И это продолжается тысячелетие. Имена многих из них неизвестны. Подвиги их хранила людская память. Источник замечательный, но хрупкий. Перелистывая русские летописи и изучая обширнейшие пласты исторических источников, имел возможность не однажды в этом убедиться.

Кто были эти люди, оставившие голландские деньги X века в районе Архангельска, а новгородские монеты следующего столетия на острове Вайгач?

Прежде всего, это были люди отважные, одержимые страстью к путешествиям. И прав был Фритьоф Нансен, неоднократно повторявший такие слова: «Кто хочет увидеть гений человеческого в его благороднейшей борьбе против суеверий и мрака, пусть прочтет о людях, которые в те времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, все-таки шли с развевающимися знаменами навстречу неведомому. Нигде, пожалуй, знания не покупались ценой больших лишений, бедствий и страданий».

Когда рассвело, я стоял у наклоненного жестокими ветрами древнего, полуистлевшего столба. Это было все, что осталось от старинного креста. Я осмотрел валявшиеся поблизости куски дерева и на одном из них с трудом прочел: «сей животворящий кресть...» Остальных слов уже невозможно было разобрать. Буквы стерло время, оставив всего лишь два слога — «Ив...ов».

Под крестом не было могилы. Он был поставлен в честь удачи, как памятник торжеству жизни и труда... Сотни их было разбросано на великом пространстве Арктики, от искрящихся ледниками берегов Шпицбергена до унылых пределов Аляски, некогда принадлежавшей России. То были скупые, но от этого не менее выразительные страницы повести о победах русских людей в исследовании Крайнего Севера...

Вероятно, это был тот самый крест, который водрузил Иван Никифорович Иванов, исследовавший Север России между Печорой и Обью в 20-х годах прошлого века.

Совсем недавно, перед этой поездкой, я прочел его дневник. Меня поразил один факт. Среди скупых описаний «понесенных трудов» словно случайно была обронена фраза о том, что в течение всего путешествия его сопровождала жена... После Татьяны Прончищевой, погибшей вместе с мужем среди бескрайних просторов Севера, жена Иванова была второй полярной странницей. Она стояла возле этого памятника, на котором среди имен участников экспедиции было написано и ее имя. Быть может, в ту мину-

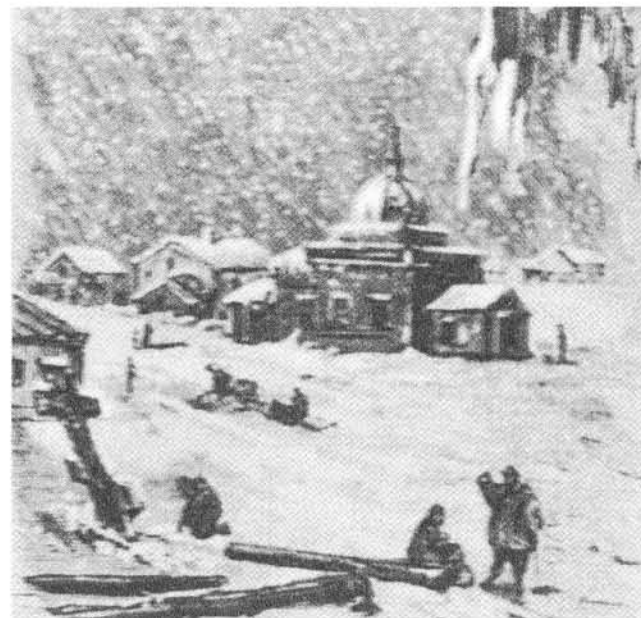
ту, как и сейчас, взошло солнце и налетел ветерок, и так же дрогнули желтые головки полярных маков, и на их лепестках вспыхнули капли росы.

Я еще и еще рассматривал остатки старого памятника, золотые колокольца полярных маков и думал о том, что по какой-то странной случайности полярные путешествия Иванова оказались забытыми... Мне захотелось рассказать историю его многотрудных, исполненных героизма и любви странствий.

В 1820 году мало кому известный штурман Иван Никифорович Иванов приезжает сухим путем из Кронштадта в Архангельск. Ему предстоит в составе северной эскадры совершить переход из Белого моря в Петербург. Впереди долгое путешествие с заходами в порты Англии, Франции, Дании. Но едва он докладывает главному командиру архангельского порта вице-адмиралу Клокачеву о свое прибытии, как наступает резкий поворот в его судьбе. Главный командир не отправляет его в море, а оставляет на берегу. Он предлагает Ивану Никифоровичу возглавить небольшую экспедицию для описи реки Печоры. Главный командир обещает ему награду, если он «в точности исполнит пункты инструкции касательно означенной реки, в такой отдаленной стране находящейся». С той минуты, когда штурман Иванов соглашается с предложением адмирала, в жизни его начинается вереница лет, которые он проведет под ливнями и ветрами, под защитой брезентовой палатки, а то и вовсе под открытым небом...

10 февраля 1821 года Иван Никифорович покидает Архангельск и направляется в Пустозерскую слободу на Печоре. Его сопровождают два штурманских помощника. Один из них — Петр Кузьмич Пахтусов, который спустя пятнадцать лет своими блестящими исследованиями на Новой Земле затмит своего командира и учителя. На оленьих упряжках они мчатся от зимовья к зимовью, от стана к стану. Тысячеверстный путь им помогают преодолеть и русские, и зыряне, и ненцы. Они еще не раз придут на помощь путешественникам, спасая их от голодной смерти...

Кроме исследований реки Печоры Иванову предписано съездить на остров Вайгач и выяснить, возможно ли зимой проехать на оленях через пролив Карские Ворота на Новую Землю, значительная часть берегов которой еще не положена на карту и ждет своих исследователей. Пока стоит зима и пока его помощники свободны, Иван Никифорович отправляется на север. Пустозерские старожилы отговаривают его от этой опасной и трудной поездки. По их словам, пролив Карские Ворота никогда не замерзает и никакой экспедиции не удастся по плавучим льдам переправиться на Новую Землю. Но утверждения местных жителей не подошьешь к рапорту, который предстоит послать главному командиру. И штурман Иванов мчится на оленях к берегам Ледовитого океана.

Пустозерск

Удивительно скромен и чрезмерно взыскателен к себе этот человек, побывавший в боевых схватках под Дубровником в Черногории и испытывший тяжкие муки голода, когда эскадра Сенявина возвращалась из Средиземного моря... В своем отчете он не пожелал даже намекнуть на переживаемые им трудности. словно не стояли жестокие морозы, не было вьюг, не питался он мерзлым хлебом и не падали утомленные дальней дорогой олени. Всего несколько строк в своем донесении он уделяет этой поездке, сообщая о том, что на Новую Землю через Карские Ворота «зимою переправиться на оленях невозможно, а в летнее время должно иметь благонадежные карбаса большого рода, каковых у тамошних жителей нет...».

Пройдет много томительных недель, прежде чем Печора сбросит ледяные оковы и предстанет перед изумленными путешественниками во всем своем великолепии. В светлые дни весны Иванов с грустью убедится, что его экспедиция слишком малочисленна, чтобы за короткое полярное лето исследовать нижнее течение этой великой реки Севера, противоположный берег которой теряется вдаль... У Иванова всего два штурманских помощника, штурманский ученик и два матроса. На них он может положиться. Но даже если они вместе с ним будут работать круглые сутки без сна и отдыха, им все равно не описать многие сотни верст Печоры, ко-

торая в нижнем течении живописно разбивается на десятки рукавов и незаметно сливается с морем...

21 июня 1821 года он оставляет Пустозерск. В этот же день на карту ложатся первые версты берегов Нижней Печоры.

Уже в первую неделю хмурится небо. Дожди монотонно сутками стучат по брезентовой палатке, на реке появляются и тут же исчезают тысячи дождевых пузырей. Мокро и холодно. Потоки воды заливают костер. Путешественники с нетерпением ждут, когда проглянет солнце, чтобы, взяв несколько раз его высоту, возможно точнее определить астрономический пункт и привязать к нему выполненную опись. Заботы о том, чтобы высушить одежду или сварить горячую пищу, отодвинуты на второй план...

Три месяца экспедиция Иванова обследует берега Печоры. Несмотря на «холодный и дурной климат», более 250 верст нижнего течения Печоры было картировано путешественниками. Три месяца, по словам Ивана Никифоровича, он со своими спутниками трудился «совершенно на пустом месте, где не имел никакого от худых погод и холода прикрытия, так что и составлением карт занимался в парусных палатках и переносил все трудности...».

Первый полярный экзамен штурман Иванов выдержал блестяще. Летом следующего года он снова в устье Печоры, там он занимается промером самого глубокого ее рукава и ставит на берегах «приметные знаки» для судов...

Затем следует короткая передышка. Но уже летом 1824 года Иванов снова «на Севере дальнем». На этот раз Печорская экспедиция подчинена известному мореплавателю и путешественнику Федору Петровичу Литке. Практически экспедиция работает самостоятельно: Литке в четвертый раз отправился в плавание к берегам Новой Земли и в четвертый раз предпринял попытку достичь северной оконечности этого острова.

Перед Печорской экспедицией поставлена задача завершить опись устья Печоры и положить на карту морской берег к востоку и западу от этой реки. Кроме того, Иванов со своими помощниками Пахтусовым и Рагозиным должен описать остров Вайгач и определить положение юго-восточных берегов Новой Земли.

На случай, если льды не пропустят карбасы экспедиции через пролив Карские Ворота, Литке в инструкции, предназначенной Иванову, рекомендует определить пеленгами приметные места южного берега Новой Земли и собрать от местных жителей самые разнообразные сведения о проливе Карские Ворота и об арктических островах. Несколько раз Литке настоятельно советует прибегать к помощи и знаниям поморов и ненцев.

3 апреля 1824 года Печорская экспедиция в составе Иванова, Пахтусова и Рагозина покидает Архангельск и направляется в Пустозерск. Однако здесь им не удастся достать карбас, пригодный для плавания по морю. Приходится заказывать судно в Усть-Цильме. Это задерживает путешественников. Только 10 июля Иванов с двумя штурманами и четырьмя поморами выходит в плава-

ние. Астрономическим наблюдениям, на которые опирается опись, мешают «многооблачные и дождливые погоды».

Иванов и его помощники трудятся не покладая рук. Несмотря на беспросветное ненастье, они описывают западный берег устья Печоры, потом наступает очередь острова Долгого. Но у берегов его держится лед, и удастся исследовать только восточную сторону.

Уже второй месяц продолжается их странствие. Почти изо дня в день держится туман. Небо закрыто тучами. Льют дожди. Все измокли и пострадали от холода. Иногда из-за сильной волны целыми днями невозможно пристать к берегу и моряки сидят без горячей пищи.

В один из августовских дней на буруне в десяти метрах от материка опрокидывается лодка с четырьмя поморами. Иванову едва удается спасти своих товарищей. Это приключение заканчивается потерей значительной части запасов провизии. Экспедицию ждет новое несчастье. Утром 11 августа на пути от острова Матвеева к Югорскому Шару утлое суденышко попадает в жестокую бурю. Совсем рядом каменистый берег. На него несет карбас. Только мореходное искусство Иванова спасает путешественников от гибели. Им удастся зайти в бухту, но радость недолговременна. Едва отдают якоря, как один из них обрывается. Другой не держит карбас; якорь спешно поднимают и ставят паруса. Есть только один выход: выброситься на берег. «Сгрузив все материалы, вытащил карбас на берег и тем избавился от несчастья», — столь лаконично и скупко пишет Иванов в своем рапорте о выпавшем на его долю испытании.

На путешественниках нет ни одной сухой нитки — ведь они «не малое время бродили в холодной воде, перенося грузы с карбаса на берег». Невозможно развести костер и согреть спасительного чаю. Но есть радостное сознание, что во время крушения не только сохранены журналы и карты экспедиции, но и спасены остатки продовольствия... Следовательно, еще несколько недель можно продолжать исследование северных берегов.

Наконец шторм утихает. Иванов спешит к Югорскому Шару. Как будто злой рок преследует экспедицию. Снова наступают «худые погоды». Нет просвета в серых тучах, не уменьшается волна в проливе. С риском для жизни путешественникам удастся описать южный берег острова Вайгач.

Стоят последние дни августа. Непрерывно дует ледяной ветер. Часто идет снег, мешая наносить на карту побережье и не позволяя по несколько суток определиться. Опасность остаться на зимовку и недостаток провизии вынуждают экспедицию прекратить опись вблизи Лямчиной губы. Путешественники направляются в устье реки Печоры, но крепкие западные ветры удерживают их 13 дней в Югорском Шаре.

Начинаются заморозки. Находившиеся в этих местах охотники-промысловики покидают морские берега и уходят на обжитые

места. Запасы провизии, взятые экспедицией из Пустозерска, подходят к концу. Путешественники сутками бродят по тундре в надежде найти стадо диких оленей и добыть свежего мяса, но почти всякий раз возвращаются с пустыми руками: олени ушли в глубь материка. Вот-вот море должно было покрыться льдом. И тогда — зимовка на пустынном морском берегу без запасов, без жилья и каких-либо средств передвижения по тундре. Наконец 19 сентября западный ветер сменяется восточным. «Мы немедленно, — пишет Иванов в отчете, — забрали на суда все, что было на берегу, подняли якоря и пустились под всеми парусами в море».

Когда вошли в Печору, у экспедиции уже не осталось ни одного куска хлеба. Между тем ветер стих и подниматься вверх по течению пришлось на веслах. Все время шел снег, мороз усиливался с каждым часом.

На реке появилось сало. Карбас часто становился на мели, с которых снимались всякий раз с большим трудом. Вскоре встретился плавающий молодой лед. Целые сутки путешественники пробивались сквозь него и наконец, выбившись из сил, вытащили карбасы на берег. Наняв лошадей, они направились в Пустозерск.

Когда экспедиция находилась в нескольких сутках езды до Пустозерска, где путешественники смогли бы обогреться и выпаться, Иванову опять не повезло. При переходе через одну из рек лед проламывается и начальник экспедиции «погружается по самые плечи в воду». Потом «ломотная боль» в спине и в суставах долго напоминает ему об этом неприятном приключении. Всякий раз он будет вспоминать о том, как с помощью товарищей с трудом сдирал с себя обледеневшие вещи и при лютом морозе на снегу среди пустынной тундры переодевался в сухую одежду, как от холода судороги сводили тело и как не мог он долго согреться...

Едва возвратившись в Пустозерск, Иванов задумывается над тем, чтобы по зимнему пути закончить исследование не описанного летом берега к западу от Печоры. Но ему надо привести в порядок карты и журналы. И Иванов поручает одному из своих помощников, Петру Кузьмичу Пахтусову, отправиться на оленях к берегам Ледовитого океана. Пахтусов блестяще выполняет поручение Иванова. Он наносит на карту Среднюю губу, Захарьин берег, Русский заворот, Гуляевы кошки. Правда, Гуляевы кошки не удается определить полностью и точно, потому что они занесены снегом и трудно отличить, где кончается берег и начинается лед.

Доведя описные работы до Колоколковой губы, Пахтусов направляется в Пустозерск, где его с нетерпением ожидает Иванов. Экспедиции пора возвращаться в Архангельск с отчетом.

Федор Петрович Литке удовлетворен результатами работ Иванова. Он пишет в своем рапорте Адмиралтейскому департаменту в начале 1825 года:

«Иванов в точности исполнил все важнейшие пункты данной ему инструкции; он довершил опись восточного берега реки Печоры и сделал вновь таковую же западного берега от широты 67°24';

определил в двух пунктах опасные Гуляевы кошки; сделал промер фарватера между оными и матерым берегом, описал сей последний от реки Черной (где кончена была опись прежних годов) к осту до Югорского Шара вместе с островами Варандеем, Зеленцем, Долгим и Матвеевым, произвел опись обоих берегов Югорского Шара, восточного берега острова Вайгач и, наконец, матерого берега от реки Печоры к западу до Колоколковского Носа. Пятнадцать пунктов сей описи, простирающейся почти на 450 итал. миль утверждены на астрономических наблюдениях. Подробности и порядок описных и других журналов, тщание, с коим умножаемо было число астрономических наблюдений, точность вычислений, в коих не нашел я ни одной значительной ошибки, заслуживают всякую похвалу.

Проведение столь обширной операции в краткое полярных стран лето, которое в прошедшем годе было сверх того по всем отношениям весьма неблагоприятное, служит вернейшим свидетельством искусства, деятельности и благоразумных распоряжений начальника экспедиции штурмана 12-го класса Иванова, равно как и точности, с каковою исполняли возлагаемые на них Ивановым поручения штурманские помощники унтер-офицерского чина Рагозин и Пахтусов, о коих и начальник их относится с особенною похвалою. Описывая в открытых карбасах берег океана и острова, в нарочитом расстройении от материка лежащие, подвергали они неоднократно жизнь свою очевидной опасности, не говоря уже о всякого рода трудностях во всем, а наконец, и в самой пище, которые они с самого начала до самого конца экспедиции переносить должныствовали».

Высшее морское начальство не спешит осыпать Иванова и его спутников наградами, которые были обещаны еще в 1820 году при назначении в экспедицию и о которых весьма настойчиво хлопочет Федор Петрович Литке...

За три года непосильных трудов и страданий этого скромного штурмана не только не произвели в следующий чин, но и не наградили хотя бы однажды годовым окладом, как это было сделано в отношении участников многих полярных экспедиций.

Между тем адмиралтейский департамент требует от Иванова новых жертв.

Ивана Никифоровича вызывают в присутствие департамента, лестно отзывающегося о его успехах в исследовании Севера и стараются убедить «принять на себя совершение вновь назначаемой экспедиции». И он, Иванов, соглашается «жертвовать в четвертый раз здоровьем своим в столь трудном и опасном деле, каково есть описание берегов и островов в открытых карбасах».

19 декабря 1825 года он покидает Архангельск. Вместе с ним отправляется в путь его жена. Она решила разделить с мужем тяготы и лишения предстоящего странствования, которому суждено было затянуться на три с половиной года. Скучные источники не сохранили имени этой удивительно храброй женщины-друга, не

обронившей ни жалобы, ни слова сожаления и с исключительным самообладанием и стойкостью переносившей ненастье и холод, неизвестность и страх...

Кроме Ивана Никифоровича и его жены в экспедиции принимают участие два служителя и штурман Рагозин, уже не новичок в полярных исследованиях. Зимой они проводят в Пустозерске — городе, в котором имеется 29 домов, соляной магазин и винный подвал. Иванов готовится к предстоящим исследованиям и ждет, когда ненцы приведут оленей, на которых путешественники отправятся к берегам Ледовитого океана. «Подрядчики» запаздывают, нарушая планы начальника экспедиции. Ему дорог каждый час, пока отлично держит наст и стоят солнечные дни...

Вместе с женой и тремя помощниками только 5 апреля отправляется он на север, в тот край, где по ночам горят сполохи полярных сияний. Синие, зеленые, желтые волны волшебного света, разливающиеся на небе, еще много ночей будут провожать их в долгом и трудном пути...

Апрель и почти весь май уходит на уточнение ранее сделанной описи островов Долгого, Матвеева, Зеленца и на исследование огромной Хайпудырской губы. Затем наступает очередь острова Вайгач. Иван Никифорович предполагал, что экспедиции будет достаточно 10 дней для завершения его описи, которую он надеялся выполнить со льда. Вскоре ему придется убедиться в ошибочности своих расчетов.

На север стремительно вторгалась весна. Она звенела тысячью ручьев и ручейков, о ней напоминали вереницы гусей и журавлей, которые, видимо, летели на озера Новой Земли. Лед оторвало от берегов, и путешественникам пришлось тащиться на нартах по каменистым россыпям. Полозья и сами сани то и дело ломались. Сапоги пришли в негодность, их подвязывали веревками и шли, шли вперед, зная, что за каждым поворотом берега их ждут новые открытия, новые бухты и мысы, которые будут столетиями носить присвоенные им имена. Только свое и имя своей жены Иван Никифорович не пожелает нанести на карту. Он не мечтает ни о славе, ни о почестях. Он счастлив. Рядом с ним жена, безраздельно отдавшая ему свою жизнь, с задором и весельем юности встречающая все трудное и ненастное в жизни. Не беда, что остались одни сухари, что призрак голода все явственнее и неумолимее встает перед маленькой экспедицией. Ни один из спутников Иванова не осмеливается возроптать на судьбу, каждый мужественно, без усталости выполняет свой долг до тех пор, пока 5 июля экспедиция не наносит на карту последний неисследованный участок — Болванский Нос: это северная оконечность острова Вайгач.

Переправившись на ненецком карбасе на Большую Землю и встретившись с обозом экспедиции, который ожидал у речки Черной, Иванов 1 августа 1826 года приступил к исследованию северного побережья России, расположенного к востоку от Югорского Шара. На этот раз вместо открытого для непогод и дождей кар-

баса в распоряжении Ивана Никифоровича находится караван санок, запряженных оленями. Ему не страшны ни крепкий ветер, ни подводные камни, ни буруны, ни мели... Девять недель моряки тащатся со своим обозом по сухопутью, на карту наносятся первые сотни верст морских берегов и более трех десятков речек, через которые приходится переправляться вплавь. Изредка встречается одинокая избушка помора или чум ненца, а затем снова десятки верст тянется однообразная тундра, кое-где расцветенная желтыми полями полярных маков, которые без усталости ведут между собой разговор... О чем они шепчутся? Может быть, восхищаются красотой юной женщины, что сплела из золотых колоколец венки и украсила им свои светлые волосы, или складывают песню о ее любви, простой и великой, как ласкающее рядом море... Это море только что получило название — Карское — от реки Кары, до ее устья в октябре 1826 года добирался Иван Никифорович.

Через полгода, перезимовав в Обдорске, он снова вместе с женой возвращается в эти места и приступает к описи полуострова Ямал. Его сопровождают штурманский помощник Рагозин, два матроса и проводники-ненцы, без чьей помощи экспедиция оказалась бы бесплодной и не сделала бы и нескольких десятков километров к северу... Имена их, к сожалению, остались неизвестными.

Когда путешественники стояли лагерем вблизи Уральских гор, ненцы не советовали Иванову трогаться в путь. «...Они говорили, что из ущелий Уральских гор вырываются сильные ветры, которые сносят чумы и опрокидывают сани, — писал об этом Иван Никифорович. — Я не поверил им... и должен был на опыте убедиться в справедливости предостережений. Едва мы отъехали около трех верст, как дунул из ущелий порыв — несколько повозок опрокинуло, а лодку, бывшую на санях, перевернуло раза четыре».

Пришлось задержаться на несколько дней и исправить повозки.

5 мая 1827 года начинается пятая полярная страда в страннической жизни Иванова. Он исследует юго-западные и южные берега Байдарачьей губы, а затем направляется на север, изучая и картируя с возможной тщательностью западное побережье полуострова Ямал.

Три с половиной месяца продолжалось путешествие от реки Байдараты до мыса Головина. Северная весна сменилась летом. Расцвели полярные маки, зазеленели карликовые ивы и местами начала радовать глаз голубень незабудок, прижавшихся к самой земле... Потом не было ни цветов, ни ив — кругом лежала тундра, прикрытая первым снегом. Но путешественники все шли и шли вперед. Появился на карте остров Литке, мыс Маре-Сале, Белужий Нос, бухта Крузенштерна, мыс Собачьи Сани (Вэн-чан), река Моржовка и, наконец, мыс Головина, к северу от которого в море лежал остров Белый...

22 сентября 1827 года путешественники заметили возвышавшийся над плоской тундрой конусообразный предмет. То был знак, который девятью годами назад сложили из земли русские моряки

Малыгин и Скуратов, первыми побывавшие в этих дальних и суровых местах.

С чувством благоговения рассматривают путешественники изрядно размытый памятник доблести и отваги русских людей и рядом с ним водружают «животворящий крест», на котором выписывают имена участников экспедиции... Затем они прощаются с северными берегами Ямала и снова устремляются в далекий Обдорск, что лежит на правом берегу Оби...

Кругом снег и снег... Нет ни приключений, ни значительных событий, все обыденно и просто. Путешественники везут с собой журналы описи западного берега Ямала, дрожа на санках от холода. Они мечтают о крыше над головой, о теплых домах, о горячем хлебе и многих житейских мелочах, которых были лишены более шести месяцев... Но вместо уютной теплой избы Иванову с женой отводят «квартиру с окнами, обтянутыми налимьей шкурою, а под полом вода». «В такой-то хате я должен был составлять карты нашей описи», — отмечает это весьма грустное обстоятельство Иван Никифорович в своем дневнике.

Но ни скитания по пустынным берегам, ни зимовка в избе, где было чуть теплее, чем на улице, не могут сломить мужества Иванова и его удивительной подруги...

Иван Никифорович готовится к прыжку через море, к острову Белому, и подбирает ненцев, которые согласились бы сопровождать ему. 20 марта 1828 года он и его товарищи снова в пути. Спустя два месяца исследователи закончили опись Белого острова; они трудились с рассвета до заката. «Олени на пути падали от изнурения», но Иванов не знал ни усталости, ни покоя. Вернувшись на Большую землю, он занялся картированием северного и восточного берегов Ямала. На мысе Дровяном его застиг снежный буран и заставил в бездействии пробыть трое суток.

«В первый раз мы испытали такую сильную вьюгу, — записал в дневнике Иванов 22 мая, — нельзя было открыть глаз против ветра, и вдесяти саженьях мы не различали предметов, выходившие из чума возвращались назад уже на голос; в течение ночи чум заносило снегом более чем наполовину, и вовнутрь его набивалось премного снега. Во все это время мы сидели в чуме то дрожа от холода, то плача от дыма, если разводили огонь...»

Но эта вьюга не исключение. Их было много за долгие годы северных странствий. А сколько было ливневых и обложных дождей, бурь, штормов, полуголодных или совсем голодных дней, сколько неожиданных купаний в ледяной воде?... Не счесть всего пережитого Ивановым и его спутниками. И под этим длинным списком лишений еще не подведена черта. Их еще ждут сотни верст восточного берега Ямала, который предстоит исследовать и положить на карту...

Третья поездка по Ямальской тундре как две капли воды похожа на предыдущие. Те же олени и санки, тот же помощник штурман Рагозин и искусные в езде на оленях ненцы, те же непогоды

и морозы... Как и в прежние поездки, труды и невзгоды с ними делит мужественная женщина, которая каждое лето украшает золотым венком полярных маков свои светлые волосы, и кажется, что от ее юной и светлой улыбки добрее Борей, властитель северного ветра и этой суровой страны...

Теперь, когда исследован остров Белый и положена на карту северо-восточная оконечность Ямала — мыс Дровяной, они идут на юг, вдоль западного берега Обской губы. Записи в путевом дневнике («Историческом журнале») Иванова становятся все более скудными. Нет заметок ни о погоде, ни о приключениях, ни о сломанных санках... Изредка встретится жалоба на задержку в поставке ненецкими старшинами оленей, и опять все тот же голый перечень исследованных пунктов: мыс Узкий, мыс Белый, названный так потому, что около него всегда держится лед, мыс Каменный, где не растет мох и нечем кормить оленей, мыс Салепта... Между этими пунктами более 600 верст пути и десятки речек... Иванову некогда думать ни о трудностях, ни о невзгодах. Он весь занят составлением карты восточного берега Ямала... Еще несколько усилий, еще месяц-полтора труда, и экспедиция завершит обширную программу исследований северного побережья России между реками Печорой и Обью... Всего лишь около 300 верст остается до Обдорска. Но вот на смену полярным макам приходит мелкий кустарник. Через заросли ольшаника и сосняка не проехать на оленях. Затем они становятся так густы, что сквозь них уже не пройти и пешком. Каменистая почва сменилась болотами.

В своем донесении петербургскому морскому начальству И. Н. Иванов сообщает, что на широте 66° 53' «встретил лес, растущий по самому краю берега с болотами, речками и ручьями достаточной глубины, чрез который невозможно делать магистралей ни на оленях и ни даже пешком... Несколько раз встречались такие препятствия, что понуждали оканчивать опись и возвращаться без всяких успехов назад».

Вскоре случилась большая неприятность: штурманский помощник Рагозин, продираясь через кустарник, повредил себе глаз. Иванов с болью в сердце прекращает опись берега Обской губы. Это происходит 26 августа 1828 года, в начале шестого месяца странствия по просторам Ямала. Однако он продолжает искать проход к берегу и уже на следующий день опять исследует его... И снова на карту ложатся новые мысы, бухты, речки, пока непроходимые заросли кустарников за мысом Сюней, уже в вершине Обской губы, не останавливают путешественников окончательно. 14 сентября 1828 года они заканчивают опись Ямала и направляются во вблизи лежащий Обдорск.

Пока в Петербург шло донесение о третьем путешествии по Ямалу, Иванов составлял карты и приводил в порядок полевые журналы. В конце ноября в Обдорск приехал известный путешественник Эрман, предпринявший затем кратковременную поездку к горам Северного Урала. Они сверили свои хронометры и наблю-

дения над склонением компаса. Эрман уехал в Тобольск, а Иванов остался в Обдорске ожидать распоряжений петербургского начальства. Они пришли только 3 апреля. Его вызвали в столицу. «Это меня чрезвычайно обрадовало,— записал он,— сряду три года я провел в этом суровом климате, в снегах и болотах...»

28 июня 1829 года Иван Никифорович Иванов, его жена и штурманский помощник Рагозин прибыли в Петербург.

Итак, продолжавшаяся более трех лет экспедиция Иванова завершилась блестящим успехом. Ей удалось с исключительной точностью нанести северные берега России от устья Печоры до вершины Обской губы, собрать сведения о якорных стоянках, рыбных богатствах рек.

Академик В. К. Вишневский, которому были посланы на отзыв астрономические определения важнейших географических пунктов на Печорском и Обском Севере, дал лестную оценку результатам наблюдений Иванова и его помощников. Тщательно собранные им материалы по гидрографии северных берегов России, омываемых водами Карского и Баренцева морей, были использованы в первых советских лоциях и оказали большую помощь морякам в их плаваниях на западном участке Северного морского пути в двадцатых годах нашего века. Картами Печорского Севера, составленными экспедициями Иванова, пользовались в своих странствиях по Северу России русские полярные путешественники Александр Иванович Шренк и Павел Иванович Крузенштерн.

Составленные Ивановым заметки о ненцах и остяках, которые несколько лет помогали ему в трудном, подвижническом деле, явились одними из первых источников о жизни, быте и обрядах народов Ямала, Большеземельской тундры и Приобья.

Иван Никифорович Иванов больше не вернулся в Арктику. И не потому, что считал испитой до дна чашу жестоких лишений. Просто в Петербурге все меньше и меньше обращали внимания на Русский Север, и лишь двум-трем счастливым удалось после него возглавить русские морские полярные экспедиции.

И чем стремительнее проносились годы его беспокойной жизни, тем чаще он любил вспоминать о своих странствиях на Ямал. Его воображение рисовало расцветенную полярными маками тундру... Ему хотелось склониться к любимым цветам и сказать им, что он никогда не жалел о годах, отданных науке и России...

Плавания Федора Литке

В одном из писем Крузенштерну Н. П. Румянцев сообщал, что собирается в 1819 или 1820 году снарядить экспедицию на Новую Землю. В ней должен был принять участие доктор

И. И. Эшшольц, натуралист, плававший на «Рюрике». Осуществление этого плана было отложено только потому, что Морское министерство уже отправило в те края экспедицию под начальством Андрея Лазарева, родного брата знаменитого флотоводца. Плавание было неудачным. Но все же Крузенштерн хотел познакомиться с картой и журналом этой экспедиции.

Лазарев в своем письме пытается убедить Крузенштерна в бессмысленности исследования далекого острова. «Подробное познание Новой Земли не может доставить ни малейших выгод»,— пишет он.— Во-первых, из-за прекращения промыслов у берегов этого острова по причине малых выгод. Во-вторых, Новая Земля «почти не доступна от льдов» и не может дать приют мореплавателям. В-третьих, хранящиеся в ее недрах богатства потребуют больших жертв и издержек и вряд ли обогатят тех, кто возьмется за их разработку «в столь свирепых и неблагоприятных климатах».

Крузенштерн трудно было смутить подобными доводами. Если согласиться с Лазаревым, то зачем исследовать и Северо-Западный проход, зачем искать землю к северу от Колымы, зачем искать Южный материк?... Но исследование этих земель и вод может укрепить политическое могущество России. Это он отлично понимал, поэтому советом и делом поддерживал идею посылки новой морской экспедиции для исследования Новой Земли, берега которой наносились на карты очень приблизительно.

Несмотря на неуверенность Андрея Лазарева в успехе нового плавания, было решено отправить бриг «Новая Земля» в полярное плавание. Командиром его был назначен двадцатипятилетний Федор Петрович Литке, недавно совершивший кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка».

Федор Петрович рос круглым сиротой. Его рождение стоило жизни матери. Отцу, мачехе, родственникам не было дела до малыша. Они отдали его в частный пансион, из которого домой отпускали только по воскресеньям. Но и дома находил он те же равнодушные стены и не менее равнодушного отца. «Я не помню,— вспоминал Литке в «Автобиографии»,— чтобы кто-нибудь меня приласкал, хотя бы потрепал по щеке, но трепку другого рода мне случалось испытывать, большею частью по наговорам мачехи».

Вскоре Литке потерял и отца. Ни ему, ни его сестрам и братьям не было назначено пенсии. Одиноким детей разобрали родственники. После четырехлетних скитаний по чужим углам судьба привела Федора Литке в семью Ивана Саввича Сульменева.

Литке было пятнадцать лет, когда началось нашествие Наполеона на Россию. Он упросил взять его волонтером на флот, а спустя год сражался с французами под Данцигом. Отвага и смелость юноши не остались незамеченными. Его наградили орденом Св. Анны четвертой степени.

Вскоре судьба привела его на борт шлюпа «Камчатка», которым командовал известный мореплаватель Василий Михайлович Головнин.

Федор Литке изведаль бури и штормы трех океанов и всех широт от мыса Горн до Берингова моря. Он стоял у руля, управлял парусами, проходил между каменными рифами, плыл в тумане. Его хлестали тропические ливни и холодные дожди, он изнывал от жары и дрожал от ледяного ветра. Эта жизнь, полная опасностей и лишений, увлекала его. Он вернулся в Кронштадт настоящим моряком. «...Но моряком школы Головнина, который в этом, как и во всем, был своеобразен,— писал Литке.— Его система должна была думать только о существе дела, не обращая никакого внимания на наружность. Мне памятен его ответ Муравьеву, вооружавшему „Камчатку“, и, вероятно, спрашивавшему что-нибудь о рангоуте: „Помните, что об нас будут судить не по блочкам и другим пустякам, а по тому, что мы на другом конце света сделаем хорошего или дурного“».

Чтобы познакомиться с Ледовитым океаном, Литке попросился в Архангельский флотский экипаж и совершил переход в Кронштадт на фрегате. А через год ему предстояло испытать свои силы в самостоятельном плавании.

Головнин отлично понимал, что обрекает своего воспитанника на тяжелое испытание, и в течение всех четырех плаваний помогал ему советом, делом, заступничеством.

14 июля 1821 года бриг «Новая Земля» покидает Архангельск. Литке наизусть помнит скупые строки предписания, выданного морским министром. Ему поручено «обозрение на первый раз берегов оной и познание величины сего острова по определению географического положения главных его мысов и длины пролива Маточкин Шар».

Предписание не очень стесняет его намерения. По-видимому, составитель инструкции понимал, что в Ледовитом океане действия начальника экспедиции будут зависеть главным образом от льдов, штормов и ветров. Зато категорически запрещено оставаться на зимовку...

Через пять дней бриг достиг входа в Северный Ледовитый океан. Путешественникам предстоит миновать несколько банок. О существовании их морякам известно, но они на разных картах показаны по-разному. «На бриге нашем,— писал Литке,— было две карты Белого моря: одна меркаторская, печатная, сочинения генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова; другая — плоская рукописная, составленная в Архангельске... штурманом Ядровцевым по тем картам, которые служили основанием к первой. На печатной карте показана была двухсаженная банка, почти на параллели Орлова Носа, в 19 от него милях, на второй длинная полуторасажженная банка на параллели Конушина Носа, в 20 милях от берега».

Литке направился в проход между этими банками. Через несколько часов бриг «Новая Земля» оказался на мели.

Начинался отлив. Вода быстро убывала, и судно легко могло опрокинуться. Спустили верхний рангоут, чтобы сделать из него подставки к бортам брига, однако «деревья ломало одно за другим

в щепы». «И наконец судно наклонилось столько, что я каждую минуту ожидал, что оно вовсе опрокинется»,— вспоминал об этом трудном часе Литке. Но бриг неожиданно выпрямился. Вскоре банка совсем обсохла. Можно было, как в доке, исправить повреждения, но пока следовало заботиться о том, чтобы не получить их.

Как только прилив достиг полной силы, матросы налегли на заводы, и вскоре судно было «на вольной воде».

Литке предполагал, что экспедиция, обнаружив мель, сделала открытие. Но спустя несколько месяцев он получил в Архангельске еще одну карту Белого моря, составленную в 1778 году капитаном Григорковым и Домажировым, на которой почти в том самом месте обозначены две небольшие банки, при малой воде высыхающие.

В ночь на 1 августа с вахты дали знать о том, что видят судно. Литке бросился на мостик. Нет, вахтенные обманулись. Это были льды, а за ними виднелся небольшой островок. Крохотный клочок суши звал и манил к себе моряков, с нетерпением ждавших, когда откроются берега Новой Земли. Но льды сплошной неодолимой полосой стояли на их пути. Решили спускаться к югу, надеясь ближе к материку найти проход к берегам Новой Земли. Нетерпение овладело всем экипажем. Сорок три моряка внимательно всматривались в восточную часть горизонта. Все чаще и чаще раздавался крик: «Земля!». Но вскоре выяснилось, что за берег принимали причудливые облака. Вместо твердой земли перед ними 5 августа снова встал лед. Лед был на западе, на севере, к востоку, лед ударялся о борта корабля, казалось — лед всюду. Затем бриг подхватило сильное течение из Карского моря и отнесло в то место, где экспедиция находилась пять дней назад.

День за днем проходили в бесплодных попытках достичь берегов Новой Земли.

Путешественников со всех сторон окружали мелькавшие сквозь мрак, подобно призракам, ледяные исполины. Мертвая тишина прерывалась только плеском волн о льды, отдаленные грохотом разрушавшихся льдин и изредка глухим воем моржей. Все вместе составляло нечто унылое и ужасное.

Штиль и туманы сменились свежими ветрами. Надежды на успех экспедиции было мало, но моряки не теряли присутствия

Федор Петрович Литке

духа. 11 августа они впервые увидели берега острова Междушарского, но подойти близко не смогли.

В бесплодных попытках было потеряно еще несколько дней. Решили пробираться среди льдов на север. Только 22 августа удалось увидеть берега Новой Земли. Перед Литке и его спутниками поднималась высокая каменная гора, в разлогах которой искрился не растаявший летом снег; ее называли Первоусмотренной.

Целую неделю мореплаватели настойчиво ищут Маточкин Шар. Но неудачи снова преследуют их. Они осматривают один за другим неведомые заливы, принимая их за вход в пролив. Имеющиеся у них карты больше вводят в заблуждение, чем помогают. Литке знает, что положение приметных мысов, гор и самого Маточкина Шара на них, вероятно, показано неточно из-за «несовершенства морской науки» в прежние времена, но у него пока нет причин изменять их положение.

Лед, пригнанный северными ветрами, вынуждает моряков прекратить поиски. Бриг направляется к южной оконечности Новой Земли. Но и здесь льды и ветры мешают исследовательским работам.

11 сентября 1821 года Литке возвращается в Архангельск. Он шлет рапорт морскому министру де Траверсе и одновременно с горечью пишет Головину, что его экспедиция имела немногим лучший успех, чем предшествовавшее плавание Андрея Лазарева.

Литке опасается, что эта неудача будет приписана его неадаптивности, и просит заступничества. Головин использует свое положение и влияние, чтобы оградить от большой беды своего ученика. Он долго не отвечает, стараясь выяснить реакцию де Траверсе на донесение Литке. Наконец через несколько недель он сообщает Федору Петровичу, что морской министр «был очень недоволен, что Вы не видали Маточкина Шара». Головин представил де Траверсе объяснение, в котором заявил, что причину неудачи поисков Маточкина Шара следует искать в неверности и противоречивости существующих карт. Так, на карте Федора Розмыслова он показан на $73^{\circ} 40'$ с. ш., а на последних английских печатных картах он положен под $75^{\circ} 30'$, и если верить англичанам, то, следовательно, Литке не смог пробиться к главной цели своего путешествия из-за тяжелых льдов.

Головину не только удалось успокоить министра. Он сумел показать плавание Литке в столь выгодном свете, что начальнику экспедиции объявили за усердие и мужество благодарность, которую в действительности он и заслуживал. Было решено продолжить поиски входа в Маточкин Шар и исследование берегов Новой Земли.

Два с половиной месяца Литке жил в Архангельске, приводя в порядок журналы и карты. Нанося на карту описанные им пункты Новой Земли, он с тревогой думал о том, где же в действительности находится Маточкин Шар. И в это время судьба свела его со штурманом Поспеловым, который в 1806 году участвовал в

Новая Земля

экспедиции на Новую Землю, снаряженной Н. П. Румянцевым. У Поспелова сохранились рукописные карты и журнал плавания. Они почти точно совпадали с описью Литке, который убедился, что, плавая около Митюшева, или Сухого мыса, он находился недалеко от Маточкина Шара. Затем, сравнив свои карты с картами поморов, он нашел на них исследованные им заливы и бухты и сохранил за ними старинные названия.

В 1822 году Литке снова предстояло отправиться к Новой Земле. Но поскольку этот остров поздно освобождается ото льдов, ему было поручено описать Лапландский берег от Святого Носа до реки Колы. Путешественники осмотрели острова Нокуев, Большой и Малый Олений, Кильдин, Семь островов и близлежащие участки мурманского побережья. Опись опиралась на сеть астрономических пунктов, но была не полна, так как многие заливы и бухты матерого берега экспедиция из-за недостатка времени не смогла обследовать.

4 августа Литке оставляет Кольский залив. Теперь он направляется к берегам Новой Земли. Спустя четверо суток в разрывах тумана перед морями появляется та самая высокая гора, которую первой они увидели в прошлом году. Экспедиция без труда отыскивает пролив Маточкин Шар. Теперь, когда он найден, Литке не торопится приступить к его исследованию. Он направляется дальше, на поиски северной оконечности острова. Бриг следует вдоль неизученных берегов. На карте появляются десятки новых названий. Одну из самых больших губ Новой Земли он называет именем капитана Сульменева.

День за днем бриг плывет вдоль живописных скалистых бере-

гов с голубыми ледниками. Его сопровождают стаи прозрачных айсбергов. В каждом новом мысе Литке готов видеть северную оконечность Новой Земли. И когда ему кажется, что он вот-вот достигнет цели, на пути его снова встает извечный враг полярных путешественников — густой сплоченный лед. Сквозь него не пробиться парусному кораблю. А между тем с мачты уже виден «покрытый снегом мыс», за которым, как казалось морякам, простиралось море. Литке тешит себя надеждой, что он достиг северной оконечности Новой Земли, что ему удастся проникнуть в Карское море и положить на карту ее восточные берега. Но льды все ближе и ближе подходят к кораблю.

Вскоре Литке приходится отказаться от мысли проникнуть дальше к северу. Спасаясь от ледового плена, он отправляется на юг. После непродолжительной стоянки в устье Маточкина Шара экспедиция продолжает исследование западных берегов Южного острова Новой Земли.

Литке берет реванш за прошлогоднюю неудачу. 6 сентября 1822 года он возвращается в Архангельск с картой почти всего западного побережья Новой Земли.

Удаче мореплавателя радуется и Головин, и его друг Фердинанд Петрович Врангель, скитающийся на собаках по льдам студеного моря к северу от берегов Чукотки... Петербургские журналы представляют свои страницы для статей Литке. Крузенштерн просит подробнее рассказать о результатах плавания, о положении северной оконечности Новой Земли. Ученый Карл Бэр, возглавляющий кафедру в Кенигсбергском университете, намерен принять участие в полярной экспедиции и хотел бы знать, сколь обильная жатва ожидает его, биолога, в полярных морях, на берегах Лапландии и на Новой Земле. Сначала они переписываются при посредничестве Крузенштерна, затем пишут друг другу лично и пишут уже до последнего дня жизни Бэра...

Летом 1823 года Литке снова плавает в Ледовитом океане. Как и в прошлом году, он сначала занимается описью берегов Мурман, на этот раз к западу от Кольского залива.

Литке описал Мотовский залив, Рыбачий полуостров, определил местоположение норвежской крепости Вардегуз, привязав тем самым к этому пункту выполненную опись, в которой из-за неблагоприятной погоды и недостатка времени было много пропусков. Ее уточнением спустя три года пришлось заниматься другу Литке — лейтенанту Михаилу Францевичу Рейнеке.

В июле 1823 года Литке в третий раз появляется у берегов Новой Земли. Он спешит к северу и вскоре убеждается, что мыс, у которого он год назад был остановлен льдами, не является северной оконечностью острова. То не мыс Желания, а мыс Нассау. Но проникнуть к северу ему опять не удастся. Льды снова преграждают путь экспедиции. Литке следует в Маточкин Шар. Он занимается описью его берегов, промерами глубин, наблюдениями за течениями и астрономически определяет западное

и восточное устья пролива. Он хочет выйти в Карское море, но сплошной лед закрывает выход из Маточкина Шара.

Покончив с работами в проливе, Литке спускается к югу, по пути уточняя опись западного берега Южного острова Новой Земли. Вскоре он достигает Кусова Носа на южной оконечности острова. Дальше, насколько хватает глаз, простиралось свободное ото льда Карское море. Кажется, путешественникам представилась возможность исследовать восточный берег Новой Земли.

Литке в нерешительности. Он знает, что причиной безледности были устойчивые западные ветры и что с первым восточным ветром льды снова подвинутся к берегам Новой Земли. Федор Петрович стоит перед выбором: идти в Карское море или возвращаться в Архангельск. И тут неожиданно бриг налетает на подводные камни. Сначала он ударяется носом, затем кормой. Удары следуют один за другим. Вышиблен руль, повреждена корма. На поверхности моря плавают обломки киля. Судно страшно трещит, и, кажется, вот-вот разлетится на куски. Литке приказывает рубить мачту. Уже занесены топоры, но в это время огромная волна приподнимает бриг и он снимается с камней.

Хотя экспедиция избежала гибели, положение ее было чрезвычайно опасным. Дул сильный ветер, приближалась ночь, а без руля кораблем невозможно управлять. Благодаря самоотверженности и изобретательности команды руль удалось навесить, но держался он весьма ненадежно, и Литке решил отказаться продолжать работы. Бриг взял курс на Архангельск.

В конце августа бриг «Новая Земля» вошел в устье Северной Двины и отдал якорь в Соломбале. Судно вытащили на берег для осмотра. Выяснилось, что повреждения очень серьезные: железные крепления в корме погнуты, медная обшивка изломана, а от киля почти ничего не осталось.

В Петербурге были весьма удовлетворены результатами работ Литке и решили в 1824 году развернуть исследования на Севере в более широком масштабе. К экспедиции были приданы два новых отряда: одному из них, под командой штурмана Иванова, предписывалось закончить описание реки Печоры, другой под начальством лейтенанта Демидова, имел задание произвести промеры глубин в Белом море.

Самому Литке предлагалось повторить попытку достичь северной оконечности Новой Земли и сделать покушение к северу между этими островами и Шпицбергом для поисков неведомых земель. В этом году ледовые условия оказались более тяжелыми, чем в предыдущие плаванья. Литке не смог подняться севернее мыса Нассау. Встретив здесь кромку сплоченных льдов, он направился вдоль нее на запад, надеясь найти проход к северу. Но вскоре экспедиция убедилась, что такого прохода не существует. Бриг взял курс на остров Вайгач. Попытка Литке проникнуть в Карское море не принесла успеха: восточное устье про-

лива Карские Ворота оказалось забитым льдами. Выполняя инструкцию, он направился к острову Колгуев и Канинскому берегу и, проведя там исследовательские работы, возвратился в Архангельск.

Литке был подавлен неудачей своего четвертого плавания. Он писал Крузенштерну: «Поистине, редко может случиться в каком-нибудь предприятии, чтобы все до такой степени располагалось вопреки начинающим. С самого начала противные, крепкие ветры так нас задержали, что целый месяц должныствовали мы употребить на исполнение того дела, которое легко могло бы быть окончено в неделю, я разумею, предписанное департаментом определение разных пунктов Белого моря. Обратясь после того на север, по трехнедельном тягостнейшем, а частью и опасном плавании, узнали мы только, что и ныне, подобно как во времена капитана Вуда, может существовать ледяной материк поперек всего моря между Новой Землей и Шпицбергенном. Не более удачи имели мы и на юге. Сперва нашли, что весь южный берег Новой Земли окружен сплошным льдом, на большое расстояние, но когда штормом от запада оный разбило и мы беспрепятственно дошли до острова Вайгача, то стали надеяться, что наконец усилия наши будут успешнее, но ошиблись, крепкие западные ветры не могли отогнать льдов от самого, так сказать, порога Карского моря, почему можно было судить о количестве их в восточной и северной оного частях! Принужденный оставить, наконец, берега Новой Земли, желал я по крайней мере совершить что-нибудь у острова Колгуева и Канинской земли, но, прокрейсировав тут до конца августа, должен был со столь же малым успехом и с сей стороны предпринять обратный путь к городу Архангельску...

Мы сделали все, что было в силах наших, для доставления успеха нашему делу, но противу физических препятствий усилия человеческие весьма часто ничего не значат».

В тот же день он отправил Головнину письмо о том, что четвертое его плавание «имело еще меньший успех», чем плавание в 1821 году.

Учитель упрекнул своего ученика в чрезмерной строгости к себе. «По моим мыслям,— писал Головнин Литке,— Вы напрасно беспокоитесь, что будто бы начальство может иметь причину быть в неудовольствии на Вас за неудачу в таком предприятии, которого успех зависит более от случая, нежели от искусства и предприимчивости. По крайней мере я так сужу, через Неву не всегда можно переехать, а по льду плавать нельзя».

В итоге четырех плаваний Литке удалось исследовать и достоверно положить на карту значительную часть западных берегов Новой Земли, которые до того времени «означались самым гадательным образом». По словам знаменитого немецкого путешественника Адольфа Эрмана, «он настолько превзошел всех своих путешественников научным тщанием и беспристрастием

своих суждений, что эти работы нельзя пройти молчанием ни в истории мореплавания, ни в истории географии».

Русские ученые сравнивали «Четырехкратное путешествие» с «Картинами природы» Гумбольдта, видя в этом труде Литке бесценный вклад в науку.

В этом классическом труде дано достаточно полное обозрение прежних путешествий к Новой Земле, которые, по словам Ф. П. Литке, доказывали, что встречаемые мореходами препятствия в виде льдов бывают в разные годы весьма различны. Опираясь на многовековой опыт плаваний, Ф. П. Литке сделал необычно важный вывод. Он писал:

«Причина сего удивительного различия есть та, что количество льдов в каком-нибудь месте зависит не столько от географической его широты или средней температуры года, как от стечения множества обстоятельств, почитаемых нами случайными, от большей или меньшей степени стужи, царствовавшей в зимние и весенние месяцы, от большей или меньшей жестокости ветров, в сии разные времена года стоявших, от направления их и даже от последовательного порядка, в каком они от одного направления переходили к другому, и, наконец, от совокупного действия всех оных причин».

Таким образом, почти полтора века назад Ф. П. Литке блестяще сформулировал мысль о влиянии многочисленных природных явлений на ледовитость арктических морей, исследование которых успешно продолжают советские ученые.

В заключительных строках его «Четырехкратного путешествия» были рассмотрены способы описи восточного берега Новой Земли. Он считал, что восточную часть Южного острова можно описать либо с судна, либо с берега, следуя на оленях. Исследование Северного острова представлялось ему более трудным как из-за суровости климата, так и по причине значительной протяженности его берегов. Для их описи он предлагал специально построить суда, которые могли бы зимовать в любом месте и «смело втираться в льды, не подвергаясь большой опасности быть проломленными или раздавленными». То, что такое плавание возможно, по мнению Ф. П. Литке, доказал С. Лошкин, который за два лета прошел от Карских Ворот до мыса Желания. Однако он предупреждал, что путешественники встретят великие опасности «от множества льдов», но эти трудности он считал преодолимыми. Чтобы командир судна мог иметь сведения о ледовой обстановке, Ф. П. Литке считал возможным учредить на возвышенном месте наблюдательный пост, который извещал о движении льдов.

В 1826 году Ф. П. Литке отправился на шлюпе «Сенявин» в кругосветное плавание вместе с М. Н. Станюковичем, командовавшим судном «Моллер». Себе в спутники Литке упросил дать Н. И. Завалишина.

В составе экипажа шлюпа «Сенявин» находились натура-

лист Мертенс и минералог Постельс, рекомендованный А. С. Шишковым. Этому отряду поручалось описать «земли чукчей и коряков», изучить малоисследованные участки побережья Камчатки, берегов Охотского моря и Шантарских островов. Особое внимание Литке должен был обратить на исследование восточного и юго-восточного побережья Чукотки, начав свои работы от самых северных пределов Берингова пролива. Ему предписывалось заходить во все заливы, которые он обнаружит на Чукотке. Особенно важное значение придавалось подробному исследованию «так называемого Анадырского моря, образующего большой залив». При достижении устья реки Анадырь командир судна обязан был описать его и поручить ученым доставить сведения о неизученных берегах. С не меньшей подробностью следовало изучить Олюторский залив, который был единственный раз картирован В. Берингом.

На следующее лето Литке было предписано после исследований в тропической зоне «прорезать гряду Курильских островов» и, подойдя к северной оконечности Сахалина, который Крузенштерн считал полуостровом, описать берега до озера Удд, подробно исследовать Шантарские острова и заливы Тугурский, Тауйский, Пенжинский и Гижинский. Затем, соединившись в Петропавловске-Камчатском со шлюпом «Моллер», следовать в Кронштадт.

В первый год своего пребывания в водах северной части Тихого океана Литке не смог выполнить того пункта инструкции, которым ему предписывалось следовать в Берингов пролив. 12 июня 1827 года шлюп «Сенявин» бросил якорь во внутренней гавани Новоархангельска. Разгрузка и ремонт судна, принятие балласта и заготовка дров отняли у моряков более месяца. Лишь 19 июля они покинули Ситху и направились к острову Уналашка, где предстояло взять на борт двух алеутов с байдаркой. Из-за шторма и ненастной погоды этот переход занял три недели и вместо одного дня, как предполагал Литке, морякам пришлось задержаться на острове Уналашка (с 10 по 19 августа). Через два дня они приступили к исследованию островов Прибылова. 25 августа достигли острова Св. Матвея, откуда взяли курс к берегам Камчатки, отложив плавание в Берингов пролив до будущего года. 13 сентября 1827 года шлюп «Сенявин» вошел в Петропавловскую гавань, посетив по пути остров Беринга.

Зиму моряки провели в тропической зоне Тихого океана, изучая Каролинский архипелаг. 29 мая 1828 года шлюп «Сенявин» возвратился в Авачинскую губу. Здесь покинул судно старший офицер Н. И. Завалишин.

14 июня 1828 года экспедиция вышла из Петропавловска в направлении Берингова пролива. В течение 25—30 июня был описан остров Карагинский. Размеры его оказались значительно большими, чем можно было заключить по прежним картам.

15 июля моряки достигли мыса Восточного (Дежнева) и астрономически определили его координаты. Литке зашел в губу Св. Лаврентия, где сверил хронометры (по прежним наблюдениям О. Е. Коцебу и Г. С. Шишмарева) и выполнил магнитные исследования.

Литке решил не описывать Мечигменскую губу, которая далеко вдавалась в глубь материка, и исследовал только самое устье, считая более важным изучение южных берегов Чукотки. 28 июля моряки открыли остров Аракамчечен и пролив, отделяющий его от материка. Путешественники называли его проливом «Сенявина». На следующий день открыли губу Пенкегней. Затем Литке посетил самую высокую гору Афое на острове Аракамчечен, откуда открывался вид на Берингов пролив. Благодаря определениям, сделанным Литке на этой горе, удалось связать «по долготе весь этот берег, начиная от мыса Восточного до Чукотского носа».

Направляясь к южным берегам Чукотки, экспедиция 6 августа миновала пролив «Сенявина», отделяющий остров Аракамчечен от материка.

16 августа путешественники сделали остановку в глубине губы Ноген. Литке отрядил два отряда для описи восточного и западного берегов залива Креста. Залив оказался значительно обширнее, чем он предполагал. Через несколько дней из-за нехватки продовольствия отряды вынуждены были возвратиться на судно, стоявшее на якоре в губе Чертовке. Литке считал, что осталось неисследованным «около 70 миль и самых важных», так как по виду гор предполагал найти берега очень изрезанные бухтами, 27 августа он перешел в глубь залива, но только спустя 4 дня, после того как перестала неистовствовать буря, удалось отправить описные партии. Сам же Литке занялся гравиметрическими (маятниковыми) наблюдениями, которые закончил 5 сентября. В этот же день была завершена и опись залива Креста.

По причине крепких ветров Ф. П. Литке пришлось отказаться от осмотра устья реки Анадырь, «в положении которого на прежних картах открывалась такая большая погрешность».

Спустя 2 дня шлюп «Сенявин» вышел из залива Креста, а 23 сентября отдал якорь в Петропавловском порту, где его ждал шлюп «Моллер».

Таким образом, экспедиция Литке, первоначально задуманная как секретное плавание к Северу или «навстречу Парри», в действительности решала задачи, которые некогда были поставлены перед А. С. Лесковым и его спутниками. Поручения, которые были даны Литке, оказались далекими от проблем, связанных с исследованием морского сообщения между Тихим и Атлантическим океанами. Но тем не менее экспедиция на шлюпе «Сенявин» внесла выдающийся вклад в изучение восточного и юго-восточного побережья Чукотского полуострова, связав точ-

ными описями значительные пространства северо-востока Азии.

Обширные минералогические, зоологические и ботанические коллекции, собранные как на Севере, так и в тропиках, важные географические открытия в Беринговом проливе и Каролинском архипелаге, где было обнаружено двенадцать групп ранее неизвестных островов, и точное исследование архипелага Бонин-Сима поставили плавание Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» в число наиболее плодотворных кругосветных экспедиций первой половины XIX века.

Плавание Федора Петровича Литке и М. Н. Станюковича является заключительным звеном научных кругосветных путешествий русских военных судов в первые тридцать лет XIX века. Оно достойно венчает эпоху капитанов, знаменитых не только своим мореходным искусством, но и любовью к изучению природы.

Впоследствии выдающийся советский океанограф Ю. М. Шокальский с восхищением писал о том, «сколько много русские моряки интересовались научными работами, не упуская случая для производства наблюдений, и на маленьких судах и с небольшими средствами сделали многое, сохраняющее научное значение до сих пор, несмотря на быстрый рост географической науки в последнее столетие».

По возвращении из кругосветного плавания по совету Александра Гумбольдта Литке был определен воспитателем великого князя Константина Николаевича. На многие годы он оказался оторванным от морей России, но в меру сил продолжал заботиться об их исследовании, и прежде всего Новой Земли, о чем уже шла речь.

В 1845 году вместе с Ф. П. Врангелем и К. М. Бэрм они основали Русское географическое общество, фактическим руководителем которого многие годы был Литке.

В 1864 году он стал президентом Петербургской Академии наук, которую возглавлял восемнадцать лет.

На протяжении всех лет пребывания на посту президента Академии Литке добивался увеличения средств на научные экспедиции. В середине 70-х годов прошлого века Академия располагала ежегодно лишь 2570 рублями на ботанические, зоологические, геологические, археологические исследования. «При такой обширности своего назначения,— писал Литке,— эта сумма оказывается столь незначительною, что ежегодно некоторое число предложений, делаемых членами отделений Академии в интересах Науки и от которых можно было ожидать весьма важных для нее результатов, должны быть по необходимости отклоняемы».

Больше всего страдали от этого безденежья географические исследования. В то время Литке являлся вице-президентом и фактическим руководителем Русского географического общества. Рассматривая его как своего рода географическое

отделение Академии, он стремился именно в нем развивать географические исследования. Это удавалось делать сравнительно легко, поскольку ключевые позиции в Географическом обществе занимали академики и члены-корреспонденты. Широким фронтом развернулись работы на Русском Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии.

Экспедиции уделяли основное внимание изучению орографии отдельных районов и областей, исследованию гидрологического режима, главнейших рек и отдельных морей, в том числе и полярных, географии животных и растений, изучению почв. Особое место занимало исследование природных богатств страны, ознаменовавшееся открытием месторождений нефти, каменного угля, полиметаллических руд.

Предпринимались попытки к изысканию транспортных путей между Обской губой и европейскими портами, было выявлено проникновение теплых атлантических вод к берегам Новой Земли. Учеными России была отвергнута гипотеза знаменитого немецкого географа Гумбольдта, будто в ледниковую эпоху Ледовитый океан имел сообщение с Арало-Каспийским бассейном. Был разработан план дальнейшего изучения севера Восточной Сибири.

К сожалению, Литке не дожид до того времени, когда были осуществлены эти планы. Уже после его смерти Академия наук направила на Новосибирские острова А. А. Бунге и Э. В. Толля, выдающихся исследователей Арктики.

Как президент Академии наук и руководитель Русского географического общества Федор Петрович Литке участвует в подготовке Первого международного полярного года (1882). По его программе Россия вела магнитные и метеорологические исследования на Саастырь, в дельте Лены, в Малых Кармакулах, на Новой Земле. Таким образом, Литке приложил немало усилий, чтобы изучение Севера велось успешно.

Человек, открывший восточные берега Новой Земли

В Кронштадте на площади у бывшего Штурманского училища стоит памятник русскому полярному исследователю Петру Кузьмичу Пахтусову. Высоко поднятая голова Пахтусова обращена к морю, которое шумит и плещется совсем рядом. В руке он держит карту Новой Земли, добытую для России и науки ценой жизни. На граните высечены слова: «Польза, Отвага, Труд». Эти слова были его девизом.

Пахтусов родился в 1800 году в Кронштадте. Ему было семь лет, когда его отец, отставной шкипер, умер. Жили Пахтусовы в это время в городе Сольвычегодске Вологодской губернии. Через несколько месяцев семья переселилась в Архангельск, где мать надеялась найти работу, но и в Архангельске положение нисколько не улучшилось. Мать зарабатывала жалкие гроши, которых не хватало даже на хлеб. В 1808 году ей удалось определить сына в военно-сиротскую школу. Здесь Пахтусов выделялся среди сверстников разносторонними познаниями в морском деле и отличными успехами в учении. В 1816 году его направили в Кронштадт продолжать образование в Штурманском училище. Путь до Кронштадта он проделал на военном корабле «Кацбах».

В 1820 году Петр Кузьмич успешно закончил училище и был произведен в штурманские помощники унтер-офицерского чина. Он вернулся в Архангельск.

Почти каждый год в течение одиннадцати лет он плавал на судах или ездил на оленьих упряжках, участвовал в трех Печорских экспедициях И. Н. Иванова, в Западной экспедиции И. А. Бережных и в пяти плаваниях по Белому морю под начальством М. Ф. Рейнеке.

Иванов, Бережных и особенно Литке и Рейнеке в официальных донесениях неоднократно отмечали отвагу и трудолюбие Пахтусова, его инициативу, страстное стремление проникнуть в неизвестные области Северного Ледовитого океана. Он молод, ему недавно присвоили офицерский чин. В силу обстоятельств он занимает второе место в экспедициях. Но по всему чувствуется, что Пахтусову недолго оставаться в тени и скоро он скажет свое слово в науке, что именно ему предстоит ступить на берега, еще не положенные на карту.

Еще в те времена, когда он участвовал в экспедициях Иванова и Бережных, его внимание привлекала заманчивая далекая Новая Земля. Весь ее восточный берег и значительная часть западного не были положены на карту. Рассказы очевидцев, пустозерских промышленников, свидетельствовали о том, что Карское море бывает безледно и, следовательно, можно пройти с описью вдоль восточного берега Новой Земли и обогнуть ее северную оконечность.

12 октября 1829 года П. К. Пахтусов отправил из Архангельска свой проект «О снаряжении экспедиции для описи восточного берега Новой Земли». Он предлагал в Усть-Цильме, а еще лучше в Архангельске, построить карбас наподобие тех, которые употребляют местные жители для промыслов. В состав экспедиции, по мнению Пахтусова, кроме помощника, должны входить десять промышленников, которые лучше матросов знают условия плавания среди льдов. Экспедиция должна иметь полугодовой запас продовольствия и быть «не дороже 7 или 8 тыс. руб. ассигн.».

Управление генерал-гидрографа нашло, что проект Пахтусова

заслуживает большего внимания, чем проект И. А. Бережных, но этим дело и ограничилось.

Между тем по совету П. К. Пахтусова восемнадцатилетний помор Гвоздарев весной 1831 года отправился на собственной шняке к берегам Новой Земли и вернулся с полным грузом голцов (род семги) и моржей. «Этот пример,— по словам Рейнеке,— привлек на следующий год многих поморцев к берегам Новой Земли, и давно забытые становища опять наполнились лодьями».

За год до проекта Пахтусова советник Северного округа корабельных лесов Павел Иванович Клоков, в доме которого на протяжении многих лет находили радушный прием многие моряки, составил проект о возобновлении судоходства из Архангельска к сибирским рекам, но, занятый делами службы, не имел времени привести его в исполнение. Наконец, найдя через Рейнеке в лице Пахтусова «человека основательного и готового переносить трудности подобной экспедиции, Клоков решил дать ход своему проекту».

Основное внимание проектируемой Северной экспедиции «первоначально обращалось» на исследование «как берегов Новой Земли, так и Карского моря и на открытие удобного пути к реке Енисею».

Проект Клокова, который должен был осуществляться частью на весьма значительные пожертвования его автора, частью на капиталы архангельского купца Вильгельма Брандта, отмечает необычайная широта размаха. Предполагалось, во-первых, удостовериться, какой из двух путей к Енисею удобен: через Маточкин Шар или через проливы Карские Ворота и Югорский Шар; во-вторых, исследовать восточный берег Новой Земли, на южной оконечности которой основать становище с лоцманом. Такие же становища намечались на острове Долгом или Вайгаче, на острове Белом и острове Кузьмино в Енисейской губе. Одновременно мыслилось учреждение факторий при устье реки Мутной, в Карской или Хайпутырской губах, а также на Енисее.

По утверждению «Журнала мануфактур и торговли», «успешное разрешение подобного дела... должно было оживить этот обширный и богатый от природы край нашей Азии... внести туда волшебницу-промышленность, чудесным жезлом своим утраченную цену малейшего предмета, к которому она прикоснется, ввести туда торговлю, открыть внезапно новый широкий исток произведений всех царств природы, коими та одарена роскошно, и коих малейшая только часть» доставлялась в Центральную Россию и в некоторые государства Европы.

Подчеркивая важность и смелость подготавливаемого Клоковым и Брандтом мероприятия, тот же журнал отмечал, что его успех откроет «важную эпоху в истории торговли и промышленности».

Планы Брандта с сыном и Клокова шли далеко. Как видно из письма Клокова от 1 октября 1832 года к Я. А. Дружинину, предлагавшему организовать акционерную компанию для торговли с Сибирью, снаряжители экспедиции обратились через архангельского военного губернатора Р. Р. Галла к министру финансов Е. Ф. Канкрину с просьбой о выдаче им «по сему предмету привилегий на 25 лет».

«И ежели,— продолжал Клоков,— правительство дарует нам просимую привилегию, то Брандт, управляя делами в Архангельске, усилит старание, дабы открыть своим судам путь к реке Енисею, и когда поиск сей увенчается счастливым успехом, в таком случае постарается склонить и иностранцев посылать туда свои корабли, я же, оставив службу, отправлюсь в зауральские губернии для устройства при реке Енисее порта и приведения торговли того края морским путем в сколь возможно лучшее состояние».

Клоков считал нецелесообразным создание «компаний на акциях», поскольку находил, что такие предприятия, хотя вначале и обещают большие надежды, но затем не приводят, как правило, к желанному успеху. При этом он ссылаясь на печальный опыт Беломорской компании, акционеры которой «совершенно лишились капитала, а сверх того кредиторы получили только по 8 копеек за рубль».

«Журнал мануфактур и торговли» довольно недвусмысленно намекал, что «при поощрении» царского правительства Брандт и Клоков могли бы проложить морской путь не только к Енисею, но и к устью Лены, а возможно, и до самого Берингова пролива и тем самым открыть сообщение через арктические моря из Атлантики в Тихий океан, на изыскание которого «англичанами издержаны многие миллионы без успеха». 5 января 1833 года царское правительство выдало Клокову и Брандту просимую ими привилегию.

Еще ранее Вильгельм Брандт с сыном обратился к главному командиру Архангельского порта Роману Романовичу Галлу с просьбой разрешить лейтенанту Кротову, подпоручикам Пахтусову и Казакову и кондуктору Крапивину принять участие в Северной экспедиции. В начале мая разрешение было получено.

Начальником Новоземельского отряда был назначен Пахтусов. Енисейский отряд возглавил Кротов. В подготовке экспедиции приняли активное участие М. Ф. Рейнеке и Ф. П. Литке. В частности, Литке по просьбе Клокова сформулировал основные положения инструкции для ученых-исследователей.

Пахтусов отправился на верфь купца Брандта на реке Маймаксе, где пробыл до тех пор, пока судно для экспедиции не спустили на воду. Судно строилось по плану, составленному Пахтусовым при помощи полковника В. А. Ершова, человека, сведущего в корабельном деле. Это был бот по типу большого, беспалубного карбаса, длиной немногим более двенадцати метров,

а шириной около четырех метров. На носу и корме были сделаны небольшие каюты для команды, начальника экспедиции и его помощника. Там же предполагалось поместить провизию. Среднюю, открытую часть судна в дождливую погоду и во время сильного волнения следовало закрывать брезентами. На карбасе имелись две лодки. На таком судне Пахтусов должен был плавать среди льдов и волн Баренцева и Карского морей.

Петр Кузьмич одновременно укомплектовывал команду из людей добросовестных и физически здоровых. Такими, по мнению Пахтусова, были Василий Федотов, Егор Хаймин, Никифор Подгорный, Константин Родионов, Андрей Рахов, Николай Рудаков, Иван Гладкий и Семен Лечехин — крестьяне Архангельского, Мезенского, Холмогорского, Пустозерского уездов. Все они много плавали в Белом и Баренцевом морях и знали, что их ждет зимовка на Новой Земле, а вместе с нею и неизбежная спутница первых полярных экспедиций — цинга. В помощники Петр Кузьмич избрал кондуктора Корпуса флотских штурманов Николая Крапивина.

В инструкции, определявшей программу работ экспедиции, Пахтусову предписывалось следовать из Архангельска к северной оконечности острова Колгуев, затем, проверив счисление, направиться к южным берегам Новой Земли, пройти проливом Карские Ворота в Карском море и приступить к описи восточного берега острова. На тот случай, если в проливе встретятся непроходимые льды, разрешалось остановиться в Никольском Шаре и ждать улучшения ледовой обстановки. После удачного прохода в Карское море экспедиция должна была направиться к северу до 75—76° (до зимовки Баренца), а оттуда следовать, в зависимости от обстоятельств, либо к Енисейской губе, либо вокруг мыса Желания в Баренцево море, либо на юг вдоль восточных берегов острова.

В инструкции содержалось немало советов, как поступать в той или иной обстановке. Не было недостатка в ссылках на действия таких полярных исследователей, как Литке, Парри, Росс и Франклин. «Полагаю,— писал в заключение Клоков,— что Вы, имея в виду одну изъявленную мне в разговорах цель дойти до места зимовки Баренца, достигните оной, и никакие препятствия в опасности не поколеблют твердости духа Вашего... Я надеюсь, что правительство не оставит Вас без признательности своей, если в предназначенном Вам опасном пути, не теряя духа от неудач и преодолевая все затруднения, окончите Ваше предприятие с желаемым успехом».

Главная роль в предприятии отдавалась отряду, направлявшемуся к устью Енисея. Цель экспедиции Кротова — исследовать условия плавания Маточкиным Шаром к устью Енисея. Одновременно необходимо было выяснить, «можно ли в августе и в первой половине сентября месяцев совершить сей путь с обратным плаванием к Архангельску», изучив при этом «удобства

или неудобства оно и что именно надлежит наблюсти при таком плавании».

Если по выходе из Маточкина Шара он встретит льды, препятствующие идти прямо к устью Енисея, в то время как путь к северо-востоку будет открыт, он должен следовать вдоль берега Новой Земли «с тем, не откроются ли возможности спуститься с северо-восточным ветром и течением сквозь льды к реке Енисею».

Необходимо отметить, что Клоков особо подчеркивал: если Пахтусов, подойдя к восточному устью Маточкина Шара, найдет Карское море свободным ото льда и обстоятельства будут благоприятствовать плаванию к сибирским берегам, то он должен будет прекратить опись Новой Земли и «плыть к Енисейской губе».

Пахтусову вменялось также сделать опись устья Енисея, где ему следовало остаться на зимовку, а следующим летом обследовать Карскую и Хайпутырскую губы, поскольку третье судно не удалось снарядить в столь короткий срок.

Таким образом, Северная экспедиция должна была пересечь в трех или, в худшем случае, в двух направлениях Карское море и при этом выполнить грандиозный план гидрографических исследований.

В инструкциях, выданных Пахтусову и Кротову, отмечалось, что если суда окажутся в ледовом плену, то путешественники не должны приходить в отчаяние. «Известно,— писал Клоков,— что льды несколько раз в течение года и в самых больших широтах переменяют свое положение, и в тех местах, где не лежат на дне, находятся от ветров почти в непрерывном движении».

Однако подготовленная Северная экспедиция едва не была отложена. Скоростижно умер купец Вильгельм Брандт, и было неизвестно, как его сын отнесется к затеваемому предприятию. Неделя прошла в томительном ожидании. К счастью, в Архангельск вернулся Клоков. Как видно из письма М. Ф. Рейнеке, «если бы Клоков не приехал, то Брандт сын не послал бы их (Пахтусова и Кротова.— В. П.). Клокову стоило труда выпроводить молодчиков».

1 августа Пахтусов вышел в море. Спустя несколько часов за ним последовал лейтенант Кротов.

Плавание в Белом море было опасным. Опустился густой туман. Крепкий ветер поднял сильную волну. Путешественникам пришлось искать убежища. Пахтусов направил судно к Терскому берегу и 5 августа вошел в небольшую мелкую, но хорошо защищенную от волнения бухту, называемую Девятым Становищем. В это время начался отлив, и спустя несколько часов бот оказался на суше.

Вечером 7 августа ветер утих, в полную воду выбрали якорь, и бот продолжал свой путь к северо-востоку. В полдень путешественники прошли в виду Канина Носа. Здесь команды расста-

лись. Шхуна «Енисей» направлялась к Маточкину Шару и дальше к берегам Сибири, бот «Новая Земля» по-прежнему следовал курсом на Карские Ворота. «С этой минуты,— писал Пахтусов,— в течение более года не встречали мы ни одного постороннего человека».

Между командирами судов было условлено, что Кротов, пройдя Маточкин Шар, оставит в зимовье Федора Розмыслова записку о своем плавании. Думал ли Пахтусов, что он не только не найдет записку, но и никогда больше не встретит своего товарища.

Весь следующий день дул слабый юго-западный ветер. Бот шел с небольшой скоростью, примерно 3—4 версты в час. Служители развлекались ловлей трески. К полуночи ветер засвежел и в течение 9 августа все усиливался и крепчал. Судно несло в четыре раза быстрее, чем вчера, и в то же время жестоко страдало от волнения. «Казалось,— писал Пахтусов,— что каждый находящийся на нас вал старался покрыть судно наше своим гребнем, но бот наш, имея все лучшие качества мореходного судна, гордо рассекал валы и неся на хребтах их, не страшась ярости бури. Тут нельзя не изъявить признательности нашей г. полковнику В. А. Ершову, руководившему мной при составлении плана этого судна, равно исполнителю этого чертежа при постройке искусному в своем деле вольному корабельному мастеру В. Г. Хабарову».

Двое суток бот был во власти разбушевавшегося моря. Брызги проникали сквозь брезенты, вода грозила подмочить запасы провизии.

10 августа появились сначала отдельные льдины, а затем и большие поля. Волнение уменьшилось. По расчетам Пахтусова, где-то недалеко должна была находиться Новая Земля, но отсутствие видимости мешало рассмотреть ее очертания. Под вечер туман немного рассеялся, ветер разорвал облака и лучи солнца осветили берега острова.

Это была Новая Земля, в течение последних четырех столетий привлекавшая путешественников и остававшаяся не исследованной и не положенной на карту в большей своей части.

Однако пройти к острову оказалось делом нелегким. Всюду, насколько хватало глаз, был густой лед. Используя незначительные разводья, расталкивая льдины, экспедиция с большим трудом пробилась в губу Широких, где судно отдало якорь. Первое знакомство с островом увенчалось удачной охотой на гусей, которые водились здесь в большом количестве. Петр Кузьмич с первых дней похода делил со своими спутниками невзгоды, лишения и радости. Он участвовал во всех самых трудных работах и питался вместе со всеми из братского котла.

Свирепые ветры не оставляли в покое экспедицию ни на один день, то и дело налетали шквалами, и судну грозила опасность быть выброшенным на берег.

12 августа, переждав очередной шторм, Пахтусов направился дальше к востоку и достиг района Бритвинных островов. Пролиты между ними и все пространство южнее их были забиты льдом. Экспедиция укрылась в Петуховском Шаре около Большого Оленьего острова. Носившийся в проливе лед часто беспокоил судно. Приходилось перетягиваться завозами и менять стоянки — и все это при сильном ветре, почти нулевой температуре, под проливным дождем и при тумане. В мокрой одежде, не имея возможности обсушиться и согреться, путешественники бдительно несли вахту и удачно уходили от ледяных громад, напиравших на маленькое судно.

16 августа Петр Кузьмич приказал спустить лодку и направился с двумя служителями на восток, чтобы разведать ледовую обстановку в окрестностях. Ему удалось добраться до юго-восточного берега Кусовой Земли. Здесь путешественников застигла темнота, и они остановились на ночлег в небольшой бухте. Это была первая ночь, проведенная Пахтусовым на Новой Земле под открытым небом. Термометр показывал ниже нуля. Над головой плыли черные облака, сея хлопья снега, свежий ветер проникал под брезент, которым укрылись путешественники. Было неуютно и холодно.

На следующий день, сделав опись окрестностей, Пахтусов вернулся на судно. Лды разредились, можно было идти вперед с описью берегов. Работа шла успешно.

В течение нескольких дней экспедиция пыталась проскользнуть в Карское море. Выжидая улучшения ледовой обстановки, Пахтусов занялся описью южного берега Новой Земли.

21 августа удалось пройти в губу Логинова. Но дальше снова были лды. Опять последовала длительная вынужденная остановка. Экспедиция пребывала в бездействии; постоянная непогода мешала заниматься обследованием окрестностей. «Частые неудачи в описи от туманов, дождей и большей частью от льдов делали положение наше для меня несносным, — писал Пахтусов. — Мысль, что, несмотря на раннее еще время, придется нам зимовать, не увидев восточного берега, меня крайне беспокоила. Только примеры предшествовавших экспедиций в полярные страны несколько ободряли меня. Я знал, что и в позднюю осень Карские Ворота бывают иногда чисты от льда».

Однако лед не только держался в проливе, но все больше заполнял губу Логинова. Пришлось искать нового убежища. Укрыв карбас за небольшим островком, Пахтусов на лодке направился на восток для осмотра берега и льда. В губе Каменке он нашел старую избу, выстроенную более 70 лет назад кормщиком Ивановым. Бревна сруба погнили. Потолки провалились. И все-таки Пахтусов был чрезвычайно рад находке. В том тяжелом, почти безвыходном положении, в котором находилась экспедиция, эта ветхая изба могла сослужить ей добрую службу. Вернувшись на судно, Пахтусов решил «заняться собиранием по берегу выкид-

ного лесу на пространстве 15 верст для постройки становой избы и бани». «Столь раннее приготовление к зимовке может быть поставлено мне в вину, — писал Пахтусов, — но я полагаю, что во всякое время, благоприятное для продолжения описи, гораздо легче выкидывать из судна дрова и лес, чем запастись ими в случай крайней нужды».

Шли дни. Ледовая обстановка не улучшалась. Температура воздуха держалась на нуле. То шел дождь, то сыпалась морось, то стоял густой туман. Заниматься описью берегов и островов в губе Логинова не было возможности. Свежим ветром лед сильно нажало на берег. Сплоченность льдин была так велика, что даже на легкой небольшой лодке нельзя было пройти между ними. Заготовку дров и леса пришлось прекратить.

28 августа посланные Пахтусовым на поиски прохода в губу Каменку трое служителей возвратились с известием, что лед несколько развело. Экспедиция двинулась на восток, но вскоре опять остановилась.

С каждым днем надежда проникнуть в Карское море к восточному берегу Новой Земли таяла. Надо было немедленно начинать подготовку к зиме.

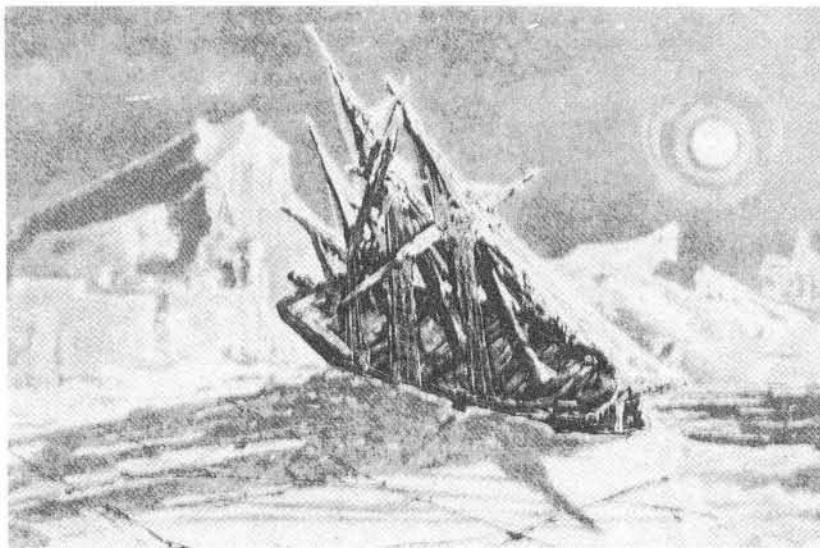
30 августа Пахтусов отправил трех рабочих к развалинам избы. Они должны были набрать мха для закладки в пазы между новыми бревнами и вынести из избы землю, обрушившуюся на пол вместе с прогнившим потолком.

В этот же день западным ветром стало выносить лед из губы Логинова. Переждав ночь, Пахтусов приказал поднять якорь. Ветер был очень слабый, поэтому паруса не ставили, а бот тащили бечевой. Шесть часов потребовалось на то, чтобы пройти между льдами две версты.

Добравшись до губы Каменки, Петр Кузьмич отправил часть команды под начальством кондуктора Крапивина на опись берега. Другая часть вместе с начальником экспедиции занялась устройством зимовья. Для ремонта избы потребовалось не меньше тринадцати крепких бревен. Имелось всего шесть. Пришлось прекратить опись берегов и, пока не настала зима, всей командой заняться сбором леса по берегам заливов и бухт.

16 сентября экспедиция перебралась в зимовье. Пахтусов распорядился вытащить бот «Новая Земля» на берег и всем переселиться в избу. Туда же были доставлены запасы продовольствия, а также инструменты и приборы.

Изда мало годилась для жилья в долгую арктическую зиму. Стены дома были срублены частью из старых полусгнивших бревен, а частью из мокрого плавника. Почти все свободное пространство занимали нары и печка. Из-за недостатка досок пола не делали. Крышу соорудили из досок, предусмотрительно захваченных из Архангельска. Правда, между Клоковым и Пахтусовым было условлено, что для путешественников промышленник Гвоздарев доставит в восточное устье Маточкина Шара

Корабль, затертый льдами и брошенный экипажем

разборный дом, но до Шара было далеко и, как впоследствии выяснилось, Гвоздарев не смог туда пройти и оставил бревна на западном берегу Новой Земли.

Рядом с избой путешественники построили баню. Она соединялась с жилищем коридором, сооруженным из бочек, весел и парусов. В нем для предохранения от сырости держали продовольственные запасы, инструменты и теплую одежду.

С 19 сентября Пахтусов организовал первые на Новой Земле инструментальные наблюдения за температурой и давлением воздуха. Кроме того, в метеорологическом журнале через каждые два часа отмечались разные атмосферные явления. Наблюдения вели Пахтусов и Крапивин.

Петр Кузьмич с первых дней установил строгий распорядок в зимовье. Он разбил команду на вахты. Обязанностью вахтенных было смотреть за судном и коридором, поддерживать ночью огонь в печке. Свободным от дежурства членам экспедиции разрешалось спать лишь ночью и не больше 8 часов в сутки. Зная, что отсутствие занятий вредно сказывается на настроении и здоровье команды, Пахтусов занимал служителей всевозможными работами по устройству зимовья. В погожие дни устраивались прогулки на свежем воздухе. Когда шел снег или бушевала метель, служители мастерили кулемы и пасти для ловли песцов, приводили в порядок одежду, чистили оружие, пели песни.

Готовясь к приближавшей зиме, Пахтусов с тревогой наблюдал за состоянием льда в море. Он по-прежнему держался

в проливе сплошной массой. Неужели пустозерские промышленники ввели его в заблуждение, убеждая, что Карское море «бывает безледно»?

Однажды, осматривая окрестности губы Каменки, Пахтусов на небольшом острове среди плавника обнаружил толстое еловое дерево. Оно, по-видимому, было совсем недавно выброшено на берег. Кое-где на нем сохранилась кора, значит, оно не так уж долго находилось в море. Но самое, пожалуй, интересное состояло в том, что дерево находилось почти в пяти метрах от уреза воды. Каким образом оно оказалось на такой высоте? Приливы здесь незначительны, льды останавливаются на мели и не достигают берега. Следовательно, совсем недавно Карское море было свободно ото льдов. В это время разыгрался жестокий шторм, и волны выбросили ель на берег. Итак, пустозерские промышленники были правы.

Это открытие окрылило Пахтусова. Теперь он был уверен, что его рискованное предприятие завершится успехом.

Между тем наступала зима. Часто выпадал снег. Губа Каменка покрылась льдом. Морозы достигали 10—15°, но они не страшили: в избе было тепло. Досаждала лишь сырость. На одежде и книгах была плесень. Проветривание почти не помогало. Сырость увеличивалась еще оттого, что печь топилась по-черному и дверь в избу долго приходилось держать открытой.

Пахтусов отлично знал по опыту прежних экспедиций, что грязь и неопрятность способствуют появлению цинги, и заботился о том, чтобы его спутники содержали жилище в чистоте. Каждую субботу зимовщики мылись в бане, а белье меняли два раза в неделю. В конце сентября юго-западными ветрами пролив очистило, и Карское море до самого горизонта оказалось свободным ото льда.

И как ни досадовал Пахтусов на то, что экспедиция еще долго не сможет продолжить плавание, ему важно было убедиться, что при продолжительных западных ветрах льды действительно уходят далеко от восточного берега Новой Земли. Это подтверждается записью в «Дневных записках», сделанной спустя два месяца. Забегая вперед, отметим, что в ноябре лед ушел от берегов за горизонт. Такое положение продолжалось 18 дней. Если бы не морозы со свирепыми вьюгами и не полярная ночь, экспедиция могла бы описать восточный берег Новой Земли на большом протяжении. «Теперь, — отмечал Пахтусов в дневнике 2 декабря 1832 года, — в полной мере убедился я, что Карское море иногда бывает совершенно свободно ото льда, в чем при начале покушений наших с 13 августа по 13 сентября начал было я сомневаться, встречая на каждом шагу непреодолимые препятствия ото льда».

В начале октября разыгрался шторм. Петр Кузьмич узнал о его приближении по сильному падению барометра и распорядился укрепить крышу сеней и проверить, далеко ли от воды

находится судно. Поднявшийся ветер взломал лед в губе Каменке. Вода прибывала очень заметно, и судно начинало бить о замерзшее дно. Не хотелось оставлять избу во время непроглядной метели, но пришлось подтащить судно еще выше на берег. Во время этой вылазки один из рабочих упал с утеса высотой около шести метров. Его исчезновения не заметили, он же с большим трудом выбрался из-под обрыва и дополз до зимовья.

Октябрь прошел без особых происшествий. Птицы улетели. Путешественники остались наедине с белыми медведями и песцами.

День становился все короче. Солнце даже в полдень едва поднималось над горизонтом. И вот наступил момент, когда оно не возшло вовсе. Пришла полярная ночь. Морозы усилились, достигая порой 32 градусов.

Зимовщиков часто навещали медведи. Некоторые из них проходили недалеко от избы, другие рисковали заглядывать в сени, где хранились запасы провизии, и пытались лакомиться ворванью из стоявшей там бочки. Моряки палили в них из ружей, не причиняя, однако, большого ущерба зверям, которые несколько раз уходили целыми и невредимыми. Медведи мешали охоте на песцов. Они обходили поставленные путешественниками кулемы, съедали и приманку, и добычу, часто при этом ломая ловушки.

Весь ноябрь и декабрь море было свободно ото льда. Сильные ветры нагоняли много воды в губу Каменку. Чтобы волны не били судно о камни, его спустили на воду и укрыли в майну. Однажды был такой сильный ветер, что лодку и лежавший под ней челн унесло и сбросило в море. Челн разбился в щепки, а лодка изрядно пострадала. У экспедиции не было ни нужных инструментов, ни досок. Однако жестокая нужда сделала путешественников изобретательными. Вся команда во главе с начальником и его помощником трудилась в поте лица над исправлением лодки, без которой невозможно было осуществить описные работы в полном объеме.

Наступил новый 1833 год. Глухая полярная ночь все еще лежала над Новой Землей. Но зимовщикам было приятно думать о том, что в более южных широтах, где каждые сутки светит солнце, день начал прибывать. Солнце на лето — зима на мороз. Пройдет неделя, другая — и солнечные лучи прорежут ночной сумрак.

Первую половину зимовки Пахтусов и его спутники перенесли благополучно. Правда, отсутствие свежего мяса, жизнь в тесной избе, в которой можно было находиться только или сидя, или лежа на нарах, подточили силы путешественников. Все они побледнели, осунулись, хотя на здоровье никто не жаловался. Лишь у матроса Рудакова на ногах появились небольшие язвы и на теле — красные пятна. Однако больной не унывал, развлекал товарищей остроумными шутками и непременно старался участвовать во всех работах, даже самых трудных.

Каждые сутки проходили в борьбе с природой. То и дело бушевали снежные ураганы, грозя унести или засыпать убежище путешественников. Держались лютые морозы. Печь в зимовье приходилось топить непрерывно. Заметно уменьшались запасы дров, и вот кончились. И тогда служители вместе с Пахтусовым отправились за несколько верст от губы Каменки, чтобы достать плавник из-под снега. Не оставляет в покое зимовщиков и самый немилосердный враг — цинга. Уже несколько недель Василий Федотов, отставной матрос, жалуется на слабость. У рабочего Никифора Подгорного опухло колено правой ноги. Николай Рудаков, хотя и жизнерадостен, однако заметно, что он сильнее обычного страдает от язв на ногах. Пахтусов с помощью лечебника Каменецкого самостоятельно врачует больных. Лечение проходит успешно. Больные выздоравливают. По видимому, пример начальника, не сторонящегося черной работы и требовательного к себе, благотворно действует на подчиненных. Вчерашние больные, едва встав с постели, берутся за легкие работы в зимовье.

Но вот в полдень стало заметно светлеть. Потом заалела заря. И наконец наступил день. День появления солнца над горизонтом был точно высчитан Пахтусовым.

8 января зимовщики высыпали из избы. Падая крупный пушистый снег, застилая белой пеленой окрестности. Было тихо, только со стороны губы Каменки доносился шум набегавших на берег волн (море снова было свободно ото льда). Прошло несколько минут. Снег перестал падать, и вдруг из-за черной тучи, отороченной золотой бахромой, появился огромный красный диск солнца. Еще мгновение — и его лучи заискрились на ослепительно белом снегу, заиграли красными бликами на вспененных верхушках волн в море. Полярная ночь, продолжавшаяся 65 суток, кончилась!

Началась подготовка к весенним исследованиям.

8 апреля 1833 года Пахтусов с четырьмя спутниками оставил зимовье и отправился на юго-запад, чтобы уточнить опись Никольского Шара, выполненную осенью минувшего года в ненастную погоду. Провизию и теплую одежду везли на санях. Ночевали в ямах, вырытых в снежных сугробах. Работы здесь были сделаны. Но успех достался дорогой ценой. Все пятеро участников похода возвратились в зимовье с больными глазами. Через две недели снежная слепота прошла, и Пахтусов начал готовиться продолжать работы.

21 апреля вблизи зимовья заметили первых птичек, прилетевших с юга. Это были подорожники — вестники близкой весны. Спустя несколько дней Пахтусов снова оставил зимовье и направился к Петуховскому Шару, где открыл огромный залив и назвал его именем капитана Рейнеке, «под лестною командою коего прослужил 5 лет при описи и промере Белого моря».

На пятый день работ поднялся сильный ветер со снегом. Лю-

ди, производившие опись со льда, вынуждены были укрыться под прибрежным утесом одного из островов Петуховского Шара. Убежище оказалось неудобным: с вершины утеса падала вода. Путешественникам предстояло сделать выбор: либо промокнуть до костей, затем обледенеть и замерзнуть, либо оставить убежище и лечь на снег.

Ветер дул с необыкновенной силой. «Невозможно было не только предпринять дальнейший путь, но даже стоять на ногах... почему мы и принуждены были лежать... на снегу, не имея возможности даже и говорить между собой». Прошел день, второй, наступил третий, а снежная буря все продолжалась.

Но вот ветер ослаб. Можно было встать на ноги и с большим трудом, но продвигаться вперед. Глубокой ночью Петр Кузьмич разыскал примеченное им ранее бревно. Путешественники развели костер, согрели чай и подкрепились жалкими остатками сухарей. Спать не ложились, опасаясь замерзнуть. Отряд направился к Никольскому Шару, где лежал запас провизии, а вечером следующего дня возвратился в зимовье. Наутро все, кто ходил к Петуховскому Шару, заболели простудной лихорадкой. В особенно тяжелом положении был Пахтусов. Он пролежал в постели более трех недель.

В это время экспедиция потеряла двух своих членов: цинга унесла Василия Федотова и Никифора Подгорного.

Поправившись, Пахтусов занялся описью берега к северу от зимовья и довел ее до реки Кумжи. А весна вступала в свои права. Шел перелет птиц. Теперь путешественники имели вдоволь свежего мяса. Температура держалась выше нуля.

В середине июня сильными южными ветрами взломало припайный лед и унесло за горизонт. Лишь кое-где плавали отдельные льдины. Однако в губе Каменка еще стоял зимний лед толщиной 14 вершков (около 70 сантиметров). Пахтусов не мог ждать, когда лед в губе разрушится и судно сможет выйти в плавание. Взяв месячный запас провизии и двух рабочих в помощники, Петр Кузьмич на лодке вышел в море, чтобы описать восточный берег Новой Земли. Плавание это оказалось чрезвычайно трудным и опасным. Лодка была так мала, что при боковом ветре невозможно было идти под парусами. Кругом плавали льды, задерживая порой движение на север на несколько дней. Но каждый день Пахтусов наносил на карту десятки верст восточного берега острова.

В тридцати верстах к северу от реки, названной именем подпоручика Казакова, отправившегося с лейтенантом Кротовым к устью Енисея, Пахтусов нашел разрушенную избу и поваленный бурями древний крест. На нем была надпись:

ПОСТАВИЛИ СЕЙ ЖИВОТВОРЯЩИЙ КРЕСТ, НА ПОКЛОНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ, ЗИМОВЩИКИ, 12 ЧЕЛОВЕК, КОРМИЩИК САВВА Ф...АНОВ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ, ПО ПРАВУЮ СТОРОНУ КУСОВА НОСА

Ниже стояла дата, свидетельствующая о том, что крест поставили 9 июня 1742 года. «Около надписи фамилии выветрела трещина дерева,— писал Пахтусов,— так что в промежутках между Ф и А можно поместить два или три слова (букву), например ОФ и ЕОФ и таким образом составится Фофанов или Феофанов. Нельзя сомневаться, что это тот самый Савва, который обошел Новую Землю кругом около мыса Доходы. Хотя предание называет его Лошкиным, но эта разница в прозвище могла произойти от двух причин: или Савва имел две фамилии — Лошкин и Фофанов, или вырезывавший надпись на кресте из уважения к своему кормищику назвал его по отчеству Феофановым».

Пахтусов ошибся, приписывая обнаруженный им крест Савве Лошкину, так как последний обошел Новую Землю двумя десятками лет позже, а именно в начале 60-х годов XVIII века. Но независимо от этого находка Пахтусова представляла несомненный интерес. Она свидетельствовала о том, что русские промышленники в первой половине XVIII века занимались охотой на зверя в Карском море и оставались на зиму на берегах Новой Земли.

Обнаруженная изба находилась вблизи большой реки, которую Пахтусов назвал Саввиной в честь Лошкина.

В этом месте остановились на отдых. При заходе в реку на бурунах лодка зачерпнула бортом много воды, поэтому провизия и платье оказались подмоченными. Пришлось прекратить опись, чтобы обсушиться. Но сделать это было не так-то легко: все время шел густой снег. Провизии оставалось всего лишь на 10 дней. Частые дожди, снегопады и сильное волнение мешали исследованиям и затрудняли плавание к Маточкину Шару, которого Пахтусов первоначально предполагал достигнуть на шлюпке. К тому же Петра Кузьмича беспокоило положение той части команды, которая осталась в губе Каменке. Там вместе с Крапивинным находилось четверо рабочих, двое из них были больны. Трудно предполагать, что они смогут оснастить судно и спустить его на воду. Пахтусов решил возвратиться к зимовью. Поставив на месте последней остановки знак из плавника, он 5 июля направился в обратный путь и через три дня достиг губы Каменки.

Крапивин был очень обрадован возвращением начальника. Он подготовил карбас к выходу в море, но был в большом затруднении из-за тяжелого состояния больных. Лед в губе Каменке взломало, но он продолжал держаться и не пропускал судно в море. 11 июля команда простилась с жилищем, в котором провела 297 дней. По неписаному закону пустыни, свято почитаемому промышленниками, путешественники оставили в зимовье огниво, растопку, дрова, около полутора пудов муки и фунтов двадцать печеного хлеба.

Промерив глубины в губе Каменке, Пахтусов попытался

направиться к северу. Но порывы встречного ветра не давали возможности лавировать между льдами, и Петр Кузьмич вынужден был спуститься в губу Логинова, чтобы переждать непогоду. Между тем ветер все усиливался. Льдом море покрылось вплоть до горизонта. Судно оказалось в ловушке.

Пока пролив в Карские Ворота был забит льдом, Петр Кузьмич занялся уточнением съемки губы Логинова, выполненной зимой, когда трудно было точно определить, где, собственно, кончается пологий берег и начинается занесенный снегом лед. Раньше Пахтусов полагал, что это не губа, а пролив, и сейчас удостоверился в своей ошибке.

17 июля 1833 года юго-западный ветер очистил Карские Ворота ото льда. Однако, как ни стремился Пахтусов в Карское море, нужно было отложить отплытие, так как спустился густой туман и закрыл окрестные берега. Утром следующего дня, когда видимость улучшилась, выбрали якорь и направились к северу. 19 июля карбас достиг устья реки Саввиной. На другой день экспедиция возобновила описные работы, тщательно определяя берег последовательными пеленгами и нанося на карту даже самые незначительные его изгибы. 21 июля был открыт, а затем положен на карту обширный, окруженный горами залив, который получил имя замечательного исследователя Новой Земли и выдающегося мореплавателя капитана Литке.

Восточным ветром к берегам прижало лед, лед набивался и в залив. Экспедиция оказалась в ловушке. Жестокий ветер порой достигал такой силы, что невозможно было удержаться на ногах. Шел дождь, часто бывали туманы. Каждый день люди ждали, что ветер переменит направление с северо-восточного на юго-западное и отожмет льды от острова. Но прошла неделя, десять дней, а льды по-прежнему не выпускали судно.

Близилось к концу полярное лето. Экспедиции угрожала новая зимовка на Новой Земле. Вот что записал Пахтусов в дневнике 1 августа 1833 года: «Непостоянный ветер от востока удерживал льды в устье залива, а следовательно, и нас взаперти. В этот день ровно год назад я простился со своими родными и друзьями в Архангельске, и это воспоминание усиливало неприятность нашего положения; быть запертым льдами в небольшой губе, находиться в бездействии и, признаюсь, в страхе зимовать на месте — неутешительно. Зная, однако, что отчаяние — первый повод к неудачам и всегда ведет за собою самые бедственные последствия, я старался скрывать мои опасения от товарищей моих и даже от самого себя».

Восемнадцать дней провела экспедиция в ледовом плену в заливе Литке. 8 августа судно снова вышло в открытое море и направились на север. 12 августа экспедиция возобновила описные работы. Залив, покрытый зимним невзломанным льдом, Пахтусов назвал именем Шуберта. Затем были открыты еще два залива, покрытых льдом. Пахтусов присвоил им имена Клокова

и Брандта. В этот же день экспедиция зашла в пролив Маточкин Шар. Здесь на мысе Дровяном должен был оставить записку о своем плавании лейтенант Кротов, направлявшийся к устью Енисея, но Пахтусов не нашел никаких признаков пребывания участников экспедиции в условленном месте. «Итак,— писал Пахтусов в дневнике,— нам первым после Лошкина удалось обойти Южный остров Новой Земли. Это радовало нас; но с того дня не переставала преследовать меня грустная дума об участии моих енисейских товарищей: меня тревожила мысль, почему они не исполнили условия».

Экспедиция простояла в восточном устье Маточкина Шара три дня. Все это время дул западный ветер, который отодвинул в море лед за горизонт. Пахтусов был в нерешительности, продолжать ли опись дальше к северу или возвратиться в Архангельск. Ему «было жаль и совестно оставить берега, никем не осмотренные». В то же время было ясно, что продолжать опись к северу от Маточкина Шара — значит решиться на вторую зимовку в Арктике, более суровую, чем в губе Каменке. Для второй зимовки у него не было запасов продовольствия. Здоровье членов экспедиции расшаталось. Вместо восьми рабочих у Пахтусова было шестеро, причем двое тяжелобольных. При таких условиях вторая зимовка должна была закончиться плачевно для экспедиции и привести к гибели ее участников и добытых материалов.

Пахтусов отмечал в дневнике, что если ему не удастся со временем продолжить работы по описи восточного берега Новой Земли, то будущие путешественники непременно завершат их.

17 августа экспедиция направились проливом на запад.

Через несколько часов Пахтусов достиг губы Белушней, где находилось зимовье Федора Розмыслова, впервые описавшего пролив Маточкин Шар. Изба, в которой 64 года назад зимовал отважный исследователь Новой Земли, почти совсем развалилась. Другое зимовье — на мысе Дровяном (здесь жила его команда) — было в сносном состоянии и могло сослужить добрую службу путешественникам или промышленникам. С благоговением осмотрели путешественники оба пристанища экспедиции на Новую Землю, восемь участников которой навсегда остались на берегах пролива Маточкин Шар.

Пахтусова все сильнее охватывала тревога. Он не нашел в условленном месте ни следов Кротова, ни следов Гвоздарева, которому было поручено привезти сюда избу для экспедиции Пахтусова.

Карбас Пахтусова после полуночи достиг мыса Бараний, астрономически определенного Литке. В это время из-за облаков проглянуло солнце, и Петр Кузьмич решил съехать на берег в надежде, что ему удастся взять нужное число высот солнца и связать свои долги с местом, положение которого уже было известно. Однако едва высадились на мысе, как густые облака

Архангельские полярные мореходы

затянули горизонт, спустился туман, и путешественникам пришлось вернуться на судно.

В полдень 18 августа экспедиция достигла губы Староверской и остановилась вблизи реки Маточки, оказавшейся неглубоким ручьем. На берегах ее нашли ветхую промысловую избу, четыре истлевших поморских карбаса и несколько крестов.

На следующий день погода улучшилась. Пахтусов проверил ход и показания хронометра. Пока он определял координаты стоянки, чтобы сверить свои долготы с долготами Литке, команда запасалась дровами и пресной водой. Экспедиции предстояло пройти несколько сот миль от Маточкина Шара до Архангельска. 20 августа карбас направился на юго-юго-запад. Светило солнце, течение и ветер были попутные. Но вдруг налетел шквал. «Наше положение,— писал Пахтусов в дневнике,— было картинно, но, конечно, незавидно. Представьте себе среди необозримого океана под небом, покрытым черными тучами, маленький наш бот, осыпaeмый брызгами волн, то сильно кидaeмый на хребет вала, то поглощаeмый бездною... Не умею дать отчета, почему, но мне нравилось разъяренное море, и я не заботился о том, скоро ли смягчится буря, быстро несшая нас к югу».

Карбас шел параллельно берегу Новой Земли, стараясь не удаляться в море на случай бури, хотя плавание у берегов в пасмурную погоду, а тем паче ночью, было небезопасно.

21 августа экспедиция потеряла служителя Николая Рудакова. Покойника по принятому на флоте обычаю похоронили в море.

Между тем ветер все усиливался, разводя «ужасное волне-

ние». Снова начался шторм, и опять беспалубное суденышко выдержало свирепый натиск бури.

В ночь на 24 августа ветер стих, и на чистой от облаков половине неба заиграло изумительное по своей красоте северное сияние. Светлые столбы, переливаясь многими цветами, то пробегали от земли ввысь, то вдруг разливались огненными полосами по горизонту. Так продолжалось два часа, затем все угасло, и наступила темнота, в которой нельзя уже было ничего различить. Когда рассвело, путешественники увидели, что находятся у северной оконечности острова Колгуев. Около его берегов в поисках убежища они блуждали три дня, но все речки оказались засыпанными выброшенным на берег песком. Ветер по-прежнему был крепкий. Оставаться в открытом море, по словам Пахтусова, было «не только неприятно, но и опасно».

Петр Кузьмич решил идти к хорошо знакомому ему Тиманскому берегу. Засветло он достиг Русского Заворота и приказал отдать два якоря, чтобы переждать ночь и утром направиться в устье Печоры. Здесь команда должна была немного отдохнуть и запастись свежей пищей. Однако при первой попытке зайти в устье Печоры судно село на банку, с которой удалось сняться только утром следующего дня. Через несколько часов бот, подгоняемый ветром, снова наскочил на мель. Разбушевавшиеся волны били судно о песчаное дно. Казалось, гибель неизбежна.

Сильно потрепанный волнами, карбас трещал и скрипел, люди, больные цингой, были измучены многодневным штормом. Чтобы спасти команду и журналы экспедиции, Пахтусов в небольшом заливе, где прибой был менее силен, чем в других местах, направил судно прямо к берегу. Кондуктору Крапивину и двум рабочим, первым выскочившим из карбаса, удалось якорями на некоторое время удержать судно. Этого было достаточно, чтобы спустить на берег людей и спасти журналы, карты и инструменты.

Экспедиция нашла приют у местных промышленников. Когда шторм утих, исправили залитый водой бот, получивший несколько пробоин.

12 сентября Пахтусов снова был в пути. Продолжать плавание к Архангельску из-за плохого здоровья людей и плачевного состояния судна было невозможно. Пахтусов держал курс на Печору. В деревне Куде, расположенной в 50 верстах от Пустозерска, Пахтусов разоружил бот, и, сдав команду Крапивину, выехал на оленях в Архангельск, куда прибыл через 52 дня — 20 ноября 1833 года.

А 2 декабря 1833 года Ф. П. Литке послал небольшую записку М. Ф. Рейнеке. «Вам, вероятно, приятно будет слышать, любезный Михаил Францевич, что Пахтусов благополучно воротился в Архангельск, обойдя восточный берег южной половины Новой Земли. Клоков прислал мне копию с его рапорта, которого я, однако же, Вам и не дам, покуда Вы сами ко мне не приедете. Видно, Вас иначе к себе не заманишь».

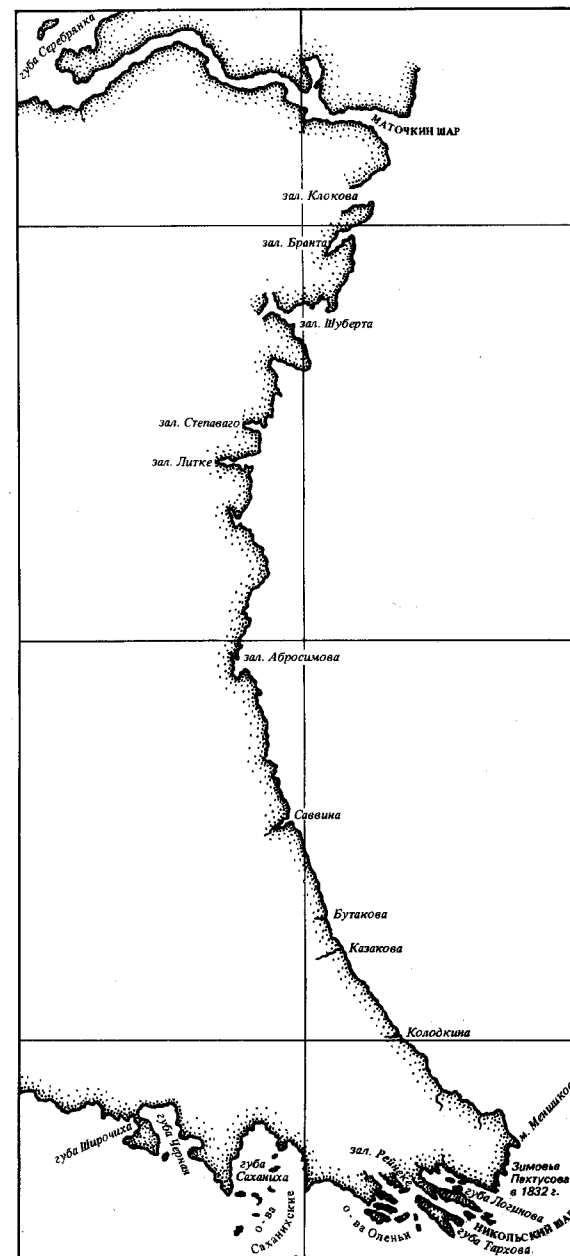
Так стало известно, что Пахтусов выполнил только часть возложенного на него Клоковым поручения. Ему не удалось совершить плавание к устью Енисея и описать его, исследовать Карскую и Хайпутырскую губы. Но то, что он сделал, было выдающимся вкладом в изучение Русского Севера. Так его подвиг оценил Рейнеке, относившийся с явным скептицизмом к чрезвычайно обширным и недостаточно реалистичным планам П. И. Клокова.

В январе 1834 года Пахтусов прибыл в Петербург. Успех его в описи восточного берега Южного острова Новой Земли вызвал интерес в Гидрографическом депо, которым в это время руководил известный русский гидрограф Ф. Ф. Шуберт. Тем более, что «научные консультанты» Северной экспедиции Рейнеке и Литке находились в это время в Петербурге и позаботились о том, чтобы это блестящее плавание было не только оценено по достоинству, но и нашло продолжение в снаряжении новой экспедиции. В то время как Брандт-сын не проявлял интереса к продолжению исследований, его компаньон (по снаряжению Северной экспедиции) Клоков изъявлял готовность снова отправить «шхуну с карбасом» для того, чтобы продолжать опись Новой Земли, и на поиски шхуны лейтенанта Кротова, судьба которой «остается и поднесь в неизвестности». Но при этом он предлагал передать безвозмездно Гидрографическому депо свои суда, чтобы «они были исправлены и вооружены за счет казны».

Ф. Ф. Шуберт поставил в известность об этом предложении начальника Морского штаба А. С. Меншикова, сообщив, что «рвение же Пахтусова продолжить опись восточного берега Новой Земли в нем остается неперменным, которое может принести для географии желаемую пользу, а соотечественникам честь».

Эти обстоятельства, по словам Шуберта, убеждают его в необходимости представить «двойное предложение продолжать исследования Новой Земли — одно за счет казны, а другое от компании с помощью казны».

По плану Пахтусова, новая экспедиция должна состоять из 10 матросов, 6 промышленников, кондуктора и начальника. Общая ее смета составляла 11 826 рублей (кроме «регламентных провизий, провианта, довольствий офицеров и нижних чинов по существующим положениям и бывшим примерам»). Шуберт считал возможным для снаряжения экспедиции «обратить 7200 рублей, находившиеся в остатках от Беломорской экспедиции и от «промера между Кронштадтом и Лисьим Носом», а недостающую сумму взять из ассигнований Морского министерства. «Но если не предвидится к тому ныне возможности, то можно будет взять заимообразно из суммы, ассигнованной Гидрографическим депо на выпуск инструментов для продажи морским офицерам».

Первая карта восточного берега Новой Земли

Безусловно, Гидрографическое депо, где не последнее слово принадлежало Литке и Рейнеке, стремилось к тому, чтобы новая экспедиция была снаряжена полностью за счет казны, а ее начальник со своими спутниками пользовались всеми теми льготами, которые некогда были предоставлены Врангелю, Анжу и другим полярным исследователям.

Но обращает на себя внимание та осторожность, то обилие оговорок, которыми сопровождается представление о снаряжении экспедиции. Все сильнее ощущается, что Морское министерство решительно стало на путь свертывания полярных исследований, от которых через несколько лет оно вовсе откажется. Рейнеке позже будет с горечью писать Н. А. Бестужеву о том, что «наш Север от Архангельска до Новой Земли теперь забыт».

Хотя Шуберт считал необходимым отправить П. К. Пахтусова не позже 15 апреля 1834 года из Петербурга в Архангельск, на деле начальник Морского штаба только 2 мая доложил Николаю I «двойное предложение» об описи Новой Земли. В этот день А. С. Меншиков сделал пометку на своем докладе: «Высочайше позволено принять экспедицию за счет казны».

Пока Гидрографическое депо хлопотало о снаряжении экспедиции, Пахтусов все свободное время отдавал изучению ботаники, минералогии и зоологии, чтобы в предстоящем плавании собрать коллекции по этим отраслям науки и передать их в Академию наук и Ботанический сад.

В инструкции, которой Гидрографическое депо снабдило Пахтусова, главной задачей экспедиции была поставлена опись юго-восточного берега Северного острова Новой Земли, «доселе никем не осмотренного». В этом случае, если в Маточкином Шаре лед не вскрылся, Пахтусову разрешалось попытаться пройти с севера Новую Землю и спуститься на юг Карским морем вдоль восточных ее берегов «для осмотра, не имеется ли по сим направлениям каких-либо неведомых еще островов».

Кроме выполнения гидрографических работ, экспедиция должна была собирать сведения по естественным наукам. «Усердие Ваше, оказанное при описи восточного берега Южного острова Новой Земли,— говорилось далее в инструкции,— ручается, что вверяемая Вам ныне экспедиция увенчана будет желаемым успехом,— тем более, что пользу сего путешествия Вы постигаете в полной мере».

26 мая 1834 года Пахтусов, получив нужные инструменты, выехал из Петербурга. Через неделю он был в Архангельске и послал рапорт о том, что «шхунер привел к порту, карбас же еще из Холмогор не прислан». 15 июня Пахтусов принял суда: шхуну, названную именем лейтенанта Кротова, и карбас, получивший имя Казакова, помощника командира на судне «Енисей».

Вторая экспедиция Пахтусова была снаряжена лучше, чем первая. Начальник мог выбирать продовольствие и одежду по

своему усмотрению. Пахтусов воспользовался этим дозволением и запасся большим количеством противочинготных средств и теплыми ненецкими малицами. Кроме того, пожертвовав вакансиями двух промышленников, он добился назначения в экспедицию фельдшера Чупова. Экспедиция состояла из 17 человек. Шхуной «Кротов» командовал Пахтусов, а карбасом «Казаков» — кондуктор Циволька.

24 июля 1834 года суда отплыли из Архангельска.

4 августа миновали Канин Нос. На переходе между островом Колгуев и Новой Землей во время шторма суда разлучились. В 9 часов вечера 9 августа Пахтусов зашел в устье губы Широких и приказал палить из пушки через каждый час, но никто ему не ответил. Тогда начальник экспедиции решил идти в Костин Шар. 21 августа в устье реки Нехватова встретили промышленников, которые сообщили, что Циволька лишь вчера оставил эти места и направился к северу. Отсюда Пахтусов отправил рапорт в Управление генерал-гидрографа Главного морского штаба. Он изложил в нем ход плавания и сообщил, что направляется к северу, надеясь соединиться с карбасом, что больных нет и все обстоит благополучно.

26 августа достигли устья Маточкина Шара. На следующий день сюда пришел Циволька. Спустя три дня в проливе показался бот «Новая Земля», сослуживший отличную службу Пахтусову в его первой экспедиции на Новую Землю. Бот, которым управлял крестьянин Шестаков, был послан конторой купца Брандта на поиски следов исчезнувшей шхуны «Енисей». Пахтусов сообщил ему о недавней встрече с промышленником Пономаревым, который рассказывал о том, что севернее Маточкина Шара он видел обломки рангоута небольшого корабля. Отослав с Шестаковым рапорт, Петр Кузьмич направился проливом на восток, чтобы разыскать ладью, которая должна была доставить избу. Однако ладьи нигде не было. Около двух недель путешественники потратили на бесплодные попытки пробиться к восточному устью Маточкина Шара, где они надеялись воспользоваться развалинами зимовья Федора Розмыслова для постройки избы.

Пролив был забит мелким льдом. Вскоре началось новое ледообразование. Пахтусов решил возвратиться к западному устью Маточкина Шара. Место для зимовки было выбрано на берегу реки Чиракина. Путешественники занялись сбором плавника и вблизи реки Маточки обнаружили избу. Она была разобрана и перевезена к месту становища. Пока строилось жилище, члены экспедиции жили в палатке, сделанной из парусов наподобие ненецкого чума. Постройка зимовья была закончена 5 октября. Соорудили баню, соединенную коридором с избой. Помещение было значительно лучше, чем в прошлом году.

Если прошлое зимовье Пахтусов называл сырой берлогой, то нынешнюю избу он находил прекрасной квартирой. О том,

как приспособлена была эта изба для долгой зимовки, можно судить из записок фельдшера Чупова. «Помещение наше содержало в себе такую большую сырость,— писал он,— что со стен и с потолка денно и нощно изливалась вода. Платье, находившееся на людях, от такой сырости скоро приходило в гниение, хотя к осушке избы принимаемы были всевозможные меры... Потолок и стены промерзли; вода обращалась в лед и в снег. При починке платя от гнилости оно не держала нитка. Обувь переменили ежедневно два раза». Однако, по свидетельству Чупова, «несмотря на такое гибельное свое положение», все члены экспедиции находились «в добром духе».

Петр Кузьмич проявлял отеческую заботу о своих подчиненных. Он следил за тем, чтобы пища была по возможности вкусная и разнообразная, чтобы хлеб хорошо выпекался. В обязанности фельдшера было вменено каждое утро осматривать служителей. Для тех членов команды, у которых были обнаружены признаки цинги, готовилась более питательная пища, им выдавались увеличенные порции чеснока, хрена и кислого творога, которые, по мнению промышленников, были лучшими противощинготными средствами. Кроме того, употребляли экстракт из сосновых шишек и трилистника.

Еженедельно члены экспедиции мылись в бане. Баня, по словам Чупова, была для экипажа праздником, подкрепляла силы и приносила больше пользы, чем все лекарства. Однако дрова и воду для бани и для варки пищи добывать было нелегко. Сначала брали воду из озера, находившегося в двух верстах от избы, но к концу ноября оно промерзло до дна. В течение двух месяцев носили воду из другого озера, отстоявшего на пять верст от зимовья, но затем и в нем вода сделалась непригодной для употребления.

В феврале у половины членов экипажа обнаружилась цинга. Благодаря стараниям Чупова и заботе Пахтусова пятеро из шести больных благополучно выздоровели.

Как только кончилась полярная ночь и несколько ослабли морозы, экспедиция приступила к описи западного устья Маточкина Шара. В начале апреля Пахтусов снарядил два отряда. «Один из них,— писал он в дневнике,— должен был идти по прибрежному льду восточного берега Новой Земли к северу от Маточкина Шара так далеко, как лед и состояние погоды позволят, рассчитывая обратный путь той же дорогою; другим отрядом предполагалось описать Маточкин Шар по южному его берегу и астрономически связать устья сего пролива».

Пахтусов намерен был руководить работами первого отряда, однако болезнь глаз вынудила его поручить работы по описи восточного берега Новой Земли своему энергичному помощнику. 2 апреля отряды выступили в путь. В зимовье остались лишь фельдшер и двое служителей для присмотра за судами. Спустя три дня оба отряда достигли мыса Дровяного.

8 апреля Циволька направился к северу. Пахтусов — к западу. Петр Кузьмич начал опись южного берега пролива (северный был положен на карту Розмысловым) и через неделю, несмотря на частые метели, морозы и ветры, довел до своего зимовья, определив, что длина Маточкина Шара 95 верст.

Сложнее было Цивольке и его шести спутникам. Сильно восторженный припайный лед был местами залит водой, кое-где оторвался от берега и отодвинулся ветрами в море. Приходилось часто выходить на берег и тащить тяжелые сани с инструментами и месячным запасом провизии через покрытые снегом горы. Отряд продвигался вперед очень медленно, делая в сутки не более 12 верст. Циволька открыл заливы Незнаемый (по-видимому, ранее посещенный Розмысловым) и Медвежий, названный так по случаю встречи отряда с белыми медведями, и несколько островов. Отряд прошел 150 верст к северу от Маточкина Шара и довел опись никем ранее не осмотренного восточного берега Северного острова Новой Земли до полуострова Фон-Флотта. Идти дальше к северу было невозможно, так как все члены отряда испытывали недомогание, продовольствие было на исходе. 24 апреля Циволька прекратил опись, а 6 мая отряд вернулся в зимовье, где уже беспокоились о них товарищи.

Для путешественников истопили баню. Затем команду Цивольки осмотрел фельдшер. Служители оказались больны цингой, а у Цивольки отекали ноги. Таким образом, из 16 человек экспедиции к маю 1835 года были здоровыми только два человека. В апреле — мае экспедиция лишилась двух человек: матроса Самсонова, умершего от простудной лихорадки, и вольнонаемного мастерового Постникова, скончавшегося от «разлития в грудной полости воды». Начальник экспедиции и фельдшер применяли всевозможные средства, чтобы восстановить здоровье больных. Петр Кузьмич занимал команду работами на свежем воздухе, а Чупов использовал все противощинготные средства. В июне, с наступлением теплого времени и появлением в окрестностях зимовья дичи, здоровье больных стало заметно улучшаться. Пахтусов смог приступить к исследованиям в районе Маточкина Шара.

Одновременно экспедиция готовилась к плаванию на север вдоль западных берегов Новой Земли.

В середине июня зимовье посетили кемские промышленники, только что прибывшие на Новую Землю. «Радостно было для нас свидание с земляками,— записал в дневнике Пахтусов.— Рассказы их об Архангельске, хотя не для всех равно приятные, были предметом толков между нами почти на целую неделю...»

Через несколько дней в зимовье пришел промышленник Еремин. От него Пахтусов узнал, что у западных берегов острова большие скопления льда. Однако это не изменило намерения начальника экспедиции как можно скорее покинуть реку Чира-

кина и выйти в море. «Я готов был пропиливаться через лед», — писал он. В конце июня юго-восточным ветром очистило устье Маточкина Шара и отжало лед от западных берегов. Экспедиция на карбасе «Казаков» пустилась в новое плавание, поставив перед собой задачу достичь мыса Желания, обогнуть Новую Землю и, описав ее восточный берег, вернуться к зимовью, где оставался Чупов с двумя больными и одним здоровым рабочим. Они должны были смотреть за судном «Кротов», оставленным в устье реки Чиракина.

Выйдя из Маточкина Шара, экспедиция несколько дней описывала губу Серебрянку. На низменном берегу острова Митюшева Пахтусов нашел переборки кают, двери, обломок шпангоута и часть фальшборта с планширом, по всем признакам принадлежавшие шхуне «Енисей». «Итак, — писал Пахтусов, — не оставалось более сомнения в гибели наших товарищей. Но где именно и от каких причин погибли они, можно только догадываться. Мы находили обломки и в Маточкином Шаре, и южнее его, но не так много, как здесь; следовательно, вероятнее предположить, что шхуна «Енисей» погибла в губе Серебрянке».

5 июля карбас «Казаков» направился снова к северу. По пути Пахтусов установил, что «полуостров Адмиралтейства, показанный у Литке островом, найден ныне соединяющимся с Новой Землей низменным перешейком. В районе мыса Сухого были замечены стамухи и отдельные плавающие льдины. С каждым днем количество льда увеличивалось. Спустя два дня экспедиция подошла к островам Берха и Вильгельма (группа Горбовых), где карбас был окружен льдами. Льды напирали на карбас со всех сторон. В таком затруднительном положении понесло нас к прибрежному льду, и тут вся сила напора приносимых от запада льдин разразилась над слабым карбасом: он затрещал и через несколько минут треснул вдоль: вода полилась от обоих штевней».

По «Справке относительно потопленной морской провизии», Пахтусов «едва мог спасти себя и людей, успев захватить только инструменты, журналы и карты, бывшая же в карбасе морская провизия, исключая малой части... потонула вместе с некоторыми другими вещами».

Между прочим, пока путешественники спасали имущество, ветер переменял направление, и льдину, на которую они выгрузились, стало относить в море. Тогда они погрузили часть спасенных вещей в две лодки, снятые с карбаса, и поволокли их по льду к берегу, находившемуся не далее чем в версте. Несколько часов потребовалось на то, чтобы добраться до суши. «Мы все перемокли, — писал Пахтусов, — и до крайности устали. Разведя огонь и устроив палатки из спасенных парусов, обратились опять к перетаске оставленной на прибрежном льду провизии и бочки со смолою».

Однако льдина, на которой все это находилось, ушла далеко в море. Отряд оказался без провизии.

Впоследствии А. К. Циволька в рапорте, посланном в Управление генерал-гидрографа, отмечал, что команда переносила «с величайшим терпением непомерные труды и крайнюю нужду, встречавшиеся нам в сей экспедиции», всегда показывала «отличное усердие к службе» и особенно проявила «ревность и неустрашимость свою при крушении карбаса во льдах 9 июля 1835 года».

Пахтусов прежде всего заботится о том, чтобы накормить людей. Затем он ставит крест и вырезает на нем надпись о том, что здесь, у Горбовых островов, его судно потерпело крушение.

В это критическое время в нем не угасает страсть исследователя. Поручив Цивольке заниматься ремонтом шлюпок, Пахтусов берет планшет и приступает к описи окрестностей. В журнал экспедиции он скрупулезно заносит особенности топографии местности, делает зарисовки, осматривает остатки промысловых изб с неизменными при них братскими могилами. И кто знает, какой была бы судьба этой экспедиции Пахтусова, не отправься он описывать побережье Архангельской губы?

19 июля Пахтусов в одиночестве определял астрономический пункт. Взяв высоту солнца, Петр Кузьмич увидел, что по берегу к нему идет человек и машет шапкой. Это был тот самый промышленник Еремин, который две недели назад побывал в зимовье экспедиции на берегу реки Чиракина. Пахтусов попросил Еремина доставить людей и их имущество в Маточкин Шар. «В чем мы отказать не осмелились, ибо они все не имели провизии и судно их другое находилось в расстоянии 350 верст», — писали впоследствии Еремин и Челузгин. 9 августа экспедиция вернулась в зимовье.

Пахтусов не унимался. Результаты экспедиции он, по-видимому, считал незначительными. Ему не удалось подняться к северу от Новой Земли и найти неведомые острова, существование которых считалось весьма вероятным. Более того, он не обошел полностью Северный остров Новой Земли. Она оставалась загадкой для мореплавателей. Лишь около 150 верст восточного и около 400 верст западного берега было положено на карту. Пахтусов принимает дерзкое решение. Поручив Цивольке с четырьмя членами команды плыть в Сумский посад с промышленником Челузгиным, отправляется с пятью матросами на опись восточных берегов Северного острова Новой Земли. Ледяные поля преграждают путь судну у восточного устья Маточкина Шара. Путешественники перетаскивают карбас по льду до чистой воды и устремляются на север.

Находившиеся в непрерывном движении льды много раз вынуждали путешественников искать убежища за островками и мысами. 23 августа, через две недели со дня выхода в новое плавание, они находились почти в 200 верстах от Маточкина

Шара, в виду мыса Дальнего. Впереди на многие версты простирался сплошной лед. Он был тесно прижат к берегу. Среди серых и белых льдин не голубело ни одной полоски чистой воды. Пути на север не было. Пахтусов снова потерпел неудачу.

Однако плавание вдоль восточных берегов Северного острова Новой Земли не было безрезультатным. Пахтусов положил на карту «два большие залива и 15 островов». Самая северная их группа (74° 36' с. ш. и 59° 20' в. д.) носит теперь имя исследователя.

28 августа Пахтусов возвратился в зимовье, где все было приготовлено, чтобы плыть в Архангельск.

3 сентября Пахтусов со своей командой покинул Новую Землю и 7 октября прибыл в Соломбалу. В Архангельске Петр Кузьмич опасно заболел нервной горячкой. Его могучий организм, подорванный двумя зимовками в Арктике, цингой, лишениями и трудом, не смог справиться с тяжелой болезнью. Через месяц Пахтусова не стало. Его похоронили в Соломбале. Попечением штурманов военно-морского флота на могиле Петра Кузьмича было воздвигнуто надгробие, на котором высечено небольшое парусное судно и надпись, гласящая, что подпоручик Корпуса штурманов и кавалер П. К. Пахтусов умер 7 ноября 1835 года от понесенных в походах трудов.

Спустя пятьдесят один год, в 1886 году, Петру Кузьмичу был сооружен памятник в Кронштадте, где он родился и где окончил Штурманское училище.

Пахтусов занимает выдающееся место среди русских мореплавателей — исследователей Арктики. Его две экспедиции на Новую Землю по своим результатам превзошли все исследования его предшественников, в том числе и работы, выполненные Ф. П. Литке за четыре плавания к берегам этого острова. Главная заслуга Пахтусова состоит в том, что он положил на карту южное и восточное побережье Новой Земли, от Карских Ворот до мыса Дальнего, которые считались недоступными и до него изображались на картах пунктирной линией. Исследователь уточнил положение ряда наиболее интересных в промышленном отношении губ и заливов западного берега и описал южный берег Маточкина Шара. В одном из документов Гидрографического морского штаба отмечена «весьма ощутительная польза, принесенная экспедициями Пахтусова развитию промыслов в новоземельских водах».

Интересно отметить, что в 1831 году, то есть до экспедиции Пахтусова, на промыслы в новоземельские воды ходило только одно судно, а в 1835 году, в последнем году работ Пахтусова, их было 137. О том, какие смелые путешествия предпринимали промышленники по следам Пахтусова, рассказывается в заметке М. Ф. Рейнеке, помещенной в «Записках Гидрографического департамента» за 1844 год. В августе 1835 года, спустя несколько недель после того, как судно Пахтусова потерпело

крушение, в этот район пришел промышленник Исаков, и, найдя свободное ото льда море, поднялся более 100 верст севернее острова Панкратьева, где Новая Земля круто заворачивает на юго-запад, а к востоку видны острова. Вероятно, Исаков достиг района Русской Гавани и видел острова, названные в настоящее время его именем. Не лишено оснований предположение, что он поднялся до мыса Желания, вблизи которого находятся острова, впоследствии названные Оранскими.

Кроме описи берегов и промера глубин заливов и бухт, в экспедициях Пахтусова выполнялись наблюдения за течениями, приливами и отливами, «силой магнетизма», наклоном магнитной стрелки и астрономические определения многих пунктов острова. Особый интерес представляли метеорологические наблюдения, они велись через каждые два часа в течение всего времени пребывания экспедиции на Новой Земле. «Эти данные — сокровище для метеоролога», — определил их значение Карл Бэр. Растения, собранные Пахтусовым, были переданы в Петербургский Ботанический сад, а минералы — в музей Академии наук.

Учитель и друг Пахтусова, знаменитый русский гидрограф Михаил Францевич Рейнеке позаботился о том, чтобы не пропали отчеты, дневники и карты его экспедиции. Он просмотрел все материалы и составил о них блестящий отзыв. «Хотя экспедиция Пахтусова и несовершенна достигла назначенной ей цели, однако польза, ею принесенная, весьма ощутительна и особенно для промышленности того края. Не говоря уже о том, что восточный берег Новой Земли стал нам теперь довольно знаком, еще и многие места западного ее берега также исследованы гораздо подробнее прежнего. Через это деятельные промышленники поморья стали смелее посещать берега пустынного острова и следуют к северу далее прежних пределов своего плавания. По следам Пахтусова стали они опять посещать острова Панкратьева и Горбовы, куда уже более 30 лет не заходило ни одно промышленное судно. В исходе июля 1835 года после крушения карбаса, на котором плыл Пахтусов, одна промышленничья ладья обошла даже северо-восточный край Новой Земли, мыс Желания, как надо полагать из слов кормщика, который говорит, что земля вдруг круто поворачивается „на шалоник“...

Для увеличивающейся ныне промышленности около Новой Земли весьма полезно и даже необходимо бы было подробнее исследовать берега этого острова».

Рейнеке стоило больших усилий выхлопотать вдове и детям Пахтусова пенсию. Дело осложнялось тем, что Петр Кузьмич, которому только в 1830 году было присвоено офицерское звание, не выслужил даже половины необходимого для пенсии срока. Михаил Францевич, заручившись поддержкой директора Гидрографического депо Ф. Ф. Шуберта, сумел доказать, что своим самопожертвованием и блестящими достижениями в исследовании Севера Пахтусов заслужил глубокую признатель-

ность ученых и моряков своей страны и его семья вправе рассчитывать на заботу государства. Вдове Пахтусова была назначена пенсия в размере последнего годового жалования ее мужа.

Рейнеке позаботился не только о семье, но и о научном наследстве Пахтусова. Досуг нескольких лет он посвятил подготовке к изданию «Дневных записок» и результатов научных наблюдений своего лучшего ученика. В 1842 и 1844 годах в «Записках Гидрографического департамента» увидели свет «Дневные записки» Пахтусова, снабженные исчерпывающими комментариями Михаила Францевича. «Это мои дети», — с гордостью записал он в дневнике.

Карты и гидрографические заметки, составленные Пахтусовым, служили пособием для мореплавателей более столетия. Ими пользовались капитаны, проводившие суда Карских советских экспедиций.

Алмазный блеск невидимой звезды

Этот человек, подобно горьковскому Данко, сжег свое сердце, чтобы искры его светили всем ищущим дорогу в ночи. Звали его Михаил Францевич Рейнеке (Рейнекен). Он родился 10 ноября 1801 года на мызе Гротгузенгоф в Венденском уезде. Семь лет родители Рейнеке провели на восточной окраине России, затем еще десять лет жили в Иркутске, пока Франц Францевич не вышел в отставку и не уехал в Латвию, где жил его отец.

Когда Михаилу Рейнеке исполнилось одиннадцать лет, его отправили учиться в Морской кадетский корпус, из стен которого вышло немало замечательных деятелей русской науки. Здесь он приобрел друзей — Николая Бестужева и Павла Нахимова. Их ожидали разные судьбы. Бестужеву предстояло обширное поле деятельности в Северном обществе декабристов, а затем каторга и ссылка. Нахимову суждено было прославиться ратными подвигами на море и бастионах Севастополя, а Рейнеке — заслужить вечную признательность потомков менее известными, но не менее трудными делами — исследованиями на Белом море, Мурмане и Балтике. Рейнеке обратил на себя внимание любознательностью и страстью к чтению.

После успешной сдачи выпускных экзаменов в 1818 году Рейнеке назначили в третий флотский экипаж и определили адъютантом командира. Три года он провел в Кронштадте, где служили его три брата — Адриан, Александр и Павел, несколькими годами раньше также окончившие Морской кадетский корпус.

Последние недели кронштадтской жизни были омрачены смертью отца. Он скончался в Лифляндии 7 февраля 1821 года.

Весной 1821 года Рейнеке был назначен в Архангельск. Туда же были определены Нахимов и их товарищ по Кадетскому корпусу Михаил Бестужев. Служба на берегах Северной Двины в старинном поморском городе осталась порой «счастливой юности» для Рейнеке и лучшим воспоминанием Михаила Бестужева. Здесь Рейнеке впервые разлучился с Павлом Нахимовым, назначенным в плавание вокруг света на фрегате «Крейсер».

Летом 1822 года на военном судне «Вестово» Рейнеке отправился в Кронштадт. В Копенгагене моряки повстречали русскую кругосветную экспедицию М. П. Лазарева, в составе которой находился Нахимов.

В 1824 году Дмитрий Алексеевич Демидов, участвовавший в первом русском плавании к Южному полюсу и в открытии Антарктического континента, пригласил Рейнеке принять участие в своей экспедиции. Перед экспедицией были поставлены обширные задачи. Она должна была определить положение банок Белого моря и промерить глубины в неисследованных районах. При этом особое внимание обращалось на изучение Северных Кошек и банок, находящихся вблизи фарватера, тем более что их точное местоположение вызывало сомнение.

Покидая 18 июня на бриге «Кетти» Архангельский порт, Рейнеке вряд ли подозревал, что решение всех этих задач через три года выпадет на его долю.

19 июня, миновав бар Северной Двины, бриг «Кетти» вышел в Белое море. Спустя четыре дня описали с берега остров Жижгинский, а затем определили географическое положение его южной оконечности. Сильные северо-восточные ветры задержали здесь экспедицию до 29 июня. В этот день стали лавировать вблизи Терского берега. 3 июля занимались астрономическими наблюдениями на южной оконечности острова Сосновец.

Через два дня уже было определено положение северо-западной оконечности Трех Островов, но эти выводы «по причине часто находившихся облаков» Демидов считал ненадежными. Однако и они свидетельствовали о большом несхождении меркаторской карты с подлинным положением Трех Островов и Толстого Орлова Носа. Поэтому было решено описать Три Острова.

Михаил Францевич Рейнеке

Покончив с этой работой, экспедиция направилась в тот самый район, где капитан-лейтенант Домогацкий отметил небольшие глубины. Однако промер показал, что глубины изменяются с поразительной быстротой и что можно рискнуть приблизиться к Терскому берегу, насколько позволит погода. Положив на карту участок между Тремя Островами и речкой Русингой, моряки были вынуждены удалиться от берега из-за наплывшего тумана.

13 июля определили широту острова Горяинова. На следующий день занимались промером банки, обнаруженной в 20 верстах к юго-востоку от Орловой башни. Однако штормовой ветер вскоре заставил экспедицию укрыться за островом Сосновец. 24 июля промер глубин в районе Орловой башни был возобновлен. При этом обследовали неизвестную ранее банку. Далее моряки картировали берег между мысами Керецким и Конец Горью, а также промерили глубины «между бригом и берегом». Только 5 августа возобновили поиски банок, указанных на карте. Но там, где была обозначена двухсаженная банка, моряки нашли глубины от 20 до 26 сажен. Однако ближе к берегу обнаружили признаки мели. Все это привело Демидова к выводу о том, что указанные на карте мелководья, вероятно, существуют в действительности. Однако они «не составляют одной непрерывной банки, а только гряды банок, между коими есть глубокие проходы».

16 августа определили северную сторону острова Моржовец. Штормовой ветер вынудил экспедицию спуститься на юго-запад, под защиту мыса Кацнес. Старый бриг едва держался на высокой волне. Как только ветер утих, Демидов решил пройти через бар в устье Северной Двины. 20 августа бриг «Кетти» положил якорь на Соломбальском рейде. «Крепкие ветры и туманы, нынешним летом почти непрерывно продолжавшиеся, — писал Демидов, — едва дали мне время отыскать и промерить одну банку, которая по близости своей к берегу в малой глубине, конечно, есть опаснейшая для судов всякого ранга».

Демидов считал, что, кроме банок, обнаруженных прежними экспедициями, далее к северу имеются еще многие мелководья, которые не только полезно, но и необходимо промерить. По его мнению, со столь сложной и трудной задачей могла бы справиться большая экспедиция, снаряженная на нескольких специально построенных судах, имеющих быстрый ход и малую осадку.

По возвращении в Архангельск Рейнеке принял участие в составлении карты острова Жижгинского и мыса Ухт-Наволоок, Зимнего берега от деревни Малые Козлы до Каменного Ручья, Терского берега от острова Горяинова до Тонкого Орлова Носа, плоской карты части Белого моря от Кузьминских гор до залива Острой Лудки.

Занимаясь картографическими работами, Рейнеке часто обращался за советами к Ф. П. Литке, которому подчинялась Беломорская экспедиция Демидова. Именно с этого времени начи-

наются тесные отношения двух известных исследователей морей России. Когда Адмиралтейский департамент, предлагавший Литке «прогуляться еще пятый раз» в Северный Ледовитый океан, потребовал от него выдвинуть кандидатуру начальника новой экспедиции, он назвал лейтенанта Рейнеке. «Вот начало тех многолетних, превосходных работ, — писал Литке в «Автобиографии», — результатом которых были карты и лоции тех морей, до сих пор существующие». Литке верил, что передает начатое им дело в надежные руки, и не ошибся.

Весной 1825 года Рейнеке снова возвратился в Архангельск и на борту транспорта «Урал» совершил переход из устья Северной Двины в Кронштадт. Он приехал в Петербург в то самое время, когда общее собрание Адмиралтейского департамента только что рассмотрело записку Литке о необходимости сделать новую подробную опись Кольского залива и прилежащих к нему мест. Литке отмечал, что его экспедиция, занимавшаяся рекогносцировочным обозрением Лапландии, ограничилась лишь исследованием Екатерининской гавани и определением главнейших пунктов Мурманского берега. Вместе с тем имеется сомнение в правильности положения на картах всего Кольского залива, неизвестны его глубины и поверхностно описаны многие его гавани, которые, вероятно, представляют прекраснейшие стоянки для самых больших судов. Взаимное положение северо-западной оконечности полуострова Кильдина и заливов Кольского и Мотовского «подвержено большому сомнению». Недостаточно исследован берег к западу от Кольского залива, а лежащие поблизости от него большие губы Ура и Ара вовсе не картированы. Вероятно, на существующих картах полуостров Рыбачий, и в особенности его юго-восточная оконечность, показан неточно.

По мнению Литке, все эти задачи могли быть выполнены в течение одного лета небольшой экспедицией в составе флотского офицера и двух штурманских помощников, которые по зимнему пути придут из города Кола и наймут небольшие поморские суда — шняки.

2 февраля 1826 года Рейнеке был назначен начальником Кольской экспедиции. Чтобы добраться по зимнему пути до Колы, нельзя было терять ни одного дня. Он захватил с собою хронометры, секстанты, лаги, целькомпасы и два термометра.

Адмиралтейский департамент поручал Рейнеке проверить карту Кольского залива, составленную в 1741 году лейтенантом Виньковым, определить положение острова Кильдина, картировать Екатерининскую гавань, губу Ара, полуостров Рыбачий, Мотовский залив, промерить и описать реки Печенгу и Тулому.

В середине февраля Рейнеке прибыл в Архангельск. Здесь к нему присоединились штурманские помощники Иван Козаков, Яков Харлов и два нестроевых матроса, которые должны были охранять инструменты и другое имущество экспедиции. 14 марта путешественники двинулись в путь через город Онегу и посад

Сума. Чем дальше на север — тем явственнее проступали признаки приближающейся весны. И на озерах, и на склонах гор снег заметно таял. На морском льду появилась вода, и это делало дорогу трудной и опасной.

Поморы дружелюбно встречали путешественников, предоставляя в их распоряжение лошадей. Правда, «нигде не давали нам лошадей ранее, пока хозяин не угостит нас обедом, чаем или ужином, смотря по времени дня», — вспоминал Рейнеке. Но эти задержки, по его словам, восполнялись добродушными рассказами жителей, знакомивших нас с Лапландией и Колою.

По дороге морякам то и дело встречались небольшие партии рыбаков, которые шли пешком к Мурманскому берегу, везя на салазках рыболовные снасти и запасы провизии.

В Кандалакше лошадей сменили на оленей, которых запрягли в санки-кережки, сделанные из тонких досок наподобие небольшой лодки с высоко поднятым носом. Составленные в Петербурге планы нужно было менять. Неподвижного льда в Кольском заливе не было, и проверять его опись надо было с берега.

Жители Колы уступили Рейнеке две строящиеся шняки. Вскоре он нанял 10 матросов и двух кормщиков: онежского крестьянина Василия Новожилова и кольского мещанина Ивана Епанчина. По словам Рейнеке, «оба не знали грамоты, но безошибочно могли показать на карте каждый мысок по всему Лапландскому берегу и в Белом море».

Поручив поморам готовить шняки к предстоящему плаванию, Рейнеке занялся проверкой инструментов и осмотром окрестностей Колы, чтобы подготовиться к предстоящей съемке.

Вскоре Кольский залив стал освобождаться от льдов. 23 апреля шняки спустили на воду. В течение нескольких дней их оснастили парусами, сделали бак и ют. Впереди юта располагалась каюта Рейнеке и его помощников, прикрытая сверху парусиной, натянутой на обручи.

29 апреля Рейнеке отправился в Екатерининскую гавань. Ветер был тих, и поэтому пришлось идти на веслах. Сорокапятиверстный путь проделали за сутки, но приступить к описи берегов помешала ненастная погода. Температура воздуха не поднималась выше одного градуса тепла. Рейнеке все это время жил в палатке, разбитой на обледенелой тундре. Запас дров у путешественников подходил к концу, и костер на дожде горел плохо.

3 мая наступила солнечная погода. Рейнеке наконец смог заняться астрономическими наблюдениями и проверкой хода хронометра. Выполнив эти работы, 5 мая он возвратился в Колу. Отправив одну шняку со штурманом Харловым для описи западного берега Кольского залива от мыса Елова до Екатерининской гавани, Рейнеке задержался на несколько дней в Коле для астрономических наблюдений и подготовки к гидрографическим работам.

В середине мая в сопровождении штурмана Козакова Рей-

неке отправился в плавание. Одновременно с описью берега моряки измеряли глубины и по футштоку вели наблюдения за приливами и отливами. За сутки они успевали обследовать не более 3—4 километров.

В Екатерининской гавани Рейнеке встретился со штурманом Харловым. Проверив его наблюдения и вычисления, он приказал своему помощнику определить углы и магистраль, с помощью которых связывалась опись берега. Исследование Кольского залива Рейнеке взял на себя. Экспедиция, не встречая больших трудностей, описала Сайда-губу и остров Торос. Только ненастные дни, когда невозможно было вести астрономические определения, вынуждали прерывать опись.

Опасности и трудности начались около Сеть-Наволока. Утесистые берега этих мест были открыты для ветров и волнений. Даже в штилевую погоду здесь была большая волна, которая не позволяла приставать к утесам. Вооружившись карманными компасами, моряки при каждой возможности высаживались на едва выглядывавшие из воды камни у подножия утесов и, с трудом удерживаясь на них, брали пеленги. Во время этих опасных и трудных работ шняка получила повреждения, и Рейнеке, окончив обследование Сеть-Наволока, вынужден был возвратиться в Екатерининскую гавань для починки судна и проверки хода хронометра.

14 июня экспедиция направилась к острову Кильдин, но из-за сильной встречной волны морякам пришлось, не дойдя до цели, укрыться за островом Торос. Шняка черпнула воды по пути к острову Кильдин, провизия оказалась намокшей и частично испортилась. Едва пристали к юго-западному берегу этого острова, как начался шторм.

«В первые дни пребывания нашего на Кильдине, — отмечал Рейнеке, — погода стояла прескверная; ненастье при сильном ветре лишило нас возможности заняться какими-либо работами. Палатку нашу несколько раз срывало жестокими порывами ветра; мелкие обломки шифера несло, как пыль, идти против ветра было невозможно».

Погода прояснилась лишь 19 июня. Экспедиция приступила к определению приметных пунктов Кильдина и описи его берегов. Однако ненастья по-прежнему мешали исследованиям. Рейнеке решил идти в Кольский залив. По пути путешественники измерили глубины в Кильдинском проливе и описали часть Мурманского берега, лежащую к востоку от Кольского залива, сделав при этом промер в Леленецком и Долгом заливах.

Вечером 27 июня Рейнеке достиг Екатерининской гавани. Дальше ему предстояло плыть на запад до границ Норвегии, входившей в то время в состав Швеции. Он отправил свою шняку за провизией в Колу, а сам вместе со штурманом Козаковым занялся проверкой хронометра. 29 июня он возобновил плавание, взяв курс на Мотовский залив. В этот же вечер путешественники

достигли устья губы Ара, где занялись определением долготы и широты мыса Добрягина. Здесь присоединился к ним штурман Яков Жарлов, завершивший картирование и промер губ Ура и Ара. Опись была выполнена безукоризненно. Рейнеке поручил ему следовать к южному берегу полуострова Рыбачьего и начать исследование побережья от мыса Монастырского до его северной оконечности.

Спустя несколько дней Рейнеке вышел на запад и близ Цып-Наволока, на островке Анакиево, настиг Харлова. Ясная погода с ровным слабым южным ветром позволила путешественникам очень быстро картировать восточную сторону Рыбачьего полуострова.

5 июля Рейнеке занимался уже описью его западного побережья, где буруны вблизи скалистых берегов очень затрудняли работу. На следующий день исследователь геодезически связал только что выполненную съемку с описью Литке, который в 1823 году определил устье гавани Новой Земли. Затем он описал и промерил залив Печенга. Добравшись до губы Паза, Рейнеке услышал от мурманских поморов, что в местечке Вадсэ находится бриг «Лапоминка» с офицерами Главного штаба, которые занимались определением новой границы между Россией и Норвегией, ранее проходившей по меридиану мыса Верес. Здесь Рейнеке узнал, что граница теперь будет проходить по реке Ворьело и, следовательно, только что картированная им губа Паза отошла к Норвегии.

24 июля Рейнеке закончил промер рейда Вадсэ и, определив широту и долготу этого местечка, направился на восток. По пути он уточнил опись некоторых мест и выполнил дополнительные астрономические определения.

29 июля экспедиция в полном составе на двух шняках вышла в Колу. По пути моряки промерили северное колено Кольского залива.

Успеху работ Рейнеке сопутствовал полярный день, продолжавшийся на Мурманском побережье около двух месяцев, — с половины мая до половины июля. «Полуночный блеск солнца при ясном горизонте весьма мало разнится от дневного, только несколько красноват, — отмечал Рейнеке. — Собственно, в городе Коле полуночного солнца не видно: его заслоняют горы. В половине августа видны уже звезды первой величины».

3 августа путешественники возвратились в Колу. Теперь осталось решить последнюю задачу — описать реку Тулому от устья до истоков. Шняки не годились для этого плавания «по причине порогов и мелководья у берегов». Пришлось нанять два небольших карбаса. На них 6 августа Рейнеке со своими спутниками направился вверх по Туломе. Через восемь дней добрались до водопада Падун. Здесь карбасы оставили и продолжали опись с берега. Обследовав Тулому до истока — озера Ном, путешественники на обратном пути промерили ее фарватер, который показы-

вали им опытные поморы. Кроме того, Рейнеке старался составить представление о «качестве лесов по берегам реки и во внутренних землях».

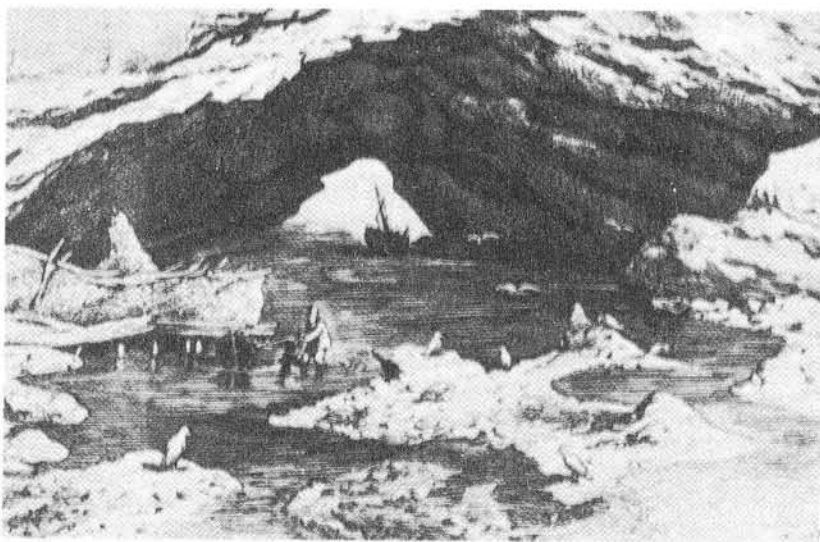
Рейнеке имел намерение пройти на шняке из Кольского залива в Архангельск и осмотреть северо-восточный берег Мурмана. «Поездка моя, — писал он Литке, — из Колы в Архангельск морем, кроме экономии, могла доставить ту пользу, что в сем пути осмотрел бы я берег Белого моря и связал бы наблюдениями остров Кильдин со Святым Носом, ибо долгота первого у меня вышла менее Вашей около 10 минут». Однако отсутствие денег для расчета с гребцами, покупки судна и найма команды помешало этому. Необходимые деньги прибыли только в конце сентября, когда уже невозможно было из-за сильных штормов пуститься в плавание. Пришлось остаться в Коле и ждать зимнего пути, где Рейнеке и его помощники составляли карты, снимали копии с вахтенных журналов, вели метеорологические наблюдения и наблюдения за приливом и отливом. В середине ноября наступила полярная ночь. Только в безоблачные дни около полудня можно было писать и читать без свечи в продолжение не более часа.

В начале декабря 1826 года в Коле стало известно, что установлен зимний путь через озера, заливы, болота и горы. Рейнеке с Харловым и Козаковым выехал в Архангельск. Здесь он оставался до половины февраля 1827 года, занимаясь составлением карт. Затем он направился в Петербург с отчетом о действиях своей экспедиции, еще не предполагая, что она явилась прологом к его многолетней деятельности по изучению Севера России.

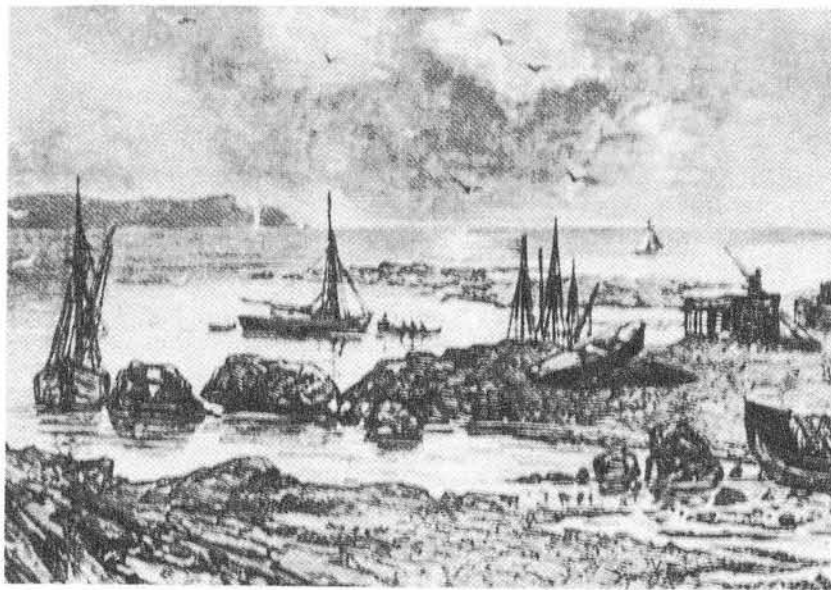
«Представил все дела в Адмиралтейский департамент и Гавриле Андреевичу Сарычеву, — сообщал Рейнеке Литке. — Они, рассматривая карты и лоцию, были довольны. Не знаю, что скажет Вишневский об астрономических наблюдениях; но строго взыскивать с меня, кажется, не должно, ибо при отправлении я говорил, что секстант не очень надежен, и все это видели, однако я старался как можно делать все аккуратно». Но не только Адмиралтейский департамент и его руководитель генерал-гидрограф Г. А. Сарычев, но и представитель «высшего ученого сословия» академик В. К. Вишневский дали блестящие отзывы об искусстве молодого офицера в исполнении астрономических определений.

Кольская экспедиция в течение одной навигации совершила важное для географии и мореплавания дело. Рейнеке со своими спутниками произвел детальную съемку Мурманского берега от Колы до границы с Норвегией, острова Кильдина, Кольского залива, полуострова Рыбачьего, рек Туломы и Колы. Опись опиралась на тринадцать астрономических пунктов. Моряки промерили заливы и бухты, которые могли бы служить якорными стоянками для военных и промысловых судов.

Экспедиция собрала материалы для физико-географической характеристики Северного, или Мурманского, берега Кольского полуострова, его гор, озер, тундры, растительности; осуществила

На Мурманском берегу

Рыбачий поселок на Мурмане

в Коле первые инструментальные наблюдения над температурой воздуха, впоследствии использованные академиком К. С. Веселовским в капитальном труде «О климате России».

Особенно ценные «замечания за с лишком 25 лет» сообщили старожилы: купец Попов и почт-экспедитор Крыков. По их сведениям, таяние снега в Коле начинается в начале апреля, реки вскрываются к 1 мая. К концу мая зеленеет трава и распускаются листья на деревьях. Осень наступает в августе, в сентябре отмечается первый снег. «Вскоре после этого устанавливается зимний путь, — отмечал Рейнеке, — но надежное сообщение с Кандалакшей и Кемью открывается не ранее начала декабря, когда озеро Имандра и морские заливы покроются льдом».

Эти материалы Рейнеке напечатал в «Записках Гидрографического депо» за 1837 год. Еще раньше, в журнале «Сын Отечества» за 1830 год, он опубликовал «Описание города Колы в Российской Лапландии», изданное Н. Гречем отдельной книгой.

4 марта 1827 года по предложению Крузенштерна Рейнеке был назначен руководителем Беломорской экспедиции. Ему поручалось выполнить промер глубин в северо-восточной части Белого моря, «от мыса Воронова к северу по всему пространству до параллели Святого Носа, и особливо для верного определения на картах мелей и банок, лежащих как в окружности острова Моржовца, так и к северо-северо-западу от него, простирающихся по восточную сторону корабельного фарватера против Поноя, Орлова Носа и мыса Городецкого».

«...Экспедиция наша, — писал впоследствии Рейнеке, — назначалась не для общей съемки всего Белого моря, а только для проверки и пополнения карт генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова в северной части моря; и уже впоследствии по открывшимся недостаткам этой карты в других частях моря действия экспедиции распространились и на юго-западную его часть, однако все-таки не имея назначения и средств для общей съемки берега».

Морское ведомство опасалось ставить вопрос об общей съемке моря, так как только что был напечатан уже устаревший «Атлас» Голенищева-Кутузова, за который его составителю был «высочайше пожалован» бриллиантовый перстень. Только благодаря удивительной настойчивости Рейнеке и поддержке Сарычева и Шуберта удалось тщательно исследовать Белое море. Но весной 1827 года ни Рейнеке, ни Сарычев, ни Шуберт еще не предполагали, что для решения этой задачи потребуется целых шесть лет.

В распоряжение экспедиции Адмиралтейским департаментом были предоставлены 3 термометра, барометр для метеорологических наблюдений, инклинометр для магнитных наблюдений, 2 карманных хронометра, 3 медных секстанта, 3 искусственных ртутных горизонта для астрономических определений.

6 мая 1827 года Рейнеке вместе с лейтенантами Николаем Федоровичем Ломеном и Андреем Логиновичем Юнкером прибыл в Архангельск. Здесь ему предстояло выбрать офицеров, штур-

манов и матросов на бриг «Лапоминка», шхуны № 1 и 2. При этом выяснилось, что одна из шхун еще не спущена на воду, а «лоцмана еще не приискали».

В число участников экспедиции Рейнеке избрал мичмана Алексея Михайловича Иванчина-Писарева, сосланного в Архангельск за причастность к движению декабристов, и штурмана Петра Кузьмича Пахтусова, который впоследствии прославился своими исследованиями на Новой Земле.

Доложив о состоянии дел Адмиралтейскому департаменту, Рейнеке вместе с тем извещал петербургское начальство, что будет в состоянии выйти в плавание не ранее середины будущего месяца. И действительно, только 17 июня 1827 года бриг «Лапоминка» под командованием Рейнеке, шхуна № 1 (командир Ломен) и шхуна № 2 (командир Юнкер) покинули Архангельск. В экспедиции всего участвовало 94 человека. Из них 79 матросов, 2 лоцмана из местных жителей, 4 штурмана, 1 штаб-лекарь и 8 флотских офицеров.

Прежде всего Рейнеке решил определить точное положение острова Моржовец. Он должен был служить ориентиром при промере Северных Кошек, в исследовании которых состояла главная цель экспедиции 1827 года. Это необходимо было исполнить еще и потому, что его величина на меркаторской карте Л. И. Голенищева-Кутузова была указана неверно, как неверно были указаны и его координаты.

24 июня бриг «Лапоминка» приблизился к острову Моржовец. Рейнеке отдал приказ мичману Писареву и штурману Пахтусову отправиться на двух шлюпках к северному берегу, описать его, определить его широту и поставить башню, которая должна была служить приметным пунктом для дальнейшей описи Белого моря.

Едва шлюпки отвалили от брига, как налетел шквальный ветер. Однако Иванчин-Писарев и Пахтусов успели благополучно пристать и вытащить шлюпки на высоту 5 метров. В первый прилив вода не достигла их, но во второй прилив волны накрыли карбас и восьмерку. Моряки пытались поднять их выше с помощью талей, но все усилия были напрасны, и менее чем в полчаса от шлюпок ничего не осталось, кроме штевней.

«Должно, — писал Рейнеке, — отдать справедливость деятельности Писарева и усердию бывшей с ним команды: в первые часы пребывания их на острове палатка изорвана была ветром, и они целые сутки оставались под проливным дождем при $+2\frac{1}{2}$ Реомюра, без огня, коего под проливным дождем не могли развести. При всем том они выполнили все им порученное. Башенка была построена, северный и западный берег острова описан».

В течение нескольких дней экспедиция занималась промером в районе Трех Островов, Воронова мыса и острова Моржовец и описала Моржовские банки. Затем бриг «Лапоминка» направился к острову Сосновец. Вблизи него экспедиция встретила потерпевшее бедствие английское судно и помогла ему сняться с мели.

При этом матросы отказались от платы и подарков, предложенных шкипером корабля.

Рейнеке возвратился к Трем Островам, чтобы заняться исследованием Северных Кошек.

Течения и особенно туманы весьма затрудняли промер глубин. Порой за сутки успевали продвинуться к северу только на 5 миль. 10 июля открыли полуторасаженную неизвестную ранее банку, которая находилась в 36 верстах от Орловской башни. Длина банки составляла около трех верст, а ширина не превышала версты. Она соединялась с другой банкой, располагавшейся на $\frac{3}{4}$ мили севернее, и, вероятно, являвшейся одной из тех, которые были найдены Домагацким четыре года назад.

16 июля к северо-востоку от Трех Островов обнаружили «трехсаженную банку», на следующий день в том же районе заметили еще один бурун, но штурм заставил суда скрыться за Тремя Островами. Затем Рейнеке снова подошел к острову Моржовец и вновь решил проверить его широту и долготу, так как они отличались от определений Литке. На этот раз он послал на остров Моржовец лейтенантов Юнкера и Милюкова. Они сделали около 50 определений и подтвердили правильность выводов П. К. Пахтусова и А. М. Писарева. «Следовательно, в положении сего острова не оставалось более сомнения», — отмечал Рейнеке.

25 июля экспедиция исследовала Осушную банку, открытую Ф. П. Литке в 1821 году. Затем было определено положение мысов Воронова, Конушина и острова Безымянного из группы Трех Островов, где бриг «Лапоминка» из-за непогод задержался до 7 августа. В этот день Рейнеке направился к мысу Канин Нос для определения его координат.

Однако наступил длительный период ненастья. Суда экспедиции смогли заниматься лишь промером отдельных прибрежных районов Белого моря. С мыслью о дальнейшем исследовании Северных Кошек пришлось расстаться. Это обстоятельство весьма огорчало Рейнеке. Он считал, что в этом районе сделано недостаточно промеров глубин. Трижды он искал Городецкую банку, но всякий раз на том месте, где «она означена на карте», находил глубины более 4 метров.

Одновременно он установил, что восточный берег Белого моря неправильно положен на карту прежними экспедициями.

В конце августа Рейнеке прибыл в Архангельск. Он привел в порядок журналы и карты и в ноябре 1827 года отправился в Петербург с отчетом об итогах своей первой Беломорской экспедиции.

В течение лета 1827 года Рейнеке и его спутникам удалось определить положение островов Сосновец, Иоканских, Трех Островов, мысов Воронова, Конушин, Канин Нос. Одновременно был выполнен промер от острова Моржовец на 23 мили к востоку и на 15 миль в направлении мыса Абрамова. Были определены банки в районе Толстого и Тонкого Орлова Носа, мысов Городец-

кого и Конушин. В течение всего плавания изучались течения, приливы и велись «исследования, касающиеся гидрографии». Наиболее тщательно изучались особенности атмосферных явлений.

Во время плавания в Белом море с 17 июня по 21 августа только за неполную вторую половину июня было 9 туманных и дождливых дней, в июле — 15 ненастных дней, а в течение двух первых декад августа — 9 дней с долговременными дождями и туманами. Недостаточный успех в промере Северных Кошек Рейнеке объяснял не только сложными метеорологическими условиями, но и тем, что работе мешали «быстрые течения, которые и при благоприятном ветре не всегда позволяли располагать движением судов по желанию». С того времени изучение особенностей течений стало для Рейнеке одной из главных задач по исследованию Белого моря.

Как видно из письма, которое отправил Рейнеке своему наставнику Литке, он был недоволен скромным успехом Беломорской экспедиции 1827 года. Однако ни одному исследователю не удавалось добиться за короткое полярное лето столь значительных результатов. Поэтому вопреки его ожиданиям Г. А. Сарычев расценил беломорское плавание как успех, приказал представить к наградам офицеров и штурманов и высказал намерение продолжить изучение Белого моря. Столь же высоко оценил беломорские изыскания Рейнеке и их главный виновник Литке. 21 октября 1828 года он писал из Петропавловска:

«Много благодарен Вам, почтеннейший Михайло Францевич, за приятное письмо Ваше от 16 января, которое было мне приятно по многим отношениям. Я рад был видеть из него, что Вы обо мне помните, что начальство не покидает дело, которого незавершение до сих пор относилось ко всеобщему стыду нашей чести; что дело сие досталось в руки офицера, желающего и могущего привести оное к желаемому концу; что, наконец, успех трудов Ваших соответствовал Вашему рвению и искусству. Я не сомневаюсь, что о сию пору Вы кое-что уже кончили, и надеюсь, что начальство по достоинству оценит и вознаградит труды Ваши.

Мне приятно, что наши определения в главных пунктах сходятся с Вашими. Весь восточный берег подвигается около $1/4^\circ$ к западу; это не много; в тех широтах это составит не более 5 итальянских миль... Остается желать, чтобы Вам же предоставлено было пополнить некоторые недостатки нашей карты Лапландской, тогда может составиться Северный атлас, приличный состоянию науки морской в XIX веке.

Конечно, если б зависело от меня, то я турнул бы Вас куда-нибудь еще подальше».

Итак, экспедиция 1827 года показала, что в исследовании Белого моря остается еще много нерешенных задач. Предстояло произвести промер от бара Северной Двины до мыса Воронова и островов Сосновец и Моржовец, а от последних — вдоль Тер-

ского берега до Святого Носа и мыса Городецкого. Затем необходимо было исследовать бурун между островом Моржовец и мысом Воронова и другие буруны, замеченные к северу от упомянутого острова. Кроме того, вернейшими приемами картировать остров Моржовец, проверить географическое положение острова Сосновец, а также мысов Воронова, Инцы и Городецкого и, наконец, определить координаты «банка Орлова, Длинной Конушинской и всех прочих, лежащих к северу до мыса Городецкого».

Рейнеке предполагал, что все эти задачи экспедиция может решить за одно лето 1828 года. Умудренный опытом генерал-гидрограф Г. А. Сарычев в своем представлении начальнику Морского штаба лишь подчеркнул, что «сверхштатных издержек на сию экспедицию не потребуется» и что лучше всего ее провести в нынешнем году, ибо суда находятся в исправности и на нее не потребуется дополнительных издержек.

15 марта 1828 года русское правительство приняло решение о продолжении Беломорской экспедиции под начальством Рейнеке, командирами шхун были назначены лейтенанты В. А. Кротов и В. С. Нелидов. 20 апреля Рейнеке вместе с командирами шхун прибыл в Архангельск.

6 июня суда экспедиции отправились в плавание. Штормовой северо-восточный ветер вскоре вынудил бриг «Лапоминка» спуститься на юго-восток к деревне Козлы. 10 июня удалось определить ее положение, которое не согласовалось с прежними картами. Берег Зимних Гор в действительности находился на 3 версты западнее, чем это считалось до сих пор.

17 июня бриг «Лапоминка» зашел за Иоканские острова. Выгрузив на воду бревна для постройки башни на мысе Святой Нос, моряки построили плоты. Когда собрались их буксировать в бухту Лопскую, налетел ураганный ветер. Он срывал с тундры мох и нес его над морем. Непогода продолжалась почти целую неделю. Только 23 июля удалось пригнать плоты к месту постройки башни. Поручив ее сооружение мичману Тверинову, Рейнеке отправился на бриге сначала к Трем Островам, а затем к острову Сосновец, чтобы встретиться со шхунами и снабдить их провизией. Прежде всего пришлось заняться исправлением повреждений, которые получили эти суда во время шторма, а затем уже всеми силами и наличными средствами приступать к промеру Северных Кошек, двигаясь на север от острова Моржовец.

На основе частого и тщательного промера, который неутомимо вела экспедиция, отчетливо обозначились на карте Трехостровская, Малая Средняя, Большая Средняя, Конушинская и Кийская банки, лежащие на пути судов из Архангельска в Северный Ледовитый океан. Предприняв поиски к северо-западу и северо-востоку от Кийской банки и не найдя никаких признаков мелей, Рейнеке приступил к поискам показанной на прежних картах Городецкой банки. Но там, где ей надлежало находиться, моряки встретили 30-метровые глубины. Для выяснения этой загадки Белого

моря Рейнеке не располагал временем, так как ему еще предстояло заниматься промером фарватера на юг до Архангельска.

Едва он взялся за эту трудную задачу, как встречные южные ветры вынудили его прекратить работы. Тогда Рейнеке направил бриг к Городецкому мысу. Приблизившись к нему, он послал на берег штурмана Пахтусова, и тот по высотам солнца блестяще определил географическое положение этого пункта. Затем Рейнеке с попутным ветром направился к Канину Носу. Из-за сильного прибоя посланная шлюпка не смогла пристать к берегу, и определять положение этого места пришлось непосредственно с борта брига. Выводы совпадали с прежними наблюдениями Рейнеке. После этого направились к Иоканским островам и определили время по 30 высотам солнца. Наступившее ненастье задержало путешественников в этом районе на целую неделю. Затем Рейнеке спустился к острову Сосновец, где снова все суда экспедиции стояли в бездействии до конца июля по причине ненастных погод. Только 1 августа бриг «Лапоминка», шхуны № 1 и 2 возобновили промер. В течение недели они исследовали пространство моря между мысом Орлова и Кийской банкой. Потом Рейнеке отправил шхуны на промер глубин «к востоку от Конушинского берега», а сам приступил к изучению корабельного фарватера.

Промер вели галсами от Терского до Зимнего берега. 10 августа Рейнеке достиг Зимних Гор и, обнаружив несходство в пеленгах, решил описать весь берег до Никольской башни. У деревни Золотицы он высадил Пахтусова, приказав ему идти с береговой описью к югу. Затем бриг «Лапоминка» отправился к мысу Керецкому, где высадил мичмана Милюкова и штурмана Вепрева. Первому предстояло продолжить опись к югу до деревни Куи, а второму идти на север навстречу Пахтусову. К 15 августа они закончили опись и были приняты на бриг. Затем занимались промером фарватера, но прервали эту работу из-за недостатка провизии. 18 августа бриг «Лапоминка» возвратился в Архангельск, а на следующий день пришли шхуны, успешно выполнив промер около Зимнего берега.

Несмотря на туманы, ветры и дожди, экспедиция Рейнеке добилась выдающегося успеха. С исключительной точностью она картировала побережье восточной части Белого моря, которое прежними исследователями было описано весьма поверхностно. Рейнеке удалось проверить положение мысов Канин Нос, Конушин, Воронова и определить координаты мысов Инцы, Керецкого и Городецкого. Был выполнен промер фарватера от Святого Носа до бара Северной Двины, исследованы Северные Кошки и прилежащие к ним районы моря.

Генерал-гидрограф Г. А. Сарычев представил Рейнеке к награде за то, что, преодолев все препятствия, его экспедиция выполнила стоявшие перед нею сложные задачи.

Вместе с тем плаванья 1827 и 1828 годов свидетельствовали о том, что Белое море еще недостаточно исследовано. На картах

берегов и глубин обнаружились большие погрешности и белые пятна. Исследования в Белом море решено было продолжить. М. Ф. Рейнеке получил задание летом 1829 года описать Онежский и Соловецкий рейды и исследовать тот район Белого моря, где на прежней карте была указана Городецкая банка. Ее в 1828 году не удалось разыскать, возможно, она «разделяется на многие малые банки». Кроме того, предстояло выполнить подробнейшие промеры Конушинской и Осушной банок на параллели Орлова мыса.

В начале марта 1829 года Рейнеке возвратился в Архангельск. «Высочайшим повелением было предписано команду для экспедиции набрать из ластового экипажа. Но, придя в экипаж, Рейнеке убедился, что большинство матросов либо имеют увечья, либо больны, и немедленно обратился в Гидрографическое депо с просьбой «исходатайствовать позволение взять команду на суда наши из флотских экипажей».

25 марта 1829 года в сопровождении штурмана Вепрева Рейнеке отправился в город Онегу, чтобы определить его долготу и собрать сведения о «сей части моря, о коей не имели мы обстоятельных гидрографических известий». Стояли солнечные дни. Можно было без опасений производить астрономические определения долготы Онеги. Но сколько ни делали наблюдений, они давали разность в 15 минут по долготе. Рейнеке немедленно отослал свои журналы академику В. К. Вишневскому, прося проверить его вычисления. Ответ из Академии наук пришел весьма скоро. Вишневский сообщил, что он лично определил долготу Онеги еще в 1814 году (о чем Рейнеке было неизвестно) и что их выводы совпадают. «Поэтому,— писал Рейнеке,— наша долгота Онеги принята за основную и для определения прочих мест в той части моря».

Во время этой поездки Рейнеке собрал обширные статистические сведения об Онежском крае и впоследствии использовал их в «Описании Северного берега России».

6 июня 1829 года бриг «Лапоминка» вышел из устья Северной Двины в море, где его поджидали шхуны. По пути к Соловецким островам экспедиция встретила сплоченный лед. Это обстоятельство вынудило Рейнеке внести изменения в первоначальный план действий. Убедившись в невозможности подойти к Соловецким островам, он направился к Онеге. В ночь на 12 июня бриг «Лапоминка» достиг рейда Крестного монастыря у острова Кио. По пути к Онеге Рейнеке и его спутники занимались промером и «определили остров Пурлунду, лежащий на самом фарватере, но не означенный на прежних картах». В течение пяти дней было завершено исследование окрестных мест и вод. При этом выяснилась сомнительность координат мыса Орлова на Онежском полуострове, что затем и было подтверждено наблюдениями лейтенанта Кротова, определившего положение этого места.

20 июня бриг «Лапоминка» прибыл на рейд Соловецкого мо-

настыря, который моряки описали и промерили за несколько дней. Отсюда Рейнеке собирался направиться к острову Сосновец. Но утром 26 июня, когда было назначено отплытие, командир экспедиции получил известие, что шхуна № 1 «при выходе из Троицкой губы брошена на риф северного берега острова Анзерского и находится в опасном положении». Рейнеке поспешил на помощь своим товарищам. Прибыв в устье Троицкой губы, он увидел, что шхуна № 1 находится на плаву. Но судно получило пробойну в подводной части. Открылась течь. В час прибывало около 40 сантиметров воды. Экипаж едва справлялся с откачкой. К счастью, начался отлив. Рейнеке отправил шхуну № 1 для починки в док Соловецкого монастыря.

3 июля бриг «Лапоминка» и шхуна № 2 смогли отправиться к Терскому берегу. Спустя четыре дня они находились у острова Сосновец. Дав поручение командиру шхуны № 2 Кротову еще раз проверить прошлогодние определения на мысе Инцы, Рейнеке занялся астрономическими наблюдениями на острове Сосновец, а затем промером фарватера в Горле Белого моря. Неприятности продолжали преследовать мореплавателей. Больше всего досаждали туманы и свежие ветры, нередко, по словам Рейнеке, «промер целых суток нельзя было положить на карту», не имея возможности по случаю ненастных погод определить точное местоположение судна.

15 июля к экспедиции присоединилась шхуна № 1 под командой Нелидова, и весь отряд приступил к детальному обследованию фарватера к северу от Орлова мыса, уделяя особое внимание промеру тех мест, где на прежних картах обозначались банки и мели. Там, где по прежним картам надлежало быть Городецкой банке, моряки вновь обнаружили глубины от 28 до 30 метров, а на месте двухсаженной банки глубины колебались от 15 до 28 сажен. «Правда,— писал Рейнеке,— глубины изменялись быстро и неожиданно, но в сем случае, прокладывая на карте путь свой, мы могли всегда видеть, где оставалось место неисследованное, и в то же время обращались туда».

20 июля бриг «Лапоминка» находился севернее параллели мыса Городецкого. Рейнеке окончательно установил, что так называемая Городецкая банка располагается на 40—50 верст севернее тех мест, где она была показана ранее.

Поручив шхунам промерить море в Мезенском заливе и вблизи мыса Конушина, Рейнеке продолжал исследовать северную часть Белого моря. Стояла сырая, ненастная погода. Дули сильные ветры. Более половины команды, укомплектованной хворыми и слабыми матросами ластового экипажа, страдала от качки и болезней. 21 июля умер матрос, а жизнь трех других была в опасности. Ветер в этот день усилился до шторма. Пришлось укрыться за островом Сосновец и дать отдых команде.

Кротов и Нелидов довольно подробно промерили глубины в прибрежном районе от мыса Воронова до Зимней Золотицы и

исследовали устья рек, впадающих в море на этом участке берега. Была начата съемка Мезенского залива.

3 августа все суда приступили к исследованию глубин и течений в Двинском заливе. Через неделю экспедиция завершила работы и направилась в Соломбалу. Здесь Рейнеке ждало письмо от Литке. Пока оно шло из Петропавловска-Камчатского через Сибирь до Петербурга и затем в Архангельск, знаменитый путешественник возвратился на шлюпе «Сенявин» в Кронштадт.

«Милостивейший государь, Федор Петрович! — писал ему в ответ Рейнеке. — С сердечным удовольствием узнал я из „Ведомостей“, что Вы благополучно возвратились в Кронштадт. Слыхал также, что здоровье Ваше от многотрудных занятий расстроено. Дай Бог Вам скорее поправить его. Этого желаю не я один, но все Вас знающие. Письмо Ваше из Петропавловского порта от 21-го октября прошлого года имел я честь получить по возвращению моего из Белого моря в начале августа. Одобрение Вами экспедиции, мне вверенной, меня радует, сказать по правде, более, чем похвалы превосходительных. С нетерпением ожидаю, когда буду иметь случай отдать Вам подробный отчет в моих делах и выслушать — очень смею просить — строгий суд Ваш. Знаю, что я делал ошибки, но, не имея судьи и руководителя, не мог и впоследствии их избежать. Ныне же ласкаю себя надеждою, что, подвергаясь строгому Вашему разбору, научусь впредь быть основательнее. Дела нынешней экспедиции надеюсь кончить в начале ноября и с отчетом поеду в С.-Петербург, где, конечно, буду иметь честь Вас видеть. Я думаю написать маленькие замечания о Белом море вроде лоции, но не рискну представить, пока Вы их не рассмотрите и исправите, для чего буду просить Вас уделить минуту от Ваших занятий, которыми Вы, конечно, обременены».

Осенью 1829 года Рейнеке и Литке встретились в Петербурге, и с тех пор их добрые отношения не прерывались. Литке одобрил намерение своего младшего товарища приступить к описанию побережья и вод Белого моря, которое впоследствии воплотилось в создании энциклопедического труда о Русском Севере.

Рейнеке привез в Петербург не только отчет и карты своей третьей экспедиции в Белое море. Среди бумаг, которые он доставил в управление генерал-гидрографа, находился проект штурмана Пахтусова об описи восточных берегов Новой Земли, очертания которых пока еще пунктиром наносились на карту...

В ученом сословии Петербурга царил праздничное оживление. Академия наук готовилась к торжественному заседанию в честь знаменитого немецкого путешественника Александра Гумбольдта, вернувшегося из своего путешествия на Урал, Алтай и Каспий. И Рейнеке и Литке познакомились с географом. В то же время Рейнеке встретился с тридцатилетним Адольфом Яковлевичем Купфером, только что избранным в академики. Купфер был увлечен идеей создать в России регулярную постоянно действующую

геофизическую сеть во главе с Центральной обсерваторией, которая заведовала бы метеорологическими и магнитными наблюдениями во всем государстве. Гумбольдт и Купфер просили помощи Рейнеке и Литке в проведении магнитных и маятниковых наблюдений на берегах Белого моря и Лапландии. Рейнеке и Литке пытались для этой цели воспользоваться проектом Пахтусова и предполагаемую им экспедицию для описи восточных берегов Новой Земли превратить в грандиозное научное предприятие по изучению Севера Европейской России.

18 декабря 1829 года Литке направил генерал-гидрографу Г. А. Сарычеву рапорт, в котором предлагал продолжить начатые им во время кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» маятниковые (гравиметрические) наблюдения, распространив их на северные районы Архангельского Севера, в том числе на берега Белого моря, Лапландии и Новой Земли. Литке считал целесообразным организовать там наблюдательные пункты и провести измерения магнитного наклона и магнитной силы. Тем более, что подобные опыты уже ставились в Европе до берегов Шпицбергена, а в Азии до северных пределов Сибири, и только пространство Архангельского Севера оставалось белым пятном. По мнению Литке, проведение одновременных наблюдений в Петербургской магнитной обсерватории и на берегах Белого моря, Лапландии и Новой Земли «утвердило бы на прочном основании» теории земного магнетизма.

Попытка Литке придать скромному проекту Пахтусова размах большой ученой экспедиции с участием представителей Петербургской академии наук получила совершенно неожиданный оборот. Рапорт Литке попал к начальнику морского штаба А. С. Меньшикову, по вступлении в эту должность начавшего открытое «гонение на науку и гидрографию» в морском флоте. Он распорядился поручить опыты лейтенанту Рейнеке летом 1830 года только в Белом море. Старания Литке «турнуть» Рейнеке к берегам Новой Земли не увенчались успехом. Тем самым была предпрешена судьба проекта Пахтусова.

Генерал-гидрограф Г. А. Сарычев остался недоволен таким поворотом дела и потребовал от Рейнеке записку, в которой просил изложить его мнение об окончательной описи Белого моря.

5 февраля 1830 года Рейнеке ответил Сарычеву, что исследование Белого моря еще далеко от завершения. Необходимо было основательнее промерить его северную часть и прибрежный район около полуострова Канина, продолжить исследование Мезенского и Онежского заливов и Унской губы, осмотреть реки Мезень и Кулой, определить положение города Кеми и Сумского посада. Особое внимание следовало уделить изучению Кандалакшского залива, на берегу которого он собирался поставить маятниковые и магнитные наблюдения.

Исполнение этих задач прежде всего зависело от состояния погоды. Рейнеке не ограничивался лишь летом 1830 года. Он

настаивал, «чтобы на суда, к сему делу назначаемые, определена была не ластовая команда, как в прошлом лете, что и было причиною раннего возвращения экспедиции». Кроме того, Рейнеке просил отпустить необходимые деньги, с тем чтобы он мог нанять на бриг и шхуны лоцманов «из поморских жителей, которые могут быть полезны знанием тех мест, особенно при описи гаваней».

Литке поддержал «мнение» Рейнеке, представив особую записку. В ней он высказывал мысль о необходимости отыскать в Белом море гавани, которые могли служить пристанищем для линейных кораблей и фрегатов, так как корабли этих рангов с большими трудностями удавалось провести через бар Северной Двины.

После обсуждения предложений Литке и Рейнеке Морским ведомством перед экспедицией были поставлены две задачи: продолжение промера в Белом море и выполнение маятниковых и магнитных наблюдений в Архангельске и на берегах Кандалакшской губы. В течение нескольких недель под руководством Литке Рейнеке выполнял наблюдения в Петербургской обсерватории. В начале апреля, получив «Инструкцию» Литке, «Наставление» Сарычева, инструменты и деньги, Рейнеке отправился в Архангельск. Здесь его ждали первые неприятности. Команды кораблей ему разрешали укомплектовать только матросами ластового экипажа. Рейнеке написал в резком тоне Сарычеву, что это обстоятельство ставит его в весьма трудное положение и «от экспедиции нельзя требовать совершенного успеха». Затем заболел мичман Тверинов, плававший на шхуне № 2. И наконец, из Петербурга не присылали ни маятниковых, ни магнитных приборов. Рейнеке просил Литке позаботиться о доставке инструментов и о назначении офицера в экспедицию.

В середине мая Рейнеке получил от Литке прекрасный подарок: двухтомное описание его четырех плаваний к Новой Земле. К письму была приложена записка академика А. Я. Купфера, в которой он указывал, какие вести ежечасные наблюдения.

1 июня 1830 года суда экспедиции вышли на Соломбальский рейд. Команды их, несмотря на протесты Рейнеке, были укомплектованы людьми из ластовых экипажей. Прежде чем пересекли бар Северной Двины, восемь матросов тяжело заболели.

10 июня бриг «Лапоминка», выйдя в море, приступил к описи южного берега Двинского залива, но из-за шторма вскоре вынужден был прекратить работы и направиться на север к Трем Островам. Во время промера района Северных Кошек обнаружили неизвестную банку, исследование которой закончили к началу июля. Затем была еще раз промерена северная часть Белого моря.

2 августа Рейнеке в сопровождении мичмана Милюкова и двух матросов высадился в деревне Кандалакше «для наблюдений над движением постоянного маятника».

Командование бригам «Лапоминка» он доверил А. М. Иванчину-Писареву, а начальствование над всем отрядом — командиру шхуны № 2 лейтенанту Кротову. Поручив экспедиции

завершить исследование Двинского залива и Унской губы и географического положения Ковды и Керети, Рейнеке занялся маятниковыми и магнитными наблюдениями, которые продолжались двадцать дней. Одновременно наблюдались прилив и течения. Рейнеке картировал берега губы, промерял глубины и определял «все примечательные возвышенности на сем пространстве». 4 сентября, наняв лодью, Рейнеке направился морем в Архангельск.

Экспедиция в целом добыла ценные данные по гидрографии Белого моря. В районе Северных Кошек были выполнены промеры глубин в местах, недостаточно освещенных наблюдениями в предыдущие годы. Удалось точно нанести на карту действительное положение Городецкой банки. Были обследованы опасные для мореплавания Мезенский залив и устьевые участки рек Кулоя и Мезени, промерены глубины северо-западной части Онежского залива. Удалось описать значительную часть Кандалакшского залива, изрезанного многочисленными шхерами и небольшими бухтами, представляющими естественные гавани. Кроме того, экспедиция определила географическое положение многих населенных пунктов по берегам Белого моря, в том числе города Кеми, деревень Кандалакши, Сумы, Кузомени, Тетриной, Варзухи, Калгалакши и др. Наконец, западный берег Белого моря был точно положен на карту. Вместе с тем экспедиции не удалось исследовать Унскую губу и промерить шхеры между Сумой и Онегой.

Рейнеке попытался несколько поправить дело и послал Писарева и Пахтусова определить положение Пертоминского монастыря, расположенного в устье Унской губы. Моряки весьма точно определили координаты монастыря, которые были необходимы для «означения Летнего берега». Однако промерить Унскую губу им не удалось по причине штормовой погоды. Рейнеке тем временем повторил «опыты над маятником» в Архангельске.

Исследователя тревожило то обстоятельство, что его определения некоторых географических мест весьма отличались от наблюдений прежних исследователей. Чтобы разрешить сомнения, 12 сентября 1830 года он послал свои материалы на суд В. К. Вишневого. Академик Вишневский, считавший Рейнеке неутомимым и искуснейшим обсерватором, проверил вычисления исследователя и нашел определения географических мест необычайно точными.

В конце декабря 1830 года Рейнеке завершил составление «Атласа Белого моря». В январе он прибыл в Петербург с отчетами и стал хлопотать о наградах для своих офицеров. Рейнеке присвоили звание капитан-лейтенанта, командиры шхун были удостоены орденов, одни офицеры получили следующий чин, другие — награждены годовым окладом жалованья. Между тем Рейнеке под руководством академика А. Я. Купфера проверил в обсерватории свои магнитные маятниковые наблюдения, данные которых вскоре были опубликованы Академией наук.

Одновременно решилась судьба Беломорской экспедиции

1831 года. Директор Гидрографического депо генерал-лейтенант Ф. Ф. Шуберт, к которому после смерти Сарычева полностью перешло руководство гидрографическими исследованиями на флоте, согласился с доводами Рейнеке о том, что для придания наибольшей достоверности полному атласу Белого моря следует более детально исследовать шхеры между посадом Сума и городом Онегой, уточнить промер в Мезенском заливе, описать отдельные места Кандалакшского залива и собрать более подробные сведения об устье Северной Двины. Кроме того, желательным было уточнить промер Никольского и Пудожемского фарватеров, рейдов у Княжей, Черной и Южных Онегинских деревень в Кандалакшском заливе и связать хронометрическими наблюдениями Кемь, Соловецкий монастырь, Ухт-Наволоок, Архангельск. Одновременно надлежало «определить снова географическое положение тех точек на острове Кильдине, которые по наблюдениям Рейнеке в 1826 году и капитана Литке в 1823 году в долготе разнствуют».

Прошло много недель, прежде чем Меньшиков дал согласие на проведение пятой Беломорской экспедиции. Только 25 мая 1831 года Рейнеке покинул Петербург, хотя в прежние времена он выезжал в Архангельск в феврале или марте. Было бесцельно потеряно больше двух месяцев, которые можно было бы с успехом использовать для оснащения судов, отбора экипажей и промера баровых участков Северной Двины по льду. Рейнеке, разумеется, не мог предположить, что в лице Меньшикова он вскоре обретет врага, который будет его преследовать в течение четверти века.

Прибыв 4 июня в Архангельск, Рейнеке хотел приступить к оснащению судов. Но местное начальство обрело его на бездельность, требуя разрешения от Морского штаба. Рейнеке не мог даже заняться промером участка Северной Двины, так как по случаю холеры ему не давали ни людей, ни шлюпок. Только 19 июня он наконец смог приступить к подбору команд на корабли. Рейнеке, его офицеры и матросы трудились днем и ночью, вооружая бриг и шхуны. Всего лишь восемь суток потребовалось на подготовку к плаванию. Но едва суда вышли на рейд, как по приказанию главного командира Архангельского порта Р. Р. Галла их задержали на целую неделю «для удостоверения в здоровье экипажа».

Карантин продолжался семь долгих дней. Все оказались здоровы, и 7 июля экспедиция в пятый раз покинула Соломбальский рейд. Рейнеке поставил перед каждым судном самостоятельную задачу. Он отправил лейтенанта Нелидова на шхуне № 1 в Мезенский залив, а лейтенанта Милюкова на шхуне № 2 в Онежский залив для промера между Сумой и Онегой. Бриг «Лапоминка» взял курс на Унскую губу. Рейнеке хотел уточнить прошлогодние определения Пахтусова. Но ненастные погоды вынудили его отказаться от своего намерения и направиться в Соловецкий монастырь для того, чтобы проверить хронометры. «К этому понудила меня еще и болезнь моя: уже более суток не мог я выходить из

каюты и чувствовал усиление лихорадочных припадков», — отмечал он в своем журнале.

14 июля штормовая, ненастная погода сменилась солнечной. «Лапоминка» направилась к югу от Соловецких островов, чтобы выполнить промер вдоль шхер до города Онеги.

Затем определили остров Кио и измерили глубины вблизи мыса Глубокого, островов Няп, Осинки, Абакумира, где простояли неделю. 20 июля возвратились на рейд Соловецкого монастыря, занимаясь проверкой хода хронометра.

Вечером 26 июля Рейнеке вместе с прапорщиком Вепревым отправился на шлюпке в город Кемь. Но поскольку погода не благоприятствовала астрономическим определениям, моряки в течение двух дней занимались исследованием островов, расположенных вблизи этого беломорского города. Наконец 28 июля погода улучшилась, и Рейнеке приступил к определению долготы по часовым углам Солнца и широты «по высотам около полудня». Наблюдения продолжались два дня. Утром 31 июля Рейнеке отправился в обратный путь и в полночь благополучно добрался до брига «Лапоминка».

Первую половину августа Рейнеке занимался уточнением прежних описей Терского берега. Затем он выполнил дополнительный промер в устье Кандалакшского залива. Штормовые ветры и ненастные погоды не позволили заняться исследованием устья Северной Двины. Не удалось проверить долготу острова Жижгинского, к которому Рейнеке приближался несколько раз, но не мог посадить своих офицеров на его берег из-за сильной волны.

16 сентября бриг «Лапоминка» возвратился в Архангельск. Здесь почти четыре месяца моряки приводили в порядок отчеты и составляли карты. В конце января 1832 года Рейнеке прибыл в Петербург и доложил, что часть поручений, которые были возложены на экспедицию в навигацию 1831 года, осталась невыполненной.

Гидрографическое депо по ходатайству Рейнеке добилось снаряжения шестой Беломорской экспедиции. Ей предстояло дополнить промер в Онежском заливе, исследовать фарватер Северной Двины от Архангельска до моря и проверить долготы различных точек острова Кильдин и Екатерининской гавани, поскольку имелись значительные расхождения между определениями Литке и Рейнеке.

20 марта Рейнеке выехал из Петербурга и через семь дней добрался до Архангельска. Прежде всего он приступил к съемке устьевых участков Северной Двины, объезжая ее рукава и назначая «места для знаков к тригонометрической сети».

«Главную связь первоклассных треугольников и определение знаков по берегам островов Березового фарватера взял я на себя», — писал Рейнеке. — По Мурманскому поручил лейтенанту Нелидову, по Пудожемскому и Никольскому лейтенанту Милюкову; но как в это время он был еще занят должностью по службе

в экипаже, то дело сие возложено на подпоручика Пахтусова. Съемку берегов между определенными таким образом тригонометрическими точками делали прочие офицеры: по Березовому устью — прапорщик Вепрев, по Мурманскому — подпоручик Козаков, по Пудожемскому — подпоручик Селивестров. Реку Маймаксу описывал мичман Рубанов, а Кузнечиху — лейтенант Нелидов после окончания триангуляции, ему порученной. Часть реки от Соломбалы до Ширшемских заводов описал лейтенант Милюков».

Съемкой занимались до того дня, пока можно было ездить по реке. 28 апреля половодьем взломало лед. Вешние воды залили низкую часть Архангельска. Спустя неделю Северная Двина вошла в свои берега. 10 мая экспедиция приступила к промеру глубин.

С большим трудом Рейнеке удалось укомплектовать команды судов и добиться назначения новых офицеров взамен лейтенанта Кротова и поручиков Пахтусова и Козакова, отправлявшихся к берегам Новой Земли и устью Енисея. Об этой экспедиции, снаряжавшейся на средства купца Вилли Брандта и лесничего Петра Клокова, Рейнеке приходилось не меньше хлопотать, чем о своей собственной.

20 июня в основном было закончено исследование рукавов Северной Двины, за исключением Березового устья, где промер был сделан не столь подробно, как хотелось бы Рейнеке. Спустя 10 дней суда экспедиции покинули Архангельск.

Рейнеке дал задание командирам шхун промерить глубины и описать острова в юго-западной части Онежского залива, исследовать устье Унской губы, пополнить промер около Летнего берега, а затем между деревней Калгалакшей и островами, лежащими перед Кемью. Бриг «Лапоминка», на котором находился начальник экспедиции, первоначально занимался промером внешних мелей на бере Северной Двины. Затем Рейнеке попытался еще раз точно определить местоположение Канина Носа, однако, простояв десять дней вблизи него и видя, что погода не улучшается, отправился к Иоканским островам и на шлюпке описал берег до Семи Островов, уточнив тем самым рекогносцировочную съемку, сделанную ранее.

2 августа Рейнеке направился к острову Большой Олений. Туман помешал ему проверить составленную путешественниками карту и снять виды берегов. Рейнеке решил приступить к определению долготы Екатерининской гавани. Она оказалась близкой к выведенной Литке. Затем он направился на запад и проверил свои карты вплоть до Варангер-фиорда.

«Итак, — сообщал Рейнеке о своих исследованиях в письме к Литке, — оставалось заглянуть в Норвегию. Я направил путь к Вадсэ и утром 13 августа был уже только в 10 милях от него, как вдруг встретил крепкий северо-западный ветер, продержавший нас под парусами на месте три дня, как нарочно совершенно ясные. 20 августа кончил я дела в Вадсэ, то есть сделал астроно-

мические и магнитные наблюдения, и осмотрел в виде прогулки Варангский залив до вершины онога, но заняться описью подробнее я считал неприличным без позволения. 20 августа при ровном юго-западном ветре и ясной погоде шел вдоль берега к Вардгузу и описал сие пространство с брига. В Вардгузе пробыл 5 дней, сделал также все (астрономические и магнитные) наблюдения и снял местоположение, но промера по просьбе коменданта не делал».

24 августа бриг «Лапоминка» покинул Норвегию. На всем пути к Архангельску держался густой туман, и морякам не удалось посетить остров Олений. Рейнеке надеялся увидеть еще раз Иоканские острова. Убедившись, что туман продолжает держаться, а на море поднимается большая волна, Рейнеке взял курс на устье Северной Двины и 27 августа прибыл к Березовому бару, над исследованием которого он со своими спутниками трудился в прошлые годы. Вскоре за бригам «Лапоминка» прибыли обе шхуны, успешно справившиеся со своими задачами.

Шестью Беломорскими экспедициями была выполнена съемка берегов и островов Белого моря. Тем самым, по признанию Академии наук, гидрография Белого моря была утверждена «на самых прочных основаниях». Гидрографическая опись опиралась на большое число астрономических наблюдений, которые были опубликованы во второй части «Записок Гидрографического депо» и стали достоянием науки.

Экспедицией были выполнены большие метеорологические наблюдения. И хотя измерения температуры и давления, силы и направления ветра прерывались во время отъездов Рейнеке с отчетами в Петербург, они могли дать «некоторое понятие о состоянии погод в Архангельске осенью и весной, а в Белом море в летние месяцы».

Наблюдения в Архангельске, как правило, выполнял сам Рейнеке, а во время разъездов по окрестным селениям и ближайшим городам он поручал ведение метеорологического журнала или П. К. Пахтусову, или командирам шхун. На суше велись наблюдения через 4 часа, а в море через 2 часа по гражданскому времени и старому стилю. Результаты наблюдений были обработаны и выводы из них опубликованы в пятой части «Записок Гидрографического депо».

В примечаниях к таблицам приведены сведения о первом появлении инея, о первом выпадении снега, о вскрытии и замерзании Северной Двины. Рассматривая особенности половодья, Рейнеке отмечал, что вскрытие реки и уровень ее разлива «зависит от стужи и снежности предшествовавшей зимы, от быстрого или постепенного таяния снегов и от силы и направления ветра».

Рейнеке также опубликовал наблюдения за северными сияниями и падающими звездами. На основе своих измерений и сведений, собранных у старожилов Архангельска, исследователь составил первое описание климата этого города, которое также

опубликовал в «Записках Гидрографического депо». В нем содержатся сведения о продолжительности осени, зимы, весны, лета, об особенностях погоды в эти сезоны.

Большой интерес представляли выполненные экспедицией наблюдения над температурой, удельным весом и прозрачностью морской воды. При этом моряками использовался ареометр, которым вел наблюдения Э. Х. Ленц во время плавания вокруг света на шлюпе «Предприятие». То были первые в Белом море океанографические измерения, не говоря уже о широко поставленных исследованиях течений и приливо-отливных явлений, изучение которых Рейнеке считал одной из главных задач съемки Белого моря. Экспедиция определила истинный и средний прикладной час, сизигийное и наименьшее квадратурное возвышение воды в 37 пунктах Белого моря от южных берегов до самых северных пределов. В плаваниях и особенно во время стоянки судов на якоре производились измерения скорости течений в устьях Северной Двины, в Двинской губе, около Зимнего и Терского берегов, у Северных Кошек, в Онежском и Кандалакшском заливах. Они были проанализированы и опубликованы. Высказанные Рейнеке заключения об особенностях приливо-отливных явлений и течений как в Белом, так и в Баренцевом море выдержали испытания временем. Выводы исследователя о влиянии метеорологических процессов на гидрологический режим, о взаимосвязи гидрологических явлений в море с процессами, происходящими в Мировом океане, и сегодня служат науке.

«Чтобы понять причину,— писал Рейнеке,— отчего прилив приходит к нам от северо-запада, взглянем на общий ход волны прилива, начиная от Великого океана. Эта волна от западного берега Южной Америки катится к западу и, огибая южную оконечность Африки, вливается в Атлантический океан на северо-запад, потом на север и наконец на северо-восток». Таким путем это движение вод достигает северного побережья Лапландии и Белого моря.

Экспедиция выполнила навигационную съемку берегов и островов, определила высоты гор. Промерены глубины не только в прибрежных, но и в центральных районах Белого моря. Исследованы подводные скалы, банки, отмели. Выявлены и подробно изучены якорные стоянки. Тщательно описан устьевой участок Северной Двины. Исследовано магнитное склонение от Архангельска до границ Норвегии и положено начало геомагнитным наблюдениям на Новой Земле.

Результаты исследований Кольской и Беломорских экспедиций были обобщены в капитальном «Атласе Белого моря».

Академик К. М. Бэр, совершивший в 1837 году плавание из Архангельска на Новую Землю, а в 1840 году посетивший Лапландию, имел возможность проверить необычайную тщательность описи, выполненной Рейнеке и его спутниками.

Еще до окончания Беломорской экспедиции в конце 1831 года

была начата гравировка восемнадцати карт, составленных моряками. Спустя два года «Атлас» увидел свет.

К этому времени Рейнеке закончил «Гидрографическое описание Северного берега России». Оно состояло из двух частей. Первая из них посвящалась Белому морю, а вторая — Лапландскому берегу. Однако издание этого труда «замедлялось», как признавался Рейнеке, по не зависящим от него обстоятельствам. Причины эти хорошо известны. С конца 20-х годов XIX века начальником Морского штаба А. С. Меншиковым резко были сокращены средства на издание ученых трудов.

«Атлас Белого моря», составленный Рейнеке, затмил вышедший в 1826 году в свет аналогичный труд Л. И. Голенищева-Кутузова. В описании Северного берега Рейнеке проанализировал все ошибки, неточности и недостатки труда своего предшественника, нимало не смущаясь тем, что тот является председателем Ученого комитета.

И все годы, в течение которых Голенищев-Кутузов помогал Меншикову изгонять науку из Морского ведомства, труд Рейнеке пылился в Гидрографическом департаменте. Лишь в конце 1842 года разрешено было отдать в набор вторую часть «Описания» как меньшую по объему. Первая часть, посвященная Белому морю, продолжала лежать, только не в Гидрографическом департаменте, а в типографии, где и сгорела в 1845 году. Этот удар не сломил Рейнеке. За несколько месяцев он не только восстановил рукопись, но и пополнил ее новыми статистическими гидрографическими и топографическими сведениями. Пять лет продолжались набор и печатание второй части. Наконец в 1850 году издание главного ученого труда Рейнеке было завершено. «Это был первый опыт,— писал Рейнеке,— соединить описание гидрографических подробностей со сведениями о прочих свойствах описываемого края».

В 1828 году Морским ведомством было принято решение об исследовании русских берегов Балтийского моря с учетом последних достижений науки. В основу будущих работ был положен проект выдающегося военного топографа Федора Федоровича Шуберта. Исследовательские работы включали астрономическую и тригонометрическую съемки, картирование берегов, промер шхер прилежащей к ним части моря и судоходных фарватеров.

Отечественные исследования на Балтийском море начались в самом начале XVIII века, как только Россия твердой ногой встала на его берега. Уже в 1710 году велись промеры у Кроншлота. Вслед за Гангутской битвой были исследованы проходы в этом районе. К апрелю 1726 года было составлено двенадцать частных карт и генеральная карта Финского залива.

В середине XVIII века Академия наук развернула систематические съемки Балтики, в которых видная роль принадлежала

одному из первых русских гидрографов А. И. Нагаеву. В своих исследованиях он применял самые совершенные для того времени способы картирования моря. С сотрудниками А. И. Нагаев составил пять морских и четыре шхерские карты. Более тридцати лет его атлас пролежал в рукописи и только в 1789 году увидел свет и затем дважды переиздавался. Много десятилетий он служил русскому флоту. Достоверность морских глубин, указанных на картах, была столь высока, что некоторыми из них пользовался Рейнеке при составлении генеральной карты в 40-х годах XIX века.

В начале XIX века известному полярному исследователю Сарычеву было поручено исправить «открывшиеся» недостатки карт атласа Нагаева, «а для того определить положение берегов Балтийского моря и Финского залива по геодезическим правилам и астрономическим наблюдениям».

Сарычев на основе пятилетних работ, выполненных его экспедицией, впоследствии издал атлас и лоцию Балтийского моря. Но в этих навигационных пособиях было также много пробелов. После окончания экспедиции почти из года в год посылались отряды и отдельные суда для исследования участков приморских берегов и промера в некоторых районах Финского залива.

Успехи науки в определении географического положения мест, появление новых инструментов и новых способов триангуляции вызывали необходимость поставить гидрографию Балтийского моря на строго научную основу. Решение этой задачи было возложено на В. В. Врангеля и М. Ф. Рейнеке.

Весной 1833 года Рейнеке получил под свое командование особый отряд судов. Он предназначался для гидрографической описи северных берегов Финского залива, которая являлась завершающей частью работ по тригонометрической съемке Балтийского моря. Она осуществлялась под общим руководством Шуберта. В продолжение 1829—1839 годов была выполнена Балтийская триангуляция, состоявшая из 1079 треугольников I—III классов. «Балтийская триангуляция рядом треугольников, проложенным через Аландские острова,— отмечает З. К. Новокшанова-Соколовская,— соединялась у Стокгольма со шведскими триангуляциями; кроме того, она была связана с градусным измерением В. Я. Струве на острове Гогланд, в нескольких местах с Петербургской триангуляцией и в Пернове с Лифляндским градусным измерением». Кроме того, Шубертом была снаряжена Хронометрическая экспедиция, которая определила долготы 18 пунктов от Кронштадта до Гельсингфорса, Ревеля, Стокгольма, Пилау, Данига, Копенгагена и связала свои исследования с исследованиями Прибалтийских держав.

В распоряжение Рейнеке было предоставлено три парусных судна. В течение двух лет он занимался описью островов, бухт, заливов к востоку от Свеаборга. Затем ему придали еще три судна. Из них два бота оказались «так гнилы, что опасно на них выходить в море».

Почти двадцать лет он изучал шхеры, острова, измерял глубины, определял течения, описывал бухты, заливы... Ему не давали годных для промерных работ судов, нередко забирали из экспедиции способных и опытных офицеров... Стоит заглянуть в сохранившийся дневник за 1844 год, чтобы убедиться, каких усилий стоила подготовка к каждому плаванию. А ведь их было двадцать!

18 февраля 1844 года Рейнеке отмечает, что «ходил к Меньшикову, чтобы выпросить пароход для промера», но начальник Морского штаба не принял его.

23 февраля Михаил Францевич записывает: «Вечером пошел опять к Меньшикову для дела будущей работы. Опять нет дома — едет в Кронштадт с царем, чтобы завтра потешить его там игрушками».

Спустя два дня опять отметка о том, что был у Меньшикова и тот снова его не принял.

1 марта Рейнеке в четвертый раз идет на прием к начальнику Морского штаба. «Опять нет дома. Черт возьми!» — возмущается исследователь. «Наконец, утром, около полудни, — записывает Михаил Францевич 2 марта, — застал я Меньшикова. Прием был общий для всех — человек до 15. Меня спросил он:

— Что скажете?

— Смею просить ваше сиятельство о назначении в мой отряд парохода для промера мелей и около берегов.

— К осени, быть может, дадим какой-нибудь.

— Благодарю, ваше сиятельство, и покорнейше прошу уж не присылать парохода осенью, когда нельзя работать. Смею ли еще просить о назначении судов: двух бригав и двух шхун для промера среди моря. Старые, гнилые для этого не годятся.

— Дадим какие есть».

Неприязнь Меньшикова к Рейнеке была известна всему Морскому министерству. Чиновники всех рангов, стараясь угодить „сиятельству“, создавали новые преграды на трудном пути моряка-исследователя. На схватки в Морском ведомстве приходилось тратить не меньше сил и больше нервов, чем на самую опись моря...

Двадцать лет Рейнеке отдал Балтике. В мае он покидал Петербург и возвращался только в октябре.

И так двадцать лет из года в год! Он не бежал от этой будничной работы... Когда приятели возмущались его упорным нежеланием отправиться в дальние скитания, он отмахивался от них и продолжал заниматься съемкой и промером, наблюдениями и расчетами. «Добросовестный путешественник или исследователь страны должен удовольствоваться девизом: „Полезным можно быть, не бывши знаменитым!“» Таково было его основное жизненное правило. Он изведal большие и малые заливы Восточной Балтики, заглянул в изумительно красивые шхеры, изучил каждый рейд, каждый остров, каждую бухту. Балтийское море стало

частью его жизни, как часть его жизни уже принадлежала Белому морю. Он запомнил и золотистые дорожки луны на ленивой зыби, и отражения бледных облаков в тихие белые ночи, и несущуюся под шквалами рябь, и седые угрюмые волны, от которых приходилось искать убежище либо в гаванях, либо в шхерах...

Но это море, которое Рейнеке любил, каждый год уносило часть его сил и здоровья.

Михаил Францевич уже давно болел. Еще в 1844 году придерживался диеты из-за частых приступов болезни печени. Уже тогда обострение ревматических болей в правой руке было столь сильным, что он не мог держать корректуру карт Балтийского моря. Он лучше, чем кто-либо, знает, что здоровье его надорвано скитаниями по морям, что болезнь скоро лишит его возможности заниматься исследованием Балтики. Он спешит составить лоцию Финского залива, карты шхер, рейдов, островов, словом, все сделать таким образом, «чтобы не стыдно было умирать».

После 25-летних трудов на пользу гидрографии болезнь настолько обостряется, что он уже не может все время находиться на корабле. С 1849 года он живет летом на островах Даго и Эзель, вблизи которых экспедиция ведет исследования, и оттуда распоряжается работами. Но ему не сидится на берегу, и он, как это ни тяжело, предпринимает время от времени плавание по району промера и съемки.

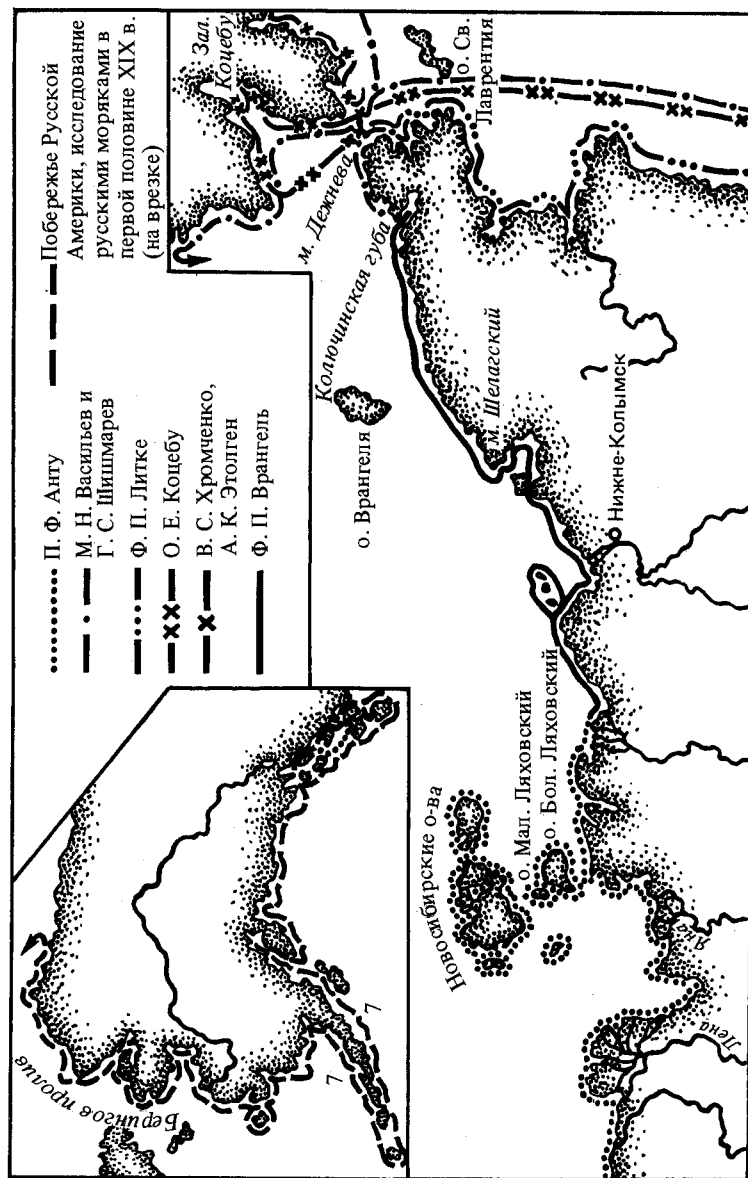
Один из сподвижников и друзей Рейнеке вспоминал о своем командире: «Да и можно было человеку утомиться и ухаживать ежегодными кампаниями, которые в общей сложности составляли почти 10 лет судовой жизни, проведенной на малых не комфортабельных судах, а иногда даже и на шлюпках, при занятиях в то же время умственных и под влиянием всегдашней нравственной ответственности не только за труды свои, но и за труды своих помощников».

И все-таки Михаил Францевич не сдавался. Он продолжал, пока были силы, одолевая извечных врагов моряка: мели, рифы, банки.

В 1851 году он добрался со своим отрядом до Рижского залива, на берегах которого пробежало его детство. Был уже виден конец работ на южных берегах Балтики... Затем он надеялся заняться уточнением описи финских шхер, но боялся, что ему может не хватить сил.

«Про Ботнику уже не думаю, — писал он Николаю Александровичу Бестужеву. — В этом обширном заливе, посередине его, не был исследователь от сотворения мира, да и побережье давно не было описано».

В 1852 году закончились работы Рейнеке на Балтике. Моряками были исследованы все принадлежащее России южное побережье Балтийского моря, Рижский залив, описаны острова Эзель, Даго, Мон, Вормс, Аландские шхеры, шхеры северного берега Финского залива, промерены глубины как у берегов, так

Исследования в районе Берингова пролива в 1816—1838 годах

и в открытом море. На скальных берегах Финского залива было сделано несколько десятков отметок среднегодовых уровней воды, которые явились вековыми реперами для изучения колебаний уровня Балтийского моря. Михаил Францевич установил в Кронштадте футшток, к которому до настоящего времени привязываются все нивелировки в нашей стране. Результаты работ экспедиции без промедления наносились на карты. Рейнеке с удовлетворением писал Н. А. Бестужеву, что им «составлен подробный атлас морских карт в масштабе от 500 до 840 саженей на дюйм. На этих картах указаны все узаконенные пути для судов... К этим картам издана и краткая лоция».

Карты и лоции Рейнеке сослужили добрую службу русским морякам во время обороны балтийских берегов в Крымскую войну.

Восемнадцать дней в сугробе

В удивительной летописи арктических путешествий особое место занимает таймырское путешествие русского академика Александра Федоровича Миддендорфа. Научные итоги этого подвига подведены самим исследователем в его многотомном исследовании «Путешествие на север и восток Сибири». Однако Миддендорф почти не остановился в нем на трудностях и лишениях путешественников, опасаясь, что рассказ о пережитых необычайных приключениях помешает ему полнее выразить результаты научных исканий.

Вместе с тем из отдельных, словно невзначай оброненных ученым фраз было ясно, что он и его спутники чудом спаслись от голодной смерти... Но Миддендорф предпочитал не распространяться о своих подвигах, будто это не он, а кто-то другой пролежал среди снежной пустыни больной, без пищи и без помощи восемнадцать дней, победив смерть своей неумной жаждой жизни...

В синих сумерках ноябрьского утра 1842 года Александр Федорович Миддендорф выбрался в своей кибитке за пределы Петербурга.

Весело бежали отдохнувшие лошади, и весело заливались колокольчики троек. Радужно и светло было на душе у двадцатисемилетнего профессора. Он без колебаний оставил кафедру зоологии Киевского университета и отправился на край света, в далекий Таймырский край, где до него побывало лишь несколько смелых моряков, с неимоверно великими трудностями исследовавших самые северные берега континента Евразии. Миддендорфа со студенческих лет влекли «белые пятна» планеты. Он просился

в спутники к знаменитым путешественникам. Он готов был ехать на Арарат и в Монголию, в Африку и к берегам Ледовитого океана. Он ждал счастливого случая. И вот случай представился. В 1840 году всемирно знаменитый русский ученый Карл Бэр пригласил его принять участие в путешествии в Лапландию. Он изведать радость познания девственной северной природы, когда каждый день приносил богатую жатву для науки, когда на его маршрутной карте появлялись новые реки и горы. Великий ученый восхищался выносливостью своего юного коллеги, его знанием морского дела, умением владеть ружьем и пренебрежением к трудностям и лишениям. Это Карл Бэр добился назначения Миддендорфа руководителем экспедиции.

«Я с полным убеждением, — писал впоследствии Бэр, — мог сказать Академии: вот человек, которому можно доверить исследование самых северных пределов материка. Своей двустолкой он, в случае нужды, может доставить небольшой экспедиции средства к существованию... Как хороший моряк, он добудет лодку и там, где ее нет, употребит воду вместо выючного, а ветер вместо упряжного скота.

В комиссии, учрежденной для начертания плана путешествия, я поэтому именно поддерживал то мнение, что экспедиция в отношении к числу людей должна быть маленькая — род рекогносцировки: небольшой отряд уйдет дальше и воротится легче».

Планом экспедиции, над которым трудились Карл Максимович Бэр и неперменный секретарь Академии наук Павел Николаевич Фусс, перед Александром Федоровичем Миддендорфом были поставлены две большие, казалось несовместимые, задачи. Ему поручалось провести наблюдения над вечной мерзлотой в шахте, которая была вырыта в Якутске купцом Шергиным на глубину 116 метров, и «исследовать оледенелость земли как можно основательнее и во всех направлениях». С этой целью экспедиция должна была в различных районах Сибири «пробуравить землю для освидетельствования, в каком отношении состоит эта оледенелая земля ко внешней температуре, как далеко она простирается в Сибири и какого рода могут прозябать в ней растения».

Миддендорфу было известно, что ученые всего света проявляют большой интерес к исследованию вечной мерзлоты, и он надеялся внести посильный вклад в изучение этого любопытнейшего явления на земном шаре. Но прежде всего ему поручалось совершить путешествие на Таймырский полуостров и исследовать «в естественном и этнографическом отношении самую северную страну Сибири между реками Пясиною и Хатангой». «Эта одна только из арктических стран на всем неизмеримом протяжении Сибири, которая еще никогда не была посещаемая естествоиспытателем, — писал в Академию наук инициатор таймырского путешествия Карл Бэр. — Сколько известно, по ту сторону Туруханска никогда не заходил образованный человек, кроме одного студента, которого Паллас отрядил туда, но который не дошел до Ледови-

того моря, и одного флотского офицера с двумя штурманами в царствование императрицы Анны Иоанновны, которые одни только посетили реки Пясины и Хатангу. Незнакомство с тамошним краем до того простирается, что в ответах на запросы, посланные за несколько лет академиею в Туруханск, упоминается о народе „долганах“, о котором прежде вовсе и не слышали. Совершенно не знакомы и естественные произведения этой страны. Из давнишних известий оказывается, что близ устья Хатанги есть значительное местонахождение каменного угля, которым можно было воспользоваться в тамошней безлесной стране».

Итак, весьма было бы важно для ученого совета, если бы молодой сведущий ученый, обладающий потребным постоянством и самоотвержением, предпринял сверх исследования степени оледенелости земли в Сибири также осмотр этой пустыни и по рекам Пясине и Хатанге проник до Ледовитого моря.

Вместе с Александром Миддендорфом из Петербурга отправлены лесовод Федор Брандт и слуга Фурман, которого ученый обучил препарированию животных и проведению метеорологических наблюдений. Позднее к экспедиции, уже в Сибири, присоединились топограф Ваганов и несколько местных жителей...

Утро 14 ноября 1842 года, когда Миддендорф покинул Петербург, запомнилось ему на всю жизнь. Ночью шел мокрый снег, облепил деревья и своей тяжестью согнул ветви. Изредка они вздрагивали, роняли снежные комья и поднимались вверх. Было тихо, спокойно. У горизонта лежала далекая, навевавшая грусть синь. Над головой лениво плыли на северо-восток черно-серые тучи. Прой-

Академик Карл Максимович Бэр

Александр Федорович Миддендорф

дет несколько дней, и они так же равнодушно, как и над Петербургом, пробегут над бескрайними просторами Таймырского края, от которого его, Александра Миддендорфа, отделяют тысячи верст. Впереди путь через снега, леса, горы, реки, льды, путь во имя того, чтобы добавить несколько новых строк в летопись знаний человека о северных пределах Великой России.

Кто знает, быть может, не будет пути назад в Петербург и он найдет свой конец среди ледяного царства Севера... Но это настроение мимолетно. В это время сквозь тучи пробился луч солнца. Он упал на заснеженные деревья, на гривы лошадей, добежал до оставшегося позади Петербурга и заискрился на золотых куполах колоколен.

Экономя каждый час, каждый день, Миддендорф торопил ямщиков. Новый год он встречал в Омске, а спустя месяц увидел деревянные башни Енисейска. Кончились почтовые тракты. Дальше дорога шла по льду Енисея. «Однообразная ледяная равнина реки с обеих сторон простирается гораздо больше версты и часто еще больше, — писал Миддендорф, — а снежные бугры ослепляют зрение своим блеском; нередко также даль скрывается в тумане или в вихрях метели. Как моряк гавань, путешественник встречает здесь одинокие жилища, где он, выплыв из необозримого снежного моря, может наконец, после дневных трудов, пристать к берегу». Но Миддендорф со своими спутниками может наслаждаться покоем всего час-два, пока дают отдых лошадям.

Вот Назимово. Здесь томится в ссылке декабрист Якубович. Узнав о проезде ученой экспедиции, он спешит к Миддендорфу и предлагает ему свою помощь в проведении метеорологических наблюдений и в сборе сведений о природных богатствах края, где он живет уже несколько лет.

Миддендорф принял предложение опального декабриста. По возвращении с Таймырского полуострова он получил из рук изгнанника ценнейшие материалы о климате, рудных богатствах, золотоносных речках и хозяйственном положении окрестных мест. Эти данные были использованы Миддендорфом и опубликованы в его труде «Путешествие на север и восток Сибири». Однако в этой работе не упоминается о Якубовиче, так как генерал-губернатор Восточной Сибири разрешил Миддендорфу использовать данные и сочинения декабриста «только как материал для собственного его употребления или для собственных его сочинений с тем, чтобы тот ни в коем случае не объявлял перед публикою, от кого их получил».

В марте 1843 года Миддендорф прибыл в Туруханск и вскоре покинул его. Ученый мчался дальше на север. В Дудинке пришлось сменить лошадей на собак, а затем на оленей и пересечь из кибитки на нарты. Нагрузив восемь саней имуществом, провизией и материалами для постройки байдары, Миддендорф продолжал свой путь к Таймырскому полуострову.

14 апреля Александр Миддендорф был далеко за Полярным

кругом в зимовье Коренном Филипповском, состоявшем из четырех изб и расположенном на 71° с. ш., на берегу реки Боганиды. Здесь кончался лес и начиналась тундра.

Местные жители сказали ему, что они проведут его в северные пределы Таймырского полуострова только весной, когда отправятся на летние кочевья. Это обстоятельство не обескуражило ученого. Он прежде всего организовал метеорологические наблюдения, которые никогда еще не велись в этих местах, позаботился о постройке лодки и, видя, что приготовления к предстоящему путешествию продвигаются успешно, решил пересечь линию водораздела и обследовать реки Хету и Хатангу до впадения их в Ледовитый океан. Через неделю он стоял в селе Казачьем у развалин шлюпки, которую сто два года назад оставил лейтенант Харитон Лаптев, и вспоминал о великих тружениках русской науки, побывавших здесь с описными работами в первой половине XVIII века. Их окружали враждебные силы суровой природы, мороз, снег, льды. Недели, месяцы, годы питались они сухарями и солониной, пили затхлую воду, плавали на открытых суденышках среди льдов, отыскивая морской путь из Архангельска в Тихий океан. Многие из них отдали во имя дела свои жизни.

Александр Миддендорфу предстояло продолжить и уточнить работу своих предшественников.

23 апреля ученый возвратился с восточных берегов Таймыра. Чувствовалось дыхание весны. Все щедрее становилось солнце. Появились первая звонкая капель, лужицы талой воды, в которых купалось голубое небо. Две недели пролетели в спешных сборах в дорогу, в сооружении байдары и заготовке припасов для дальнейшего путешествия.

Оставив своих петербургских спутников Брандта и Фурмана продолжать метеорологические наблюдения в зимовье Коренном Филипповском, Миддендорф 7 мая тронулся в путь вместе с ненцами и долганами. Его сопровождали лишь четыре человека. Один из них был Тит Лаптуков, почти семидесятилетний старик, знавший язык долган и ненцев. «Это был человек вроде гнома, — писал Миддендорф, — не сгорбленный, но как бы ссохшийся и до того закаленный против всех непогод севера, что смотря на него думалось, может ли умереть эта мумия?»

Вторым спутником был топограф Ваганов, присланный из Омска. Он скоро сделался «неразлучным и любимым товарищем» Миддендорфа. Кроме того, в экспедиции участвовали Егор Давурский и Василий Седельников. Впоследствии ученый вспоминал о своих спутниках: «И теперь, когда тринадцать лет разнообразной столичной жизни пронеслось над приключениями тогдашнего нашего странствования, об этих товарищах моих в самом трудном из походов в моей жизни я могу повторить только то, что... во всем свете едва ли где можно еще найти такое несравненное душевное довольство, такую находчивость и проворство во всех едва вообразимых напастях нагой пустыни, такое непоко-

лебимое доверие к своему предводителю, доходившее до романтической привязанности, как в народном характере так называемого простого русского человека».

Много недель продолжается путешествие Александра Миддендорфа в кочевом караване ненцев и долган. Девять оленьих упряжек везут остов лодки, челнок, провизию и снаряжение экспедиции. Начинается таяние снегов. Олени падают один за другим.

Миддендорфу не удастся среди местных жителей найти человека, который провел бы их до соленой воды океана. Никто из них не ходил к востоку и северу от Таймырского озера. «Камни там так остры, — говорили долгане, — что наша обувь изнашивается в один день». Они уверяли, что впереди лежит голая мерзлая земля, на которой даже не растет мох. Среди долган бытовало предание, что Нижняя Таймыра стремительно мчится между крутыми скалами и падает с огромной горы. Все живое там погибает, и ни один человек, решившийся плыть по этой бурной и коварной реке, не возвратился к своему чуму... К тому же среди сопровождавших Миддендорфа ненцев началась повальная тяжелая болезнь. Из 35 человек только один устоял на ногах, остальные, казалось, были обречены на смерть. Ученый превратился во врача и спас многих из ненцев от гибели.

Наступает день, когда только пятеро путников остаются в пустыне. Проводник — долганин, сообщив Миддендорфу, что Таймырское озеро находится рядом, оставляет его на берегу речки Логаты — притока Верхней Таймыры и исчезает вместе с оленями. Он вернется за путешественниками только в сентябре, если вернется...

Миддендорф принимается за строительство лодки. «Посмотрел бы ты на меня там наверху, на Севере, — писал Миддендорф одному из своих друзей. — Там-то я был в своей стихии. Лодку мы собственноручно построили вдвоем с одним из моих людей, который ничего не смыслит в этом деле, но у которого, однако, по-русски топор в руках был и стругом, и долотом, и пилой, словом, инструментом универсальным...»

Лишь через месяц вскрывается река и перед экспедицией открывается путь на север. Еще месяц — июль — уходит на исследование Верхней Таймыры и доставку запасов и снабжения на берег Таймырского озера... Чрезвычайно скупы записи в путевом журнале Миддендорфа. Лишь случайно он обронил несколько слов о пережитых приключениях и перенесенных трудностях.

«Только на обрыве Ламб-Эсси, — признавался Миддендорф, — вода Верхней Таймыры катилась с шумом, так что клочкотаньем ее нас неожиданно подбросило вверх на наших скамейках и на минуту мы были в страхе быть затопленными водопадом, с которого спустились. Но это была напрасная тревога, происходившая от того, что вся западная половина реки была мелка и камениста. То с плеском, то с шумом рвался между камнями избыток

воды весеннего разлива. Грозное завывание северо-восточного ветра неотделимо сливалось у нас в ушах с клочкотаньем, плеском и шипением воды».

На песчаной косе в низовьях Верхней Таймыры путешественники оставили склад семги как запас провизии для обратного пути.

В конце июля Миддендорф со своими четырьмя спутниками пересекает Таймырское озеро.

Воды Нижней Таймыры стремительно мчат путешественников на север. Миддендорф ни на час не оставляет планшета и карандаша. Разбиваясь о скальные обломки, тревожно шумят в чуткой тишине воды реки. Изредка в громкий разговор струй врывается грохот срывающихся с обрывов камней, и затем снова слышен печальный крик чаек и шум воды. Миддендорфу кажется, что рокот волн усиливается. Быть может, в рассказах старика-долганина не так уж много вымысла? Неужели это вдали грозно грохочет исполинский водопад, который, подобно песчинкам, поглотит и лодку, и челнок, и пятерых безумно отважных людей, на свой страх и риск пробирающихся к далеким северным берегам Таймыра... Шум нарастает. Возможно, за следующим поворотом реки откроется пропасть. Миддендорф озабоченно озирается по сторонам и вдруг замечает, что с запада стремительно движется темное облако. Налетает ураган. Он срывает камни с вершины скалы и бросает их в реку. Гулко стучат по брезенту палаток, по бортам лодки хрустальные бусины града. Нет ни водопада, ни берегов Таймыры. Нет ничего, кроме стены из воды и льда...

Затем буря сменяется сиянием. Снова Миддендорф достает планшет, и снова на его путевой карте появляются озера, острова, мысы. Рукою Миддендорфа были нанесены имена выдающихся ученых России — Ленца, Федорова, Струве, Купфера, Фусса, Савича, Бэра, Челюскина.

Между тем путешественники голодают, так как забрасываемые сети приносят очень скудные уловы. Положение осложнялось с каждым днем. Розданы последние сухари. Начались заморозки. Выпал снег. В ночь на 8 августа все лужи покрылись льдом, и с тех пор морозы становились все ощутимее. Вот-вот надо ждать ледохода по реке, и тогда экспедиции уготована неминуемая смерть от голода.

Но Миддендорфу не изменило ни мужество, ни настойчивость. Он упорно продолжал плыть на север, хотя и не видел в течение нескольких дней никаких признаков близости моря.

Как ни спешил Миддендорф к океану, он уделял время исследованию окрестностей Нижней Таймыры. 9 августа он обнаружил перерезанный на три куса клык мамонта, обломок топорща, челюсть лошади (по мнению Миддендорфа, это были остатки стоянки Харитона Лаптева и его спутников-якутов). Но особенно рад был ученый находке двух стволов дерева, которые на нескольких дней обеспечили экспедицию топливом.

12 августа путешественники в подозрную трубу увидели уди-

вительной красоты белую громадную глыбу, что сторожила выход из Нижней Таймыры в Ледовитое море. «...Итак, удвоив свои усилия,— писал Миддендорф,— пловцы с радостью приветствовали этот луч надежды и, несмотря на упорное борение с возрастающим приливом, действительно достигли берега, откуда море, раскидываясь обширным заливом, простирается на север. Но громада, которую издалека... сочли было за льдину, была огромная кварцевая скала, вероятно придвинутая туда льдами во время вскрытия моря».

Миддендорф решил идти дальше, лелея отчаянно смелую мечту обогнуть мыс Челюскин, проникнуть в море Лаптевых и добраться до реки Хатанги, где в селе Казачьем он мог бы найти приют и кусок хлеба. Но плавание продолжается только одни сутки. Льды преграждают путь странникам на 76° с. ш., и они возвращаются под защиту белой скалы, которую только что назвали островом Бэра.

Лишь некоторое время Миддендорф уделяет исследованию тюленей, плавающих в заливе, вблизи его суденышка. Чувствуется ледяное дыхание зимы. Надо спешить, пока не начался ледостав, к устью Верхней Таймыры, где обещали поджидать долгане...

«Но возвращение долженствовало быть еще несравненно труднее и опаснее, чем путь, дотоле совершенный,— писал Миддендорф в кратком отчете.— Силы путешественников изнурились от употребления нездоровой, скудной пищи и от чрезмерного напряжения, тем более, что неоднократно случалось им бросаться в воду для того, чтобы столкнуть судно с отмелей или высвободить его из тины, и что они уже более месяца оставались без всякого прикрытия, не имея возможности взять с собою палатку. Ни один из пловцов уже не имел сил долго управлять веслом, и потому оставалась только надежда на паруса; но плавание вверх по Таймыре становилось тем труднее, что воды ее в несколько дней убыли по крайней мере на 6 футов. Время становилось все ненастнее, ночи холоднее и темнее, оба берега реки уже окаймались льдом более нежели на одну сажень и самое судно, покрывшись льдом, заметно отяжелело.

К счастью, ветер, постоянно дувший с северо-востока, был благоприятен обратному плаванию, и благодаря урагану путешественники, подняв все паруса, благополучно миновали стремнины, о которых им говорили самоеды».

Девять дней потребовалось Миддендорфу, чтобы подняться против бурного течения до истоков Нижней Таймыры. Вода за последние недели спала, и он с трудом узнавал недавно нанесенные берега. Русло реки сузилось, на месте воды появились глинистые низменности, скальные острова соединились перешейками. Появились ледяные забереги, лодка обмерзла льдом, и управлять ею сделалось чрезвычайно трудно. На шестой день плавания при налетевшем порыве ветра она ударилась о скалу, и экспедиция вынуждена была задержаться на целый день ради ее починки.

Едва только вошли в Таймырское озеро, как поднялась буря. Четыре дня они, «промокшие и покрытые ледяною корой», пережидали бурю, укрывшись за небольшим островом.

27 августа Миддендорф, поднявшись на прибрежный холм, к ужасу своему увидел, что его предстоящий путь преграждает белая гряда льдов. «Всякая дальнейшая трата времени,— по его словам,— грозила неминуемой гибелью». Буря продолжала свирепствовать. Но переждать непогоду не было никакой возможности. Утлая байдара и маленький челнок покинули убежище и направились на юг, к устью Верхней Таймыры, где на песчаной косе был зарыт запас семги. Миддендорф надеялся проскользнуть вдоль западного берега озера. Но ледяная преграда вскоре остановила путешественников. Ударом льдины прорезало челнок, и он стремительно наполнился водой. Вместе с ним утонули рыболовные сети.

Озеро оставалось свободным ото льдов только в том месте, где проходило течение из Верхней Таймыры. Туда и направил Миддендорф свою байдару. Но, к крайнему своему ужасу, путешественники увидели, что «даже воды, в которых плыла байдара, покрывались тонким слоем льда». Им угрожала явная опасность быть затертыми льдами посреди озера: нужно было, во чтобы то ни стало, достигнуть самого ближнего берега, что и удалось наконец сделать не без большого труда и усилий.

Разломав лодку, они смастерили сани и, сложив на них свои жалкие пожитки, снова тронулись в путь. Дорога шла через скалы и обломки камней, не прикрытых снегом. Сани вскоре развалились. До склада семги было так же далеко, как и 12 дней назад. Сам Миддендорф, отличный стрелок и ходок по тундре, тяжело заболел. Путешественники уже в течение нескольких дней ничего не брали в рот. У них оставалось лишь несколько плиток сухого бульона, которые Миддендорф бережно хранил на крайний случай.

Долган, обещавших ждать путешественников на Верхней Таймыре, поблизости не было видно.

Экспедиция оказалась в безвыходном положении. Чтобы поддержать своих голодных и продрогших спутников, Миддендорфу пришлось «зарезать нарочно для зоологических целей дрессированную собаку». По словам Карла Бэра, «страдальцы-сподвижники съели кровь и взвар из костей, а мясо и небольшой остаток из взвара разделили на пять человек, в виде провианта на неопределенное будущее. Потом предводитель, утомленный трудами последних недель, почувствовал себя неспособным идти далее...»

Миддендорф отправил своих спутников на поиски долган, разделив со своими товарищами последний запас сухого бульона.

Он остался один в пустынной тундре. Его голодное одиночество продолжалось почти три недели. Сухари уже почти месяц назад были съедены, и у него ничего не было, кроме нескольких крошек сухого бульона. Наступил день, когда и они кончились. Мало было надежды, что кто-нибудь придет ему на помощь. Но Алек-

сандр Федорович Миддендорф не терял присутствия духа. Пока были силы, он приводил в порядок свои записи, карты, зарисовки. Он верил, что они-то не погибнут. Все тревожнее и тоскливее завывали вьюги. Морозы ужесточились. Ученый быстро слабел. Пришел день, когда он не мог писать в дневнике. Уходившие дни он отмечал черточками. Их было восемнадцать.

Удивительна воля к жизни Миддендорфа... Оставшийся один среди тундры, изнуренный тяжким походом и голодом, он нашел в себе силы победить болезнь. 19 сентября ученый почувствовал себя лучше. Он уже больше не терял сознания. Александр Федорович смог с большими усилиями развести маленький костер и растопить на нем воды в оловянной кружке. До сих пор он берег банку со спиртом, в которой хранились интересные зоологические находки. Только теперь, на краю жизни, он решил пожертвовать своими зоологическими редкостями. Другого выхода не было. Выпив спирта, разведенного водой, ученый почувствовал себя настолько сильным, что отправился с ружьем на охоту. Его ждала удача: он застрелил двух куропаток. Вскоре среди тундры весело пылал костер и в котелке варился суп, которого Миддендорф не отведывал уже восемнадцать дней, с тех пор как всеми путешественниками вместе была съедена собака.

Горячий обед прибавил Миддендорфу новых сил, и он решил пуститься на розыски склада семги, оставленной на песчаной косе Таймырского озера. Он неторопливо подвигался вперед походкой очень слабого человека. Было морозно. Сияло солнце. Изумительной белизны снег искрился тысячами, миллионами светлячков. Воздух был прозрачен. Миддендорф с трудом поднимался на вершину сопки и, выбирая направление к складу, огляделся вокруг. И вдруг среди ослепительной белизны тундры он заметил черные точки. Они двигались. В давившей ученого тишине послышался новый звук. То были голоса людей, весело кричавших на оленей. Он сорвал шапку и помахал ею. Потом выстрелил из ружья и помчался из всех оставшихся сил вниз с сопки, навстречу людям. Надежды и вера его исполнились. Друзья не покинули его. И спустя несколько минут он по-братски обнимался со своим проводником и долганами из племени Ассия во главе со старейшиной Той-Чумом.

Так закончился удивительный подвиг Александра Миддендорфа. «Подобное событие,— писал Карл Бэр,— еще никогда не случалось ни в какую из арктических экспедиций, совершенных Голландией, Англией и Россией в течение столетий».

8 октября Александр Миддендорф добрался до зимовья Коренного Филипповского. И курная изба, и теплый хлеб показались ему самыми чудесными благами на земле... Затем экспедиция перебралась в Туруханск, откуда ученый писал одному из своих друзей в Петербург: «Видишь, вот я воротился и весел, хотя еще не совсем здоров. В Туруханске я надеюсь избавиться от остатков проклятой боли в пояснице. Кроме весьма естественного поносу,

которым мы страдали несколько недель, и кроме ревматизмов во всех возможных видах, мы все в продолжение и после путешествия возимся с весьма странною болезнью. Крайние суставы пальцев на руках и ногах совершенно онемели, так что мы каждую минуту натывались на них как на тела посторонние. Только у бедного топографа зло пошло далее: пальцы на ногах покрылись пузырями, которые разлились коричневою вонючею сукровицей. Прошло два месяца, а он еще не вылечился».

Дальше путь лежал в Красноярск, где Миддендорф увиделся с декабристом Михаилом Фотиевичем Митьковым. От него он получил ряд изумительных по своей точности восьмилетних метеорологических наблюдений.

В начале 1844 года экспедиция снова была в пути. 12 апреля Миддендорф был в Якутске, где семь недель занимался наблюдениями над мерзлой почвой в шахте Шергина. А его помощники снимали копии с 16-летних метеорологических наблюдений местного жителя Неверова, неизвестного подвижника науки.

Из Якутска Миддендорф направился дальше на восток. Снаряжение экспедиции везли 72 вьючных лошади. В июне они переправились через Становой хребет и спустя четыре недели стояли на берегу Охотского моря. Немногим более полутора лет потребовалось Александру Миддендорфу, чтобы побывать у самых северных и самых восточных пределов России. Два месяца посвятил он исследованию берегов Охотского моря и Шантарских островов. Но блестящий успех не вызывал в молодом ученом чувства самоуспокоенности. На обратном пути он посетил Приамурский край. Он прошел через горы и реки, через леса и ручьи. Ни голод, ни лишения не могли убить страстного стремления путешественников внести достойный вклад в познание природы Крайнего Севера и Дальнего Востока России.

Миддендорф восхищался своими помощниками: топографом Вагановым и казаками Егором Давурским и Василием Седельниковым. Они были знатоками езды на лошадях и оленях, по воле обстоятельств и надобностей становились рыболовами, сапожниками, кузнецами, портными и плотниками.

Впоследствии Академия наук отметила, что топографу Ваганову «экспедиция преимущественно обязана богатыми географическими приобретениями. Искусство его, усердие, с которым он переносил безропотно все лишения и делил все опасности, сметливость и готовность его в оказывании и таких услуг экспедиции, которые выходили из круга собственных его обязанностей, достойны всякой похвалы». Ученый с восторгом писал, что вряд ли кто другой мог бы помериться «в гибкой во всем находчивости» русских казаков, выросших в безлюдных пустынях глубокого Севера. Это они помогли ему справиться со сложными и трудными задачами по исследованию Таймырского и Охотского краев.

В марте 1845 года Александр Миддендорф снова увидел знакомые ему очертания милого Петербурга. На востоке, поднимаясь

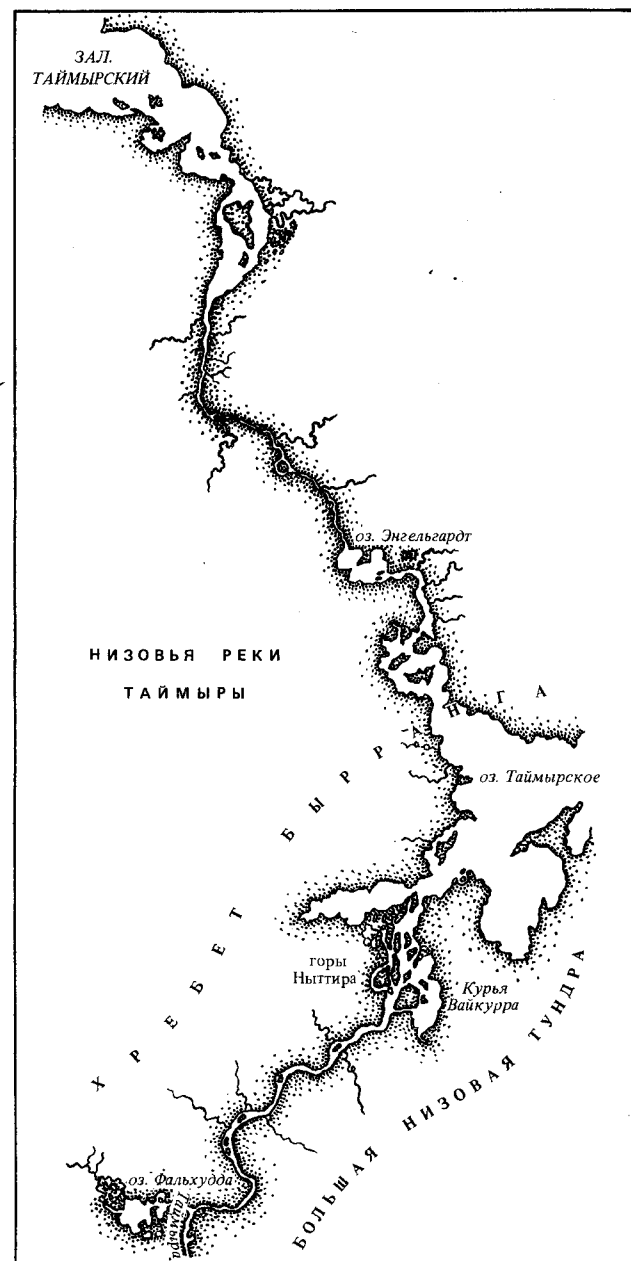
из-за леса и переливаясь многими необыкновенно нежными цветами, играло солнце. Озарив на несколько мгновений черные с белыми пятнами снега поля, оно скрылось за серой тучей. Над прошлогодним жнивьем заливиисто пели хохлатые жаворонки, а в лесу неугомонный глухарь токовал так, словно дразнился и звал на охоту... Александр Миддендорф с удовольствием вспоминал, как два с половиной года назад, когда он уезжал из Петербурга, вот так же играл утренний луч, озаряя его трудную дорогу в хрустальную пустыню Таймыра и в дремучие леса Сибири. И в этот утренний час, снова припоминая подробности своего путешествия к северным и восточным пределам России, он думал о том, что на его долю выпали не только непосильные труды, но что эти труды принесли богатые плоды, которые он через день-другой представит на рассмотрение Академии наук.

Добрый наставник и старший товарищ Карл Бэр, ознакомившись с плодами странствий Миддендорфа, писал, что таймырское путешествие представляет собой выдающееся достижение не только потому, что руководителю его пришлось употребить немало ловкости, терпения и решимости в преодолении предвиденных и непредвиденных затруднений. Миддендорф, по словам Бэра, «в достижении ученых результатов превзошел все ожидания» и «оправдал надежды, которые Академия наук возлагала на его способности, поручая ему начальство над этим ученым предприятием».

Бэр не преувеличивал успехи экспедиции. До путешествия Миддендорфа ни один ученый не бывал среди северных просторов Таймырского полуострова. Лишь в 40-х годах XVIII столетия здесь побывали с описными работами Харитон Лаптев и Семен Челюскин. Они первыми положили на карту северное побережье России между Енисеем и Леной. Они побывали на Хатанге, пересекли по льду Таймырское озеро и вышли весной на оленях к устью Таймыры. 8 мая 1742 года Семен Челюскин достиг самой северной точки Азии — мыса Северо-Восточного, впоследствии переименованного в мыс Челюскина. Однако журналы путешественников не увидели света. Сведения об этих подвигах были скудные, и вскоре начали раздаваться голоса отдельных ученых, что северная оконечность Азии не была достигнута. Путешествие Миддендорфа, который перед отправлением на Таймыр тщательно изучил рукописные журналы Лаптева, подтвердило всю необоснованность таких предположений и со всей очевидностью раскрыло величие подвига его смелых предшественников.

Миддендорф считал, что «Челюскин бесспорно венец наших моряков, действовавших в том крае».

Если Харитон Лаптев и Семен Челюскин доставили науке первые сведения об очертаниях Таймырского полуострова, его жителях и некоторых особенностях природы, то Александр Миддендорф, талантливый ученый-натуралист, составил карту внутренних его районов и дал всестороннее описание этого самого

Карта реки Нижней Таймыры, составленная А. Ф. Миддендорфом

северного края России. Он собрал исключительно богатые материалы по географии и гидрографии, по геологии и орографии Таймыра, Сибири и Охотского края, включая Амурскую область. Миддендорф исследовал влияние климатических условий на животный и растительный мир самых северных пределов Сибири и установил, что леса и травы произрастают гораздо севернее, чем предполагали прежде. Экспедицией было собрано большое число ранее неизвестных науке видов животных. Наблюдения Миддендорфа над вечной мерзлотой в Якутске и других северных районах Сибири стали сокровищем для географов. Свои исследования он обобщил в многотомной капитальной работе «Путешествие на север и восток Сибири». Отдельный том этого блестящего труда был посвящен коренным жителям Сибири, и в том числе обитателям Таймырского полуострова, которые оказали ему неоценимые услуги во время путешествия и спасли от грозившей голодной смерти.

Академия наук дала блестящую оценку научным исследованиям Александра Миддендорфа: «Одна собственно ученая добыча, которой мы обязаны чрезвычайной деятельности, осмотрительности и обширным основательным познаниям путешественника, сопровождаемого столь малым числом спутников, так значительна, что по убеждению Академии наук ни одна из всех арктических экспедиций, снаряженных Англией и Россией и стоивших нередко весьма значительных издержек, не принесла столько пользы науке, как Миддендорфова».

Спустя двадцать семь лет после таймырского путешествия Александру Миддендорфу снова довелось увидеть далекую Арктику. На одном из судов эскадры адмирала Посьетта он проплыл мимо кольских берегов, которые так старательно изучал в юности под отеческим руководством Карла Бэра. Затем он любовался искрящимися в лучах солнца ледниками Новой Земли и измерял температуру воды Гольфстрима. Великое течение несло к этому далекому исполинскому острову свои теплые воды, вызывая к жизни растительность среди причудливых фиолетовых скал. Стоя на берегу у Малых Кармакул и прислушиваясь к неумолчному гомону птиц, Миддендорф невольно вспомнил, как, одинокий и больной, лежал он в холщовой палатке на берегу Таймырского озера и его «давила глубокая тишина снежной пустыни». И если бы можно было сбросить груз лет и вернуть молодость, он все равно, не задумываясь, повторил бы таймырское путешествие, едва не стоившее ему жизни.

В погоне за призраком

В 1882—1883 годах учеными мира решено было провести Первый международный полярный год.

Для изучения метеорологических и геофизических процессов в Арктике русские географы создали метеорологическую станцию в устье Лены, на острове Сагастырь.

Ученые и их наблюдения оказали исключительное влияние на дальнейшие поиски Северного континента. Руководил этой станцией Николай Юргенс, офицер русского военного флота. Его помощником был Александр Александрович Бунге, сын знаменитого почетного академика и профессора ботаники Дерптского университета.

Скоро слух о путешественниках, поселившихся на острове Сагастырь, разнесся далеко по Северу. Местные жители стали частыми гостями на станции. Они приезжали не только из селений в дельте Лены, но и с устьев Яны, Оленека, Анабары. Многие из них нуждались в медицинской помощи, и Александр Бунге не жалел ни лекарств, ни знаний, чтобы помочь пациентам северной пустыни.

Александр Бунге слышит от посетителей станции рассказы о Новосибирских островах. С 1823 года их не посещал ни один ученый. Уже 60 лет ждут натуралистов останки исполинских мамонтов, которые могут дать ключ к разгадке многих тайн природы древнего мира. А к северу от островов Котельного, Фаддеевского, Новая Сибирь, где были сделаны открытия Джорджем Де-Лонгом, возможно, существуют неведомые земли, которые видел не только Санников, но и многие охотники, ездившие за мамонтовой костью в те края. Бунге вспоминает, что он читал об этом и у Аргентова в его статье «Северная Земля».

Находясь на Сагастыре, Бунге составил план новой экспедиции и послал его в Академию наук. Его письмо встречают с восторгом. Ученые России давно мечтают о натуралисте, который бы взял на себя смелость отправиться на Новосибирские острова и дать глубокое научное представление о природе столь далекого края России. Деньги на экспедицию отпускаются немедленно. Александр Бунге назначен ее начальником.

Осенью 1884 года Бунге прибыл в далекий Иркутск, где он встретился со своим товарищем по предстоящей экспедиции Эдуардом Толлем. Бунге уже давно связывала дружба с этим молодым талантливым ученым, девизом которого были слова: «Идти вперед и только вперед!». Он оставался верен этому девизу в течение всей своей недолгой деятельной жизни.

Толль родился в Ревеле (Таллинне) 14 марта 1858 года. Учился в Дерптском университете, по окончании которого изучал средиземноморскую фауну и геологическое строение острова Минорки. Результаты своих научных исследований он обобщил

Эдуард Васильевич Толль

в работе, за которую ему была присвоена степень кандидата зоологии.

В феврале 1885 года все приготовления к новой экспедиции были закончены, и друзья выехали в Якутск и благополучно добрались туда 7 марта. Через месяц они направились в Верхоянск. Сначала ехали на лошадях, затем на оленях, запряженных в легкие нарты. Оленьи упряжки, да еще порой лодка служат им транспортом весной и летом, когда они обследуют почти неизученный Прианский край.

Зима застает Бунге и Толля в селе Казачьем, в 30 верстах к югу от Усть-Янска. Ни пятидесятиградусные морозы, ни почти трехмесячная полярная ночь не могли уменьшить энтузиазма молодых исследова-

телей. Они тщательно готовились «к прыжку» на Новосибирские острова. Надо было собрать около полутора десятков собачьих упряжек для перевозки более 700 пудов грузов и снаряжения экспедиции.

В марте 1886 года у Бунге имелось 240 собак, которых распределили на 20 нарт. Все грузы были сосредоточены в пункте Аджергайдах, неподалеку от мыса Святой Нос.

31 марта Бунге снова стоял на берегу Ледовитого океана. Всего лишь несколько переходов отделяло его от Новосибирских островов.

В его лагере было шумно и оживленно. Вокруг стоявших здесь раньше строений было разбито несколько чумов из оленьей кожи, в которых жили участвовавшие в экспедиции якуты. Над каждой палаткой вился дымок, слышался веселый разговор и даже песни, прерываемые ужасным лаем собак, часто ссорившихся между собой, и восклицаниями разнимающих их каюров.

Бунге и Толль решили разделить Новосибирскую экспедицию на две части. Толль должен был посвятить предстоящее лето исследованию островов Анжу, а Бунге — заняться изучением геологии Большого Ляховского острова, где, судя по рассказам местных жителей, имелись в большом числе останки ископаемых животных.

29 апреля путешественники покинули стан Аджергайдах. На следующий день они разбили свои палатки у реки Блудной

на Большом Ляховском острове. Через сутки ученые ступили на Малый Ляховский. Не прошло и двух дней, как они были на мысе Медвежьем Котельного острова, куда Бунге решил проводить своего товарища. Они создали на острове два продовольственных склада.

7 мая Бунге на долгое время расстался с Эдуардом Толлем, который отправился исследовать острова Котельный, Фаддеевский и Новая Сибирь.

Бунге поехал на север, чтобы продолжить съемку острова Котельного, которой он занимался в течение недели. Работать было трудно из-за сильных туманов. Но больше всего неудобств доставило отсутствие на берегах выкидного леса. Ничего другого не оставалось, как сжечь сначала жерди от палатки, а затем все деревянные вещи, кроме нарт.

И все-таки только 21 мая Бунге решил проститься с берегами острова Котельного и направиться на юг. В пути экспедицию застиг сильный восточный ветер. Пришлось искать убежища за ледяными торосами.

«Сильный буран, — вспоминал Бунге, — задержал нас на этом месте трое суток; нашу палатку совсем занесло снегом, стало капать внутри, все отсырело».

На Большом Ляховском острове Бунге ждало разочарование. Тунгусы, которые должны были доставить ему ездовых оленей, ничего не зная о разделении экспедиции на две части, отправились на остров Котельный и разминутись с путешественниками. Уехали они несколько дней назад — догнать и вернуть их было невозможно. С ужасом думал ученый о том, что лето у него может пропасть для науки только из-за отсутствия средств передвижения, так как по обнаженной земле ездить на собаках невозможно. Оставалась надежда, что с материка приедут охотники-промысловики, которых всюду на Севере называют промышленниками, и он у них наймет оленей. Чаяниям его суждено было осуществиться в тот самый момент, когда он уже ни на что не надеялся.

14 июня около избы Бунге неожиданно остановились четыре охотника, которые по льду, покрытому водой, переправились через пролив Дмитрия Лаптева. Один из них согласился предоставить шесть оленей и самого себя в распоряжение путешественника.

Лето и осень Бунге разъезжал по тундре на нартах, обследуя наиболее интересные для науки места. Если в дельте Лены приходилось страдать от комаров, то на Большом Ляховском острове больше всего неприятностей доставляли ветры. Редко выпадали дни, когда при ясном небе был штиль и царила полная тишина, не нарушаемая ни одним звуком.

«Это в самом деле минуты настоящего наслаждения и отдыха, — писал Бунге, — тогда даже этот бедный, сумрачный и суровый край является в розовом свете, тем более если, как мне случалось, можно смотреть на него с вершины горы. Кругом зелено-коричневая тундра, из которой вдали поднимаются живописные

группы гор в лиловом оттенке; за ними покрытое льдом море и на самом горизонте сияние очертания береговых гор Святого мыса; вся картина облита слабым красноватым светом полуночного солнца. Но это ненадолго. Вдруг на горах являются тучи тумана вроде шапок, и через несколько минут вся картина исчезнет и просвистит первый порыв ветра».

Со второй половины июня до глубокой осени Бунге ходил пешком по Большому Ляховскому острову, в то время как проводник на оленях перевозил экспедиционное снаряжение и провизию.

Между тем его сподвижник Эдуард Толль сделал неожиданное открытие. Однажды августовским днем 1886 года, когда он осматривал северный берег острова Котельного, проводник Василий Джергели обратил его внимание на чудесное видение. На северо-востоке у края горизонта вырисовывались контуры четырех гор, соединявшихся на востоке с пологой низменной землей.

Джергели и Толль долго смотрели на этот явившийся вдруг из морской пучины остров. Исследователь пристально вглядывался в горы. Ему казалось, что они, как и горы расположенного на востоке от этой земли острова Беннетта, были сложены базальтами. Толль прикинул расстояние. По его расчетам, таинственная, не открытая никем земля лежала в 150—200 километрах от берегов острова Котельного.

Так и стояли путешественники, пока туман не скрыл это далекое и прекрасное видение. Старый Джергели, в седьмой раз летовавший на Новосибирских островах и уже несколько раз видевший синие горы на северо-востоке, досадливо махнул рукой: всегда они являлись среди серых волн или белой снежной пустыни на несколько минут и потом снова бесследно исчезали в туманной дали. А Толль, очарованный и взбудораженный этим событием, больше уже не думал о своих чудесных находках и геологических открытиях, которые только что занимали его думы. Ученого манили к себе неведомые горы.

«Между тем,— писал Толль,— Джергели, схватив свою берестянку с табачком, понюхал и на несколько минут задумчиво устоялся в одну точку.

— Тойон! — вдруг обратился он ко мне, снова возвращаясь к своей излюбленной теме.— А на Земле Санникова тоже есть плавучий лес, и олени, и кости?»

Я объяснил ему, что, по моему мнению, на западном берегу Санниковой Земли должен быть плавучий лес, а может быть, есть также и олени, и мамонтова кость.

Все лицо Джергели вспыхнуло, выразив какую-то страстную тоску и внутреннее восхищение, без сомнения, перспективной охоты на оленей и собирания мамонтовой кости на острове, где еще никто никогда не охотился и не собирал ничего.

Но скоро это впечатление сменилось серьезным раздумьем.

Мнение свое Джергели резюмировал так:

— Значит, плавучий лес идет туда с Лены. Это верно. И раз

эти американцы нашли олений рог на другой Земле Санникова (острове Беннетта), отчего же не быть оленям и на этой? А что до костей, так понятно, что они должны быть и там, ведь и там был потоп.

— Что ты хочешь сказать этим? — спросил я, с большим любопытством ожидая дальнейших объяснений Джергели.

— Очень просто, тойон. Когда Ной построил ковчег, надо было вогнать туда всех зверей; но построил-то он плохо, ковчег вышел больно мал, и мамонт не мог влезть в него. Вот бедные животные и плыли за ковчегом, пока не выбились из сил и не потонули. Потом, как вода-то сбыва, мамонтовы туши и остались лежать тут во льдах вместе с принесенным потопом плавучим лесом. А если здесь все острова были под водой, то, верно, была под водой и Санникова Земля».

Толль полагал, что он вместе со своим спутником Джергели видел ту самую Землю, которую впервые видел Санников летом 1809 года.

13 августа 1886 года Толль сделал запись в дневнике о том, что имеются все основания снова нанести пунктиром на карту еще одну Землю Санникова.

Отыскание этого овеянного легендами и окруженного тайнами острова, который, словно призрак, появляется и исчезает в туманной дали Северного Ледовитого океана, становится жизненной задачей исследователя. С этой минуты он только и мечтает об открытии Земли Санникова. Эти два слова звучат в его научных исследованиях независимо от того, пишет ли он о мамонте, или об ископаемом каменном льде, или о геологическом строении Новосибирских островов.

24 октября 1886 года в лагерь начальника экспедиции вернулся Толль. Он обследовал острова Котельный, Новая Сибирь, Фаддеевский и назвал безымянный до сих пор низменный «песок» в архипелаге Анжу Землей Бунге. Путешественники переправились по льду на материк. Через месяц в Академию наук пришла телеграмма о том, что экспедиция благополучно возвратилась в Якутск с богатой научной добычей.

Экспедиция Бунге—Толля выполнила обширные климатические, биологические, геологические исследования. Всякий раз, когда имелась возможность, ученые наблюдали за перемещением льдов, но главное внимание было уделено изучению ископаемых животных, обитавших одновременно с мамонтом, ископаемого льда и остатков древней растительности.

Бунге по возвращении из путешествия в своем выступлении в Географическом обществе заявил, что на Новосибирскую экспедицию смотрит как на первый опыт.

«Мы только узнали, что поездки на острова очень возможны и как именно нужно их устраивать. Об окончательном исследовании и речи не могло быть: много интересного на Новосибирских островах осталось неисследованным. Между тем виднеется даль-

ше на север новая, совсем неизвестная земля, так называемая Санниковская.

Я убежден в том, — говорил Бунге, — что после обработки собранных материалов, интерес, который заслуживает этот край в научном отношении, еще увеличится: практических результатов, оказывается, пока мало, но их ожидать и не следует; они обнаруживаются после научных исследований, иногда только через несколько десятилетий или еще позже. Поэтому я питаю надежду, что в недалеком времени будет снаряжена другая экспедиция в этот край; надеемся, что она будет русская и будет совершена на пользу науки, во славу России».

Ученые высоко оценили итоги новосибирского путешествия Бунге — Толля. В отчете Академии наук за 1886 год говорилось, что подвиг Бунге и Толля заслуживает быть занесенным в летопись выдающихся научных достижений: «Поручение Академии наук выполнено в почти неожиданном объеме, и глазами наших посланцев наконец в первый раз рассмотрены эти негостеприимные окраины России».

Через несколько лет после возвращения из Новосибирской экспедиции 1885—1886 годов Э. В. Толль на Международном географическом конгрессе в Вене встретился с Фритьофом Нансеном. «Молодой норвежский полярный исследователь, — писал он 16 сентября 1890 года академику Ф. Б. Шмидту, — посетил меня в гостинице и имел со мной продолжительную беседу о расположении льдов в районе Новосибирских островов, о ездовых собаках и о других животрепещущих вопросах, которыми мы оба одинаково заинтересовались».

Нансен посвятил Толля в детали своего дерзновенного плана. Норвежский ученый намеревался пересечь на судне Северный Ледовитый океан вместе с дрейфующим льдом. Толль посоветовал своему коллеге начать дрейф из северо-восточного угла моря Лаптевых, точнее, из района Земли Санникова, которую он видел к северу от острова Котельного. Именно здесь, по его мнению, существовало Ленское течение, направленное к северу. Кроме того, как видно было из метеорологических наблюдений станции Сагастырь, здесь преобладали юго-восточные ветры, способствовавшие дрейфу льдов к северо-западу.

С этого времени начинается необыкновенная дружба двух необыкновенных исследователей Арктики конца XIX — начала XX века. Именно на их долю выпали звездные часы в истории Арктики...

Собираясь в плавание на «Фраме» к Северному полюсу, Нансен обратился к Толлю за советом, как достать хороших сибирских ездовых собак. Толль немедленно отозвался на призыв норвежского полярного исследователя. Он сообщил, что отправляется в научную экспедицию на арктические берега и острова Восточной Сибири и сам проследит за тем, чтобы собаки были закуплены и отправлены, согласно уговору, в Хабарово и Оленёк, где экспе-

диция должна была взять их на борт «Фрама». Кроме того, Толль, по словам Нансена, нашел полезным устроить несколько продовольственных складов на Новосибирских островах на тот случай, если с «Фрамом» случится несчастье и путешественникам придется возвращаться этим путем.

В то время как в Норвегии шла подготовка к путешествию и оснащался «Фрам», Толль предпринял путешествие через Малый и Большой Ляховские острова к Котельному острову и заложил на пути, возможного возвращения норвежской экспедиции три депо с запасами провизии. «О нас позаботились так хорошо, что в случае, если бы нам пришлось туда попасть, мы бы, несомненно, не испытывали никаких лишений. В самом северном депо, у становища Дурново, на западном берегу острова Котельного, под 75° 37' с. ш. мы нашли бы провианта на восемь дней. Этого было достаточно, чтобы пройти 100 километров к югу вдоль берега и достигнуть второго депо под Уруссалахом, где в построенной Толлем избе имелись запасы на целый месяц. Наконец, третий склад с запасом провианта на четыре месяца был оставлен в избе на южной стороне Малого Ляховского острова, что давало возможность уже легко достигнуть материка».

Нансен был тронут тем, что его встретит сибирское гостеприимство даже на Новосибирских островах. Сообщение об этом он получил от Толля в то время, когда завершалась подготовка к путешествию.

Экспедиция Нансена приподняла завесу неизвестности с центральных областей Северного Ледовитого океана, но Земли Санникова не увидела.

В августе 1896 года Эдуард Толль по поручению Русского географического общества отправился в Норвегию, чтобы передать сердечное приветствие русских географов Нансену. Толлю не терпелось увидеть друга, ведь его «Фрам» побывал к северу от Новосибирских островов, вблизи тех мест, где лежала Земля Санникова.

Рассказ Нансена о плавании «Фрама» к северу от Новосибирских островов и о наблюдаемых им признаках суши еще больше укрепил веру Толля в существование Земли Санникова.

Толль рассказал Нансену, что когда в 1893 году он находился на северном берегу острова Котельного, то представил, как можно на собачьих упряжках в несколько переездов достигнуть Земли Санникова. А сопровождавший его проводник Василий Джергели, видевший несколько раз эту гористую землю, заявил, что готов отправиться вместе с ним, чтобы без колебаний первым ступить на никому неведомый остров и умереть.

Вернувшись из Норвегии, правительство которой наградило Толля орденом за организацию складов для экспедиции Нансена, он приступил к составлению программы работ новой грандиозной полярной экспедиции.

15 апреля 1898 года Толль выступил в Географическом об-

шестве с планом экспедиции на Землю Санникова. На заседании кроме известных ученых П. П. Семенова-Тян-Шанского, С. О. Макарова, Ф. Б. Шмидта, А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева, Ф. И. Чернышева присутствовал Нансен.

Проект Толля, опубликованный затем в печати, проникнут глубокой уверенностью в существовании Земли Санникова.

По контурам гор этого загадочного острова, виденным им 12 лет назад, Толль набрасывает картину его геологического строения. Он предполагал, что, как и остров Беннетта, горы Земли Санникова сложены из трапповых массивов. Путешественник считал, что неоткрытая земля расположена примерно в 150 километрах от острова Котельного и что, следовательно, ее южный берег находится между 77 и 78° с. ш. и примерно на 140° в. д.

Толль предлагал в своем проекте снарядить экспедицию уже в 1898 и 1899 годах. Для этой цели он считал необходимым послать судно в устье Лены, откуда экспедиция следующим летом отправится к Земле Санникова и высадится на ее берег. Судно экспедиции вернется снова в устье Лены, проведет там зиму, чтобы с открытием навигации снять с Земли Санникова трудившихся там в течение года исследователей. В состав экспедиции должны были входить кроме начальника метеоролог, топограф, астроном и два опытных промышленника из якутов или тунгусов.

Проект Толля интересен прежде всего тем, что он ставит задачу разностороннего изучения Арктики. Он писал в заключительных строках проекта: «Девятнадцатое столетие приходит к концу и оставляет нам многое еще сделать для довершения работ в области научных завоеваний на Русском Севере, давших рядом тяжелых жертв со стороны первых русских исследователей. Кому, как не русским, приличествует выполнить эту задачу?.. Я уверен, что, если мы возьмемся за дело, не пройдет и 2—3 лет, как отнято будет от нас последнее поле действия на севере от сибирского берега — Земля Санникова».

Нансен высоко оценил предложенный Толлем план организации экспедиции для поисков Земли Санникова. Он считал вероятным, что к северу от островов Анжу могут находиться еще неизвестные человеку земли, исследование которых, по его словам, «было бы подвигом величайшей научной важности».

Нансен советовал Толлю зазимовать на острове Беннетта, где можно было бы заняться изучением прилегающих районов Северного Ледовитого океана, а следующим летом приступить к поискам Земли Санникова. В качестве корабля для экспедиции Нансен предлагал приобрести китобойное судно.

Вскоре после этого заседания руководитель Русского географического общества, выдающийся путешественник П. Семенов-Тян-Шанский обратился с письмом в Академию наук с предложением снарядить экспедицию для поисков Земли Санникова:

«Географическое исследование Сибирского моря и его побережья, начатое с таким самопожертвованием, производившееся

русскими людьми в течение второй половины прошлого и первой четверти настоящего столетия, переходит, поскольку то касается морских исследований, в последние годы все более и более в руки иностранцев, и недалеко уже то время, когда честь исследования последней из земель, лежащих у Сибирского берега, — Земли Санникова — будет предвосхищена скандинавами или американцами, тогда как исследование этой земли есть прямая обязанность России, которой эти земли составляют крайний северный оплот в сторону глубокого Полярного бассейна...»

Через некоторое время Толль выступил перед общим собранием Академии наук с докладом о предлагаемых им исследованиях. Он рассчитывал летом 1899 года выйти в плавание, обогнуть мыс Челюскин и зазимовать в устье Лены. После зимовки Толль намеревался отправиться к Новосибирским островам, создать базы для экспедиции и затем отправиться на поиски Земли Санникова. В удобной гавани вновь открытой земли или острова Беннетта предполагалось остаться на вторую зимовку и заняться выполнением стационарных метеорологических и магнитных наблюдений и геолого-географическим наблюдением мест, не посещенных ни одним натуралистом. После окончания работ на острове Беннетта и на Земле Санникова Толль хотел посетить Деревянные горы Новой Сибири.

Академией наук была создана комиссия по снаряжению экспедиции. В ее состав вошли академики А. П. Карпинский, О. А. Бакаунд, Ф. И. Чернышев, Ф. Б. Шмидт, М. А. Рыкачев и др. По ее замечаниям Толль доработал свой план, расширив программу научных исследований. Дела подвигались очень медленно. Вопрос о посылке экспедиции летом текущего года вскоре отпал. Речь могла идти только о плавании в предстоящую навигацию. В августе 1899 года Академия наук обратилась в Министерство финансов с просьбой об отпуске ассигнований на полярную экспедицию.

«Экспедиция на Землю Санникова, — говорилось в письме Академии наук, — была бы теперь особенно своевременна также для изучения истинных размеров естественных богатств нашей Сибири и севернее лежащих островов и всего их морского бассейна, так как залежи мамонтовой кости и предполагаемое обилие промысловых животных привлекают уже внимание немецких и американских торговых фирм. С занятием арктических островов... иностранцы могут обеспечить за собой их промысловые богатства в ущерб нашей промышленности и создадут те затруднения, которые представляет ближайшее соседство иностранных владений со всеми его последствиями.

При современных силах техники сегодняшнее приобретение науки завтра становится достоянием промышленности и торговли, а потому нельзя предвидеть, к каким важным экономическим результатам приведет исследование в области срединного архипелага полярной сибирской окраины. Пытливость ученых изыска-

телей указала торговый путь к устьям Оби и Енисея; по их же следам американские промышленники проникли в восточные воды Сибирского полярного моря и по берегам его ведут промысловый торг с инородцами. Путь, указанный Норденшельдом, в недалеком будущем станет торговым путем, и, если мы не утвердимся на нем теперь же, иностранцы обставят его промысловыми и спасательными станциями и захватят в свои руки морские промыслы и торговлю через великие сибирские реки, которые получают огромное значение после оживления Сибири рельсовым путем. По всем этим соображениям проектируемая экспедиция барона Толля к Новосибирским островам и к Земле Санникова помимо научного интереса имеет важное государственное значение, ради которого особенно желательно возможно скорое ее осуществление».

Прошло всего лишь несколько недель, и необходимые ассигнования были отпущены Министерством финансов. 150 тысяч рублей золотом было предоставлено Толлю не только для того, чтобы он занимался поисками Земли Санникова. Богато оснащенная Русская полярная экспедиция Академии наук должна была стать свидетельством серьезного интереса России к своим владениям на северо-востоке. Плаванием «Зари» начинается цепь мероприятий по защите национальных интересов России на Чукотке, Колыме и Камчатке.

К Русской полярной экспедиции большое внимание проявляла мировая научная общественность. Знаменитый норвежский исследователь и большой друг России Фритъоф Нансен прислал Толлю напутственное письмо с пожеланием провести интересные для науки исследования по геологии севера Сибири и океанографии Северного Ледовитого океана. Свое дружеское письмо Нансен заканчивал следующими словами:

«Дорогой друг! Мне хотелось бы иметь случай повидаться с Вами до Вашего отъезда, но это, пожалуй, не удастся; я не знаю, когда Вы приедете в Берген — надеюсь, не очень поздно, так как время дорого и Вам надо было бы как можно раньше попасть в Анабарчик.

Надеюсь, что Вы нашли Ваши санки, как и все остальное снаряжение, вполне удовлетворительными во всех отношениях и что в Бергене Вы найдете заказанные вещи. Я настоятельно советовал лейтенанту Коломейцеву взять с собой на корабль побольше дерева (ясень и др.) про запас для починки санок, челноков и т. д. в случае надобности; знаю по опыту, что такой материал часто бывает очень желательным; у нас на „Фраме“ ощущался недостаток в нем. И не вполне спокоен насчет Ваших деревянных челноков: боюсь, что они при условии очень небольшого веса будут плохо служить среди тяжелого плавучего льда, а чинить дерево гораздо труднее, чем полотно. Я, конечно, предпочел бы полотняные каяки.

В заключение, дорогой друг, от всего сердца желаю Вам всего

доброго и прекрасного в Вашем долгом и важном путешествии, желаю Вам удачи и благополучного положения со льдом, чтобы Вы нашли хорошую гавань для зимовки. Мне нет надобности говорить Вам, что за исключением Вашей превосходной жены и Вашей семьи, мало кто будет с таким интересом следить за Вами, как я.

Преданный вам друг

Фритъоф Нансен

Моя жена шлет вам сердечный привет и желает Вам счастливого пути. На прощанье мы скажем, как эскимосы на восточном берегу Гренландии: „Чтобы вам всегда плыть по свободной ото льда воде“».

В первую арктическую навигацию Толль надеялся достигнуть мыса Челюскин и зазимовать поблизости от него, либо у западных, либо у восточных берегов Таймырского полуострова. На месте зимовки предполагалось создать станцию для магнитных и метеорологических наблюдений и до возобновления плавания в следующую навигацию заняться детальным обследованием близлежащего северного побережья Азии.

В течение второго арктического лета предполагалось заняться поисками Земли Санникова и обследованием острова Беннетта и затем направиться через Берингов пролив во Владивосток. Толль решил большое внимание уделить океанографическим, зоологическим, геологическим, геофизическим и метеорологическим исследованиям во время плавания и во время зимовки. В одном из своих выступлений путешественник говорил, «что Русской полярной экспедиции предстоит разрешение многих важных научных вопросов, она не есть спортсменское предприятие и не имеет целью открыть одну, быть может, маленькую Землю Санникова. Нет! Русская полярная экспедиция выходит под вымпелом Академии наук и ставит себе серьезные научные задачи, а наука только тогда свята, если она не потеряла связи с общечеловеческими задачами гуманности. Как скоро вырастут плоды научных трудов, трудно вперед указать, это очень часто упускается из виду близорукостью человеческих глаз. Современная культура основана на господстве человека над силами природы, и каждый вновь открытый закон природы, усиливая это господство, умножает таким образом высшие блага нашего поколения».

Для экспедиции было куплено судно «Заря» грузоподъемностью 443 тонны с паровой машиной и парусным вооружением. В экспедиции кроме Толля участвовали зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля, астроном Ф. Зееберг, врач Г. Вальтер, лейтенанты Н. И. Коломейцев и Ф. А. Матиссен и другие офицеры Русского военно-морского флота. Всего вместе с командой судна экспедиция состояла из 20 человек. На борту «Зари» имелся трехгодичный запас продовольствия.

21 июня 1900 года «Заря» покинула Петербург. В этот день Толль записал в своем дневнике:

«...Положено начало экспедиции, которой я так долго добивался. Начало ли? Правильное ли это слово? Когда же именно было положено начало? Было ли это в 1886 году, когда я видел Землю Санникова, было ли это в 1893 году, когда, находясь на Новосибирских островах, я мысленно представил себе возможность достигнуть с острова Котельного Земли Санникова быстрым переходом на собачьих нартах. Было ли это после опубликования моего плана в 1898 году, или же начало было положено, когда я прошлой весной передал президенту Академии наук свой отчет о плавании на „Ермаке“? Что считать началом? Как бы то ни было, фактически экспедиция началась сегодня, 21 июня 1900 года, в теплый ясный летний день, когда мы снялись с якоря и капитан Коломейцев вывел с большим мастерством „Зарю“ без помощи буксира из устья Невы мимо множества судов и когда мы взяли курс на Кронштадт. Из наших глаз мало-помалу исчезали друзья, собравшиеся на набережной и на окружавших „Зарю“ пароходах и лодках. Они долго еще посылали нам вслед прощальные приветствия и кричали „Ура!“».

Первую остановку «Заря» сделала в Ревеле, где родился и вырос Толль. Перед тем как отправиться навстречу неизвестному будущему в Ледовитом океане, он хотел увидеть близких и дорогих ему людей и свой родной город, где было все так знакомо и мило сердцу путешественника.

В начале августа экспедиция миновала Югорский Шар и вышла на просторы Карского моря. После непродолжительной остановки на острове Диксон, вызванной ремонтом машины, яхта продолжала плавание на восток, стремясь достигнуть в эту навигацию мыса Челюскин. Экспедиция приступила к научным работам. Ученые драгировали, вели гидрологические наблюдения, изучали льды, использовали любую возможность для пополнения зоологических, ботанических и геологических коллекций. Между тем лед доставлял все больше неприятностей. В заливе Миддендорфа «Заря» 24 дня находилась в ледовом плену. Выйдя из «ловушки», экспедиция вскоре была снова остановлена льдом и зимовала у берегов Таймырского полуострова в бухте Колин-Арчера, в той самой бухте, которую Нансен рекомендовал Толлю как наиболее удобную и безопасную для зимовки.

В ожидании улучшения ледовой обстановки экспедиция израсходовала большую часть угля. Топлива оставалось всего лишь на 20 суток плавания. При таком запасе угля, по словам Толля, можно дойти только «до Земли Санникова, и ни шагу дальше».

Мысль о Земле Санникова не оставляла Толля в течение полярной ночи. Она часто упоминается в его дневнике, письмах, отчетах, случайных записях. О ней думают его спутники. Во время встречи Нового года команда устроила своему начальнику приятный сюрприз. В заключение театрального представления на «Заре» был показан новогодний апофеоз.

«В полутьме перед нами,— писал Толль жене Эвелине,— стоял

сгорбленный, трясущийся старик на дрожащих ногах с ниспадающими седыми волосами. Он опирался на посох. Это был Старый год. Обращаясь к зрителям, он произнес несколько слов слабым голосом. При его последних словах часы ударили двенадцать, тогда старец пригнулся к земле и исчез со сцены. В это время на заднем плане обрисовалась ярко освещенная магнietом молодая сильная фигура, художественно задрапированная в светлый флажок, с голубой, украшенной звездами короной на голове. В руках у нее транспарант, на котором светились пламенно алые буквы двух слов: „Земля Санникова“.

Более богато осмысленное воплощение наших стремлений в новом году вряд ли можно было себе представить».

Зимовку экспедиция перенесла благополучно. Тяжелых заболеваний цингой ни среди научного состава, ни среди команды не было. В апреле 1901 года «Зарю» покинули ее капитан — лейтенант Коломейцев и промышленник Расторгуев. Они должны были доставить почту и позаботиться о заготовке угольных баз в районе будущих работ «Зари».

Интересные научные работы во время зимовки «Зари» были проведены лейтенантом Матиссеном, тщательно обследовавшим острова архипелага Норденшельда, а также выполнившим топографическую съемку многих районов Таймырского полуострова, представлявшего собой «белое пятно» на карте России. Удачны и интересны были исследования Бялыницкого-Бирули, который кроме зоологических работ составил карту от места стоянки «Зари» до мыса Стерлегова.

Весной и летом 1901 года Толль дважды предпринимал научные походы для детального обследования Таймыра. Вернулся он из последнего странствования 23 августа, а через два дня лед около «Зари» пришел в движение и судно наконец оказалось снова на свободе. 1 сентября «Заря», украшенная флагами, салютовала мысу Челюскин.

«Заря» шла курсом на предполагаемое местонахождение Земли Санникова, открытие и исследование которой было одной из главных задач Русской полярной экспедиции Академии наук. 9 сентября, находясь на $75^{\circ} 45'$ с. ш. и 139° в. д., «Заря» обнаружила малые глубины. Толль видел в этом признак близкой земли. Приближался решающий момент, но в тот же день судно встретило пояс старых мощных льдов и попало в густой туман.

Экспедиция подвигалась на север вдоль кромки льдов. На $77^{\circ} 09'$ с. ш. и $140^{\circ} 23'$ в. д., в том самом районе, где, по расчетам Толля, должна была находиться Земля Санникова, путь «Заре» преградило огромное паковое поле. За ним сплошной серой массой расстилался лед, исчезающий в густом тумане, и Толлю показалось, что именно там, за этим льдом, скрывается таинственный остров. Судно шло вдоль границы льдов. Кромка их спускалась на юго-запад. Экспедиция удалялась от места главных исследований, доступ к которому преграждал лед и туман.

«Но что же будет с Землей Санникова? — отмечал Толль в дневнике 10 сентября 1901 года. — Находится ли она за ледовым поясом? При таком густом тумане, как сегодня, невозможно ничего выяснить. Нам необходима ясная погода для определения местонахождения. Хочу пройти к острову Беннетта и, воспользовавшись открытой водой, попытаюсь продвинуться вдоль его западного берега на северо-востоке, чтобы там высадиться, пока западно-юго-западный ветер не нагнал снова лед.

Если это удастся или если удастся найти зимнюю гавань у острова Генриетты, то оттуда можно будет отправляться на санях и каяке для исследования Земли Санникова. Однако у меня закрадываются тяжелые предчувствия, но довольно об этом!»

Утром 11 сентября «Заря» находилась на $76^{\circ} 47'$ северной широты и 146° в. д. От острова Беннетта, по расчетам Толля, отделяло расстояние в 50 километров. Наметили программу работ на ближайшие дни. Было решено высадиться на остров Беннетта на один-два дня. В то время как команда будет ремонтировать котел «Зари», научный состав экспедиции займется устройством склада продовольствия, топографической съемкой, сбором геологических, ботанических и зоологических коллекций, астрономически определит несколько пунктов и проведет магнитные наблюдения.

По окончании ремонта судовой машины Толль надеялся при благоприятной ледовой обстановке и ясной погоде предпринять плавание вдоль западного берега острова Беннетта на северо-запад, к властно привлекавшей его Земле Санникова. Одновременно экспедиция должна была внимательно осмотреть берега острова Беннетта — не найдется ли безопасной гавани для новой зимовки «Зари» в Арктике. Толль преследует только одну цель — быть как можно ближе к району предполагаемого расположения загадочной земли.

После полудня сквозь облака пробилось солнце. Успели определиться, но вскоре судно встретило сплошные льды, над которыми снова держался густой туман. Пришлось спуститься на юго-восток. «Заря» уходила все дальше от своей заветной цели. Толль был мрачен и в одиночестве разбирал геологические сборы с Таймыра, освобождая место для новых образцов с острова Беннетта.

Под вечер в каюту начальника спустился лейтенант Матиссен, командовавший судном после отъезда Коломейцева, и, познанив Толля с курсом за день, доложил, что подход к западному берегу острова Беннетта невозможен из-за массы окружавших его льдов и что надо следовать к восточному побережью. Толль был огорчен и потерянным временем, и израсходованным углем. Ему хотелось каждую тонну топлива, каждый час употребить на поиски земли, занимавшей все его мысли, наполнявшей его жизнь в продолжение последних 15 лет.

В то время как Толль соглашался с доводами своего капитана, раздался крик врача Германа Вальтера:

«Посмотрите, не земля ли это?»

Толль и Матиссен выбежали из каюты на левый борт и в разрыве тумана увидели высокую величественную скалу мыса Эмма, покрытую голубоватым ледником.

«Земля, земля, остров Беннетта!» — откликнулся Матиссен.

Все бросились наверх. Астроном Зееберг определял местоположение судна, а зоолог Бялиницкий-Бируля во всеуслышание восхищался красотой мыса Эмма и считал, что на таком очаровательном острове могли бы жить и мускусные быки.

Остров лежал как на ладони, но путешественников отделяло от него около 20 верст. Это событие окрылило Толля, который был перед этим так удручен бесполезными попытками найти Землю Санникова, что, по-видимому, начал сомневаться в ее существовании. Надежда и вера в удачу снова ожили в нем.

«Теперь, — писал он в дневнике, — совершенно ясно, что можно десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее. Не подозревая близости острова Беннетта, мы ведь только сейчас обнаружили эти чудесные скалы. Снежный купол, подобно храму, поднимался прекрасным, симметричной формы сводом над правильным плато, спускавшимся ступенями вниз.

Вскоре снова пал туман, будто злой полярный волшебник задался целью пленить нас и раздражить этой картиной. Стоял сплошной паковый лед, и нельзя было различить прохода. Справа на расстоянии одной морской мили к востоку был замечен свободный доступ. Затем туман сгустился, и наступила темнота. В 8 часов спустились пары, между тем льды движутся на север, а мы медленно продвигаемся на северо-запад. Терпение, терпение! В случае если удастся здесь перезимовать, поездки можно совершать санными маршрутами. Какая великолепная область для исследований лежит перед нами, но когда же мы до нее дойдем? В любой день могут наступить сильные морозы. Долго ждать невозможно, в крайнем случае будем пробиваться сквозь ледовый пояс».

«Заря» еще некоторое время плавала у границы льдов, располагавшейся на $77^{\circ} 35'$ с. ш. Туман был непроницаемым. Вероятно, где-то рядом находилась земля, но рассмотреть ее было невозможно. Машина судна нуждалась в неотложном ремонте, и Толль принял решение идти к острову Котельному и заняться чисткой котла. Через несколько месяцев (5 декабря 1901 года) директором Главной физической обсерватории в Петербурге академиком М. А. Рыкачевым была получена телеграмма, посланная из Якутска:

«11 сентября 1901 года застала зима в Нерпичьей бухте. 1 ноября (19 октября) открыли метеорологическую станцию с ежедневными наблюдениями. Все благополучно. Все здоровы. Шлем привет Главной обсерватории.

„Заря“

25 октября 1901 года».

В тот же день М. А. Рыкачев ответил:

«Якутск, губернатору для передачи экспедиции барона Толля. Главная физическая обсерватория шлет Вам, экспедиции привет, наилучшие пожелания, полного успеха. Благодарю наблюдения, добрую память.

Рыкачев».

В Нерпичьей бухте Толль встретил геолога К. А. Волосовича. Он возглавлял вспомогательную экспедицию, занимавшуюся устройством продовольственных складов на островах Фаддеевском и Котельном на случай гибели «Зари». Волосович отдал Толлю 30 собак. Среди спутников Волосовича был каюр Василий Горюхов, мальчиком участвовавший в экспедиции Бунге в 1886 году. Он согласился остаться вместе с Толлем на Котельном.

Зимой Толль предпринял поездку на материк за почтой. Там он встретился со своим старым другом Джергели, который тоже мечтал побывать на Земле Санникова. Они снова много говорили об этом острове, который, по убеждению Джергели, существовал, и на него переходили олени с острова Котельного.

Среди многих писем от близких и незнакомых людей была и весточка от Фритьофа Нансена. Норвежский полярный исследователь писал Толлю:

«Дорогой друг, прежде всего мои самые сердечные поздравления по поводу всего достигнутого Вами и по поводу того, что все так славно шло по программе. Пребывание в Таймырском проливе было, по-видимому, очень богато результатами, и я с нетерпением жду Вашего сообщения об этом чрезвычайно интересном побережье. За последнее время я как раз сделал попытку составить карту берега и островов по нашим окончательным топографическим определениям и т. д., но так и остановился, потому что мне встретилось при этом слишком много загадочного.

Я уверен, что Вы привезете прекрасный во всех отношениях материал по геологии и географии этой северной оконечности континента. Вы, несомненно, имели случай поработать по ледниковым образованиям в этой местности, а может быть, также и по изменениям уровня моря и высоты береговых линий последнего ледникового периода. Это последнее меня особенно интересует: я как раз собираюсь писать работу о глубине Полярного бассейна, об изменениях уровня сибирского побережья и т. д.; к сожалению, я с этим пока еще не справился и не могу прислать эту работу, как я надеялся.

Ваше плавание от Таймыра до Новосибирских островов было, по-видимому, очень удачным, а условия льда в море Норденшельда особенно благоприятными.

Я очень беспокоился, узнав, что у Вас запас угля подходит к концу; по-моему, не худо, что Вы решили поэтому двигаться обратно через мыс Челюскин — эта местность обещает во многих отношениях богатую добычу для науки. Надеюсь, угля Вам хватит до бухты Диксона, а если нет, то можно идти под парусами,

особенно после того, как Вы минуете остров Таймыр и остров Норденшельда, потому что тогда, несомненно, будет северо-восточный ветер. Хотелось бы только, чтобы Вас у острова Таймыр опять не задержал плотный лед...

Надеюсь, Вы найдете благоприятными во всех отношениях условия для работы весной и лед по направлению к земле Беннетта и т. д. не будет препятствовать поездкам на санях. Я уверен, что Вас там ждут большие открытия, и с нетерпением жду Вашего возвращения.

Я совсем забыл сердечно поблагодарить Вас за известия о Вашем путешествии, присланные мне Вами через Вашу милую жену. Что Вы обо мне вспоминаете даже при таких обстоятельствах, доказывает Вашу истинную дружбу.

А теперь в заключение мои наилучшие пожелания для будущего: чтобы лед не вскрывался под санями, чтобы „Заря“ всюду находила свободную ото льда воду и чтобы Вы, таким образом, могли с полным успехом и без опоздания вернуться к себе домой.

Как хорошо будет вновь пожать Вам руку! До радостного свидания, преданный Вам друг

Фритьоф Нансен».

12 апреля Толль возвратился в Нерпичью губу и сразу же начал собираться в поход на остров Беннетта, откуда надеялся достичь Земли Санникова. И чем ближе была весна, тем энергичнее он готовился к новым путешествиям и исследованиям.

«Далеко на родине листва распустилась, деревья зазеленели... — писал он в дневнике 15 мая 1902 года. — Пусть остается дома тот, кто не хочет расстаться со своими каждодневными заботами! Меня одолевает сегодня путевая лихорадка. Я потратил целую неделю на записи и упаковку геологических коллекций. Я решил насколько возможно раньше отправиться на север, так как у устья реки Решетниковой надеюсь найти силур. У меня пробуждается охота к странствованиям, этому способствует погода: на солнце тает снег, расплавляется на черном грунте».

В другом месте дневника ученый отмечал, что его путь на родину лежит через остров Беннетта. Все приготовления к этому походу через ледяные торосы и полыньи были закончены к исходу мая.

Толль отдает себе отчет в том, что путешествие будет трудным и, возможно, последним. В эти дни он провожает уезжающего на юг Волосовича и как будто завидует ему... Может быть, пока не начат путь в неизвестное, отменить свои распоряжения, вернуться с началом навигации в бухту Тикси, а затем в Петербург? Он не нашел Земли Санникова, но зато добыл для науки бесценные сведения о морях и землях Арктики, которыми может гордиться Академия наук. Средства потрачены не напрасно. Они многократно окуплены богатыми научными сборами.

Нет, путь на родину для него закрыт!

Толль неоднократно завуалированно повторяет эту мысль.

Он не хочет возвращаться, не открыв Земли Санникова. Лучше погибнуть, разыскивая этот загадочный, исчезнувший, словно призрак, в океане остров, чем признаться в крушении своих убеждений.

В эти дни Толль пишет в дневнике:

«Остро ощущаю правоту слов Гете: „Юг хранит много сокровищ! Но одно сокровище Севера влечет непреодолимо к себе, словно сильный магнит“. Итак, бесповоротно решено, только через ту „неведомую гавань“ на острове Беннетта лежит мой путь на родину!

Покину „Зарю“ спокойно. Только бы мне достигнуть цели! Если за нами придет „Заря“, то наша яхта быстро помчится с попутным ветром обратно, после того как на Севере будут обретены сокровища науки; если же „Заря“ не придет и мы останемся зимовать, то приложим с Зеебергом все усилия к тому, чтобы как можно лучше использовать год...

Как туго натянутые струны, напряжены мои нервы перед этим прыжком через полярные горы, через торосы и моря, для того, чтобы через шесть месяцев вернуться на родину.

Что должно свершиться, то сбудется!»

Земля Санникова стоит непрестанно перед путешественником. С походом на остров Беннетта он связывает последнюю надежду достигнуть или хотя бы снова увидеть ее.

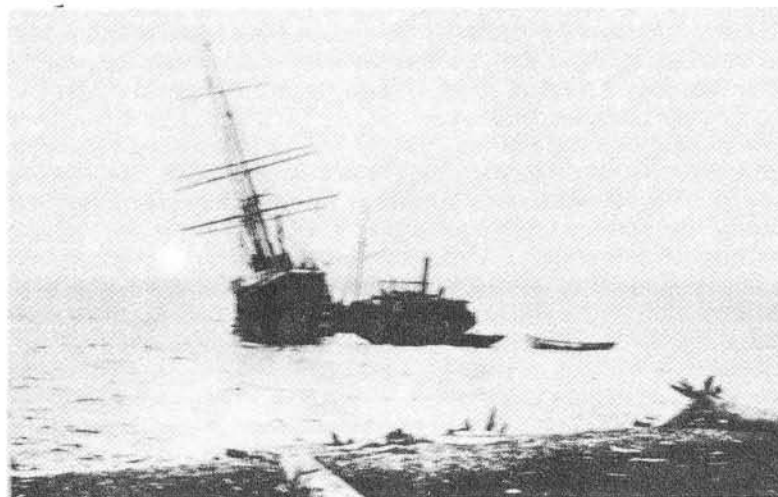
Итак, вперед, навстречу новым испытаниям и трудностям! Только вперед! Эти слова звучат почти на каждой странице «Дневника» путешественника, написанного в виде писем к жене Эвелине.

5 июня 1902 года Толль в сопровождении астронома Ф. Зееберга и промышленников В. Горохова и Н. Дьяконова покинул зимовье на Котельном острове и направился на остров Беннетта...

Спустя два месяца Нерпичью бухту покинула «Заря», которая должна была снять путешественников с необитаемого клочка суши. Всюду на пути судна был лед. Он не позволил кораблю не только подойти, но даже увидеть остров Беннетта, где его с надеждой и тревогой ждали Эдуард Толль, Фридрих Зееберг, Василий Горохов и Николай Дьяконов...

«Заря» вернулась к острову Котельному, а затем направилась в устье Лены, где и была оставлена командой.

Русская полярная экспедиция Академии наук возвратилась в Петербург без своего начальника. Эдуард Толль и три его спутника были оставлены на произвол судьбы без провизии и крова на одиноком скалистом острове в Северном Ледовитом океане. Их жизнь висела на волоске... Адмирал Макаров, которого связывали с Толлем теплые, дружеские отношения, предлагал немедленно идти на «Ермаке» на помощь оказавшимся в беде исследователям, но его не поддержали. К острову Беннетта решено было послать спасательную партию на вельботе под начальством А. В. Колчака.

Яхта «Заря», оставленная экипажем в устье Лены

22 февраля 1903 года она отбыла из Петербурга, а 17 августа моряки увидели темную полосу земли. Она ширилась и росла. Скоро можно было различить черные скалы и голубоватые ледники, спускавшиеся к морю. Около берегов плавали фантастической формы айсберги. Над ними реяли стаи птиц. На льду темнели, словно огромные капли черной туши, нежившиеся на солнце тюлени и нерпы.

Через несколько часов моряки высадились у мыса Преображения, и первое, что они увидели, была крышка алюминиевого чайника, который был взят с собой Толлем на остров Беннетта. За этой находкой последовали другие, более интересные. На следующий день на возвышенном месте мыса Эмма моряки увидели сложенный из камней гурий, в вершину которого было воткнуто небольшое весло. Рядом с гурием лежала бутылка. В ней находились записки. Одна из них со словами: «Для ищущих нас». Ее составил Эдуард Толль 26 августа 1902 года. Он глубоко верил, что его товарищи по экспедиции подадут ему руку помощи и вызволят из бедственного положения. Поэтому в начале записки он написал: «С приездом поздравляем!» — и подчеркнул эти слова. Позднее рукой Толля была сделана приписка о том, что 1 (14) сентября они отправились вдоль западного берега, чтобы построить дом на северо-восточной оконечности острова, где имелось изобилие плавника.

В той же бутылке находилась записка, составленная спутником Толля астрономом Фридрихом Зеебергом, о том, что дом построен на южной половине восточного берега острова, севернее мыса София, у губы Павла Келлена.

Извлеченные из бутылки записки давали нить к дальнейшим поискам Эдуарда Толля, но ничего не открывали в судьбе путешественников. Живы ли они? Почему с октября 1902 года не сделано никаких новых пометок?

Моряки продолжали поиски. В тот же день они добрались до домика, построенного Толлем и его спутниками. Путешественников в нем не оказалось. Он был наполовину занесен снегом, который за лето превратился в лед.

Моряки принялись усиленно работать топорами. Ледяные брызги больно били их по лицам, но они продолжали с ожесточением рубить лед. Наконец показались камни. Они были сцементированы льдом. Их с трудом отделяли друг от друга. У самой земли из-под камней показался ящик, обшитый парусиной. Его вскрыли. На дне его лежали листки бумаги. Эдуард Толль в одну из самых трудных минут своей жизни нашел в себе мужество составить отчет о своих исследованиях. Листки гласили:

«В сопровождении астронома Ф. Г. Зееберга и двух промышленников, тунгуса Николая Дьяконова и якута Василия Горохова, я отправился 5 июня из зимней гавани „Заря“ (губы Нерпичьей острова Котельного). Мы шли по северным берегам острова Котельного и Фаддеевского к мысу Высокому острова Новая Сибирь. 13 июля взяли курс на остров Беннетта. Лед был в довольно разрушенном состоянии. 25 июля в расстоянии 3 миль от мыса Высокого лед был окончательно разломан ветром. Приготовляясь к плаванию на байдарках, мы убили здесь последних собак. Отсюда нас несло на льдине нашего лагеря в течение 1,5 суток 49 миль по курсу. Заметив затем удаление нашей льдины на 10 миль к югу, оставили ее 31 июля. Проплыв благополучно на двух байдарках оставшиеся 23 мили до острова Беннетта, 3 августа высадились у мыса Эмма.

По съемке астронома Зееберга, определившего здесь, сверх того, как и по пути, магнитные элементы в 10 пунктах, остров Беннетта не больше 20 квадратных километров. Остров Беннетта представляет собой плоскогорье не выше 1500 футов (457 м). По геологическому строению остров Беннетта является продолжением Среднесибирского плоскогорья, сложенного и здесь из древнейших осадочных пород (кембрийских), прорезанных извержениями базальтов. Местами сохранились под потоками базальтов флечи бурого угля с остатками древней растительности, именно хвойных. В долинах острова изредка лежат вымытые кости мамонтов и других четвертичных животных.

Ныне живущим обитателем острова Беннетта кроме белого медведя и временного гостя моржа оказался олень: стадо в 30 голов водилось на скалистых пастбищах острова. Мы питались его мясом и шили себе необходимую для зимнего обратного пути обувь и одежду. Следующие птицы жили на этом острове: два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек, и между ними розовая. Пролетными птицами явились: орел, летевший с

юга на север, сокол — с севера на юг и гуси, пролетевшие стаями с севера на юг. Вследствие туманов земли, откуда прилетали эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации — Земли Санникова.

Мы оставили здесь следующие инструменты: круг Пистора и Мартенса с горизонтом, инклинатор Краузе, анемометр, фотографический аппарат „Нора“ и некоторые другие.

Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы. 76° 88' северной широты, 149° 42' восточной долготы. Э. Толль. Губа Павла Кеппена острова Беннетта. 26.10—08.11. 1902 года».

После того как были прочитаны найденные в ящике листки, стало ясно, что Толля, Зееберга, Горохова и Дьяконова нет в живых. По-видимому, они погибли во время перехода по неокрепшим льдам в условиях надвигающейся полярной ночи.

Шестнадцать лет Толль стремился ступить на Землю Санникова, которую видел к северу от острова Котельного. Но ступить было не на что. К концу своей экспедиции сомнения стали закрадываться в душу Толля. Они проскальзывают в его раздумьях, которые отразились в «Дневнике», этом исключительном человеческом документе. Он гнал мрачные мысли. Но они снова приходили... Так он и не сумел их прогнать. Ничто не могло утешить его в тяжелых предчувствиях, что искомой земли не существует...

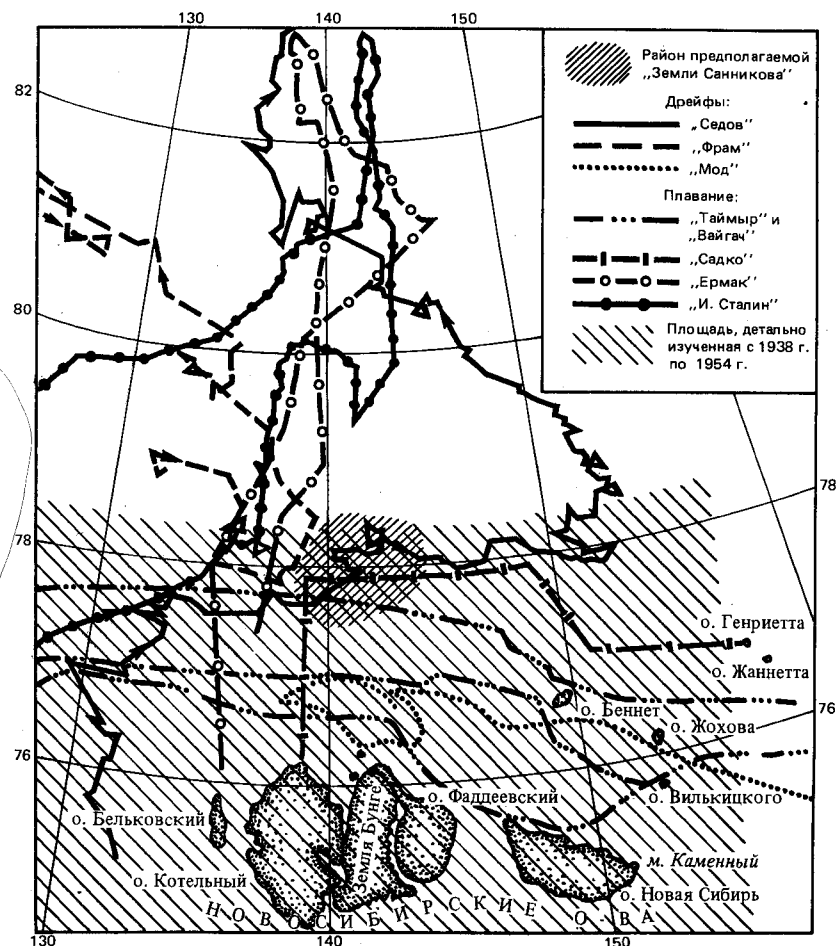
Толль пожертвовал жизнью во имя открытия Земли Санникова, но, как ни страстно путешественник стремился к этому острову, он остался пытливым исследователем.

Еще в 1886 году, участвуя в экспедиции А. Бунге, он собрал исключительно ценный материал по геологии Новосибирских островов. Особенно много труда Толль посвятил исследованию ископаемого каменного льда, слой которого толщиной до двадцати метров он обнаружил в береговых обрывах. Он исследовал его структуру, изучал фауну ледниковой эпохи, остатками которой был щедро богат архипелаг. В течение весны и лета 1886 года Толль обследовал в геологическом и палеонтологическом отношении острова Большой Ляховский, Земля Бунге, Фаддеевский и Новая Сибирь.

В экспедицию 1893 года путешественник продолжил геологические работы на Новосибирских островах.

Русская полярная экспедиция Академии наук на яхте «Заря» под начальством Эдуарда Толля знаменовала новую страницу в познании Арктики. Толль положил начало широкому комплексному исследованию арктических морей и арктической суши. Его интересовали климатические условия, ледовый и гидрологический режим, животный и растительный мир, магнитные явления, гидрография морей и, наконец, геологическое строение островов и материка.

По результатам работ экспедиции были составлены геологическая карта острова Котельного и краткий физико-географиче-

Карта поисков Земли Санникова, виденной Э. Толлем в 1886 году

ский очерк северного побережья Сибири, содержащий сведения о климате, гидрографии, геологии, орографии, животном и растительном мире Таймыра и Новосибирских островов. На материалах экспедиции одним из ее участников было выполнено исследование, посвященное льдам Карского и Сибирского морей, представлявшее собой новый шаг в развитии полярной океанографии. В нем на основании разносторонних наблюдений изучались вопросы образования и разрушения льда, его возраст, перемещения, появление трещин, полыней, разводьев.

Эдуард Толль заплатил жизнью за решение трудной географической загадки. Тайну его смерти ревниво оберегают воды Ледовитого океана. Неизвестно, где нашел свою могилу этот

подвижник науки и один из самых добрых и гуманных людей на земле.

«Сердца подвиг благородный»

Шесть путешествий в Арктику Владимира Александровича Русанова — одна из самых ярких и волнующих страниц в истории познания Севера России, и особенно Новой Земли и Шпицбергена.

Годы детства и юности Русанова прошли в Орле, где он родился 15 ноября 1875 года. Здесь он учился, сначала в гимназии, а затем в семинарии. По свидетельству современников, он стал душой орловского социал-демократического кружка, поддерживавшего тесную связь с «Московским рабочим союзом». В 1901 году его выслали на два года в Вологодскую губернию под надзор полиции. За ним вопреки воле родителей последовала его совсем юная жена, только что окончившая гимназию, Мария Петровна Булатова.

Чтобы заработать на жизнь, Русанов отправляется в далекий Усть-Сысольск и приступает к изучению Зырянского края. Затем на несколько недель возвращается в Вологду, чтобы представить губернскому земскому собранию доклад «Об изыскании нового водного пути между Волжско-Камским и Печорским бассейнами». Лето 1903 года Русанов проводит в новом путешествии по Печорскому краю. Он привозит проект устройства канала, который должен соединить бассейны Печоры и Волги.

В 1903 году Русанов получил свободу, а вместе с ней уведомление, что в течение пяти лет ему запрещено проживать в столичных и университетских городах. Пути к продолжению образования в России были отрезаны, и он решает вместе с женой уехать во Францию. В декабре 1903 года Русановы были зачислены в число студентов Сорбонны. Полуголодная, напряженная, но счастливая студенческая жизнь была омрачена большим горем: после рождения ребенка от заражения крови умирает Мария Петровна. К Русанову приезжает мать Любовь Дмитриевна, беззаветно любившая своего единственного сына.

В 1907 году Русанов приехал на лето в Россию и, добравшись на пароходе до Новой Земли, несколько недель изучал геологические породы по берегам Маточкина Шара. Спустя год пересек северный остров с востока на запад и с запада на восток, примерно в том районе, где С. А. Моисеев намеревался пробиться на восточную сторону Новой Земли. В 1909 году Русанов принял плавание вдоль западных берегов острова, от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства. С этого времени его нераз-

лучным спутником становится ненец Илья (Тыко) Вылка. Они вместе проплыли около 400 верст по Баренцеву морю на старой полусгнившей шлюпке. Это отважное путешествие продолжалось с 22 июля по 10 августа. Порой целыми сутками не выходили на берег, не пили чаю и не готовили обеда. Руки коченели от холода, негде было спастись от ледяных брызг волн. Не только нельзя было пристать к берегу, но приходилось держаться возможно мористее, чтобы не налететь на подводные камни, показывающиеся то здесь, то там из бурлящей воды. Затем наплыл туман. Непроницаемой пеленой он окутал берега Новой Земли. Лишь по грохоту прибоя Русанов угадывал местонахождение. Все дальше в море уводил он шлюпку, боясь, что если она попадет в прибой, то от нее останутся одни щепки.

Накануне утром 26 июля 1909 года они увидели цель своего путешествия — полуостров Адмиралтейства. Разыскав небольшой залив с пологими берегами, Русанов решил остановиться для привала. Он так устал за время перехода, что тут же уснул на голых камнях, не имея сил снять промокшую одежду.

Вернувшись в Крестовую губу, он предпринял переход через Новую Землю к Незнаемому заливу в целях поисков пути для перехода русских промышленников с западной стороны острова на восточную, где в изобилии водился морской зверь. Русановым были выполнены большие геологические исследования, открыты ископаемые ледники, исправлены некоторые неточности прежних карт западного побережья Новой Земли на участке от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства. Кроме того, им было выбрано место для русского промыслового становища в Крестовой губе. Итоги своих исследований Русанов обобщил в нескольких научных статьях, частью опубликованных в Архангельске, частью в Париже. И в России и во Франции они были высоко оценены учеными.

«Недавно,— писал Русанов матери 30 апреля 1910 года,— представил через профессора свою статью об ископаемых ледниках во Французскую академию наук. Она была напечатана и показалась так интересна, что репортер одного из самых больших французских журналов, „Иллюстрацион“, попросил у меня разрешения напечатать содержание и фотографии. Было напечатано в № 2 (апрельском)». Музей истории естественных наук в Париже представил Русанова к награде «Академическими пальмами».

Новоземельская экспедиция 1909 года с особой силой выявила «злосчастное положение наших северных морских богатств, которые открыто и беззастенчиво расхищались иностранцами».

Под нажимом буржуазии, заинтересованной в сохранении позиций русского капитализма на Севере, царское правительство 10 декабря 1909 года издало закон, по которому полоса территориальных вод России была увеличена с 3 миль до 12 (21 км) от линии наибольшего отлива. Вопрос о выработке решитель-

ных мер по пресечению иностранных промыслов на Новой Земле был рассмотрен советом министров. Главной задачей на 1910 год было признано «устранение возможности появления на Новой Земле иностранных поселений».

В 1910 году в Крестовой губе было заложено первое русское промысловое становище на Новой Земле. Одновременно было решено отправить экспедицию для дальнейшего изучения западного побережья северного острова от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы.

В апреле 1910 года Русанов получает деньги на приобретение инструментов, а в мае — предложение архангельских властей возглавить экспедицию. После выполнения официальной программы экспедиции Русанов планирует обойти на судне вокруг северного острова Новой Земли. Мысль о смерти не страшит Русанова. Не исключая возможности своей гибели, он обращается с просьбой к губернатору, чтобы тот воспитал сына Шурочку на казенный счет в гимназии.

Сдав экзамены, Русанов приезжает в Архангельск, где все хлопоты по организации экспедиции ложатся на его плечи. Вместе с ним в экспедицию отправляются студент-зоолог С. С. Иванов, штурман В. Е. Ремизов, который будет вести метеорологические наблюдения и определять астрономические пункты, препаратор С. С. Четыркин, участвовавший в экспедиции П. К. Козлова в Среднюю Азию, и горный инженер М. М. Кругловский.

Пяти тысяч рублей, отпущенных на экспедицию Главным управлением земледелия и землеустройства, едва хватает на приобретение снаряжения и припасов. Денег на аренду судна не остается. Экспедицию выручает купец Д. Н. Масленников. Он предоставляет в распоряжение экспедиции моторно-парусную яхту (куттер) «Дмитрий Солунский». Судно это, выстроенное близ Архангельска, в селе Мудьюге, и стоившее 35 тысяч рублей, имело водоизмещение 180 тонн и ход 6—7 узлов. Оно было снабжено дубовой обшивкой, увеличивавшей его прочность, а следовательно, и сопротивляемость льду. Мотор куттера работал на керосине и имел мощность 50 лошадиных сил. «Дмитрием Солунским» командовал опытный помор Г. И. Пospelов.

12 июля «Дмитрий Солунский» выбирает якорь и покидает Архангельск. Почти на сутки он задерживается в Удельном заводе, где берет груз бревен для строящегося промышленного Ольгинского поселка в Крестовой губе.

На следующий день в пять часов утра судно отчаливает от завода и вечером достигает устья Северной Двины. У самого горизонта едва заметно виднеется освещенная лучами заката стена леса. Впереди открытое море.

В горле Белого моря, на западном берегу лежит снег, и на его фоне виднеется четырехмачтовое грузовое полуразбитое судно, по-видимому, наскочившее во время тумана на камни. «Особенно отчетливо выделяются на светлом фоне неба его нос, высоко

приподнятый над водой, и наклонившиеся прямые высокие мачты; на одной, средней, мачте беспомощно треплется парус, словно разбитое крыло у раненой, умирающей птицы!» — отмечает Русанов в дневнике.

А вдруг и «Дмитрия Солунского» ждет подобная участь? Ведь ему предстоит плавание в неисследованных водах, вблизи незнакомых северных берегов Новой Земли, где весьма вероятно встреча со льдами.

20 июля в 3 часа утра с вахты дают знать, что видны гористые берега Новой Земли, на которых белеет нарастающий снег. Вечером «Дмитрий Солунский», не имевший возможности долго определиться из-за тумана, входит в пролив Маточкин Шар и бросает якорь напротив становища ненцев.

Обитатели поселка высыпают на улицу и салютуют экспедиции стрельбой из ружей. От берега отчаливает шлюпка, и спустя несколько минут на палубе появляется старый знакомый Русанова и его верный товарищ Илья Вылка, художник и топограф Новой Земли.

Владимир Александрович познакомился с ним в 1907 году, во время первой поездки на Новую Землю. Узнав, что Илья любит рисовать, он подарил ему бумагу и краски и обучил топографической съемке. Рисование и съемка почти не исследованных восточных берегов Новой Земли стали главным делом жизни этого замечательного ненца.

«Ежегодно подвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. А без собак в ледяной пустыне — то же, что без верблюда в Сахаре. Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой закоченевшие руки, Вылка чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой как сталь», — так писал Русанов о своем самоотверженном товарище, оказавшем ему неоценимые услуги в исследовании Новой Земли.

Вслед за Ильей Вылка на борт «Дмитрия Солунского» поднимаются жители становища Маточкин Шар. Среди них немало верных друзей Русанова, о которых он всегда говорил с глубокой признательностью.

Следующую остановку экспедиция делает в Крестовой губе, где Русанов посещает становище штабс-капитана Георгия Яковлевича Седова, обследующего этот район по заданию Гидрографического управления морского министерства. Так сходятся пути двух замечательных исследователей Арктики, впоследствии ре-

шившихся в один и тот же год на великие подвиги: один — достичь Северного полюса, другой — пройти на крохотном деревянном судне «Геркулес» Северным морским путем из Атлантического в Тихий океан.

Русанов сверяет свои хронометры с хронометрами Седова.

25 июля судно бросает якорь у полуострова Адмиралтейства, где в прошлом году закончились работы по исследованию и описанию западного побережья северного острова Новой Земли. Нынче предстоит продолжить эти работы дальше на север, до Архангельской губы.

Экспедиция долго задержалась в Крестовой губе, а еще раньше из-за противных ветров потеряла понапрасну много времени на переход до Маточкина Шара. Чтобы наверстать упущенное, Русанов решает поделить район обследования между своими спутниками. Капитану Поспелову, метеорологу Ремизову и зоологу Иванову он поручает заняться обследованием Архангельской губы. На долю горного инженера Кругловского и препаратора Четыркина достаются Панкратьевы острова. Сам Русанов намерен заняться описанием побережья от залива Норденшельда до Архангельской губы и, кроме того, совместно с Четыркиным и Кругловским осмотреть северный берег полуострова Адмиралтейства и Глазовой губы.

26—29 июля Русанов и его спутники занимаются опасными работами. Усталые, промокшие, они не вылезают из моторной лодки по 10—12 часов. К тому же мотор часто портится и мешает успешному ходу работ. В следующие два дня, несмотря на беспрестанный холодный дождь, Русанов обследует залив Норденшельда.

1 августа погода проясняется. Путешественники продолжают свой путь к Архангельской губе, где их ждет «Дмитрий Солунский». Идут на веслах, так как мотор не работает.

Вблизи устья Зеленой реки шлюпка встречает плавучие льды. Они видны всюду. При близком знакомстве оказывается, что это не морской лед. Все эти синие, зеленые, белые плавающие ледяные горы оторвались от соседнего ледника.

Льды задержали путешественников на два дня. Русанов не теряет времени понапрасну. Он обследует большой ледник, который называет именем известного полярного исследователя и гидрографа А. И. Вилькицкого.

Наконец после полудня 4 августа путешественники покидают Зеленую реку и выходят в открытый океан. На другой день вблизи острова Вильяма Русанов открывает бухту с удивительно красивым ледником. «Легким изгибом спускается он между гор и прозрачной голубой стеной висит над морем, — отмечает Русанов. — Время от времени ледяные утесы с шумом и брызгами падают в воды, и после каждого такого падения на ледяной отвесной стене появляется ярко-синяя свежая рана излома, а на воде — новая красивая ледяная гора».

6 августа плывут весь день и почти всю ночь. Путешественники коченеют от холода, особенно достается ногам. В довершение всего шлюпка налетает на льдину, но, к счастью, опасность миновала. На следующее утро достигают Архангельской губы. «Чудный солнечный день,— пишет Русанов в своем дневнике.— На солнце +19°, но в воде только +6°. Тем не менее все искупались. Чувствуется приятная свежесть после морского купания под 76° северной широты.

Южный берег Архангельской губы удивительно живописен. Море лениво шумит. Кругом громоздятся одна над другой, одна выше другой дикие, страшные скалы. Снизу они изъедены волнами, сверху расщеплены морозами. Большая круглая галька усыпает весь берег и хрустит под ногами... На скалах в каждой расщелине, на каждом выступе ютятся птицы: веселые быстрокрылые люрики, большие, вытянувшиеся стоймя гагарки. На горных вершинах неподвижно сидят белые совы. В воздухе с пронзительными криками кружатся чайки».

Солнечной благодатной погодой путешественникам приходится наслаждаться недолго. Ночью разыгрывается восточный ветер, который днем переходит в штормовой. Море с ревом и грохотом набрасывается на берег и уносит с собой котел готового горохового супа, оставив путешественников без горячего обеда. На следующий день Русанов встречает судно «Дмитрий Солунский».

Обследование Архангельской губы заканчивается официальной программой экспедиции. Она выполнена полностью. Но Русанов и его товарищи не помышляют о возвращении в Архангельск. Русанову очень хочется осмотреть Русскую гавань, но нельзя даже и думать подойти в такую бурю к скалистым неизвестным берегам.

Утром 15 августа «Дмитрий Солунский», подгоняемый сильным попутным ветром, достигает обрывистых и плоских, будто срезанных, Оранских островов. Попытка пристать между ними не приносит успеха: мешают сильное волнение, ветер и грозные подводные скалы, то здесь, то там появляющиеся среди волн. Судно уходит дальше от них и ложится в дрейф, чтобы провести гидрологические работы. Русанов берет пробы воды на различных горизонтах, от поверхности до дна, определяет ее состав и температуру.

Затем «Дмитрий Солунский» снова приблизился к северной оконечности Новой Земли и отдал якорь в одном из заливов. Русанов немедленно съехал на берег. К немалому изумлению он увидел два сложенных из камней знака, какие встречал во многих местах западного побережья Новой Земли. Камни покрылись мхом и растрескались от морозов и влаги. Один из знаков уже начал разваливаться, другой превосходно сохранился. Возможно, их поставил Савва Лошкин или другой смелый полярный мореход, имени которого не сохранила история открытия и познания Арктики.

В районе мыса Желания путешественникам удалось обнаружить реликтовое озеро с пресной от тающих ледников водой. От моря, заливом которого оно было несколько столетий назад, озеро отделено широким невысоким перешейком. На берегах его лежал плавник, широко распространенный на побережье острова. Были и другие признаки понижения уровня моря. На высоте 30 метров Русанов нашел морские валуны, лежавшие у подножия Зеленых скал. Морские раковины встречались на расстоянии 5—7 километров от берега, куда при современном уровне моря не мог забросить их самый жестокий шторм.

Ночью подняли якорь, и «Дмитрий Солунский» направился вдоль восточного берега северного острова к югу. В Ледяной гавани экспедиция сделала остановку. Русанов посетил зимовье голландцев. Затем он поднялся на холм. С высоты он убедился, что путь к югу преграждали льды, занимавшие все Карское море от берегов до горизонта. Русанов предложил обойти их с востока. Капитан Г. И. Пospelов отдал команду сниматься с якоря. Но пройдя 70 километров, «Дмитрий Солунский» вынужден был повернуть назад к мысу Желания, так как поднялся сильный ветер со снегом и туманом.

Днем снова заштормило. У Русанова появилась надежда, что сильный западный ветер отгонит льды от берега и откроет путь на юг. Он уговорил капитана Пospelова еще раз попытаться пройти Карским морем до Маточкина Шара.

21 августа из Ледовитого океана пришел лед. Ледяные поля и обломки синих, прозрачных айсбергов плыли с северо-запада, из-за мыса Желания. «Лед сплошным полукругом покрывает весь горизонт и постепенно надвигается на нас и, по-видимому, не оставляет нам никакого выхода»,— отмечал Русанов в своем дневнике. Он поднял всех на ноги. Команда и члены экспедиции дружно подняли якорь. Запустили мотор. Надо было спешить, чтобы выбраться из ледяного плена, иначе льды могли прижать судно к берегу и раздавить его.

По узкому, готовому всякую минуту сомкнуться каналу судно направилось к югу, держа курс на Маточкин Шар. Как ни опасно было идти Карским морем, Русанов предпочитал рисковать, чем отказать от осуществления намеченной цели.

Экспедиция занималась глазомерной съемкой очертаний северо-восточного побережья, измеряла по лагу протяженность ледников, впервые положенных на карту. Русанов, совершив несколько походов в глубь Новой Земли, пришел к убеждению, что северо-восточная часть острова покрыта одним ледником.

Следующие два дня подробно и поэтично описаны Русановым в дневнике (ныне он хранится в Ленинграде, в Музее Арктики и Антарктики): «22 августа „Дмитрий Солунский“ продолжает двигаться по каналу, образовавшемуся вдоль северо-восточного берега Новой Земли, благодаря тому, что стоявшими перед этим сильными западными ветрами немного отнесло от берегов лед.

Канал иногда суживается до такой степени, что льдины касаются берега; это особенно часто случается у мысов, далеко выдающихся в море. Иногда же канал становится так широк, что льдины едва виднеются на горизонте; в среднем ширина канала около 6—7 километров. Из-за береговых террас выглядят снеговые вершины.

За мысом Течения, там, где на карте берег обозначен пунктиром, начался огромный, растянувшийся на 50 километров ледник, вдоль которого „Дмитрий Солунский“ шел от 12 часов дня до 9 часов вечера.

В 150 верстах к югу от мыса Желания, на 75° 30' северной широты, характер льда изменился. Поверхность отдельных ледяных полей стала значительно большей, но толщина их сильно уменьшилась; по большей части они возвышались над водой лишь на несколько сантиметров, тогда как к северной оконечности Новой Земли лед поднимался над водой на высоту около одного метра в среднем. Такой лед должен сидеть на глубине около четырех-пяти метров, если не больше; но и на поверхности, и особенно на глубине лед очень неровный, сильно изрытый волнами и ударами льдин друг о друга. Местами между ледяными полями были рассеяны горы, достигавшие десятков метров в высоту и особенно в глубину. Все ледяные горы отламываются от ледников. Когда ледники погружаются в море, то с грохотом обрываются их ледяные утесы, и тогда разверзается глубокое море и на мгновение поглощает их. Широкие волны кругами несутся из клокочущей темной пучины. Каскады, фонтаны и струи воды бешено взлетают кверху. Белая водная пыль застилает небо и покрывает собою весь этот летящий, грохочущий хаос. Но когда книзу опустятся брызги и пена, то на воде появятся колеблющиеся новорожденные ледяные горы. Фантастически странные и бесконечно разнообразные по своим формам, они бывают то совсем белые, то зеленые, как бирюза, то прозрачные, ярко-синие, как лазурь.

На протяжении нескольких сотен верст, до самого Дальнего мыса, не было замечено ни одного залива, в котором можно было бы безопасно отстояться, если бы восточным ветром льды стало прижимать к берегу. Льда было так много, что невольно являлся вопрос: не заполнено ли им все Карское море?

23 августа судно идет по льду, который стал значительно гуще и состоит в большом количестве из нагроможденных друг на друга торосов старого льда.

На берегу виднеется в тумане спускающийся к морю ледник. Штиль. В 3 часа ночи пришлось остановить чуть ли не сплошные сутки проработавший мотор, так как он слишком нагрелся и один из цилиндров перестал работать. Туман. Судно беспомощно стоит среди осколков молодого прозрачного льда. Немного подалеже по обе стороны судна белеют огромные круглые ледяные поля. Такие же ледяные поля видны и спереди, и сзади, со всех сто-

рон. А вдали белый неподвижный лед сливается с серым и таким же неподвижным туманом.

Капитан уснул после двух бессонных суток, в течение которых он, кажется, ни на минуту не сомкнул глаз и все время оставался в бочке, привязанной к верхушке мачты, отыскивая дорогу между льдинами.

Так простояли до 6 часов утра, пока не охладился мотор и не проснулся капитан. Машина запыхтела. Заработал винт...

Судно из почти сплошного льда выбралось на воду с плавающими ледяными полями и торосами. В 4 часа дня миновали мыс без названия, за которым начался ледник. В 6 часов 30 минут ледник окончился, подошли к мысу Дальнему. Около 10 часов вечера солнце ушло за горизонт, и после чудного заката началась первая ночь с темным небом и звездами. Тихо. Господствуют мягкие светлые тона. Светло-сизые облака на краях позолочены сверкающими желтыми лучами заходящего солнца и золотой дорогой отражаются в светлом просторном море. Между белыми льдинами стаи тюленей высовывают свои круглые головы, высоко поднимаются над водой их черные туловища, с жадным любопытством глядят их черные глаза. И вдруг все звери сразу и в одно мгновение исчезают, оставляя за собой только дрожащие круги на зеркальной водной поверхности».

24 августа вблизи островов Пахтусова «Дмитрий Солунский» встретил неподвижный лед — припай. Путь к югу был отрезан. Судно легло в дрейф. Экспедиция занялась гидрологическими работами.

Тем временем западным ветром отжало лед от припая, появился узкий канал, и нужно было спешить проскользнуть к югу на чистую воду. Поставили все паруса, мотор работал на всю мощность. Судно развило наибольший ход. Мелкие льдины было некогда обходить. «Дмитрий Солунский» либо раскалывал, либо подминал их под себя, при этом судно вздрагивало, трещало, и, казалось, вот-вот разлетится его обшивка.

На чистой воде появился новый лед — шуга. За ночь он мог окрепнуть. И опять надо было спешить, пока не упущено время, в Маточкин Шар. Но, как назло, в полночь испортился мотор. С большими трудностями капитан Поспелов довел судно под парусами до залива Хромченко, где экспедиция сделала вынужденную остановку.

Пока механик и команда чинили мотор, Русанов с Ильей Вылка отправились в глубь острова. Они обнаружили, что полуостров Пять Пальцев неверно нанесен на карту и что в действительности вместо пролива Головинина существовал низкий перешеек.

Утром 26 августа мотор наконец был исправлен, и на другой день «Дмитрий Солунский» после длительного путешествия во льдах Карского моря достиг Маточкина Шара. «Я хотел, — отмечал Русанов в дневнике, — продолжать обход вокруг Новой Земли и выйти Карскими Воротами, но это оказалось невозмож-

ным, так как керосин у нас был совсем на исходе, а машинного масла давно не было, и мы его заменили растопленным звериным салом, от которого машина быстро нагревалась и останавливалась».

Экспедиция Русанова не только способствовала закреплению за Россией Новой Земли, но и обогатила науку. Кроме описания западного побережья северного острова Новой Земли, от полуострова Адмиралтейства до Архангельской губы, экспедиция частично обследовала северо-восточную оконечность Новой Земли и некоторые не посещенные ни одним путешественником прибрежные и глубинные районы острова. Было открыто несколько новых мелких островов, проливов, заливов и бухт. Отдельные из них уже ранее были положены на карту художником и топографом Новой Земли Ильей Вылка. Экспедицией была составлена новая, более точная и подробная карта северного острова.

Постоянно велись метеорологические наблюдения. Большое внимание было уделено геологическим исследованиям. Экспедиция собрала обширную палеонтологическую коллекцию, сделала многочисленные наблюдения над современным состоянием и движением ледников, обнаружила доказательства понижения морского уровня на северной оконечности Новой Земли. Ботаническую коллекцию составили водоросли и лишайники, мхи и цветковые растения. Ряд материалов имел ценность для зоологии и морской биологии.

Когда было свободное время и погода благоприятствовала, Русанов и его спутники вели гидрологические наблюдения в Баренцевом море, у Горбовых островов, в районе Оранских островов, в Карском море, к востоку от мыса Желания и вблизи островов Пахтусова. Воды этих областей были совершенно не изучены. Наблюдения велись над прозрачностью, цветом и температурой воды. Кроме того, брались пробы на соленость и измерялись глубины. Экспедицией было обнаружено присутствие в районе мыса Желания теплых атлантических вод; это подтвердило предположение Русанова, что Гольфстрим огибает Новую Землю с севера.

Особый научный и практический интерес представляли наблюдения за скоростью и направлением течений, условиями проходимости льдов и зависимостью распределения льдов и их дрейфа от морских течений и характера господствующих местных ветров.

Возвратившись из плавания вокруг северного острова Новой Земли, Русанов издал отдельной книгой «Материалы по исследованию новой Земли», где была опубликована и карта. При составлении книги Русанов обобщил топографические сведения, собранные им в течение последних четырех лет.

Картина гор и ледников на северном острове, нарисованная Русановым по сравнительно небольшому количеству фактических данных, касавшихся главным образом побережья, оказалась очень близкой и для внутренних частей Новой Земли. Очертания

показанного на карте сплошного ледяного покрова почти совпадают с современными, основанными на результатах деятельности многочисленных советских экспедиций. Кроме того, в статье «К топографии Новой Земли» Русановым было дано описание всех интересных в навигационном, промысловом и топографическом отношениях мест. Заметки Русанова цитировались в логиях на протяжении многих десятилетий и не утратили своего значения до нашего времени.

Опираясь на опыт плаваний Новоземельской экспедиции, в статье «К вопросу о Северном морском пути в Сибирь» Русанов с исключительной широтой и смелостью наметил пути изучения и освоения великой водной магистрали. На 25 лет вперед он предвосхитил идею ледово-гидрологических патрулей, организованных в середине 30-х годов Арктическим и Антарктическим институтом. Всего по материалам Новоземельской экспедиции 1910 года Русановым было написано более 10 научных работ, часть из которых увидела свет после его гибели.

Отчитавшись перед архангельскими властями о результатах своей экспедиции, Русанов снова уезжает в Париж, чтобы увидеться со своей невестой Жюльеттой Жан. «Иметь такую жену — счастье, которое не всегда и не всякому может выпасть на долю», — пишет Русанов родным. Он знаком с Жюльеттой четыре года. Она окончила естественный факультет Парижского университета и теперь готовится тезу по геологии на степень доктора.

И хотя Русанов рад предстоящим переменам в его жизни, он все же жертвует своим счастьем ради представившейся возможности опять заняться исследованием Новой Земли. Архангельские власти снова просят его возглавить экспедицию в Арктику. На этот раз ему предлагают обследовать в промысловом и географическом отношениях южное побережье Новой Земли, в частности Петуховский Шар и его окрестности. Но Русанов ставит перед собой задачу шире — обойти весь южный остров и, таким образом, закончить полное обследование всей Новой Земли. Этот обход представляется Русанову «делом более трудным, чем даже обход Новой Земли с севера, так как южная часть Карского моря почти постоянно наполнена плавучим льдом, часто прижатом к юго-восточным берегам Новой Земли».

8 июля 1911 года в Белушью губу, расположенную на южной оконечности Новой Земли, на буксире парохода «Королева Ольга» входит моторно-парусная лодка «Полярная», на которой Владимир Александрович намерен обойти южный остров. Лодка не велика. Ее водоизмещение составляет около 5 тонн, а мотор имеет мощность 5 лошадиных сил. Лодка так тесна, что на ней могут поместиться только члены экспедиции. Запасы погружены на парусный фансбот, который «Полярная» ведет за собой на буксире.

В состав экспедиции кроме начальника Русанова входят Э. П. Тизенгаузен и Илья Вылка, только что приехавший из Москвы, где он учился живописи и грамоте. Команда «Полярной»

состоит из двух матросов — Андрея Муханова и Александра Яшкова.

На экспедицию отпущены очень скудные средства (4000 рублей). Русанов даже не может позволить себе заказать для участников экспедиции новую верхнюю ненецкую одежду. Приходится довольствоваться старыми, вытертыми оленьими малицами и тюленьими пимами. Но нехватка денег не может остановить Русанова. Он намерен выполнить свою программу, даже если ради этого придется зазимовать на Новой Земле.

14 июля «Полярная» оставляет Белушью губу и направляется к югу. Первую остановку экспедиция делает на восточном берегу острова Междушарского и убеждается в полной неточности существующих карт, на которых линия этого берега показана прямой и простой, а в действительности она изрезана многочисленными заливами.

Утром следующего дня экспедиция поспешно трогается в путь. Ей предстоит выйти в открытое море и обогнуть Черный мыс, вблизи которого, судя по указаниям карты, существуют мели и подводные камни.

Ни Русанов, ни Вылка, ни их товарищи никогда не бывали у этих берегов. А карты не точны.

«Нелегко,— пишет Русанов,— было плыть у неизвестных и опасных берегов, у льдов и среди густого тумана. К тому же ветер несколько не ослабел, несмотря на туман, и когда мы вышли в открытое море, то нас начало сильно покачивать, волна была небольшая, но мелкая и очень неприятная, особенно для фансбота, буксируемого за кормой „Полярной“. Чрезмерно перегруженный фансбот так сильно дергало, что переднее кольцо, ввинченное в его нос, и передняя лавочка были в конце концов вырваны, и мы боялись, что нам придется совсем проститься с этой прекрасной лодкой».

Туманы и сильное волнение задерживают экспедицию на целую неделю в заливе Строганова. Эту невольную остановку Русанов использует для знакомства с юго-западными берегами Новой Земли. Он собирает небольшую коллекцию насекомых. Кроме того, Русанов находит старинный русский промысловый поселок, свидетельствующий, по его словам, о давнем владении русскими Новой Землей.

«На небольшом полуострове, оканчивающемся Черным мысом, образующим юго-западный конец Новой Земли,— пишет он в дневнике,— в безымянном, неизвестном заливе я был привлечен тремя высокими, темными, наклоненными столбами; оказалось, это были кресты.

Страшные новоземельские бури уже давно сорвали их поперечные брусья, обломали верхушки и, как голодные звери, со всех сторон изгрызли дерево.

А жаль — на этом дереве были надписи, вырезанные большими, глубокими славянскими буквами. Но теперь уже не разобрать

ни имен, ни чисел, ни лет. Бури и годы навсегда унесли с собою мрачную тайну этих надгробных крестов».

Как только ветер немного стихает, «Полярная» оставляет свое убежище, чтобы продолжить путь к Петуховскому Шару. Плывут вблизи лишенных удобных заливчиков и бухт неприветливых скалистых берегов. В том же направлении ветром несет лед. Ставят все паруса и запускают мотор, чтобы поскорее избавиться от такого неприятного спутника.

Взлетая на зеленовато-синих прозрачных волнах и монотонно стуча мотором, «Полярная» спешит на восток и день и ночь, пользуясь ее белыми сумерками.

В течение нескольких дней Русанов, Тизенгаузен и Вылка обследуют Черную губу. Покинув ее, экспедиция впервые в этом году встречается с тяжелым полярным льдом, полосы которого занимают все пространство между Черной губой и Петуховским Шаром.

«Лед,— пишет Русанов в дневнике,— в среднем возвышался на 1 метр над водой и казался сильно изрытым и разрушенным волнами; многие льдины были нагромождены друг на друга. Подводное основание каждой льдины занимало гораздо большую площадь, чем белая надводная поверхность. Край льда представлял не вертикальную линию свежего излома, а очень извилистую и длинную подводную линию продолжительного оттаивания и постепенного разрушения.

Двигаться среди такого льда было очень неудобно; нужно было вести судно с большим вниманием, а то легко было не заметить длинный подводный ледяной выступ и посадить на него судно».

«Полярная» с трудом лавирует между льдами. Если бы не штиль, они давно бы зажали моторку Русанова. Но благодаря полному безветрию экспедиция ночью 28 июля добирается до Петуховского Шара.

Отсюда «Полярная» переходит в залив Рейнеке, один из самых обширных на Новой Земле, о котором Илья Вылка сказал, что он велик, как море.

Экспедиция приступает к съемке и промеру глубин. «До нас,— пишет Русанов в дневнике,— никто не знал его истинной величины и очертания. Только вход этого залива был нанесен на карту, да и то неточно. Нанесение всего залива на карту значительно изменит конфигурацию южной оконечности острова и еще резче подчеркнет изрезанность береговой линии и простираение ее в северо-западном направлении».

На долю путешественников выпадает много неприятных неожиданностей, хлопот, приключений. То моторка садится на камни, и приходится терпеливо несколько часов ждать, чтобы прилив освободил их суденышко. То вдруг штормовой ветер настигает моторку у скалистых берегов, и экспедиция вынуждена несколько дней стоять на якорях под скалами, каждую минуту ожидая, что

цепи не выдержат и «Полярная» разобьется о прибрежные камни. То вдруг в самую критическую минуту перестает работать мотор, и приходится его весь разбирать. Причем однажды механик Александр Яшков так основательно загоняет поршень в цилиндр, что выбить его оттуда нет никакой возможности. Сначала для его извлечения используются стамески и ключи, затем геологические молотки и, наконец, полупудовая кувалда, которой, потратив всю ночь, виновник происшествия все-таки выбивает поршень. Утром пытаются пустить машину, но она отказывается работать. «Дело скверно, — отмечает Русанов в дневнике, — неужели из-за мотора мы не сможем продолжать наш путь, не увидим Карского моря, не обогнем Новую Землю с юга?»

Положим, официальная и обязательная часть программы выполнена. Не только снят и обследован Петуховский Шар, но и залив Рейнеке. Однако меня это мало утешает. Я хочу во что бы то ни стало выполнить собственную программу: обойти с юга Новую Землю, обследовать восточное побережье, куда еще не ступала нога ни одного натуралиста, и Карским морем пройти в Маточкин Шар.

Между тем маленькую «Полярную», застигнутую штормом у неприступных скалистых берегов, бьют расходящиеся волны. Ветер достигает 14 м в секунду, и если бы Русанов в Белушьей губе не захватил трехпудовый якорь и толстую якорную цепь, оставшиеся от разбитого судна, то море давным-давно выбросило бы «Полярную» на берег и члены экспедиции, вероятно, пытались обсушиться, развели бы огонь из ее обломков.

За время стоянки у скалистых берегов мотор общими усилиями приводят в исправность. 10 августа экспедиция направляется к Карскому морю. Плавание это ярко и живо описано в дневнике Русанова:

«При легком противном ветре, при ярком солнечном свете „Полярная“ бодро рассекала мелкие волны, подходя к Карским Воротам. Обрывистые берега южной оконечности Новой Земли в области Никольского Шара местами достигают 80—100 метров над уровнем моря, а местами спускаются очень низко и состоят частью из серых известняков, а частью окрашены в ярко-красный цвет. Погода прекрасная, легкая зыбь с востока. Солнце хотя и не особенно теплое, но ласковое. Нигде никаких признаков льда. В полдень прошли большой остров — Кусовую Землю, низменную, холмистую, с желто-зеленоватой поверхностью и обрывистыми темными сланцевыми берегами.

„Полярная“ пробирается у северных берегов Карских Ворот, обходит многочисленные острова и мелкие проливы, проходит узким проливом, называемым Железными Воротами, где над водой нависли крутые, высокие скалы, и вступает в Карское море.

Впереди к востоку расстиралось сверкающее ласковое, слегка волнующееся и совершенно свободное ото льдов Карское море. Льды остались позади, к западу, у Саханихи.

В 6 часов вечера „Полярная“ бросила якорь в Каменке, под крестом, поставленным Пахтусовым на месте его зимовки 1832—1833 годов. Этот большой восьмиконечный крест с обломившейся вершиной одиноко и сумрачно стоит на плоском низменном берегу над черным утесом. За крестом — развалины совсем сгнившей избы, в которой среди всяких лишений провел долгую полярную зиму этот замечательный исследователь Новой Земли со своими товарищами. Другой крест, поставленный над могилой спутников Пахтусова, уже повалился».

11 августа экспедиция пытается продолжать плавание, но встречный свежий ветер и большая волна вынуждают ее возвратиться в Каменку.

На следующий день при полном штиле «Полярная» выходит в открытое море. Мотор подозрительно тарахтит. Чем дальше, тем громче стук и оглушительнее выхлопы, которые затем переходят в отчаянный хрип. Мотор останавливается. Ставят паруса, но они безжизненно висят. Штиль. Только ночью потянул ветерок и надул паруса. Но надежда на них плохая: они сшиты на машинке и при достаточно сильном порыве ветра легко могут лопнуть по швам.

Пытаются зайти в речку Бутаковку, но она оказывается отделенной от моря косой. Запасы пресной воды иссякают. Никто не рассчитывал, что плавание будет столь продолжительным.

«Полярная» берет курс на север, к устью реки Саввиной, в надежде найти там убежище. Наконец, после долгих часов плавания, моторка подходит к ней под парусами. Однако путешественники замечают, как через всю ширину устья при каждом набеге волны поднимается водяной зловещий гребень. Русанову ничего не остается, как продолжать плавание к северу.

Поздно ночью Русанов со своими спутниками добирается наконец до залива Абрисимова.

В течение нескольких дней Русанов обследует его окрестности. То бродит среди фиолетовых сопок, которые изумительно красивой цепью тянутся в глубь острова, то находит ущелье с нависшими скалами. В нем звонко шумит и, разбиваясь о камни, искрится в лучах солнца маленький водопад, по краям которого зеленеют кусты мха. То наталкивается на выброшенный морем зеленый стеклянный шар — поплавок, употребляемый норвежскими рыбаками. Каким путем попал этот шар из Норвегии в Карское море? Только не через пролив Маточкин Шар, в котором господствуют лишь переменные приливо-отливные течения. И едва ли через Карские Ворота. Следовательно, его принесло течением, которое обходит Новую Землю с севера. Это новое доказательство его выводов, что у Карского берега Новой Земли течения направлены с севера на юг.

Вскоре Русанов пешком отправился к устью реки Саввиной. Здесь он делает ряд интересных наблюдений. У реки находит развалины старой промысловой избы, а вблизи нее — череп медведя и позвонок кита. Вскоре Владимир Александрович обнару-

живает следы временных ненецких становищ — кружки щебня, который обычно ненцы насыпают вокруг своих чумов. Попадаются обрывки оленьих шкур, изношенная одежда, палатки.

В заливе Абросимова экспедиция проводит 12 дней. Последние шесть суток льет непрерывный дождь, дует сильный северо-восточный ветер. Бездействие угнетает Русанова, и он решает продолжать плавание, однако попытка не увенчалась успехом: произошла авария фансбота, утонули оленьи рога, шкуры, сети и другие вещи.

Лишь 25 августа «Полярная» выходит из залива Абросимова и ночью достигает залива Литке. В совершенной темноте Илья Вылка уверенно ведет суденышко в глубь залива, хотя его начальник предлагает не приближаться к берегам и дожидаться рассвета в море. Вылка, ориентируясь по шуму прибоя, отыскивает тихую глубокую бухточку; в ней и укрывается «Полярная».

Когда Русанов обследовал окрестности залива Литке, снег под ним провалился в темный и глубокий грот. По дну его бежал родник, стены оказались отвесными, без единого выступа, и взобраться по ним вверх даже с помощью геологического молотка не было возможности. А наверху завывала выюга. Было очевидно, что к тому времени, когда товарищи отправятся на поиски своего командира, она совершенно занесет его следы.

Привыкнув к темноте, Русанов заметил, что грот имеет заметный наклон, и решил идти в ту сторону, в которую бежал ручей. В этом направлении было несколько светлее. Вскоре мрак немного рассеялся. Сделав несколько десятков шагов вперед, Русанов увидел дневной свет. Выход из грота преграждала ледяная стена с нависшими на ее карнизе сугробами. С помощью геологического молотка Русанов стал вырубать в ее стенке ступени. Поднимаясь все выше и выше, он добрался до ее края, затем пробил головой отверстие в снежном сугробе и наконец выбрался на свободу.

День за днем «Полярная» продвигается к северу. Экспедиция обследует заливы Губерта, Брандта и Клокова, описывает их берега, нивелирует морские террасы, обследует горы. Чувствуется приближение зимы. И днем и ночью идет густой мокрый снег, затрудняя описные и разведочные работы.

Наконец 8 сентября в восемь часов вечера «Полярная» отдает якорь у южного берега Маточкина Шара, вблизи остатков зимовья Федора Розмыслова. Таким образом, успешно осуществляется программа экспедиции, разработанная самим Русановым.

Экспедиция Русанова явилась важным вкладом в изучение Арктики, было собрано много ценных материалов по геологической истории и структуре Новой Земли. Его смелые выводы и гипотезы подтверждены современными геологическими изысканиями.

Спустя несколько месяцев после возвращения Русанова из плавания ему было предложено возглавить русскую экспедицию на Шпицберген. Ее главной задачей являлось открытие каменно-

угольных месторождений на Шпицбергене и проведение попутных наблюдений. Для экспедиции было приобретено в Норвегии судно «Геркулес».

Едва «Геркулес» 27 июня 1912 года вышел из Екатерининской гавани в открытое море, как задул попутный ветер. Небольшой корабль оделся белыми парусами и словно стрела помчался к далекому архипелагу. Спустя два дня он был у самой северной точки Европы — у мыса Нордкап. Отсюда он взял курс на северо-запад.

Через три дня капитан Кучин первым различил на горизонте окутанный туманом и облаками остров Медвежий. Проглянувшее солнце осветило плоские, словно срезанные вершины высоких гор. А «Геркулес», убранный парусами, между тем стремительно мчался на северо-запад. Несколько раз разыгрывался шторм. Казалось, что волны, словно песчинку, проглотят маленькое деревянное суденышко, но оно легко скользило с одного гребня на другой. Порой «Геркулес» сильно накренился, черпал бортом воду, но снова выпрямлялся и летел вперед, подобно белой чайке, которая то парила над мачтой корабля, то камнем падала в воду.

На шестой день плавания ветер стих. Кучин распорядился запустить мотор — и «Геркулес» не торопясь стал продвигаться в густом тумане. Утром 3 июля с судна заметили берега Шпицбергена.

«Чарующая необыкновенная картина расстилалась перед нашим взором, — писал Р. Л. Самойлович. — Все стояли на палубе как замороженные и только изредка раздавались восторженные лаконические восклицания. Высокие горы, остроконечные, скалистые вершины поднимались к небу, рассекающие течения облаков, подобно вуали, то открывали их резкие очертания, то придавали им сказочные формы. Между гор могучие ледники, сверкая на солнце белоснежной поверхностью, опускались широкими языками к морю в виде мощных, навек застывших рек. Подножие гор, опоясанное ледниками, сливалось с морем, и покрытые сверху облаками вершины их создавали впечатление, будто то обрывки земли чьей-то нечеловеческой рукой брошены высоко в воздушное пространство и тихо колеблются в нем между небом и океаном».

Русанов внимательно наблюдал, как «Геркулес» приближался к берегам далекого архипелага. Семь минувших дней плавания для него не прошли бесследно. На всем пути от Екатерининской гавани до Шпицбергена экспедиция вела гидрологические и метеорологические наблюдения. Кроме того, было разбросано несколько бутылок с записками: с их помощью ученый надеялся впоследствии собрать интересный материал о направлении течений в Баренцевом море.

Искусно обойдя мощные льды при входе в Бельзунд, «Геркулес» пришвартовался к леднику, и экспедиция приступила к исследованию северных берегов огромного залива. Здесь имелись шведские и английские заявки, которым вскоре истекала десяти-

летняя давность. Разработкой угля в северном Бельзунде никто не занимался. Англичане собирались только завозить рабочих, а шведы проводили рекогносцировочные обследования этого залива. Экспедиция Русанова во многих районах северного побережья Бельзунда обнаружила пласты каменного угля мощностью около метра, а в некоторых местах уголь выходил на дневную поверхность. В бухте Браганца экспедиция на свободных участках поставила заявки. Всего на берегах северного Бельзунда было остолблено десять участков.

Поручив своим спутникам продолжать исследование берегов Бельзунда, Русанов решил пешком пересечь остров Западный Шпицберген. Взяв себе в помощники двух матросов и запас провизии на четыре дня, он отправился к Стур-фиорду.

Переход был очень труден. Маленькому отряду приходилось пересекать огромные ледники, бурные реки, отдыхать на снегу и ночевать на льду.

Особенно тяжело было преодолевать ледниковые перевалы. Путешественники часами шли по глубокому, пропитанному водой снегу. О том, чтобы согреться чаем или горячим супом, нечего было и думать — нет дров. Кругом снег и ледники с их опасными трещинами и потоками ледяной воды.

Только через три дня исследователи вышли к Стур-фиорду, покрытому сплошным неподвижным льдом и недоступному для судов, и направились к северу вдоль западной его стороны. Шли вдоль обрывистых берегов, над которыми возвышались живописные горы. Передвигаться было не менее трудно и опасно, чем по ледникам с ручьями талой воды. Большую часть пути Русанов и его спутники преодолели ползком. Ежеминутно, ежечасно им угрожала опасность быть сбитыми с отвесной стены случайно сорвавшимся камнем. А камни срывались довольно часто и с грохотом катились вниз к морю. Однажды небольшой камень ударил Русанова в грудь так, что он с трудом удержался за скальный выступ. Спустя некоторое время едва не пострадал один из матросов, который счастливо уклонился от удара крупного каменного обломка.

Но опасностям подвергались не напрасно. На берегах Стур-фиорда Русанов открыл месторождения прекрасного каменного угля, залегавшего мощными пластами. В трех местах исследуемого побережья были поставлены заявки...

Обратно в Бельзунд возвращались новой дорогой. Она лежала севернее прежнего пути и пересекала ледник, в котором зияли многочисленные глубокие трещины. Многие из них были прикрыты снежными мостами, готовыми в любой момент рухнуть под тяжестью путника... Едва покинули восточное побережье Шпицбергена, как Владимир Александрович упал в трещину. К счастью, при падении он сумел задержаться на выступе затвердевшего снега и благодаря этому остался жив. Глубоко под ним синела ледяная пропасть, в которой бесследно исчезла слетевшая с его

головы шапка... Матросы бросили Русанову веревку, и он снова вскоре был на поверхности ледника, радуясь тому, что это неприятное приключение окончилось благополучно, если не считать глубоких порезов на пальцах рук, израненных об острые выступы льда.

«Еще никогда, — признавался путешественник, — я не видел так близко около себя смерть, как в этот раз».

Прошло шесть дней. Продовольствия, взятого на четыре дня, не хватило. Приходилось довольствоваться небольшой порцией сухарей и травой. Но вот все трудности остались позади. Русанов и его товарищи благополучно вернулись на судно. Экспедиция, вопреки ожиданиям чиновников министерства, несмотря на трудный в ледовом отношении год, уже в течение первых двух недель достигла значительных результатов.

Следовательно, можно будет заняться исследованием не изученных в гидрологическом отношении районов Северного Ледовитого океана и попытаться «возможно дальше проникнуть к востоку».

Утром 14 июля экспедиция покинула Бельзунд и направилась в Ис-фиорд, вход в который сторожит величественный мыс Старостина, названный так по имени знаменитого архангельского помора, в течение 34 лет посещавшего Шпицберген.

15 июля пришли в Зеленую Гавань (Гринхарбор). Здесь находилась радиотелеграфная станция, и Русанов послал в Петербург сообщение о первых результатах работ экспедиции. Во время двухдневной стоянки путешественники обследовали окрестные места. Они нашли развалившуюся русскую избу. Грустное впечатление производили полусгнившие, покрытые зеленым мхом бревна и обломки кирпичей, оставшихся от печки. Поблизости от развалин избы виднелось кладбище. В нем насчитали пятнадцать могил. Некоторые из них были разрыты зверями.

Сколько таких изб и кладбищ оставлено на далеком Груманте русскими мореходами, которые на протяжении многих столетий жили и охотились на его берегах! Многие из них за свою смелость заплатили жизнью. Их последний покой оберегала необычайно глубокая тишина севера.

«Геркулес» покинул Гринхарбор светлой ночью. Ранним утром 19 июля он отдал якорь в Коалсбее. Русанов один высадился на берег, а остальным членам экспедиции приказал идти в Адвентбей и ждать его. Неутомимому исследователю хотелось собрать новые сведения о геологическом строении архипелага. Во время этого похода он обнаружил выходы каменного угля и поставил несколько заявок.

Пройдя через горы, кое-где покрытые удивительно зелеными пятнами мхов и травы, Владимир Александрович спустился в Адвентбей.

22 июля Русанов вместе с горным инженером Р. Л. Самойловичем и матросом Раввиновым посетил восточный берег бухты и осмотрел копи английской угольной компании, заброшенные

пять лет назад. Затем они обследовали прибрежную гору. Карбакаясь по глыбам песчаника и обломкам скал, путешественники медленно поднимались по склону. Порой из-под ног обрывались огромные камни и с грохотом падали вниз, увлекая с собой десятки и сотни глыб. Среди мрачных каменных пород выделялись кустики ярко-оранжевых полярных цветов и зеленые оазисы мха. На высоте 500 метров над уровнем моря исследователи встретили «толстый пласт каменного угля, залегавшего в песчанике с отпечатками третичных растений».

Следующую остановку экспедиция сделала в Сконсбее, окруженном живописными горами. Путешественники снова занялись обследованием окрестностей. Осмотрели гору Ротундру, лишенную растительности. По ее темным скалистым склонам, разбиваясь о камни, неслись прозрачные талые воды. Недалеко от подножия этой горы они увидели заброшенные строения шведской станции, где весной 1873 года погибло 13 норвежских промышленников, приехавших на промысел морского зверя.

Спустившись к станции, исследователи нашли ее главное здание полуразвалившимся, без дверей и рам.

После непродолжительного отдыха странствователи покинули это унылое пристанище и через потоки талой воды побрели дальше. Вечером, находясь у мыса Тошен, решили повернуть назад к «Геркулесу». Продовольствие, которое они взяли с собой, было съедено до последней крошки. Усталые и голодные брели путники по берегу моря. И вдруг впереди на каменной россыпи они заметили два ящика, как оказалось, оставленных шведской экспедицией 1908 года. Открыв их, нашли консервы, сгущенное молоко, кофе, крупу и устроили великолепный пир. После роскошного обеда исследователи больше не замечали ни надоевших им ручьев талой воды, ни морозящего дождя и в тот же день добрались до судна.

25 июля «Геркулес» выбрал якорь и взял курс обратно на Коалсбей, где Русанов собирался осмотреть выходы каменного угля. Достигнув места назначения, Владимир Александрович вместе с Самойловичем, механиком Быковским, матросом Раввиновым отправился на моторной шлюпке в бухту Имер. С собою они взяли палатку и недельный запас провизии. Когда путешественники были уже далеко от «Геркулеса», в Ис-фиорде поднялось сильное волнение. В это время начал «шалить» мотор и после непродолжительного чиханья замолк. Быковский принялся спешно его исправлять, но мотор упрямо молчал.

Шлюпка развернулась вдоль волны, и ее стало заливать водой. Русанов и его спутники схватились за весла, поставили шлюпку в разрез волне и изо всех сил стали грести к видневшемуся впереди обрывистому берегу. С трудом разыскали небольшую бухту и высадились на ее низменный берег, в нескольких метрах от которого возвышались черные отвесные скалы. Не успели разбить палатку и приготовить обед, как заметили, что начался прилив.

К счастью, вода добралась только до входа в палатку. Оставленную на воде шлюпку подхватило приливной волной и стало бить о скалы. Пришлось снова отправиться в плавание. В Имерсбее участники экспедиции открыли месторождение каменного угля. Здесь же они обнаружили остатки русской избы, среди развалин которой валялись многочисленные бытовые вещи поморов.

31 июля Русанов со своими спутниками возвратился на судно. В этот же день экспедиция направилась к острову Земля Принца Карла. Как только «Геркулес» отдал якорь в удобной гавани, Русанов, Самойлович и Раввинов отправились в глубь острова. Товарищи уговаривали их повременить: черные тучи закрывали горизонт от края до края, солнце исчезло и очертания окрестностей терялись в спустившихся сумерках. Вот-вот должен был хлынуть холодный дождь.

Может быть, действительно, пока еще не поздно, вернуться на корабль и переждать непогоду? Кругом туман, трудно идти по рыхлому снегу ледника, когда даже вблизи ничего не видно. Матрос Раввинов вдруг исчез в трещине, но выбрался прежде, чем пришли к нему на помощь. Опасные ловушки поджидали путешественников на каждом шагу.

Не повернуть ли к «Геркулесу» и, вместо того чтобы дрогнуть под дождем, провести несколько часов в милом обществе Жюльетты Жан, которая всякий раз в тревоге и страхе ждет его возвращения? Но Русанов так же тверд, как и неумолим. Он не останавливаясь карабкается вверх по льду глетчера.

Вдруг раздался грохот, словно выстрелили из огромной пушки. С таким грохотом обычно образуются трещины в ледниках. Грохот не унимался. Едва замолкнув, он возник снова и сотрясал воздух новыми раскатами. Начинаясь изумительная по своей красоте и необычности северная гроза.

Только утром ливень перешел в мелкий морозящий дождик. Путешественники занялись геологическим обследованием острова Земли Принца Карла. 5 августа они вернулись на корабль и отправились в дальнейшее плавание. Высадившись в этот день в Английской гавани, Русанов с матросом Раввиновым снова направился через ледники и горы к Кингсбею, где его должен был ждать «Геркулес». Дорога оказалась удивительно интересной. Она проходила среди гор и долин, сложных известняками. Вода проделала в них ущелья, гроты и пещеры. Бурные светлые речки, звеневшие на камнях своими голубовато-зелеными струями, вдруг внезапно скрывались под землей и также внезапно появлялись на поверхности. Иногда встречались ручейки с кирпично-красной водой, получившей такую окраску от размытых красных известняков.

На южном берегу Кингсбея Русанов осмотрел угольные копи норвежской компании «Анкер».

После непродолжительного отдыха на «Геркулесе» он вместе с Жюльеттой Жан отправился на северный берег бухты, где вели

угольные разработки англичане. Владимир Александрович приехал как раз в тот момент, когда там гостили владельцы предприятия. По словам Р. Л. Самойловича, их несказанно поразило участие женщины в русской экспедиции. Они с нескрываемым любопытством рассматривали храбрую француженку, одетую в мужской костюм и несколько смутившуюся перед наведенными на нее несколькими объективами фотоаппаратов концессионеров.

В тот же день англичане нанесли ответный визит русской экспедиции. Проводив гостей, Русанов приказал идти в Крестовый залив (Кроссбей). На следующее утро «Геркулес» остановился вблизи изумительно красивого ледника, голубой лавиной, прорвавшейся между черными угрюмыми горами, спускался он к морю. В спокойную гладь бухты обрывались с грохотом и треском гигантские прозрачные глыбы. Подхваченные течением, медленно и величественно, эти немые стражи Севера плыли по сине-изумрудной прозрачной воде бухты, в которую смотрелось такое же прозрачное и синее полярное небо. Русанов со своими спутниками несколько дней посвятил обследованию окрестностей Кроссбея. Бродя с геологическим молотком по сложенным известняковыми сланцами горам, они собрали богатые геологические и палеонтологические коллекции. Недалеко от входа в бухту на отвесной черной скале находился птичий базар. Гомон птиц напоминал далекую Новую Землю, берега которой Русанов посещал пять лет подряд. Быть может, именно к ней он снова направит свой путь.

В эти дни, когда Русанов задумывается над дальнейшей неофициальной программой экспедиции, произошло первое печальное событие.

Отплывая на «Геркулесе» из Александровска, Владимир Александрович взял на корабль собаку Тампе. Скоро все привязались к ней. Участники экспедиции нередко брали ее в недалекие походы, и Тампе всегда возвращалась обратно. Когда стояли на Кроссбее, Самойлович, съезжая на берег вместе с несколькими матросами, захватил с собой собаку. Как только шлюпка причалила к берегу, Тампе бросилась прочь. Самойлович окликнул ее. Собака вернулась. Спустя некоторое время путешественники переехали в другое место. Еще не успела лодка причалить к берегу, как Тампе выпрыгнула из нее и стрелой помчалась вверх по склону горы. Вскоре она была на вершине. Оглянувшись назад, бросилась бежать вниз, но уже по другую сторону горы. Сколько ни звали, собака не возвращалась. Она навсегда покинула «Геркулес»...

Русанов был глубоко огорчен, когда ему сообщили об исчезновении собаки. Он предпринял попытку розыскать свою любимцу, но напрасно.

Ночью 6 августа «Геркулес» оставил Кроссбей. Судно направилось на запад для выполнения гидрологического разреза. Едва окончили работы, как спустился густой туман. Когда несколько прояснилось, оказалось, что судно окружено льдами. С большим

искусством капитан Кучин вывел маленький деревянный «Геркулес» на чистую воду. Экспедиция снова направилась в Ис-фиорд. Русанов хотел зайти в Гринхарбор, разыскать один из пароходов, следовавших в Европу, и отправить на нем в Россию трех членов своей экспедиции: зоолога Сватоша, чувствовавшего себя не особенно здоровым, боцмана Попова, страдавшего болезнью желудка, и горного инженера Самойловича, который не был нужен для дальнейших работ.

Прибыв в Гринхарбор, начальник экспедиции узнал, что на подходах к Шпицбергену находятся два парохода. Маленький «Геркулес» встретился с величественным океанским пароходом у кромки льда. Русанов договорился с капитаном одного из них, что тот возьмет на борт и доставит в Норвегию Самойловича, Сватоша и Попова.

Из письма, которое Русанов отправил в Петербург с уезжавшими на родину участниками экспедиции, видно, что он собирался на несколько дней задержаться у берегов Шпицбергена и обследовать Горнзунд, который до сих пор был забит густым льдом. Он надеялся, что ледовая обстановка улучшится и ему удастся проникнуть в интересовавший его залив.

Владимир Александрович предполагал около 15 августа окончательно покинуть берега архипелага и постараться «возможно дальше проникнуть к востоку». «Ждите вестей от экспедиции не раньше октября», — сообщал он в своем письме, посланном в Петербург.

20 августа в Министерстве внутренних дел была получена телеграмма:

«Исследования на Шпицбергене закончены, поставлено 28 заявок. Собраны палеонтологическая, зоологическая и ботаническая коллекции. Обследована вся горная промышленность Шпицбергена. Много льдов. Иду на восток.

Русанов»

Государственная Шпицбергенская экспедиция 1912 года завершилась блестящим успехом. За полтора месяца было обследовано более тысячи километров побережья Шпицбергена, составлена карта угольных месторождений, на которой обозначены места остолбленных экспедицией участков и поставленных заявок. Разведанные угольные месторождения располагались в Тундровой бухте, на северном берегу Колокольного залива (Бельзунда), севернее Китовой губы (Уолесбей), на восточном побережье Западного Шпицбергена и на пространстве между бухтой Прихода (Адвентбей) и Угольной бухтой. Их запасы оценивались более чем в 6 миллиардов пудов.

Русанов и Самойлович собрали богатую коллекцию горных пород и палеонтологическую коллекцию, которые были исследованы частью в России. Интересны были и зоологические сборы.

Экспедиция проявила большой интерес к океанографическим исследованиям, последние велись в продолжение всего плавания

в водах Шпицбергена. Систематически выбрасывали за борт бутылки с записками для наблюдений над течениями, брали пробы морской воды, измеряли ее температуру на различных горизонтах, добывали пробы грунта. Помимо этих попутных океанографических наблюдений, выполнили гидрологический разрез длиной в сто сорок километров. Метеорологические наблюдения велись на «Геркулесе» со дня его выхода из Александровска.

Таким образом, Шпицбергенская экспедиция 1912 года имела и научное, и практическое значение. В последующие годы были предприняты попытки приступить к организации русской горной промышленности на Шпицбергене. Однако начавшаяся вскоре первая мировая война помешала этим намерениям.

Что же касается Русанова, то он на «Геркулесе» отправился на восток и погиб вместе со своими спутниками и невестой Жюльеттой Жан либо во льдах Карского моря, либо в тундре Таймыра.

Блестяще выполнив обширную программу экспедиции, Русанов не захотел вернуться в Александровск-на-Мурмане.

Едва ли кто-либо из высших чиновных лиц, которым он писал о делах экспедиции, задумывался над его предупреждениями о возможности зимовки среди льдов Северного Ледовитого океана и над его словами, что им «руководит только одна мысль: сделать все возможное для величия Родины».

С 1909 по 1911 годы Владимир Александрович фактически руководил работами трех экспедиций и перед каждой кроме официальной программы выдвигал свою собственную. Имелась собственная программа у него и на 1912 год: пройти на «Геркулесе» Северным морским путем из Атлантического в Тихий океан. Однако он не сразу принял это роковое решение. В неопубликованных воспоминаниях Р. Л. Самойловича, хранящихся в Арктическом и Антарктическом институте, есть следующая запись:

«...Перед нашим прощанием я долго беседовал с В. А. Русановым для выяснения его дальнейших намерений. Цель его дальнейшего путешествия мне была не совсем ясна, и Владимир Александрович недостаточно четко рисовал ее передо мною. Одно время мне казалось, что он намеревается пойти к Земле Франца Иосифа, но затем мне уже показалось, что пойдет сначала к Новой Земле, а оттуда наметит свой путь в зависимости от обстоятельств».

Интересно сопоставить это свидетельство со статьей матери Русанова, опубликованной в газете «Архангельск». Она писала:

«Из письма ко мне архангельского капитана И. П. Ануфриева я знаю, на каких условиях сын мой приглашал его капитаном на свой „Геркулес“. От 3 марта 1912 года сын мой писал ему: обследовать одну только южную часть Шпицбергена, то и тогда экспедиция будет считаться удавшейся. Кратковременное посещение в самом конце экспедиции Земли Франца-Иосифа или южной части Новой Земли — отнюдь не обязательно и в программу

экспедиции не входит. Но почему не сделать больше, если будет возможно».

После того как Русанов отправил на родину трех членов экспедиции, «Геркулес» взял курс на южную оконечность Груманта. Владимир Александрович надеялся по пути осмотреть Горнзунд, исследование которого в начале июля помешал сплошной лед. Однако тяжелая обстановка у южных берегов Шпицбергена снова не позволила экспедиции высадиться в Горнзунде, и она направилась в Баренцево море. «Геркулес» держался кромки льдов, которая располагалась на параллели южной оконечности Шпицбергена, преграждая путь к его восточным берегам.

Русанов, вероятно, имел намерение, если позволит обстановка, произвести рекогносцировочное обследование Земли Франца-Иосифа, а затем, обойдя с севера Новую Землю, проникнуть в Карское море, и начать плавание на небольшом деревянном моторно-парусном суденышке Северным морским путем из Атлантического в Тихий океан.

Первый встретившийся после Шпицбергена клочок суши — остров Надежды — окружен льдом. «Геркулес» продолжал путь на восток, делая непродолжительные остановки для океанографических исследований, к которым, кроме начальника экспедиции, большой интерес проявлял капитан Кучин. О том, как располагались льды на дальнейшем пути «Геркулеса» по северу Баренцева моря, можно судить по датскому ледовому ежегоднику за август 1912 года. Эта бесценная и несколько пожелтевшая за пять десятилетий книга хранит сведения о всех судах, которые плавали во льдах арктических морей в начале XX века... Красная цепочка, означающая границу льдов, от юга Шпицбергена, бежит почти прямо на восток; только в районе Новой Земли она начинает подниматься к северу. На 55° восточной долготы красная цепочка пересекает 78-ю параллель. Это судно «Минерва» пыталось пробиться к Земле Франца-Иосифа, но встретило льды на 78°30' с. ш. Пройдя среди них около 20 километров и убедившись в тщетности своих усилий, судно повернуло обратно...

«Геркулес» также не достиг Земли Франца-Иосифа. Кроме льдов, окружавших архипелаг с юга, этому помешал шторм. Он разразился с ураганной силой, и маленький корабль был вынужден лечь в дрейф. Его снесло южнее Маточкина Шара... Любопытно отметить, что этот же шторм настиг полярную экспедицию Георгия Седова, которая в эти дни находилась на юге Баренцева моря.

Оказавшись у берегов южного острова Новой Земли, Русанов решил навестить своего преданного друга Илью Вылко и пригласить его в дальнейшее путешествие. Вскоре экспедиция была в становище Маточкин Шар. Однако Ильи Константиновича в незнакомом поселении не оказалось. Он находился в Архангельске по своим личным делам.

Покидая 18 (31) августа 1912 года Маточкин Шар, Русанов оставил телеграмму, которая спустя 35 дней была доставлена па-

роходом «Ольга» в Архангельск и вскоре облетела всю Россию. Она была адресована организаторам экспедиции и гласила:

«Юг Шпицбергена, остров Надежда. Окружены льдами, занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов».

Это была последняя весточка с «Геркулеса»...

В то время как горсточка моряков устремилась навстречу своей трагической судьбе, участники экспедиции, возвратившиеся на Родину, сообщили в печати о замечательных достижениях экспедиции и доставили отчет Русанова вместе с картой разведанных на Шпицбергене месторождений каменного угля.

Передовая общественность России проявляла глубокий интерес к исследованиям на Шпицбергене. Р. Л. Самойловича приглашали во многие города страны. И всякий раз свое выступление перед публикой он заканчивал следующими словами:

«Теперь, когда мы находимся в этой уютной, ярко освещенной зале, 11 отважных людей и среди них одна женщина ютятся в небольшой, ими самими выстроенной избе, занесенной сугробами снега, среди бесконечной ледяной пустыни.

Беспроглядная, шестимесечная полярная ночь окутала их, но вскоре уже на восточной стороне горизонта зардеется полоска далекого солнца. Солнечные лучи с каждым днем будут все ярче разгораться, будя воспоминания о далекой Родине и надежду на скорое возвращение. Пусть эти лучи скажут нашим соотечественникам, что их не забыли на Родине и ждут возвращения экспедиции с новыми ценнейшими сведениями о неисследованных полярных областях».

Но ни один из путешественников не вернулся.

Либо во льдах Карского моря, либо на побережье Таймыра, а возможно, среди скал и ледников Северной Земли погибли Владимир Русанов, его невеста, Жюльетта Жан, и их девять спутников. Так трагически закончилось последнее путешествие безмерно влюбленного в Арктику ученого-подвижника. Вместе с ним ушла из жизни его любовь, очаровательная студентка Сорбонны.

Всякий раз, когда возвращаюсь к финалу экспедиции на «Геркулесе», приходят на память слова Шекспира: «Нет повести печальнее на свете...» Пожалуй, воистину нет в истории Арктики повести более печальной и более романтико-героической, чем повесть об этом полярном путешествии.

Последнее звено летописной тайны

Итак, возможно, что в конце лета или начале осени 1913 года экспедиция Владимира Александровича Русанова на судне «Геркулес» открыла берега исполинского архипелага к северу от мыса Челюскина. Но это только предположение, притом основанное на очень небольшом числе природных факторов. Нет ни документов, и свидетелей, ни памятных знаков. Однако предположение высказать можно, как можно предположить, что, открыв архипелаг, Русанов назвал его в честь невесты Жюльетты Жан, делившей с ним тяготы полярного путешествия. Проникнуть в тайну последних недель этой трагической экспедиции заманчиво... Но сейчас речь пойдет о трудах огромного отряда русских моряков. Именно на их долю выпала честь найти последнее звено каменного «пояса», который, по древним представлениям протянулся к северу мимо устьев рек Енисея, Пясины, Таймыра, Лены, Индигирки, Колымы. И так до Нового Света, впоследствии названного Америкой. Именно они поставили последнюю точку в летописной легенде, в которой чудодейственным образом переплелись правда и вымысел, действительные открытия и предания, пережившие удивительные превращения за многие столетия.

Однако вернемся к морякам. В 1908 году, когда Русанов во второй раз странствовал по Новой Земле, в Петербурге на Невском судостроительном заводе были заложены два ледокола: «Таймыр» и «Вайгач». Через год постройка судов была завершена. Первоначально предполагалось, что Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана будет вести широкие научные исследования от Югорского Шара по направлению к Берингову проливу. Затем исходной базой был определен Владивосток, куда, выйдя 27 октября 1909 года из Петербурга, суда благополучно прибыли в середине июля 1910 года. В ту же навигацию корабли направились на север, посетив по пути Петропавловск-Камчатский и бухту Провидения. Достигнув берегов Чукотки, они возвратились во Владивосток.

На следующий год корабли вышли на просторы Северного Ледовитого океана и достигли устья Колымы. Они обследовали Чукотское море и описали остров Врангеля, северные берега которого оставались не исследованными. 15 октября 1911 года «Таймыр» и «Вайгач» возвратились во Владивосток.

Работы в Северном Ледовитом океане продолжались. В навигацию 1912 года удалось детально описать Медвежий и Новосибирские острова и значительную часть побережья Северо-Востока России между Беринговым проливом и рекой Леной. В пустынной бухте Тикси моряки увидели оставленную в 1902 году без присмотра яхту «Заря», экипаж которой бросил на произвол судьбы Эдуарда Толля и его трех отважных спутников. В эту навигацию

суда достигли острова Таймыр, откуда из-за позднего времени повернули на восток...

Наступил самый ответственный, кульминационный период деятельности экспедиции. Ей предстояло миновать мыс Челюскин и выйти на просторы Карского моря. Между тем в руководстве экспедиции произошли изменения. Тяжело заболел начальник экспедиции полковник корпуса флотских штурманов И. С. Сергеев. Вместо него был назначен Борис Андреевич Вилькицкий, сын прежнего начальника Гидрографического управления Андрея Ипполитовича Вилькицкого, посвятившего свою жизнь исследованию полярных морей и развитию науки в Русском флоте. Именно его сыну, человеку необыкновенно одаренному и смелому, предстояло совершить самое великое географическое открытие первой половины XX века.

7 июля 1913 года корабли в четвертый раз покинули Владивосток. Плавание совершали раздельно. Между капитанами было условлено, что корабли встретятся у острова Преображения. Войдя в воды Новосибирского моря, Б. А. Вилькицкий направил «Таймыр» к Новой Сибири. Решено было обследовать акваторию моря с северо-востока от острова, где грезилась земля Геденштрому, Санникову, Толлю. Таймыр двигался на север восточнее Новой Сибири. Одну за другой преодолевали судно полосы мелкобитого льда. Глубины уменьшались. С трудом корабль выбрался из района обширного мелководья.

Ранним утром 20 августа вахтенный офицер А. Н. Жохов увидел впереди очертания неизвестной высокой и обрывистой земли. «...Не прошло и трех минут,— пишет участник экспедиции доктор Л. М. Старокадомский,— как весь экипаж был на ногах. Из кают и кубрика, одеваясь на ходу, выскакивали на палубу офицеры и матросы, чтобы собственными глазами убедиться в существовании обнаруженного Жоховым острова.

— Это, должно быть, стамуха,— говорили многие.

В самом деле, откуда взяться здесь острову? Острова Генриетты и Жаннетты очень далеко, а других в этом районе нет. По крайней мере, до сих пор о них ничего не было известно... «Таймыр» направился к острову. Все сомнения тут же быстро рассеялись: перед нами лежал настоящий, дотоле неизвестный остров. Мы ясно видели высокие темно-серые и коричневые скалистые берега с плоской вершиной. По слегка покатою площадке на вершине прогуливался большой белый медведь, который вскоре скрылся из виду.

Когда «Таймыр» подошел к острову еще ближе, на узкой прибрежной полосе, окаймлявшей утесы, мы увидели стадо моржей числом более сотни. Неподалеку от них сидел белый медведь. В воздухе тучами носились водяные птицы — кайры, красноногие чистики и чайки».

Остров был сложен базальтами и имел высоту около 60 метров. Описав его, экспедиция направилась в район к северу от острова Котельного на поиски загадочной Земли Санникова. И никому,

кажется, не пришло в голову, что новооткрытый остров, получивший имя выдающегося русского гидрографа А. И. Вилькицкого, и есть, может быть, та самая далекая «земля», которую одновременно видели Санников и Геденштром в северо-восточном направлении от мыса Каменного на острове Новая Сибирь. Затем «Таймыр» отправился на запад и благополучно достиг острова Преображения, где путешественники обнаружили православный чугунный крест. По мнению исследователей, он, по-видимому, был оставлен одной из партий русских промышленников, еще в XVI—XVII веках «неоднократно посещавших» восточные берега полуострова Таймыр.

Обследовав группу островов в юго-западном районе моря Лаптевых, суда экспедиции направились к мысу Челюскина. Однако у заветной, самой северной точки Евразии широкой полосой держался невзломанный лед. «Таймыр» и «Вайгач» направились вдоль кромки льда. 20 августа усмотрели полосу земли, которая выдавалась глубоко на север. Это был низменный берег еще никому неизвестного острова, который моряки называли Малым Таймыром. Вокруг него плавало очень большое количество обломков айсбергов. Одни моряки недоумевали, откуда они могли взяться, другие убежденно доказывали, что айсберги занесены течением от Земли Франца-Иосифа.

Между тем суда, держась кромки льда, продолжали плавание на север.

«На рассвете 21 августа,— писал доктор Старокадомский,— впереди и несколько направо от курса „Таймыра“ был замечен высокий гористой силуэт неизвестного обширного острова. Ледоколы направились к нему. На берегу возвышались округленные горы высотой около 500 метров, круто спускавшиеся к морю... Береговая линия иногда прерывалась полосами сплошного ровного льда, запорошенного снегом. В одном месте полоса льда, разделявшая берег, уходила в глубь острова, за пределы видимости, и нельзя было определить, залив это или пролив». Лишь много лет спустя выяснилось, что это был пролив между двумя большими островами...

В день 22 августа путешественники высадились на самой обширной части каменного полярного пояса, который они называли материком, и подняли государственный флаг России.

Газета Кронштадтский вестник (1913, № 221) поместила корреспонденцию «Открытие нового материка». В ней отмечалось: «Из донесений капитана Вилькицкого не видно, открыл ли он сплошной материк или группу островов. В своем донесении он говорит о Землях. Новооткрытые земли тянутся на 200 миль вплоть до 81° с. ш.».

Автор статьи подсчитал, что вновь открытый материк от Азии отделяет водное пространство всего в 50 миль, или 100 верст. Открытая Земля, которую затем называли землей Николая II, фактически являлась обширным арктическим архипелагом. Она состоя-

ла из четырех обширных и множества мелких островов. Многие экспедиции проходили здесь: Челюскин, Харитон Лаптев, их сподвижники, потом здесь прошли на судах Норденшельд на «Веге», Нансен на «Фраме» и Эдуард Толль на яхте «Заря»... И ни один из путешественников не увидел исполинской каменной земли. Но ее, по-видимому, видели промышленники, которые вели промыслы морского зверя и рыбы на северном Таймыре. Вспомним показания Михаила Стадухина о каменном поясе, протянувшемся через море от Новой Земли до Нового Света... Между тем Б. А. Вилькицкий предпринял попытку пробиться через неизломанный лед пролива, который ныне справедливо носит его имя. Но потерпел неудачу.

13 сентября экспедиция покинула Землю Николая II и направилась в тот район океана, где Эдуард Толль видел загадочные базальтовые скалы. Они должны были находиться, по утверждению Санникова, к северо-западу, а по словам Толля — к северу от острова Котельного.

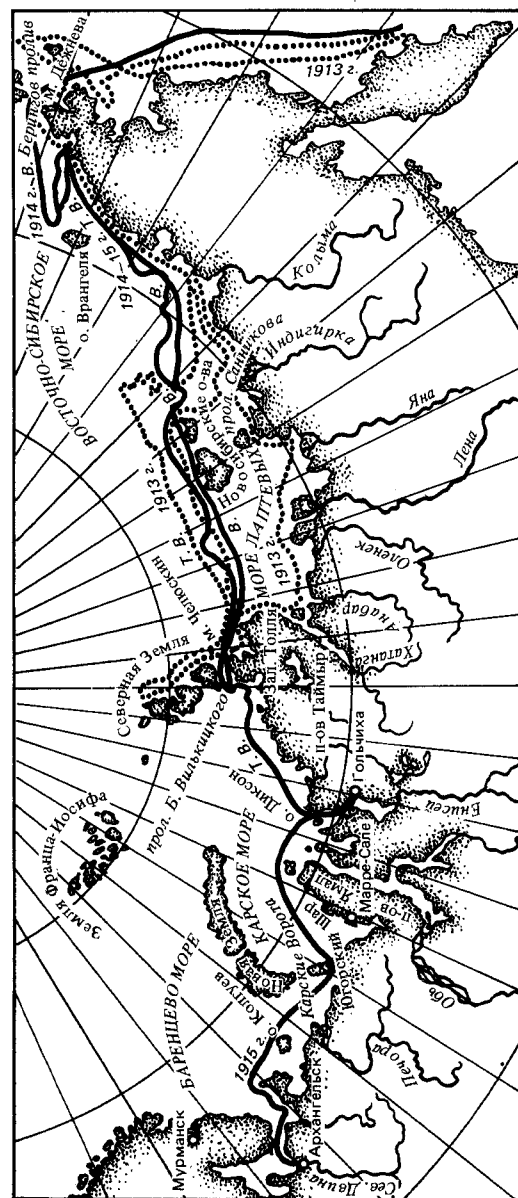
С напряженным вниманием следили моряки за горизонтом, когда проходили через район предполагаемого местонахождения загадочной суши. Видимость была великолепная, воздух прозрачный. Не было ни дымки, ни тумана, но никто не заметил признаков земли, а измерения глубин показывали, что вряд ли в этом районе можно встретить неизвестный остров.

В 1913 году ледокольный транспорт «Таймыр» посетил последнюю пристань Э. В. Толля — остров Беннетта. Русские моряки разыскивали коллекции неугомимого путешественника. Образцы горных пород пролежали в ящиках под открытым небом более десяти лет. Этикетки вместе с бумагой, в которую были они завернуты, превратились в жалкие лоскутки. Коллекцию горных пород доставили на борт «Таймыра», а на острове поставили высокий знак в виде креста в память Толля, Зееберга, Горохова и Протодяконова, стремившихся первыми ступить на Землю Санникова и трагически погибших среди ледяных просторов Арктики.

Только 12 ноября 1913 года «Таймыр» и «Вайгач», изрядно потрепанные льдами, возвратились во Владивосток. Весь мир вскоре облетела телеграфная весть от открытия материка («Земли Николая II») и многих мелких островов. Заслуги Б. А. Вилькицкого были отмечены многочисленными наградами. В том числе Парижское географическое общество присудило ему золотую медаль.

В следующую навигацию «Таймыр» и «Вайгач» благополучно миновали льды Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Суда вновь по пути занимались поисками загадочных земель. И действительно открыли остров и назвали его именем вахтенного лейтенанта А. Н. Жохова. Других обломков знаменитого каменного пояса обнаружено не было.

3 сентября 1914 года ледоколы встретились у мыса Челюскина и приступили к описи южного берега Земли Николая II. Пробиться

Исследования Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач» в 1913—1915 годах

к западным ее берегам не позволил лед. Лед был так сплочен и силен, что через два дня пленил ледоколы. Суда были вынуждены остаться на зимовку.

В это время с мачты «Таймыра» было усмотрено «очертание судна, лежащего боком на льдине. Решили, что это «Геркулес», на котором отправилась экспедиция Владимира Александровича Русанова. Но каково же было изумление, когда возвратившиеся сообщили, что это просто льдина, имеющая форму судна».

Зимовка прошла в тяжелых условиях, но без значительных потерь в людях. 7 июля 1915 года суда вырвались из ледяных тисков. Вскоре благополучно достигли острова Диксон. Дальше путь кораблей лежал на запад по чистой воде.

3 сентября 1915 года Архангельск торжественно встречал ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», впервые совершившие сквозное плавание Северным морским путем с востока на запад.

Это было великое событие в истории Арктики, в познание которой экспедиция Б. А. Вилькицкого внесла эпохальный вклад. Она выполнила необычайно широкий круг исследований в области океанографии, гидрографии, метеорологии, геологии, земного магнетизма, ледовых и других природных явлений. И самое главное — был открыт «материк» Николая II, вскоре переименованный в Северную Землю. Кстати, это название родилось раньше открытия архипелага, по крайней мере на несколько сот лет. Вспомним, что еще в середине XVII века древний «остров камня», лежавший против Енисейского, Ленского и Колымского устьев, представлялся как один огромный остров. Жизнь внесла уточнение в древние представления. Там, где летописцам грезились единый остров камней, путешественники открыли сотни островов. В том числе остров Врангеля, Новосибирские и, наконец, Северную Землю, самый обширный архипелаг на Северном морском пути. Открытием Северной Земли завершается дореволюционная эпоха звездных мгновений Арктики.

И вновь подтверждаются старые истины, что летописные строки хранят много тайн, и что эти тайны рано или поздно разгадываются учеными. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту Арктики...

Ноябрь 1953 — сентябрь 1989

Список литературы

- Алексеев А. И. Береговая черта. — Магаданское кн. изд-во. 1987. 240 с.
- Альбанов В. И. На юг, к Земле Франца-Иосифа. Красноярское книжное издательство, 1989. 224 с.
- Атлас географических открытий и исследований в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. / Сост. А. В. Ефимов и М. И. Белов. М.: Наука, 1964. 302 с.
- Белов А. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.
- Визе В. Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследований. М. — Л.: Главсевморпуть, 1948. 614 с.
- Вилькицкий Б. А. Последнее плавание и открытие экспедиции Ледовитого океана // Армия и флот, 19146, № 10. С. 19—29.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля. СПб, 1841. Ч. I. 506 с. Ч. II. 562 с.
- Геденштром М. М. Путешествие по Ледовитому морю и островам оною, лежащим от устья Лены к Востоку // Сибирск. вестн. 1822. Ч. 17. С. 67—102, Ч. 18. С. 118—168. Ч. 19. С. 172—204.
- Гильсен К. К. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» // Отечественные записки, 1849. № 9 и 10. Т. 66. С. 112—168. Т. 67. С. 169—196.
- Дивин В. Н. Русские мореплавание на Тихом океане в XVIII веке. М.: Географиз, 1971. 342 с.
- Евгенов Н. И., Купецкий В. Н. Русский полярный исследователь Б. А. Вилькицкий // Летопись Севера. 1964. Т. 4. С. 223—227.
- Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географиз, 1954. 512 с.
- Кашеваров А. Ф. Обзорение берегов Северной Америки от мыса Баррова, совершенное Русскою экспедициею в 1838 году // Сын отечества, 1840. Т. 1. С. 43—88.
- Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1829, 1821 и 1822 гг. М.: Географиз, 1950. 376 с.
- Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М.: Мысль, 1971. 570 с.
- Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» // СПб, 1828. Ч. I. 382 с. Ч. II. 404 с.
- Мавродин В. В. Русские полярные мореходы с древнейших времен по XVI век. Лениздат, 1955. 162 с.
- Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. I. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении // СПб, 1860. 682 с.
- Одинцов В. А., Стариков В. Ф. Некоторые проблемы арктического мореплавания и походы русских на архипелаг Шпицберген // Летопись Севера. М., 1985. Вып. 11. С. 154—160.
- Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии: Сб. документов / Сост. Н. С. Орлова; под ред. А. В. Ефилова. М., 1951. 540 с.
- Пахтусов П. К., Моисеев С. А. Дневные записки. М.: Географиз, 1956. 244 с.
- Письма графа Н. П. Румянцева к П. И. Рикорду // Русский вестник, 1846. С. 148—162.
- Рейнке М. Ф. Определение берегов и промер глубин Белого моря, произведенные в 1827—1833 гг. / Зап. Гидрогр. депо. Ч. II, СПб., 1836. 280 с. Ч. V. СПб., 1837. С. 3—162.
- Русанов В. А. Статьи, лекции, письма. Л.: Главсевморпуть, 1945. 810 с.
- Толль Э. В. Плавание на яхте «Заря». М.: Географиз, 1959. 322 с.

Оглавление

Предисловие	3
Цветы музе Клио (от автора)	6
Часть I. Звездные мгновения Арктики	9
Загадки летописных строк	9
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам	16
Тропинки тайн неперечтенных строк (Открытия и подвиги Михаила Стадухина)	23
Звездный час Федота Алексеева и Семена Дежнева	36
«Еще не весь развернут список»	40
Черты небывалого замысла	53
«Черный ветер ледяных равнин»	59
Тайна одной карты	86
Открытия и заблуждения Гавриила Сарычева	123
Часть II. «Тайна у входа легла»	163
«Бумаги запечатать»	163
В поисках неведомых земель	174
В погоне за тайной века	190
Ошибка Джеймса Бурнея	221
Советы капитан-командора	225
Звездный путь Фаддея Беллинсгаузена	229
Против тысячи препятствий...	237
Земля-призрак	256
Когда переменится ветер	268
Последняя попытка	282
Находки, которые открывают тайны	296
Часть III. Очарованные Арктикой	310
О чем шептались полярные маки	310
Плавания Федора Литке	322
Человек, открывший восточные берега Новой Земли	335
Алмазный блеск невидимой звезды	364
Восемнадцать дней в сугробе	395
В погоне за призраком	409
«Сердца подвиг благородный»	431
Последнее звено летописной тайны	457
Список литературы	463